А.С. МАКАРЕНКО

ШКОЛА ЖИЗНИ, ТРУДА, ВОСПИТАНИЯ

Учебная книга
по истории, теории
и практике воспитания

Часть 4

1935-1936 гг.

Нижний Новгород
2010

Министерство образования и науки РФ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Нижегородский государственный педагогический университет
Исследовательская лаборатория НГПУ «Педагогика А.С. Макаренко»

А.С. МАКАРЕНКО

ШКОЛА ЖИЗНИ, ТРУДА, ВОСПИТАНИЯ

Учебная книга
по истории, теории
и практике воспитания

Часть 4

Деловые и личные письма, «Педагогическая
поэма», «Методика организации воспитательного
процесса», статьи, выступления,
подготовительные материалы
1935–1936 гг.

Нижний Новгород
2010

УДК 371
ББК 74.03(02)
М 15

Макаренко А.С.

М 15 Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 4. Деловые и личные письма, «Педагогическая поэма», «Методика организации воспитательного процесса», статьи, выступления, подготовительные материалы 1935–1936 гг. / А.С. Макаренко; сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. – Н.Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2010. – с.

ISBN

Издание содержит авторские материалы А.С. Макаренко 1935–1936 гг., в хронологической последовательности раскрывающие окончание его творческой деятельности в трудовой коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, работу в Отделе трудовых колоний НКВД УССР, развитие его социально-педагогических взглядов, литературно-художественного творчества и качеств личности в этот период. Вступительная статья о методологии его педагогики (подготовительные материалы) и обширные комментарии отражают многие новые документы, результаты проведенных в последние десятиления макаренковедческих отечественных и зарубежных исследований.

Включает учебно-методический материал, позволяющий с учетом историко-педагогического опыта по-новому ставить и решать современные проблемы воспитания детей и молодежи. Дан именной указатель лиц, причастных к деятельности А.С. Макаренко в 1935–1936 гг.

Для специалистов в области педагогики, образования и культуры, социальной психологии и социологии, художественной литературы.

УДК 371
ББК 74.03(02)

ISBN

© Нижегородский государственный педагогический университет, 2010
© Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., 2010

Содержание

От составителей .....

Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии (подготовительные материалы).....

О содержании издания.....

«Евгений Онегин»: коммунарская феерия в одном акте, с музыкой, танцами и повышением производительности труда
Редакция альманаха «Год XVIII», телеграмма
Письмо А.М. Горькому, 26 января 1935 г.
Письмо П.П. Крючкову, 27 января 1935 г.
Письмо А.М. Горькому, сер. – конец февраля 1935 г.
Письмо Н.В. Петрову, 27 февраля 1935 г.
Письмо К.С. Кононенко, кон. февр. – нач. марта 1935 г.
Из письма К.С. Кононенко, нач. марта 1935 г.
Из письма К.С. Кононенко, начало марта 1935 г.
Письмо коммунарке Е. Невечере
Запись при чтении рассказов А.П. Чехова
Письмо Л.М. Салько, 2 апреля 1935 г.
Дарственная надпись, К.С. Кононенко, на украинском отдельном издании первой части «Педагогической поэмы»
Дарственная надпись, Е.С. Магуре, на украинском издании первой части «Педагогической поэмы»
Письмо Е.М. Коростылёвой, 13 мая 1935 г.
Послужной список
Письмо Л.М. Салько, 27 мая 1935 г.
Финансовый отчёт начальника педагогической части коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (в описании)
Телеграмма Е.М. Коростылевой
Рапорт начальнику отдела трудовых колоний НКВД УССР
Письмо К.С. Кононенко, 26 августа 1935 г.
Из письма А.С. Макаренко Л.М. Салько, 20 сентября 1935 г.
Портретные зарисовки
Письмо А.М. Горькому, 28 сентября 1935 г.
Письмо Е.М. Коростылёвой [28 сентября 1935 г.]
Из письма К.С. Кононенко, сентябрь–октябрь 1935 г.
Письмо К.С. Кононенко, 3 октября 1935 г.
Педагогическая поэма. Часть третья (фрагменты)
Из фрагментов Части третьей, имеющихся в авторской рукописи
Некоторые соображения о школе и наших детях
Письмо П.П. Крючкову, сер. октября 1935 г.
Письмо К. и Е. Кононенко, 22 октября 1935 г.
Творческий отчёт на встрече в клубе НКВД УССР
Начальнику отдела трудовых колоний НКВД УССР
Письмо Е.М. Коростылёвой, 16 ноября 1935 г.
Анкета специального назначения работника НКВД
Письмо Л.М. Салько, 22 ноября 1935 г.
Письмо К.С. Кононенко, 24 ноября 1935 г.

Письмо Е.М. Коростылёвой, 26 ноября 1935 г.
Письмо Е.М. Коростылёвой, 3 декабря 1935 г.
Письмо Л.М. Салько, 6 декабря 1935г.
Письмо Е.М. Коростылёвой, 10 декабря 1935 г.
Письмо С.А. Калабалину, 30 декабря 1935 г.
Совнарком УССР. Тов. Шелехесу. Объяснительная записка к проекту «крупной» колонии для беспризорных детей в виде «хозяйственно-производственного треста»
Методика организации воспитательного процесса (фрагменты)
Письмо Е.М. Коростылёвой, 11 января 1936 г.
Из письма К.С. Кононенко, 11 января 1936 г.
Из письма А.О. Броневому, 29 января, из Москвы
Из письма К.С. Кононенко, январь 1936 г.
Выступление в Высшем коммунистическом институте просвещения
Письмо Л.М. Салько, 20 февраля 1936 г.
Письмо К.С. Кононенко, февраль 1936 г.
Крепче драться за дисциплину
Заключительное слово на совете командиров коммуны НКВД УССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1 марта 1936 г., *(запись)*
Письмо В.Г. Зайцеву, 14 марта 1936 г.
Письмо Е.М. Коростылёвой, 18 марта 1936 г.
Подготовительные материалы к учебнику для начальной школы по истории СССР
Письмо Г.М. Поликсёновой, 24 марта 1936 г.
Письмо Е.М. Коростылёвой, 28 марта 1936 г.
Письмо Л.М. Салько, 31 марта 1936 г.
Письмо Г.М. Поликсеновой, 1 апреля 1936 г.
Письмо Б.Ф. Рыбченкову, 6 апреля, 1936 г.
Письмо Г.М. Поликсеновой, 9 апреля 1936 г.
Телеграмма П.П. Крючкову, 15 апреля 1936 г.
Письмо Л.М. Салько, 22 апреля 1936 г.
Письмо Б.Ф. Рыбченкову, 18 мая, 1936 г.
Письмо Л.М. Салько, 18 мая 1936 г.
Телеграмма С.А. Дидоренко, 18 мая 1936 г.
Письмо Л.М. Салько, 2 июня 1936 г.
Большое горе
Гигант человеческой культуры
Мой первый учитель
Близкий, родной, незабываемый
Рапорт, Л.С. Ахматову
Максим Горький в моей жизни
Письмо Е.М. Коростылевой, 20 июля 1936 г.
Именной указатель лиц, причастных к педагогическойдеятельности А.С. Макаренко в 1935-1936 гг.
Учебно-методический материал
Отдельные издания, публикации 2-й пол. 2009 - 1 пол. 2010 гг. (с включением публикаций предшествующих лет, ранее не учтенных, выявленных позднее)
Дополнительный материал к Части 1 «А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания …» - Н. Новгород, 2007
Дополнительный материал к Части 3 «А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания …» - Н. Новгород, 2009

Август-сентябрь 1925 г.

Организация чисто педагогической системы хозяйства, создание воспитательного учреждения в условиях хозяйства… Все детали этой организации должны быть рассмотрены с точки зрения превалирования педагогических целей.

Весна 1930 г.

…Вопрос решается совсем не в части отношения теории к практике, а в самом качестве как практики, так и теории.

Конец 1932 – нач. 1933 гг.

…Коллектив в своем реагировании всегда дифференцирован, этим он отличается от толпы.

4 сентября 1935 г.

Моя работа состоит из непрерывного ряда многочисленных операций, более или менее длительных… Всякая такая операция… должна иметь в виду и влияние на целый коллектив, и на данную личность, и влияние на окружающую среду…

…Чиновник из финотдела… - настоящий организатор и вдохновитель соцвосовской практики, истинный хозяин всех наших идеалов, принципов и идей.

Сентябрь 1935 г.

Когда-нибудь настоящая педагогика разработает механику человеческого усилия, укажет, какое место принадлежит в нем воле, самолюбию, стыду, внушаемости, подражанию, страху, соревнованию и как это все комбинируется с явлениями чистого сознания, убежденности, разума…

Расстояние между элементами чистого сознания и прямыми мускульными [трудовыми и иными] усилиями довольно значительно, совершенно необходима некоторая цепь связующих более простых и более материальных элементов.

Сентябрь 1935 г.

Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость… Здесь происходит интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-нибудь пряником до глубочайшего чувства долга.

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, - это сила и красота… Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личности, тем человек красивее и выше.

Воспитать человека – значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость…

…Самоя радостная перспектива: ценность человеческой личности [в ее силе и красоте]

Сентябрь-октябрь 1935 г.

…Невзирая на педагогические теории, делалось педагогическое дело… Силами самого воздуха нашего общества. В этом весь пафос «Поэмы». Что такое педагогическая теория? Это формулировка стремлений, принципов и взглядов, которые существуют в обществе…

Та теория, с которой я боролся и теперь борюсь, есть теория чуждого нам общества… Требования общества действуют и создают практику через голову теории.

15 октября 1935 г.

Во время пребывания в [педагогическом] вузе студент должен получить не только специальное образование, но и специальное воспитание.

15 декабря 1935 г.

Школьный коллектив должен иметь право контролировать семью со стороны ее воспитательной деятельности… Это право должно принадлежать не милиции, а именно школе.

Сотрудникам А.С. Макаренко, его коммунарам-дзержинцам, работникам различных учреждений, в 1934–1935 гг. активно участвовавшим в его деятельности как социального педагога-реформатора, - посвящается эта книга

От составителей

Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии (подготовительные материалы)[1]

Человек в системем производства: «социальный капитал» Ф. Фукуямы и «хозяйствование» А. Макаренко

Современная действительность подтверждает историческую истину: практически все проблемы социально-гуманитарного развития в сущности «упираются в экономику». Становится все более ясно и то, что экономику нельзя рассматривать как вполне самостоятельную сферу, управляемую лишь своими особыми законами. Происходящие в экономике процессы в большой степени зависят от всей совокупности явлений общественной жизни.

1. Американский социолог ***Ф.Фукуяма*** поднял вопрос о «культурном измерении экономической жизни». На материале различных эпох социально-экономического развития и современного положения разных стран он показывает: важнейшим фактором формирования экономической политики является культура.

1. В определении культуры он исходит из положения: «культура есть унаследованный этический навык или привычка»; культура «меняется очень медленно – гораздо медленнее, чем идеология» [Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Пер. с англ. – М., 2004, с. 66, 76]. Культура воплощается в определенной социальной структуре: семья, школа, религиозная организация, дружеское и общественное объединение, социально-политическая система и т.д.

Сущность культуры – этические предписания, нравы и обычаи, с помощью которых различные общества так или иначе регулируют поведение своих членов. Это делается с помощью неписанных моральных правил, традиций, усвоенных с детства навыков бытового поведения, передаваемых от поколения к поколению. Здесь действует не рациональный выбор, а привычка общественной жизни, исторически сложившаяся в преодолении человеческой разобщенности и эгоизма.

2. Иное – в традиционной научной системе экономики. В ее основу положена «концептуальная модель рационального и корыстного поведения человека», она хорошо раскрывает закономерности «функционирования денег и рынков», четко ориентируется на принцип личной пользы, материального блага, потребительского благосостояния [там же, с.31]. Человек как моральное существо выпадает из поля зрения.

Но история реальных экономических систем свидетельствует, что они приобретают максимальную эффективность, жизнеспособность и гуманистическую направленность, когда опираются на сложившуюся культуру и развивают ее. Тогда вступает в действие «социальный капитал». Он «вырастает из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными» [с.54].

[1] Продолжение, начало см. в Части 3 этого издания, с. 8-26. Публикация будет продолжена в последующих его частях.

Индивидуальные предпринимательские добродетели – это способность к упорному труду, бережливость, рационализм, новаторство, готовность идти на риск. Общественные: честность, взаимное доверие и поддержка, чувство долга, способность к созданию сплоченных коллективов. Эти качества оказываются более продуктивными, чем те, которые целиком основаны на контракте, правовом и административном регулировании, бюрократической регламентации и профессиональном управлении, менеджменте.

3. «Социальный капитал» выступает в форме «спонтанной социализированности», т.е. в виде добровольных и инициативных сообществ с едиными моральными нормами, ценностями и дисциплиной. Эти объединения не только становятся действенным фактором производственно-хозяйственной жизни, но и приобретают «принципиальное значение буквально для каждого аспекта социальной жизни в целом» [с.26]. Начальная форма такой трудовой организации – семейное предприятие, основанное на кровном родстве.

Выделяются «общества с высоким уровнем социализированности» (где актуальной стала задача поддержания этого уровня) и «общества с ее низким уровнем» (где имеет место «парадокс семейных ценностей»). Соответственно это США, Япония, Германия - и Китай, Корея, Италия, отчасти Франция, а также СССР – Россия.

4. В США промышленное и экономическое могущество во многом объясняется способностью общества «стихийно создавать прочные объединения «среднего звена», т.е. где-то в промежутке между семьей и государством» [с.99]. Среди них – сплоченные религиозно-этические сообщества: сначала пуританские секты колонистов (квакеры и др.), затем евангелическое движение (методисты, баптисты) и его современный вариант (мормоны и др.). Сильный частный сектор опирается на разветвленную сеть других добровольных объединений: профессиональные и благотворительные ассоциации, больницы, школы и университеты, средства информации и др.

Это позволяет считать, что «асоциальный индивидуализм, существующий в США на протяжении всей истории этого государства, сдерживался мощным противовесом общественного инстинкта», «коммунитаристской ориентацией» экономики [с. 29]. Возникшее во второй половине XX в. падение этой «высокой степени социализированности», последовательная утрата «общественного капитала», подрывает экономическое лидерство США в мире [с. 27, 29, 500].

5. Успешное промышленно-экономическое развитие на основе повышения «спонтанной социализированности» показывает Япония. Ее «облегченное производство», сети «кейрецу» основаны на возрастающей роли взаимных моральных обязательств, коллективности и доверия в обществе. На низовом уровне это выражается в пожизненной занятости на одном предприятии, в действии производственных «команд» и «кружков качества» [с. 283, 420]. Суть этих нововведений – передача рабочему значительной части ответственности в управлении производственным процессом и существенное расширение спектра квалификации работника.

В Германии высокий уровень развития «социального капитала» поддерживается в основном с помощью системы образования. Осуществляется массовое «производственной обучение», при ведущей роли длительной «стажировки» на предприятии; создаются условия для постоянного повышения квалификации и образованности рабочего [с. 386-393]. Это делает его более авторитетным и обеспеченным человеком по сравнению с выпускником вуза.

Успехи этих и других стран ведут к пониманию того, что дальнейшее развитие производства вступает во все более тесную связь с развитием человека как суще-

ства морального и разумного. Четко обозначаются социальная природа человеческой личности, самоценность труда и его смысл в «радости от работы» (нем. Arbeitenfreude), а не просто в материальной выгоде и «заработке». Происходит «одухотворение экономической жизни» [с. 577], отход от политики «кнута и пряника». Оживляется идеал: «не человек для производства, а производство для человека».

6. Капитальное социологическое исследование Ф.Фукуямы открывает новые возможности в освоении и разработке основ наследия А.С.Макаренко, социального педагога-реформатора, признанного в мире классика педагогики. Это согласуется с содержанием и результатами начавшихся в 1970-х гг. отечественных и зарубежных макаренковедческих исследований. Они представляют качественно новый, современный этап этих исследований.

2. Среди них: хронологически упорядоченные сведения о публикации трудов А.С. Макаренко, теоретической разработке и практическом опыте освоения его наследия в разных странах (по трем периодам этой истории, около 20 стран, более 1500 авторов, из них более 500 зарубежных) [Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире. Историография освоения и разработки его наследия (1939-2005 гг., критический анализ) – Н. Новгород, 2006]; новое, предположительно в 6 больших томах, издание работ А.С. Макаренко, в виде «учебной книги», с включением многих неизвестных ранее и малоизвестных материалов и документов, с обширными комментариями, отражающими отечественные и зарубежные исследования последних 4-х десятилетий [Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания / Сост. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. Части 1-3. - Н. Новгород. 2007, 2008, 2009].

1. В результате обнаруживаются принципиально новые аспекты в трактовке достаточно широко известных идей и терминов А.С.Макаренко. Вводятся в полноценный научный оборот его находящиеся «в тени», игнорируемые или неизвестные ранее работы, положения, понятия. С необходимой полнотой и четкостью выясняется структура этого наследия, его понятийно-терминологический аппарат.

Становится ясно, что фундаментальной проблемой макаренковского социально-педагогического творчества является положение человека в системе производства; это основа основ «положения человека в обществе». «Не может быть воспитания, если не сделана центральная установка о ценности человека» [там же, Часть 2, с.125].

Предстоит еще не мало сделать, чтобы преодолеть губительное искажение наследия А.С.Макаренко некоторыми «макаренковедами», они умаляют или исключают роль производства и социального фактора вообще в его концепции педагогики.

2. Ключевое значение приобретает до сих пор по достоинству не оцененное или отвергаемое макаренковское положение о возможной «нейтральности трудового процесса» [там же, Часть 3, с.192]. Имеется в виду «моральная нейтральность» (как сказано на указанной стр. ниже), т.е. очень слабая мотивация труда, обусловленная его бедным социальным содержанием и установкой в основном лишь на технологические умения и навыки (то, что дается в процессе обучения). А.С.Макаренко здесь выдвигает на первый план воспитание, основа которого – социально-нравственный опыт, мотивация деятельности и поведения.

Выделяя «труд-работу» и «труд-заботу» [там же, Часть 1, с.41], отстаивая приоритет воспитания, он вступает в противоречие с общепринятым тогда направлением «трудовой школы», а затем «трудового воспитания», где педагогические задачи в сущности ограничиваются общетрудовым или узкопрофессиональным обучением, подготовкой «батрака».

3. Необходимо отходить от «школы учебы», создавать «школу-хозяйство», формировать у молодого поколения «хозяйственную заботу», развивать «хозяйственно-производственную» мотивацию; нужно «социально- экономическое воспитание» [там же, с. 41, 167 и др.]. База «собственно воспитания», в его отличии от обучения, - реальная жизненная практика, устойчивое моральное поведение в «трудовой общине», едином коллективе детей и педагогов, взрослых в воспитательно-образовательном учреждении.

Этот приоритет этического навыка, обычая, привычного поведения в деле воспитания – главный пункт выдвигаемых при жизни А.С.Макаренко и по сей день обвинений его в «муштре». Так прикрывается стремление лишить детей и молодежь естественной потребности в полноценном воспитании, ограничиться выучкой подневольного, безответственного и безинициативного человека, «придатка машины» и «винтика» общественного механизма.

4. А.С.Макаренко увидел и использовал 2 пути в социально-нравственном воспитании и во всей системе воспитания на основе труда: неуклонное «развитие хозяйства», его оснащенности, культуры – и «внедрение коллектива в управление этим хозяйством» [там же, Часть 3, с. 193], включение работников в «процесс хозяйствования». Этому должна служить соответствующая организационная структура трудового коллектива и система управления им, совмещающая административное руководство и самоуправление, функции постановления и исполнения. «Низовой уровень» такой организации – «первичный коллектив» (7-12 человек), с его прямым представительством в органах управления.

Макаренковская трудовая колония им. М.Горького, затем трудовая коммуна им.Ф.Э.Дзержинского – это «открытые учреждения», «свободное объединение людей – здесь никого не заставляли жить насильно», хотя часть подростков (несовершеннолетние правонарушители) и направлялись туда по постановлению административных органов [там же, Часть 1, с. 142; Пед.соч.: В 8 т.; т.7, с.96]. На добровольности, включающей нравственные обязательства и дисциплину, строились многообразные, динамичные и инициативные трудовые группы («отряды»), постоянные и временные.

3. «…Мы думаем, что нашли совершенно новые формы трудовой организации, которые могут понадобиться и взрослым» [Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с.142].

5. Стремление А.С.Макаренко к преодолению противоречия между эффективным производством и педагогическим процессом привело его к знаменитой идее их «параллельного действия». Оно позволяет при сохранении специфики производства ставить на первый план его «человеческое измерение», задачи воспитания [там же, с. 157-158]. «…Только труд, приносящий ценности, только производство неубыточное могут рассматриваться как положительное воспитательное средство» [там же, Часть 2, с.87].

Воплощение педагогического содержания в жизненно-практическом, прежде всего в труде как базовом компоненте человеческого существования освобождает воспитание от искусственности и формализма. Это то, что «определяет свободу в самочувствии воспитанника, позволяет ему более просто и радостно переживать свое детство» [там же, Часть 1,с.168]. Наиболее полная реализация потенциалов детства и юности, общественно значимая система «перспективных линий» коллектива и личности порождают жизнерадостное мироощущение, «мажорный» стиль воспитания.

6.Фундаментальный этико-педагогический принцип А.С.Макаренко: «Как можно больше уважения к человеку, как можно больше требовательности к нему»

- может быть правильно понят лишь в контексте обращения к сфере производства. В ней утверждается вера в человека, безграничное доверие к его способностям, творческим силам и духовному росту. Это признание прав и свобод личности в неразрывной связи с обязанностями.

Очеловечивая труд с помощью воспитания и обогащая педагогическую теорию и практику социально-трудовой этикой, А.С.Макаренко вносит важный вклад в «одухотворение педагогики» как науки. Этот мощный пласт его наследия нуждается в глубоком и разностороннем исследовании. Продуктивное решение назревших проблем современного образования коренится в воссоздании его непосредственной связи с хозяйственно-трудовой деятельностью.

7. Отечественные экономисты говорят:

Попов Г.Х.: Гениальность А.С.Макаренко заключается в том, что он «первым понял: вся система нравственного воздействия должна базироваться на каком-то мощном материальном факторе, который был бы решающим в жизни человека. И он безошибочно выбрал труд … развертывание детского труда должно быть тесно увязано с изменением всей сферы труда общества».

Без изменения этой сферы по-прежнему будут воспитываться люди, «отбывающие повинность», склонные к «выбиванию» и «доставанию» материальных благ, к корысти, обману и т.д. (Советская Россия, 12 марта 1988 г.).

Абалкин Л.И.: «Педагогика А.С.Макаренко не «школьная», а социальная, она становится особенно нужной сейчас, когда экономический анализ без оценки социально-культурных ценностей будет несовершенным и неполноценным» (Звезда, 1989, № 2).

Американские педагоги ***Т.Геринг, Ф.Б.Бауерс, Р.Райт:*** Педагогика А.С.Макаренко, как и деятельность Д.Дьюи, - это «социальный реконструктивизм – применение педагогических методов к социальным проблемам» [Journal of Correctional Education. Lanham: Dec.2005. V. 56. Iss.4].

4. 8. Идеи о рациональном сочетании производственной и педагогической деятельности, планы создания «крупного воспитательного предприятия» (до 1 тыс. подростков), «Трудового детского корпуса Харьковского округа» (до 10 тыс. детей), «крупной детской колонии» или объединения нескольких колоний в виде «хозяйственно-производственного треста», 12 тыс. подростков) А.С.Макаренко изложил в материалах: соображения о проекте Устава детской трудовой сельскохозяйственной колонии – июль 1924 г.; «В Главсоцвос», докладная записка – март 1925 г.; «Проект организации Трудового детского корпуса» - весна 1927 г. [Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с.113-115, 156-160, 209-212]; «В Совнарком УССР. Тов. Шелехесу» - осень 1935 г.

(Опубликовано: Фролов А.А., в кн.: Человек, общество, образование. Матер. Всеросс. науч.-практ.конф. Часть II. – Уфа, 2010. С небольшим сокращением и с измененным заголовком: Вопросы экономики, М., 2010, 8, с.144-147. Полный текст: Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: актуализация педагогического наследия прошлого. Материала шестой национальной научной конференции. Москва 2010 г./ Ред.-сост. Г.Б. Корнетов. – АСОУ, 2010; Шлях освиты. Путь просвещения, Киев, 2010, 2, укр.яз.; с дополнением:Педагогическое образование: новое время – новые решния. Матер. Всеросс. Науч.-практ. конф. - Саранск, 2010).

А. Макаренко и П. Фрейри (Бразилия): сравнение основ их социально-педагогической деятельности

Паулу Фрейрú (1921-1997) – выдающийся представитель латиноамериканской «педагогики освобождения». В книгах «Педагогика угнетенных» (1970, переведена на 16 языков), «Воспитание как практика свободы» (1974, «Школа, называемая жизнью» (опуб. 1986) он обосновывает и защищает свои взгляды на «народное воспитание» и образование в странах «третьего мира»

В 1986 г. ему присуждена премия ЮНЕСКО за «воспитание в духе мира». (Автобиографические сведения и общую характеристики его социально-педагогической деятельности см.: Российская педагогическая энциклопедия, т.2. – М., 1999, с. 530; Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Том 1. Зарубежная история/ Сост А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина. – М., 2007, с. 288-301).

В статье Э. Зауэрмана: «Аантон Макаренко и Пауло Фрейре. Исследование о Макаренко и «педагогике освобождения» (в кн.: Макаренко на Востоке и Западе. Том 1 / Сост. и ред. З.Вайтц и А. Фролов. – Марбург, Германия, 1992, с. 144-198, нем. яз., пер. на рус. яз. Л.В. Кильяновой) –

педагогика П. Фрейри объясняется с выделением проблематики: Факты его жизни и деятельности; Суть «нового воспитания» и «педагогики освобождения» (в контексте социально-экономической ситуации в развивающихся странах Латинской Америки, Бразилии и др. стран); Общее с идеями и опытом А. Макаренко; Новое в характеристике макаренковского наследия, в свете социальной педагогики П. Фрейри.

Показано, что в основе его педагогической концепции лежит борьба за распространение грамотности среди бразильского народа. Необходимость в этом стала с 1960-х гг. национальной проблемой, во многом определяющей экономической, политическое и культурное развитие стран, ставших на путь полного освобождения от колониальной зависимости. Возникло радикально-демократическое движение, ставящее своей целью организацию «народного воспитания» в ходе массового распространения грамотности. В Бразилии это движение поддерживалось правительством Гуларта.

П. Фрейри отвергает традиционный, официальный путь преодоления неграмотности – на базе школ под руководством государства, т.к. это путь закрепления в образовании системы социального угнетения. «Пробуждение сознания» народа должно стать его собственным делом. В образовании необходимо утвердить новое отношение к народу и коренным образом изменить его отношение к самому себе.

Нужно побороть традиционный элитарный и колониальный взгляд на образование и воспитание, устранить господство правящей «элиты» в сфере просвещения, развеять взгляд на угнетенных и эксплуатируемых лишь как на объект образования и воспитания. Деятелям просвещения предстоит не только кардинально изменить то, как они выражают себя в этой области деятельности, но и критически переосмыслить свою образованность.

В проблеме ликвидации неграмотности П. Фрейри задачи обучения (прежде всего обучения чтению и письму) относит к заключительному этапу педагогической работы, подчиняя их главному - целям воспитания. Они всецело направляются к тому, чтобы поднять народные массы, «низшие» слои населения (особенно в слаборазвитых сельских районах, парализованных бесправием и нищетой), на борьбу с фатализмом, апатией и обреченностью, тяжелым наследием прошлого.

В педагогике А.С. Макаренко такой фундаментальный подход реализуется в отношении детей и молодежи, молодого поколения. Оно – не «подопечная мелочь», не объект социально-педагогического манипулирования, а реальная общественная сила, которая во взаимодействии со старшим поколением воспитывается, приобща-

ясь к решению актуальных задач современности и созиданию лучшего будущего. Объектом воспитания ребенок становится в позиции субъекта, участника активно-творческих социальных действий, при наиболее полной реализации своих способнотей и стремлений.

П. Фрейри, как и А. Макаренко, четко различает обучение и воспитание, считает воситание ведущим фактором, определяющим и обучение. В ходе обучения усваиваются знания, вырабатываются умения и навыки умственной и практической, трудовой, профессиональной деятельности. Воспитание целиком строится на жизненном опыте, формируя характер, единство ума, чувства и воли, мотивационную сферу личности. Воспитание – органическая часть социализации человека, основа развития его природных и сущностных сил, потребностей.

Альтернативная воспитательно-образовательная система П. Фрейри выступает как важнейшее средство реформирования общества, демократизации и гуманизации общественных отношений, развития социальной справедливости, личной ответственности, дисциплины и инициативы. Создается новый трудовой и жизненный опыт; трудящиеся начинают убеждаться в силе коллективизма, солидарности, осознавать себя творцами материальных и духовных, культурных благ.

Совершится решительный отход от педагогических принципов «общества потребления» и «школы учебы», социально ограниченных знаний и навыков.

П. Фрейри исходит из инго, более широкого понимания грамотности и образованности, имея в виду, что «любой человек, даже самый невежественный, обладает способностью оценивать окружающий мир критически осознавать реальности своей личности и социальной жизни, обнаруживать противоречия, причины и следствия, преобразовывать реальность путем практических действий» (указанная выше Хрестоматия, с. 292, статья П. Фюртер о П. Фрейри в ж. «Перспективы. Вопросы образования, ЮНЕСКО», 1987, № 1).

Обучение грамоте должно опираться на эту закономерность, обогащать ее новым содержанием, целеустремленной педагогической работой. «Никто не невежественен, ибо никто не начинает с нуля» (там же, с. 299).

Суть метода П. Фрейри в обучении и воспитании сводится к следующему: усвоению знаний и навыков должно предшествовать развитие критического осознания человеком окружающего мира и своего положения и действий в нем, приобщение к культурному наследию.

Необходимо обеспечить органическую связь слова и дела, образования и реальной социально-трудовой практики людей. Они охотно идут навстречу образованию, когда оно действительно просвещает, помогает в улучшении их положения, открывает будущее и пути его достижения. На первый план выходит общение в системе диалога, а также переход от слова к действию и от действия к слову.

«Приверженность к устной речевой традиции является одной из характерных черт не только педагогики П. Фрейре, но и всей его жизнедеятельности …» (там же, с. 290). Слову как носителю отчуждающей идеологии, фальшивой словесной оболочке буржуазной культуры он противопоставляет «генеративную», созидательную функцию слова. В методе обучения грамоте центральная роль отводится ключевым словам, «слову-двигателю», обеспечивающему переход на новую ступень умственного развития, сознательного отношения к окружающему миру.

Обучение грамоте, чтению и письму – важный фактор этого движения, но пробуждать критически-действенное сознание необходимо еще до того, как начинается курс формального обучения. Оно становится новой фазой «воспитания ради освобождения».

Главная форма организации воспитания и обучения в методике П. Фрейри массового распространения грамотности – «кружки культуры», добровольные объединения людей, занятых общим производительным трудом и стремящихся повышать свой культурный уровень с помощью самообразования.

(Опубликовано суммарно в материале о П. Фрейри в упоминаемой выше Хрестоматии, сост. А.А. Фролов и Ю.Х. Трушина, с. 288-289).

А.С. Макаренко и В.В. Зеньковский, социальное воспитание

1. В.В. Зеньковский (1881-1962) – один из основоположников социальной педагогики в России. Он предостерегал от двух крайностей: господство в педагогике и школе «элементов партийности» и национализма, с одной стороны, - и распространения в образовании «яда антисоциальности», с другой. В 1918 г. в Москве вышла его работа «Социальное воспитание, его задачи и пути».

Центральное место в его творчестве занимает идея «целостного воспитания». Его смысл заключается в том, чтобы «помочь молодежи обрести себя, овладеть теми силами, которыми располагает наше время, воодушевить тем идеалом, во имя которого должно преображать жизнь» (Хрестоматия. Педагогика Российского Зарубежья. – М., 1996, с. 297).

Воспитание «целостной личности» базируется на «связи в личности ее индивидуального, особенного с социальным», а также на связи «эмпирического» и духовного в развитии главного – духовной жизни» (там же, с. 172-173) и на такой связи обучения и воспитания, при которой воспитательные задачи ставятся «в центр школьной жизни»; «развитие школы неуклонно движется к этому» (Народное образование, 1998, № 9-10, с.127). Приоритет воспитания «должен повлечь за собой полную перестройку школы»; педагогике необходимо «теоретически и практически подготовить этот перелом в самом существе школы» (там же, с. 127, 129), т.е. стать по-настящему наукой о воспитании.

«Радикальное зло современной школы заключается в ее «нецелостности», в том, что она поддерживает т укрепляет изоляцию интеллекта от других сил души ... То, что делает фактически школа, является поверхностным, формальным и во многом бессильным ... Основное формирование личности, ... ее отношение к великим духовным проблемам времени, ... все то, что составляет смысл жизни и ее центральное содержание, - все это проходит мимо школы» (Хрестоматия..., с. 298).

2. Эти мысли В.В. Зеньковского имеют много общего с «Декларацией Наркомпроса УССР о социальном воспитании детей» (опубликована 1 июля 1920 г.). Она воодушевила А.С. Макаренко, побудила его к переходу его от заведования полтавской 10-й трудовой школой к руководству учреждением, которое вскоре стало именоваться детской трудовой колонией им. М. Горького.

А.С. Макаренко причислял себя к «подвижникам соцвоса» и говорил, что «наш советский соцвос мы считаем одной из самых прекрасных мыслей человечества», что в его трудовой колонии им. М. Горького «осуществлен настоящий соцвос», воплощена его «педагогическая вера» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания ... / Сост. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. Часть 1. – Н. Новгород, 2007, с. 304, 292).

Украинский Наркомпрос утверждал: «... Детство, детское население ... поднимается на уровень самостоятельной общественной величины»; педагогика из науки о способах работы обособленного педагога с отдельной личностью превращается в «науку об организации детства, в педагогику коллектива» (Руководство по социальному воспитанию. Вып. 1. 2-е изд. – Харьков, 1923, с. 25, укр.яз.).

3. А.С. Макаренко, принимая концепцию соцвоса за основу своей педагогической теории и практики, вместе с тем уже с начала 1920-х гг. стал на путь ее детальной разработки и практической проверки, «констатируя свою линию, исключительно в опытном плане, без предварительно принятых догматов» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания ... Часть 1, с. 182). Это привело его к «ревизии соцвоса».

Он решительно отошел от опоры соцвоса на педологию, отстаивал необходимость четкой педагогической целесообразности и технологического подхода в воспитании. В 1926-1928 гг. это стало рассматриваться как «расхождение с линией соцвоса» и противоречие «основам советской педагогики».

4. Концепция соцвоса была отвергнута в начале 1930-х гг. Произошел резкий отход от «школы жизни», школы воспитания и «трудовой школы», с возвратом к «школе учебы» и педагогике, основанной на принципах дидактики, теории и методики обучения.

А.С. Макаренко в это время в трудовой коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, удовлетворяя назревшую потребность в расширении общего и среднего образования, продолжал вплоть до июля 1935 г. (перевода его в отдел трудовых колоний НКВД УССР) следовать принципам социально-трудовой педагогики. Воспитание и обучение на базе «школы-хозяйства», «школы-комуны», проходило тогда в условиях «учебно-производственного комбината», обладающего современным промышленным оборудованием и совершенным технологическим процессом.

С середины 1930-х гг. он развивал идеи социального воспитания в поисках объединения воспитательных функций государства, трудового коллектива воспитательного учреждения и семьи, чтобы «не было никакого разрыва между семьей и школой» (Пед. соч. в 8 т., т.4. – М., 1984, с. 24).

5. В.В. Зеньковский и А.С. Макаренко – выдающиеся представители и продолжатели коренного педагогического направления, которое зародилось в народной педагогике, получило научный статус и развитие в творчестве Д. Локка, Ж.Ж. Руссо и И.Г. Песталоцци, зачинателей и последователей «трудовой школы», «школы жизни» и «нового воспитания» (Г. Кершенштейнер, Э. Демолен, Г. Литц, Г. Винекен), в прагматической педагогике Джон Дьюи.

Идеи и опыт В.В. Зеньковского и А.С. Макаренко противостоят другому направлению в педагогике, которое представляют Платон, И.Ф. Гербарт, А. Дистервег, Г. Спенсер. Макаренковской теории и практике упорно противодействовали представители педолого-педагогического направления, в его двух вариантах: «социогенетическом» (А.Б. Залкинд, С.С. Моложавый, А.С. Залужный) и биогенетическом (Е.А. Аркин. И.А. Арямов, П.П. Блонский).

(На эту тему А.А. Фроловым сделан в июне 1999 г. доклад на одной из конференций, г. Москва; ее материалы не публиковались).

А.С. Макаренко – образец сочетания преемственности и новаторства в педагогике

1. Длительное время освоение и разработка педагогического творчества А.С. Макаренко серьезно тормозиась тем, что социально-гуманитарное знание в советский период отечественной истории ориентировалось главным образом на определение и утверждение принципиально нового в общественной мысли и практике. Искусственное противопоставление «старого» и «нового» вело к нарушению исторической преемственности и к примитивной, грубо-политизированной трактовке социального и педагогического развития.

С этим неразрывно связана другая отрицательная черта – односторонний негативизм в отношении Запада, который воспринимался как уже изживший себя этап развития общества.

Абстрагирование от прошлого и современных тенденций в мире приводило к тому, что педагогика и школа оказывались на обочине процессов, происходящих в разных странах, в гуманитарных науках. Неизбежным следствием этой ограниченности стало рассмотрение педагогических явлений и процессов на уровне «педагогического хутора». В результате – застой и бессилие педагогической мысли, беспомощность и фальшь в практике воспитания.

2. А.С. Макаренко уже в начале 1920-х гг. оказался в противоречии с данной тенденцией. Он хорошо знал отечественную и зарубежную историю и литературу, философию и социоогию, психологию и богословие, увлекался тетром, поэзией, астрономией, новинками естественно-научного знания (радиоактивностью), военным делом. О многообразии его познаний и интересов свидетельствует документ, написанный им в августе 1922 г. (см.: Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 39-41).

Все его творчество как педагога-практика, мыслителя и писателя – это всепоглощающий поиск, осмысление и целенаправленная реализация в образовании и воспитании новых жизненных ценностей, которые общество вырабатывает в период кризиса, перехода от одного социально-экономического состояния к другому.

Именно эта масштабность в подходе к теории и практике воспитания вызывает интерес к его деятельности зарубежных педагогов, представителей разных социальных воззрений.

Новаторство А.С. Макаренко в науке о воспитании является по существу производным от его творческих поисков в смежных с педагогикой отраслях научного знания. Его жена и соратница Г.С. Макаренко говорит: «Без понимания этических воззрений Антона Семеновича невозможно как следует понять и его педагогику» (Народное образование. 1963, № 2, с.100).

Ключевое значение имеет тезис А.С. Макаренко: «В старом есть хорошее и плохое, и в новом – хорошее и плохое» (по его записным книжкам, РГАЛИ).

Широта и глубина подхода А.С. Макаренко к педагогическим явлениям и процессам, внимание к противоречиям, лежащим в основе их развития, - это основа основ его необычайно успеха как педагога-мыслителя и его несомненного успеха в многогранной педагогической практике.

3. Эффективность новаторства А.С. Макаренко объясняется прежде всего тем, что оно построено на прочном фундаменте исторической преемственности. Не случайно в 1920-е годы его критиковали за «использование атрибутов старой школы», а в 1930-е – за «приверженность к идеям свободного воспитания».

Он сделал предметом исследования опаснейшее явление в процессе творческого развития педагогики и школы – попытки «старые педагогические предрассудки выдавать за новейшие достижения». Среди них - подмена изменяющихся целей воспитания догматически-иллюзорными идеалами, фетишизация отдельных идейных и нравственных постулатов, дедуктивное педагогическое мышление, спекулятивное, игнорирующее данные педагогической практики, ее реальные результаты.

А.С. Макаренко значительно расширил и уточнил представление о самом предмете педагогики и ее методологии, о сфере действия воспитания и ее границах. На этой основе им сделаны социально-культурные обобщения, которые признаются сейчас важными для развития и других гуманитарных наук – психологии, социологии, этики, даже для экономической науки и медицины (психотерапии).

Центральное место в ценностных ориентациях А.С. Макаренко-педагога занимает идея социализма, воспринятая им в ее историческом развитии, как общечеловеческое достояние и выражение народных чаяний, трудящегося человека. Это стремление к человеческой солидарности, социальному равенству и справедливости, к гармонизации личных и общих интересов, это уважение к труду, отношение к человеку как к высшей ценности, утверждение главного в личности – «ее силы и красоты».

1. Такое понимание социалистической идеи опережало его время, было далеко не адекватно переживаемому этапу ее осуществления. Пророчески звучат сказанные в 1922 г. слова А.С. Макаренко: «….. Пока под социологию не подведен крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм» (Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 40).

Этот тезис является определяющим в творческой деятельности А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора. Данным фактом вполне объяснимо то, почему его творчество и активно поддерживалось властями, и вызывало упорное сопротивление. Печать этого противоречия лежит на всей истории становления его педагогики, его последующего освоения и разработки, использования в развитии педагогической теории и практики.

4. Трактовка трудов и опыта А.С. Макаренко с позиций лежащих в их основе фундаментальных культурных и нравствнных ценностей стала доминирующей в изучении его наследия в зарубежных странах. Данное направление начинает преобладать и в отечественных исследованиях, обозначая качественно новый этап в нашем макаренковедении. Оно должно решительно освободиться от навязчивых старых и новых стереотипов конъюнктурного социально-педагогическго мышления и действия.

Макаренковская новаторская и успешная система педагогики начинает изучаться и осмысливаться как система изначально открытая, развивающаяся, а не как просто «идеальный образец». На первый план выходит ее первооснова – новаторский метод педагогического мышления и действия, воплощенный в данной систме. Уже не может идти и речи о каких-то попытках копирования, использования отдельных, разрозненных положений, механического воспроизведения тех или иных педагогических средств.

Наследие А.С. Макаренко, обнажившее многие объективные педагогические закономерности, их действие в динамично изменяющихся социально-экономических условиях, - может и сейчас быть надежным ориентиром в решении многообразных проблем педагогической теории и практики, особенно на главных и перспективных направлениях их развития.

(Опубликовано: Фролов А.А., в кн.: История Полтавского педагогического института ... Материалы конференции ... – Полтава, 1995).

Догматизм в освоении наследия А.С. Макаренко и становление нового подхода

Что происходило и происходит в макаренковедении? Каковы причины отсутствия определенной последовательности в освоении взглядов и опыта А.С. Макаренко? Что нужно делать, чтобы труды этого признанного в мире педагогического авторитета, классика педагогики активно способствовали новаторскому решению современных задач отечественной педагогики и образования?

Ответ: прежде всего необходимо решительно отказаться от догм, принятых в советский период макаренковедческой истории.

Первая догма: *«Макаренко – наш современник!»* – не признает необходимости рассмотрения его наследия в контексте педагогической истории 1905-1939 гг. (с начала его педагогической деятельности). Это наследие представляется как некий идеальный и готовый образец, который нужно утверждать в современной педагогической теории и практике, механически, почти как 1 : 1.

В подходе к А.С. Макаренко как к «современнику» отражается общий недостаток педагогики: в разработке своего современного содержания она отрывается от истории, тенденций развития педагогической теории и практики. Эти закономерные тенденции не прослеживаются в системе историко-педагогического знания. Не придается должного значения тому факту, что история всегда так или иначе «присутствует» и действует в современности, своеобразно продолжается в будущем.

Вторая догма советского периода: *«Наш Макаренко!».* Это определение ограничивает исследование его теории и практики господствующей в СССР идеологией. Рассмотрение макаренковского наследия на основе иного мировоззрения (при другой трактовке социализма, использовании либерально-демократических воззрений, религиозных и др.) считается недопустимым. Советская педагогика не воспринимает А.С.Макаренко как классика педагогики, она ограничивается характеристикой «выдающийся советский педагог»; не принимается понятие «макаренковедение».

«За бортом» оказываются важные теоретические исследования, выполненные в зарубежных странах: работы Ф. Патаки, Л. Зрински, Э. Фаркаша, П. Рокушфалви (Венгрия), А. Левина (Польша), Э. Зауэрмана, Э. Маншатца (ГДР), Н. Чакырова (Болгария), Л. Пехи (Чехословакия), О. Анвайлера, Л. Фрёзе, З. Вайтца (ФРГ), П. Брайдо (Италия), Х. Хироши (Япония), Дж. Боуэна, С. Лерман (США).

Преимущественно в зарубежных странах проведены многочисленные исследования, характеризующие творчество А.С.Макаренко в сравнении с выдающимися представителями педагогического, социально-гуманитарного знания разных времен и народов.

Установлено обращение в данном контексте к 50 деятелям, среди которых Ж.Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, Т. Арнольд, Ф. Фелленберг, А. Нил, И. Вихерн, П. Наторп, П. Петерсен, Г. Винекен, С. Френе, Э. Дюркгейм, Д. Дьюи, Я. Корчак, Э. Фромм, Б. Спок, Л. Колберг, Т. Кофод, П. Фрейри, Л.И. Петражицкий, Н.К. Крупская, И.В. Ионин, В.А. Сухомлинский и др.

Уже длительное время изучается связь макаренковских взглядов и опыта с религиозной идеологией и работой Церкви с беспризорными детьми, «трудными» подростками. Интерес вызывает деятельность Дон Боско, Э. Фланагана, А.Г. Франке, Н. Грундвига, В. Настайнчика, М. Руоццо, Д. Лаутера и др. Макаренковские идеи и опыт эффективно используются в учреждениях (типа трудовых коммун) для молодежи, ставшей на путь избавления от алкаголизма м наркомании.

В условиях идеологической конфронтации односторонне негативную оценку в СССР получала деятельность созданной в 1966 г. лаборатории «Макаренко – реферат» (рук. Г. Хиллиг, З. Вайтц – ФРГ, Марбургский университет, НИИ сравнительной педагогики). Лишь в 1987 г. состоялась первая встреча макаренковедов из ФРГ, СССР, Венгрии, Польши, Чехословакии (в узком составе, в Венгрии).

Издаваемые марбургской лабораторией материалы активизировали макаренковедческую работу по многим направлениям. В конце 1980-х гг. в советской педагогической печати появились публикации Г. Хиллига, Л. Фрёзе, В. Зюнкеля (ФРГ). Симпозиум с участием специалистов по педагогическому наследию А.С. Макарен-

ко из 12 стран прошел под Марбургом весной 1989 г., с широким участием педагогов из СССР.

Будучи единственным классиком педагогики, всецело посвятившим свое творчество делу воспитания (в его отличии от обучения), А.С. Макаренко оказывается в центре объединения международных усилий по утверждению и развитию педагогики как науки о воспитании.

В стремлении ограничить макаренковедческие исследования жесткими идеологическими рамками проявляется свойственный педагогике недостаток: неразработанность фундаментальной проблемы взаимоотношения педагогики и политики, общества и личности в духе «параллельного действия». Влияет концепция отрешенности педагогического от социального. Не разработана методология сравнительной педагогики.

Третья догма: *«наследие А.С. Макаренко хорошо изучено; существует задача лишь его практического использования».* В СССР макаренковедческая исследовательская работа прекратилась в середине 1950-х гг., не велась 20 лет, до середины 1970-х гг. Действовал тезис: «Макаренко – педагог 1920-1930-х гг., Сухомлинский – педагог развитого социализма». В середине 1960-х гг. начинается критика А.С.Макаренко как представителя «тоталитарной», «социологизаторской» педагогики. Макаренковедческие работы к печати не принимались, не вышло ни одной новой монографии, переиздавались вышедшие в 1950-х гг. книги, публиковались разрозненные материалы, приуроченные к юбилейным датам. В Совете по координации педагогических исследований в СССР заявленная докторская диссертация по А.С.Макаренко признана не актуальной для плана 1976-1981 гг. Первые две докторские макаренковедческие диссертации по педагогике (А.А. Фролова и В.В. Кумарина) защищены в 1987 г.

Неблагоприятную в отношении А.С.Макаренко ситуацию 1960-1980-х гг. породила прежде всего его канонизация на уровне первоначальных исследований, проведенных в 1940 – нач. 1950-х гг. Выработанные тогда трактовки вступили в противоречие с новыми потребностями социально-гуманитарного развития.

В отстаивании устаревших представлений и торможении дальнейших исследований ведущую роль играл В.М. Коротов, считавшийся главой макаренковского направления в педагогике и школе. Он, будучи учеником И.Ф. Козлова, защитившего в 1941 г. первую макаренковедческую диссертацию по педагогике, боролся за утверждение новаторской идеи «единства воспитания и жизни», но при этом (как и И.Ф. Козлов) только как «единства воспитания и жизни детей», т.е. при весьма ограниченном участии взрослых.

Ведущими стали понятия «детский коллектив», «ученическое самоуправление». При забвении идеи А.С.Макаренко о производственно-хозяйственной деятельности (в сочетании с общим образованием) как материальной основе воспитания. Такой подход вступил в противоречие с фундаментальными принципами его педагогики.

Это отступление от макаренковской школы жизни, труда, воспитания представлялось как «творческое развитие». Использовались некоторые идеи А.С. Макаренко, чтобы как-то усилить воспитательную функцию действующей «школы учебы». Такое направление педагогической мысли и практики создает в воспитании искусственность и формализм, укрепляет восприятие взглядов и опыта А.С. Макаренко в духе авторитаризма и «муштры».

Догма «изученности Макаренко» также отражает общее состояние педагогики, ее неготовность к восприятию проблем: традиции педагогики и новаторство, педагогическая классика и современность, равнение педагогики на «вершины» ее исто-

рии. Обычно совершается простое приспособление классики к нуждам современности; авторитет выдающихся деятелей, их отдельные идеи и решения используются лишь для подкрепления современных и «модных» концепций, идей и понятий.

Четвертая догма: *«А.С. Макаренко – специалист по методике воспитания (коммунистического)».* Так его наследие принижается прежде всего макаренковедами, они в огромной степени недооценивают его как теоретика. Не осознается связь его «воспитательной системы» с перестройкой всей педагогики как науки. Его трактовка воспитания, представленная в контексте принципиально иной системы педагогики, извращается.

В основе его понимания предмета, методологии и задач педагогики лежит проблема единства теории и практики. А.С. Макаренко определяет педагогику как практико-ориентированную, «целесообразную» науку: она выявляет закономерности взаимодействия педагогических целей, средств и результатов.

Это не характеристика педагогики как прикладной науки, а стремление превратить педагогику в подлинную науку, которая, как и всякая другая, в своей практике может давать гарантированные результаты. Приближение педагогики к точности естественно-научного знания требует ее становления и развития как опытно-экспериментальной науки.

Антипод макаренковской педагогической концепции – педагогика умозрительно-декларативная. Ее характерной чертой является разрыв между теорией и практикой, «рассогласованность» педагогических целей, средств и результатов, отсутствие ясных критериев педагогической результативности. Практическая беспомощность теории «компенсируется» предписанием определенной системы средств и абсолютизированными требованиями к педагогу-практику, его творческим решениям и действиям.

В таком положении отражается неопределенность структуры педагогики, ее четырех «этажей»: методологического, теоретического, организационно-методического, технологического. В наследии А.С. Макаренко они не только четко обозначаются, но и взаимообусловлены: методологические и теоретические принципы доводятся до закономерных организационно-методических и технологических решений; эти решения поднимаются на уровень обоснования их смысла, «логики педагогической целесообразности».

Установка лишь на «практическое использование» макаренковского наследия означает его разработку «снизу», со стороны методики (еще не отличая ее от технологии). Этот вектор в условиях прекращения исследований на «верхних этажах» стал источником формализма в практике работы «по Макаренко». Продуктивным в настоящее время является освоение этого наследия «сверху», особенно на стадии перехода от педагогической теории к практике.

Пятая догма целиком согласуется с выдвинутым в советской педагогике в середине 1960-х гг. требованием: *«слить обучение и воспитание в единый поток»* (на основе обучения, после отказа в это время от «воспитания в труде»).

Следование этому тезису при освоении макаренковского наследия означает полный разрыв с его основами. Осенью 1936 г., когда в СССР утвердилась «школа учебы», А.С.Макаренко говорил: «В интересах дела нужно разделить школьную педагогику классной работы от педагогики воспитания… Разделить эти две педагогики и определить их главные методы» (Пед. соч. в 8 т., М., 1984, т.4, с. 35). За 5 месяцев до кончины он предупреждал: «У нас нет воспитательной педагогики» (там же, т.8, с.179).

В.М.Коротов на основе «слияния обучения и воспитания» стал разрабатывать проблему «целостного педагогического процесса», определяя «общие методы

учебно-воспитательного процесса». Органическое единство обучения и воспитания он трактовал механистически, как исключение специфики обучения и «собственно воспитания», устранения их существенного различия по целям, средствам и результатам. В едином педагогическом процессе утверждалось первенство обучения, воспитание строилось по логике обучения, отождествлялось с «воспитывающим обучением». Более того, обращение к специфике воспитания представлялось совершенно недопустимым, методологически несостоятельным. Это уже не просто отступление от А.С.Макаренко, а явное противостояние ему.

Вся его жизнь и творческая деятельность посвящены разработке коренного направления развития педагогической мысли и практики, которое предусматривает (вслед за К.Д. Ушинским): педагогика – это наука о воспитании; рядом с ней – «дидактика», наука об обучении. Построение целостного педагогического процесса как системы не исключает, а предполагает различие элементов ее структуры и иерархичность этой структуры.

Макаренковская концепция педагогики четко определяет: сфера обучения – знания, навыки умственной и практической, трудовой, профессиональной деятельности; основа воспитания – широкая жизненная практика, с верховенством продуктивного труда и его мотивации. Простое усвоение, «присвоение» знаний и навыков создает человека-потребителя; воспитание ведет к становлению человека-созидателя, творческой и духовно богатой личности. Воспитывается характер, цельная личность, в единстве ее ума, чувства и воли.

Целостный педагогический процесс в педагогике А.С.Макаренко мыслится и строится по принципу «параллельного действия» воспитания и обучения как различных процессов, с приоритетом воспитания. В деле воспитания на первый план ставится труд как основание человеческой жизни и культуры, полноценного социально-нравственного опыта.

Признание или непризнание приоритета воспитания в педагогике и основополагающей роли хозяйственно-трудовой деятельности в воспитании – это водораздел между макаренковцами и не-макаренковцами, в том числе в макаренковедении.

Шестая догма отражает советскую *«коллективистскую» педагогику* в ее тенденции ограничивать коллективизм персональными взаимоотношениями, деятельностью различных «малых групп», обособленного школьного класса. Это объединения, не имеющие социального статуса; они образуются обычно на основе отдельных видов деятельности и простого «общения». Ведущую роль здесь играют субъектно-субъектные отношения типа «учитель-ученик», «ученик-ученик».

Основанную на таком подходе педагогическую концепцию А.С.Макаренко называет «па́рной педагогикой», характеризуя ее как противоположность его взглядам и опыту. Будучи индивидуалистической, она по существу является фикцией, т.к. не соответствует закономерностям воспитания как общественного явления. Отсюда слабость, неэффективность этой педагогики; она действенна как фактор социальной дифференциации, неравенства в воспитании.

Исторически сложился и существует поныне стереотип педагогического мышления и действия, основанный на метафизической «разграничительной» трактовке воспитания «в широком смысле», как социального явления (неподвластного педагогике), – и «в узком смысле», как «целенаправленной педагогической деятельности», которая выступает обычно как работа «уединенной личности» педагога-профессионала.

Такое разграничение является каноническим в советской педагогике, оно безоговорочно применяется и в отношении А.С. Макаренко. Безмерно преувеличивается роль личности воспитателя.

Это педагогика, которая имеет в виду фактически лишь субъективный, человеческий фактор. Действие этого фактора А.С. Макаренко ставит в прямую связь с объективными условиями воспитания. Он придает первостепенное значение «материальной сфере», укладу жизни педагогического учреждения, характеру его жизнедеятельности и жизнеобеспечения. От «внешних факторов» в огромной степени зависит морально-психологическое состояние учреждения как «воспитательного коллектива», этим определяется целостность и эффективность воспитательного процесса.

Необходимо создать, говорит А.С. Макаренко, определенную «конструкцию всего аппарата воспитания». «Технологический подход», единая для всех педагогическая система – это база массового воспитания, равенства в воспитании. На основе общего, «в параллели» с ним успешно решаются задачи индивидуализации воспитания и развитие личного творчества «педагога-мастера». Нужно и можно найти такую форму коллективной организации, «при которой отдельная личность будет и наиболее дисциплинированна, и наиболее свободна» (Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 3, с.196).

«Парная педагогика» сводит «педагогическое поле» к абсолютному минимуму, таким же минимумом ограничивая и результаты воспитания. Макаренковская социальная педагогика создает максимум условий для воспитания, ставит масштабные педагогические задачи, достигает необычайной эффективности воспитания. Фундамент этого – целостный педагогический процесс, органическое единство воспитания, обучения и развития личности, их творчески-активное «вторжение» в процесс социализации, в жизнь общества, сферу экономики, политики и культуры.

Седьмая догма, наиболее деструктивная, предполагает: воспитание «по Макаренко» и вообще полноценное воспитание может вполне *обходиться без производительного труда, т.к. «обучение - тоже труд»;* принципиальное различие их отвергается. Считается достаточным труд в учебных целях, в сочетании с «профориентацией», «воспитательной работой», «дополнительным образованием» разного рода (при потреблении необходимых для этого средств).

Практика уже многих десятилетий начинае убедительно показывать, что нетрудовое воспитание, исторически привилегированное, став массовым, рзрушает основы существования общества и человека как личности.

(Опубликовано: Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю. Догмы и новые ракурсы изучения наследия А.С. Макаренко // Педагогика, 2009, № 5, часть журнальной публикации; Фролов А.А. Догматизм в освоении педагогического наследия А.С. Макаренко // Псих.-пед. наследие прошлого в современной соц.-пед. деятельности. Матер. VI макаренковских чтений. – Екатеринбург. 2009).

И.П. Иванов – последователь А.С. Макаренко

И.П. Иванов (1923-1982) наиболее четко представил себя как последователя А.С. Макаренко в книге «Воспитывать коллективистов» (М., 1981, 1982). Каждая ее глава имеет эпиграф, взятый из макаренковских произведений. Другая книга «Методика коммунарского воспитания» (М., 1990) начинается с главы, целиком посвященной А.С. Макаренко. В ней его наследие характеризуется как «педагогика общей заботы».

Но в книге «Звено в бесконечной цепи: педагогическая концепция общей творческой заботы» (Рязань, 1994), представленной в качестве «последней работы» И.П. Иванова, в главе «Основы» А.С. Макаренко не значится среди тех зарубежных и отечественных педагогов-демократов, творчество которых созвучно авторской

позиции. Он лишь мельком упоминается в последующем тексте, в связи с использованием некоторых его словосочетаний. О других советских педагогах ничего не говорится. Понятие «коммунарская методика» отсутствует. Все это сделано самим автором или составителями издания? (Отв. ред. обозначены: Иванов И.П., Аванесян И.Д., Титова Е.В., Трухачева Т.В.)

К чести редакционной коллегии, авторов и редакции Российской педагогической энциклопедии следует сказать, что в этом фундаментальном издании характеристика творчества И.П. Иванова как разработчика «идеи воспитания детей в коллективе» дана со всей определенностью. Коммунарской методике посвящена отдельная большая статья (О.С. Газман). В ней показана связь этой методики с деятельностью других советских педагогов и писателей (Н.К. Крупской, С.Т. Шацкого, А.П. Гайдара, В.Н. Терского), с опытом школ-коммун 1930-х гг.; с принципами деятельности пионерской организации.

В этом издании статья об А.С. Макаренко (автор Л.А. Левшин, рецензент А.А. Фролов) коммунарская методика отмечена как один из ярких примеров освоения макаренковского наследия. В редакционном дополнении к материалу Л.А. Левшина говорится, что А.С. Макаренко «не был близок педагогам-гумманистам (П.П. Блонский, В.Н. Сорока-Росинский, С.Т. Шацкий)», но «боролся за утверждение гуманистической педагогики».

Судя по этим статьям в Российской педагогической энциклопедии и по сборнику «Педагогический поиск» (М., 1987), можно заключить, что работа И.П. Иванова в области воспитания оказалась как бы «на стыке» различных и даже противостоящих направлений в отечественной педагогической теории и практике.

С одной стороны, он причислен к группе педагогов-новаторов 1980-х гг., к «педагогике сотрудничества». На ее основе в начале 1990-х гг. произошел переход к концепции «гуманистического воспитания», а затем к современной «личностно-ориентированной» педагогике, которая фактически устранила надобность в воспитании путем сведения его лишь к созданию условий для развития личности. Здесь нет и не может быть существенных ассоциаций с идеями и опытом А.С. Макаренко.

С другой стороны, И.П. Иванов, несомненно, принадлежит к другой группе педагогов-новаторов, действующей в 1960-1980-х гг., опыт которых был проигнорирован составителями сборника «Педагогический поиск».

Эти педагоги, причисляя себя к последователям А.С. Макаренко, шли по пути реформирования системы воспитания в школе путем качественного изменения всего ее «образа жизни», значительно усиливая воспитательную направленность ее деятельности. Характерно, что это не просто учителя-«предметники», а директора школ разного типа: Г.М. Кубраков, З.Г. Шоюбов, А.А. Захаренко, В.Ф. Алешин, А.А. Католиков.

В освоении наследия А.С. Макаренко они достигли того предела, который был возможен в тогдашних условиях школы как «школы учебы» и обслуживающей ее педагогики. Эту педагогику следует называть «дидактической педагогикой», т.к. она во всем полагается на обучение. В области воспитания она стремится реализовать главным образом учебно-образовательную, культурно-просвятительную задачи. Не случайно авторы учебников, учебных пособий по педагогике - преимущественно дидакты: П.Н. Шимбирев, И.Т. Огородников, Г.И. Щукина, Т.И. Ильина, Ю.К. Бабанский и др.

Указанная группа директоров школ, последователей А.С. Макаренко, вела к усилению в педагогике и школе оспитательной функции. Все они стремились к созданию в школе необходимой для воспитания прочной основы хозяйственно-

трудовой деятельности и педагогически более целесообразной системы управления, обеспечивающей целостный педагогический процесс.

Эта тенденция совпадает с главной задачей, которой посвятил всю свою жизнь А.С. Макаренко: произвести исторически назревшую смену типа школы и педагогики. Надо заменить школу учебы школой жизни, труда, воспитания. Нужно перейти от дидактической педагогики к педагогике, где первенство воспитания распространяется и на область обучения, значительно усиливая его эффективность и качество.

К сожалению, современное реформирование отечественной школы и педагогики произошло целиком в рамках «школы учебы», лишь усугубляя ее одностороннюю направленность на сферу знания и интеллектуального развития личности. «Яд антисоциальности» (В.В. Зеньковский) стал разъедать основы развития личности. Всеобъемлющее значение в ее становлении приобрели социальная среда, стихия рыночных отношений, произвол средств массовой информации, коммерческой рекламы и шоу-бизнеса. Верхоенство обособленной личности в педагогике породило свою противоположность – поглощение личности социумом, ее обезличивание и стандартизацию.

И.П. Иванов – последователь А.С. Макаренко как деятеля, который дал мощный творческий импульс развитию «воспитательной педагогики». Главная заслуга И.П. Иванова состоит в создании организационной формы практической подготовки в вузе учителя как воспитателя. В его опыте – это «Студенческая коммуна имени Макаренко» (КИМ) на факультете начального обучения Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена. Он создал ее в 1963 г., руководил ею более 20 лет, фактически на общественных началах, при поддержки руководством учреждения. Массовое распространение «коммунарского движения» в педагогических вузах подтвердило его актуальность и жизненность.

В практике этого движения реализуется идея «школы жизни», макаренковская концепция творческого взаимодействия поколений молодежи, старших и младших, их деятельно-творческой заботы об улучшении жизни, развитии нравственных основ коллективности, создания и закрепления ее новых форм и традиций. Это «сводный коллектив» преподавателей, студентов, выпускников пединститута, энтузиастов воспитательной работы. В нем совмещаются функции педагогического клуба, агитбригады, педагогического отряда (по работе в школе) и научно-студенческого общества.

Действуя в условияи педвуза, готовящего «учителей-предметников», при отсутствии хозяйственно-трудовой базы воспитания практика «коллективных творческих дел» коммунаров по существу ограничивается эпизодическими и разрозненными общественно-полезными делами, содержательно насыщенным досугом и отдыхом, - что, естественно, еще далеко отстоит от макаренковской педагогики.

Существующая тогда система общеобразовательной школы, оторванная от жизненных и производственных условий, при авторитарно заданном управлении, - не допускала внедрения «коммунарской методики» в массовую школьную практику. Эта методика, поддержанная ЦК ВЛКСМ, успешно развернулась на базе пионерской и отчасти комсомольской работы, особенно в летних пионерлагерях и на сборах комсомольского актива. Создание в школах стабильно действующих развивающихся коммунарских коллективов оказалось невозможным.

Лишь в начале 1988 г. Комитет по образованию СССР и ЦК ВЛКСМ выступили с поддержкой создания Центра по изучению и распространению «педагогики коллективной творческой жизни – педагогики общей заботы». Начавшееся ее использование в широкой практике школы, без изменения основ ее деятельности,

скоро приняло форму лишь некоторого усовершенствования традиционной «педагогики воспитательных мероприятий».

(Фролов А.А., в кн.: Игорь Петрович Иванов: наука и жизнь / Авт.-сост. И.Д. Аванесян. Под общ.ред. Г.А. Бордовского и В.А. Козырева. - С.-Петербург, 2009 – публикация, в сокращении, доклада на конф. «Игорь Петрович Иванов: создание и развитие педагогики общей заботы», С.-Петербург, ноябрь 2000 г. В указанной выше книге, обширной вступительной статье И.Д. Аванесян, в статьях многочисленных других авторов А.С. Макаренко даже не упоминается).

Разработка наследия А.С. Макаренко как фактор развития современной педагогики

1. Отношение историко-педагогической науки к современной педагогике – проблема, которая особого интереса давно не вызывала и не вызывает. Но возникают вопросы: В чем проявляется сейчас влияние историко-педагогического знания на современную педагогику и школу? Где оно выступает как позитивное или негативное? Как это влияние будет сказываться на педагогической теории и практике в будущем?

Не допуская бесплодного теоретизирования на тему: «история и современность», - необходимо обратиться к нынешней педагогической реальности, где историческая мысль и практика активно действуют, стимулируя или затормаживая прогресс образования, общества и человека. Как проявляются в наше время обнаруженные историей педагогики закономерные тенденции общественно-педагогического развития? Каким образом историко-педагогическая наука должна реагировать на современные кризисные явления в экономике и культуре?

2. То, что история педагогики может продуктивно работать в направлении поставленных вопросов, - убеждает процесс освоения идей и творческого опыта А.С. Макаренко, длящийся уже более 80 лет, начавшийся еще при его жизни, в середине 20-х гг. XX в. Его наследие разрабатывает уже 3-е поколение педагогов, литературоведов, различных представителей социально-гуманитарного знания. В нашей книге (Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939-2005 гг., критический анализ).-Н.Новгород, 2006) показаны более 1500 лиц, так или иначе активно относящихся к этому наследию, в том числе более 500 из зарубежных стран, их около 20.

Важно то, что исследователи творчества А.С. Макаренко со временем перешли от его изучения как бы «самого по себе» к его рассмотрению в широком контексте развития общественно-педагогической мысли и практики его времени и последующего их развития, включая современность. Исследования вышли за пределы отечественной истории, вступили в область зарубежной педагогики и школы.

3. Во всем этом первостепенное значение имеет, конечно, содержание макаренковского наследия, его качество, в особенности уникальное в мировой истории органическое сочетание педагогической практики (с 1905 г., 27 лет, в том числе 17 лет успешного руководства педагогическим учреждением) и теоретической работы в педагогике, а также плодотворное сочетание деятельности педагога с работой писателя и публициста, общественного деятеля. Примечательно и то, что это классик педагогики, наиболее близкий по времени нашей современности и наиболее авторитетный в мире наш, отечественный педагог.

Необычайно широк масштаб творчества А.С. Макаренко, он глубоко проникает в существо педагогических явлений и процессов. Это социальный педагог-реформатор. Он выходит за традиционные рамки «детской» и «школьной» педаго-

гической теории и практики. Он преодолевает разрыв в понимании воспитания как социального явления и как деятельности педагога-профессионала. Он усиливает трактовку педагогики как науки, которая, как и всякая наука, неотделима от искусства - в его творческой сущности и в практическом использовании научных достижений. Он освобождает педагогику от ограниченного приспособления к существующему, делает ее важнейшим фактором развития общества, личности и индивидуальности.

4. А.С. Макаренко стал известен за границей уже в конце 20-х гг. На его творчество живо откликнулись Я. Корчак, С. Френе, Д. Дьюи, Г. Винекен, У. Бронфенбренер; его высоко оценили теоретики педагогики, педагоги-компаративисты Г. Нооль, О. Анвайлер, Л. Фрезе. В обращении к макаренковским трудам большой группы влиятельных зарубежных педагогов можно видеть факт интернационализации педагогики как науки о воспитании (в его принципиальном отличии от обучения).

5. Огромный потенциал наследия А.С. Макаренко, его выход на «точки роста» педагогической науки и практики хорошо видны в свете полемики, которая сопровождает все его творчество с самого начала до наших дней. Она будет, несомненно, вестись и далее, пока это наследие не будет полностью использовано в науке, социально-педагогической практике и исчерпано. Хотя, как прозорливо замечено, «классика всегда современна».

6. Труды и опыт А.С. Макаренко в отношении связи педагогической истории и современности особенно ценны тем, что в их основе лежит новое решение базовых, «вечных» проблем: педагогика и жизнь, школа и общество, социальное и природно-биологическое в образовании, материальное и духовно-нравственное, внешние и внутренние предпосылки становления личности. Речь идет о предмете, границах педагогики, ее методологии и задачах, мере социально-гуманитарной ответственности и результативности.

Это актуально сейчас, когда отечественной педагогике и школе предстоит преодолеть их слабость, индивидуалистическую направленность, попытки подменить воспитание обучением, самопроизвольным развитием личности и общим процессом социализации.

7. Изучение макаренковского вклада в педагогику, его роли в развитии современной педагогики начинается с его «Кризиса современной педагогики». Это «большое сочинение» А.С. Макаренко писал еще до Октябрьской революции 1917 г., «в течение шести месяцев» (с конца 1916 г., в первую половину 1917 г.), при завершении учебы в Полтавском учительском институте; за это произведение он получил в институте золотую медаль (Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 41). Оно утрачено, вероятно безвозвратно, в ходе Гражданской войны.

Но его основное содержание четко отражено в слове «кризис». Имеется в виду, вероятно, кризис и отечественной, и мировой педагогики. Парадоксально, что А.С. Макаренко говорит это в начале XX в., когда в Западной Европе и США в русле концепции «свободного воспитания» бурно разрабатывались прогрессивные идеи «нового воспитания», «новой школы», «трудовой школы», педологии, прагматической педагогики.

Современные исследования показывают: А.С. Макаренко не просто воспринял новаторский смысл этих направлений, но и увидел их ограниченность, необходимость их критической, творческой переработки применительно к новым общественно-педагогическим условиям и задачам. Такой вывод, важный для развития

современной педагогики, подтверждается дошедшими до нас некоторыми макаренковскими материалами начала 20-х гг. (там же, с.29-32, 44-47).

(Опубликовано: Фролов А.А., в кн.: Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: актуализация педагогического наследия прошлого. Материала пятой национальной научной конференции. Москва 2009 г./ Ред.-сост. Г.Б. Корнетов. – АСОУ, 2009)

О содержании издания

Данная Часть 4 издания «А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания…» – это продолжение серии, начало которой положила книга А.А. Фролова «А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939–2005 гг., критический анализ)». – Н.Новгород, 2006. Предполагаемая далее публикация частей 5 и 6 «Школы жизни…...» завершит это новое издание собраний сочинений А.С. Макаренко в виде «учебной книги».

Окончанием всей серии станет книга «Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии, социально-гуманитарных основ». В Части 3 началась публикация подготовительных материалов к ней, в форме вступительной статьи, на основе напечатанного ранее. Этот итоговый труд изначально формируется как современное представление творчества А.С. Макаренко, в органической связи с обобщением и критическим анализом огромной работы, проведённой его последователями в разных странах в течение уже более 70 лет.

Вся серия воедино связывает деятельность А.С. Макаренко как педагога-практика, мыслителя и писателя, художника слова, публициста, общественного деятеля.

Публикация его произведений включает и другие авторские материалы: деловые и личные письма, подготовительные материалы, рабочие записи, записи выступлений и т.д. Художественно-педагогические произведения даются фрагментарно.

Комментарии помещаются сразу за текстами А.С. Макаренко, побуждая к вдумчивому их восприятию, в связи с предыдущими и последующими текстами. Рубрика «Дополнения» содержит сведения о сопутствующих фактах жизнедеятельности его педагогических учреждений, в её связи с социальной средой. Здесь широко представлены документальные материалы педагогической практики трудовой колонии им. М. Горького и трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Таким образом реализуется характерный для макаренковского наследия и важнейший для его освоения принцип единства теории и практики.

Весь комплекс этих материалов и сведений выстраивается хронологически, что позволяет видеть и осмысливать педагогические явления в общем «потоке жизни», в процессе её противоречивого развития, т.е. адекватно макаренковской педагогической концепции, в единстве целостной системы и творческого диалектического метода. Важное место занимают источники, характеризующие личность А.С. Макаренко, его жизненный путь.

Такой подход, а также включение в издание новых, ранее неизвестных или малоизвестных материалов, комментирование текстов с учётом современных макаренковедческих отечественных и зарубежных работ, исследований 1960–2009 гг., подводит к качественно новым научным обобщениям. Они концентрируются в указанном выше заключительном труде: «Педагогика А.С. Макаренко…».

Таким образом, авторы и составители данной серии книг пытаются в какой-то мере реализовать замысел А.С. Макаренко, который ему не удалось осуществить, – написать «книгу по педагогике», «важный и капитальный труд о воспитании». Он

приступал к этой работе, заявлял о ней несколько раз: в 1928 г., в кон. 1932 г. – нач. 1933 г., летом 1936 г. А еще раньше – осенью 1922 г., когда он намеревался «огромный опыт двух лет, вызвавший множество вопросов, обработать научным образом» (Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 39).

О возможности и необходимости макаренковедческого исследования с высоким уровнем обобщения свидетельствует проведённый в январе 2008 г. в Федеральном институте развития образования (Москва, ФИРО) симпозиум «Современный А.С. Макаренко: методология, теория и практика педагогики».

Его материалы изданы в сборнике под этим названием (редкол.: Ф.Ф. Харисов, М.Б. Зыков, А.А. Фролов). Авторы сборника – 10 докторов наук, 16 кандидатов наук, специалисты из Украины, Польши, Германии, Франции, Чехии. Подготовку симпозиума и сборника осуществили ФИРО и Нижегородский государственный педагогический университет (НГПУ). Основная часть материалов симпозиума вошла в альманах «Макаренко», №2/ Гл. ред. А.М. Кушнир, сост. А.А. Фролов. – М.: Народное образование, 2008.

Издаваемая серия книг – результат деятельности исследовательской лаборатории «Социальная педагогика А.С. Макаренко». Она действует в НГПУ с апреля 2003 г. в составе: зав. лабораторией Г.Н. Козлова, докт. пед. н.; научный сотр. Е.Ю. Илалтдинова, канд. пед. н.; науч. консультант А.А. Фролов, докт. пед. н. (по полставки, совместительство). С октября 2008 г. в работе лаборатории участвует С.И. Аксёнов. С ноября 2010 г. лаборатория именуется: «Педагогика А.С. Макаренко».

В течение ряда лет в НГПУ ведётся учебный курс по выбору студентов «Педагогика А.С. Макаренко», рук. А.А. Фролов. В 2008 г. издана программа этого курса, а также брошюра «Наследие А.С. Макаренко: современная разработка и перспективы (в аспекте методологии). Критический анализ. Для обсуждения». Основное содержание второй публикации представлено в статье «Догмы и новые ракурсы изучения наследия А.С. Макаренко» (Педагогика, №5, 2009 г., авторы А.А. Фролов и Е.Ю. Илалтдинова). Выпуск 2 указанной брошюры, с публикацией полученных отзывов о ней и их обобщением, вышел в 2009г. Готовиться Выпуск 3, 2010 г.

В октябре 2008 г. в ФИРО начала действовать исследовательская группа «Капитализация человеческого и социального потенциала и изучение творческого наследия А.С. Макаренко» (рук. С.С. Невская, А.А. Фролов, по полставки, совместительство) – в составе центра «Человеческий и социальный капитал» (рук. М.Б. Зыков); в июле 2009 г. реорганизован.

Часть 4 издания строится в соответствии с теми же соображениями и правилами, которые изложены в Части 1 (с. 17–19), Части 2 (с. 16–19) и Части 3, с.26-28.

Эта часть имеет характерные особенности. Во-первых, она повествует о сложной и мало известной ситуации завершения деятельности А.С. Макаренко в трудовой коммуне им. Ф.Э. Дзержинского.

Во-вторых, на основе появившихся лишь в 2000 г. публикаций, впервые, хотя бы в общих чертах освещается его работа в Отделе трудовых колоний НКВД УССР, качественно новый этап его социально-педагогической деятельности.

В-третьих, публикуется третья, завершающая часть «Педагогической поэмы», в которой он стремился показать суть своей концепции педагогики, в резкой конфронтацией с ее оппонентами. В предыдущих частях этого произведения показано лишь «созревание» этого конфликта.

Значение данной части усиливается обширной публикацией фрагментов «Поэмы», не вошедших в текст ее «канонического», последнего прижизненого издания. Это фрагменты разных ее изданий и авторской рукописи, отличающиеся особой остротой педагогического содержания, что очень важно для понимания новатор-

ства А.С. Макаренко. Печатаются также аналогичные фрагменты первой части.

Третья часть произведения показывает, что «Педагогическую поэму» следует воспринимать как «книгу по педагогике», которую А.С. Макаренко вольно или невольно представил в художественной форме. На ее первых страницах звучат ключевые слова: «нового человека по-новому делать», «социальное воспитание»; будут говорить: «не так!» - а дело нужно делать, хоть и с ошибками; «всем учиться нужно». И главное: это «не какая-нибудь колония малолетних преступников».

Третья часть значительно усиливает характеристику произведения как «поэмы», лирико-эпического повествования. Оно глубоко воздействует на чувства и воображение, обращается к возвышенному и прекрасному, проникнуто воодушевлением, оптимистической идеей. Так проявляется глубинная особенность макаренковской педагогики, отраженная в понятиях: «стиль» и «тон» новой жизни и воспитания как ее органической части.

С завершением «Педагогической поэмы» открывается новая страница деятельности А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора. Он использует могучую силу искусства, художественной литературы, публицистики. Публикация в данной книге (в комментариях) многочисленных и разноречивых рецензий на «Педагогическую поэму» - начало его смелой и упорной борьбы в этой сфере духовной жизни общества.

Еще одна особенность 4-й части – большой дополнительный материал (авторский А.С. Макаренко и документы) периода трудовой колонии им.М.Горького. Он дается по не так давно вышедшей в свет книге: Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им.Максима Горького в документах и материалах 1926-1928 гг./Авт.-сост. И.Ф. Кривонос, Н.М. Тарасевич, А.В. Ткаченко. Под ред.И.А. Зязюна.-Киев, 2008, укр.яз.

В ходе продолжающейся макаренковедческой работы выявлено немало новых материалов деятельности А.С. Макаренко в колонии горьковцев и коммуне дзержинцев, они готовятся к публикации в Части 5 нашего издания.

Комментарии к текстам А.С. Макаренко начинаются с указания на источник, по которому печатается текст. Публикуемые впервые материалы обозначаются ссылкой на архивный источник.

Хронологически тексты располагаются по времени их написания или публикации, если время написания неизвестно. В наименовании материалов дата ставится, когда это наименование имеют несколько текстов. В комментариях биографические сведения об отдельных лицах даются лишь в рамках рассматриваемого периода. Фамилии руководства коммуны, администрации и актива самоуправления выделяются курсивом.

О проведённой составителями работе над текстами: устранении купюр, уточнении текста, дат и т.д. – не сообщается (за исключением наиболее значимых случаев). Введённые составителями в текст слова (пропущенные или уточняющие) даются в квадратных скобках. Сокращение отдельных мест (обычно при общем сокращении текста источника) отмечается отточиями. Не сообщается о первой и последующих публикациях, о имеющихся разночтениях, а также о переводе с украинского языка (обо всём этом обычно говорится в комментарии к источнику, по которому сделана публикация).

В разных томах издания в макаренковских текстах повторяются идеи, факты, лица, требующие пояснений. Это ведёт к некоторым повторам в комментариях по томам. Тогда отмечается и нечто новое, соответствующее иным обстоятельствам, логике развития социально-педагогических явлений и процессов. Так отражаются и более точные определения, которые дают составители издания в ходе изучения и

комментирования дальнейших публикуемых материалов.

Ссылки на издание Пед.соч. А.С. Макаренко в 8 томах (М., 1983-1986) делаются в том случае, если тот или иной материал еще не включен в наше издание, выходит за хронологические рамки его томов. После опубликования в нем ссылки делаются на соответствующий том.

Вступительная статья продолжает публиковаться в виде подготовительных материалов к «Педагогике А.С. Макаренко…», в определенной мере тематически связанных и в основном уже опубликованных. Такой же вступительная статья будет и в Частях 5 и 6.

В Именном указателе повторяются некоторые лица, отмеченные в указателях к Частям 1, 2 и 3 издания. Это люди, принимавшие участие в деятельности А.С. Макаренко длительное время.

Учебно-методический материал, содержащийся в Части 1 (с. 355–360), в Части 2 (393–403) и Части 3 (340-345) переносится в Часть 4 с некоторыми дополнениями и изменениями, с учётом новых явлений и проблем, свойственных социально-педагогической и литературной деятельности А.С. Макаренко в данный период. Дано дополнение к Учебно-методическому материалу – список отдельных изданий, публикаций 2-й половины 2008 г.–1-й половины 2009 г., а также более ранних лет, выявленных позднее. Показано содержание альманаха «Макаренко», №№1, 2, 3, вышедшего в 2009-2010 гг. Вступительная статья «От составителей» и Комментарии – составная часть учебно-методического аппарата издания.

Эпиграфы на первых страницах книги отражают наиболее важные социально-педагогические идеи А.С. Макаренко в основном в хронологических рамках Части 4 издания.

В подготовке книги к печати принял участие С.И. Аксёнов.

Подписи к фотографиям

На форзаце в начале книги:

1. А.С. Макаренко с сотрудником трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского и коммунарами (сер. 1930-х гг.)
2. А.С. Макаренко в своем рабочем кабинете в Отделе трудовых колоний НКВД УССР, г. Киев, 1936-1937 гг.
3. Книга отзывов посетителей трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского: обложка, записи чехословацкой рабочей делегации (Ю. Фучика), участников курсов при ЦК КП(б)У, писателя Ф. Гладкова
4. А.С. Макаренко – пом. нач. ОТК НКВД УССР
5. Членский билет А.С. Макаренко, члена Союза советских писателей
6. Учетная карточка А.С. Макаренко, сотрудника НКВД УССР (публ.: Опускула макаренкиана, № 22. – Марбург, 2000 г.)
7. Дарственная надпись А.С. Макаренко на украинском издании «Педагогической поэмы»
8. Автограф А.С. Макаренко, страница подготовительных материалов к школьному учебнику по отечественной истории

На форзаце в конце книги:

1. Ахматов Л.С., нач. Отдела трудовых колоний НКВД УССР (публ.: Опускула макаренкиана. – Марбург, 2000 г.)
2. Автограф А.С. Макаренко: страница части третьей «Педагогической поэмы», главы «Преображение»
3. А.С. Макаренко – старш. инспектор-консультант ОТК НКВД УССР (с 17 сент. 1936 г.), консультант по вопросам учебно-воспитательной работы в трудо-

вых коммунах и колониях (с 4 окт. 1936 г.). (Публ.: Опускула макаренкиана, № 22. – Марбург, 2000 г.)

4. А.С. Макаренко, Р.А. Ковнатор, Б.Ф. Рыбченков в редакции альманаха «Год XVIII», Москва
5. Пинкус С.Ф., нач. ОТК НКВД УССР с кон. августа 1936 г.
6. Рецензия Л. Сосновского на «Педагогическую поэму», газ. «Известия», 26 июня 1935 г.
7. Калабалин С.А., 1935-1937 гг., во время руководства одной из украинских детских трудколоний (воспитанник трудовой колонии им. М. Горького с марта 1921 г.)
8. Дом в Киеве, где в 1935-1936 гг. проживал А.С. Макаренко с семьей
9. Автограф А.С. Макаренко: первая страница докладной записки о поекте Положения о трудовой колонии НКВД (конец ноября 1936 г.)
10. Автограф А.С. Макаренко: рапорт об освождении от должности пом. нач. ОТК НКВД УССР, 14 июля 1936 г. (Публ.: Опускула макаренкиана, № 22. – Марбург, 2000 г.)

На с. :

1. Судаков И.П., нач. трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с нач. 1933 г. до сент. 1933 г.
2. Крамов О.Г., артист харьковского Тетра русской драмы, шефствовавшего над коммуной им. Ф.Э. Дзержинского
3. Шершнев Н.Ф., врач в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского (воспитанник трудовой колонии им. М. Горького с марта 1921 г.)
4. Погребинский М.М., сотрудник ГПУ-НКВД СССР, с кон. 1920-х гг. ответсвенный за создание трудовых коммун для молодежи, осужденных на небольшие сроки лишения свободы. Организатор Болшевской, Люберецкой, Дивеевской, Понетаевской, Городецкой и др. коммун. Участвовал в поддержке социально-педагогической деятельности А.С. Макаренко
5. А.С. Макаренко и Р.Р. Родовильский, врач в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского
6. Партбюро коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (ориентировочно 1932 г.)
7. На уроке химии в коммуне
8. Сборочный цех коммунарского завода электроинструмента
9. Коммуна дзержинцев в парадном строю, выход в г. Харьков на социально-культурное мероприятие. Походное постоение по взводам, отдельно мальчики и девочки, малыши. (Ориентировочно 1934 г.)

На стр. :

1. Борисов Ф., коммунар-дзержинец
2. Строгова М., коммунарка
3. Крикотин, коммунар
4. Стебловская Н., коммунарка
5. Коммунарки Борискина К. и Тулецкая Л. (окончила ин-т иностр. языков, погибла в застенках гестапо в Тирасполе, отказавшись сотрудничать с фашистами в качестве переводчицы)
6. Салько Л.М. коммунар
7. Экзамен по физике в школе коммуны
8. Младший коммунар у «стензадачника» (длительная игра-соревнование в творческом решении умственных и практических задач, «конкурс смекалки»). Повязка на рукаве со знаком «К» означает обязанность: «контроль коммуны»

9. Группа коммунаров, осваивающих парашютный сорт: слева направо, стоят – Сердобинский Ж., Соколова (Сычева) Е., Судакина Б., Зайцев В.; сидят – Французов М., Куприйчик П., Гонтаренко, Федоренко В. Всего коммуна подготовила около 20 парашютистов, 1934 г. Прыжки с парашютом осуществляли с крыла самолета «У-2»

10. Волейбольная команда коммунарок, справа налево: Куприй Н., Черняк Р., Соколова Л., Павлова В., Судакина Б., Курьянова Л. (1935 г., летний лагерь коммуны, в районе Святогорска).

На обратной стороне обложки:

Заседание исследовательской лаборатории НГПУ «Педагогика А.С. Макаренко». Слева направо:

«Евгений Онегин»: коммунарская феерия в одном акте, с музыкой, танцами и повышением производительности труда

Конферансье

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.

Его пример нам не наука,
У нас теперь другая штука:
Не только дядей, но и тять
Нам не приходится считать.
Папаши наши, дяди, мамы
Не приглашают нас страдать
И им подушки поправлять.
Нам не знакомы эти драмы.
И коммунар давно отвык
Считать наследство от родных.

В коммуне, правда на свободе.
Резвились франты за семь лет:
Острижен по последней моде,
Как денди лондонский одет.
К науке страсти не имея,
И наши ямбы от хорея
Не могут часто отличить
Или задачу разрешить.
И в политграмоте случайно,
Где Гоминдан, а где Шанхай,
Где Персия, а где Китай,
Для многих коммунаров тайна.
И часто русский их язык,
Как у Татьяны, тоже дик.

И,как Онегин, коммунары
Не убегают от любвей,
По вечерам любовны чары
Скопляются у батарей,
А по утрам в часы уборки
Их выметают на задворки
И выражаются слегка
Свирепые дечеэска[1].
И, как Онегин, лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Казаться мрачным, изнывать,
Разуверять, заставить верить
У нас довольно мастеров,
Орлов, и львов, и петухов.

Как видите, два-три уродства

Живут ещё до наших дней.
Но не найдём мы больше сходства
С чредою пушкинских людей.
И наши Ленские - иные,
И песни их, и жар – другие,
Хотя бывает - их задор
Похож на старомодный вздор.
Но если пылкий стих поэта
Тебе наступит на мозоль,
Ругайся, плачь, кричи, - изволь,
Но не пали из пистолета,
Не то сведёт тебя в район
Ближайший поставой мильтон.

Бывает и у нас такое:
Что с героиней сладу нет,
Похуже Ленского завоет
Какой-нибудь такой поэт.
Как раньше? Поклонился папе,
Провёл луну, и дело в шляпе.
И детям прочили венцы
Друзья - соседи - их отцы.

А вот увидите, как ныне
Мы вам решили показать
По коммунарски, так сказать,
Как обращаться с героиней.
Итак, послушайте бодрей
Дела ... не так давно минувших дней.
Пожалуйте.
(Выходит Сверлилка)

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда, как утро, весела,
Всегда вертлява, простодушна,
Сверлилка наша так мила.
Двенадцать тысяч раз в минутку
Её сердечко бьётся, шутка?
Всё в ней исправно, не обман,
Движенья, голос, лёгкий стан,
Не стан, пожалуй, а станина.
Вот вам портрет, он очень мил,
Я прежде сам его любил,
И раза три снимал для ки́но[2].
Да надоело, зритель мой,
Займёмся младшею сестрой.
(Выходит Лейка)

Её сестра звалася Лейкой,
Её взрастил немецкий дом[3],

Она явилась к нам злодейкой,
Довольно вредным существом.
Дика, печальна молчалива,
Полна капризов, боязлива,
Она в бригаде заводской
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
Ни к Горбунову[4] ни к Балджи[5],
Не раз замечена во лжи,
Снимать упорно не хотела
И часто целый день она
Без толку млела у окна.

Итак, дорогие товарищи, вот вам героини. Согласитесь, что мы сюжет «Евгения Онегина» выдерживаем. Будет у нас и герой, и при этом с явно поэтическим уклоном, можно сказать, - Ленский. Этот сорт чудаков ещё не перевёлся. Но гражданин Онегин никак не приклеивается к нашему времени. Ни таких лодырей, ни таких разочарованных теперь и в Торгсине[6] не достанешь. Гражданина Онегина мы лучше заменим Степаном Акимовичем Дидоренко[7]. Конечно, он терпеть не может романов и никогда в жизни не запоёт: "О жалкий жребий мой", но "Вы мне писали, не отпирайтесь" может запеть, в особенности, если роман происходит с Укрснабом, Облснабом, Горснабом, Райснабом, Коммунснабом и другими снабами[8], ещё не порвавшими с ним дипломатических отношений.

Маму и няню мы из романа выбрасываем, за ненадобностью, а также всех генералов и других белогвардейцев, по политическим соображениям.

Имейте, впрочем, в виду, что у нас героев много. Вот послушайте:

(За сценой хор коммунаров)

Болят мои белы рученьки со работушки
Скоры ноженьки со походушки.
Щемит моё ретивое сердце со заботушки:
Не знаю, как быть, как спецовку добыть.

Это коммунары. Ноги у них болят после летнего похода. Забота у них, правда, большая, спецовку в коммуне добыть не так легко. А что у них руки болят, так это они врут, чтобы расжалобить Степана Акимовича.

А вот и главный герой.

(В предшествии трубачей, играющих "Марш Черномора", выходит Тéпер[9]).

Конферансье: Друзья, я на себя взял смелость
Привесть приятеля, рекомендую вам:
Тепер, мой сосед ...

Тепер: Я очень, очень рад.
Прелестно здесь,
Люблю я наш завод
Ударный,
Удачный,
Здесь так уютно…

Конферансье: Прекрасно ...
Речь идёт, конечно, о заводе электроинструмента.
Дело в том, что в начале нашей истории товарищ Тепер
был влюблён в Сверлилку.

Тепер: Я люблю тебя, я люблю, сверлилка,
Как одна безумная душа поэта
Ещё любить осуждена.
Всегда везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Один привычный промфинплан.
Давно сверлилкою пленённый
Я фото-мук ещё не знал,
Я сто машин определённо
За одни сутки выпускал.
В тени хранительного склада
Лежит вас сотня, вот услада,
Ах, я люблю тебя ...
(За сценой начинается без слов *хор коммунаров*).

Конферансье: Раз идут коммунары, всяким «ахам» приходит конец. Товарищ Тепер, давайте прекратим любовную арию и послушаем, чего они хотят. Наверное, спецовки. А поют они из какой то другой оперы. Ужасно испорченный народ…

Хор мальчиков: Ходим третий день за ним.
Обещал: дадим, дадим,
Где Дидоренко девался,
Разыскать его хотим.

На заводе каждый час
Без спецовок гонят нас,
Где Дидоренко девался?
Разыскать его сейчас.

Товарищи, нигде не видели Дидоренко?

Конферансье: А вот идёт товарищ Дидоренко. Сейчас он будет отшучиваться.

Дидоренко: *(Мотив песенки Герцога из "Риголето")*
Если спецовка вам
Нужна в обновку,
Возьмите газету,
Сшейте спецовку.

Если спецовка вам
Нужна в натуре,
Пусть даст вам Пушкин,
Сошьёт вам турок.

Если спецовка вам
Нужна аккуратно,
Сошьёт вам спецовку
Китайский император.

Конферансье: Вот видите? Сейчас и коммунары должны изменить политику.

Хор мальчиков: Благодетельница наша,
Свет Степанушка наш,

И по глазам видать,
Хочет нам спецовку дать.
Благодетельница наша,
Ты подумай и в тиши
На спецовочку бумажку
Напиши, напиши.

Конферансье: Кажется, на такую просьбу уже не откажет. Но смотрите, смотрите, он усаживается на пенёк и прикидывается несчастным.

Дидоренко: Куда, куда, куда вы удалились
Богатств моих златые дни?
Никто нарядов не готовит,
Их Ордонанс напрасно ловит,
А деньги где, а смета где?
Чего не сделаешь в нужде?
Зарежешь ли в лесу корову
Иль мимо промычит она –
Всё благо, для района
Приходит час определённый.
И без спецовки тьма забот,
И без спецовки тьма хлопот.

Конферансье: Видите, видите? Если бы это были не коммунары, а женщины, они давно бы уже плакали, как на арии Ленского. Но коммунары не плачут. Они усиливают нажим, памятуя, что нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики.
(В сопровождении оркестра, марш из «Кармен»)

Хор коммунаров: За спецовки,
За спецовки
Выступайте дружно.
Нам спецовки,
Нам спецовки
Очень, очень нужно.
Без спецовок,
Без спецовок,
Что за производство?
Без спецовок.
Без спецовок
Сплошное уродство.

Конферансье: Сейчас, вероятно, Степан Акимович напишет ордер. А впрочем, посмотрим.
Что наша жизнь - игра.

Дидоренко: Штаны, пиджак - одни мечты.
Спецовка - сказка для бабья.
Кто без штанов живёт, друзья?
Сегодня ты, а завтра я.
Так бросьте же борьбу,
Ловите миг удачи.
Кто без штанов, пусть плачет,
Кляня свою судьбу.

Что верно - блат один.
Кто хочет получить штаны,
По букве 3 спеши один.
Кто прибежит скорей, друзья?
Сегодня ты, а завтра я.
Так бросьте же борьбу,
Ловите миг удачи.
Пусть опоздавший плачет,
Кляня свою судьбу.

Конферансье: Но коммунары не хотят плакать, они с судьбой не имеют ничего общего. У них остаётся последний козырь:

(Хоровая дикломация).

Хор мальчиков: Честное коммунарское слово,
Будем жаловаться в совет командиров.

Конферансье: Только после этого Степан Акимович приходит в искреннее настроение и выдаёт, как видите, спецовки.

Дидоренко: Откуда их угрозы?
Зачем оне,
Мои админ-хоз-грезы?
Вы изменили мне.

Конферансье: По этому торжественному случаю (*поёт*). Хозяин просит дорогих гостей прослушать пастораль.

Пастораль, как пастораль. Мы не имеем возможности растягивать наше представление на три акта и поэтому в действии пасторали принимает участие и товарищ Тепер, и товарищи Сверлилка, и Лейка, и даже товарищ Перфильев - начальник оптического цеха. Ещё одно замечание: хотя торжество происходит по случаю получения спецовок, мы больше о них вспоминать не будем, потому что и так понятно. Значит, начинаем торжествовать.

Хор мальчиков и балет: Под осенью заводскою, без всякого ручья
Пришли мы здесь толпой порадовать тебя,
Завод сверлилок наш выполняет план,
Даём мы сто машинок и не имеем ран.

Пришли повеселиться и выслушать доклад,
Буфетом насладиться и выдержать парад.
И грамот премиальных в полёте виден рой,
Велосипед реальный придёт не за горой.

Конферансье: Как видите, веселятся по случаю выполнения плана. Сто электросверлилок в день - это далеко не пустяки. Ведь каждая машинка стоит 500 рублей. Кто окончил десятилетку, может взять бумажку и подсчитать или попросить соседа. А для чего столько денег?

По секрету вам скажу: Лейка. Впрочем, лучше об этом не говорить. Просто веселятся дети, выполнили план и веселятся. Сверлилка, безусловно, нашла своевременным высказать свои чувства Исааку Яковлевичу.

Сверлилка: Мой миленький дружок,
Любезный Тепер, ох,

О ком я воздыхаю, и страсть открыть желаю.
Ах, не пришел штурмовать.
Ах, не пришел штурмовать.

Конферансье: Полная неожиданность. Оказывается, товарищ Тепер куда-то не пришёл. Почему? Честное слово, не разберу, куда. Будьте добры, повторите, товарищ Сверлилка.

Ах, не пришел штурмовать

Сверлилка: Ах, не пришел штурмовать.

Конферансье: Довольно повторять, уже понятно. Не пришел штурмовать. Это меня очень поражает. Товарищ Тепер может не придти обедать, чай пить, в баню не придёт, но штурмовать обязательно придёт. Очень нехороший признак, как-то порохом пахнет. А вот ещё и товарищ Перфильев[10] чего-то хочет. Пожалуйста, пожалуйста.

Я здесь наскучен, томен,

Перфильев: Смотри, как похудал.
Не буду больше скромен,
Я долго страсть скрывал.

Конферансье: Ну, скажите пожалуйста. Ему же и петь не нужно: он инженер-оптик, и вся коммуна давно знает, что он страстно влюблён в Лейку. Подумаешь, секрет: «он долго страсть скрывал». Но что такое с товарищем Тепером?

Увы, сомненья нет, влюблён я,

Тепер: Влюблён, как мальчишка.

Конферансье: Ну, что ты будешь делать? К кому вы обращаетесь. Исаак Яковлевич?

Пускай, погибну я, но прежде

Тепер: Я в ослепительной надежде…

Конферансье: Он в Лейку втрескался, честное коммунарское слово. Это уже не Евгений Онегин, а прямо Мазепа. По старости лет… Товарищ Перфильев, почему вы с букетом?

Какой прекрасный этот день,

Перфильев: Когда в сей деревенский сень
Просыпался белл фото-завод,
И мы приехали сюда,
Все оптики-конструктора,
Посмотрейт, как расцветайт она,
Ви Лейка, ви Лейка, ви Лейка, прелесть фотоаппарат.

Желаем много быть счастлив
И выпускайт гут объектив.
Никогда не быть скучна, больна.
И пусть среди своих камер
Не путает свой дальномер.
И кого пусть бросайт навек она
Ви Лейка и т.д….[11]

Браво, браво, браво, браво мсье Перфиль.

Хор мальчиков: Как ты мила, прекрасна!

Тепер: Скажи, из нас кого,
Меня или его

Навек любить согласна.

Часть мальчиков намазывает физиономии сажей и на подушках подносит Лейке дары. Дары из ящика достаёт Дидоренко и укладывает на подушки.

Попробуй согласиться!

Перфильев: Он в оптике профан.
Угробит промфинплан,
На месте провалиться.

Ну что ты будешь делать! Вот тебе и Татьяна, то есть Лей-

Конферансье: ка. Хорошо, если она по старинке пропоёт:

Но я Лейцу отдана
И буду век ему верна

Тогда хорошо, закрываем занавес, и публика может спокойно предаваться ссорам на вешалке. Ну, а если она ему бахнет по-советски, без всяких предрассудков?

Мой миленький дружок,

Лейка: Любезный Тепер, ох,
Люблю тебя, страдаю,
Как без тебя скучаю,
Ах, приходи в наш цех,
Ах, приходи в наш цех.

Я вас люблю, люблю безмерно,

Тепер: Без вас не мыслю дня прожить.

Довольно. Какой скандал!

Конферансье: Пока они переживают, я вам кратко опишу эту ужасную трагедию. Целых полгода продолжался этот роман, без всяких реальных последствий. Все влюбились в эту самую Лейку, дым коромыслом. Полгода жили только на плечах бедной брошенной женщины. Влюблённым этим и квартирку дай, и обстановку, и оборудование, и придворных, и представительство. А у них жар достиг таких размеров, что пожарный инспектор десять актов составил. И почему Степана Акимовича привлекли к ответственности - куда смотрит?

Ах истомилась, исстрадалась я.
Ночью и днём только о нём

Сверлилка: Думой себя истерзала я.
Где же ты радость бывалая,
Ах, истомилась, устала я.

Скажи пожалуйста, Вольгемут[11a] какая, подумаешь!

Молчи, фашисткая морда!

Лейка: Врёшь, толстомясая жужжалка, сама забыла, как нагревалась

Сверлилка: до пятидесяти градусов. Искрячка несчастная![12]

Лейка: Где у тебя честь? Где у тебя себестоимость? Безсебестоимостка! Интригантка!

Сверлилка: У меня нет чести и себестоимости? У меня три себестоимости, если хочешь знать!

Лейка: Три, скажите пожалуйста…

Да, три: одна у Кононенка[13], другая у Аврутина[14], а третья,

Сверлилка: парадная, у Тепера.

Лейка: И все три у тебя липовые. Подумаешь, она семьсот пятьде-

сят рублей стоит. Семьсот пятьдесят тебе болячек в камеру, и

Сверлилка: в объектив, и в печёнки, и в каждую линзу.

Я ей глаза выцарапаю! Только и знаешь танцуешь. Фокс-стротчина!

Лейка: И ты бы танцевала, так дохлая вся. Хроматическая аберрация, сферическая аберрация, астигматизм[15].

Сверлилка: А ты забыла, как у тебя был аппендицит коллектора и ползучее воспаление выключателя?[16]

Лейка: А одевается как: мерили, мерили ей лаковое платье, так разве на её фигуру годится? Так и ходишь в никелированном.

Сверлилка: А у тебя одно затрапезное: алюминий, никогда не снимаешь, неряха.

Я рабочий человек, а кому ты нужна: парочке на пляже

Лейка: снимать, да и то с перекосом.

(Лейка вцепляется в причёску. Начинается драка. Их разводят).

Сверлилка:

Продукции вашего круга
Надо приличия знать.
Разве годится друг другу

Конферансье: Активно причёски срывать!

Разве пристало заводам
Романы в цехах заводить?
Что это будет за мода
Влюблённым заводом ходить!

(Сверлилка и Лейка плачут – при общей картине подавленности)

Так продолжалось до августа месяца. Приехали коммунары из отпуска и взялись за эту испорченную натуру по-коммунарски. Можно назвать много славных педагогов, кото-

Конферансье: рые положили свои таланты на воспитание Лейки. И с ней произошло обновление.

К ней рынок подвигался ближе,
Агенты улыбались ей,
Мосторги кланялися ниже,
Ловили взор её очей.
Харторги проходили тише
Пред ней по зале и всех выше
И нос, и плечи подымал

Павел Константинович Тихонов[17].

Никто б не мог её прекрасной
Назвать, но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовётся браком.
И я тоже не могу.

Не удивительно поэтому, что у коммунаров по этому случаю такое хорошее настроение.

(Пение и пляска)

Хор мальчиков:

Ну-ка, светик Леечка,
Ты потешь, попляши,
Ай люли, люли, люли,
Ты потешь, попляши.

Каждый месяц тысячу
Покажи, покажи,
Ай люли, люли, люли,
Покажи, покажи.

Брак и неполадочки
По бокам, по бокам,
Ай люли, люли, люли,
По бокам, по бокам.

Коммунары с Леечкой
По рукам, по рукам,
Ай люли, люли, люли,
По рукам, по рукам.

Наши планы выполним
Каждый раз, каждый раз,
Ай люли, люли люли.
Каждый раз, каждый раз.

А в июле выедем
На Кавказ, на Кавказ,
Ай люли, люли, люли,
На Кавказ, На Кавказ.

Конферансье:

Итак, мы должны признать, что страстное увлечение товарища Тепера не было бесплодным. Действительно, годовой план наш очень того… Но, одним словом, очень хороший план мы выполнили.

(Пение и балет)

Пришёл конец мученьям.
Невеста и жених
Достойны восхищенья.
Хозо[18], венчай ты их.

(Тепера и Лейку венчает Хозо)

Сияет солнце красно.
Зефиры пронеслись.
Ты с Леечкой прекрасной,
Тéпер, веселись!

Общий апофеоз, на авансцену выбегает 20 мальчиков, снимают «лейками» зал. В зале вспыхивает магний. Начинает закрываться занавес, но конферансье останавливает:

Какой скандал, как стыдно снова
Нам перед публикой родной!
Забыли мы сказать два слова
Судьбу Сверлилки дорогой.

Не бойтесь, ничего такого
Плохого не произошло.
Быть может, Теперу назло –
Сверлилка вышла за Петрова[19].

Коммунары выводят Петрова на сцену (настоящего). Аплодисменты. Закрывается занавес.

Российский гос. архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 332 (А.С. Макаренко), опись 4, единица хранения 37.

«5 января в подшефной театру коммуне им. Дзержинского состоялся вечер, посвящённый 7-летней годовщине основания коммуны. После торжественной части было показано обозрение «Евгений Онегин», текст А.С. Макаренко, на темы производственной жизни коммуны, в постановке артистов нашего театра А.И. Янкевского и Л.А. Скопиной, в исполнении коммунаров, заслуженного артиста А.Г. Крамова и самодеятельности коммунаров. Танцы поставлены Е.М. Выслоцкой. Постановочная корректура заслуженного деятеля искусств Н.В. Петрова». (Газета-многотиражка Харьковского театра русской драмы, №3 (35), 23 янв. 1935 г. Репортаж: «На годовщине коммуны им. Дзержинского». (Коммуна была торжественно открыта 29 декабря 1927 г.).

С фото; подписи к ним: Сверлилка – коммунарка Клава Борискина; Лейка – коммунарка Шура Сыромятникова. Заслуженный артист А.Г. Крамов в роли А.С. Макаренко (в сером военном костюме, фуражке, галифе, ремень, левая рука в кармане). Хор коммунаров, завхоз Дидоренко (исп. коммунар Терентюк): «Куда, куда вы удалились, / богатств моих златые дни…/ Никто нарядов не готовит» и т.д. «Снято фотоаппаратом ФЭД №2727 во время спектакля».

Из сказанного видно, что исполнение «Феерии» несколько отличалось от приведённого выше текста, в ней участвовал и Макаренко-Крамов. В конце постановки они оба вышли на сцену, чем вызвали бурную реакцию зала.

Постановка выполнена, в стиле популярной тогда «живой газеты» (живгазеты); в ней критически, с юмором воспроизводились важные эпизоды деятельности предприятия или организации; это было делом молодёжной художественной самодеятельности. Феерия как драматический жанр – это фантастическое представление с эффектными декорациями и костюмами, необычными постановочными трюками.

Данная постановка выступает как часть прошедшей длительной «проработки» в коммуне романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Она проводилась в разнообразных формах: чтение стихов, лекции, обсуждения, посещение оперы-спектакля.

Об эстрадном представление типа «феерии», литературном обозрении «Постройка стадиона», показанном в празднование 3-летия коммуны (7 января 1931 г.), см.: А.С. Макаренко, Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспита-

ния. Часть 2. Письма, разработки, книги-очерки, статьи 1928–1932 гг. / Сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. – Н. Новгород, 2008, с. 315-316, 337. В этой постановке использовались тексты «Евгения Онегина», музыка из одноимённой оперы и опер «Риголетто» и «Кармен». Полный текст: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 37; Неизвестный Макаренко. Выпуск 6/Сост.С.Невская и др.-М, 1994, 44-68.

Юмористические, сатирические представления ставились в коммуне и на другие темы, в том числе международные: «Дзержинцы в Европе» («Паровоз»), «Red Army» и др. См. во «Флагах на башне» (А.С. Макаренко. Педагогические сочинения. В 8 т. / Сост. и коммент. А.А. Фролов по всем томам, Л.Ю. Гордин и М.Д. Виноградова по отд. томам. – М., 1983 – 1986), т. 6, с. 205 и т. 2, фотовкладки. Эти постановки готовились и исполнялись литературно-драматическим кружком коммуны, им руководил А.С. Макаренко.

Такого типа праздничные театрализованные представления он ставил и в трудовой колонии им. М. Горького; см. «Педагогическую поэму», т. 3 его Пед. соч., с. 413. В этой «феерии» три части: Наши недостатки («обозрение в стиле раешника», подготовил один из рабфаковцев-колонистов); Наши усилия («балет-пантомима», подготовила Н.Ф. Остроменцкая); Наши мечтания (подготовили группа колонистов и А.С. Макаренко, исполнители – 2 хора малышей): Н. Остроменцкая. Навстречу жизни. Колония имени Горького // Народный учитель, М., 1928, № 1 – 2, с. 65.

А.С. Макаренко «мог открыть Пушкина (кстати, он прекрасно знал Пушкина), Лермонтова, взять его слог, размер и даже его строфы и переложить на коммунарский быт, вставить фамилии коммунаров, коммунарские оценки, и коммунары были в восторге, когда они видели это на сцене. Таких работ очень много...»: Воспоминания К.С. Кононенко: Opuskula Makarenkiana № 20 / Ред. Г. Хиллиг, В. Марочко. – Марбург, 1997, с. 28.

Открытый осенью 1933 г. харьковский театр русской драмы начал шефство над коммуной дзержинцев в ноябре этого года. Его шефство также над заводом «Серп и молот» и электромеханическим заводом – одна из распространенных тогда форм осуществляемой в стране «культурной революции».

[1] Дежурный член санитарной комиссии – представитель органа коммунарского самоуправления, он осуществлял жёсткий надзор за гигиеной и санитарией быта коммунаров, чистотой помещений и территории. В комиссию входили обычно девочки.

[2] А.С. Макаренко говорит о подготовке им сценариев кинохроники о жизни и деятельности коммуны дзержинцев. См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания...; Часть 2. – Н. Новгород, 2008, с. 358 и Часть 3. – Н. Новгород, 2009, с. 80. В конце 1927 г. он написал сценарии кинохроники о колонии им. М. Горького; см. в данной Части 4: «Дополнительный материал» к предшествующим частям издания.

[3] Выпускаемый в коммуне плёночный фотоаппарат типа «Лейка» (массовое производство началось со 2-й половины 1934 г.) конструировался по образцу: Leitz-Camera, сокр. Leica, немецкое производство.

[4] *Горбунов Н.А.* **– главный инженер коммунарского завода электроинструмента с начала 1933 г.; в августе этого года врид глав. инженера и пом. нач. произв.-тех. части Управления объединёнными предприятиями коммуны, затем главный инженер, ведущий специа-**

лист по конструированию ФЭДа и освоению его производства. В пьесе «Мажор» и «Флагах на башнях» Воргунов.

[5] *Балджи* **– врид. нач. опытного фотозавода коммуны с конца 1933 г. См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 177, 251.**

[6] **Торговая сеть, реализующая иностранные товары.**

[7] *Дидоренко С.А.* **– завхоз коммуны с янв. 1932 г.; с мая 1933 г. нач. адм.-хоз. части. Во «Флагах на башнях» Степан Иванович, завхоз; в «ФД – 1» Дидоренко Тимофей Денисович.**

[8] **Организации, ведающие снабжением различными товарами, изделиями, продуктами питания.**

[9] *Тепер И.Я.* **– в мае 1933 г. зам. нач. коммуны; с осени этого же года и.о. нач. коммуны; с февраля 1934 г. нач. коммуны; в августе 1934 г. зам. нач. коммуны, ответственный за выход фотозавода на проектную мощность.**

[10] *Перфильев* **– с августа 1933 г. нач. оптического отдела Управления объединёнными предприятиями коммуны; с марта 1934 г. нач. опытного завода фотоаппаратов.**

[11] **Использован текст арии месье Трике в опере «Евгений Онегин».**

[11a] **Имеется в виду, вероятно, артистка киевского оперного театра Литвиненко-Вольгемут.**

[12] **Говорится о трудностях в производстве сверлилки «ФД-3»: перегрев корпуса, «искрят» контакты и др. (см. Пед.соч. А.С. Макаренко в 8т., т. 3, с. 448 – 449).**

[13] *Кононенко К.С.* **– зав. финансовой частью коммуны с марта 1932 г.; нач. коммерческо-финансового сектора Управления объединёнными предприятиями коммуны с августа 1933 г. Принимал участие в создании «Педагогической поэмы» как художественного произведения, активизировал работу А.С. Макаренко по её публикации: см. т.7, с. 179.**

[14] *Аврутин* **– с авг. 1933 г. нач. планово-экономич. отдела Управления объединёнными предприятиями коммуны.**

[15] **Помехи в оптической части фотоаппарата ФЭД, преодолённые при его опытном и производственном выпуске.**

[16] **Помехи в создании и производстве электросверлилки ФД разного типа.**

[17] *Тихонов П.К.* **– начальник коммуны с сент. 1934 г.**

[18] **Говорится, вероятно, о представителе хозяйственного управления ГПУ УССР.**

[19] *Петров* **– начальник электроинструментального завода коммуны с марта 1934 г. Руководивший до этого данным заводом Силаков П.Е. в мае 1934 г. направлен в Москву «в распоряжение ОК уполномоченного Наркомтяжпрома»; один из проектировщиков коммунарского завода электросвёрл (с мая 1931 г.), затем глав. инженер; с авг. 1933 г. – нач. отдела технич. планирования Управления объединёнными предприятиями коммуны, начальник электроинструментального завода.**

Дополнения. *Приказ по детской трудовой коммуне НКВД УССР им. Дзержинского, № 8, 5 янв. 1935 г., г. Харьков.*

За энергию, умение и инициативу, проявленные в деле постоянного и повседневного руководства всем коммунарским коллективом, органами коммунарского самоуправления и школьной сетью, за постоянную мобилизацию всего коммунарского коллектива на ак-

тивную, дружную и сплочённую работу на производстве – первому руководителю коммуны и бессменному на протяжении всех 7-ми лет – начальнику учебно-педагогической части тов. *Макаренко А.С. – Объявить благодарность и премировать месячным окладом зарплаты.*

Первого педагога коммуны, бессменно на протяжении всех 7-ми лет активно работавшего педагогом и руководившего учебной частью семилетней школы и техникума коммуны *т. Татаринова*[1] – *премировать месячным окладом зарплаты.*

Начальник коммуны *Тихонов*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 416, л. 1.

[1] *Татаринов Т.Д.* **– один из первых и бессменных соратников А.С. Макаренко, сотрудник его трудовой колонии им. М. Горького с лета 1925 г.; в «Педагогической поэме» И.Д. Киргизов; в «Марше 30 года» Тимофей Денисович.**

Из письма Галины Стахиевны Салько (Макаренко)[1] **сыну, Льву Михайловичу Салько, в Москву (где он учился), 5 янв. 1935 г.: «...Сегодня празднуется 7-летие коммуны. Ты ведь знаешь, что у нас всегда откладывают. 29-го был пленум [Харьковского] горкома, все наши администраторы в горсовете. Антон в райсовете...**

Вчера была генеральная репетиция, всё очень хорошо. Меня особенно поразил коммунар Зайцев, он с 1932 года в коммуне, я его что-то не помню. Антон говорит, что этот Зайцев у меня учился. Этот хлопец, лет 16-ти, читал написанные им стихи. Стихи совершенно исключительные, написаны пятистопным ямбом, размер очень трудный...

Вечер хороший. Ужинать мы не остались, по обыкновению. Видели в театре всех твоих знакомцев... Видела всех наших студентов...

Антона НКВД СССР вместе с начальником коммуны вызывают в Москву, с докладом... Так что Антон обязательно будет в Москве...

Неизвестный Макаренко. Выпуск 8. Неизданные письма. Часть 1 / Сост. С.С. Невская. – М., 1998, с. 45.

[1] *Г.С. Салько* **(1892 – 1962), будучи с янв. 1927 г. предс. комиссии по делам несовершеннолетних Харьковского окрисполкома, приняла деятельное участие в судьбе макаренковской колонии им. М. Горького, стала другом и любовью А.С. Макаренко с весны 1927 г. Его жена с осени 1928 г. Официально брак зарегистрирован 4 сентября 1935 г. О ней – см. Именной указатель в кн.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Части 1 – 3. – Н.Новгород, 2007, 2008, 2009 гг.**

Из протоколов заседаний совета командиров коммуны, №№ 1 и 2, 7 и 10 янв. 1935 г. **Краткие записи от руки. Определение распорядительной комиссии по «тихому клубу» - 13 чел. О походе в город «для приветствия II обл. съезда Харьковской обл.» (как, кто и др.). Назначение пом. командира 5 роты и пом. командира 4 взвода. «Бывшей коммунарке Невечере выделить из фонда СК безвозмездно 150 руб. для покупки пальто».**

«Разбор драки» двух коммунаров: с обоих снять звание коммунаров, «одного выселить в бараки», не выдавать денег по 1 мая, ограничить отпуск в город, строгий выговор в приказе. «Разбор картёжников»: играли на деньги, ночью.

Секретарь СК – без подписи. Далее ССК – *Сопин*

Тех. ССК – Октябрьский. Подписи А.С. Макаренко здесь и далее нет.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 402.

9 – 11 января 1935 г. у А.С. Макаренко сердечные приступы, с потерей сознания, затем постельный режим.

Редакция альманаха «Год XVIII», телеграмма

Очень прошу сообщить, когда выходит альманах пятый – Макаренко

РГАЛИ, ф. 332. Бланк телеграммы, 11 января 1935 г., г. Харьков, адресована: Москва, ул. Горького, 15, редакция альманаха «Год XVII». Запрос о плане выхода в свет в №5 этого альманаха третьей части макаренковской «Педагогической поэмы» (Москва, Гос. изд-во художественной литературы). Альманах выходил под общей редакцией А.М. Горького. В редколлегии: Л. Авербах, Е. Габрилович, В. Ермилов, Вс. Иванов, В. Кирпотин, П. Павленко, Н. Тихонов, А. Фадеев.

Дополнения. *Из протоколов СК, №№ 3 и 4; 19 и 25 янв.* **Заявление Сопина об освобождении от ССК – «поручить это Пащенко». Заявление о снятии с командования взводом и с членства в ДЧСК (Джуринская). Заявления: о выпуске 2-х коммунаров, об отпуске к брату. О пошиве брюк Цимбалу – сшить. О выдаче Заике 200 руб. из его сбережений - разрешить. О нерегулярной выдаче мыла – выдавать в начале каждого месяца.**

Гонтарь обругал официантку – извиниться, снять звание коммунара, строгий выговор в приказе. О прогулах занятий в техникуме. «О пьянке» 3-х коммунаров. ССК (здесь и далее) *Н. Пащенко.*

Из письма Н.Ф. Шершнёва П.П. Крючкову, **секретарю А.М. Горького, с 1920 г. (сотрудник издательства «Международная книга» и Госиздата):**

«...Антон Семёнович заболел, спазм сосудов сердца. 9 янв. я провёл у его постели полночи. Было 3 приступа. 11 числа приступ повторился в более тяжёлой форме, с потерей сознания и более угрожающими моментами.

После повторного приступа удалось уложить его в постель, созвали консилиум, который констатировал заболевание сосудов сердца... Предложили в течение 10 дней полное постельное содержание, после чего отправить в санаторно-курортную обстановку, под Москвой, назвали курорт – «Узловое».

В Харькове достать место на этот курорт невозможно. Я прошу Вас помочь нам за счёт коммуны им. Дзержинского поместить Макаренко в названный курорт. Макаренко немного возражает против курорта, но профессора категорически настаивают на пребывание на курорте полтора-два месяца.

С приветом, врач Шершнёв Николай.

...В 1928 г. вместе с Вами и Алексеем Максимовичем разъезжал по стране Советов.

21/I – 35».

Письмо А.М. Горькому, 26 января 1935 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Если Вы помните, весной прошлого года я был принят Вами и представил Вам свою пьесу «Мажор»[1], которая перед тем побывала на конкурсе Совнаркома [СССР] и удостоилась даже рекомендации.

В общем Вы пьесу мою одобрили, предложили кое-что исправить. Я драматург молодой, и мне легче написать новую пьесу, чем исправить старую. Я всё-таки ещё поработал над «Мажором» и передал её для печати в Гос. изд. «Художествен-

ная литература». Оттуда я получил очень хороший отзыв, скоро она должна выйти в свет. Ваше положительное отношение к моему драматургическому дебюту и потом успех пьесы в «Художественной литературе» меня настолько окрылили, что я даже пренебрёг полной неудачей моих попыток пристроить её в театре (МХАТ отозвался отрицательно, все другие даже не ответили), тем более что эти попытки не отличались особенной энергией.

Короче говоря, я написал ещё одну пьесу, «Ньютоновы кольца»[2] (почему-то скрываюсь под фамилией Гальченко). Меня увлекла тема изобразить игру мельчайших бликов, зайчиков на очень ограниченном участке нашей борьбы, мне хотелось этой радужной игрой подчеркнуть величие и уверенность нашего движения.

Сегодня я прочитал Вашу статью «Литературные забавы»[3], и теперь я понимаю, что меня в моей пьесе интересовала «химия» явлений среди наших людей. Очень возможно, что такой химии у меня не получилось, я не имею никакого понятия о качестве «Ньютоновых колец». Но так как в эту работу я вложил кое-что и так как в ней есть рисунки настоящих живых людей и живых конфликтов, которые я наблюдал вокруг себя, то я осмеливаюсь просить Вас, если позволяет Ваше здоровье и если у Вас найдётся время, прочитайте «Ньютоновы кольца», которые я Вам одновременно посылаю. Внимание и забота, которые Вы мне всегда оказывали, позволяют и теперь обратиться к Вам с этой просьбой.

Начал третью часть «Педагогической поэмы», которую надеюсь представить к альманаху седьмому. Очень хочу, чтобы третья часть вышла самой лучшей, поэтом постараюсь её закончить раньше, чтобы успеть сделать исправления, а может быть, даже написать заново, если потребуется.

Простите, что письмо на машинке – уже две недели, как лежу в постели, немножко надорвался – нервы.

Преданный Вам *А. Макаренко*

Харьков,
Коммуна Дзержинского
26 января 1935

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т. – М., 1983 – 1986; т. 1, с. 262.

[1] Пьесу «Мажор» см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 149–165. А.С. Макаренко был в Москве 10–17 марта 1934 г., в связи с подготовкой первой части «Педагогической поэмы» к отдельному изданию, встретился с А.М. Горьким (см. там же, с. 209). А.М. Горький прочитал пьесу в апреле (А.С. Макаренко. Пед. соч. т. 8, с. 177). По его указаниям А.С. Макаренко пьесу «доработал».

[2] Фрагменты этой пьесы см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 290–292, 296–315.

[3] Статья напечатана в газ. «Правда», 24 янв. 1935 г.

Письмо П.П. Крючкову, 27 января 1935 г.

Глубокоуважаемый Петр Петрович.

Ваше письмо с запросом о колонии имени Горького с приложением анонимной жалобы двух колоннистов[1] почему-то получилось у нас только в конце декабря. Я не знал, как приступить к проверке письма. Обратиться в Наробраз[2] мне казалось безнадёжным, так как я наверняка мог предсказать, что там к моему интересу отнесутся весьма отрицательно. Заняться расследованием непосредственно в колонии было бы бестактно по отношению к её руководству, я рисковал в таком случае сильно испортить положение директора и его помощников. Я поэтому обратился за помощью к своим бывшим воспитанникам и коммунарам-дзержинцам. Как раз в

это же время производилось обследование колонии партийной организацией. Это обследование, в общем, пришло к выводам удовлетворительным. У меня впечатление иное.

Говорить о регулярных избиениях или мошенничествах в колонии, конечно, нельзя. Может быть, бывают зуботычины в редких случаях, во всяком случае, это не характерно.

В колонии другая беда, гораздо более печальная: в ней нет ни серьезной воспитательной работы, ни организационного творчества, ни коллектива колонистов. Это обычный детский дом, материально плохо обставленный, руководимый случайными людьми, малограмотными и невежественными, и ленивыми. Печальнее всего, что это руководство в то же время убеждено, что в колонии все хорошо и что она в некотором роде представляет из себя образец. Это легкомыслие не сопровождается никакой попыткой работать или хотя бы у кого-нибудь поучиться работать. О работе с детским коллективом в колонии просто не имеют никакого понятия. Очень возможно, что руководители искренно убеждены, что они много тратят энергии, и что поэтому и результаты должны быть хороши. В самом деле: ежедневно утром они усаживаются в легковую машину и уезжают в город, в котором и проводят целый день за разными разговорами, которые, вероятно, считают необходимыми и полезными для дела.

А в это время дело в колонии идет самотеком: кое-как живут, кое-как обедают, учатся, работают. У колонистов нет перспектив, нет доверия к своему завтрашнему дню, нет доверия и к своему руководству. А поэтому нет энергии для дружной борьбы с материальной нуждой, для борьбы с отсталыми элементами в колонии[3]. Материальная сфера в колонии давно должна быть признана ужасной: старый монастырь, запущенные здания, все не приспособлено, все рушится, все неудобно, все нужно перестраивать, ремонтировать, а большею частью даже заменять новым. Вообще здесь нужны большие усилия и большая терпеливая энергия, воодушевленный коллектив.

Этого всего нет и надежды на это тоже нет никакой. В Наробразе сидят тоже люди временные и случайные, которые еще меньше имеют понятия о работе с детским коллективом, чем в колонии. Хуже всего то, что за 17 лет после революции в Наробразе так и не накопилось кадров специалистов для руководства такими колониями, и поэтому их жизнь всегда зависит от случайных комбинаций людей, орудующих исключительно при помощи «своего ума» и доморощенного остроумия.

Поэтому, какие бы меры ни принять в колонии имени Горького, не может быть никакой уверенности, что эти меры, надолго оздоровят колонию. Через месяц-другой налетят новые деятели и начнут выделывать новые глупости. Вообще это самый отсталый участок, вероятно, во всем советском строительстве[4].

Я глубоко убежден, что единственно, что необходимо делать,— это создать настоящую серьезную методику работы в советском детском коллективе, методику обязательную и для Наробразов, и дня руководства колонии, и для педагогических вузов. Успех колоний в настоящее время исключительно зависит от педагогической техники. А в Наробразах даже не знают, что такая техника возможна и что она есть в отдельных явлениях опыта. Положение печальное. Печальное еще и потому, что если бы даже наши педагогические верхи захотели приступить к созданию техники, они обязательно начнут ее высасывать из общих идеальных положений[5], расправляясь с данными опыта при помощи кавалерийских наскоков и острот.

Эти выводы я мог бы Вам прислать еще в начале января, но вдруг сильно заболел, и мне запретили даже подходить к письменному столу.

Прилагаю мое письмо к Алексею Максимовичу, в котором прошу его прочитать мою пьесу «Ньютоновы кольца», посланную одновременно заказной бандеролью. Очень прошу Вас передать письмо.

Глубоко уважающий Вас

А.Макаренко

Харьков
Коммуна Дзержинского
27 января 1935 г.

Известия ЦК КПСС, М., 1990, № 9, с. 217-218.

[1] Речь идёт, видимо, об анонимном письме-жалобе 2-х колонистов-горьковцев А.М. Горькому (колония его имени продолжала действовать после ухода-увольнения А.С. Макаренко с заведования ею в середине июля 1928 г.).

[2] Имеется в виду Харьковский окружной отдел народного образования. Он критически относился к педагогическому творчеству А.С. Макаренко в колонии им. Горького в 1927-1928 гг.

[3] Подчёркивается зависимость отдельных элементов педагогического процесса от его общих условий: перспективы, «доверие к руководству», дружная работа и (см. ниже) – материальная сфера, «воодушевлённый коллектив».

[4] А.С. Макаренко указывает на проявление в колонии им. М. Горького общих коренных недостатков тогдашней педагогической теории и практики, деятельности детских колоний, детдомов. Нужно (см. ниже) иметь «настоящую методику работы в советском детском коллективе», которой должны руководствоваться работники народного образования, педагогических вузов.

[5] А.С. Макаренко подчёркивает главный порок педагогической теории – её умозрительно-декларативный характер, отрыв от реальной практики, игнорирование новаторского опыта «педагогической техники».

***Дополнения.* Это письмо А.С. Макаренко П.П. Крючкову** *А.М. Горький 5 фев. 1935 г. направил П.П. Постышеву.* **Там об А.С. Макаренко сказано: он «был смещён Скрыпником» (смещён с зав. колонией горьковцев – А.Ф.). «Колония выпустила десятки ребят в вузы, агроинституты, на производство... Причина разрушения одна – плохое руководство». Необходимо «послать туда честного и толкового человека..., который дал бы колонистам новое, хорошее руководство». Отмечаются организационно-педагогический талант А.С. Макаренко, его высокие моральные качества. Там же, с.216-217.**

За этим последовало: 7 апреля 1935 г. в повестку дня заседания ЦК КП(б)У включен вопрос: «О детских колониях им.Петровского и им.Горького» (один из докладчиков – П.П. Постышев).

Решение: Членам ЦК Ашрафяну и Затонскому послать в колонию им.Горького уполномоченного ЦК и НКП, чтобы «на месте провести мероприятия по укреплению ее руководства и улучшению ее рботы». «Предложить Наркомпросу откомандировать переростков (подростков старше возрастом, чем предусмотрено для колонии – А.Ф.) на работу на предприятия, а дефективных детей – в соответствующие учреждения». Наркомпросу «обеспечить необходимую помощь колонии и наблюдение за ее состоянием».

Опускула макаренкиане, №22, с.101-102.

Постышев П.П. **– с 1926 г. секретарь ЦК КП (б) Украины; в 1930–1933 гг. секретарь ЦК ВКП (б); с 1933 г. второй секретарь ЦК КП(б)У.**

Скрыпник Н.А. **– в 1927–1933 гг. нарком просвещения УССР; с 1933 г. зам. предс. Украинского совнаркома. Резко критиковал статью А.С. Макаренко «Педагоги пожимают плечами» (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 286–287; Часть 2, с. 375; Часть 3, с. 79–80. В ноябре 1933 г. на Пленуме ЦК КП (б) Украины были вскрыты ошибки в национальной и культурной политике, осуществляемой под руководством Н.А. Скрыпника.**

Из письма А.М. Горького А.С. Макаренко, 8 февр. 1935 г.: **«...На мой взгляд, «Ньютоновы кольца» пьеса весёлая... Напрасно Вы прервали работу над «Педагогической поэмой», значение которой гораздо солиднее пьес. Вот уже первые части «Поэмы» вышли, а где третья? Очень прошу Вас: продолжайте эту работу!...**

Копию Вашего письма П.П. (Крючкову – А.Ф.) я сообщил Павлу Петровичу Постышеву, вероятно, он Вас вызовет «для разговора»...

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 1, с. 263.

Из протоколов совета командиров №№5 и 6, 8 и 9 февр. 1935 г. **Расписание пользования баней – по взводам, числам месяца. Назначения командиров II роты и 2, 6, 12, 13 взводов (с заменой некоторых). О выдаче денег коммунарам с их сберкнижек, для помощи матери, для поступления на курсы. Из фонда учебной части – за курсы киномехаников (с санкции педсовета). «За счёт неудержания денег на содержание коммуны за январь» - выдачи по 100–150 руб. «За пьянку – удалить Острикова».**

СК совместно с бригадирами фотопроизводства. Доклад Ярошенко о положении на фотозаводе: январь – «сплошной прорыв», потом небольшой подъём, массовые опоздания на работу, брак бывает 40 – 50%, иногда 100 %. Образцы работы показывают 16 чел. (поимённо). Низкая производительность – 13 чел. (поимённо), некоторые были ударниками. «В целом коммунары работают неплохо. Надо за коллектив болеть».

Тепер: о плохой работе комсомольцев, о «борьбе с бракодельством, плохом отношении к работе и вредительствам; есть классово чуждый элемент, надо бороться за план, коммунарский коллектив». Тихонов: «Есть резолюция Ягоды: в случае неулучшения качества аппарата - завод закрыть. Надо дать обещание и сохранить завод для страны».

Выступления – почти без коммунаров. Постановили: «для определения резолюции составить комиссию, 4 человека».

Из протоколов совета командиров, №№ 7, 8, 9; 16 и 19, 25 февр. **16 февр., совместно с комитетом комсомола: самоубийство коммунара Куприйчука – «подозревается антисоветский факт»; осудить.**

О летнем походе, А.С. Макаренко: Ленинград или Крым – обсудить по взводам. С 8 марта общая утренняя зарядка, по взводам. Рапорт секретаря совета бригадиров Гапеева: Соснов убегает с работы на заводе – предупредить. Выдача денег коммунарам, со сберкнижек (150 руб. для помощи матери и др.). Заявления о приёме в коммуну, определение пом. командиров, членов санитарной комиссии. «Супруненко воровал детали и инструмент» - определить в распоряжение командира роты на 10 дней.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 402.

Из писем Г.С. Салько (Макаренко) **Л.М. Салько, 17 и 19 февр. 1935 г., в Москву:**

«...Наш Антон вот уже второй день как бывает в коммуне. В коммуне произошло событие очень неприятное: застрелился Петька

Куприйчук. В связи с этим депрессивное состояние у многих мало выдержанных и устойчивых ребят, таких как Векслер, Стирис, Филька и проч.

...Хотя у Антона был припадок его сердечной болезни (врождённый порок сердца, приступы этой болезни случались с ним и в молодости – А.Ф.), но он не мог не прийти в коммуну. Говорит, что сердце не на месте. Вчера говорил ребятам об их будущем, сегодня обсуждался вопрос о походе. До сих пор все антоновы требования похода Тихонов называл: «беллетристика». Конечно, таково мнение и, Хозо [НКВД УССР], в ведении которого сейчас коммуна. А ты знаешь, какое значение имеет для пацанов ожидание похода, планы и прочее...»

Неизвестный А.С. Макаренко. Выпуск 8. Неизданные письма. Часть 1 / Сост. С.С. Невская. – М., 1998, с. 45 – 46.

Письмо А.М. Горькому, сер. – конец февраля 1935 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Ругаете Вы меня или помогаете, а я всё равно не умею так написать Вам, чтобы хотя бы на минутку Вы почувствовали всю глубину и теплоту моей благодарности и любви к Вам. И я страшно злюсь на себя и на наш век за то, что теперь люди такие деловые и суровые, что они умеют только возиться с материей, что явления в собственных душах такие для них стали непосильные.

Спасибо, что обругали. Это у Вас так сильно и ласково выходит, что мне может позавидовать любой мой воспитанник. Секрет педагогического воздействия таким образом ещё и до сих пор для меня проблема. Во всяком случае, после Вашей проборки мне хочется написать не третью часть «Педагогической поэмы», а третью часть чего-то страшно грандиозного.

Это, однако, не мешает «жалкому лепету оправданий». «Педагогическая поэма» - это поэма всей моей жизни, которая хоть и слабо отражается в моём рассказе, тем не менее, представляется мне чем-то «священным».

И не могу писать поэму в сутолоке моей работы в коммуне. Для поэмы мне нужен свободный вечер или какое-нибудь уединение. А пьесы я набрасываю в коммунарском кабинете в трехминутных перерывах между деловыми разговорами, выговорами, заседаниями, удовлетворяя писательский зуд, который так поздно у меня разгорелся в значительной мере благодаря Вашему ко мне вниманию. Теперь я уже не в состоянии пройти безучастно мимо интересных людей и коллизий. А так как мне записывать некогда, то хочется написать скорей, пока не забыл ничего.

Оправдался? Кажется, нет. Поэтому даю Вам слово не писать ничего, пока не окончу «Педагогическую поэму», кстати, конец уже недалеко.

А после «Педагогической поэмы» я мечтаю не о пьесах, а о таком большом деле: напишу тов. Бубнову[1] предложение. Я хочу написать большую, очень большую работу, серьёзную книгу о советском воспитании. Если у меня хватит здоровья, я уверен – это будет очень важный и капитальный труд. Я однажды приступил к нему[2], но увидел, что такую книгу можно написать в полном отрешении от текущей работы и обязательно «с книгами в руках», просмотрев все высказывания старого опыта, истории, художественной литературы.

Вы даже представить себе не можете, Алексей Максимович, сколько у меня скопилось за 30 лет[3] работы мыслей, наблюдений, предчувствий, анализов, синтезов. Жалко будет, если всё это исчезнет вместе со мной. Я поэтому и буду просить т. Бубнова, чтобы мне дали возможность жить в Москве, поближе к книгам и к центрам мысли, и работать. Мне понадобится два года.

Видите, я не очень отравлен драматургией и помню Ваше указание – писать о педагогическом деле. Но сейчас мои мозги очень скомканы коммуной: ведь у нас 520 ребят, а я уже достаточно заморился.

Не знаю, как сказать, как благодарить Вас за то, что прочитали «Ньютоновы кольца». Совесть мучит меня, что я затруднил Вас этой работой, но утешаюсь тем, что в «Ньютоновых кольцах» тема тоже педагогическая. Ведь теперь перевоспитываются не только дети. В пьесе я и хотел захватить кусочек великого процесса перевоспитания, только выражая его не в «небывалых чудесах», а в простой «химии». Перевоспитывается не только Хромов, а и Рязанова, и Луговой, и Ходиков, и Ёлочка. И не потому перевоспитываются, что стоит над душой гениальный педагог, а потому, что вся атмосфера, весь тон жизни и отношений новые[4].

Конечно, всё это тонкие штуки, и поэтому сократить, дописать, доработать пьесу, наедине с самим собой я не сумею. Если пьеса того заслуживает, если она станет объектом работы режиссёра или театрального коллектива, я с большим успехом смогу её улучшить. И Вы так пишете. Поэтому, если Вам придётся говорить о моей пьесе с режиссёром, Вы считайте, что за моими исправлениями остановки не будет.

Спасибо ещё раз за Ваше великое человеческое внимание ко мне и за ласку.

Преданный Вам *А. Макаренко*

Харьков, 54
Коммуна им. Дзержинского
А.С. Макаренко
[сер. – кон. февр. 1935 г.]

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 1, с. 263–265.

[1] *Бубнов А.С.* **– в 1929 – 1937 гг. нарком просвещения РСФСР, с 1925 г. секретарь ЦК РКП (б). О внимании Наркомпроса РСФСР в 1933–1934 гг. к педагогической и литературной деятельности А.С. Макаренко см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 106, 295.**

[2] Вероятно, А.С. Макаренко имеет в виду начатый им в 1932 г. труд «Опыт методики работы детской трудовой колонии», см. общий план книги и её вводную часть, посвящённую методологическим проблемам педагогики: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 37–38 и 41–56.

Сказанное ниже о необходимости отразить в новой книге данные «старого опыта, истории, художественной литературы» указывает на его трактовку педагогики как широкого социально-культурного явления. Он спешит с этой работой в период первых признаков серьёзного заболевания (не говоря о нём А.М. Горькому, лишь упоминая: «я уже достаточно уморился»).

[3] Приведённая цифра ясно показывает, что в изложении своих педагогических взглядов и опыта А.С. Макаренко не ограничивается периодом советской власти. Исторический контекст обязателен в его педагогике.

[4] А.С. Макаренко дорожит этой пьесой как произведением, где он впервые в своём творчестве стал отражать «элементы педагогики», действующие в «атмосфере, жизни, отношениях» людей, в их повседневности. Процесс социализации в среде старшего поколения становится важнейшим предметом педагогического исследования, органической частью изучения закономерностей воспитания детей и молодёжи.

Письмо Н.В. Петрову, 27 февраля 1935 г.

27 февраля 1935

Дорогой Николай Васильевич!

Почему это так печально вышло, что мы с Вами не повидались и не поговорили? Честное коммунарское слово, это Вы виноваты. Очень хочу надеяться, что после марта мы наверстаем утерянное, если с Вашей стороны всё будет в порядке. Возможность дальнейшего Вашего охлаждения (на севере)[1] меня прямо пугает.

Моя пьеса? Стоит ли о ней говорить? Много в ней слов. Честное слово, я очень хорошо знаю, что все эти «кольца» не стоят того, чтобы Вы особенно о них думали[2].

Спасибо за книжку, очень спасибо[3].

Весь Ваш *А. Макаренко*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 52.

Петров Н.В. – худож. рук. харьковского Театра русской драмы с осени 1933 г., Заслуженный деятель искусств, друг А.С. Макаренко, большого любителя театра, глубоко интересующегося театральным искусством. О дружбе с ним Н.В. Петров рассказал в своих книгах и статьях: «Пути к творчеству», «Встречи с драматургами», «50 и 500», «Правда чувств» и др. См. также его воспоминания в книге «Воспоминания о Макаренко» (Ленинград, 1960).

[1] Видимо, говорится о Ленинграде, где оказался затем Н.В. Петров.

[2] Говорится о пьесе «Ньютоновы кольца», имея ввиду скептическое отношение к ней Н.В. Петрова.

[3] Речь идёт, вероятно, об одной из книг Н.В. Петрова: Актёр и сценический образ (1934) или Режиссёр читает пьесу (1935).

Дополнение. *Совет командиров коммуны, протокол № 10, 28 февр. 1935 г.* **О выпивке коммунаров, в группе – направить в другие колонии (Максимову – в Полтаву, Братченко – в колонию им. М. Горького).**

Письмо К.С. Кононенко, кон. февр. – нач. марта 1935 г.

Дорогой Константин!

Думал ли я когда-нибудь, что попаду в такое капище медицины. А вот смотри, попал…

Лет через сто подобные учреждения будут описывать в романах для юношества какие-нибудь Майн Риды, а будущие Церберы будут такие романы запрещать: зачем-де рисовать юношам всякие ужасы. Я думаю, что майн-ридовский герой считал своё время довольно счастливым временем, так и мы в кардиологическом институте добродушно взираем на все пытки и процедуры и даже веруем, что всё это для спасения души полезно. До чего доверчивый и вообще паскудный вид – человек. Я думаю, что лев или тигр всё-таки лучше. Те не позволили бы поливать им животы тепловатой водой из брандспойта и уверять, что это не просто хулиганство, а «локализированный душ» и что он очень полезен для нервов. А я согласился…

Вчера меня усадили в ванну. Наполнили ванну водой, а в воду накачали несколько пузырьков воздуха. Конечно, эти пузырьки прилипали ко мне. Какая-то ведьма в белом халате даже по часам следила, чтобы это шарлатанство продолжалось не более десяти минут, ты видав?

Я просидел десять минут, вылез, конечно, как ни в чём не бывало, и хотел уже успокоить нервы папиросой, но меня заставили лежать целый час – ты подумай! И всё из-за этих самых пузырьков. Обязательно лежать, иначе, говорит, всё действие пропадёт…

Свидетельства искренней дружбы. Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко / Изд. Г. Хиллиг, В. Марочко. Опускала макаренкиана, № 20. – Марбург, 1997, с. 12–13 (рус. и нем. яз.).

Письмо из г. Одессы, где А.С. Макаренко проходил лечение, в кардиологическом институте. «... В феврале (1935 г., точнее – в середине янв. – А.Ф.) у него был первый приступ его болезни – грудной жабы (болезненные явления в области сердца, стенокардия – А.Ф.). Каким ужасным диссонансом ворвалось это в его жизнь! Стоя на пороге новой жизни, он, как всякий начинающий жить, был молод. Это «momento more» (напоминание о смерти – А.Ф.) звучало так дико, так трудно ему было отказаться от привычного уклада жизни,... что в первый момент он весь как-то был выбит из колеи. Он так привык не думать о себе, что и на этот раз решил отмахнуться, не думать о болезни... Всё же удалось уговорить его уехать в кардиологический институт, в Одессу. Но и там эти настроения не покинули его (там же, с. 12).

Из письма К.С. Кононенко, нач. марта 1935 г.

…Мне с тобой дозарезу нужно повидаться и поговорить, посоветоваться о моей дальнейшей судьбе. Галя[1] тебе расскажет о разных обстоятельствах, страшно важно знать твоё мнение…

Всё же вожусь с первой главой третьей части [Педагогической поэмы]. Она затеяна в таком сложном материале, что писать её страшно трудно. Места есть хорошие, но компонуется всё как-то неладно – переписываю уже второй раз.

В середине марта должен выйти пятый Альманах. Неужели и вторая часть не произведёт никакого впечатления? Сукины же сыны, ведь есть ещё и третья часть, а если разозлиться, может и четвёртая найтись…

Свидетельства искренней дружбы... Опускула макаренкиана, № 20. – Марбург, 1997, с. 13.

Дополнения. *Из писем Г.С. Салько (Макаренко)* **Л.М. Салько:**

«...Антон уехал в Одессу в институт, в котором ты был - кардиологический... Я ещё не имею писем, но телеграмму мне он прислал...

Я тебе писала, что он ходил на работу после того, как застрелился Куприйчук. Работал он много: надо было сделать дела и хоть немного наладить в коллективе. Я видела, как он за это время уставал, раньше этого не было: приходил совсем заморённым. Уехал в Одессу потому, что с московскими санаториями ничего не вышло и ещё потому, что ему надо не столько отдыхать, сколько лечиться. Поехал он стационарным больным, так что, вероятно, будет лучше...

4/III – 35»

«...Относительно квартиры: мне трудно тебе сказать, как делать. Я уверена, что в Москве мы будем, и Антон говорит – в 1936 году.

А тут получила письмо от Эны (Елены Самойловны Затонской – С.Н.), что приглашают Антона в Наркомпрос в Киев работать. Не знаю, как он к этому отнесётся. Я думаю, не стоит, надо одну линию держать, а то только запутаешься, да и где у Антона сейчас силы, чтобы начинать новую работу и борьбу, а ведь без борьбы не обойдётся в Наркопросе... Я думаю, что ему надо быть в Москве, там все его дела и интересы...

7/III – 35»

Из письма К.С. Кононенко, начало марта 1935 г.

…Замечательно, что у тебя появились московские перспективы[1]. Ах, господи, как бы это было шикарно, если бы тебе в Москве предоставили квартиру из четырёх комнат. Тогда одну комнату я бы у тебя выпросил бы, продал все вещи, кроме машинки, и переехал бы к тебе жить.

За комнату я предложил бы плату – водить всю твою фамилию в театр. У меня есть такая задняя мысль: когда, наконец, мою пьесу поставят где-нибудь, я буду водить вас только на свою пьесу. Это ничего не будет стоить, а во-вторых, вы, конечно, скоро предпочтёте, чтобы я комнатой пользовался бесплатно…

Опускула макаренкиана, № 20, с. 14.

[1] Говорится о предполагаемом переводе К.С. Кононенко на работу в Москву (что произошло позднее).

Дополнения. *Г.С. Салько* **15 марта сообщает сыну, что после лечения А.С. Макаренко в Одессе она уговаривает его поехать в Москву «для решения квартирного и литературных вопросов».**

«Мы с Антоном в этом году, по-видимому, действительно выберемся из коммуны, как будто всё пока благоприятно складывается.

…Антон в Одессе, пишет мне частенько:[1] жизнью он доволен, говорит, что никаких болезненных явлений у него нет. Принимает углекислые ванны, уверяет, что не верит в их целебные свойства, но на жизнь не жалуется, а это самое главное[2]. Хорошо ещё то, что он далеко от всяких забот о коммуне, а то тут его не оградишь… Степан (С.А. Дидоренко – А.Ф.) замещает Антона и мотается как угорелый…»

Неизвестный Макаренко. Вып. 8. Неизданные письма. Часть 1 / Сост. С.С. Невская. – М., 1998, с. 46, 53-54.

[1] Этих писем в фонде 332 (А.С. Макаренко) РГАЛИ нет.

Советы командиров коммуны, протоколы №№ 11, 12, 13; 5 и 11, 16 марта.

С.А. Дидоренко: о «приёме комиссией коммуны самолёта, подаренного к её 7-летию – приём произвести в строю, по отрядам, I – III роты. П.К. Тихонов, нач. коммуны: о введении новой системы зарплаты (её суть в протоколе не отражена – А.Ф.) – утвердить её, вводится с 1 марта.

Разделение V роты на 2 роты. Переводы по взводам. Назначения в санкомисию. «Лёгкой кавалерии» (оперативной группе коммунаров – А.Ф.): облигации гос. займа не подписаны на необходимую сумму. Сватко переводится с командира взвода на технического секретаря СК. Назначения помощников командиров. Выдача 200 руб. на покупку баяна; на другие нужды – отказать. Восстановление членства в коммуне: 2-х человек «взять на поруки», для этого персонально назначаются Лиф и Куксов.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 402.

13 марта 1935 г. комиссия Дзержинского райкома Коммунистической партии г. Харькова **оформила заключение, «выводы» по результатам проверки «состояния воспитательной работы среди коммунарского коллектива коммуны НКВД УССР им. Ф.Э. Дзержинского».**

Своё назначение коммуна «целиком и полностью оправдывает». Она «превратилась в мощный комбинат, с большой производственной базой, состоящей из 3-х заводов, оборудованных новейшими машинами, выпускающими весьма сложную, высокотехническую продукцию». В её школьной системе: 10-летка и техникум. Подсобные помещения: больница, баня, прачечная, свинарник, огороды и др. Явный рост производственной квалификации, общеобразовательного и

культурного уровня коммунаров. Это «редко сплочённый коллектив», использующий «непосредственную помощь НКВД».

«Ряд недостатков» в работе коммуны; основных – 16 (изложено на 4,5 стр. машинописи). Исходя из этого, бюро райкома партии постановляет (14 пунктов, на 2 стр.).

Партийной организации: «не ослабляя внимания работе заводов, обеспечить повседневное живое общение коммунистов, в особенности руководящих товарищей, с коммунарами». Райкому комсомола: «наметить мероприятия по поднятию роли коммунарской организации КСМ на производстве, в учёбе, быту». В политико-воспитательной работе: «поднять значение соцэковских [учебных] дисциплин, политчасов, политинформаций», роль изучения биографий вождей партии, истории партии и Красной Армии, встреч со старыми большевиками и т.д.

«Считать необходимым восстановить изъятые из программ Наркомпроса предметы – физкультуру и пение». Далее предложения: об оплате труда, режиме дня (ввести «мёртвый час» после обеда и др.), о врачебном контроле, кружковой работе, производственном обучении. «Ввести воспитателей для младших возрастов»[1], «улучшить связь с общественностью Харькова»; работу техникума организовать «на принципе учёбы без отрыва от производства».

Секретарь Дзержинского райпарткома Зеттель.

(Вопросы управления и самоуправления не затронуты; предложенные мероприятия имеют в основном пропагандистки-просветительный характер – А.Ф.).

Харьковский партархив обкома Компартии Украины, ф. 99, оп. 1, д. 10, лл. 139-144.

[1] С октября 1930 г. коммуна обходится без штатных воспитателей.

Письмо коммунарке Е. Невечере

18 марта 1935
Одесса

Спасибо, Лена, за письмо.

Конечно, мы поговорим о разных делах и всё поправим, как следует. Самое главное: духом не падать – и смотреть вперёд весело. Я считаю, что у тебя много способностей и энергии, значит, ты должна быть счастливым человеком. Надо только срочно выправить кое-какие детали, правда?

Пока.

Будь здорова.

А.Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 53.

Документ примечателен как образец стиля и тона разговора А.С. Макаренко с его воспитанниками, индивидуальной работы с ними, заботы и чуткости.

Запись при чтении рассказов А.П. Чехова

Чужая беда. Молодые покупают имение, но видят горе продающих. Муж здесь хвастун, жена тонко чувствует – лучший фрагмент о чеховских женщинах.

Ты и Вы. Следователь и мужик. Тема плохая, но в некоторых словах мужика уже чувствуется большое умение Чехова передавать синтаксис речи мужиков.

Муж. Пришёл полк. Акцизный уводит жену с бала. Очень хорошо и сильно.

Розовый чулок. Жена малограмотная, но муж утешается, её «семейной приспособленностью». По-моему, вовсе не плохо!

Несчастье. История измены жены. Растянуто. Действительно, есть шаблонные места. И, конечно, несправедливо преувеличино животное тяготение жены.

Страдальцы. По теме очень талантливый набросок: жена что-то съела, больна, простак муж в испуге, но рад, что видит жену. Она любительница [поесть].

Пассажир. В вагоне 1 класса. Об известных людях.

Отмечаю: 1. Темы почти все чеховские, темы лучше их исполнения. Всегда прекрасный живой, верный диалог. Замечательная простота и художественность композиции, большое чутьё и мера. Заплаканные глаза вместо всей плачущей женщины. Но в описаниях (у Чехова они мне всегда не нравятся) беспомощность.

А.С. Макаренко. Педагогическая поэма / Сост. С.С. Невская. – М., 2003, с. 685. Написано при чтении книги: А. Чехов. Рассказы. 1886 г. (Чехонте. «Осколки»); март 1935 г., санаторий, Одесса.

А.С. Макаренко считал себя последователем «чеховской школы» писателей, имея в виду прежде всего внимания к тому, что в жизни, в человеческих отношениях и конфликтах грубые внешние действия сменяются внутренними, морально-психологическими, трудно уловимыми коллизиями, отражая всё более сложную жизненную мотивацию людей, «химию» взаимоотношений.

«Конфликт становится более тонким, более глубоким, более нежным, он открывает более совершенные глубины человеческой личности. Это «очеловечивание» конфликта, заметно у Чехова...» (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 237, л. 15). Конфликт всё более смещается на область нравственности.

Дополнение. *Из протокола совета командиров коммуны, № 14, 26 марта.* **По заявлению М. Пеккера – дать ему отпуск для поездки в г. Николаев, на экскурсию (в связи с работой в арктическом кружке – А.Ф.). Выдачи со сберкнижек коммунаров на собственные нужды, по 150-250 руб. Стипендии в помощь выпускникам коммуны. Переводы по отрядам.**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 402.

Письмо Л.М. Салько, 2 апреля 1935 г.

…Основной факт, о котором нельзя спорить – это то, что нам всем хочется скорее переехать в Москву. Ты совершенно прав: в коммуне мне трудно, мои силы здесь растрачиваются напрасно, для литературной работы здесь страшные тормоза, понижающие не только количество, но и качество…

Что препятствует нашему переезду в Москву? Ничто, кроме обстоятельств денежных. Как ни трудно, из коммуны вырваться всегда можно. Точно также при некоторой энергии можно устроить прописку в Москве и все прочие формальности. Препятствия только материальные.

Наши денежные дела чрезвычайно невзрачны. Несмотря на то, что в 1934 году я получил от издательств несколько тысяч рублей (это, конечно, сверх моего жалования в коммуне). Не только они все истрачены, но у нас ещё большой долг, достигающий 6000 рублей. Правда, во время похода в Светогорск случилось какое-то несчастье. Либо бухгалтер как-то напутала, либо, скорее всего, у меня украли документы или забыл я получить от кого-то расписку на большую сумму. Но и тратили мы много, вообще нужно признать – не умеем жить экономно…

Значит, нужно заплатить долг и нужно кое-что собрать сверх того на самый переезд и на жизнь в Москве в первое время. А что у нас сейчас имеется из ресур-

сов? По всем прошлым договорам осталось в Москве немногим больше 1000, да в Киеве тысячи две с половиной. Если скоро подпишу договор на отдельные издания второй части [«Педагогической поэмы»] – это даст пять тысяч, но их получение растянется месяцев на десять. Только третья часть даст на время с сентября 1935 г. по сентябрь 1936 года тысяч тринадцать.

Итого, за полтора года будет 21500 рублей, из них в течение этого лета – 6000, осени и зимы – 10000 и остальные 5500 – лета и осени 1936 года. Как видишь, в ближайшее время – до осени всего 6000 рублей. Само собой понятно, что только на моё жалованье (фактически 500 рублей) мы жить не можем. Каждый месяц нужно добавлять ещё 500 рублей. Таким образом, выпутаться из долга до осени, я уверен, что не удастся. Я буду рад, если долг не увеличится.

Дело в том, что нам очень не повезло в последнее время. Я заболел, и это стоило полтысячи. Приехал из Одессы, и застал Галю очень больной. У неё были одновременно грипп и ангина, с температурой до 40^0. Сейчас она поправляется, но чувствует большую слабость. Здешние профессора не нашли ничего опасного, но для общей поправки настоятельно рекомендуют Гале летом поехать на курорт, скорее всего в Кисловодск.

Видишь, какие дела. Такие дела требуют денег, потому что главное здоровье, тут всякие фокусы отходят на задний план. Плохо ещё то, что в апреле мне нужно поехать в Киев и в Москву, а в таком случае на одну дорогу нужно ассигновать рублей двести. Вот теперь и считай, сколько останется на уплату долга? Я думаю, что останутся слёзы. А пока остаётся хоть копейка долгу, я никуда из коммуны тронуться не могу.

Для таких людей, как мы, чтобы сбить деньги, нужно зарабатывать очень много, а мы столько не зарабатываем.

…Я лично думаю, что придётся потихоньку ожидать квартиру на Лаврушенском[1], а за это время постепенно расквитаться с долгами.

Около 15 апреля я буду в Москве. Тогда поговорим подробнее. Я был бы очень рад, если бы ты сделался моим реальным помощником в одном деле, потому что Галю не всегда хочется расстраивать.

Я в Одессе сравнительно подкрепился и думаю, что на год в коммуне меня хватит. За время болезни написал две главы третьей части – осталось ещё очень много…

Неизвестный Макаренко. Выпуск 8. Неизданные письма. Часть 1 / Сост. С.С. Невская. – М., 1998, с. 52-53. Л.М. Салько – 1914 г. рожд. в коммуне дзержинцев с кон. сент. 1928 г.; до этого в семье О.М. Озерницкой, двоюродной сестры Г.С. Салько. Временами возвращался в эту семью. Поддерживал связь с родным отцом, М.В. Салько, он был тогда заведующим Черниговским окрнаробразом. Отношения Л.М. Салько с А.С. Макаренко - как отношения сына и отца.

Адресовано в Москву, где Л.М. Салько учился в Московском авиационном институте.

Письмо показывает окрепшую к этому времени разочарованность А.С. Макаренко в коммуне им. Ф.Э, Дзержинского, его стремление жить в Москве, посвятить себя литературной деятельности.

[1] «Квартира на Лаврушинском»: говорится о строящемся в Москве доме, жилищном кооперативе писателей, в который А.С. Макаренко намеревался вступить или уже вступил.

Дополнения. *Удостоверение.* **Предъявитель сего т. Макаренко Антон Семёнович действительно работает в Детской трудкоммуне**

НКВД им. Ф.Э. Дзержинского в должности начальника педагогической части, что и удостоверяется.

Начальник коммуны

Секретарь

7 апреля 1935 г.

РГАЛИ, ф. 332.

Из протоколов СК, №№ 15, 16, 17; 7 и 14, 16 апреля. **Организация воскресника (видимо, по быту – А.Ф.) – провести до 18 апреля, «ответственный т. Слисенко». Субботник по уборке территории коммуны – 18 и 24 апреля, ответственный Федоренко, территорию разбить на участки. Оркестр освободить от воскресника.**

Приём в коммуну, ввести вновь поступивших в «кандидатский список». Утверждает начальник коммуны. «Стипендии»: секретарю совета командиров – 200 руб.; секретарю совета бригадиров – 150 руб., зав. клубом – 100 руб. О «хоре строевой песни».

О несдаче книг библиотеки. «В VIа классе хулиганские поступки: ругань матом, срыв занятий всего курса; обижали девочек. Ответственность командиров курса и класса. Белинина: продажа коммунарских вещей – направить в колонию им. Горького. По заявлению Терентьева и Стегния – не принимать их вновь в коммуну; просить нач. коммуны выдать им справки для получения паспортов.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 402.

Ведомости о посещении коммунарами Харьковских театров **- разрозненные, по 6-дневкам, указаны месяцы: январь, ноябрь, декабрь, март, октябрь-ноябрь, февраль, март, без указания года; предположительно до апреля 1935 г.**

Число билетов в театры: Оперный, Русской драмы, ВДКА (Всеукр. дом Красной Армии) – с распределением во все 3 театра, по взводам, по убывающему числу билетов.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 3, ед. хр. 106.

Дарственная надпись, К.С. Кононенко, на украинском отдельном издании первой части «Педагогической поэмы»

…Константину, без нахальной настойчивости которого эта книга не существовала бы.

А. Макаренко. 18 апр. 1935 г.

Опускула макаренкиана, № 20, 1997, с. 9. Книга вышла: Киев – Харьков, 1934. Русские издания: часть первая – 1934 и 1935 гг., часть вторая – 1935 г., части первая и вторая – 1935 г.

Дополнение. *Из протокола СК, № 18, 22 апр.* **VIIIа, срыв стенгазеты: 30 нарядов на работу и др., некоторых «отправить к родным». О размещении мест в столовой. Отмечается «плохая работа» на производстве.**

(Вопросы организации производства и управления им на совете командиров уже длительное время не ставятся и не обсуждаются. СК отошёл от вопросов работы и жизни взрослых, персонала коммуны, стал ограничиваться жизнью «детского коллектива», в основном вопросами быта, дисциплины, материального обеспечения. – А.Ф.).

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 402.

Дарственная надпись, Е.С. Магуре, на украинском издании первой части «Педагогической поэмы»

Евгению Сильвестровичу Магуре с благодарным чувством не только за общую нашу педагогическую работу, но и за литературную поддержку в моём запоздавшем дебюте.

А. Макаренко

26/IV – 35

А.С. Макаренко. Жизнь и творчество в документах, фотографиях, иллюстрациях. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Сост. П.Г. Лысенко, И.С. Убийвовк, - Киев, 1978, с. 119 (укр. яз.).

Магура Е.С. **– работник коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с конца 1932 – нач. 1933 гг., учитель укр. языка, зав. коммунарским рабфаком с февр. 1933 г., затем преподаватель коммунарского техникума. Во «Флагах на башня» Николай Иванович, учитель.**

Дополнения. *М. Бочачер. Антипедагогическая поэма. А. Макаренко. Педагогическая поэма.* **Рецензия на отд. издание ее первой части // Книга и пролетарская революция. Журнал марксистко-ленинской критики и библиографии. Изд-во ЦК ВКП (б) «Правда» / Отв. ред. А.С. Бубнов. Зам. гл. ред. Х. Кантор. – М., 1935, № 3, с. 62 -64. Подписано к печати 25 апр. 1935 г.**

О колонии в 1920–1923 гг. Последние главы «звучат радостным аккордом, бодростью, творческим трудом. Воспитательное учреждение, немысленное в капиталистическом государстве». «Нет фабульного стержня, грубоватая ирония, колоритный украинский говор, лиризм, живые и запоминающиеся лица».

Книга «не открывает никаких «Америк», ни жанровых, ни педагогических», в развёрнутом виде повторяет «правонарушителей» Л. Сейфуллиной и «Республику ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева.

Это «художественный манифест против педагогики», против «основ советского воспитания, нашедших своё выражение в Программе нашей партии и исторических постановлениях ЦК о школе (1931–1934 гг. – А.Ф.). «Художественная полемика против марксистской педагогики, с позиций «левого» вульгаризаторства: Автор, выступает «как верный ученик и последователь Шульгина[1], автора пресловутой антиленинской теории «отмирания школы»», выступает «против педагогики вообще».

3 «момента» в его «педагогической» системе: 1) Действие «сельской природы, труда на вольном воздухе» (это показала Л. Сейфуллина); 2) «Наказание как единственный метод»; 3) «Военная муштровка, самоуправление, организация «отрядов» с выборными командирами».

«Колония расцветала вопреки этим методам»; Макаренко работал самоотверженно, чутко, доверчиво, и «воспитанники прощали ему искривления».

В «Педагогической поэме» ничего не говорится «об учебной работе, приобретении знаний. Нет того, что дано в постановлениях ЦК, – роль учителя, знаний, теории. Автор повторяет Шульгина[1]: цель школы – учить – это отпадает; детская организация должна стать всем.

Отдельные приёмы правильны. Система В.Н. Сороки-Росинского выше. (Автору рецензии, видимо, была неизвестна книга П. Ольховского и К. Евстафьева «Последняя гимназия». – Л., 1930 г., повествующая о бесславном конце «Республики ШКИД»; написана также её двумя выпускниками. Повесть Г. Белых и Л. Пантелеева вышла в 1927 г. Соображения А.С. Макаренко о ней: т. 7, с. 33-36. Они совпадают с оценкой Н.К. Крупской: На путях к новой школе, 1927, №

4, с. 158-159. Совпадение с оценкой Института методов школьной работы: там же, № 5, с. 135-138. См. также: предисловие С. Маршака к изд. «Республики ШКИД». – Л. 1965. – А.Ф.).

[1] Шульгин В.Н. – деятель народного образования в 1920–1930-х гг., социальный педагог, историк. В 1922–1932 гг. возглавлял Институт методов школьной работы. В 1929–1932 гг. чл. Коллегии Наркомпросса РСФСР. Статьями 1927–1928 гг. вызвал дискуссию по проблеме связи педагогике с жизнью, социальной средой и производством. Боролся с возрождающейся, тогда «школой учёбы». Постановлением ЦК ВКП (б) о школе (1931 г.) осуждён как сторонник «антиленинской теории отмирания школы». Его последователи: М.В. Крупенина, В.А. Ваганян, С.Е. Гайсинович и др.

Макаренковскую критику его книги «Основные вопросы социального воспитания» (издания сер. 1920-х гг.) см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания..., Часть 1, с. 293–297.

Из протоколов совета командиров коммуны, №№ 19, 20, 21, 22; 30 апреля и 4, 5, 6 мая. **О праздновании 1 мая; премирование коммунаров «по лучшим показателям в быту, на производстве и в школе, дисциплине»; присвоение звания коммунара 22 чел. Поручения по празднованию: Пащенко (ССК), Макаренко, Татаринову. О займе 3-го года II пятилетки: «подписаться в размере месячного заработка».**

Помощь «выходящим из коммуны» - 9 чел., по 200 руб., Жмудскому – 350 руб., Соколову – 500 руб. Сторчаковой – путёвку на курорт. Заявления: об освобождении от учебных занятий, об отпуске в музучилище – удовлетворить. Спортсоревнования 6 мая: распорядитель 3 рота. О старших, склоняющих младших на кражу: уволить из коммуны. «Обозвал девчонку дурным словом» - снять звание коммунара.

Из протоколов совета командиров, №№ 23 – 26; 9 мая, 11, 15, 27. **Помощь выпускникам из фонда СК: 7 чел., по 200, 300, 350 руб. Завод дал фотоаппараты для коммунарского фотокружка. Просьба начальника коммуны: увеличить время обеденного перерыва.**

Информация *А.С.Макаренко*: **«По предписанию из Киева принимать в коммуну в возрасте не менее 14 лет. Ниже 14 лет перевести в другие учреждения, 7 чел.». О переходе на 5 ½ раб. день – одобрить, с 1 июня (в связи с окончанием занятий в школе и техникуме). О звании коммунара: разделять коммунаров на 3 категории: коммунар-дзержинец, коммунар, воспитанник. (Ранее только «коммунар» и «воспитанник», см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 363. Вышеуказанные денежные пособия при выпуске из коммуны выданы с учётом 3-х категорий. – А.Ф.).**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 402.

Письмо Е.М. Коростылёвой, 13 мая 1935 г.

13 мая 1935
Харьков

Уважаемая тов. Коростылёва!

Простите за надоедание. Если Вам не трудно, сообщите, почему до сих пор нет 5-го альманаха.

Разумеется, если он выходит в ближайшие дни, не затрудняйте себя ответом.

Привет.

А.Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч., т. 8, с. 53. Е.М. Коростылёва – редактор альманаха, работала над публикацией в нём «Педагогической поэмы», 2-й ее части.

Дополнение. *Из интервью Г.В. Гасилова*, **данного Г. Хиллигу 27 дек. 1982 г., Москва: «Второй раз – это была моя личная поездка в коммуну им. Дзержинского, 1935 г. настроение у Макаренко было неважное. Готовность уйти из коммуны была. Я не нашёл своего отчёта об этой поездки, который я давал тогда Бубнову».**

Личный архив А.А. Фролова. О первом посещении Г.В. Гасиловым коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, осенью 1934 г., см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания...Часть 2, с. 295 – 296.

17 мая 1935 г. в «клубе коммуны им. Дзержинского» состоялась постановка *комедии «Дон-Кихот», в 3 действиях,* **«по Сервантесу», спектакль драмкружка коммуны. Постановка артиста Харьковского гос. театра Русской драмы А.И. Янкевского. Постановочная корректура заслуженного деятеля искусств Н.В. Петрова. Музыка – Л.А. Молчановой. Танцы – Е.М. Вислоцкой. Декорации по эскизам художника Т.Э. Визель выполнены бригадой монтажного цеха театра под рук. Вагнер и художественным кружком под рук. В.Н. Терского. Реквизит и распорядители – 6-й взвод под ком. Яновского.**

Действующие лица: Дон-Кихот – Терский В.Н. Коммунары: Долорес – К. Борискина, Маракита – П.Клеточкина, Родриго-Карраска – И. Ткачук, Санчо Панса – Д. Терентюк, Тереса - А. Сыромятникова, Отец Антонио – Е. Семенов, Маэсе Николас, цирюльник – Ф. Куслий, Педро, он же герцог – Ж. Сердобинский, Лоренцо – Копылович, Люсинда – З. Горленко, Старуха – Плачковская, Трактирщик – Ж. Лиф, Леонела – А. Малькова, Кончита – К. Наливайко, 1-й колодник – Г. Соколов, 2-й колодник – Трифонов, 3-й колодник – Мартынов, Конвойный – Ф. Октябрьский, Мельник – А. Мельник, Стражник – Плачковский, Хинелильо – Карпинский, Санчика – Л. Левочкина, Алонсо – Пилипенко, Фраскитилья – Н. Горленко.

На афише спектакля: «В антрактах роскошнейший фейерверк». Тираж афиши – 1000. «Типография ТК НКВД им. Дзержинского».

П.Тарков. Большая любовь к маленьким людям // Газ. «Правда», 25 мая 1935 г. Об отд. издании первой части «Педагогической поэмы». **Впечатление читателя: «За последнее время вопросы воспитания подрастающего поколения из чисто ведомственных – по линии Наркомпроса – стали достоянием народных масс...[1] Макаренко в «Педагогической поэме» отвечает по-своему на вопрос о том, как практически нужно работать на таком трудном участке, как работа с малолетними правонарушителями. Это строгая, суровая школа по привитию трудовых навыков...Тов. Макаренко рассказал об этом всём откровенно и просто...**

Перед нами во весь рост встаёт человек из плоти и крови, а не педагогическая схема и не теоретизирующая болтушка... Его успех - результат большой любви к делу и живым людям, ...любви не сентиментальной, не слезливой, а часто суровой, требовательной, подтягивающей».

[1] Середина 1930-х гг. – время, когда вступало в жизнь первое поколение молодёжи, воспитанное советской властью.

Б. Брайнина. Поэма о педагогической интуиции // «Художественная литература», 1935 , № 3. **Новый человек создаётся усилиями новых людей. В колонии, говорит А.С. Макаренко, «весело и звучно – от постоянного рабочего напряжения, от неизбывной рабочей заботы...».**

«Педагогические писаки осудили наши трудовые отряды и нашу военную игру».

«Макаренко стремился показать преимущество педагогического инстинкта над теоретическими построениями, это некоторая идеализация стихийности, самотёка... Не сумел показать закономерностей педагогического процесса... Прекрасная интуиция отдельного талантливого педагога... Он вообще несколько изолирует свою колонию от внешнего мира».

Сведения о работе коммунаров на производственных предприятиях коммуны, май 1935 г. **Электрозавод – 91 чел., работают в основном по 2 разряду, есть 3, 4, 1 разряды. Сборочный цех – 52 чел., по 2 раз., есть 3, 4, 5, 1 раз. Фотопроизводство, 6 потоков, некоторые в 2 смены, всего 65 чел., в основном 2 раз. Поток 4, 22 чел., в основном 3 раз., многие 4 и 5 раз. (Разряд – по уровню производственной квалификации – А.Ф.).**

ОТК – 7 чел., без разрядов. Отд. глав. механика – 8 чел., в осн. 4 разряд. Оптико-заготовительный – 11 чел., в осн. 3 раз. Центровка – 2, раз. 3. Эксперим. группа – 5, только 4 и 3 раз. Полировочный цех – 16, раз. 2, 3. Шлифовка – 9, раз. 1 – 3. Оптико-сбороч. цех – 25, раз. 2 – 6. Механосборочный – 22, раз. 2, 3, есть 4, 5. Фотолаборатория – 2, раз. 2 – 4. Физлаборатория – 1, раз. 4. Химлаборатория – 5, раз. 1 и без раз. Инструм. пр-ва – 47, раз. 3 – 5, есть 2 и 1. Юстировка – 4, без раз. Почти все – по сменам.

Ученический цех: бригады № 15 и 8 – 41 чел.; слесарная бриг. № 16 – 21 чел.; оптич. цех – 21; оптич. группа № 17 – 26 чел. Все без разрядов, в 1 смену.

Коммунары, работающие 7 часов: электрозавод – 18 (затем выпущены из коммуны), студентов-коммунаров – 10. Больных – 3.

Сторожевой отряд – 8 чел, самоуправления – 8 чел. (самоуправление стало «штатным», с освобождением от производственной работы, чего ранее не было – А.Ф.).

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 35.

Сводка о распределении коммунаров по рабочим местам, 23 мая 1935 г. Электрозавод. Механический цех: токарей – 34 чел, револьверщиков – 19, фрезеровщиков – 16, инструктор – 1. Сборочный цех: токарей – 5, слесарей – 9, обмотчиков – 21, проверка и укладка – 3, сборка выключателя – 2, сборка станины – 5.

Фотозавод. Механический цех: токарей – 21, фрезеровщиков – 9, револьверщиков – 5, шлифовальщиков – 5, автомат – 8, граверщики – 2, слесари – 3, полировщики – 6, сборка объектива – 2.

Отд. глав. механика: токари – 3, слесари-ремонтники – 2, электроремонтники – 2. ОТК – 3. Техотдел – 3. Оптический цех, 13 подразделений – без указ. чел. Инструментальное производство, 4 подразделения – без указ. чел. Учебная группа: слесари и оптики – без указ. чел.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 35.

Послужной список

Составлен 27/V 1935 г.

Макаренко Антон Семёнович

Рожд. 1888 г. 14/III. Уроженец – Белополье, Харьковский обл. Национальность – украинец. Родной яз. – русский. Владение другими яз. - немецкий, украин-

ский. Социальное происхождение – отец рабочий на железной дороге. Умер в 1916 г. в Крюкове, Харьковской обл. Мать – домохозяйка, умерла.

Социальное положение: профессия – учитель. До поступления в органы ОГПУ – учитель. Основная специальность – педагог. Беспартийный. Ранее в ВКП (б) не состоял. В других партиях не состоял. Партийную и политическую работу с Февральской до Октябрьской революции не выполнял. Участия в Октябрьском перевороте не принимал. Партийных взысканий нет. Партчистки[1] не проходил. Советскую чистку проходил в колонии им. Горького в 1922 г.

[1] «Чистки» рядов членов партии и гос.служащих проводились в 1920-1930-х гг. регулярно в целях освобождения от лиц, лишившихся доверия населения; проводились на общих собраниях, с участием беспартийных, рядовых работников.

А. Абаринов, Г. Хиллиг. Испытание властью. Киевский период жизни А.С. Макаренко (1935–1937 гг.). Опускула макаренкиана, № 22. – Марбург, 2000, с. 29. Заполненный стандартный бланк, текст адаптирован.

Письмо Л.М. Салько, 27 мая 1935 г.

Дорогой Лёва.

Спасибо тебе за телеграмму о статье в «Правде»[1]. Она, правда, не имеет такого значения, как ты думаешь, но ты меня очень, обрадовал своим вниманием.

Спасибо и за письмо, которое я получил сегодня. Мы все здоровы, Галя основательно поправляется и даже толстеет. С этой стороны всё хорошо.

У меня к тебе большая просьба. Чёрт его знает, что случилось с пятым альманахом, в котором должна быть напечатана вторая часть [«Педагогической поэмы»]. После заметки в «Правде» выход второй части имеет самое категорическое значение.

Я был в Москве 16 апреля и видел в редакции уже готовую книжку пятого альманаха. Там есть такая женщина – Коростылёва (зовут её, кажется, Надежда Марковна, а впрочем, ты узнай дипломатично, как её зовут точно, и сообщи мне). Ты обязательно при первой возможности зайди в редакцию «Альманах. Год XVIII» и узнай, в чём дело, почему до сих пор книжка не вышла. Имей только в виду, что у них можно застать людей от 1 [часа] до 4-х. Тебе это будет удобно?

Может быть, ты зайдёшь в какой-нибудь книжный магазин, лучше на Кузнецком мосту – образцовый магазин. Если там книжка уже есть, сообщи мне телеграммой. Меня просто беспокоит эта задержка.

Коммуна собирается ехать в Феодосию. Киев ещё не утвердил[2], но надежды есть. Если в Феодосию, хочу, чтобы и ты поехал с нами на июль, там есть институт физ. методов лечения. Хочу, чтобы ты полечил сердце, и я полечу, а на август поедешь в Киев.

Спешно пишу 3-ю часть. Уже готовы пять глав.

Все тебе салютуют.

Будь весел.

Твой *А. Макаренко.*

27/V 35

Третьего дня послал тебе 200 руб.

Адрес редакции: Тверская, 15

(На обр. стороне правильно: «Елена Марковна» - А. Ф.).

Опускула макаренкиана, № 24 / Сост. С. Невская и Г. Хиллиг. – Марбург, 2001, с. 93-94.

[1] Говорится об упомянутой выше статье П. Таркова.

[2] Имеется в виду АХУ НКВД, в чьём ведении находилась коммуна им. Ф.Э. Дзержинского. Столицей Украинской ССР с лета 1934 г. стал Киев (после Харькова).

Дополнение. *Постановление бюро Дзержинского райпарткома, 3 июня, 1935 г.* **В коммуне им. Ф.Э. Дзержинского утвердить партгруппы в составе: фотозавод – 18 членов партии и 4 кандидата; электрозавод – 5 чл. парт.; инструментальный завод – 4 чл. парт.; коммуна (коллектив педагогов, администрации и воспитанников – А.Ф.) – 8 чл. парт. и 4 канд.; гараж – 4 чл. парт., 4 канд.**

Утвердить партгруппоргами: Наливайко Р.В., Стенченко. Парторгов фотозавода, коммуны и гаража утвердить в их присутствии.

Секретарь Дзержинского РПК Бобровник.

Партархив Харьковского обкома партии Украины, ф. 99, оп.1, д. 11, л. 127.

Финансовый отчёт начальника педагогической части коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (в описании)

Выдача денег коммунарам 12, 24 и 30 / XI [1934 г.], с их сберкнижек, иногда «в счёт зарплаты». Деньги на покупки для «художественного кружка», «по отчёту фотокружка», на покупку книг, «пионерской литературы», на «полотёрные материалы» (для натирки паркета – А.Ф.), «счёт Динамо», телеграммы, тетради, «покупки для оркестра», письменные и канцелярские принадлежности, «поездки пионеров в Музей революции», «выдачи на трамвай во время культпохода», в театр.

Выдача денег [коммунарам] 5 ноября, «на патроны» (вероятно, для фейерверка – А.Ф.), биологическому кружку, «на папиросы для праздника» (для тех, кто старше 16 лет, получивших разрешение СК на курение – А.Ф.), на настройку рояля, ноты, на «курсовки», билеты лотереи, «компенсация за неиспользованный отпуск», коммунарам 18/XII, «коврики для премирования» (в соревновании по быту – А.Ф.), на мел, в школу. На такси, брошюры, кисти к вымпелам (на трубы-фанфары – А.Ф.), на игры, плакаты, билеты в цирк, переписку нот.

На подарки выпускникам, комсомольскую литературу, грим, «рукодельному кружку», на постановку «Чудеса без чудес», «мопровскую литературу», завтраки (видимо, в городе – А.Ф.), на постановку «Дон Кихота», «пионерский культпоход», позолоту Книги посетителей [коммуны], Терскому[1], командировки, премии работникам библиотеки, на Красный Крест, «санитарную литературу».

Всего 6 483 руб. 76 коп.

8/VI – 35

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 419. Автограф А.С. Макаренко. Приложены: «Отчёт о полёте в Москву»; «командировочные А.С. Макаренко».

[1] Терский В.Н. – один из выдающихся соратников А.С. Макаренко, на работе с ним со 2-й половины 1926 г. (в колонии им. М. Горького, в Куряже), организатор клубной работы. В «Педагогической поэме» В.Н. Перский, в «Типах и прототипах» Н.Н. Кубанов, в «Марше 30 года» и «ФД-1» Перский, во «Флагах на башнях» П.В. Маленький.

Дополнения. *Удостоверение А.С. Макаренко – депутата*

8/VI 1935 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Удостоверение № 1201

Предъявитель сего тов. Макаренко является членом Дзержинского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов II созыва.

Председатель городского совета

Секретарь

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 351, л. 2.

Из выступления П.П. Постышева на пленуме правления Союза советских писателей Украины: **«...Деятельность Скрыпника[1] и его «школки», как и общее ослабление единства в КП(б)У в период 1931–32 гг., содействовали активизации антисоветских, националистических элементов в художественной литературе...**

1932 г. и весна 1933 г. были нелёгкими периодами на Украине... 1931–1932 гг. были годами глубоких потрясений в сельском хозяйстве Украины». (Укр. яз.).

Газ. «Большевик», Киев, 10 июня 1935 г.

[1] О Н.А. Скрыпнике, его критике деятельности А.С. Макаренко см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания...Часть 3, с.79-80, 144.

Н. Денисенко. Герои «Педагогической поэмы». Отклик читателя **на материал в газ. «Большевик» 3 ноября 1934 г. о творческой встрече писателя А.С. Макаренко. Бывший колонист-горьковец (тогда зав. библиотекой): при встрече А.М. Горького в колонии «его слова, его отношение к людям запали нам в душу».**

Там же.

Л. Сосновский. «Педагогическая поэма», рецензия **на её публикацию в альманахе «Год XVII», вып. 3 и «Год XVIII», вып. 5 // Газ. «Известия», 26 июня 1935 г. Автор – зав. отделом газеты.**

«...Поэма» пока что выше всех аналогичных литературных произведений (о трудовых коммунах НКВД – А.Ф.). Она вводит нас в сам процесс «перековки» (правонарушителей – А.Ф.), во всей его мучительной трудности, со всеми срывами, провалами и неудачами. Она показывает нам и живого человека, педагога, волею революции начавшего творить новую главу во всемирной истории педагогики...

Трудно установить, был ли руководитель колонии чекистом. Скорее всего, не был. Отсюда и первоначальная организационная беспомощность, избыток интеллигентщины, истерические срывы... На первых порах, когда не сложилась самодисциплина коллектива воспитанников... Трудно поверить, чтобы даже в самые ранние дни Болшевской коммуны[1] возможно было что-нибудь подобное...

В основе перевоспитания (у А.С. Макаренко – А.Ф.) лежит: общественно-организованный труд, самодеятельность, самоуправление, правильная организация [коллектива], совершенно индивидуальный подход к каждому воспитаннику...

Оценивает ли общество в должной мере героический творческий подвиг таких воспитателей?

Доктор Гааз по должности главного тюремного врача московских тюрем (при царизме – А.Ф.) добился льгот для заключённых... Вырвать арестантов из трущоб преступности, вернуть их в жизнь, приобщить к прекрасной творческой жизни на правах равноправных членов общества – это Газу и в голову не могло придти...

На-днях вся страна по радио слушала речи на праздновании 10-летнего юбилея Болшевской коммуны... Слава о ней разнеслась далеко по свету...

Книга Макаренко рождает радостную уверенность, что перед педагогикой только ещё открывается настоящая широкая дорога. В этом ценность «Педагогической поэмы»».

[1] О Болшевской трудовой коммуне им. Г.Г. Ягоды см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания…Часть 2, с. 89-90, а также: Гладыш С.Д. Дети большой беды. – М., 2004; там же – о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского – с. 173-276.

Лето: *Летний поход коммуны*, **Святогорский лагерь (как и в 1934 г.), на р.Северный Донец, около г.Святогорск (позднее Славяногорск): спортивные занятия и соревнования коммунаров, планеризм, культурно-массовые мероприятия, экскурсии, концерты, встречи с тружениками производственных предприятий. Спектакль «Тартюф» - на прибрежном плоту, с амфитеатром на крутом берегу реки. Необходимые лодки коммунары получили от перевозчиков камня, выполнив за 1 день 2-дневную норму его добычи и перевозки.**

Беленький Е. «Педагогическая поэма» А.С. Макаренко //ж. «На культурном посту», Смоленск, 1935, №7:

А.С. Макаренко выступает против кабинетного абстрактного теоретизирования, требует глубоких наблюдений над воспитанниками, педагогическим процессом. Это установка не на интуицию, а на внимательное изучение педагогического мастерства, специальных наук.

Удостоверение, 26 июня 1935 г.

Предъявитель сего начальник педагогической части трудовой коммуны НКВД УССР им. Ф.Э. Дзержинского тов. *Макаренко Антон Семёнович* действительно следует в служебную командировку в гор. Киев по делам коммуны, что и удостоверяется.

Срок командировки – 10 дней.

Начальник коммуны Тихонов

Секретарь Панасенко

Со штампом: УССР Народный комиссариат внутренних дел Детская трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского 26/VI 1935 г. № 26635. Печать коммуны.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 50, л. 1.

Командировка вызвана переводом А.С. Макаренко на работу в отдел трудовых колоний для несовершеннолетних НКВД УССР, г. Киев, в связи с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (принято 31 мая 1935 г., опубликовано в «Правде» 1 июня).

В соответствии с этим Постановлением в республиках, краях и областях СССР в системе НКВД создаются отделы трудовых колоний для несовершеннолетних. Все приёмники-распределители и трудовые колонии для несовершеннолетних становятся подведомственными НКВД (до этого большая часть их находилась в ведении наркомпросов, исполкомов, общественных организаций). Милиции предоставлено право штрафовать родителей (до 200 руб.) «за озорство и уличное хулиганство детей». Установлена «материальная ответственность родителей и опекунов за действия детей, причинивших материальный ущерб». Инициатор постановления – нарком внутренних дел Г.Г. Ягода; его докл. записку И.В. Сталину от 19 янв. 1935 г. см. в указ. выше кн. С.Д. Гладыш, с. 277-285.

С 1 июля 1935 г. А.С. Макаренко – помощник начальника отдела трудовых колоний для несовершеннолетних (ОТК) НКВД УССР, нач. II отделения ОТК (отделения учебно-воспитательной работы). Офици-

альное назначение на должность – 19 августа. В подчинение А.С. Макаренко перешли 12 трудколонний и 19 приёмников-распределителей. Сюда не входили занимавшие особое положение трудкоммуны им. В.А. Балицкого (Прилукская) и им. Ф.Э. Дзержинского. (Они вошли в его ведение с начала 1936 г.).

Нач. ОТК – М.И. Воевода, официально с 19 авг.; переведён на другую работу в конце сентября. Его преемник – Л.С. Ахматов, его помощники – Яновский и А.С. Макаренко. В ОТК – 5 отделений: организационные, учебно-воспитательное, производственное, планово-экономическое, финансовое; они занимают 3-этажное здание (Рейтарская, 37). В распоряжении нач. отдела персональный автомобиль. Ещё с лета 1934 г. трудкоммуны НКВД вошли в систему Административно-хозяйственного управления (АХУ) НКВД УССР, нач. С.М. Циклис.

А.С. Макаренко переехал в Киев с семьёй: жена Г.С. Салько-Макаренко, её сын от первого брака Л.М. Салько, племянница О.В. Макаренко, дочь младшего брата Антона Семёновича, В.С. Макаренко, эмигранта с 1920 г. (о нём см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 96, 183). Ей А.С. Макаренко подарил «Педагогическую поэму» 22 марта 1934 г. с надписью: «Липе - замечательно хорошей и милой моей наследнице».

Дополнения. *Из письма Г.С. Салько (Макаренко)* **Л.М. Салько, 19 июля 1935 г.: «Из Харькова я уехала 10/VII, вот уже восьмой день в Киеве. Знаешь, раз с Антоном, значит хорошо. В прекрасном месте получили квартиру, три комнаты, отдельная квартира... Возможно, сейчас переедем в нашу квартиру, до сих пор жили в гостинице...»**

Неизвестный Макаренко... Вып. 8, часть 1, с. 54.

Приказом по коммуне им. Ф.Э. Дзержинского **№ 165, 27 июля 1935 г., врио её начальника учебно-воспитательной части назначен** *С.А. Дидоренко.* **Одновременно он – «зав. учебной частью школьного комбината коммуны».**

Письмо П.П. Постышева начальнику коммуны им. Ф.Э. Дзержинского П.К. Тихонову, 23 авг. 1935 г.:

Направляю вам копию письма ко мне воспитанников коммуны Иванского Сережи, Нудельмана Жени, Паненко Коли и мой ответ на их письмо. Прошу передать им мой этот ответ. Ребят за переписку со мной не журите.

Время от времени прошу сообщать, как ребята живут и учатся.

Постышев 23/VIII – 35 г.

Копия письма воспитанников, 5 августа

... Живем мы здесь плохо. Занимались в велосекции, нам не доверяют ничего, не пускают гулять в Дворец пионеров ... Мы видели в кабинете начальника т. Дидоренко, он каждый раз нас обижает. Мы подошли к нему, он сказал, что никаких писем [от П.П. Постышева] у меня нет.

Просим вас помочь нам или забрать из коммуны. Если Вы этого не сделаете, то мы удерем отсюда, а если нам поможете, то мы будем слушаться и обратно запишемся в пионеры, а иначе мы поедем в Киев в обком партии прямо к Вам. Передаем привет товарищу Фотину. Нам здесь плохо, просим помочь нам, будем вам благодарны.

Просим, чтобы вы прислали деньги, мы купим себе костюмы. Обещаем учиться, а если Вы не поможете нам, так мы все трое удерем и будем жить на улице, приедем в Киев.

Теперь передаем привет товарищу Бабичу.

Начальник коммуны т. Степан Акимович Дидоренко, он военный начальник Коммуны. Наш адрес: Харьков, Лесопарк, № 54, Коммуна НКВД им. Ф.Э. Дзержинского.

Ждем ответа, как соловей лета.

Письмо П.П. Постышева Ивановскому Сереже, Нудельману Жене, Паненко Коле, 23 авг. 1935 г.

Письмо ваше я получил. То, что вас не пускают в Дворец пионеров – об этом поговорите с начальником коммуны.

То, что вам не доверяют – это меня удивляет.

Неужели вы плохо себя ведете? Постараюсь выяснить, в чем дело.

Удрать из коммуны - нехорошо. Прошу вас не делать этого.

Костюмы должны вам, как и всем, дать в коммуне.

Привет.

Постышев 23/VIII – 35 г.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 416, лл. 1-3.

Справка, 26 авг. 1935 г. **Дана бывш. начальнику педагогической части коммуны [им. Ф.Э. Дзержинского] Макаренко Антону Семеновичу в том, что он при коммуне удовлетворен зарплатой по 1 июля 1935 г. включительно.**

Подъемными деньгами на переезд из г. Харьков в г. Киев на себя и свою семью не удовлетворен, что удостоверяется.

Глав. бухг. Маркович.

Там же, л. 2.

Справка, 27 авг. 1935 г. **Дана Макаренко Антону Семеновичу в том, что по имеющимся в коммуне документам на его иждивении значатся: его жена Галина Евстафьевна, сын Лева – 18 лет и племянница Олимпиада – 15 лет.**

Секретарь коммуны Панасенко.

Там же

Справка, 28 авг. 1935 г. **Как видно из послужного списка т. Макаренко А.С., в состав [его] семьи входят – жена Галина Стахиевна, 1890 г. рождения и сын жены Лев Михайлович Салько, 1915 г. рождения.**

Нач. V отд. ОК НКВД УССР

мл. лейтенант госбезопасности Новосад

Там же, л.5

Из письма А.М. Горького П.П. Крючкову

Дорогой друг –

3-я часть «Педагогической поэмы» Макаренко лучше первых двух, очень волнует, ставит весьма серьезные «педвопросы» и написана ясно.

Печатать необходимо всю сразу, иначе разорвем впечатление.

Молодец Макаренко! ...

А. Пешков

Архив А.М. Горького. Том XIV – М. 1976, с. 507. Датировано: до 8 окт. 1935 г.

9 октября 1935 г.: **«В связи с успешным выпуском фотоаппаратов «ФЭД» организаторы производства (начальник деттрудкоммуны П.К. Тихонов и 3 технических работника) получили от ЦИК УССР правительственные награды. Об этом говорилось и в приказе НКВД от 21 сентября 1935 г.»**

Опускула макаренкиана, № 22, с. 71, по источнику: Архив МВД Украины, 46-1-1а, л. 285.

Телеграмма Е.М. Коростылевой

Комиссия помощи детям Шульгин одной главе Макаренко

Личный архив А.А. Фролова. Отправлена из Киева в Москву, ул. Горького, 15. Вероятно,11 декабря 1935 г. Объясняется «Помдет» и вопрос об изъятии фамилии Шульгина из «Педагогической поэмы».

Справка, 15 дек. 1935 г. **На иждивении т. Макаренко А.С. находится племянница Олимпиада Витальевна Макаренко, 1920 г. рождения.**

Нач. V отд. ОК НКВД УССР Новосад

Там же, л.3

Далее приказы по коммуне до 31 дек. 1935 г.: **РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 7.**

Стенгазета «Пионер-дзержинец», №1, 1 сент. 1935 г., **см.: там же, оп. 4, ед. хр. 406. Информация в ней М. Пеккера: «Встреча с О.Ю. Шмидтом[1]», с фото М. Пеккера и фото: «Ледокол «Литке», на котором т. Пеккер ездил в Америку». «Первого июня мы поехали в Москву. В Главном Управлении Северно-морского пути СССР нас принял нач. Политуправления Северно-морского пути т. Берговитов. Потом были у О.Ю. Шмидта, затем в Ленинграде».**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 406.

[1] Шмидт О.Ю. – учёный-математик, гос. и обществ. деятель, в 1932–1939 гг. нач. Главсевморпути, в 1933–1934 гг. возглавлял плавание на пароходе «Челюскин» по Северному морскому пути.

Рапорт начальнику отдела трудовых колоний НКВД УССР

Пом. нач. отдела А.С. Макаренко

Рапорт

По содержанию запроса ОЛАГ УНКВД по Горьковскому[1] от 3 августа с.г. №3/503 сообщаю следующее:

Изображённый на фотокарточке есть действительно Анатолий Фигельсон[2], бывш. воспитанником колонии им. М. Горького, которой я заведовал. Он был прислан в колонию как несовершеннолетний правонарушитель по ходатайству его матери, кременчугского врача. Кажется, мать его носила фамилию Тубиной. Первый муж её, Фигельсон, насколько я припоминаю, после Деникина эмигрировал и захватил с собою сына, которого бросил там (хорошо не помню, кажется, в Турции). Каким образом Анатолий Фигельсон возвратился в СССР, точно не знаю. Припоминаю, что в деле его возращения мать принимала активное участие, во всяком случае, возвратился он, кажется по разрешению.

В колонии им. М. Горького Фигельсон был с начала 1926 г. (может быть, с конца 1925 г.) до осени 1926 года, отличался очень вздорным характером, был невероятно ленив и никогда не прекращал краж и в колонии, и у товарищей. После какой-то кражи из колонии убежал.

13 августа 1935 г.
г. Киев
А.С. Макаренко

РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 72, л. 1.

[1] Вероятно, по «Горьковскому делу», касающемуся колонии им. М. Горького.

[2] *Фигельсон (Фейгельсон)*, **прототип Аркадия Ужикова в «Педагогической поэме», см. т. 3, с. 297-299, 324, 427-433, 483. В дальнейшем участвует в похоронах А.С. Макаренко (см. его заметка в «Литературной газете», 5 апр. 1939 г. и описание похорон: Ю.Б. Лукин. Два портрета: А.С. Макаренко, М.А. Шолохов. – М., 1975, с. 118 – 119).**

Его большой очерк «Антон» (автор А.Тубин), с отражением своего морально-психологического кризиса в горьковской колонии: альманах «Год XXII», кн. 16. См. также его: Ненаписанная глава «Педагогической поэмы» // Молодая гвардия, 1939, № 4. Он – соавтор открытого письмо «Редактору «Литературной газеты» Войтинской и критику Левину» (А.С. Макаренко. Пед. соч., т. 7, с. 292-295).

3

Смотрю в лес, т.е. в Москву. При первой возможности смоюсь, тем более, что в литературных небесах появились хорошие знамения. Альманах в Москве[1] раскупили в течение двух недель. Оказывается, это тоже имеет большое значение. Помогла и статья в «Известиях».

Одним словом, приступили к изданию I и II книги[2] в «Дешёвой библиотеке». Если это реализуется, я получу возможность купить в Москве квартиру и на год отложить на прожитие. Мечтаю об этом, как о царствии небесном.

Понемногу пишу. Уже закончил 10 глав[3]. Есть места ничего себе, а в общем не знаю, лучше это или хуже прежних частей. Очень жаль, что не могу тебе прочитать. В сентябре думаю быть в Харькове. Если разрешишь, остановлюсь у тебя и тогда прочитаю…

Опускула макаренкиана, № 22, с. 15. Письмо из Киева.

[1] Говорится о публикации второй части «Педагогической поэмы» в № 5 альманаха «Год XVII».

[2] К изданию первой и второй частей «Педагогической поэмы».

[3] Говорится о работе над третьей, последней частью «Педагогической поэмы» (вышла в составе 15 глав).

Дополнения. *Выпуск из коммуны* **– 64 чел. Из них на учёбу в вузы, институты и университеты – 33 чел.: в вузы Харькова, Москвы, Николаева, Свердловска, Ленинграда, Киева, Иркутска. По специальностям: радио, иняз, судостроение, машиностроение, сов. строительство и право, ж/д транспорт, химия-техника, геолого-разведка, военно-морское дело, музыка, физкультура, погранслужба НКВД. Музыкальный техникум – 5 чел. Остались на коммунарском производстве – 21. (Данные приказа по коммуне, 5 сент. 1935 г. Начальник коммуны** *Тихонов***).**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 7.

Из письма Г.С. Салько. **Л.М. Салько 31 авг. 1935 г.: «...Получил он (А.С. Макаренко – А.Ф.) ответ от [кино]режиссёра Лукашевич[1], помнишь, при тебе было письмо, она предлагает довольно выгодные условия, и Антон послал ей согласие, оговорив свои права. Конечно, надо для этого быть в Москве...»**

Опускула макаренкиана, № 24 / Сост. С. Невская, Г. Хиллиг. – Марбург, 2001, с. 102 – 103.

[1] Речь шла о совместном написании сценария кинофильма по «Педагогической поэме».

4 сент. 1935 г.: зарегистрирован брак А.С. Макаренко с Г.С. Салько.

Из письма А.С. Макаренко Л.М. Салько, 20 сентября 1935 г.

Дорогой Лёва!

Здраствуй!..

Третью часть [«Педагогической поэмы»], наконец, кончил. Сейчас допечатываю. Дня через два вышлю в Альманах и Горькому.

Может быть, скоро выеду в Москву…

В отделе работы до чёрта по-прежнему, это меня по-прежнему злит.

Из Литературного агентства получил письмо, в котором они пишут то, самое, что и тебе говорили…[1]

Целую.

Твой А.

Киев. 20 сент. 1935

Опускула макаренкиана, № 24, с. 104-105.

[1] Литературное агентство решало с А.С. Макаренко вопрос об издании 1-й части «Педагогической поэмы» в Англии: с переводом на англ. яз. в Англии или в СССР.

Дополнение. *Из письма Г.С. Макаренко* **Л.М. Салько, 27 сент. 1935 г.: «…Не выезжает он (А.С. Макаренко – А.Ф.) сейчас в Москву потому, что у него сменили начальника: Воеводу «ушли» и на его место назначили бывшего прокурора и обвинителя СВУ (Спилка вызволення Украины – Союз освобождения Украины – А.Ф.) в 1930 г. – т. Ахматова. Это культурный человек, и Антон надеется, что с ним будет легче. Но сейчас он вступает в дела и должен представиться начальству[1], так что поездка Антона откладывается до первых чисел октября…**

На поездку в Москву Антон возлагает большие надежды. В Москве был Колесса[2], ездил по делам ОТК, так он говорит, что Антона с великим удовольствием взяли бы в Москву, если бы он этого пожелал, есть и другие сведения такого рода. В московском, союзном ОТК людей нет и Антон был бы там очень нужен… Потом литературные дела требуют приезда Антона…

Антон здоров. Очень много работает, кончил «Поэму» и сейчас помышляет с радостью об отдыхе. Накупил карт для пасьянса и всё говорит: «Эх, нет Лёвки, то-то разложили бы с ним на пару». Теперь уже хочет раскладывать на пару…

Опускула макаренкиана, № 24, с. 108, 111.

Колесса П.А. **– тогда главный инженер ОТК. Ранее зав. производством коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, в июне-октябре 1928 г.**

Портретные зарисовки

Воевода Мирон Исакович. Я ходил несколько дней и не знал, как приступить к делу. А он приехал и в первый же день осмотрел предназначенные нам помещения и квартиры. При чём особенное, хотя и молчаливое внимание обратил на кабинеты…

(Сентябрь 1935 г. – А.Ф.) Тип. Он, этот начальник, существо в высшей степени жалкое. Он малограмотен. Кроме того он забывает всё. Через каждую минуту он из-за своего письменного стола спрашивает меня.

- А где это… Николаевская колония.

- Николаевской колонии нет.

- А почему здесь написано?

- Это очень старый план. Где Вы это взяли?

- А вот тут у меня.

Через пять минут спрашивает:

- А какая станция близко к Андреевской колонии?

- Шебелино.

Он тупо смотрит на меня, точно я говорю на иностранном языке, и как будто он меня спрашивает не 10 раз.

Краковский (нач. планово-экономического отделения – А.Ф.).

Чем он живёт? Исключительном блатом и устройством личных дел. Он побыл секретарём два месяца. Занимался больше тем, что бегал по личным делам Воеводы: квартира, билеты, отопление, телефон, обмундирование и даже самолёт. Воеводе надоел до смерти.

Борис Ильич Оратовский (нач. финансового отделения – А.Ф.).

Он беден, очень беден и дела своего не знает, но он может стоять важно у стола. Важность достигается неподвижностью торса и отсутствием поворотов головы, медленными движениями рук, говорит [на] тон больше:

- Из этого ничего не выйдет. Они этого не сделают.

Такие люди, сидя в ФО, могут заморозить любое, самое хорошее дело. (Прототип Кощея Бессмертного в третьей части «Педагогической поэмы» - А.Ф.).

Ахматов Л.С.[1] Тема. Живой человек, никогда не знавший канцелярского языка, попал в бюрократическое учреждение. Он мучится. Почему нужно писать «Не взирая» и «Неоднократно». Он пищит и протестует. Почему нельзя писать человеческим языком? Почему нельзя написать «Чёрт знает что»? (ноябрь 1935 г. – А.Ф.)…

- Кто у вас редактор?

- Ахматов.

- А кто защитник? (май 1936 г. – А.Ф.)…

Редактор – бывший прокурор. Пишет на рукописях:

- Пять лет со строгой изоляцией…

Деталь. Это, конечно, хамство. Когда Ахматов уезжает в командировку, я неизменно бываю на вокзале, но он ни разу не догадался задержать на вокзале машину, чтобы отвезти меня домой.

Тема. Большой человек, наказанный партией и назначенный на малое дело. Старые связи, постепенно засыхающие, новые привычки, тоны, обиды, отношения и дела. А сколько разноречивых способов выбраться из положения. А сколько стен стоит на дороге.

(Нач. июля 1936 г.). Тип. *Бреслер*. Молодой, красивый, неглупый, образованный, член партии, сын известного революционера-большевика и … такое г…!

Бабник, враль, распущенный, ленивый. Работы с него никакой. Вдруг срывается:

- Куда вы?

- А мне звонил З. (называет фамилию члена ЦК).

Был в Одессе

- Зашел, знаете к В-ру…

В той же Одессе, в Дофиновке [в колонии – А.Ф.] он был всего один час, но успел «взаимообразно» прихватить 300 рублей и, конечно, не отдал их. Дофиновка с нас требует.

А свой отчет об этой командировке он просто и бессовестно выкрал. Взял «на пять минут» показать Я-му и больше его нет.

Бреслер. Его-таки выкинули вчера из партии. Он ездил в Москву по командировке, по одесским делам. Получил командировку и у нас, и в Одессе. И представил два отчета, один нам, один в Одессу. Кроме того, в Москве взял 600 рублей. Кроме того, во всех отчетах проставил билеты, в то время, когда у него были литеры.

Вчера он уехал неизвестно куда. (Имеется в виду И.М. Брейслер. – Г. Хиллиг).

Опускула макаренкиана, № 22, с. 35-36, 68, 130.

[1] *Ахматов Л.С.* **(Ахманицкий) – нач. ОТК НКВД УССР, юрист, в 1933–1934 гг. управляющий делами СНК УССР; в 1934–1935 гг. прокурор Днепропетровской обл.**

Письмо А.М. Горькому, 28 сентября 1935 г.

Киев, 28 сентября 1935 г.
ул. Леонтовича, 6, кв. 21

Дорогой Алексей Максимович!

Сегодня авиапочтой послал Вам третью часть «Педагогической поэмы». Не знаю, конечно, какой она получилась, но писал её с волнением.

Как Вы пожелали в Вашем письме по поводу второй части, я усилил все темы педагогического расхождения с Наркомпросом, это прибавило к основной теме много перцу, но главный оптимистический тон я сохранил.

Описать Ваше пребывание в Куряже я не решился, это означало бы описывать Вас, для этого у меня не хватило совершенно необходимого для этого профессионального нахальства. Как и мои колонисты, я люблю Вас слишком застенчиво.

Третью часть пришлось писать в тяжёлых условиях, меня перевели в Киев помощником начальника отдела трудовых колоний НКВД. Обстоятельства переезда и новой работы – очень плохие условия для писания, в сутках оставалось не больше трёх свободных часов, а свободной души ничего не оставалось.

Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, по хлопцам скучаю страшно. Меня вырвали из коммуны в июне, даже не попрощался с ребятами.

Дорогой Алексей Максимович! Большая и непривычная для меня работа, «Педагогическая поэма», окончена. Не нахожу слов и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи я никогда этой книжки не написал бы.

У меня сейчас страшное ощущение. Работа окончена, но остались уже кое-какие навыки письма, кое-какая техника, привычка к этой совершенно особенной, волнующей работе.

А в то же время я вдруг опустошился, как будто всю свою жизнь до конца выложил, нечего больше сказать.

Я очень хочу надеяться, что Вы не бросите меня в этой неожиданной пустоте.

Посоветуйте, как сначала наладить моё писательское самочувствие, куда броситься, как сохранить те элементы стиля, которые, вероятно, есть в моей работе?

Искренне преданный Вам *А.Макаренко*

P.S. Второй экземпляр послал в редакцию альманаха «Год XVIII».

В Москве буду числа 6-го – 12-го. Если нужно, вызовите меня телеграммой, а то так не пускают.

В случае надобности, я думаю, можно выбросить главы «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику».

А.М.

А.С. Макаренко. Пед. соч., в 8 т., т. 1, с. 265-266.

Письмо Е.М. Коростылёвой [28 сентября 1935 г.]

[28 сентября 1935]
Киев

ул. Леонтовича, 6, кв. 21

Многоуважаемая Елена Марковна!

Немножко опоздал, но ничего нельзя поделать, слишком загружен. Третью часть выслал сегодня авиапочтой. Второй экземпляр послал Алексею Максимовичу.

Боюсь, опять будете резать. Честное слово, не знаю, что можно сократить, я и так выбросил три четверти материала. В письме к А.М. я указываю для сокращения две главы: «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику», потому что изъятие этих глав меньше всего будет нарушать цельность сюжета.

В глубине души я думаю, что для третьей части можно было бы сделать даже исключение – всё равно последний мой грех перед Вами. Числа 6 – 12 я буду в Москве. Надеюсь, тогда Вы мне скажете, в какую книжку идёт «ПП» и какую ампутацию над нею организовала Ваша редакция.

Спасибо за 6-й альманах.

Привет.

А.Макаренко

В. Канторович. Поэма о подвиге педагога **// ж. «Наши достижения». – М., 1935, № 9 (журнал основан А.М. Горьким, изд. под его редакцией; в это время он не мог уделять этому журналу должного внимания). Рецензия на вторую часть «Педагогической поэмы», вышедшую в альманахе «Год XVII».**

«…Документ необыкновенной жизненной силы и художественной выразительности… Но в основном «Педагогическая поэма» остаётся образцом мемуарной, строго документальной по своему характеру литературы». «В стилическом отношении II часть выше I-й, …появился даже довольно спорный, специфически литературный элемент».

«Автор кругом неправ в своих нападках на «официальную педагогику»… Ядовитые строки рассеяны по всему тексту. Все педагоги, работающие с Макаренко, представлены как честные, душевные люди – и только…

Мелочными, спорными и попросту неверными являются отдельные оригинальные открытия автора в области теории… Это призыв к некому импрессионизму в воспитательной работе,…в конечном счёте реакционная теория. Если Макаренко добился замечательных результатов в колонии, то часто *вопреки* **своим ошибочным взглядам… и лишь** *благодаря* **замечательному его чутью и большой моральной силе».**

Канторович В.Я. **– литератор, журналист, автор книг «Сахалинские очерки» и «Большой шанс» (о перевоспитании осуждённых в учреждениях НКВД). Вторая книга – о строительстве осуждёнными Беломорско-Балтийского канала. «Беломорстрой воспитал более 30 тысяч опытных бетонщиков, арматурщиков, почти 60 тыс. человек получили снижение сроков заключения, 12 тыс. досрочно освобождены. Несколько десятков человек награждены орденами» (Ширяев В. Камни с дороги надо убирать. – М., 1990, с. 22).**

Дополнения. *Воспоминания К.С. Кононенко* **о работе А.С. Макаренко над «Педагогической поэмой». «…Такие главы, как «Театр», «Водолечебница 9 отряда», были написаны им за два утра, причём он работал часа по четыре. Никаких бумажек, никаких записочек. Он жил у меня под Харьковом. (Говорится о завершении работы над второй частью**

«Педагогической поэмы» - А.Ф.)… Он на машинке печатал – прямо тот экземпляр, который послал в редакцию, без единой помарки…

Антон Семёнович редко проявлял свои личные, глубокие переживания, а вот когда наблюдаешь за ним, как он писал, видишь, что он, в буквальном смысле слова, жил в этом произведении. Скажем, он пишет «Водолечебницу 9 отряда»… Она комическая, он пишет и покатывается от хохота…

Описывает прощание с колонией им. Горького, … как в аллее показался Калина Иванович. Идиллическая вещь, глубоко затрагивающая картина. Когда Антон Семёнович впервые читал эту главу, он разрыдался…

Опускула макаренкиана, № 20, с. 30.

Р.А. Ковнатор **«Весной 1935 г. я работал в Гослитиздате редактором современной художественной литературы. Мне поручили подготовить 2-ю часть «Педагогической поэмы» для издания отдельной книгой. Написала А.С. Макаренко в Киев… На вопрос о дальнейшей судьбе колонии и её ребят он ответил: «…Вопрос о судьбе моих героев. Я никогда не думал, что у меня есть герои. Я сам единственным героем своей книги считал коллектив». Это ключ к пониманию *credo* Макаренко и его книги…**

Осенью 1935 г. он приехал на несколько дней в Москву…»

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 474.

Из письма К.С. Кононенко, сентябрь–октябрь 1935 г.

…Появилась ещё одна статья о «Поэме» - в «Наших достижениях» - В. Канторовича. Я даже обозлился: все бросились защищать педагогику. Этот пишет, что мои «теоретические положения» ничего нового не представляют, всё это давно придумано советской педагогической теорией. Ну, что ты будешь делать? В общем, он доказывает, что я «в теории разбираюсь слабо». Чёрт с ней, с теорией, но это доказывает, что они сами в «Поэме» не разбираются, сволочи.

Ибо «Поэма», собственно говоря, говорит о том, как, невзирая на педагогические теории, делалось педагогическое дело. Какими же силами? Силами самого воздуха нового общества. В этом весь пафос «Поэмы».

Ибо, что такое педагогическая теория? Это формулировка стремлений, напряжений, принципов и взглядов, которые существуют в обществе в области требований к личности (проблемы морали, личности и коллектива, дисциплины и пр.).

Та теория, с которой я боролся и теперь борюсь, есть теория чуждого нам общества, а новой теории нет. Всё же, несмотря на то, что её нет, требования общества действуют и создают практику через голову теории…

Опускула макренкиана, № 20 / Изд.-ред. Г. Хиллиг, В. Марочко. – Марбург, 1997, с. 32. Неполный текст: А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 54.

А.С. Макаренко говорит о проблеме соотношения теории и практики, о новой социально-педагогической теории, возникающей в общественной практике и отражающей потребности её развития. «Весь пафос «Поэмы»» - в осмыслении и утверждении педагогики, которая «рождалась на всей территории Союза»; она создавалась «не в мучительных судорогах кабинетного ума» (там же, т. 6, с. 100), а в реальной действительности.

Дополнение. **А.С. Макаренко в составе группы сотрудников наркомата внутр. дел УССР в сентябре–октябре 1935 г. участвует в обследовании Харьковской им. М. Горького и Андреевской колоний,**

недавно переданных наркомпроссом УССР в ведение украинского НКВД. В августе в Андреевскую были назначены новые руководители, но «наладить работу им не удалось». Их основная ошибка – введение «жёсткого, а порой и жестокого режима». В результате – «разложение значительной части персонала и воспитанников, разврат, пьянство, издевательство над воспитанниками. В колонии имела место волынка, сопровождаемая разгромом кладовых».

Приказ зам. наркома внутр. дел УССР З.Б. Кацнельсона 20 ноября: «…Персонал работает вяло, коллективы воспитанников не организованны, самоуправления фактически не существует, изменений во внешнем быту воспитанников не заметно. В Андреевской колонии воспитанники представляют толпу беспризорных, лишённую актива и сознательного понимания, стоящих перед колонией задач. Горьковская колония производит впечатление учреждения запущенного и не упорядоченного. Слабые коллективы этих колоний деморализованы постоянными переброскими десятками детей с места на место». (Приказ составлен, вероятно, с участием А.С. Макаренко, видна его терминология – А.Ф.).

Приказано: «Начальнику облуправления НКВД Харьковской обл. т. Карлсону в срочном порядке пересмотреть руководящий состав Куряжской и Андреевской колоний. Нач. коммуны им. Дзержинского т. Тихонову выделить на работу в колонию им. Горького педагога и 5 лучших комсомольцев-коммунаров из закончивших учёбу. Нач. ОТК т. Ахматову произвести в янв. 1936 г. проверку состояния трудколонний Харьковской области». Ему же: «…Предоставить мне 1 дек. 1935 г. проект краткосрочного семинара по переквалификации воспитательского персонала».

Приговор Военного трибунала 26 мая 1936 г.: управляющему ранее Андреевской колонией Москаленко И.П. – 2 года лишения свободы; нач-ку учебно-восп. части Рапцуняк – 3 года; бывш. нач. уч.-восп. части Драганову С.И. – полтора года.

Всё выше более полно: Опускула макаренкиана, № 22, с. 63-66.

Письмо К.С. Кононенко, 3 октября 1935 г.

3 октября 1935, Киев

Насилу вырвался, чтобы написать тебе. Только на днях кончил третью часть и отправил Горькому. Ещё заканчиваю перепечатывание для отдельного издания. Получилось… чёрт его знает? Люди хвалят, а у меня, конечно, впечатление всякое. Есть листы сердцещипательные, как будто благополучно разрешена известная тебе проблема финала.

11-го выезжаю в Москву, отпускают меня с трудом, и вообще меня здесь используют больше по писанию разных докладов, а этого дела хватает на каждый день.

Ещё не знаю, как пойдёт третья часть, там много разных ехидных вылазок и против Наркомпроса, и даже против финотдела, который у меня получил прозвище Кащея Бессмертного[1]. Но, во всяком случае, у меня поэма свалилась с плеч. Теперь ощущаю некоторую пустоту, абсолютно не знаю, о чём буду писать дальше.

Галя настойчиво советует писать «Книгу о мальчиках», где, по её мнению, нужно выложить всю мою педагогическую философию, но обязательно в художественной форме, сопровождая всё сравнениями, сентенциями, лирическими отступлениями и т.д. Я ещё не продумал это предложение и даже не представляю себе, что это может быть. Может быть, это и хорошо, но всё-таки хочется попробо-

вать силы на художественном вымысле. Я уверен, что в таком вымысле найду для себя совершенно невиданный мною простор. Ты себе представить не можешь, как меня связывала эта самая «художественная правда», а лучшие листы в поэме – это как раз те, которые от начала до конца вымышлены[2].

По этому вопросу мне дозарезу нужно поговорить с тобой. Я уже по опыту знаю, что значит разговор с тобой. Финал третьей части целиком обязан нашей с тобой беседе на диване в твоей столовой.

Но вот беда: не знаю, когда буду в Харькове. Из Москвы я возвращусь 15 октября. Кто знает, смогу ли я побывать в Харькове до конца октября? В таком случае совершенно надёжными остаются только праздники 5 – 7 ноября.

Вернулись ли твои из Крыма? Как их здоровье? Как теперь получается с учебным годом Олега[3]? Наверное, он…[4]? Да? Пиши. Галя прихварывает. Это не мешает ей посылать всем Вам горячий привет и такие же горячие поцелуи.

Будь весел.

Твой *А.*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 54-55.

[1] Этот фрагмент текста опущен во многих изданиях «Педагогической поэмы», включая её «каноническое» издание 1937 г. В 8-томном издании Пед. соч. он дан в Приложении, т. 3, с. 472-473. В нашем издании см.: Из фрагментов Части третьей, имеющихся в авторской рукописи, - см. сноску № 9.

А.С. Макаренко здесь вводит в педагогику проблему ресурсного, финансового обеспечения педагогического процесса. Он говорит о предоставлении педагогическому учреждению права инициативы в расходовании выделяемых финансовых средств, о необходимости воспитания «хозяйственности». Огромное значение этой проблемы: финотдел – «истинный хозяин наших [педагогических] идеалов, принципов и идей» (т. 3, с. 473).

[2] Правда жизни и «художественная правда» у А.С. Макаренко тесно связаны, они «параллельны» Поэтизация действительности, романтическая приподнятость и «проектирование» - важнейшая черта его не только художественного, но и педагогического творчества.

[3] Имеется в виду сын К.С. Кононенко.

[4] Далее слово неразборчиво.

Дополнения. *Из письма Г.С. Макаренко* **Л.М. Салько, 9 октября 1935 г.: «…Немножко не повезло то, что у Антона сейчас новый начальник и ещё большой поклонник «Поэмы», он и думать пока не хочет об Антоновом уходе. Конечно, решает это дело «хозяин»[2] но как он посмотрит на уход Антона, сказать трудно…»**

Опускула макаренкиана, № 24, с. 114.

Говорится о *В.А. Балицком.* **Он – в 1924–1930 гг. нарком внутр. дел УССР; в 1931–1932 гг. зам. Предс. ОГПУ СССР, затем Предс. ГПУ Украины; с 1934 г. нарком внутр. дел УССР. Предс. общественного совета по организации коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (кон. 1927 – нач. 1928 г.), предс. совета по делам коммуны первого состава и последующих.**

Из письма А.М. Горького **А.С. Макаренко, из Тессели, Крым, 8 октября 1935 г., «…Третья часть «Поэмы» кажется мне более ценной, чем первые две.**

…Очень многое дьявольски волновало. «Соцвосовцев» Вы изобразили так, как и следует. Главы: «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику» - нельзя исключать.

Хорошую Вы «душу» нажили, отлично, умело она любит и ненавидит. Я сделал в рукописи кое-какие мелкие поправки и отправил ее в Москву.

… «Как сохранить элемнты стиля» и т.д. …Ведите аккуратно ежедневную запись наиболее ясных мыслей, характерных фактов, словесной игры… Дайте свободу Вашему юмору…

Напоминаю Вам сказанное в «Поэме» о чекистах… Сами они, к сожалению скромны и говорят о себе молча. Было бы очень хорошо, если б, присмотревшись к наркомвнудельцам, Вы написали очерк или рассказ «Чекист». Героическое Вы любите и умеете изобразить.

Если Вас тяготит «бюрократическая» работа и Вы хотели бы освободиться от нее – давайте хлопотать. Я могу написать т.Б[алицкому] или П.П. Постышеву, могу просить Ягоду1, могу просить, чтоб Вас возвратили к ребятам…

P.S…. Дайте десяток портретов беспризорников. Говорят, что …сейчас причиной ухода из семьи на улицу служат: мачехи, отчимы и «скука жизни» в семье. Отцам-матерям некогда заниматься с детьми, детям не о чем говорить с родителями.

М.Г.

А.С. Макаренко. Пед.соч. в 8т., т.1, с.266. Это последнее письмо А.М. Горького А.С. Макаренко.

[1] Ягода Г.Г. **– с 1934 г. нарком внутренних дел СССР; освобожден от этой должности 26 сент. 1936г. С 1919 г. в органах ВЧК-ГПУ, заместитель Ф.Э. Дзержинского; по его поручению возглавлял работу по борьбе с детской беспризорностью и преступностью несовершеннолетних, по организации детских и молодежных трудовых коммун.**

Из письма А.М. Горького **С.Г. Фирину (нач. лагерей строительства канала «Москва – Волга») 12 окт. 1935 г.: «…На днях читал рукопись третьей части «Педагогической поэмы» Макаренко, - отлично говорит он в ней о «чекистах», о стиле их работы и отношении к людям…»**

Неизвестный Макаренко. Неизданные письма. Вып. 8, Часть 1, с. 53.

В. Колбановский[1]. Поэзия педагогики **// ж. «Красная новь», М., 1935, № 10 – рецензия на отд. изд. первой части «Педагогической поэмы», 1934 г. и второй части, 1935 г. (Гос. изд. худож. лит-ры). Журнал художественной литературной критики и публицистики. Орган Союза сов. писателей СССР. Ред. колл.: Вл. Бахметьев, Ф. Березовский, В. Ермилов, Вс. Иванов, И. Луппол, Ф. Панфёров, А. Фадеев, М. Шагинян. Есть сведения, что В.Н. Колбановский написал эту статью по предложению А.А. Фадеева (Опускула макаренкиана, № 22, с. 46).**

Это художественное произведение «в форме героической эпопеи советской педагогики… Жизненная правда, без прикрас и без умаления, - потрясает… Любовное, бережное отношение к человеку, постоянное обращение к человеческому достоинству, коллективный труд и учёба, как основа разумного существования и деятельности, как залог осознания своей полезности, - таковы основные методы этого [педагогического] искусства». Значение военизированной «игры» - в радостной и счастливой трудовой жизни. Педагогика, «поднятая на высоту подлинной поэзии».

«Антипедагогические приёмы», срывы, пощечина Задирову – это «протест человека, безуспешно взывавшего к человеческому достоинству». И воспитанники не осудили его. «Эти эксцессы, принуждение не характерны для его педагогической системы».

Не «педагогический нигилизм», принципиальное отрицание педагогики, ценности её наследия, а «неверие в её могущество» и «крик отчаянья», поиск «новой педагогики». Её противники «тыкали аксиомами педологии и танцевали только от ребёнка». Педагоги и «непедагоги» в колонии – «преданные делу люди, бескорыстные, терпеливо сносящие общие лишения».

Опровержение рецензии в ж. «Книга пролетарская революция»: чего не понял Бочачер, то поняли колонисты. «Расстроенное воображение и недостаточная осведомлённость в предмете», «обывательская стряпня Бочачера». Об отожествлении взглядов Макаренко и Шульгина: это «смешение гвоздики с панихидой».

[1] *В.Н. Колбановский* **– психолог, врач-психиатр, с 1931 г. директор Гос. института психологии, педологии и психотехники.**

Педагогическая поэма. Часть третья (фрагменты)

…4. «Всё хорошо»

…К ночи я всё-таки имел представление о составе Куряжа[1].

Разумеется, это были настоящие беспризорные, но это не были беспризорные, так сказать, классические. Почему-то в нашей литературе и среди нашей интеллигенции представление о беспризорном сложилось в образе некоего байроновского героя. Беспризорный – это прежде всего якобы философ, и притом очень остроумный, анархист и разрушитель, блатняк и противник решительно всех этических систем. Перепуганные и слезливые педагогические деятели прибавили к этому образу целый ассортимент более или менее пышных перьев, надерганных из хвостов социологии[2], рефлексологии[3] и других богатых наших родственников. Глубоко веровали, что беспризорные организованны, что у них есть вожаки и дисциплина, целая стратегия воровского действия и правила внутреннего распорядка. Для беспризорных не пожалели даже специальных ученых терминов: «самовозникающий коллектив» и т. п.

И без того красивый образ беспризорного в дальнейшем был еще более разукрашен благочестивыми трудами обывателей (российских и заграничных). Все беспризорные - воры, пьяницы, развратники, кокаинисты и сифилитики. Во всей всемирной истории только Петру I пришивали столько смертных грехов. Между нами говоря, все это сильно помогало западноевропейским сплетникам слагать о нашей жизни самые глупые и возмутительные анекдоты.

А между тем... ничего подобного в жизни нет.

Надо решительно отбросить теорию о постоянно существующем беспризорном обществе, наполняющем будто бы наши улицы не только своими «страшными преступлениями» и живописными нарядами, но и своей «идеологией». Составители романтических сплетен об уличном советском анархисте не заметили, что после гражданской войны и голода миллионы детей были с величайшим напряжением всей страны спасены в детских домах. В подавляющем большинстве случаев все эти дети давно уже выросли и работают на советских заводах и в советских учреждениях. Другой вопрос, насколько педагогически безболезненно протекал процесс воспитания этих детей.

В значительной мере по вине тех же самых романтиков работа детских домов развивалась очень тяжело, сплошь и рядом приводя к учреждениям типа Куряжа. Поэтому некоторые мальчики (речь идет только о мальчиках) очень часто уходили на улицу, но вовсе не для того, чтобы жить на улице, и вовсе не потому, что считали уличную жизнь для себя самой подходящей. Никакой специальной улич-

ной идеологии у них не было, а уходили они в надежде попасть в лучшую колонию или детский дом. Они обивали пороги спонов[4] и соцвосов[5], помдетов[6] и комиссий,[7] но больше всего любили такие места, где была надежда приобщиться к нашему строительству, минуя благодать педагогического воздействия. Последнее им не часто удавалось.

Настойчивая и самоуверенная педагогическая братия не так легко выпускала из своих рук принадлежащие ей жертвы и вообще не представляла себе человеческую жизнь без предварительной соцвосовской обработки. По этой причине большинство беглецов принуждены были вторично начинать хождения по педагогическому процессу в какой-нибудь другой колонии, из которой, впрочем, тоже можно было убежать[8]. Между двумя колониями биография этих маленьких граждан протекала, конечно, на улицах, и так как для занятий принципиальными и моральными вопросами они не имели ни времени, ни навыков, ни письменных столов, то естественно, что продовольственные, например, вопросы разрешались ими и аморально, и апринципиально. И в других областях уличные обитатели не настаивали на точном соответствии их поступков формальным положениям науки о нравственности; беспризорные вообще никогда не имели склонности к формализму.

Имея кое-какое понятие о целесообразности, беспризорные в глубине души полагали, что они идут по прямой дороге к карьере металлиста или шофера, что для этого нужно только две вещи: покрепче держаться на поверхности земного шара, хотя бы для этого и приходилось хвататься за дамские сумки и мужские портфели, и поближе пристроиться к какому-нибудь гаражу или механической мастерской.

В нашей ученой литературе было несколько попыток составить удовлетворительную систему классификации человеческих характеров; при этом очень старались, чтобы и для беспризорных было там отведено соответствующее антиморальное и дефективное место. Но из всех классификаций я считаю самой правильней ту, которую составили для практического употребления харьковские коммунары-дзержинцы.

По коммунарской рабочей гипотезе все беспризорные делятся на три сорта[9]. «Первый сорт» - это те, которые самым деятельным образом участвуют в составлении собственных гороскопов, не останавливаясь ни перед какими неприятностями; которые в погоне за идеалом металлиста готовы приклеиться к любой части пассажирского вагона, которые больше кого-нибудь другого обладают вкусом к вихрям курьерских и скорых поездов, будучи соблазняемы при этом отнюдь не вагонами-ресторанами, и не спальными принадлежностями, и не вежливостью проводников. Находятся люди, пытающиеся очернить этих путешественников, утверждая, будто они носятся по железным дорогам в расчете на крымские благоухания или сочинские воды. Это неправда. Их интересуют главным образом днепропетровские, донецкие и запорожские гиганты, одесские и николаевские пароходы, харьковские и московские предприятия[10].

«Второй сорт» беспризорных, отличаясь многими достоинствами, все же не обладает полным букетом благородных нравственных качеств, какими обладает «первый». Эти тоже ищут, но их взоры не отворачиваются с презрением от текстильных фабрик и кожевенных заводов, они готовы помириться даже на деревообделочной мастерской, хуже — они способны заняться картонажным делом, наконец, они не стыдятся собирать лекарственные растения.

«Второй сорт» тоже ездит, но предпочитает задний буфер трамвая, и ему неизвестно, какой прекрасный вокзал в Жмеринке и какие строгости в Москве.

Коммунары-дзержинцы всегда предпочитали привлекать в свою коммуну только граждан «первого сорта». Поэтому они пополняли свои ряды, развивая аги-

тацию в скорых поездах. «Второй сорт» в представлении коммунаров гораздо слабее.

Но в Куряже преобладал не «первый сорт» и не «второй» даже, а «третий». В мире беспризорных, как и в мире ученых, «первого сорта» очень мало, немного больше «второго», а подавляющее большинство - «третий сорт»: подавляющее большинство никуда не бежит и ничего не ищет, а простодушно подставляет нежные лепестки своих детских душ организующему влиянию соцвоса.

В Куряже я напоролся на основательную жилу именно «третьего сорта». Эти дети в своих коротких историях тоже насчитывают три-четыре детских дома или колонии, а то и гораздо больше, иногда даже до одиннадцати, но это уже результат не их стремлений к лучшему будущему, а наробразовских стремлений к творчеству, стремлений, часто настолько туманных, что и самое опытное ухо неспособно бывает различить, где начинается или кончается реорганизация, уплотнение, разукрупнение, пополнение, свертывание, развертывание, ликвидация, восстановление, расширение, типизация, стандартизация, эвакуация и реэвакуация.

А так как и я тоже прибыл в Куряж с реорганизаторскими намерениями, то и встретить меня должно было то самое безразличие, которое является единственной защитной позой каждого беспризорного против педагогических пасьянсов наробраза.

Тупое безразличие было продуктом длительного воспитательного процесса и в известной мере доказывает великое могущество педагогики[11].

Большинство куряжан было в возрасте тринадцати-пятнадцати лет, но на их физиономиях уже успели крепко отпечататься разнообразные атавизмы. Прежде всего, бросалось в глаза полное отсутствие у них чего бы то ни было социального, несмотря на то, что с самого рождения они росли под знаком «социального воспитания».

Первобытная растительная непосредственность сквозила в каждом их движении, но это не была непосредственность ребенка, прямодушно отзывающегося на все явления жизни. Никакой жизни они не знали. Их горизонты ограничивались списком пищевых продуктов, к которым они влеклись в сонном и угрюмом рефлексе. До жратвенного котла нужно было дорваться через толпу таких же зверенышей - вот и вся задача. Иногда она решалась более благополучно, иногда менее, маятник их личной жизни других колебаний не знал. Куряжане и крали в порядке непосредственного действия только те предметы, которые действительно плохо лежат или на которые набрасывалась вся их толпа. Воля этих детей давно была подавлена насилиями, тумаками и матюками старших, так называемых глотов, богато расцветших на почве соцвосовского непротивления и «самодисциплины».

В то же время эти дети вовсе не были идиотами, в сущности — они были обыкновенными детьми, поставленными судьбой в невероятно глупую обстановку: с одной стороны, они были лишены всех благ человеческого развития, с другой стороны, их оторвали и от спасительных условий простой борьбы за существование, подсунув им хотя и плохой, но все же ежедневный котел.

На фоне этой основной массы выделялись некоторые группы иного порядка. В той спальне, где жил Ховрах, очевидно, находился штаб «глотов». Наши рассказывали, что их насчитывалось человек пятнадцать и что главную роль у них играл Коротков. Самого Короткова я еще не видел, да и вообще эти воспитанники большую часть времени проводили в городе. Евгеньев, нашедший среди них старых приятелей, утверждал, что все они обыкновенные городские воры, что колония нужна им только в качестве квартиры. Витька Горьковский не соглашался с Евгеньевым:

- Какие они там воры? Шпана!..

Витька рассказывал, что и Коротков, и Ховрах[12] и Перец[13], и Чурило, и Поднебесный, и все остальные промышляют именно в колонии. Сначала они обкрадывали квартиры воспитателей, мастерские и кладовые. Кое-что можно было украсть и у воспитанников: к Первому мая многим воспитанникам были выданы новые ботинки; по словам Горьковского, ботинки были главным предметом их деятельности. Кроме того, они промышляли на селе, а кое-кто даже на дороге. Колония стояла на большом Ахтырском шляху.

Витька вдруг прищурился и рассмеялся:

- А теперь знаете, что они изобрели, гады? Пацаны их боятся, дрожат прямо, так что они делают: организаторы, понимаете! У них эти пацаны называются «собачками». У каждого несколько «собачек». Им и говорят это утром: иди куда хочешь, а вечером приноси. Кто крадет — то в поездах, а то и на базаре, а больше таких — куда там им украсть, так больше просят. И на улицах стоят, и на мосту, и на Рыжове. Говорят, в день рубля два-три собирают. У Чурила самые лучшие «собачки» — по пяти рублей приносят. И норма у них есть: четвертая часть — «собачке», а три четверти — хозяину. О, вы не смотрите, что у них в спальнях ничего нету. У них и костюмы, и деньги, только все попрятано. Тут на Подворках есть такие дворы и каинов сколько угодно. Они там каждый вечер гуляют.

Второю группу составляли такие, как Зайченко и Маликов. При ближайшем знакомстве с колонией оказалось, что их не так мало, человек до тридцати. Каким-то чудом им удалось пронести через жизненные непогоды блестящие глаза, прелестную мальчишескую агрессивность и свежие аналитические таланты, позволявшие им к каждому явлению относиться с боевой привязчивостью.

Я очень люблю этот отдел человечества, люблю за красоту и благородство душевных движений, за глубокое чувство чести, даже за то, что все они убежденные холостяки и женоненавистники. С первыми шагами моего передового сводного люди эти подняли носы, втянули в себя, отдуваясь, свежий воздух, потом заметались по спальням, поставив хвосты трубой и приведя в быстрое вращение указанные выше аналитические таланты. Они еще боялись открыто перейти на мою сторону, но поддержка их была все равно обеспечена.

На третью группу социальных элементов мы наткнулись с Витькой нечаянно, и Витька остановился перед ней, как сеттер перед зайцем, в оторопелом удивлении. В дальнем углу двора стоял, прислонившись к древней стене, одинокий флигель с деревянной резной верандой. Ваня Зайченко[14], показывая на это строение, сказал:

- А там живут агрономы.

- Кто это агрономы? Сколько же их?

- А их четырнадцать человек.

- Четырнадцать агрономов? Зачем так много?

- А они жито сеяли, а теперь там живут...

Я услышал запах Халабуды[15] и еще более усомнился:

- Это вы их так дразните?

Но Ваня сделал серьезное лицо и еще настойчивее мотнул головой по направлению к флигелю:

- Нет, настоящие агрономы, вот посмотрите! Они пахали и сеяли жито![16] И смотрите: выросло! Вот такое уже выросло!

Витька воззрился на Зайченко с негодованием:

- Это те... в синих рубашках? Они же воспитанники у вас? Что же ты брешешь?

- Да не брешу! — запищал Ванька. — Не брешу! Они и аттестаты должны получить. Как только получат аттестаты, так и поедут...

- Ну, хорошо, пойдем к вашим агрономам.

Во флигеле были две спальни. На кроватях, покрытых сравнительно свежими одеялами, сидели подростки, действительно в синих сатиновых рубашках, чистенько причесанные и как-то по-особенному добродетельные. На стенах были аккуратно налеплены открытки, вырезки из журналов и в деревянных рамах маленькие зеркальца. С подоконников свешивались узорные края чистой бумаги.

Серьезные мальчики суховато ответили на мое приветствие и не высказали никакого возмущения, когда Ваня Зайченко с воодушевлением представил их нам:

- Вот это все агрономы, я ж говорил! А это главный — Воскобойников!

Витька Горьковский посмотрел на меня с таким выражением, как будто нас приглашали познакомиться не с агрономами, а с лешими или водяными, в бытие которых поверить Витька ни в каком случае не мог.

- Вот что, ребята, вы не обижайтесь, только скажите, пожалуйста, почему вас называют агрономами?

Воскобойников — высокий юноша, на лице которого бледность боролась с важностью и обе одинаково не могли прикрыть неподвижной, застывшей темноты, — поднялся с постели, с большим усилием засунул руки в тесные карманы брюк и сказал:

- Мы — агрономы. Скоро получим аттестаты...

- Кто вам даст аттестаты?

- Как — кто даст? Заведующий.

- Какой заведующий?

- Бывший заведующий.

Витька расхохотался:

- Может быть, он и мне даст?

- Нечего насмехаться, — сказал Воскобойников, — ты ничего не понимаешь, так и не говори. Что ты понимаешь?

Витька рассердился:

- Я понимаю, что вы здесь все олухи. Говорите подробно, кто тут дурака валяет?

- Может быть, ты и валяешь дурака, — остроумно начал Воскобойников, но Витька больше не мог выносить никакой чертовщины:

- Брось, говорю тебе!.. Ну, рассказывай!

Мы уселись на кроватях. Пересиливая важность и добродетель, сопротивляясь и оскорбляясь, пересыпая скупые слова недоверчивыми и презрительными гримасами, агрономы раскрыли пред нами секреты халабудовского жита и собственной головокружительной карьеры. Осенью в Куряже работал какой-то уполномоченный Халабуды, имевший от него специальное поручение посеять жито. Он уговорил работать пятнадцать старших мальчиков и расплатился с ними очень щедро: их поселили в отдельном флигеле, купили кровати, белье, одеяла, костюмы, пальто, заплатили по пятьдесят рублей каждому и обязались по окончании работы выдать дипломы агрономов. Поскольку все договоренное, кровати и прочее, оказалось реальностью, у мальчиков не было оснований сомневаться и в реальности дипломов, тем более что все они были малограмотны и никто из них выше второй группы трудовой школы не бывал. Выдача дипломов затянулась до весны. Это обстоятельство, однако, не очень беспокоило мальчиков, хотя халабудовский уполномоченный и растворился в эфире помдетовских комбинатов, но его обязательства благородно принял на себя заведующий колонией. Уезжая вчера, он подтвердил, что ди-

пломы уже готовы, только нужно их привезти в Куряж и торжественно выдать агрономам.

Я сказал мальчикам:

- Ребята, вас просто надули! Чтобы быть агрономом, нужно много учиться, несколько лет учиться, есть такие институты и техникумы, а чтобы поступить туда, тоже нужно учиться в обыкновенной школе несколько лет. А вы... Сколько семью восемь?

Черненький смазливый юноша, к которому я в упор обратился с вопросом, неуверенно ответил:

- Сорок восемь.

Ваня Зайченко охнул и вытаращил искренние глазенки:

- Ой-ой-ой, агрономы! Сорок восемь! Вот покупка, так покупка! Скажите, пожалуйста!

- А ты чего лезешь? Тебе какое дело? — закричал на Ваньку Воскобойников.

- Так пятьдесят шесть! — Ванька даже побледнел от страстной убедительности. — Пятьдесят шесть!

- Так как же? — спросил широкоплечий, угловатый парень, которого называли Сватко. — Нам обещали, что дадут место в совхозе, а теперь как?

- А это можно, — ответил я. — Работать в совхозе хорошее дело, только вы будете не агрономами, а рабочими.

Агрономы запрыгали на кроватях в горячем возмущении. Сватко побледнел от злости:

- Вы думаете, мы правды не найдем? Мы понимаем, все понимаем. Нас и заведующий предупреждал, да! Вам сейчас нужно пахать, а никто не хочет, так, значит, вы крутите! И товарища Халабуду подговорили. По-вашему не будет, не будет!

Воскобойников снова засунул руки в карманы и снова вытянул до потолка свое длинное тело.

- Чего вы пришли сюда обдуривать? Нам знающие люди говорили. Мы сколько посеяли и занимались. А вам нужно эксплуатировать? Довольно!

- Вот дурачье,— спокойно произнес Витька.

- Вот я ему двину в морду!.. Горьковцы!.. Приехали сюда чужими руками жар загребать?

Я поднялся с кровати. Агрономы направили на нас сердитые тупые лица. Я постарался как можно спокойнее попрощаться с ними:

- Дело ваше, ребята. Хотите быть агрономами — пожалуйста. Ваша работа нам сейчас не нужна, обойдемся без вас.

Мы направились к выходу. Витька все-таки не утерпел и уже на пороге настойчиво заявил:

- А все-таки вы идиоты.

Заявление это вызвало такое недовольство у агрономов, что Витьке пришлось с крыльца взять третью скорость.

В пионерской комнате Жорка Волков[17] производил смотр куряжан, выделенных разными правдами и неправдам и в командиры. Я и раньше говорил Жорке, что из этого ничего не выйдет, что такие командиры нам не нужны. Но Жорка захотел увериться в этом на опыте.

Выделенные кандидаты сидели на лавках, и их босые ноги, как у мух, то и дело прочесывали одна другую. Жорка сейчас похож на тигра: глаза у него острые и искрящиеся. Кандидаты держат себя так, как будто их притащили сюда играть в новую игру, но правила игры запутаны, старые игры вообще лучше. Они стараются

деликатно улыбаться в ответ на страстные объяснения Жорки, но эффект этот Жорку мало радует:

- Ну, чего ты смеешься? Чего ты смеешься? Ты понимаешь? Довольно жить паразитом! Ты знаешь, что такое советская власть?

Лица кандидатов суровеют, и стыдливо жеманятся разыгравшиеся в улыбке щеки.

- Я же вам объясняю: раз ты командир, твой приказ должен быть выполнен.

- А если он не захочет? — снова прорывается улыбкой лобастый блондин, видимо лодырь и губошлеп, — фамилия его Петрушко.

Среди приглашенных сидит и Спиридон Ховрах. Недавняя беседа его с Белухиным[18] и Карабановым[19] кажется, привела его в умиление, но сейчас он разочарован: от него требуют невыгодных и неприятных осложнений с товарищами.

В этот вечер, после страстных речей Жорки и улыбчивого равнодушия куряжан, мы все же составили совет командиров, переписали всех обитателей колонии и даже сделали наряд на работы завтрашнего дня. В это время Волохов[20] и Кудлатый[21] налаживали инвентарь к завтрашнему выезду в поле. И совет командиров, и инвентарь имели очень дрянной вид, и мы улеглись спать в настроении усталости и неудачи. Хотя Боровой с помощником приступили к работе и вокруг яркочерных навалов земли уже блестели свежие щепки, общая задача в Куряже все равно представлялась неразборчивой и лишенной того спасительного хвостика, за который необходимо дернуть для начала.

На другой день рано утром рабфаковцы[22] уехали в Харьков. Как было условлено в совете командиров[23], в шесть часов позвонили побудку. Несмотря на то, что у соборной стены[24] висел уже новый колокол с хорошим голосом, побудка не произвела на куряжан никакого впечатления. Дежурный по колонии Иван Денисович Киргизов[25] в свеженькой красной повязке заглянул в некоторые спальни, но вынес оттуда только испорченное настроение. Колония спала; лишь у конюшни возился наш передовой сводный, собираясь в поле. Через двадцать минут он выступил в составе трех парных запряжек плугов и борон. Кудлатый уселся на линейку и поехал в город доставать семенную картошку. Ему навстречу тащились из города отсыревшие бледные фигуры. В моем распоряжении не осталось сил, чтобы остановить их и обыскать, поговорить об обстоятельствах минувшей ночи. Они беспрепятственно пролезли в спальни, и число спящих, таким образом, даже увеличилось.

По составленным вчера нарядам, единодушно утвержденным советом командиров, все силы куряжан предполагалось бросить на уборку спален и двора, на расчистку площадки под парники, на вскопку огородных участков вокруг монастырской стены и на разборку самой стены. В моменты оптимистических просветов я начинал ощущать в себе новое приятное чувство силы. Четыреста колонистов! Воображаю, как обрадовался бы Архимед, если бы ему предложили четыреста колонистов. Очень возможно, что он отказался бы даже от точки опоры в своей затее перевернуть мир. Да и двести восемьдесят куряжан были для меня непривычным сгустком энергии после ста двадцати горьковцев.

Но этот сгусток энергии валяется в грязных постелях и даже не спешит завтракать. У нас уже имелись тарелки и ложки, и все это в сравнительном порядке было разложено на столах в трапезной, но целый час тарабанил в колокол Шелапутин[26], пока в столовой показались первые фигуры. Завтрак тянулся до десяти часов. В столовой я произнес несколько речей, в десятый раз повторил, кто в каком отряде, кто в отряде командир и какая для отряда назначена работа. Воспитанники выслушивали мои речи, не подымая головы от тарелки. Эти черти даже не учли того обстоятельства, что для них приготовлен был очень жирный и вкусный суп, а на

хлеб положены кубики масла. Они равнодушно сожрали суп и масло, позапихивали в карманы куски хлеба и вылезли из столовой, облизывая грязные пальцы и игнорируя мои взгляды, полные архимедовской надежды.

Никто не подошел к Мише Овчаренко, который возле самой соборной паперти разложил на ступенях новые, вчера купленные лопаты, грабли, метлы. В руках Миши новенький блокнот, тоже вчера купленный. В этом блокноте Миша должен был записывать, какому отряду сколько выдано инструментов. Миша имел вид очень глупый рядом со своей ярмаркой, ибо к нему не подошел ни один человек. Даже Ваня Зайченко, командир десятого отряда куряжан, составленного из его приятелей, на которого я особенно надеялся, не пришел за инструментами, и за завтраком я его не заметил. Из новых командиров в столовой подошел ко мне Ховрах, стоял со мной рядом и развязно рассматривал проходящую мимо нас толпу. Его отряд — четвертый — должен был приступить к разломке монастырской стены: для него у Миши заготовлены были ломы. Но Ховрах даже не вспомнил о порученной ему работе. По-прежнему развязно он заговорил со мной о предметах, никакого отношения к монастырской стене не имеющих:

- Скажите, правда, что в колонии имени Горького девчата хорошие?

Я отвернулся от него и направился к выходу, но он пошел со мной рядом и, заглядывая мне в лицо, продолжал:

- И еще говорят, что воспитательки у вас есть... Такие... хлеб с маслом. Га-га, интересно будет, когда сюда приедут! У нас здесь тоже были бабенки подходящие... только знаете что? Глаза моего, ну и боялись! Я как гляну на них, так аж краснеют! А отчего это так, скажите мне, отчего это у меня глаз такой опасный, скажите?

- Почему твой отряд не вышел на работу?

- А черт его знает, мне какое дело! Я и сам не вышел...

- Почему?

- Не хочется, га-га-га!..

Он прищурился на соборный крест:

- А у нас тут, на Подворках, тоже есть бабенки забористые… га-га... если желаете, могу познакомить...

Мой гнев еще со вчерашнего дня был придавлен мертвой хваткой сильнейших тормозов. Поэтому внутри меня что-то нарастало круто и настойчиво, но на поверхности моей души я слышал только приглушенный скрип, да нагревались клапаны сердца. В голове кто-то скомандовал «смирно», и чувства, мысли и даже мыслишки поспешили выпрямить пошатнувшиеся ряды[27]. Тот же «кто-то» сурово приказал:

«Отставить Ховраха! Спешно нужно выяснить, почему отряд Вани Зайченко не вышел на работу и почему Ваня не завтракал?»

И поэтому и по другим причинам я сказал Ховраху:

- Убирайся от меня к чертовой матери!.. Г...о!

Ховрах очень был поражен моим обращением и быстро ушел. Я поспешил к спальне Зайченко.

Ванька лежал на голом матраце, и вокруг матраца сидела вся его компания. Ваня положил руку под голову, и его бледная худая ручонка на фоне грязной подушки казалась чистой.

- Что случилось? — спросил я.

Компания молча пропустила меня к кровати. Одарюк через силу улыбнулся и сказал еле слышно:

- Побили.

- Кто побил?

Неожиданно звонко Ваня сказал с подушки:

- Кто-то, понимаете, побил! Вы можете себе представить? Пришли ночью, накрыли одеялом и... здорово побили! В груди болит!

Звонкий голос Вани Зайченко сильно противоречил его похудевшему синеватому личику.

Я знал, что среди куряжскнх флигелей один называется больничкой. Там среди пустых грязных комнат была одна, в которой жила старушка-фельдшерица. Я послал за нею Маликова[28]. В дверях Маликов столкнулся с Шелапутиным:

- Антон Семенович, там на машине приехали, вас ищут!

У большого черного фиата стояли Брегель[29] товарищ Зоя[30] и Клямер[31], Брегель величественно улыбнулась:

- Приняли?

- Принял.

- Как дела?

- Все хорошо.

- Совсем хорошо?

- Жить можно.

Товарищ Зоя недоверчиво на меня посматривала. Клямер оглядывался во все стороны. Вероятно, он хотел увидеть моих сторублевых воспитателей. Мимо нас спотыкающимся старческим аллюром спешила к Ване Зайченко фельдшерица. От конюшни доносились негодующие речи Волохова:

- Сволочи, людей перепортили и лошадей перепортили! Ни одна пара не работает, поноровили коней, гады, не кони, а проститутки!

Товарищ Зоя покраснела, подпрыгнула и завертела большой нескладной головой:

- Вот это соцвос, я понимаю!

Я расхохотался:

- Это не соцвос. Это просто человек слов не находит.

- Как не находит? — язвительно улыбнулся Клямер. — Кажется, именно находит?

- Ну да, сначала не находил, а потом уже нашел.

Брегель что-то хотела сказать, пристально глянула мне в глаза и ничего не сказала.

…….

10. У подошвы Олимпа

Май и июнь в Куряже были нестерпимо наполнены работой. Я не хочу сейчас об этой работе говорить словами восторга.

Если к работе подходить трезво, то необходимо признать, что много есть работ тяжелых, неприятных, неинтересных, многие работы требуют большого терпения, привычки преодолевать болевые угнетающие ощущения в организме; очень многие работы только потому и возможны, что человек привык страдать и терпеть.

Преодолевать тяжесть труда, его физическую непривлекательность люди научились давно, но мотивации этого преодоления нас теперь не всегда удовлетворяют. Снисходя к слабости человеческой природы, мы терпим и теперь некоторые мотивы личного удовлетворения, мотивы собственного благополучия, но мы неизменно стремимся воспитывать широкие мотивации коллективного интереса[32]. Однако многие проблемы в области этого вопроса очень запутаны, и в Куряже приходилось решать их почти без помощи со стороны.

Когда-нибудь настоящая педагогика разработает этот вопрос, разберет механику человеческого усилия, укажет, какое место принадлежит в нем воле, самолюбию, стыду, внушаемости, подражанию, страху, соревнованию и как все это комбинируется с явлениями чистого сознания, убежденности, разума. Мой опыт, между прочим, решительно утверждает, что расстояние между элементами чистого сознания и прямыми мускульными расходами довольно значительно и что совершенно необходима некоторая цепь связующих более простых и более материальных элементов[33].

В день приезда горьковцев в Куряже очень удачно был разрешен вопрос о сознании. Куряжская толпа была в течение одного дня приведена к уверенности, что приехавшие отряды привезли ей лучшую жизнь, что к куряжанам прибыли люди с опытом и помощью, что нужно идти дальше с этими людьми[34]. Здесь решающими не были даже соображения выгоды, здесь происходило, конечно, коллективное внушение, здесь решали не расчеты, а глаза, уши, голоса и смех. Все же в результате первого дня куряжане безоглядно захотели стать членами горьковского коллектива хотя бы уже и потому, что это был коллектив, еще не испробованная сладость в их жизни.

Но я приобрел на свою сторону только сознание, а этого было страшно мало. На другой же день это обнаружилось во всей своей сложности. Еще с вечера были составлены сводные отряды на разные работы, намеченные в декларации комсомола, почти ко всем сводный [отрядам][34a] были прикреплены воспитатели или старшие горьковцы, настроение у куряжан с самого утра было прекрасное, и все-таки к обеду выяснилось, что работают очень плохо. После обеда многие уже не вышли на работу, где-то попрятались, часть по привычке потянулась в город и на Рыжов[35]. Я сам обошел все сводные отряды — картина была везде одинакова. Вкрапления горьковцев казались везде очень незначительными, преобладание куряжан бросалось в глаза, и нужно было опасаться, что начнет преобладать и стиль их работы, тем более что среди горьковцев было очень много новеньких, да и некоторые старики, растворившись в куряжской пресной жидкости, грозили просто исчезнуть как активная сила.

Взяться за внешние дисциплинарные меры, которые так выразительно и красиво действуют в сложившемся коллективе, было опасно. Нарушителей было очень много, возиться с ними было делом сложным, требующим много времени, и неэффективным, ибо всякая мера взыскания только тогда производит полезное действие, когда она выталкивает человека из общих рядов и поддерживается несомненным приговором общественного мнения[36]. Кроме того, внешние меры слабее всего действуют в области организации мускульного усилия.

Менее опытный человек утешил бы себя такими соображениями: ребята не привыкли к трудовому усилию, не имеют «ухватки», не умеют работать, у них нет привычки равняться по трудовому усилию товарищей, нет той трудовой гордости, которая всегда отличает коллективиста; все это не может сложиться в один день, для этого нужно время. К сожалению, я не мог ухватиться за такое утешение. В этом пункте давал себя знать уже известный мне закон: в педагогическом явлении нет простых зависимостей, здесь менее всего возможна силлогистическая формула, дедуктивный короткий бросок[37].

В майских условиях Куряжа постепенное и медленное развитие трудового усилия грозило выработать общий стиль работы, выраженный в самых средних формах, и ликвидировать пружинную, быструю и точную ухватку горьковцев.

Область стиля[38] и тона[39] всегда игнорировалась педагогической «теорией», а между тем это самый существенный, самый важный отдел коллективного воспита-

ния. Стиль — самая нежная и скоропортящаяся штука. За ним нужно ухаживать, ежедневно следить, он требует такой же придирчивой заботы, как цветник. Стиль создается очень медленно, потому что он немыслим без накопления традиций, то есть положений и привычек, принимаемых уже не чистым сознанием, а сознательным уважением к опыту старших поколений, к великому авторитету целого коллектива, живущего во времени. Неудача многих детских учреждений происходила оттого, что у них не выработался стиль и не сложились привычки и традиции, а если они и начинали складываться, переменные инспектора наробразов регулярно разрушали их, побуждаемые к этому, впрочем, самыми похвальными соображениями. Благодаря этому соцвосовские «ребенки» всегда жили без единого намека на какую бы то ни было преемственность не только «вековую», но даже годовалую.

Побежденное сознание куряжан позволяло мне стать в более близкие и доверчивые отношения к ребятам. Но этого было мало. Для настоящей победы от меня требовалась теперь педагогическая техника[40]. В области этой техники я был так же одинок, как и в 1920 году, хотя уже не был так юмористически неграмотен. Одиночество это было одиночеством в особом смысле. И в воспитательском, и в ребячьем коллективе у меня уже были солидные кадры помощников; располагая ими, я мог смело идти на самые сложные операции. Но все это было на земле.

На небесах и поближе к ним, на вершинах педагогического «Олимпа», всякая педагогическая техника в области собственно воспитания считалась ересью.

На «небесах» ребенок рассматривался как существо, наполненное особого состава газом, название которому даже не успели придумать. Впрочем, это была все та же старомодная душа, над которой упражнялись еще апостолы. Предполагалось (рабочая гипотеза), что газ этот обладает способностью саморазвития, не нужно только ему мешать. Об этом было написано много книг, но все они повторяли, в сущности, изречения Руссо:

«Относитесь к детству с благоговением...»

«Бойтесь помешать природе...»[41].

Главный догмат этого вероучения состоял в том, что в условиях такого благоговения и предупредительности перед природой из вышеуказанного газа обязательно должна вырасти коммунистическая личность. На самом деле в условиях чистой природы вырастало только то, что естественно могло вырасти, то есть обыкновенный полевой бурьян, но это никого не смущало — для небожителей были дороги принципы и идеи. Мои указания на практическое несоответствие получаемого бурьяна заданным проектам коммунистической личности называли делячеством, а если хотели подчеркнуть мою настоящую сущность, говорили:

- Макаренко — хороший практик, но в теории он разбирается очень слабо[42].

Были разговоры и о дисциплине[43]. Базой теории в этом вопросе были два слова, часто встречающиеся у Ленина: «сознательная дисциплина»[44]. Для всякого здравомыслящего человека в этих словах заключается простая, понятная и практически необходимая мысль: дисциплина должна сопровождаться пониманием ее необходимости, полезности, обязательности, ее классового значения. В педагогической теории это выходило иначе: дисциплина должна вырастать не из социального опыта, не из практического товарищеского коллективного действия, а из чистого сознания, из голой интеллектуальной убежденности, из пара души, из идеи. Потом теоретики пошли дальше и решили, что «сознательная дисциплина» никуда не годится, если она возникает вследствие влияния старших. Это уже не дисциплина по-настоящему сознательная, а натаскивание и, в сущности, насилие над паром души. Нужна не сознательная дисциплина, а «самодисциплина». Точно так же не нужна и опасна какая бы то ни была организация детей, а необходима «самоорганизация».

Возвращаясь в свое захолустье, я начинал думать. Я соображал так: мы все прекрасно знаем, какого нам следует воспитать человека, это знает каждый грамотный сознательный рабочий и хорошо знает каждый член партии. Следовательно, затруднения не в вопросе, что нужно сделать, но как сделать. А это вопрос педагогической техники. Технику можно вывести только из опыта. Законы резания металлов не могли бы быть найдены, если бы в опыте человечества никто никогда металлов не резал. Только тогда, когда есть технический опыт, возможны изобретение, усовершенствование, отбор и браковка.

Наше педагогическое производство никогда не строилось по технологической логике, а всегда по логике моральной проповеди. Это особенно заметно в области собственного воспитания, в школьной работе как-то легче.

Именно потому у нас просто отсутствуют все важные отделы производства: технологический процесс, учет операций, конструкторская работа, применение кондукторов и приспособлений, нормирование, контроль, допуски и браковка.

Когда подобные слова я несмело произносил у подошвы «Олимпа», боги швыряли в меня кирпичами и кричали, что это механистическая теория.

А я, чем больше думал, тем больше находил сходства между процессами воспитания и обычными процессами на материальном производстве, и никакой особенно страшной механистичности в этом сходстве не было. Человеческая личность в моем представлении продолжала оставаться человеческой личностью со всей ее сложностью, богатством и красотой, но мне казалось, что именно потому к ней нужно подходить с более точными измерителями, с большей ответственностью и с большей наукой, а не в порядке простого темного кликушества. Очень глубокая аналогия между производством и воспитанием не только не оскорбляла моего представления о человеке, но, напротив, заражала меня особенным уважением к нему, потому что нельзя относиться без уважения и к хорошей сложной машине.

Во всяком случае для меня было ясно, что очень многие детали в человеческой личности и в человеческом поведении можно было сделать на прессах, просто штамповать в стандартном порядке, но для этого нужна особенно тонкая работа самих штампов, требующих скрупулезной осторожности и точности. Другие детали требовали, напротив, индивидуальной обработки в руках высококвалифицированного мастера, человека с золотыми руками и острым глазом. Для многих деталей необходимы были сложные специальные приспособления, требующие большой изобретательности и полета человеческого гения. А для всех деталей и для всей работы воспитателя нужна особая наука. Почему в технических вузах мы изучаем сопротивление материалов, а в педагогических не изучаем сопротивление личности, когда ее начинают воспитывать? А ведь для всех не секрет, что такое сопротивление имеет место. Почему, наконец, у нас нет отдела контроля, который мог бы сказать разным педагогическим портачам[45]:

- У вас, голубчики, девяносто процентов брака. У вас получилась не коммунистическая личность, а прямая дрянь, пьянчужка, лежебока и шкурник. Уплатите, будьте добры, из вашего жалованья.

Почему у нас нет никакой науки о сырье и никто толком не знает, что из этого материала следует делать — коробку спичек или аэроплан?

С вершин «олимпийских» кабинетов не различают никаких деталей и частей работы. Оттуда видно только безбрежное море безликого детства, а в самом кабинете стоит модель абстрактного ребенка, сделанная из самых легких материалов: идей, печатной бумаги, маниловской мечты. Когда люди «Олимпа» приезжают ко мне в колонию, у них не открываются глаза, и живой коллектив ребят им не кажется новым обстоятельством. вызывающим прежде всего техническую заботу. А я,

провожая их по колонии, уже поднятый на дыбу теоретических соприкосновений с ними, не могу отделаться от какого-нибудь технического пустяка.

В спальне четвертого отряда сегодня не помыли полы, потому что ведро куда-то исчезло. Меня интересует и материальная ценность ведра, и техника его исчезновения. Ведра выдаются в отряды под ответственность помощника командира, который устанавливает очередь уборки, а следовательно, и очередь ответственности. Вот эта именно штука — ответственность за уборку, и за ведро, и за тряпку — есть для меня технологический момент.

Эта штука подобна самому захудалому, старому, без фирмы и года выпуска, токарному станку на заводе. Такие станки всегда помещаются в дальнем углу цеха, на самом замасленном участке пола и называются козами. На них производится разная детальная шпана: шайбы, крепежные части, прокладки, какие-нибудь болтики. И все-таки, когда такая «коза» начинает заедать, по заводу пробегает еле заметная рябь беспокойства, в сборном цехе нечаянно заводится «условный выпуск», на складских полках появляется досадная горка неприятной продукции — «некомплект».

Ответственность за ведро и тряпку для меня такой же токарный станок, пусть и последний в ряду, но на нем обтачиваются крепежные части для важнейшего человеческого атрибута: чувства ответственности. Без этого атрибута не может быть коммунистического человека, будет «некомплект».

«Олимпийцы» презирают технику. Благодаря их владычеству давно захирела в наших педвузах педагогически-техническая мысль, в особенности в деле собственно воспитания. Во всей нашей советской жизни нет более жалкого технического состояния, чем в области воспитания. И поэтому воспитательное дело есть дело кустарное, а из кустарных производств — самое отсталое. Именно поэтому до сих пор действительной остается жалоба Луки Лукича Хлопова из «Ревизора»:

«Нет хуже служить по ученой части, всякий мешается, всякий хочет показать, что он тоже умный человек».

И это не шутка, не гиперболический трюк, а простая прозаическая правда. «Кому ума недоставало» решать любые воспитательные вопросы? Стоит человеку залезть за письменный стол, и он уже вещает, связывает и развязывает. Какой книжкой можно его обуздать? Зачем книжка, раз у него у самого есть ребенок? А в это время профессор педагогики, специалист по вопросам воспитания[46], пишет записку в ГПУ или НКВД: «Мой мальчик несколько раз меня обкрадывал, дома не ночует, обращаюсь к вам с горячей просьбой...».

Спрашивается: почему чекисты должны быть более высокими педагогическими техниками, чем профессора педагогики?

На этот захватывающий вопрос я ответил не скоро, а тогда, в 1926 году, я со своей техникой был не в лучшем положении, чем Галилей со своей трубой. Передо мной стоял короткий выбор: или провал в Куряже, или провал на «Олимпе» и изгнание из рая. Я выбрал последнее. Рай блистал над моей головой, переливая ее всеми цветами теории, но я вышел к сводному отряду куряжан и сказал хлопцам:

- Ну, ребята, работа ваша дрянь... Возьмусь за вас сегодня на собрании. К чертям собачьим с такой работой!

Хлопцы покраснели, и один из них, выше ростом, ткнул сапкой в моем направлении и обиженно прогудел:

- Так сапки тупые... Смотрите...

- Брешешь, — сказал ему Тоська Соловьев, — брешешь. Признайся, что сбрехал. Признайся...

- А что, острая?

- А что, ты не сидел на меже целый час? Не сидел?

- Слушайте! — сказал я сводному. — Вы должны к ужину закончить этот участок. Если не закончите, будем работать после ужина. И я буду с вами.

- Та кончим, — запел владелец тупой сапки. — Что ж тут кончать?

Тоська засмеялся:

- Ну, и хитрый!..

В этом месте оснований для печали не было: если люди отлынивают от работы, но стараются придумать хорошие причины для своего отлынивания, это значит, что они проявляют творчество и инициативу — вещи, имеющие большую цену на «олимпийском» базаре. Моей технике оставалось только притушить это творчество, и все, зато я с удовлетворением мог отметить, что демонстративных отказов от работы почти не было. Некоторые потихоньку прятались, смывались куда-нибудь, но эти смущали меня меньше всего: для них была всегда наготове своеобразная техника у пацанов. Где бы ни гулял прогульщик, а обедать волей-неволей приходил к столу своего отряда. Куряжане встречали его сравнительно безмятежно, иногда только спрашивали наивным голосом:

- Разве ты не убежал с колонии?

У горьковцев были языки и руки впечатлительнее. Прогульщик подходит к столу и старается сделать вид, что человек он обыкновенный и не заслуживает особенного внимания, но командир каждому должен воздать по заслугам. Командир строго говорит какому-нибудь Кольке:

- Колька, что же ты сидишь? Разве ты не видишь? Криворучко пришел, скорее место очисти! Тарелку ему чистую! Да какую ты ложку даешь, какую ложку?!

Ложка исчезает в кухонном окне.

- Наливай ему самого жирного!.. Самого жирного!.. Петька, сбегай к повару, принеси хорошую ложку! Скорее! Степка, отрежь ему хлеба... Да что ты режешь? Это граки едят такими скибками, ему тоненькую нужно... Да где же Петька с ложкой?.. Петька, скорее там! Ванька, позови Петьку с ложкой!..

Криворучко сидит перед полной тарелкой действительно жирного борща и краснеет прямо в центр борщевой поверхности. Из-за соседнего стола кто-нибудь солидно спрашивает:

- Тринадцатый, что, гостя поймали?

- Пришли, как же, пришли, обедать будут... Петька, да давай же ложку, некогда!..

Дурашливо захлопотанный Петька врывается в столовую и протягивает обыкновенную колонийскую ложку, держит ее в двух руках парадно, как подношение. Командир свирепеет:

- Какую ты ложку принес? Тебе какую сказали? Принеси самую большую...

Петька изображает оторопелую поспешность, как угорелый, мечется по столовой и тычется в окна вместо дверей. Начинается сложная мистерия, в которой принимают участие даже кухонные люди. Кое у кого сейчас замирает дыхание, потому что и они, собственно говоря, случайно не сделались предметом такого же горячего гостеприимства. Петька снова влетает в столовую, держа в руках какой-нибудь саженный дуршлаг или кухонный половник. Столовая покатывается со смеху. Тогда из-за своего стола медленно вылезает Лапоть[47] и подходит к месту происшествия. Он молча разглядывает всех участников мелодрамы и строго посматривает на командира. Потом его строгое лицо на глазах у всех принимает окраски растроганной жалости и сострадания, то есть тех именно чувств, на которые Лапоть заведомо для всех неспособен. Столовая замирает в ожидании самой высокой и

тонкой игры артистов! Лапоть орудует нежнейшими оттенками фальцета и кладет руку на голову Криворучко:

- Детка, кушай, детка, не бойся... Зачем издеваетесь над мальчиком? А? Кушай, детка... Что, ложки нет? Ах, какое свинство, дайте ему какую-нибудь... Да вот эту, что ли...

Но детка не может кушать. Она ревет на всю столовую и вылезает из-за стола, оставляя нетронутой тарелку самого жирного борща. Лапоть рассматривает страдальца, и по лицу Лаптя видно, как тяжело и глубоко он умеет переживать.

- Это как же? — чуть не со слезами говорит Лапоть. — Что же, ты и обедать не будешь? Вот до чего довели человека!

Лапоть оглядывается на хлопцев и беззвучно хохочет. Он обнимает плечи Криворучко, вздрагивающие в рыданиях, и нежно выводит его из столовой. Публика заливается хохотом. Но есть и последний акт мелодрамы, который публика видеть не может. Лапоть привел гостя на кухню, усадил за широкий кухонный стол и приказал повару подать и накормить «этого человека» как можно лучше, потому что «его, понимаете, обижают». И когда еще всхлипывающий Криворучко доел борщ и у него находится достаточно свободной души, чтобы заняться носом и слезами, Лапоть наносит последний тихонький удар, от которого даже Иуда Искариотский обратился бы в голубя:

- Чего это они на тебя? Наверное, на работу не вышел? Да?

Криворучко кивает, икает, вздыхает и вообще больше сигнализирует, чем говорит.

- Вот чудаки!.. Ну, что ты скажешь!.. Да ведь ты последний раз? Последний раз, правда? Так чего ж тут въедаться? Мало ли что бывает? Я, как пришел в колонию, так семь дней на работу не ходил... А ты только два дня. А дай, я посмотрю твои мускулы... Ого! Конечно, с такими мускулами надо работать... Правда ж?

Криворучко снова кивает и принимается за кашу. Лапоть уходит в столовую, оставляя Криворучко неожиданный комплимент:

- Я сразу увидел, что ты свой парень...

Достаточно было одной-двух подобных мистерий, чтобы уход из рабочего отряда сделался делом невозможным. Этот институт вывелся в Куряже очень быстро.

Труднее было с такими симулянтами, как Ховрах. Уже на третий день у него начались солнечные удары, он со стонами залезал под кусты и укладывался отдыхать. С такими умел гениально расправляться Таранец[48]. Он выпрашивал у Антона[49] линейку и Молодца и с целой группой санитаров, украшенный флагами и крестами, выезжал на поле. Наиболее сильным средством у Таранца был Кузьма Леший[50], вооруженный настоящим кузнечным мехом. Не успеет Ховрах разнежиться в роще, как на него налетает «скорая помощь» для несчастных случаев, Леший мгновенно устанавливает против больного свой мех, и несколько человек работают мехом с искренним увлечением. Они обдувают Ховраха во всех местах, где предполагается притаившийся солнечный удар, а потом влекут к карете. Но Ховрах уже здоров, и карета спокойно уезжает в колонию. Как ни тяжело было для Ховраха подвергнуться описанной медицинской процедуре, еще тяжелее ему возвратиться в сводный и в молчании принимать дозы новых лекарств в виде самых простых вопросов:

- Что, Ховрах, помогло? Хорошее средство, правда?

Разумеется, это были партизанские действия, но они вытекали из общего тона и из общего стремления коллектива наладить работу. А тон и стремление — это были настоящие предметы моей технической заботы.

Основным технологическим моментом оставался, конечно, отряд. Что такое отряд, на «Олимпе» так и не разобрали до самого конца нашей истории. А между тем я изо всех сил старался растолковать олимпийцам значение отряда и его определяющую полезность в педагогическом процессе. Но ведь мы говорили на разных языках, ничего нельзя было растолковать. Я привожу здесь почти полностью один разговор, который произошел между мною и профессором педагогики, заехавшим в колонию, очень аккуратным человечком в очках, в пиджаке, в штанах, человечком мыслящим и добродетельным. Он пристал ко мне с вопросом, почему столы в столовой между отрядами распределяет дежурный командир, а не педагог.

- Серьезно, товарищ, вы, вероятно, просто шутите. Я прошу вас серьезно со мной говорить. Как это так: дежурный мальчик распределяет столовую, а вы спокойно здесь стоите. Вы уверены, что он все сделает правильно, никого не обидит? Наконец... он может просто ошибиться.

- Распределить столовую не так трудно, — ответил я профессору, — кроме того, у нас есть старый и очень хороший закон.

- Интересно. Закон?

- Да, закон. Такой: все приятное и все неприятное или трудное распределяется между отрядами по очереди, по порядку их номеров.

- Как это? Что т-такое? Не понимаю...

- Это очень просто. Сейчас первый отряд получает самое лучшее место в столовой, после него через месяц — второй и так далее.

- Хорошо. А «неприятное» — что это такое?

- Бывает очень часто так называемое неприятное. Ну, вот, например, если сейчас нужно будет проделать срочную внеплановую работу, то будет вызван первый отряд, а в следующий раз — второй. Когда будут распределять уборку, первому отряду в первую очередь дадут чистить уборные. Это, конечно, относится только к работам очередного типа.

- Это вы придумали такой ужасный закон?

- Нет, почему я? Это хлопцы. Для них так удобнее: ведь такие распределения делать очень трудно, всегда будут недовольные. А теперь это делается механически. Очередь передвигается через месяц.

- Так, значит, ваш двадцатый отряд будет убирать уборную через двадцать месяцев?

- Конечно, но и лучшее место в столовой он тоже займет через двадцать месяцев.

- Кошмар! Но ведь через двадцать месяцев в двадцатом отряде будут новые люди. Ведь так же?

- Нет, состав отрядов почти не меняется. Мы — сторонники длительных коллективов. Конечно, кое-кто уйдет, будут два-три новичка. Но если даже и большинство отряда обновится, в этом нет ничего опасного. Отряд — это коллектив, у которого есть свои традиции, история, заслуги, слава. Правда, теперь мы значительно перемешали отряды, но все же ядра остались.

- Не понимаю. Все это какие-то выдумки. Все это несерьезно. Какое значение имеет отряд, слава, если там новые люди. На что это похоже?

- Это похоже на Чапаевскую дивизию, — сказал я, улыбаясь.

- Ах, вы опять с вашей военизацией... Хотя... что же тут, так сказать, чапаевского?

- В дивизии уже нет тех людей, что были раньше. И нет Чапаева. Новые люди. Но они несут на себе славу и честь Чапаева и его полков, понимаете или нет?

Они отвечают за славу Чапаева. А если они опозорятся, через пятьдесят лет новые люди будут отвечать за их позор[51].

- Не понимаю, для чего это вам нужно?

Так он и не понял, этот профессор. Что я мог сделать?

В первые дни Куряжа в отрядах совершалась очень большая работа. К двумтрем отрядам издавна был прикреплен воспитатель. На ответственности воспитателей лежало возбуждать в отрядах представление о коллективной чести и лучшем, достойном месте в колонии. Новые благородные побуждения коллективного интереса приходили, конечно, не в один день, но все же приходили сравнительно быстро, гораздо быстрее, чем если бы мы надеялись только на индивидуальную обработку.

Вторым нашим весьма важным институтом была система перспективных линий. Есть, как известно, два пути в области организации перспективы, а следовательно, и трудового усилия. Первый заключается в оборудовании личной перспективы, между прочим, при помощи воздействия на материальные интересы личности. Это последнее, впрочем, решительно запрещалось тогдашними педагогическими мыслителями. Когда дело доходило до самого незначительного количества рублей, намечаемых к выдаче ребятам в виде зарплаты или премии, на «Олимпе» подымался настоящий скандал. Педагогические мыслители были убеждены, что деньги от дьявола, недаром же они слышали в «Фаусте»:

Люди гибнут за металл…

Их отношение к зарплате и к деньгам было настолько паническое, что не оставалось места ни для какой аргументации. Здесь могло помочь только окропление святой водой, но я этим средством не обладал.

А между тем зарплата — очень важное дело. На получаемой зарплате воспитанник вырабатывает умение координировать личные и общественные интересы, попадает в сложнейшее море советского промфинплана, хозрасчета и рентабельности, изучает всю систему советского заводского хозяйства и принципиально становится на позиции, общие со всяким другим рабочим. Наконец приучается просто ценить заработок и уже не выходит из детского дома в образе беспризорной институтки, не умеющей жить, а обладающей только «идеалами»[52].

Но ничего нельзя было поделать, на этом лежало табу.

Я имел возможность пользоваться только вторым путем — методом повышения коллективного тона и организации сложнейшей системы коллективной перспективы. От этого метода не так пахло нечистой силой, и «олимпийцы» терпели здесь многое, хотя и ворчали иногда подозрительно.

Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать самую радость, вызвать ее к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворять более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-нибудь пряником до глубочайшего чувства долга.

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий свое поведение самой близкой перспективой, сегодняшним обедом, именно сегодняшним, есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты лично-

сти и ее настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше.

Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость. Можно написать целую методику этой важной работы. Она заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных. Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в цирк, и с очистки пруда, но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза[53].

Ближайшей коллективной перспективой после завоевания Куряжа сделался праздник первого снопа…

……..

11. Первый сноп

Последние дни мая по очереди приносили нам новые подарки: новые площадки двора, новые двери и окна, новые запахи во дворе и новые настроения. Последние припадки лени теперь легко уже сбрасывались. Все сильнее начинал блестеть впереди праздник нашей победы. Из недр монастырской горы, из глубины бесчисленных келий выходил на поверхность последний чад прошлого, и его немедленно подхватывал летний услужливый ветер и уносил куда-то далеко, на какие-то свалки истории.

Ветру теперь нетрудно было работать: упорные ломы сводных [отрядов] за две недели своротили вековую саженную стену. Коршун, Мэри и посвежевшие кони Куряжа, получившие в совете командиров приличные имена: Василек, Монах, Орлик — развезли кирпичный прах куда следует: что покрупнее и поцелее — на постройку свинарни, что помельче — на дорожки, овражки, ямы. Другие сводные с лопатами, тачками, носилками расширили, расчистили, утрамбовали крайние площадки нашей горы, раскопали спуски в долину, уложили ступени, а бригада Борового[54] уже наладила десяток скамеек, чтобы поставить их на специальных террасках и поворотах. В нашем дворе стало светло и просторно, прибавилось неба, и зеленые украшения и привольные дали горизонта расположились вокруг нас широчайшей рамой.

И во дворе и вокруг горы давно уничтожили останки соцвосовских миллионов, и наш садовник Мизяк[55], человек молчаливый и сумрачный, какими часто бывают некрасивые мужья красавиц, уже вскапывал с ребятами обочины двора и дорожек и складывал в аккуратные кучки износившиеся кирпичики монашеских тротуаров.

На северном краю двора делали фундамент для свинарни. Свинарня делалась настоящая, с хорошими станками. Шере[56] уже не похож на погорельца, сейчас и он почувствовал архимедовский восторг: ежедневно выходили на работу больше тридцати сводных отрядов, в наших руках ощущалась огромная сила. И я увидел, какие страшные запасы рабочего аппетита заложены в Шере. Он еще больше похудел от жадности: работы много, рабочей силы много, только в нем самом имеют пределы силы организатора. Эдуард Николаевич уменьшил сон, удлинил как будто ноги, вычеркнул из распорядка дня разные излишества вроде завтраков, обедов и ужинов — и все-таки не успевал всего сделать.

На нашей сотне гектаров Шере хотел в полтора месяца пройти тот путь, который на старом месте мы проходили в шесть лет. Он бросал большие сводные на прополку полей, на выщипывание самой ничтожной травки, он без малейшего содрогания перепахивал неудачные участки и прилаживал к ним какие-то особенные поздние культуры. По полям прошли прямые, как лучи, межи, очищенные от сор-

няка и украшенные, как и раньше, визитными карточками «королей андалузских» и «принцесс» разных сортов. На центральном участке, у самой полевой дороги, Шере раскинул баштан, снисходя к моим педагогическим перспективам. В совете командиров отметили это начинание как весьма полезное, и Лапоть немедленно приступил к учету разной заслуженной калечи, чтобы из ее элементов составить специальный отряд баштанников.

Как ни много было работы у Шере, а хватило сил наших и на сводный отряд для очистки пруда. Командиром сводного назначили Карабанова. Сорок голых хлопцев, опоясав бедра самыми негодными трусиками, какие только нашлись у Дениса Кудлатого, приступили к спуску воды. На дне пруда нашлось много интересных вещей: винтовки, обрезы, револьверы. Карабанов говорил:

- Если тут хорошо поискать, то и штаны найдутся. Я так думаю, что сюда и штаны бросили, бо без штанов тикать легче...

Оружие из грязи вытащить было нетрудно, но вытащить самую грязь оказалось очень тяжелым делом. Пруд был довольно большой, выносить грязь ведрами и носилками — когда кончишь работу? Только когда приспособили к делу четверку лошадей и специально изобретенные дощатые лопасти, толща грязи начала заметно уменьшаться.

«Особый второй сводный» Карабанова во время работы был исключительно красив. Вымазанные до самой макушки, хлопцы сильно походили на чернокожих, их трудно было узнавать в лицо, их толпа казалась прибывшей из неизвестной далекой страны. Уже на третий день мы получили возможность любоваться зрелищем, абсолютно невозможным в наших широтах: хлопцы вышли на работу, украсив бедра стильными юбочками из листьев акации, дуба и подобных тропических растений. На шеях, на руках, на ногах у них появились соответствующие украшения из проволоки, полосок листового железа, жести. Многие ухитрились пристроить к носам поперечные палочки, а на ушах развесить серьги из шайб, гаек, гвоздиков.

Чернокожие, конечно, не знали ни русского, ни украинского языков и изъяснялись исключительно на неизвестном колонистам туземном наречии, отличающемся крикливостью и преобладанием непривычных для европейского уха гортанных звуков. К нашему удивлению, члены особого второго сводного не только понимали друг друга, но и отличались чрезвычайной словоохотливостью, и над всей огромной впадиной пруда целый день стоял невыносимый гомон. Залезши по пояс в грязь, чернокожие с криком прилаживают Стрекозу или Коршуна к нескладному дощатому приспособлению в самой глубине ила и орут благим матом.

Карабанов, блестящий и черный, как и все, сделавший из своей шевелюры какой-то выдающегося безобразия кок, вращает огромными белыми глазами и скалит страшные зубы:

- Каррамба!

Десятки пар таких же диких и таких же белых глаз устремляются в одну точку, куда показывает вся в браслетах экзотическая рука Карабанова, кивают головами и ждут. Карабанов орет:

- Пхананяй, пхананяй!

Дикари стремглав бросаются на приспособление и тесной дикой толпой с напряжением и воплем помогают Стрекозе вытащить на берег целую тонну густого, тяжелого ила.

Эта этнографическая возня особенно оживляется к вечеру, когда на склоне нашей горы рассаживается вся колония и голоногие пацаны с восхищением ожидают того сладкого момента, когда Карабанов заорет: «Горлы резыты!..» и черно-

кожие с свирепыми лицами кровожадно бросятся на белых. Белые в ужасе спасаются во двор колонии, из дверей и щелей выглядывают их перепуганные лица. Но чернокожие не преследуют белых, и вообще дело до каннибальства не доходит, ибо хотя дикари и не знают русского языка, тем не менее прекрасно понимают, что такое домашний арест[57] за принос грязи в жилое помещение.

Только один раз счастливый случай позволил дикарям действительно покуражиться над белым населением в окрестностях столичного города Харькова[58].

В один из вечеров после сухого жаркого дня с запада пришла грозовая туча. Заворачивая под себя клокочущий серый гребень, туча поперек захватила небо, зарычала и бросилась на нашу гору. Особый второй сводный встретил тучу с восторгом, дно пруда огласилось торжествующими криками. Туча заколотила по Куряжу из всех своих батарей тяжелыми тысячетонными взрывами и вдруг, не удержавшись на шатких небесных качелях, свалилась на нас, перемешав в дымящемся вихре полосы ливня, громы, молнии и остервенелый гнев. Особый второй сводный ответил на это душераздирающим воплем и исступленно заплясал в самом центре хаоса.

Но в этот приятный момент на край горы в сетке дождя вынесся строгий, озабоченный Синенький[59] и заиграл закатисто-разливчатый сигнал тревоги. Дикари потушили пляски и вспомнили русский язык:

- Чего дудишь? А? У нас?.. Где?

Синенький ткнул трубой на Подворки, куда уже спешили в обход пруда вырвавшиеся из двора колонисты. В сотне метров от берега жарким обильным костром полыхала хата, и возле нее торжественно ползали какие-то элементы процессии. Все сорок чернокожих во главе с вождем бросились к хате. Десятка полтора испуганных баб и дедов в этот момент наладили против прибежавших раньше колонистов заграждение из икон, и один из бородачей кричал:

- Какое ваше дело? Господь бог запалил, господь бог и потушит...

Но, оглянувшись, и бородач и другие верующие убедились, что не только господь бог не проявляет никакой пожарной заботы, но попустительством божиим решающее участие в катастрофе предоставлено нечистой силе: на них с дикими криками несется толпа чернокожих, потрясая мохнатыми бедрами и позванивая железными украшениями. Черномазые лица, исковерканные носовыми палками и увенчанные безобразными коками, не оставляли никакого места для сомнений: у этих существ не могло быть, конечно, иных намерений, как захватить всю процессию и утащить ее в пекло. Деды и бабы пронзительно закричали и затопали по улице в разные стороны, прижимая иконы под мышками. Ребята бросились к конюшне и к коровнику, но было уже поздно; животные погибли. Разгневанный Семен первым попавшимся в руки поленом высадил окно и полез в хату. Через минуту в окне вдруг показалась седая бородатая голова, и Семен закричал из хаты:

- Принимай дида, хай ему...

Ребята приняли деда, а Семен выскочил в другое окно и запрыгал по зеленому мокрому двору, спасаясь от ожогов. Один из чернокожих понесся в колонию за линейкой.

Туча уже унеслась на восток, растянув по небу черный широкий хвост. Из колонии прилетел на Молодце Антон Братченко:

- Линейка сейчас будет... А граки ж где? Чего тут одни хлопцы?

Мы уложили деда на линейку и потянулись за ним, в колонию. Из-за ворот и плетней на нас смотрели неподвижные лица и одними взглядами предавали нас анафеме.

Село отнеслось к нам холодно, хотя и доходили до нас слухи, что народившаяся в колонии дисциплина жителями одобряется.

По субботам и воскресеньям наш двор наполнялся верующими. В церковь обычно заходили только старики, молодежь предпочитала прогуливаться вокруг храма. Наши сторожевые сводные и этим формам общения - с нами или с богами? — положили конец. На время богослужения выделялся патруль, надевал голубые повязки и предлагал верующим такую альтернативу:

- Здесь вам не бульвар. Или проходите в церковь, или вычищайтесь со двора. Нечего здесь носиться с вашими предрассудками.

Большинство верующих предпочитало вычищаться. До поры до времени мы не начинали наступления против религии. Напротив, намечался даже некоторый контакт между идеалистическим и материалистическим мировоззрением. Церковный совет иногда заходил ко мне для разрешения мелких погранвопросов. И однажды я не удержался и выразил некоторые свои чувства церковному совету:

- Знаете что, деды! Может быть, вы выберетесь в ту церковь, что над этим самым... чудотворным источником, а? Там теперь все очищено, вам хорошо будет...

- Гражданин начальник, — сказал староста, — как же мы можем выбраться, если то не церковь, а часовня вовсе? Там и престола нет... А разве мы вам мешаем?

- Мне двор нужен. У нас повернуться негде. И обратите внимание; у нас все покрашено, побелено, в порядке, а ваш этот собор стоит ободранный, грязный... Вы выбирайтесь, а я собор этот в два счета раскидаю, через две недели цветник на том месте будет.

Бородатые улыбаются, мой план им по душе, что ли...

- Раскидать не штука, — говорит староста. — А построить как? Хе-хе! Триста лет тому строили, трудовую копейку на это дело не одну положили, а вы теперь говорите: раскидаю. Это вы так считаете, значит: вера как будто умирает. А вот увидите, не умирает вера... народ знает...

Староста основательно уселся в апостольское кресло, и даже голос у него зазвенел, как в первые века христианства, но другой дед остановил старосту:

- Ну, зачем вы такое говорите, Иван Акимович? Гражданин заведующий свое дело наблюдает, он, как советская власть, выходит, ему храм, можно так сказать, что и без надобности. А только внизу, как вы сказали, так то часовня. Часовня, да. И к довершению, место оскверненное, прямо будем говорить...

- А вы святой водой побрызгайте, — советует Лапоть.

Старик смутился, почесал в бороде:

- Святая вода, сынок, не на каждом месте пользует.

- Ну... как же не на каждом!..

- Не на каждом, сынок. Вот, если, скажем, тебя покропить, не поможет ведь, правда?

- Не поможет, пожалуй, — сомневается Лапоть.

- Ну, вот видишь, не поможет. Тут с разбором нужно.

- Попы с разбором делают?

- Священники наши? Они понимают, конечно. Понимают, сынок.

- Они-то понимают, что им нужно, — сказал Лапоть, — а вы не понимаете. Пожар вчера был... Если бы не хлопцы, сгорел бы дед. Как тепленький, сгорел бы.

- Значит, господу угодно так. Сгореть такому старому, может, уготовано было от господа бога.

- А хлопцы впутались и помешали...

Старик крякнул:

- Молодой ты, сынок, об этих делах размышлять.

- Ага?

- А только под горой часовня. Часовня, да, и престола не имеет.

Деды ушли, смиренно попрощавшись, а на другой день нацепили на стены собора веревки и петли, и на них повисли мастера с ведрами. Потому ли, что устыдились ободранных стен храма, потому ли, что хотели доказать живучесть веры, но церковный совет ассигновал на побелку собора четыреста рублей. Контакт.

Колонисты до поры до времени к собору относились без вражды, скорее с любопытством. Пацаны обратились ко мне с просьбой:

- Ведь можно же нам посмотреть, что они там делают в церкви?

- Посмотрите.

Жорка предупредил пацанов:

- Только, смотрите, не хулиганить. Мы боремся с религией убеждением и перестройкой жизни, а не хулиганством.

- Да что мы, хулиганы, что ли? — обиделись пацаны.

- И вообще нужно, понимаете, не оскорблять никого, там... Как-нибудь так, понимаете, деликатнее... Так...

Хотя Жорка делал это распоряжение больше при помощи мимики и жестов, пацаны его поняли.

- Да знаем, все хорошо будет.

Но через неделю ко мне подошел старенький сморщенный попик и зашептал:

- Просьба к вам, гражданин начальник. Нельзя, конечно, ничего сказать, ваши мальчики ничего такого не делают, только знаете... все-таки соблазн для верующих, неудобно как-то... Они, правда, и стараются, боже сохрани, ничего такого не можем сказать, а все-таки распорядитесь, пусть не ходят в церковь.

- Хулиганят, значит, понемножку?

- Нет, боже сохрани, боже сохрани, не хулиганят, нет. Ну а приходят в трусиках, в шапочках[60] этих... как они... А некоторые крестятся, только, знаете, левой рукой крестятся и вообще не умеют. И смотрят в разные стороны, не знают, в какую сторону смотреть, повернется, знаете, то боком к алтарю, то спиной. Ему, конечно, интересно, но все-таки дом молитвы, а мальчики они же не знают, как это молитва, и благолепие, и страх божий. В алтарь заходят, скромно, конечно, смотрят, ходят, иконы трогают, на престоле все наблюдают, а один даже стал, понимаете, в царских вратах и смотрит на молящихся. Неудобно, знаете.

Я успокоил попика, сказал, что мешать ему больше не будем, а на собрании колонистов объявил:

- Вы, ребята, в церковь не ходите, поп жалуется.

Пацаны возмутились:

- Что? Ничего такого не было. Кто заходил, не хулиганил: пройдет там это, и домой. Это он врет, водолаз!

- А для чего вы там крестились? Зачем тебе понадобилось креститься? Что ты, в бога веришь, что ли?

- Так говорили же не оскорблять. А кто их знает, как с ними нужно? Там все какие-то психические. Стоят, стоят, а потом бах на колени и крестятся. Ну, и наши думают, чтобы не оскорблять.

- Так вот, не ходите, не надо.

- Да что ж? Мы и не пойдем... А и смешно ж там! Говорят как-то чудно. И все стоят, а чего стоят? А в этой загородке... как она... ага, алтарь, так там чисто, коврики, пахнет так, а только, ха, поп там здорово работает, руки вверх так задирает... Здорово!

- А ты и в алтаре был?

- Я так зашел, а водолаз как раз задрал руки и лопочет что-то. А я стою и не мешаю ему вовсе, а он говорит: иди, иди, мальчик, не мешай. Ну, я и ушел, что мне...

Ребята были очень заинтересованы, как Густоиван[61] относится к церкви, и он, действительно, один раз отправился в церковь, но возвратился оттуда очень разочарованный. Лапоть спрашивает его:

- Скоро будешь дьяконом?

- Не-е... — говорит, улыбаясь, Густоиван.

- Почему?

- Та... это, хлопцы говорят, контра... и в церкви там ничего нет… одни картины...

В середине июня колония была приведена в полный порядок. Десятого июня электростанция дала первый ток, керосиновые лампочки отправили в кладовку. Водопровод заработал несколько позже[62].

В середине же июня колонисты перебрались в спальни. Кровати были сделаны почти наново в нашей кузнице, положили новые тюфяки и подушки, но на одеяла у нас не хватило, а покрыть постели разным старьем не хотелось. На одеяла нужно было истратить до десяти тысяч рублей. Совет командиров несколько раз возвращался к этому вопросу, но решение всегда получалось одинаковое, которое Лапоть формулировал так:

- Одеяла купить — свинарни не кончим. Ну их к свиньям, одеяла!

В летнее время одеяла были нужны только для парада, очень хотелось всем, до зарезу хотелось на праздник Первого снопа приготовить нарядные спальни. А теперь спальни стояли белым пятном на нашем радужном бытии. Но нам везло.

Халабуда часто приезжал в колонию, ходил по спальням, ремонтам, постройкам, гуторил с хлопцами, был очень польщен, что его жито собирались снимать с торжеством. Колонисты полюбились Халабуде, он говорил:

- Там наши бабы болтают языками: то, понимаете, не так, то неправильно, я никак не разберу, хоть бы мне кто-нибудь объяснил, какого им хрена нужно? Работают ребята, стараются, ребята хорошие, комсомольцы. Ты их там дразнишь, что ли?

Но, отзываясь горячо на все злобы дня, Халабуда холодел, как только разговор заходил об одеялах. Лапоть с разных сторон подъезжал к Сидору Карповичу.

- Да, — вздыхает Лапоть, — у всех людей есть одеяла, а у нас нет. Хорошо, что Сидор Карпович с нами. Вот увидите, он нам подарит...

Халабуда отворачивается и недовольно рокочет:

- Тоже хитрые, подлецы... «Сидор Карпович подарит...»

На другой день Лапоть прибавляет в ключе один бемоль:

- Выходит так, что и Сидор Карпович не поможет. Бедные горьковцы!

Но и бемоль не помогает, хотя мы и видим, что на душе у Сидора Карповича становится «моторошно», как говорят украинцы.

Однажды под вечер Халабуда приехал в хорошем настроении, хвалил поля, горизонты, свинарню, свиней. Порадовался в спальне отшнурованным постелям, прозрачности вымытых оконных стекол, свежести полов и пухлому уюту взбитых подушек. Постели, правда, резали глаза ослепительной наготой простынь, но я уже не хотел надоедать старику одеялами. Халабуда по собственному почину загрустил, выходя из спален, и сказал:

- Да, черт его дери... Одеяло нужно... тот, как его... достать.

Когда мы с Халабудой вышли во двор, все четыреста колонистов стояли в строю: был час гимнастики. Петр Иванович Горович[63] в полном соответствии со строевыми правилами колонии подал команду:

- Товарищи колонисты, смирно! Салют!

Четыреста рук вспыхнули движением и замерли над рядами повернувшихся к нам серьезных лиц. Взвод барабанщиков закатил далеко к горизонтам четыре такта частой дроби приветствия. Горович подошел с рапортом и вытянулся перед Халабудой:

- Товарищ председатель комиссии помощи детям! В строю колонистов колонии имени Горького на занятиях гимнастикой триста восемьдесят девять, отсутствуют на дежурстве три, в сторожевом сводном шесть, больных два.

Бывалый кавалерист Петр Иванович сделал шаг в сторону и открыл глазам Сидора Карповича раздвинутый на широкие спортивные интервалы, замерший в салюте очаровательный строй горьковцев.

Сидор Карпович взволнованно дернул ус, посерьезнел раз в десять против обычного, стукнул суковатой палкой о землю и сказал громко неизменным своим басом:

- Здорово, хлопцы!

Сидору Карповичу пришлось основательно хлопнуть глазами, когда звонкий хор четырехсот молодых веселых глоток ответил:

- Дра!..

Халабуда не выдержал, улыбнулся, оглянулся и смущенно рокотнул:

- Ишь, стервецы. До чего насобачились! Это... я вот скажу им... одну вещь скажу.

- Вольно стоять!

Колонисты отставили правую ногу, забросили руки за спину, колыхнули талией и улыбнулись Сидору Карповичу.

Сидор Карпович еще раз стукнул палкой о землю, еще раз дернул за ус.

- Я, знаете, ребята, речей не люблю говорить, а сейчас скажу, что ж. Вот видите — молодцы, прямо в глаза вам говорю: молодцы. И все это у вас идет по-нашему, по-рабочему, хорошо идет, прямо скажу: был бы у меня сын, пусть будет такой, как вы, пусть такой будет. А что там бабы разные говорят, не обращайте внимания. Я вам прямо скажу: вы свою линию держите, потому, я старый большевик и рабочий тоже старый, я вижу. У вас это все по-нашему. Если кто скажет не так, не обращайте внимания, вы себе прите вперед. Понимаете, вперед. Вот! А я в знак того прямо вам говорю: одеяла я вам дарю, укрывайтесь одеялами!

Хлопцы рассылали кристаллы строя и бросились к нам. Лапоть выскочил вперед, присел, взмахнул руками, крикнул:

- Что? Так значит... Сидор Карпович, ура!

Мы с Горовичем еле успели отскочить в сторону. Халабуду подняла на руках, подбросили несколько раз и потащили в клуб, торчала только над толпой его суковатая палка.

У дверей клуба Халабуду опустили на землю. Встрепанный, покрасневший и взволнованный, он смущенно поправлял пиджак и уже удивленно зацепился за какой-то карман, когда к нему подошел Таранец и скромно сказал:

- Вот ваши часы, а вот кошелек и еще ключи.

- Все выпало? — спросил удивленно Халабуда.

- Не выпало, — сказал Таранец, — а я принял, а то могло выпасть и потеряться... бывает, знаете...

Халабуда взял из рук Таранца свои ценности, и Таранец отошел в толпу.

- Народ, я тебе скажу!.. Честное слово!

И вдруг расхохотался:

- Ах, вы... Ну, что это такое, в самом деле... Где этот самый... который «принял»?

Он уехал в город растроганный.

Я был поэтому прямо уничтожен на другой день, когда тот же Сидор Карпович в собственном богатом кабинете встретил меня недоступно холодно и не столько говорил со мной, сколько рылся в ящиках стола, перелистывал блокноты и сморкался.

- Одеял у нас нет, — сказал он, — нет!

- Давайте деньги, мы купим.

- И денег нет... денег нет... И потом, сметы такой тоже нет.

- А как же вчера?

- Ну, мало ли что? Что там... разговоры. Если нет ничего, что ж…

Я представил себе среду, в которой живет Халабуда, вспомнил Чарльза Дарвина, приложил руку к козырьку и вышел.

В колонии известие об измене Сидора Карповича встретили с раздражением. Даже Галатенко возмущался:

- Дывысь, какой человек! Ну, так теперь же ему в колонию нельзя приехать. А он говорил: «На баштан буду приезжать. И сторожить буду…»

На другой день я отвез в арбитражную комиссию жалобу на председателя помдета, в которой напирал не на юридическую сторону вопроса, а на политическую: не можем допустить, чтобы большевик не держал слово.

К нашему удивлению, на третий день вызвали в арбитраж меня и Лаптя. Перед судейским красным столом стал Халабуда и начал что-то доказывать. За его спиной притаились представители окружающей среды, в очках, с гофрированными затылками, с американскими усиками, и о чем-то перешептывались между собой. Председатель, в черной косоворотке, лобастый и кареглазый, положил растопыренную пятерню на какую-то бумажку и перебил Халабуду:

- Подожди, Сидор. Скажи прямо: обещал одеяла?

Халабуда покраснел и развел руками:

- Ну... разговор был такой... Мало ли что!

- Перед строем колонистов?

- Это верно... в строю были мальчишки...

- Качали?

- Да, мальчишки!.. Качали... что ты им сделаешь?

- Плати.

- Как?

- Плати, говорю. Одеяла нужно дать, так и постановили.

Судьи улыбнулись. Халабуда повернулся к окружающей среде и что-то забубнил угрожающе.

Мы подождали несколько дней, и Задоров[65] поехал к Халабуде получать одеяла или деньги. Сидор Карпович не пустил Задорова к себе, а его управляющий разъяснил:

- Не понимаю, как могло прийти в голову вам судиться с нами? Что это за порядок? Ну, вот, пожалуйста, у меня лежит постановление арбитражной комиссии. Видите, лежит?

- Ну?

- Ну и все! И пожалуйста, сюда не ходите. Может быть, мы еще решим обжаловать. В крайнем случае мы внесем в смету будущего года. Вы думаете, как: поехали на базар и купили четыреста одеял? Это вам серьезное учреждение...

Задоров возвратился из города очень расстроенный. В совете командиров кипели и бурлили целый вечер и решили обратиться с письмом к Григорию Ивановичу Петровском[66]. Но на другой день нашелся выход, такой простой и естественный, такой даже веселый, что вся колония от неожиданности хохотала и прыгала и мечтала о той счастливой минуте, когда в колонию приедет Халабуда и колонисты будут с ним разговаривать. Выход состоял в том, что судебный исполнитель наложил арест на текущий счет помдета. Прошло еще два дня: меня вызвали в тот самый высокий кабинет, и тот же бритый товарищ, который в свое время интересовался, почему мне не нравятся сорокарублевые воспитатели, сидел в широком кресле и наливался веселой кровью, наблюдая за шагающим по кабинету Халабудой, тоже налитым кровью, но уже другого сорта.

Я молча остановился у дверей, и бритый поманил меня пальцем, с трудом удерживая смех:

- Иди сюда... Как же это? Как же это ты, брат, осмелился, а? Это не годится, надо снять арест, а то... вот он ходит тут, а его в собственный карман не пускают. Он пришел на тебя жаловаться. Говорит: не хочу работать, меня обижает заведующий горьковский.

Я молчал, потому что не понимал, какая спираль закручивается бритым.

- Арест надо снять, — сказал серьезно хозяин. — Что это еще за новости, аресты какие-то!

Он вдруг снова не удержался и закатился в своем кресле. Халабуда заложил руки в карманы и смотрел на площадь.

- Прикажете снять арест? — спросил я. Да ведь вот в чем дело: приказывать не имею права. Слышишь, Сидор Карпович, не имею права! Я ему скажу: сними арест, а он скажет: не хочу! У тебя, я вижу, в кармане чековая книжка. Выпиши чек, на сколько там: на десять тысяч? Ну вот...

Халабуда отвалился от окна, вытащил руку из кармана, тронул рыжий ус и улыбнулся:

- Ну, и народ же сволочной, что ты скажешь? Он подошел ко мне, хлопнул меня по плечу:

Молодец, так с нами и нужно! Ведь мы кто? Бюрократы! Так и нужно! Бритый снова взорвался смехом и даже платок вытащил. Халабуда, улыбаясь, достал книжку и написал чек.

Первый сноп праздновался пятого июля.

Это был наш старый праздник, для которого давно был выработан порядок и который давно сделался важнейшей вехой в нашем годовом календаре. Но сейчас в нем преобладала идея сдачи колонии после военной операции. Эта идея захватила самого последнего колониста, и поэтому подготовка к празднику проходила «без сигналов», в глубоком захвате страсти и крепкого решения: все должно быть прекрасно. Недоделанных мест почти что и не было: на кроватях теперь лежали красные новые одеяла, пруд блестел чистым зеркалом, на склоне горы протянулись семь новых террас для будущего сада. Было сделано все. Силантий[67] резал кабанов, сводный отряд Буцая[68] развешивал гирлянды и лозунги. Над воротами на белом фоне свода Костя Ветковский[69] старательно расположил:

И ВОДРУЗИМ НАД ЗЕМЛЕЮ КРАСНОЕ ЗНАМЯ ТРУДА![70]

а на внутренней стороне ворот коротко:

ЕСТЬ!

Второго числа разряженный тринадцатый сводный под командой Жевелия[71] развез по городу приглашения.

В день праздника с утра намеченный к жатве полугектар ржи обнесен рядами красных флагов, дорога к этому месту украшена также флагами и гирляндами. У въездных ворот маленький столик гостевой комиссии. Над обрывом у пруда поставлены столы на шестьсот мест, и праздничный заботливый ветерок шевелит углы белых скатертей, лепестки букетов и халаты столовой комиссии.

За воротами, внизу на дороге, дежурят верхом на Молодце и Мэри одетые в красные трусики и рубашки, в белых кавказских шляпах Синенький и Зайченко. За плечами у них развеваются белые полуплащи с красной звездой, отороченные настоящим кроличьим мехом. Ваня Зайченко в неделю изучил все наши девятнадцать сигналов, и командир бригады сигналистов Горьковский[71a] признал его заслуживающим чести быть дежурным трубачом на празднике. Трубы повешены у них через плечо на атласной ленте.

В десять часов показались первые гости — пешеходы с Рыжовской станции. Это представители харьковских комсомольских организаций. Всадники подняли трубы, развесив по плечам атласные ленты, крепче уперлись в стремена и три раза протрубили привет.

Начался праздник. В воротах гостей встречает гостевая комиссия в голубых повязках, каждому прикалывает на груди три колоска ржи, перевязанные красной ленточкой, и передает особый билетик, на котором написано, к примеру:

11-й отряд колонистов
приглашает вас обедать за его столом.
К-р отряда *Д. Жевелий*.

Гостей ведут осматривать колонию, а снизу уже раздаются новые звуки привета наших великолепных всадников.

Двор и помещения колонии наполняются гостями. Приходят представители харьковских заводов, сотрудники окрисполкома и наробраза, сельсоветов соседних сел, корреспонденты газет, на машинах подъезжают к воротам Джуринская[72], Юрьев[73], Клямер, Брегель и товарищ Зоя, члены партийных организаций, приезжает и бритый товарищ. Приезжает на своем форде и Халабуда. Халабуду встречает специально для этого собравшийся совет командиров, вытаскивает из машины и сразу же бросает в воздух. С другой стороны машины стоит и хохочет бритый. Когда Халабуду поставили на землю, бритый спрашивает:

- Что они из тебя сейчас выкачали?

Халабуда обозлился:

- А ты думаешь, не выкачали? Они всегда выкачают.

- Да ну? А что?

- Трактор выкачали! Дарю трактор — фордзон... Ну, черт с вами, качайте, только теперь уже все.

Пришлось Халабуде еще полетать по воздуху, и его немедленно куда-то утащили хлопцы.

Во дворе колонии становится людно, как на главной улице города. Колонисты, украшенные бутоньерками, широкими нарядными рядами ходят по дорожкам с приезжими, улыбаются им алыми губами, освещают их лица то смущенным, то открытым сиянием глаз, на что-то указывают, куда-то увлекают.

В двенадцать часов во двор въехали Синенький и Зайченко, наклонившись с седел, пошептались с дежурным командиром Наташей Петренко, и Синенький, разгоняя смеющихся гостей и колонистов, галопом ускакал на хозяйственный двор. Через минуту оттуда раздались поднебесные звуки общего сбора, который всегда

играется на октаву выше всякого другого сигнала. Ваня Зайченко подхватил. Колонисты, бросив гостей, сбегались к главной площадке, и, не успел улететь к Рыжову последний трубный речитатив, они уже вытянулись в одну линию, и на левый фланг, высоко подбрасывая пятки и умиляя гостей, пронесся с зеленым флажком Митя Нисинов[74].

Я начинаю каждым нервом ощущать свое торжество. Этот радостный мальчишеский строй, сине-белой лентой вдруг выросший рядом с линией цветников, уже ударил по глазам, по вкусам и по привычкам собравшихся людей, уже потребовал к себе уважения. Лица гостей, до этого момента доброжелательно - покровительственные, какие бывают обыкновенно у взрослых, великодушно относящихся к ребятам, вытянулись вдруг и заострились вниманием. Юрьев, стоящий сзади меня, сказал громко:

- Здорово, Антон Семенович! Так их!...

Колонисты озабоченно заканчивали равнение, то и дело поглядывая на меня. Я уверен, что везде все готово, и не задерживаю следующей команды:

- Под знамя, смирно!

Из-за стены собора, строго подчиняя свое движение темпам салюта, вышла Наташа[75] и повела к правому флангу знаменную бригаду.

Я обратился к колонистам с двумя словами, поздравил с праздником, поздравил с победой.

- А теперь отдадим честь лучшим нашим товарищам, восьмому сводному первого снопа отряду Буруна[76].

Снова заиграли трубы привет. Из далеких, широко открытых ворот хозяйственного двора вышел восьмой сводный. О дорогие гости, я понимаю ваше волнение, я понимаю ваши неотрывные, пораженные взгляды, потому что уже не в первый раз в жизни я сам поражен и восхищен высокой торжественной прелестью восьмого сводного отряда! Пожалуй, я имею возможность больше вашего видеть и чувствовать.

Впереди отряда Бурун, маститый, заслуженный Бурун, не впервые водящий вперед рабочие отряды колонии. У него на богатырских плечах высоко поднята сияющая отточенная коса с грабельками, украшенная крупными ромашками. Бурун величественно красив сегодня, особенно красив для меня, потому что я знаю: это не только декоративная фигура впереди живой картины, это не только колонист, на которого стоит посмотреть, прежде всего действительный командир, который знает, кого ведет за собой и куда ведет. В сурово-спокойном лице Буруна я вижу мысль о задаче: он должен сегодня в течение тридцати минут убрать и заскирдовать полгектара ржи. Гости не видят этого.

Гости не видят и другого: этот сегодняшний командир косарей — студент медицинского института, в этом сочетании особо убедительно струятся линии нашего советского стиля. Да мало чего не видят гости и даже не могут видеть, потому хотя бы, что не только же на Буруна смотреть. За Буруном идут по четыре в ряд шестнадцать косарей в таких же белых рубахах, с такими же расцветшими косами. Шестнадцать косарей! Так легко их пересчитать! Но из этих сколько славных имен: Карабанов, Задоров, Белухин, Шнайдер[77], Георгиевский[78]! Только последний ряд составлен из молодых горьковцев: Воскобойников, Сватко, Перец[79], Коротков.

За косарями шестнадцать девушек. На голове у каждой венок из цветов и в душе у каждой венок из прекрасных наших советских дней. Это вязальщицы.

Восьмой сводный отряд подходит уже к нам, когда из ворот на рысях выносятся две жатки, запряженные каждая двумя парами лошадей. И у каждой в гриве и на упряжи цветы, цветами убраны и крылья жаток. На правых конях ездовые в сед-

лах, на сиденье первой машины сам Антон Братченко, на второй — Горьковский. За жатками конные грабли, за граблями бочка с водой, а на бочке Галатенко[80], самый ленивый человек в колонии, но совет командиров, не моргнув глазом, премировал Галатенко участием в восьмом сводном отряде. Сейчас можно видеть, с каким старанием, как не лениво украсил цветами свою бочку Галатенко. Это не бочка, а благоухающая клумба, даже на спицах колес цветы, и, наконец, за Галатенко линейка под красным крестом, на линейке Елена Михайловна и Смена — все может быть на работе.

Восьмой сводный остановился против нашего строя. Из строя выходит Лапоть и говорит:

- Восьмой сводный! За то, что вы хорошие комсомольцы, колонисты и хорошие товарищи, колония наградила вас большой наградой: вы будете косить наш первый сноп. Сделайте это как полагается и покажите еще раз всем пацанам, как нужно работать и как нужно жить. Совет командиров поздравляет вас и просит вашего командира товарища Буруна принять командование над всеми нами.

Эта речь, как и все последующие речи, неизвестно кем сочинена. Она произносится из года в год в одних и тех же словах, записанных в совете командиров. И именно поэтому они выслушиваются с особенным волнением, и с особым волнением все колонисты затихают, когда подходит ко мне Бурун, пожимает руку и говорит тоже традиционно необходимое:

- Товарищ заведующий, разрешите вести восьмой сводный отряд на работу и дайте нам на помощь этих хлопцев.

Я должен отвечать так, как я и отвечаю:

- Товарищ Бурун, веди восьмой сводный на работу, а хлопцев этих бери на помощь.

С этого момента командиром колонии становится Бурун. Он дает ряд команд к перестроению, и через минуту колония уже в марше. За барабанщиками и знаменем идут косари и жатки, за ними вся колония, а потом гости. Гости подчиняются общей дисциплине, строятся в ряды и держат ногу. Халабуда идет рядом со мной и говорит бритому:

- Черт!.. С этими одеялами!.. А то и я был бы в строю... вот, с косой!

Я киваю Силантию[81], и Силантий летит на хозяйственный двор. Когда мы подходим к намеченному полугектару, Бурун останавливает колонну и, нарушая традиции, спрашивает колонистов:

- Поступило предложение назначить в восьмой сводный отряд в бригаде Задорова пятым косарем Сидора Карповича Халабуду. Чи есть возражения?

Колонисты смеются и аплодируют. Бурун берет из рук Силантия украшенную косу и передает ее Халабуде. Сидор Карпович быстро, по-юношески, снимает с себя пиджак, бросает его на межу, потрясает косой:

- Спасибо!

Халабуда становится в ряд косарей пятым у Задорова. Задоров грозит ему пальцем:

- Смотрите же, не воткните в землю! Позор нашей бригаде будет.

- Отстань, — говорит Халабуда, — я еще вас научу...

Строй колонистов выравнивается на одной стороне поля. В рожь выносится знамя — здесь будет связан первый сноп. К знамени подходят Бурун, Наташа, и наготове держится Зорень[82], как самый младший член колонии.

- Смирно!

- Бурун начинает косить. В несколько взмахов косы он укладывает к ногам Наташи порцию высокой ржи. У Наташи из первого накоса готово перевесло. Сноп

она связывает двумя-тремя ловкими движениями, двое девчат надевают на сноп цветочную гирлянду, и Наташа, розовая от работы и удачи, передает сноп Буруну. Бурун подымает сноп на плечо и говорит курносому серьезному Зореню, высоко задравшему носик, чтобы слышать, что говорит Бурун:

- Возьми этот сноп из моих рук, работай и учись, чтобы, когда вырастешь, был комсомольцем, чтобы и ты добился той чести, которой добился я, — косить первый сноп.

Ударил жребий Зореня. Звонко-звонко, как жаворонок над нивой, отвечает Зорень Буруну:

- Спасибо тебе, Грицько! Я буду учиться и буду работать. А когда вырасту и стану комсомольцем, добуду и себе такую честь — косить первый сноп и передать его младшему пацану.

Зорень берет сноп и весь утопает в нем. Но уже подбежали к Зореню пацаны с носилками, и на цветочное ложе их укладывает Зорень свой богатый подарок. Под гром салюта знамя и первый сноп переносятся на правый фланг.

Бурун подает команду:

- Косари и вязальщицы — по местам!

Колонисты разбегаются по намеченным точкам и занимают все четыре стороны поля.

Поднявшись на стременах, Синенький трубит сигнал на работу. По этому знаку все семнадцать косарей пошли кругом поля, откашивая широкую дорогу для жатвенных машин.

Я смотрю на часы. Проходит пять минут, и косари подняли косы вверх. Вязальщицы довязывают последние снопы и относят их в сторону. Наступает самый ответственный момент работы. Антон и Витька и откормленные, отдохнувшие кони готовы.

- Рысью... ма-а-арш!

Жатки с места выносятся на прокошенные дорожки. Еще две-три секунды, и они застрекотали по житу, идя уступом одна за другой. Бурун с тревогой прислушивается к их работе. За последние дни много они передумали с Антоном и Шере, много повозились над жатками, два раза выезжали в поле. Будет большим скандалом, если кони откажутся от рыси, если нужно будет на них кричать, если жатка заест и остановится.

Но лицо Буруна постепенно светлеет. Жатки идут с ровным механическим звуком, лошади свободно набирают рысь, даже на поворотах не задерживаются, хлопцы неподвижно сидят в седлах. Один, два круга. В начале третьего жатки так же красиво проносятся мимо нас, и серьезный Антон бросает Буруну:

- Все благополучно, товарищ командир!

Бурун повернулся к строю колонистов и поднял косу:

- Готовься! Смирно!

Колонисты опустили руки, но внутри у них все рвется вперед, мускулы уже не могут удержать задора.

- На поле... бегом!

Бурун опустил косу. Три с половиной сотни ребят ринулись в поле. На рядах скошенной ржи замелькали их руки и ноги. С хохотом опрокидываясь, друг через друга, как мячики, отскакивая в сторону, они связали скошенный хлеб и погнались за жатками, по трое, по четверо наваливаясь животами на каждую порцию колосьев:

- Чур, пятнадцатого отряда!..

Гости хохочут, вытирая слезы, и Халабуда, уже вернувшийся к нам, строго смотрит на Брегель:

- А ты говоришь... Ты посмотри!..

Брегель улыбнулась:

- Ну, что же... я смотрю: работают прекрасно и весело. Но ведь это только работа...

Халабуда произнес какой-то звук, что-то среднее между «б» и «д», но дальше ничего не сказал Брегель, а посмотрел на бритого свирепо и заворчал:

- Поговори с нею...

Возбужденный, счастливый Юрьев жал мне руку и уговаривал Джуринскую:

- Нет, серьезно... вы подумайте!.. Меня это трогает, и я не знаю почему. Сегодня это, конечно, праздник, конечно, это не рабочий день... Но знаете, это... это мистерия труда. Вы понимаете?

Бритый внимательно смотрит на Юрьева:

- Мистерия труда? Зачем это? По-моему, тут что хорошо: они счастливы, они организованны и они умеют работать. На первое время, честное слово, довольно. Как вы думаете, товарищ Брегель?

Брегель не успела подумать, потому что перед нами осадил Молодца Синенький и пропищал:

- Бурун прислал... Копны кладем! Собираться всем к копнам.

У копен под знаменем мы пели «Интернационал». Потом говорили речи, и удачные и неудачные, но все одинаково искренние, и говорили их люди, чуткие, хорошие люди, граждане страны трудящихся, растроганные и праздником, и пацанами, и близким небом, и стрекотаньем кузнечиков в поле.

Возвратившись с поля, обедали вперемежку, забыв, кто кого старше и кто кого важнее. Даже товарищ Зоя сегодня шутила и смеялась.

Праздник продолжался долго. Еще играли в лапту, и в «довгои лозы», и в «масло». Халабуде завязали глаза, дали в руки жгут и заставили безуспешно ловить юркого пацана с колокольчиком. Еще водили гостей купаться в пруде, еще пацаны представляли феерию на главной площадке. Феерия начиналась хоровой декламацией:

Что у нас будет через пять лет?
Тогда у нас будет городской совет.
Новый цех во дворе,
Новый сад по всей нашей горе,
И мы очень бы хотели,
Чтоб у нас были электрические качели.

А заканчивалась феерия пожеланием:

И колонист будет, как пружина,
А не как резиновая шина.

После фейерверка на берегу пруда пошли провожать гостей на Рыжов. На машинах уехали раньше, и, прощаясь со мной, бритый — «хозяин» — сказал:

- Ну что ж? Так держать, товарищ Макаренко!

- Есть так держать, — ответил я.

…….

14. Награды

Это время — от декабря до июля — было замечательным временем. В это время мой корабль сильно швыряло в шторме, но на этом корабле было два коллектива[83] каждый из них по-своему был прекрасен.

Дзержинцы очень быстро довели свой состав до полутораста человек. К ним пришли тремя группами по тридцать человек новые силы, все беспризорные первого сорта, все народ на подбор. Жизнь коммунаров была культурной, чистой жизнью, и со стороны казалось, что коммунарам можно только завидовать. Многие и в самом деле завидовали, и при этом отнюдь не беспризорные.

Дзержинцы появлялись на людях в хороших суконных костюма, украшенных широкими белыми воротниками. У них был оркестр духовых инструментов из белого металла, и на их трубах стояли знаки знаменитой пражской фабрики. Коммунары были желанными гостями в рабочих клубах и в клубе чекистов, куда они приходили солидно-элегантные, розовые и приветливые. Их коллектив имел всегда такой высококультурный вид, что многие головы, обладающие мозговым аппаратом облегченного образца, даже возмущались.

- Набрали хороших детей, одели и показывают. Вы беспризорных возьмите!

Но у меня не было времени скорбеть по этому поводу. Я еле успевал в течение суток проделать все необходимые дела. Я переносился из одного коллектива в другой на паре лошадей, и истраченный на дорогу час казался мне обидным прорывом в моем бюджете времени. Несмотря на то, что ребячьи ряды нигде не шатались и мы не выходили из берегов полного благополучия, воспитательские кадры тоже выбивались из сил.

В это время я пришел к тезису, который исповедую и сейчас, каким бы парадоксальным он ни казался. Нормальные дети или дети, приведенные в нормальное состояние, являются наиболее трудным объектом воспитания. У них тоньше натуры, сложнее запросы, глубже культура, разнообразнее отношения. Они требуют от вас не широких размахов воли и не бьющей в глаза эмоции, а сложнейшей тактики.

И колонисты и коммунары давно перестали быть группами людей, уединенных от общества. У тех и других сложные общественные связи; комсомольские, пионерские, спортивные, военные, клубные. Между хлопцами и городом проложено множество путей и тропинок, по ним передвигаются не только люди, но и мысли, идеи и влияния.

И поэтому общая картина педагогической работы приобрела новые краски. Дисциплина и бытовой порядок давно перестали быть только моей заботой. Они сделались традицией коллектива, в которой он разбирается уже лучше меня и который наблюдает не по случаю, не по поводу скандалов и истерик, а ежеминутно, в порядке требований коллективного инстинкта, я бы сказал.

Как ни трудно было мне, моя жизнь в это время была счастливой жизнью. Нельзя описать совершенно исключительное впечатление счастья, которое испытываешь в детском обществе, выросшем вместе с вами, доверяющем вам до конца, идущем с вами вперед. В таком обществе даже неудача не печалит, даже огорчение и боль кажутся высокими ценностями.

Коллектив горьковцев был для меня роднее коммунаров. В нем были крепче и глубже дружеские связи, больше людей с высокой себестоимостью, острее борьба. И горьковцам я был нужнее. Дзержинцам с первого дня выпало счастье иметь таких шефов, как чекисты, а у горьковцев, кроме меня и небольшой группы воспитателей, близких людей не было. И поэтому я никогда не думал, что настанет время, и я уйду от горьковцев. Я вообще неспособен был представить себе такое событие. Оно могло быть только предельным несчастьем в моей жизни.

Приезжая в колонию, я приезжал домой, и в общем собрании колонистов, и в совете командиров, даже в тесноте сложнейших коллизий и трудных решений я отдыхал по-настоящему. В это время закрепилась надолго одна из моих привычек:

я потерял умение работать в тишине. Только когда рядом, у самого моего стола, звенел ребячий галдеж, я чувствовал себя по-настоящему уютно, моя мысль оживала и веселее работало воображение. И за это в особенности я был благодарен горьковцам.

Но коммуна Дзержинского требовала от меня все больше и больше. И забота здесь была новее, и новее были педагогические перспективы.

Особенно новым и неожиданным для меня было общество чекистов. Чекисты — это, прежде всего, коллектив, чего уже никак нельзя сказать о сотрудниках наробраза. И чем больше я присматривался к этому коллективу, чем больше входил в рабочие отношения, тем ярче открывалась передо мною одна замечательная новость. Как это вышло, честное слово, не знаю, но коллектив чекистов обладал теми самыми качествами, которые я в течение восьми лет хотел воспитать в коллективе колонии. Я вдруг увидел перед собой образец, который до сих пор заполнял только мое воображение, который я логически и художественно выводил из всех событий и всей философии революции, но которого я никогда не видел и потерял надежду увидеть.

Мое открытие было настолько для меня дорого и значительно, что больше всего я боялся разочароваться. Я держал его в глубокой тайне, ибо я не хотел, чтобы мои отношения к этим людям сделались сколько-нибудь искусственными.

Это обстоятельство сделалось точкой отправления для моего нового педагогического мышления. Меня особенно радовало, что качества коллектива чекистов очень легко и просто разъясняли многие неясности и неточности в том воображаемом образце, который до сих пор направлял мою работу. Я получил возможность в мельчайших деталях представить себе многие, до сих пор таинственные для меня области.

У чекистов очень высокий интеллект в соединении с образованием и культурой никогда не принимал ненавистного для меня выражения российского интеллигента. Я и раньше знал, что это должно быть так, но как это выражается в живых движениях личности, представить было трудно. А теперь я получил возможность изучить речь, пути логических ходов, новую форму интеллектуальной эмоции, новые диспозиции вкусов, новые структуры идеала. И — самое главное — новую форму использования идеала.

Как известно, у наших интеллигентов идеал похож на нахального квартиранта: он занял чужую жилплощадь, денег не платит, ябедничает, въедается всем в печенки, все пищат от его соседства и стараются выбраться подальше от идеала. Теперь я видел другое: идеал не квартирант, а хороший администратор, он уважает соседский труд, он заботится о ремонте, об отоплении, у него всем удобно и приятно работать.

Во-вторых, меня заинтересовала структура принципиальности. Чекисты очень принципиальные люди, но у них принцип не является повязкой на глазах, как у некоторых моих «приятелей». У чекистов принцип — измерительный прибор, которым они пользуются так же спокойно, как часами, без волокиты, но и без поспешно угорелой кошки. Я увидел, наконец, нормальную жизнь принципа и убедился окончательно, что мое отвращение к принципиальности интеллигентов было правильное. Ведь давно известно: когда интеллигент что-нибудь делает из принципа, это значит, что через полчаса и он сам, и все окружающие должны принимать валерьянку.

Увидел я и много других особенностей: и всепроникающую бодрость, и немногословие, и отвращение к штампам, неспособность разваливаться на диване или укладывать живот на стол, наконец, веселую, но безгранничную работоспособ-

ность, без жертвенной мины и ханжества, без намека на отвратительную повадку «святой жертвы».

И наконец, я увидел и ощутил осязанием то драгоценное вещество, которое не могу назвать иначе, как социальным клеем: это чувство общественной перспективы, умение в каждый момент работы видеть всех членов коллектива, это постоянное знание о больших всеобщих целях, знание, которое все же никогда не принимает характера доктринерства и болтливого, пустого вяканья. И этот социальный клей не покупался в киоске на пять копеек только для конференций и съездов, это не форма вежливого, улыбающегося трения с ближайшим соседом, это действительная общность, это единство движения и работы, ответственности и помощи, это единство традиций.

Становясь предметом особой заботы чекистов, дзержинцы попадали в счастливые условия: им оставалось только смотреть. А мне уже не нужно было с разгону биться головой о стену, чтобы убеждать начальство в необходимости и пользе носового платка.

Мое удовлетворение было высоким удовлетворением. Стараясь привести его к краткой формуле, я понял: я близко познакомился с настоящими большевиками, я окончательно уверился в том, что моя педагогика — педагогика большевистская, что тип человека, который всегда стоял у меня как образец, не только моя красивая выдумка и мечта, но и настоящая реальная действительность, тем более для меня ощутимая, что она стала, частью моей работы.

А моя работа в коммуне, не отравленная никаким кликушеством, была работа хоть и трудная, но посильная человеческому рассудку.

Жизнь коммунаров оказалась вовсе не такой богатой и беззаботной, как думали окружающие. Чекисты отчисляли из своего жалованья известный процент на содержание коммунаров, но это было неприемлемо и для нас, и для чекистов.

Уже через три месяца коммуна начала испытывать настоящую нужду. Мы задерживали жалованье, затруднялись даже в расходах на питание. Мастерские давали незначительные доходы, потому что по сути были мастерскими учебными. Правда, сапожную мастерскую мы с хлопцами в первые же дни затащили в темный угол и удушили, навалившись на нее с подушками. Чекисты сделали вид, будто они не заметили этого убийства. Но в других мастерских мы никак не могли раскачаться на работу, приносящую доход.

Однажды меня пригласил наш шеф, нахмурился, задумался, положил на стол чек и сказал:

- Все.

Я понял:

- Сколько здесь?

- Десять тысяч. Это последнее. Это вперед взяли за год. Больше не будет, понимаете? Используйте этого... он человек энергичный...

Через несколько дней по коммуне забегал человек отнюдь не педагогического типа - Соломон Борисович Коган[84]. Соломон Борисович уже стар, ему под шестьдесят, у него больное сердце, и одышка, и нервы, и грудная жаба, и ожирение. Но у этого человека внутри сидит демон деятельности, и Соломон Борисович ничего с этим демоном поделать не может. Соломон Борисович не принес с собой ни капиталов, ни материалов, ни изобретательности, но в его рыхлом теле без устали носятся и хлопочут силы, которые ему не удалось истратить при старом режиме: дух предприимчивости, оптимизма и напора, знание людей и маленькая, простительная беспринципность, странным образом уживающаяся с растроганностью

чувств и преданностью идее. Очень вероятно, что все это объединялось обручами гордости, потому что Соломон Борисович любил говорить:

- Вы еще не знаете Когана! Когда вы узнаете Когана, тогда вы скажете.

Он был прав. Мы узнали Когана, и мы говорим: это человек замечательный. Мы очень нуждались в его жизненном опыте. Правда, проявлялся этот опыт иногда в таких формах, что мы только холодели и не верили своим глазам.

Соломон Борисович из города привез воз бревен. Зачем это?

- Как зачем? А складочные помещения? Я взял заказ на мебель для строительного института, так надо же ее куда-нибудь складывать.

- Никуда ее не надо складывать. Сделаем мебель и отдадим ее строительному институту.

- Хе-хе! Вы думаете, что в самом деле институт? Это фигели-мигели, а не институт. Если бы это был институт, стал бы я с ним связываться!

- Это не институт?

- Что такое институт? Пускай себе он как хочет называется. Важно, что у них есть деньги. А раз есть деньги, так им хочется иметь мебель. А для мебели нужна крыша. Вы же знаете. А крышу они еще будут строить, потому что у них еще и стен нет.

- Все равно, мы не будем строить никаких складочных помещений.

- Я им то же самое говорил. Они думают, коммуна Дзержинского — это так себе... Это образцовое учреждение. Оно будет заниматься какими-то складами?! Есть у нас для этого время!

- А они что?

- А они говорят: стройте! Ну, если им так хочется, так я сказал: это будет стоить двадцать тысяч. А если вы говорите: не нужно строить, пусть будет по-вашему. Для чего мы будем строить складочные помещения, если нам нужен вовсе сборный цех?..

Через две недели Соломон Борисович начинает строить сборный цех.

Закопали столбы, начали плотники складывать стены.

- Соломон Борисович, откуда у нас деньги на этот самый сборный цех?

- Как откуда? Разве я вам не говорил? Нам перевели двадцать тысяч…

- Кто перевел?

- Да этот самый институт...

- Почему?

- Как почему? Им хочется, чтобы были складочные помещения... Ну, так что? Мне жаль, что ли?

- Постойте, Соломон Борисович, но ведь вы строите не складочные помещения, а сборный цех…

Соломон Борисович начинает сердиться:

- Мне очень нравится! А кто это сказал, что не нужны складочные помещения? Это же вы сказали?

- Надо возвратить деньги.

Соломон Борисович брезгливо морщится:

- Послушайте, нельзя же быть таким непрактичным человеком. Кто же возвращает наличные деньги? Может быть, у вас такие здоровые нервы так вы можете, а я человек больной, я не могу рисковать своими нервами… Возвращать деньги!

- Но ведь они узнают.

- Антон Семенович, вы же умный человек. Что они могут узнать? Ну, пожалуйста, пускай себе завтра приезжают: люди строят, видите? А разве где написано, что это сборный цех?

- А начнете работать?

- Кто мне может запретить работать? Строительный институт может запретить мне работать? А если я хочу работать на свежем воздухе или складочном помещении? Есть такой закон? Нет такого закона.

Логика Соломона Борисовича не знала никаких пределов. Это был сильнейший таран, пробивающий все препятствия. До поры до времени мы ей не сопротивлялись, ибо попытки к сопротивлению были с самого начала подавлены.

Весной, когда наша пара лошадей стала ночевать на лугу, Витька Горьковский спросил меня:

- А что это Соломон Борисович строит в конюшне?

- Как строит?

- Уже строит! Какой-то котел поставил и трубу делает.

- Зови его сюда!

Приходит Соломон Борисович, как всегда, измазанный, потный, запыхавшийся.

- Что вы там строите?

- Как что строю? Литейную, вы же хорошо знаете.

- Литейную? Ведь литейную решили делать за баней.

- Зачем за баней, когда есть готовое помещение?

- Соломон Борисович!

- Ну, что такое — Соломон Борисович?

- А лошади? — спрашивает Горьковский.

- А лошади побудут на свежем воздухе. Вы думаете, только вам нужен свежий воздух, а лошади, значит, пускай дышат всякой гадостью? Хорошие хозяева!

Мы, собственно говоря, уже сбиты с позиций. Витька все-таки топорщится:

- А когда будет зима?

Но Соломон Борисович обращает его в пепел:

- Как вы хорошо знаете, что будет зима!

- Соломон Борисович!— кричит пораженный Витька.

Соломон Борисович чуточку отступает:

- А если даже будет зима, так что? Разве нельзя построить конюшню в октябре? Вам разве не все равно? Или вам очень нужно, чтобы я истратил сейчас две тысячи рублей?

Мы печально вздыхаем и покоряемся. Соломон Борисович из жалости к нам поясняет, загибая пальцы:

- Май, июнь, июль, тот, как его... август, сентябрь...

Он на секунду сомневается, но потом с нажимом продолжает:

- Октябрь... Подумайте, шесть месяцев! За шесть месяцев две тысячи рублей сделают еще две тысячи рублей. А вы хотите, чтобы конюшня стояла пустая шесть месяцев. Мертвый капитал, разве это можно допустить?

Мертвый капитал даже в самых невинных формах для Соломона Борисовича был невыносим.

- Я не могу спать,— говорил он.— Как это можно спать, когда столько работы, каждая минута — это же операция. Кто это придумал столько спать?

Мы диву давались: только недавно мы были так бедны, а сейчас у Соломона Борисовича горы леса, металла, станки; в нашем рабочем дне только мелькает: авизовка, чек, аванс, фактура, десять тысяч, двадцать тысяч. В совете командиров Соломон Борисович с сонным презрением выслушивал речи хлопцев о трехстах рублях на штаны и говорил:

- Какой может быть вопрос? Мальчикам же нужны штаны... И не нужно за триста, это плохие штаны, а нужно за тысячу...

- А деньги?— спрашивают хлопцы.

- У вас же есть руки и головы. Вы думаете, для чего у вас головы? Для того, чтобы фуражку надевать? Ничего подобного! Прибавьте четверть часа в день в цехе, я вам сейчас достану тысячу рублей, а может, и больше, сколько там заработаете.

Старыми, дешевыми станками заполнил Соломон Борисович свои легкие цехи, очень похожие на складочные помещения, заполнил их самым бросовым материалом, связал все веревками и уговорами, но коммунары с восторгом окунулись в этот рабочий хлам. Делали все: клубную мебель, кроватные углы, масленки, трусики, ковбойки, парты, стулья, ударники для огнетушителей, но делали все в несметном количестве, потому что в производстве Соломона Борисовича разделение труда доведено до апогея:

- Разве ты будешь столяром? Ты же все равно не будешь столяром, ты же будешь доктором, я знаю. Так делай себе проножку, для чего тебе делать целый стул? Я плачу за две проножки копейку, ты в день заработаешь пятьдесят копеек. Жены у тебя нет, детей нет...

Коммунары хохотали на совете командиров и ругали Соломона Борисовича за «халтуру», но у нас уже был промфинплан, а промфинплан — дело священное.

Зарплата у коммунаров была введена с такой миной, как будто нет никакой педагогики, нет никакого дьявола и его соблазнов. Когда воспитатели предлагали вниманию Соломона Борисовича педагогическую проблему зарплаты, Соломон Борисович говорил:

- Мы же должны воспитывать, я надеюсь, умных людей. Какой же он будет умный человек, если он работает без зарплаты!

- Соломон Борисович, а идеи, по-вашему, ничего не стоят?

- Когда человек получает жалованье, так у него появляется столько идей, что их некуда девать. А когда у него нет денег, так у него одна идея: у кого бы занять? Это же факт.

Соломон Борисович оказался очень полезными дрожжами в нашем трудовом коллективе. Мы знали, что его логика — чужая и смешная логика, но в своем напоре она весело и больно била по многим предрассудкам и в порядке сопротивления вызывала потребность иного производственного стиля.

Полный хозрасчет коммуны Дзержинского пришел просто и почти без усилий и для нас самих уже не казался такой значительной победой. Соломон Борисович недаром говорил:

- Что такое? Сто пятьдесят коммунаров не могут заработать на суп? А как же может быть иначе? Разве им нужно шампанское? Или может, у них жены любят наряжаться?

Наши квартальные промфинпланы коммунары брали один за другим широким общим усилием. Чекисты бывали у нас ежедневно. Они вместе с ребятами въедались в каждую мелочь, в каждый маленький прорывчик в халтурные тенденции Соломона Борисовича, в низкое качество продукции, в брак. С каждым днем осложняясь, производственный опыт коммунаров начал критически покусывать Соломона Борисовича, и он возмущался:

- Что это такое за новости! Они уже все знают? Они мне говорят, как делается из ХПЗ[85] — они что-нибудь понимают в ХПЗ?

Впереди вдруг засветился общепризнанный лозунг: «Нам нужен настоящий завод».

О заводе стали говорить все чаще. По мере того как на нашем текущем счету прибавлялась одна тысяча за другой, общие мечты о заводе разделились на более близкие и более возможные подробности. Но это уже происходило в более позднюю эпоху.

Дзержинцы часто встречались с горьковцами. По выходным дням они ходили в гости друг к другу целыми отрядами, сражались в футбол, волейбол, городки, вместе купались, катались на коньках, гуляли, ходили в театр.

Очень часто колония и коммуна объединялись для разных походов - комсомольских, пионерских маневров, посещений, приветствий, экскурсий. Я особенно любил эти дни, они были днями моего настоящего торжества. А я уже хорошо знал, что это торжество последнее.

В такие дни по колонии и коммуне отдавался общий приказ, указывалась форма одежды, место и время встречи. У горьковцев и у дзержинцев была одинаковая форма: полугалифе, гамаши, широкие белые воротники и тюбетейки. Обыкновенно я с вечера оставался у горьковцев, поручив коммуну Киргизову. Мы выходили из Куряжа с расчетом истратить на дорогу три часа. Спускались с Холодной горы в город. Встреча всегда назначалась на площади Тевелева, на широком асфальте у здания ВУЦИКа.

Как всегда, колонна горьковцев в городе имела вид великолепный. Наш широкий строй по шести занимал почти всю улицу, захватывая и трамвайные пути. Сзади нас становились в очередь десятки вагонов, вагоновожатые нервничали, и неутомимо звенели звонки, но малыши левого фланга всегда хорошо знали свои обязанности: они важно маршируют, немного растягивая шаг, бросают иногда хитрый взгляд на тротуары, но ни трамваев, ни вагоновожатых, ни звонков не удостаивают вниманием. Сзади всех идет с треугольным флажком Петро Кравченко. На него с особенным любопытством и симпатией смотрит публика, вокруг него с особенным захватом вьются мальчишки, поэтому Петро смущается и опускает глаза. Его флажок трепыхается перед самым носом вагоновожатого, и Петро не идет, а плывет в густой волне трамвайного оглушительного трезвона.

На площади Розы Люксембург колонна наконец освобождает трамвайные пути. Вагоны один за другим обгоняют нас, из окон смотрят люди, смеются и грозят пальцами пацанам. Пацаны, не теряя равнения и ноги, улыбаются вредной мальчишеской улыбкой. Почему бы им и не улыбаться? Неужели нельзя пошутить с городской публикой, устроить ей маленькую каверзу? Публика своя, хорошая, не ездят, по нашим улицам бояре и дворяне, не водят барынь под ручку раскрашенные, офицеры, не смотрят на нас с осуждением лабазники. И мы идем, как хозяева, по нашему городу, идем не «приютские мальчики» — колонисты-горьковцы. Недаром впереди плывет наше красное знамя, недаром медные трубы наши играют «Марш Буденного».

Мы поворачиваем на площадь Тевелева, чуть-чуть подымаемся в горку и уже видим верхушку знамени дзержинцев. А вот и длинный ряд белых воротников, и внимательные родные лица, команда Киргизова, вздернутые руки и музыка. Дзержинцы встречают нас знаменным салютом. Еще секунда — наш оркестр прервал марш и грохнул ответное приветствие.

Только одну секунду, пока Киргизов отдает рапорт, мы стоим в строгом молчании друг против друга. И когда рушится строй и ребята бросаются к друзьям, жмут руки, смеются и шутят, я думаю о докторе Фаусте: пусть этот хитрый немец позавидует мне. Ему здорово не повезло, этому доктору, плохое он для себя выбрал столетие и неподходящую общественную структуру.

Если мы встречались под выходной день, часто, бывало, ко мне подходил Митька Жевелий и предлагал:

- Знаете что? Пойдем все к горьковцам. У них сегодня «Броненосец Потемкин». А шамовки хватит...

И в эти дни поздним вечером мы будили Подворки маршами двух оркестров, долго шумели в столовой, в спальнях, в клубе, старшие вспоминали штормы и штили прошлых лет, молодые слушали и завидовали.

С апреля месяца главной темой наших дружеских бесед сделался приезд Горького. Алексей Максимович написал нам, что в июле специально приедет в Харьков, чтобы пожить в колонии три дня. Переписка наша с Алексеем Максимовичем давно уже была регулярной[86]. Не видя его ни разу, колонисты ощущали его личность в своих рядах и радовались ей, как радуются дети образу матери. Только тот, кто в детстве потерял семью, кто не унес с собой в длинную жизнь никакого запаса тепла, тот хорошо знает, как иногда холодно становится на свете, только тот поймет, как это дорого стоит - забота и ласка большого человека, человека - богатого и щедрого сердцем.

Горьковцы не умели выражать чувства нежности, ибо они слишком высоко ценили нежность. Я прожил с ними восемь лет, многие ко мне относились любовно, но ни разу за эти годы никто из них не был со мною нежен в обычном смысле. Я умел узнавать их чувства по признакам, мне одному известным: по глубине взгляда, по окраске смущения, по далекому вниманию из-за угла, по чуть-чуть охрипшему голосу, по прыжкам и бегу после встречи. И я поэтому видел, с какой невыносимой нежностью ребята говорили о Горьком, с какой жадностью обрадовались, его коротким словам о приезде.

Приезд Горького в колонию — это была высокая награда. В наших глазах, честное слово, она не была вполне заслужена. И эту высокую награду нам присудили в то время, когда весь Союз поднял знамена для встречи великого писателя, когда наша маленькая община могла затеряться среди волн широкого общественного чувства.

Но она не затерялась, и это трогало нас и нашей жизни сообщало высокую ценность.

Подготовка к встрече Горького началась на другой день после получения письма. Впереди себя Алексей Максимович послал щедрый подарок, благодаря которому мы могли залечить последние раны, которые еще оставались от старого Куряжа.

Как раз в это время меня потребовали к отчету[87]. Я должен был сказать ученым мужам и мудрецам педагогики, в чем состоит моя педагогическая, вера и какие принципы исповедую. Поводов для такого отчета было достаточно.

Я бодро подготовился к отчету, хотя и не ждал для себя ни пощады, ни снисхождения.

В просторном высоком зале увидел я наконец в лицо весь сонм пророков и апостолов. Это был... синедрион[88], не меньше. Высказывались здесь вежливо, округленными любезными периодами, от которых шел еле уловимый приятный запах мозговых извилин, старых книг и просиженных кресел. Но пророки и апостолы не имели ни белых бород, ни маститых имен, ни великих открытий. С какой стати они носят нимбы и почему у них в руках священное писание? Это были довольно юркие люди, а на их усах еще висели крошки только что съеденного советского пирога.

Больше всех орудовал профессор Чайкин[89], тот самый Чайкин, который несколько лет назад напомнил мне один рассказ Чехова.

В своем заключении Чайкин ничего от меня не оставил:

- Товарищ Макаренко хочет педагогический процесс построить на идее долга. Правда, он прибавляет слово «пролетарский», но это не может, товарищи, скрыть от нас истинную сущность идеи. Мы советуем товарищу Макаренко внимательно проследить исторический генезис идеи долга. Это идея буржуазных отношений, идея сугубо меркантильного порядка. Советская педагогика стремится воспитать в личности свободное проявление творческих сил и наклонностей, инициативу, но ни в коем случае не буржуазную категорию долга.

«С глубокой печалью и удивлением мы услышали сегодня от уважаемого руководителя двух образцовых учреждений призыв к воспитанию чувства чести. Мы не можем не заявить протест против этого призыва. Советская общественность также присоединяет свой голос к науке, она также не примиряется с возвращением этого понятия, которое так ярко напоминает нам офицерские привилегии, мундиры, погоны».

«Мы не можем входить в обсуждение всех заявлений автора, касающихся производства. Может быть, с точки зрения материального обогащения колонии это и полезное дело, но педагогическая наука не может в числе факторов педагогического влияния рассматривать производство и тем более не может одобрить такие тезисы автора, как «промфинплан есть лучший воспитатель». Такие положения есть не что иное, как вульгаризация идеи трудового воспитания».

Многие еще говорили, и многие молчали с осуждением. Я, наконец, обозлился и сгоряча вылил в огонь ведро керосина.

- Пожалуй, вы правы, мы не договоримся. Я вас не понимаю. По-вашему, например, инициатива есть какое-то наитие. Она приходит неизвестно откуда, из чистого, ничем не заполненного безделья. Я вам третий раз толкую, что инициатива придет тогда, когда есть задача, ответственность за ее выполнение, ответственность за потерянное время, когда есть требование коллектива. Вы меня все-таки не понимаете и снова твердите о какой-то выхолощенной, освобожденной от труда инициативе. По-вашему, для инициативы достаточно смотреть на свой собственный пуп...

Ой, как оскорбились, как на меня закричали, как закрестились и заплевали апостолы! И тогда, увидев, что пожар в полном разгаре, что все рубиконы далеко позади, что терять все равно нечего, что все уже потеряно, я сказал:

- Вы не способны судить ни о воспитании, ни об инициативе, в этих вопросах вы не разбираетесь.

- А вы знаете, что сказал Ленин об инициативе?

- Знаю.

- Вы не знаете!

Я вытащил записную книжку и прочитал внятно:

«Инициатива должна состоять в том, чтобы в порядке отступать и сугубо держать дисциплину»,— сказал Ленин на Одиннадцатом съезде РКП(б) 27 марта 1922 года.

Апостолы только на мгновение опешили, а потом закричали:

- Так при чем здесь отступление?

- Я хотел обратить ваше внимание на отношение между дисциплиной и инициативой. А кроме того, мне необходимо в порядке отступить...

Апостолы похлопали глазами, потом бросились друг к другу, зашептали, зашелестели бумагой. Постановление синедрион вынес единодушное:

«Предложенная система воспитательного процесса есть система не советская»[90].

В собрании было много моих друзей, но они молчали. Была группа чекистов. Они внимательно выслушали прения, что-то записали в блокнотах и ушли, не ожидая приговора.

В колонию мы возвращались поздно ночью. Со мной были воспитатели и несколько членов комсомольского бюро. Жорка Волков дорогой плевался:

- Ну, как они могут так говорить! Как это, по-ихнему: нет, значит, чести, нет, значит, такого — честь нашей колонии? По-ихнему, значит этого нет?

- Не обращайте внимания, Антон Семенович,— сказал Лапоть. — Собрались, понимаете, зануды...

- Я и не обращаю,— утешил я хлопцев.

Но вопрос был уже решен.

Не содрогнувшись и не снижая общего тона, я начал свертывание коллектива. Нужно было как можно скорее вывести из колонии моих друзей. Это было необходимо и для того, чтобы не подвергать их испытанию при новых порядках, и для того, чтобы не оставить в колонии никаких очагов протеста.

Заявление об уходе я подал Юрьеву на другой же день. Он задумался, молча пожал мне руку. Когда я уже уходил от него, он спохватился:

- Постойте!.. А как же... Горький приезжает.

- Неужели вы думаете, что я позволю кому-либо принять Горького вместо меня?

- Вот-вот...

Он забегал по кабинету и забормотал:

- К черту!.. К чертовой матери!..

- Чего это?

- Ухожу к чертовой матери.

Я оставил его в этом благом намерении. Он догнал меня в коридоре:

- Голубчик, Антон Семенович, вам тяжело, правда?

- Ну, вот тебе раз! — засмеялся я. — Чего это вы? Ах, интеллигент!.. Так я уезжаю из колонии в день отъезда Горького. Заведование сдам Журбину[91], а вы, как хотите там...

- Так...

В колонии я о своем уходе никому не сказал, и Юрьев дал слово молчать.

Я бросился на заводы, к шефам, к чекистам. Так как вопрос о выпуске колонистов стоял уже давно, мои действия никого в колонии не удивили. Пользуясь помощью друзей, я почти без труда устроил для горьковцев рабочие места на харьковских заводах и квартиры в городе. Екатерина Григорьевна[92] и Гуляева[93] позаботились о небольшом приданом, в этом деле они уже имели опыт. До приезда Горького оставалось два месяца, времени было достаточно.

Один за другим уходили в жизнь старики. Они прощались с нами со слезами разлуки, но без горя: мы еще будем встречаться. Провожали их с почетными караулами и музыкой, при развернутом горьковском знамени. Так ушли Таранец, Волохов, Гуд[94], Леший, Галатенко, Федоренко[95], Корыто[96], Алеша и Жорка Волковы[97], Лапоть, Кудлатый, Ступицын[98], Сорока[99] и многие другие. Кое-кого, сговорившись с Ковалем[100], мы оставили в колонии на платной службе, чтобы не лишать колонию верхушки. Кто готовится на рабфак, тех до осени я перевел в коммуну Дзержинского. Воспитательский коллектив должен был остаться в колонии на некоторое время, чтобы не создавать паники. Только Коваль не остался и, не ожидая конца ушел в район.

И в сиянии наград, выпавших на мою долю в это время, одна заблестела даже неожиданно: нельзя свернуть живой коллектив в четыреста человек. На место

ушедших в первый же момент становились новые пацаны, такие же бодрые, такие же остроумные и мажорные. Ряды колонистов смыкались, как во время боя ряды бойцов. Коллектив не только не хотел умирать, он не хотел даже думать о смерти. Он жил полной жизнью, быстро катился вперед по точным, гладким рельсам, торжественно и нежно готовился к встрече Алексея Максимовича.

Дни шли и теперь были прекрасными, счастливыми днями. Наши будни, как цветами, украшались трудом и улыбкой, ясностью наших дорог, дружеским горячим словом. Так же радугами стояли над нами заботы, так же упирались в небо прожекторы нашей мечты.

И так же доверчиво-радостно, как и раньше, мы встречали наш праздник, самый большой праздник в нашей истории.

Этот день наконец настал.

С утра вокруг колонии табор горожан, машины, начальство, целый батальон сотрудников печати, фотографов, кинооператоров. На зданиях флаги и гирлянды, на всех наших площадках цветы. Далеко протянулся на широких интервалах строй пацанов, на Ахтырском шляху — верховые, во дворе — почетный караул.

В белой фуражке, высокий взволнованный Горький, человек с лицом мудреца и с глазами друга, вышел из авто, оглянулся, провел по богатым рабочим усам дрожащими пальцами, улыбнулся:

- Здравствуй... Это... твои хлопцы?.. Да!.. Ну, идем!..

Знаменный салют оркестра, шелест пацаньих рук, пацаньи горячие очи, наши отрытые души разложили мы, как ковер, перед гостем.

Горький пошел по рядам...

15. Эпилог

Прошло семь лет. В общем все это было давно.

Но я теперь хорошо помню, помню до самого последнего движения тот день, когда только отошел поезд, увозивший Горького. Мысли наши и чувства еще стремились за поездом, еще пацаньи глаза искрились прощальной теплотой, а в моей душе стала на очередь маленькая «простая» операция. Во всю длину перрона протянулись горьковцы и дзержинцы, блестели трубы двух оркестров, верхушки двух знамен. У соседнего перрона готовился дачный на Рыжов. Журбин подошел ко мне:

- Горьковцев можно в вагоны?

- Да.

Мимо меня пробежали в вагоны колонисты, пронесли трубы. А вот и наше старое шелковое знамя, вышитое шелком. Через минуту во всех окнах поезда показались бутоньерки из пацанов и девчат. Они щурили на меня глаза и кричали:

- Антон Семенович, идите в наш вагон!

- А разве вы не поедете? Вы с коммунарами, да?

- А завтра к нам?

Я в то время был сильным человеком, и я улыбался пацанам. А когда ко мне подошел Журбин, я передал ему приказ, в котором было сказано, что вследствие моего ухода «в отпуск» заведование колонией передается Журбину.

Журбин растерянно посмотрел на приказ:

- Значит, конец?

- Конец,— сказал я

- Так как же...— начал было Журбин, но кондуктор оглушил его своим свистком, и Журбин ничего не сказал, махнул рукой и ушел, отворачиваясь от окон вагонов.

Дачный поезд тронулся. Бутоньерки пацанов поплыли мимо меня, как на празднике. Они кричали «до свиданья» и шутя приподымали тюбетейки двумя пальцами. У последнего окна стоял Коротков. Он молча салютнул и улыбнулся.

Я вышел на площадь. Дзержинцы ожидали меня в строю. Я подал команду, и мы через город пошли в коммуну.

В Куряже я больше не был.

С тех пор прошло семь советских лет, а это гораздо больше, чем, скажем, семь лет императорских. За это время наша страна прошла славный путь первой пятилетки, большую часть второй, за это время восточную равнину Европы научились уважать больше, чем за триста романовских лет. За это время выросли у наших людей новые мускулы и выросла новая наша интеллигенция.

Мои горьковцы тоже выросли, разбежались по всему советскому свету, для меня сейчас трудно их собрать даже в воображении. Никак не поймаешь инженера Задорова, зарывшегося в одной из грандиозных строек Туркменистана, не вызовешь на свидание врача Особой Дальневосточной Вершнева[101] или врача в Ярославле Буруна[102]. Даже Нисинов и Зорень, на что уже пацаны, а и те улетели от меня, трепеща крыльями, только крылья у них теперь не прежние, не нежные крылья моей педагогической симпатии, а стальные крылья советских аэропланов. И Шелапутин не ошибался, когда утверждал, что он будет летчиком; в летчики выходит и Шурка Жевелий, не желая подражать старшему брату, выбравшему для себя штурманский путь в Арктике.

В свое время меня часто спрашивали залетавшие в колонию товарищи:

- Скажите, говорят, среди беспризорных много даровитых, творчески, так сказать, настроенных... Скажите, есть у вас писатели или художники?

Писатели у нас, конечно, были, были и художники, без этого народа ни один коллектив прожить не может, без них и стенной газеты не выпустишь. Но здесь я должен с прискорбием признаться: из горьковцев не вышли ни писатели, ни художники, и не потому не вышли, что таланта у них не хватило, а по другим причинам: захватила их жизнь и ее практические сегодняшние требования.

Не вышло и из Карабанова агронома. Кончил он агрономический рабфак, но в институт не перешел, а сказал мне решительно:

- Хай ему с тем хлеборобством! Не можу без пацанов буты. Сколько еще хороших хлопцев дурака валяет на свете, ого! Раз вы, Антон Семенович, в этом деле потрудились, так и мне можно.

Так и пошел Семен Карабанов по пути соцвосовского подвига и не изменил ему до сегодняшнего дня, хотя и выпал Семену жребий труднее, чем всякому другому подвижнику. Женился Семен на черниговке[103], и вырос у них трехлетний сынок, такой же, как мать, черноглазый, такой же, как батько, жаркий. И этого сына среди бела дня зарезал один из воспитанников Семена, присланный в его дом «для трудных», психопат, уже совершивший не одно подобное дело. И после этого не дрогнул Семен и не бросил нашего фронта, не скулил и не проклинал никого, только написал мне короткое письмо, в котором было не столько даже горя, сколько удивления.

Не дошел до вуза и Белухин Матвей. Вдруг получил я от него письмо:

«Я нарочно это так сделал, Антон Семенович, не сказал вам ничего, уж вы простите меня за это, а только какой из меня инженер выйдет, когда я по душе моей есть военный. А теперь я в военной кавалерийской школе. Конечно, это я, можно сказать, как свинья, поступил: рабфак бросил. Нехорошо как-то получилось. А только вы напишите мне письмо, а то, знаете, на душе как-то скребет».

Когда скребет на душе таких, как Белухин, жить еще можно. И можно еще жить долго, если перед советскими эскадронами станут такие командиры, как Белухин. И я поверил в это еще крепче, когда приехал ко мне Матвей уже с кубиком[104], высокий, сильный, готовый человек, «полный комплект».

И не только Матвей, приезжали и другие, всегда непривычно для меня взрослые люди: и Осадчий[105] — технолог, и Мишка Овчаренко[106] — шофер, и мелиоратор за Каспием Олег Огнев[107] и педагог Маруся Левченко[108] и вагоновожатый Сорока, и монтер Волохов, и слесарь Корыто, и мастер МТС Федоренко, и партийные деятели — Алешка Волков, Денис Кудлатый и Волков Жорка, и с настоящим большевистским характером, по-прежнему чуткий Марк Шейнгауз[109] и многие, многие другие.

Но многих я и растерял за семь лет. Где-то в лошадином море завяз и не откликается Антон, где-то потерялись бурно жизнерадостный Лапоть, хороший сапожник Гуд и великий конструктор Таранец[110]. И не печалюсь об этом и не упрекаю этих пацанов в забывчивости. Жизнь наша слишком заполнена, а капризные чувства отцов и педагогов не всегда нужно помнить. Да и «технически» не соберешь всех. Сколько по горьковской только колонии прошло хлопцев и девчат, не названных здесь, но таких же живых, таких же знакомых и таких же друзей. После смерти горьковского коллектива прошло семь лет, и все они заполнены тем же неугомонным прибоем ребячьих рядов, их борьбой, поражениями и победами, и блеском знакомых глаз, и игрой знакомых улыбок.

Коллектив дзержинцев и сейчас живет полной жизнью, и об этой жизни можно написать десять тысяч поэм.

О коллективе в Советской стране будут писать книги, потому что Советская страна по преимуществу страна коллективов. Будут писать книги, конечно, более умные, чем писали мои приятели-«олимпийцы», которые определяли коллектив так: «Коллектив есть группа взаимодействующих индивидов, совокупно реагирующих на те или,иные раздражители[111].

Только пятьдесят пацанов-горьковцев пришли в пушистый зимний день в красивые комнаты коммуны Дзержинского, но они принесли с собой комплект находок, традиций и приспособлений, целый ассортимент коллективной техники, молодой техники освобожденного от хозяина человека. И на здоровой новой почве, окруженная заботой чекистов, каждый день поддержанная их энергией, культурой и талантом, коммуна выросла в коллектив ослепительной прелести, подлинного трудового богатства, высокой социалистической культуры, почти не оставив ничего от смешеной проблемы «исправления человека».

Семь лет жизни дзержинцев — это тоже семь лет борьбы, семь лет больших напряжений.

Давно, давно забыты, разломаны, сожжены в кочегарке фанерные цехи Соломона Борисовича. И самого Соломона Борисовича заменил десяток инженеров, из которых многие стоят того, чтобы их имена назывались среди многих достойных имен в Союзе.

Еще в тридцать первом году построили коммунары свой первый завод — завод электроинструмента. В светлом высоком зале, украшенном цветами и портретами, стали десятки хитрейших станков: «Вандереры», «Самсон Верке», «Гильдемейстеры», «Рейнекеры», «Мараты». Не трусики и не кроватные углы уже выходят из рук коммунаров, а изящные сложные машинки, в которых сотни деталей и «дышит интеграл».

И дыхание интеграла так же волнует и возбуждает коммунарское общество, как давно когда-то волновали нас бураки, симментальские коровы, «Васильи Васильевичи» и «Молодцы».

Когда выпустили в сборном цехе большую сверлилку «ФД-3» и поставили ее на пробный стол, давно возмужавший Васька Алексеев включил ток и два десятка голов, инженерских, коммунарских, рабочих, с тревогой склонились над ее жужжанием, главный инженер Горбунов[112] сказал с тоской:

- Искрит...

- Искрит, проклятая!— сказал Васька.

Скрывая под улыбками печаль, потащили сверлилку в цех, три дня разбирали, проверяли, орудовали радикалами и логарифмами, шелестели чертежами. Шагали по чертежам циркульные ноги, чуткие шлифовальные «Келенбергеры» снимали с деталей последние полусотки, чуткие пальцы пацанов собирали самые нежные части, чуткие их души с тревогой ожидали новой пробы.

Через три дня снова поставили «ФД-3» на пробный стол, снова два десятка голов склонились над ней, и снова главный инженер Горбунов сказал с тоской:

- Искрит…

- Искрит, дрянь! – сказал Васька Алексеев.

- Американка не искрила, - завистливо вспомнил Горбунов.

- Не искрила, - вспомнил и Васька.

- Да, не искрила, - подтвердил ещё один инженер.

- Конечно, не искрила! – сказали все пацаны, не зная, на кого обижаться: на себя, на станки, на сомнительную сталь номер четыре, на девчат, обмотчиц якоря, или на инженера Горбунова.

А из-за толпы ребят поднялся на цыпочки, показал всем рыжую веснушчатую физиономию Тимка Одарюк[113], прикрыл глаза веками, покраснел и сказал:

- Американская точь-в-точь искрила.

- Откуда ты знаешь?

- Я помню, как пускали. И должна искрить, потому вентилятор здесь такой.

Не поверили Тимке, снова потащили сверлилку в цех, снова заработали над ней мозги, станки и нервы. В коллективе заметно повысилась температура, в спальнях, в клубах, в классах поселилось беспокойство. Вокруг Одарюка целая партия сторонников:

- Наши, конечно, дрейфят, потому что первая машинка. А только американки искрят еще больше.

- Нет!

- Искрят!

- Нет!

- Искрят!

И наконец, не выдержали наши нервы. Послали в Москву, ахнули поклоном старшим.

Дайте одну «Блек и Деккер»![114]

Дали.

Привезли американку в коммуну, поставили на пробный стол. Уже не два десятка голов склонилось над столом, а над всем цехом склонились триста коммунарских тревог. Побледневший Васька включил ток, затаили дыхание инженеры. И на фоне жужжания машинки неожиданно громко сказал Одарюк:

- Ну вот, говорил же я...

И в тот же момент поднялся над коммуной облегченный вздох и улетел к небесам, а на его месте закружились торжествующие рожицы и улыбки:

- Тимка правду говорил!

Давно мы забыли об этом взволнованном дне, потому что давно машинки выходят по пятьдесят штук в день и давно перестали искрить, ибо хотя и правду говорил Тимка, но была еще другая правда — в дыхании интеграла и у главного инженера Горбунова:

- Не должна искрить!

Забыли обо всем этом потому, что набежали новые заботы и новые дела.

В 1932 году было сказано в коммуне:

- Будем делать лейки![115]

Это сказал чекист, революционер и рабочий, а не инженер и не оптик, и не фотоконструктор. И другие чекисты, революционеры и большевики, сказали:

- Пусть коммунары делают лейки! Коммунары в эти моменты не волновались:

- Лейки? Конечно, будем делать лейки!

Но сотни людей, инженеров, оптиков, конструкторов, ответили:

- Лейки? Что вы! Ха-ха...

И началась новая борьба, сложнейшая советская операция, каких много прошло в эти годы в нашем отечестве. В этой борьбе тысячи разных дыханий, полетов мысли, полетов на советских самолетах, чертежей, опытов, лабораторной молчаливой литургии, строительной кирпичной пыли и... атак повторных, еще раз повторенных атак, отчаянно упорных ударов коммунарских рядов в цехах, потрясенных прорывом. А вокруг те же вздохи сомнения, те же прищуренные стекла очков:

- Лейки? Мальчики? Линзы с точностью до микрона? Хе-хе!

Но уже пятьсот мальчиков и девчат бросились в мир микронов, в тончайшую паутину точнейших станков, в нежнейшую среду допусков, сферических аберраций и оптических кривых, смеясь, оглянулись на чекистов.

- Ничего, пацаны, не бойтесь,— сказали чекисты.

Развернулся в коммуне блестящий, красивый завод ФЭДов, окружейный цветами, асфальтом, фонтанами. На днях коммунары положили на стол наркома десятитысячный «ФЭД», безгрешную изящную машинку.

Многое уже прошло, и многое забывается. Давно забылся и первобытный героизм, блатной язык и другие отрыжки. Каждую весну коммунарский рабфак выпускает в вузы десятки студентов, и много десятков их уже подходят к окончанию вуза: будущие инженеры, врачи, историки, геологи, летчики, судостроители, радисты, педагоги, музыканты, актеры, певцы. Каждое лето собирается эта интеллигенция в гости к своим рабочим братьям: токарям, револьверщикам, фрезеровщикам, лекальщикам, и тогда - начинается поход. Ежегодный летний поход — это новая традиция. Много тысяч километров прошли коммунарские колонны по-прежнему по шести в ряд, со знаменем впереди и оркестром. Прошли Волгу, Крым, Кавказ, Москву, Одессу, Азовское побережье.

Но и в коммуне, и в летнем походе, и в те дни, когда «искрит», и в дни, когда тихо плещется трудовая жизнь коммунаров, то и дело выбегает на крыльцо круглоголовый, ясноокий пацан, задирает сигналку к небу и играет короткий сигнал «сбор командиров». И так же, как давно, рассаживаются командиры под стенами, стоят в дверях любители, сидят на полу пацаны. И так же ехидно-серьезный ССК[116] говорит очередному неудачнику:

- Выйди на середину!.. Стань смирно и давай объяснение, как и что!

И так же бывают разные случаи, так же иногда топорщатся характеры, и так же временами, как в улье, тревожно гудит коллектив и бросается в опасное место. И все такой же трудной и хитрой остается наука педагогика.

Но уже легче. Далекий, далекий мой первый горьковский день, полный позора и немощи, кажется мне теперь маленькой-маленькой картинкой в узеньком стеклышке праздничной панорамы. Уже легче. Уже во многих местах Советского Союза завязались крепкие узлы серьезного педагогического дела, уже последние удары наносит партия по последним гнезда неудачного, деморализованного детства.

И может быть, очень скоро у нас перестанут писать «педагогические поэмы» и напишут простую деловую книжку: «Методика коммунистического воспитания»[117].

Харьков. 1925 – 1935 гг.

А.С. Макаренко. Пед. Соч. в 8 т., т. 3, с. 328-337, 398-413, 434-450. Опущены 9 глав. Часть третья опубликована в альманахе «год XVIII», кн. 8, изд. 1935 г., вышла в свет в конце марта 1936 г.; отдельное издание – в 1936 и 1937 гг. В 1937 г. отдельной книгой вышли все 3 части произведения – первое и последнее при жизни автора издание «Педагогической поэмы» в целом, ставшее «каноническим».

Довоенное издание – 1940 г., в изд-ве «Советский писатель». Издание во время Великой Отечественной войны – 1944 г. (Гослитиздат). Послевоенные издания, 1947–1950 гг.: (Библиотека «Огонёк», Сов. писатель, Гослитиздат, Латгослитиздат – Рига, Ленинградское газ.-жур. – кн. изд-во. Части первая и вторая вышли отдельным изданием в 1940 г. в Гос. изд-ве Белоруссии «Художественная литература» - Минск, белорусс. яз.

Часть третья, будучи заключительной, показывает испытание педагогики А.С. Макаренко в процессе расширения его опыта, «завоевания Куряжа» и дальнейшей «пересадки» и развития этого опыта в трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Отражается кульминационный пункт в истории трудовой колонии им. М. Горького, драматическая ситуация ухода (увольнения) из неё А.С. Макаренко.

В части третьей он стремится с наибольшей полнотой и чёткостью объяснить свои расхождения с официально действующей тогда педагогической теорией и практикой, изложить своё *«credo»* в науке о воспитании. Этому посвящены «теоретические, полемически заострённые главы – «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику», а также многочисленные авторские отступления от сюжета произведения.

Тщательный текстологический анализ различных публикаций «Педагогической поэмы», первой её части, - в материале Г. Хиллига (Марбург, ФРГ), представленном на VIII Международном съезде славистов, Загреб – Любляна, 1978 г., 48 стр. (Личный архив А.А. Фролова).

[1] Речь идёт о подготовке переезда колонии им. М. Горького (под Полтавой), 120 воспитанников, её объединении с колонией в Куряже (пригород Харькова); в итоге – 400 воспитанников.

[2] А.С. Макаренко в 1922 г. отмечал знание им трудов социологов *Г. Спенсера, М. Ковалевского, Денграфа, Ф. де Куланжа, де Роберти*; **позднее –** *П. Сорокина* **(А.С. Макаренко Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 40; Часть 3, с. 46, 48, 66, 69).**

[3]Рефлексология – естественно-научное направление в рус. психологич. науке нач. XX в.; основоположник В.М. Бехтерев. Психические процессы рассматриваются рефлексологами механически, как сопутствующие актам поведения. Эта теория оказала влияние на пе-

дологию, взгляды *Е.А. Аркина, И.А. Арямова, А.С. Залужного.* **См. Именной указатель: там же, Часть 3, с. 334.**

Говоря о «богатых родственниках» педагогики, А.С. Макаренко имеет в виду её слабое развитие как самостоятельной науки, её попытки восполнить этот недостаток путём механических заимствований из связанных с педагогикой других областей социально-гуманитарного знания.

[4] Говорится о государственно-общественной организации: Социально-правовая охрана несовершеннолетних.

[5] Социальное воспитание, соцвос – педагогическая концепция, возникшая в Европе на рубеже XIX–XX вв. Отрицала прилегированную «школу учёбы», её словесно-академическую направленность. Утверждала демократические принципы равенства и всеобщности в обучении и воспитании. Способствовала развитию общественного воспитания, трудовой и коллективисткой направленности образования, всестороннему развитию индивидуальности. Разрабатывала идею «школы жизни», традицию приоритета воспитания в становлении личности.

Главсоцвос, Главное управление социального воспитания и политехнического образования – одно из подразделений тогдашних наркомпросов союзных республик СССР. В его ведение входили не только детдома, детколонии и охрана прав детей, но и школы, дошкольные учреждения, повышение квалификации работников соцвоса. Учреждено в 1921 г., реорганизовано в 1932 г. Работа с «дефективными» и «трудными» детьми, беспризорными и несовершеннолетними правонарушителями тогда вошла в единую систему образования, проводилась в соответствии с общими педагогическими целями и принципами.

[6] Имеются в виду подразделения организации «Помощь детям». Она оказывала материально-финансовую помощь учреждениям «охраны детства», располагала сетью магазинов, производственных мастерских, имея даже увеселительные и игорные дома; 10 % от получаемых доходов отчислялись на нужды детства.

[7] Имеются в виду созданные по инициативе Ф.Э. Дзержинского в 1921 г. межведомственные комиссии по улучшению жизни детей (деткомиссии), а также комиссии по делам несовершеннолетних при исполкомах местных органов власти.

[8] Колонии для несовершеннолетних, включая и для правонарушителей, были тогда открытыми. Такими были и макаренковская колония и коммуна: здесь не было заборов и охраны, это «добровольные объединения людей – здесь никого не заставляли жить насильно» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 142, 144). Принцип добровольности – один из ведущих в макаренковском определении коллектива (см. там же, Часть 3, с. 49-52), это означает и добровольное подчинение общим интересам коллектива.

[9] Особенность макаренковской индивидуализации в педагогике: индивидуализация опирается на группировку, типизацию. Коллектив – не простая сумма индивидуальностей, он предполагает дифференциацию, целостную структуру различного, подлинное единство при многообразии его элементов.

О глубокой индивидуализации коллективного подразделения, направленного в Куряж «передового сводного отряда» колонистов из 8 человек, способного в своём единстве выполнять разные функции, - см.: А.С. Макаренко, Пед. соч. в 8 т., т. 3, с. 305-307.

[10] **Первенство роли труда, рабочей квалификации в совершенной педагогической системе согласуется с естественной потребностью развития детей – так А.С. Макаренко трактует и развивает классический принцип природосообразности воспитания и обучения.**

[11] **А.С. Макаренко подчёркивает опасность педагогической деятельности, возможность её разрушительного действия в отношении человека и общества.**

[12] **Прототип –** *Хрущ* **(А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 342).**

[13] **Прототип –** *П. Перцовский* **(там же, с. 343).**

[14] **Прототип –** *Волченко*, **«Зайчак» (там же, с. 341). В «Марше 30 года» и «ФД-1» - «Волчок Иван».**

[15] **Прототип –** *С.Е. Тарапата*, **«представитель утилитарно-хозяйственной педагогики» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 336, 349. Председатель харьковского Помдета, в ведение которого находилась колония в Куряже (до перевода туда колонии им. М. Горького).**

[16] **Говориться о посеве ржи (укр. яз.).**

[17] **Прототип –** *однофамилец* **(там же, с. 334).**

[18] **Прототип –** *М. Шелухин.*

[19] **Прототип –** *С.А. Калабалин*, **воспитанник колонии им. М. Горького с 9 марта 1921 г. (там же, с. 331), затем физрук колонии горьковцев и коммуны дзержинцев. В «Марше 30 года С.А. Карабанов.**

[20] **Прототип –** *однофамилец* **(А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 328).**

[21] **Прототип –** *однофамилец* **(там же, с. 334).**

[22] **Колонисты-выпускники колонии им. М. Горького, учащиеся рабфаков (готовящих к поступлению в вузы).**

[23] **СК – центральный орган самоуправления в учреждениях А.С. Макаренко, включающий представительство постоянных производственных отрядов («первичных коллективов») и ведущих представителей администрации. Действуя как «хозяйственный орган», СК ведал всей деятельностью единого коллектива учреждения, детей и взрослых вместе (исключая содержание учебной работы). Таким образом осуществлялось главенство хозяйственно-трудовой деятельности в жизнедеятельности человека, воспитании и развитии личности.**

[24] **Колония располагалась на территории бывшего Преображенского мужского монастыря; на её центральной площади действовал Спасо-Преображенский собор.**

[25] **Прототип –** *Т.Д. Татаринов* **(«Тимоща»).**

[26] **Прототип –** *однофамилец* **(там же, с. 329).**

[27] **См. аналогичные случаи в первой части «Педагогической поэмы» (пощёчина Задорову и др.): это «срывы» ещё недостаточно квалифицированного педагога; в дальнейшем он выработал необходимый навык. Его система педагогики категорически отрицает физическое воздействие, полагаясь на силу морального влияния.**

[28] **Прототип –** *Таликов* **(там же, с. 342).**

[29] **Прототип –** *В.М. Дюшен*, **инспектор Наркомпросса УССР по детским домам (там же, с. 336, 349 и Именной указатель, с. 351).**

[30] **Прототип –** *З.Т. Козлова* **(Теляченко), инспектор (там же, с. 38, 338, 349).**

[31] **Прототип –** *Чудинский* **(там же, с. 336).**

[32] **Проблема потребностей, мотивации поведения, внутренних предпосылок деятельности и поступков человека заложена глубоко в**

основах макаренковской педагогики. В ней внутреннее, духовное начало неразрывно связывается с внешним, с практическими действиями личности. Связь осуществляется с помощью стимулов, непосредственных побудителей деятельности.

Противники А. С. Макаренко не видят этой связи, пытаясь применять лишь «чисто внутренние» предпосылки. Отсюда их обвинения его в «муштре», недостатке «сознательности» и отрицание эмоционального влияния (символы, ритуалы, игра, «военизация»), дисциплины, наказания и других средств «педагогической техники».

[33] Вопрос о сущности и роли «чистого сознания», о его соотношении с практическим проявлением сознания является базовым в различных «типах» педагогики и в соответствующих им практических педагогических системах. А.С. Макаренко делает имеющий фундаментальное методологическое значение вывод: для успешного перехода от сознания к поведению (и наоборот) необходимо использовать «цепь связующих более простых элементов», содержащихся в реальной жизненной практике человека.

Это соответствует представлению А.Н. Леонтьева о «механизме развития сознания» и «личностном смысле деятельности» (соотношении мотива и цели). Главное в этом «механизме» - «сдвиг» мотива лишь «знаемого» на вполне понятную цель действий. Он осуществляется с помощью стимулов, активно побуждающих к действию. Так, возникает «сознательность». См. также главу «В пучине педагогики» в книге-очерке «ФД-1» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 2, с. 310-312, 335).

[34] Повествование об этом в главе «Преображение» третьей части «Педагогической поэмы» (А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 3, с. 377-388; глава предшествует «У подошвы Олимпа»).

[34а] Отряды, действующие временно (обычно не более недели), для выполнения какого-то вида работ. Постоянно действующий отряд обслуживает стабильно действующий участок производства; командиры этих отрядов – основной состав совета командиров (СК).

[35] В город Харьков и на железнодорожную станцию вблизи колонии.

[36] Подчеркивается приоритет общественного мнения, морального фактора в применении наказания, средств административно-правового характера.

[37] Опора на «силлогическую формулу, дедуктивный короткий бросок» - характерный признак действия в педагогике дедуктивного метода. См. также – «гипертрофия силлогизма», т.е. преувеличение в педагогической логике (методологии) роли умозаключения, основанного на двух суждениях как его предпосылках (в главе «Помогите мальчику»: А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 3, с. 429). Преобладает формальная диалектическая логика.

[38] «Стиль воспитания» (и обучения) – понятие, введённое А.С. Макаренко в педагогику для обозначения общей моральной направленности и эмоциональной насыщенности педагогического процесса. В его теории и практике это «мажор», радостное и действенное, творческое отношение к миру. Это проблема самочувствия личности, её образа жизни, настроения коллектива, «качества жизни». Противоположность – «минор», настроение расслабленности, грусти, печали. Понятия взяты из сферы музыкального искусства.

«Мажорная», жизнерадостная атмосфера детского учреждения – явление, которое показывает глубокую природосообразность педаго-

гики А.С. Макаренко, при её яркой социальной направленности. Он говорил, что А.С. Пушкин точно охарактеризовал детство в словах: «Мальчишек радостный народ / коньками звучно режет лёд». Радость жизни, её открытие, пробуждение природных сил личности – это то, на чём основывается «мажорный» стиль воспитания. Хорошая, любимая детская книга проникнута «радостным и деятельным чувством бытия»; дети – «самая красивая, самая звучная и радостная часть нашего общества» (А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т. ,т. 7, с. 158, 59).

Пьесу «Мажор» см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 3, с. 149-164. Глава «Стиль работы с коллективом» - в «Методике организации воспитательного процесса», см. далее в этой Части 4.

[39] «Тон воспитания», «тонус» - уровень жизненной активности коллектива и личности в воспитании, «тональность», жизненный настрой, степень эмоциональной напряжённости. Понятие, свойственное музыкальному искусству.

[40] «Педагогическая техника», «технология» - введенная А.С. Макаренко в педагогику область научного знания, обеспечивающего практическую эффективность педагогической теории, её установку на гарантированный результат. Реализуется принцип массового, равного воспитания, с использованием признаков технологического процесса в сфере производства.

Это совокупность операций, целенаправленно и последовательно осуществляемых определённым способом, в условиях контроля. Применяется для формирования социально типичных свойств личности; дополняется индивидуальной работой педагога, «высококвалифицированного мастера» (см. далее по тексту).

[41] А.С. Макаренко отмечает вульгаризацию этих положений Ж.Ж. Руссо. Исследования показывают родство макаренковского педагогического творчества с идеями Ж.Ж. Руссо о «естественном», природосообразном воспитании. Подлинно свободным оно становится, когда человек «не творит природу и не уничтожает её, он только вносит в неё свой математически могучий корректив» (А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 5, с. 16). См. также далее комментарий к «Методике организации воспитательного процесса», п. 22.

[42] Далее в одном из изданий «Педагогической поэмы» следует: «Между тем я всегда честно старался разобраться в теории, но с первых её строчек у меня немедленно разжижались мозги, и я не знал даже, как квалифицировать всю эту теорию…» (Педагогическая поэма / Сост. С.С. Невская. – М., 2003, с. 572 – 573).

Иногда добавляется: «разобраться в педагогической теории» или «в педологической теории». Есть произвольная трактовка: «в теории коммунистического воспитания». Исходя из макаренковского замысла «Педагогической поэмы», следует читать: «в педолого-педагогической теории».

[43] Вариант этого предложения: «Главные бои с Олимпом происходили, конечно, по вопросу о дисциплине» (там же, с. 573).

[44] Социальная педагогика А.С. Макаренко выделяет проблему дисциплины в специальный отдел теории и практики социального воспитания и обучения. В работе 1922 г. он показывает: дисциплиной определяется «социальная природа» личности, это признак «организованного общества», важнейшее в «воспитании гражданина», правового сознания и поведения. Дисциплина сказывается на «духовно-психической природе» и «физической стороне» личности, это «часть

блага общего» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 44-46).

[45] Портáчить (груб. простореч.) – делать что-либо плохо по неумению или небрежности.

[46] Имеется в виду, вероятно. В.П. Протопопов, укр. рефлексолог и педолог, ученик В.М. Бехтерева. См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 137-138.

[47] Прототип – *Н.П. Лапотецкий*, **один из первых колонистов-горьковцев. См. там же, с. 334.**

[48] Прототип – *однофамилец*, **колонист-горьковец с мая 1922 г. См. там же, с. 328.**

[49] Антон Братченко, конюх; прототип – *А. Браткевич*, **колонист-горьковец с мая 1921 г. См. там же, с. 329.**

[50] Прототип – возможно, П. Плешов, колонист-горьковец с авг. 1921 г.

[51] Коллектив как объективная социально-культурная реальность, с переменным составом, но с традиционным укладом жизни и деятельности – существенная особенность макаренковской трактовки коллектива (по аналогии и с обществом, государством, производственным предприятием).

[52] О выдаче колонистам-горьковцам денег: см. там же, с. 104-108. Материальные стимулы в педагогике А.С. Макаренко обогащают духовно-нравственное развитие личности, укрепляют его жизненно-практическую направленность.

[53] Приведённые выше три абзаца повторяются в макаренковской работе «Методика организации воспитательного процесса» (1936 г.) Там есть глава «Перспектива», с объяснением близкой, средней и дальней перспектив. В плане книги «Опыт методики работы детской трудовой колонии» (кон. 1932 – нач. 1933 г.) отмечаются: перспектива «индивидуальная, групповая, коллективная, классовая» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 3. с. 38).

Таким образом, А.С. Макаренко вводит в науку о воспитании понятия «время педагогическое» и «пространство педагогическое». По аналогии: «время социальное» и «пространство социальное» - см.: Краткий словарь по социологии. – М., 1989.

В «системе, перспективных линий» («путей») он видит ещё 2 аспекта: линии «материального интереса» и морально-психологического «тона». (см. текст: пять абзацев выше от данной сноски). Высшая форма перспективы – действие, утверждающее «ценность человеческой личности» (см. в самом конце главы, т.3 Пед.соч. в 8т, с.398).

С помощью перспективы в педагогическую теорию и технологию вводится фактор цели как центральное звено в формировании фундаментального свойства человека – его сознательности. Перспектива – синтез мотивов, жизненных стремлений, потребностей и реальных поступков. Так создаётся целостный педагогический процесс, происходит воспитание личности в единстве её знания, чувства и воли.

Педагогика освобождается от бессильного упования на «голую интеллектуальную убеждённость». Ценность личности определяется ее «силой и красотой»; морально-волевыми качествами, чертами характера.

[54] Мастер столярной мастерской

[55] Прототип – *С.Б. Мизяк.* **См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 339.**

[56] Прототип – *Н.Э. Фере*, агроном колонии с февр. 1924 г. Соавтор (с А.С. Макаренко) издания: На гигантском фронте. Опыт совхоза № 2. – Харьков, 1930, укр. яз.; см. там же, Часть 2, с. 202-208. Автор кн.: Мой учитель. Воспоминания об А.С. Макаренко. – М., 1953.

[57] Взята форма наказания, применяемая в Армии только к офицерам: пребывание в домашних условиях, с отстранением от службы. В дальнейшем «арест», с пребыванием в кабинете А.С. Макаренко (привилегированная форма, только для имеющих звание коммунара).

[58] До лета 1934 г. столицей УССР был Харьков.

[59] Персонаж также «Марша 30 года» и пьесы «Мажор».

[60] Тюбетейки, круглые неглубокие шапочки с вышитыми узорами – часть формы одежды колонистов, затем коммунаров-дзержинцев.

[61] См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 335-336.

[62] Электростанция и водопровод в колонии были стационарными; электростанция работала от трактора.

[63] Прототип – *однофамилец*; см. там же, с. 333.

[64] Прототип – *однофамилец*; см. там же; в колонии с мая 1922 г., ранее совершал кражи.

[65] Собирательный образ, см. там же, с. 328. Одним из прототипов считается П. Архангельский, но в списке колонистов-горьковцев (кон. авг. – нач. сент. 1922 г.) он не значится (см. там же, с. 32-35).

[66] *Петровский Г.И.* – Председатель Президиума Верховного Совета УССР в 1919–1932 гг.; с дек. 1922 г. – председатель Центральной комиссии помощи детям при ВУЦИКе.

[67] Работник колонийской свинофермы.

[68] Прототип – *Чаплян Н.Д.*, воспитатель-учитель в колонии с сент. 1923 г., рук. худож. творчества колонистов. См. там же, с. 339.

[69] Прототип – *однофамилец*, см. там же, с. 329.

[70] Последняя строка революционной песни «Смело, товарищи, в ногу».

[71] Прототип – *Чевелий Дмитрий*, в колонии с апр. 1921 г. Его младший брат *Александр*. См. там же, с. 335, 346.

[71а] Ранее *Богоявленский*, см. там же, с. 335.

[72] Прототип – *Р.Л. Берлин*, предс. Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних с янв. 1922 г. по ноябрь 1928 г. См. там же, с. 337.

[73] Прототип – *однофамилец*, см. там же, с. 338; другое обозначение – Антонов С.К.

[74] Прототип – *Анисимов Д.*, см. там же, с. 343. В «ФД-1» Анисимов.

[75] Наташа Петренко.

[76] Прототип – *Г.И. Супрун*, в колонии с апр. 1921 г. См. там же, с. 329.

[77] См. там же, с. 332.

[78] См. там же, с. 334.

[79] Прототип – *П. Перцовский* (см. там же). В «Марше 30 года» Перцовский.

[80] Прототип – *однофамилец* (см. там же, с. 333).

[81] Прототип – *Грищенко* (см. там же, с. 337).

[82] В «Марше 30 года» Зорин.

[83] В это время, с 20 окт. 1927 г., А.С. Макаренко одновременно и зав. трудовой коммуной им. Ф.Э. Дзержинского (в пригороде «Новый

Харьков», открыта в конце дек. 1927 г.), туда переведены 60 колонистов-горьковцев 14-15 лет и группа сотрудников этой колонии.

Одновременно он был и зав. Управлением детколоний и детдомов Харьковского округа, с нач. авг. 1927 г. до сер. февр. 1928 г. (около 10 тыс. детей, «Трудовой детский корпус Харьковского округа»). А.С. Макаренко намеревался отразить этот опыт в «Педагогической поэме» (см. её «Типы и прототипы», там же, с. 328 – 347), но затем отступил от этого замысла.

[84] **Прототип –** *однофамилец*, **в «Типах и прототипах» Клямер Б.С. (там же, с. 339), с сер. марта 1930 г. зав. производством коммуны, позднее нач. снабжения, работник финчасти. В «Марше 30 года» и «ФД-1» С.Б. Левенсон; во «Флагах на башнях» С.Б. Блюм.**

[85] **Видимо, Харьковский паровозостроительный завод.**

[86] **Переписка с А.М. Горьким началась в начале июля 1925 г. Письма А.С. Макаренко ему см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 141 и далее.**

[87] **А.С. Макаренко далее художественно изображает организованное по инициативе правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского заседание секции социального воспитания НИИ педагогики УССР (14 марта 1928 г.). Фрагменты стенограммы этого совещания см. там же, Часть 2, с. 68-73.**

[88] **Совет старейшин в древней Иудее, высшее религиозное, правительственное и судебное учреждение.**

[89] **Прототип –** *Яковлев В.И.*, **в 1926–1930 гг. науч. сотрудник украинского НИИ педагогики; в 1926–1928 гг. член Научно-педагогического комитета управления социального воспитания Наркомпросса УССР. См. там же, с. 339.**

[90] **Такого решения на указанном совещании не принималось. Были высказывания: это «расхождение с основными принципами социального воспитания и советской педагогики», «критика основ соцвоса», «установки Макаренко не выдерживают критики с марксисткой точки зрения».**

Позднее, 23 мая 1928 г. секретариат ЦК КСМУ определил: система А.С. Макаренко «не соответствует основам советской педагогики». 13 июля этого года на заседании Центрального бюро детского коммунистического движения (пионеров) секретарь ЦК ЛКСМУ И. Молодцов сказал: «Система воспитания в колонии [им. М. Горького] идеологически вредная»; решение бюро: «Систему тов. Макаренко сразу не ломать, а постепенно». См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 278, 292-293.

[91] **Прототип –** *В.А. Весич*, **воспитатель-учитель колонии с июля 1923 г.; см там же, с. 340 и Часть 2, с. 264-267.**

[92] **Прототип –** *Е.Ф. Григорович*, **воспитатель-учитель колонии со дня её основания, секретарь педсовета; см. там же, с. 328; затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского.**

[93] **Прототип –** *Веселова*, **см. там же, с. 337.**

[94] **Прототип –** *А. Орисенко*, **в колонии с марта 1922 г.**

[95] **Прототип –** *однофамилец*, **см. там же, с. 332.**

[96] **Прототип не известен, см. там же, с. 335.**

[97] **Прототипы –** *однофамильцы*, **см. там же, с. 334.**

[98] **Прототип –** *однофамилец*, **см. там же, с. 334.**

[99] **Прототип –** *однофамилец*, **см. там же, с. 332.**

[100] **Прототип –** *Л.Т. Коваль*, **«политруководитель» колонии и секретарь её комсомольской организации с июля 1925 г.; в нач. 1928 г. «секретарь фракции КП (б) У» колонии. См. там же, с. 333.**

[101] **Прототип –** *Н.Ф. Шершнёв*, **см. там же, с. 333. В «ФД-1» и «Флагах на башнях» Н.Ф. Вершнёв.**

[102] **Прототип –** *Г.И. Супрун*, **в колонии с апреля 1921 г.**

[103] **Подгорная Г. – персонаж.**

[104] **Знак отличия среднего командного состава Красной Армии (до 1943 г.; соответственно – младший лейтенант).**

[105] **Прототип –** *однофамилец*, **один из первых колонистов-горьковцев, см. там же, с. 330.**

[106] **Прототип –** *однофамилец*, **см. там же, с. 331.**

[107] **Прототип –** *Агнивцев*, **см. там же, с. 344. Во «Флагах на башнях» Чернявин.**

[108] **Прототип –** *та же фамилия*, **см. там же, с. 331.**

[109] **Прототип –** *однофамилец*, **см. там же, с. 336.**

[110] **Прототип –** *однофамилец*, **в колонии с мая 1922 г., см. там же, с. 328.**

[111] **В статье** *А.С. Залужного* **в сборнике «Детский коллектив и ребёнок» (под его ред. совм. с** *С.О. Лозинским*, **1926 г.) дано определение: «Коллектив – это есть взаимодействующая группа лиц, совокупно реагирующая на тот или иной общий отдельный раздражитель или же на целую их систему». В 1930 г. вышла книга А.С. Залужного «Учение о коллективе. Методология. Детский коллектив» (изд. М. – Л.), где говорится: «Коллективом мы будем называть группу взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражители» (с. 79; заметки А.С. Макаренко на полях этой книги см.: А.С. Макаренко. Педагогическая поэма / Сост. С. С. Невская. – М., 2003, с. 685). Сторонник «социогенетического» направления в педологии, наряду с А.Б. Залкиндом и С.С. Моложавым.**

[112] **Прототип –** *однофамилец*, **один из проектировщиков коммунарского завода электроинструмента.**

[113] **Прототип –** *однофамилец*, **персонаж «Марша 30 года».**

[114] **Марка переносной электросверлилки (американского производства).**

[115] **Портативный фотоаппарат, с использованием киноплёнки, типа «Лейка» (немец. про-ва), марка ФЭД.**

[116] **Секретарь совета командиров.**

[117] **Эту книгу А.С. Макаренко намеревался писать вскоре после выхода «Педагогической поэмы» (см. далее его авторские материалы). Написанная в 1936 г. «Методика организации воспитательного процесса» лишь отчасти соответствует этому намерению, т.к. рассчитана на работу детских трудовых колоний, которые к тому же в это время становились закрытыми учреждениями, перешли в ведение НКВД.**

Последний абзац «Педагогической поэмы» показывает, что для А.С. Макаренко это была, прежде всего «книга по педагогике» (см. Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939–2005 гг., критический анализ). – Н.Новгород, 2006, с. 17-19). Всё произведение, с первых его строк и до последних, проникнуто резкой критикой шаблонной педагогики «голого знания». Утверждается жизненно-ориентированная педагогика, идеал свободного труда, лучшего мира, нового «человека-хозяина».

Из фрагментов Части третьей, имеющихся в авторской рукописи

Появился на территории Куряжа только один Ложкин, о котором «туземцы» отзывались как о самом лучшем воспитателе. Шелапутин заставлял хрипеть старый колокол, а я бродил по клубу и вокруг него в ожидании общего собрания. Ложкин подошёл ко мне.

Жизнь за ним плохо ухаживала, и потому предстал он предо мною в довольно запутанном виде: брючки на Ложкине узенькие и короткие, а вытертая толстовка явно преувеличена. В этом костюме Ложкин похож на одного морского зверя, называется он, кажется…

Впрочем, у Ложкина есть физиономия, одна из тех физиономий, на которой что-то написано, но прочитать нельзя, как в письме, побывавшем под дождём. Очень возможно, что он носит усы и бороду, но вполне вероятно, что он просто давно не брился. У него скуластое лицо, но, может быть, это от плохого питания – кажется. Его возраст между 25 и 40 годами, говорит басом, но скорее это не бас, а профессиональный ларингит. И в этот день и в последующие Ложкин буквально не отставал от меня – надоел мне до изнеможения. Ходит за мной и говорит, говорит. И говорит, чаще всего тогда, когда я беседую с кем-нибудь другим, когда я его не слушаю и отвечаю невпопад. Страшно хочется схватить его за горло, немножко придавить и посадить на какой-нибудь скамейке, чтобы он чуточку помолчал.

- Ребята здесь социально запущенные и, кроме того, деморализованы. Вы обратите на это внимание – деморализованы. А почему? Я говорю: нужен педагогический подход. Профессор Соколянский совершенно прав, когда говорит: нужно обусловленное поведение, в как же может быть обусловленное поведение, если, извините, он крадёт, и ему никто не препятствует. У меня к ним есть подход, и они всегда ко мне обращаются и уважают, но всё-таки я был два дня у тёщи, - заболела, - так вынули стёкла и всё решительно украли, остался, как мать родила, в одной толстовке. А почему, спрашивается? Ну, бери у того, кто к тебе плохо относится, но зачем же ты берёшь у того, кто к тебе хорошо относится? Тоже самое – школа. Не ходят в школу. Говорят – отправьте нас на работу. А как же ты будешь работать, если ты читать не умеешь. Не понимают, не понимают! Где же обусловленное поведение – спрашивается.

- Почему же вы не завели обусловленное поведение? – спросил я у Ложкина.

- Вот, вот – обрадовался он, - не завели. А почему спрашивается? Разброд, полный разброд. Вот вы звоните [в колокол], а они не идут. Не хотят. Пошлите нас на работу и всё. И всё. На самом деле крадут, всё крадут. И здесь, и на селе. И на дорогу даже выходят. Конечно, если бы педагогический подход, можно. Я соберу ребят, поговорю с ними…[1]

Разве такой должен быть характер у большевика?

- Вот чудак, - ответил я Марку, - что ж, по-твоему, все большевики должны быть на одну мерку? Они песни поют, а ты думаешь. Чем плохо?

- Так смотря о чем я думаю, вы посудите.

Марк раз пять быстро взмахнул ресницами:

- Они не боятся, а я боюсь.

- Чего?

- Вы не думайте, что я боюсь за себя. За себя я ничуть не боюсь. А я боюсь за них. У них было хорошее счастье, а теперь им, наверное, будет плохо, и кто его знает, чем это кончится…

- А ты знаешь, Марк, какое у них было самое главное счастье? – задал я вопрос.

- Я думаю, что знаю. У них был хороший труд и, кроме того, свободный труд.

- Это ещё мало, Марк. У них была готовность к борьбе, а теперь они идут на эту борьбу, потому они и счастливы.

- А вы скажите, для чего им было идти на борьбу, если им было и так хорошо?

Марк вдруг улыбнулся, и я сразу понял, чего не хватало этому юноше, чтобы быть большевиком.

Но я не успел на этот раз ничего разъяснить ему, потому что над самым моим ухом Синенький оглушительно заиграл сигнал общего сбора. Я мгновенно сообразил – сигнал атаки!

И вместе со всеми бросился к вагону[2].

В своей душе я ощущаю сложную тонкую машину, от которой проведены невидимые провода к глазам, к мозгам, к мускулам, к нервам, к совести, к классовому чутью всех этих четырехсот колонистов. Одним только прикосновением к той или иной кнопке я разрешаю и создаю целые страницы переживаний у этих маленьких людей. Я ощущаю в себе неизмеримое могущество и рядом с ним ощущаю что-то страшно широкое, размахнувшееся тысячами километров полей, лесов и морей, во все стороны, то, что является основанием моего могущества, — СССР.

Все это я ощущаю в духовной тесноте и в духовном просторе и в тот же самый момент отмечаю направленный на меня взгляд Веры Березовской. Я думаю: «Да, вот Вера... Надо с ней сегодня же поговорить, как она себя чувствует... очень важно».

И о другом думаю. Передо мной, как живая, встает красивая талия тонкого сукна вицмундира, ослепительно-элегантный пластрон, синий покрой бархатного воротника и серебряная звездочка в петлице статского советника, а над всем этим выхоленное лицо, мешки под глазами и порожние, холостые глаза, смотрящие на меня не потому, что я человек, и не потому, что я работник, а только «на основании существующих законоположений и вследствие занимаемой мною должности». Какая волнующая разница между тогдашней моей позой чинуши и сегодняшним моим творческим простором![3]

Тенденция рассматривать труд только как приятное переживание, только как блаженство и горний полет существует преимущественно у людей, которые сидят за письменными столами, но ничего не пишут и ни о чем даже не думают, а только разговаривают.

Спасибо профессору Павлову, в настоящее время появилась надежда, что скоро механизмы этих людей будут изучены и всем станет ясно, что ничего особенно хитрого в этих механизмах нет. У собаки, если ей показать мясо, происходит слюнотечение. У этих людей в таком же самом порядке происходит словотечение, как только им показывают некоторые определенные предметы: студента педагогического вуза или техникума, заведующего колонией или детским домом, карточку беспризорного или даже простой лист бумаги, испещрённый письменами какими угодно, но чтобы сверху было написано что-либо определенное, заранее обусловленное для возбуждения словотечения, привычное.

Если, скажем, сверху будет написано: «Основные принципы организации детского коллектива» или «Ребёнок и общественно полезный труд», то словотече-

ние обязательно будет наблюдаться в очень сильной степени. Замечено при этом, что в словотечении участвуют не все слова русского языка, а только некоторые, при этом связанные в определенные комплексы, и таких комплексов немного.

До сих пор, например, ещё никому не удавалось наблюдать в этих комплексах таких, казалось бы, общеупотребительных слов, как «целесообразность», «выгода», «разумно», «польза», «современность»; совершенно не участвуют слова «мера», «килограмм», «метр», «сантиметр», «минута», «секунда», «сутки», вообще названий единиц измерения. Очень редко можно встретить «план», «отчёт», «контроль», «ответственность», «уголовная ответственность».

Зато, если уж вытекло слово «труд», то за ним обязательно вытекут и слова: «радостный», «коллективный», «преобразующий», «наслаждение», «удовлетворение», «творчество», «инициатива».

Как уже было сказано, словотечение наблюдается при показывании определённых предметов. Показывание каких угодно других предметов не вызывает слюнотечения. Например, сколько угодно можно показывать исследуемому его собственного ребёнка, исследуемое лицо в этом случае ничем не будет отличаться от других людей. Живой беспризорный также не вызывает рефлекса словотечения, в этом случае исследуемое лицо обычно произносит слово «милиционер» или два слова: «караул, грабят»[4а].

Уже и раньше на меня косо смотрели с «небес», но раньше я подвизался в провинции, на меня редко падали лучи великих святил (педагогики – А.Ф.), да и сам я старался не прыгать чрезмерно над поверхностью земли. Я оказался в неприятном соседстве с богами. Они рассматривали меня невооружённым глазом, и спрятаться от них со всей своей техникой я был не в состоянии.

Боги были разные – партийные и беспартийные. Впоследствии оказалось, что почти все они состоят в близком родстве с некоторыми земнородными – Троцким, Петлюрой, Ефремовым, но в то время они казались непогрешимыми.

Трудно сказать, отражалось ли указанное родство на педагогических доктринах богов? Для этого нужно специальное исследование. Я тогда квалифицировал программу «Олимпа» как довольно хитро составленную композицию из революционной терминологии, толстовства, кусочков анархизма, совершенно нематериальных остатков эсеровского «хождения в народ», барской высокомерной благотворительности и интеллигентского обычного «вяканья»… Это было обыкновенное христианство, и не какой-нибудь там дезинфицированный, очищенный экстракт, не какая-нибудь паутинка из его этических волокон, вообще не «неохристианство», а обыкновенное бабское православие, с любовью к ближнему, с воскрешением Лазаря и со всеми десятью заповедями[4б].

В течение нескольких лет, подробно анализируя всякие соображения и пути, ведущие к освобождению личности от всех неприятностей дисциплинирования, деятели «Олимпа» наконец пришли к заключению, что дисциплина, даже «сознательная», не подходит для паркетной чистоты их принципов, а нужна «самодисциплина». Точно так же не нужна и опасна какая бы то ни была организация детей, а нужна «самоорганизация».

На самой верхушке «Олимпа» сидел такой Шульгин. Ему удалось воспользоваться недосмотром наборщиков и выпустить книжку под названием «Основы социального воспитания». Эта книжка на протяжении ряда лет для таких работников, как я, сделалась чем-то, напоминающим дыбу графа Толстого в застенках так называемой тайной канцелярии Петра Великого и его приемников.

Опираясь на неё, провинциальные небожители действительно жилы выматывали из всякого человека, заподозренного в том, что он практический работник. Насколько неудобно было для нас мучиться на этой штуке, может показать любая страница этого изуверского приспособления.

В главе о самоуправлении Шульгин достигал вершин кровожадности, и никакой Дмитрий Толстой не может сравниться с ним в утончённых приёмах пытки. Шульгин не признавал детского самоуправления, если в его организации участвовали воспитатели, и такое самоуправление называл шкрабьим. Для того чтобы самоуправление было настоящим по принципу «самоорганизации» и «самодисциплины», он требовал, чтобы оно обязательно проходило стадию подполья.

Привязанный к дыбе, с вывернутыми руками, я понимал Шульгина только до приведённого места. Что было дальше, то я не могу более полно изложить всю эту теорию. Вероятно, для детской колонии нужно было подбирать персонал, состоящий из мерзавцев, чтобы действительно «подполье» возникало…

«Нельзя хулигана удалить из класса, а нужно бороться с условиями, создающими хулиганство». Замученный до потери сознания, я уже не хотел даже спорить и сопротивляться и соглашался бороться с условиями, создающими хулиганство, но в простоте душевной полагал, что одним из таких условий является проповедь Шульгина…[4в]

Человек, поступки которого равняются по самой далекой перспективе, допустим, в стремлении накопить денег и приобрести имение, есть человек сильный, и он будет тем сильнее, чем больше препятствий преодолевает, то есть чем дальше становятся его перспективы.

И красота человека заключается в его отношении к перспективе. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, тем он невзрачнее, обыкновеннее, иногда тем он гаже. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для него перспективами личными, тем человек красивее и выше.

Имея на своей педагогической заботе только беспризорных, я тем не менее обязан всегда стоять в плоскости только что приведенных теорем. Организация перспективы и претворения перспектив с личных форм на формы общественные является главной моей работой.

Но всякая радостная перспектива, если она уже организована, неизменно повышает тон всей жизни, и прежде всего повышает способность человека к работе. В этом вопросе не всегда наблюдается применение строго эгоистической логики. Здесь дело решается не столько логикой, сколько повышением какого-то общего модуса жизни. Зарплата не потому только повышает производительность труда, что человек хочет как можно больше заработать, но главным образом потому, что представление о будущем заработке и связанных с ним перспективах неизменно повышает общее ощущение личности, ее энергию, улучшает ее отношение к миру.

Это еще более заметно в области перспективы коллективной. Завтрашняя радость коллектива не может никаким образом логически связаться с сегодняшней работой отдельной личности. Она связывается с нею только эмоционально, и эти эмоции часто гораздо плодотворнее какой угодно меркантильной логики.

Правильно воспитывать коллектив — это значит окружить его сложнейшей цепью перспективных представлений, ежедневно возбуждать в коллективе образ завтрашнего дня, образы радостные, поднимающие человека и заражающие радостью его сегодняшний день[5].

Со своей стороны, у нас было столько внутреннего своего дела, что нам и в голову не приходило заняться делами Подворок, хотя много было обстоятельств, которые предсказывали, что в самом ближайшем будущем нам придется заняться вплотную кое-какими сельскими вопросами. Ребята очень хорошо помнили приключение Жорки Волкова на переезде, вероятно, это событие и на селе в некоторых кругах будоражило совесть. Не забыли мы также и Каинов, в свое время собиравших дань с социального воспитания. До «первого снопа» совет командиров категорически запретил колонистам бывать на селе, и на подходящем пункте день и ночь дежурил наш пост, наблюдающий за исполнением этого приказа[6].

Особенно дружелюбно и знакомо окружили шефскую комиссию. Шефская комиссия давно уже приезжает в колонию и чуть не ежедневно. Это очень дружная компания, хотя она представляет целых шесть предприятий. Здесь Надежда Андреевна Белецкая — председатель комиссии, молодая, красивая женщина, румяная, разговорчивая, полюбившая колонистов, как сорок тысяч братьев любить не могут, здесь и товарищ Яковлев, с холеной шевелюрой над рабочим лицом, — от харьковской электростанции, и товарищ Перетц, старичок с табачной фабрики, человек убежденный, что колония имени Горького стоит его стариковской работы. И в шефском комитете неисповедимыми путями провидения оказалась и Галя Подгорная — черниговка с черными глазами, которые и сейчас не дают покоя черным глазам Карабанова. Черниговка связала колонию родственными узами с шефами, и поэтому в этом отделе гостей все были не только приветливы, но и остроумны, и просты[7].

Будущее у нас получилось сложное. Близость большого промышленного города вызывала у нас аппетиты к станкам, к производственному воздуху. Уже трудно было себе представить колонию имени Горького в виде хлеборобской коммуны, да еще на 100 десятинах. Энергия и находчивость Шере и здесь, правда, очень быстро привела к добротному и выгодному хозяйству. К осени мы закончили постройку великолепной свинарни. Все в ней устроено было разумно. Она была очень велика и упорядочена. Разные нечистоты и вода после уборки в этой свинарне уносились в особые подземные каналы и собирались в отдельном резервуаре в огороде, откуда и развозились в специальных сосудах в поле. Поэтому в свинарне даже запаха сколько-нибудь предосудительного не наблюдалось. Все свое хозяйство Шере построил исходя из интересов свинарни. В близком от нас пивном заводе он очень дешево покупал разные полезные остатки. Мы продавали только племенных поросят, это был почти единственный продукт нашего труда. Шере настоял, чтобы даже продукты для питания ребят мы покупали в городе, а поля предоставил исключительно для кормовых культур. Все это было очень разумно, и у Шере всегда водились деньги, которые я принципиально не хотел у него отнимать — пусть себе разживается. Скоро у Шере появились новые машины, новые приспособления, он уже затевал расширение свинарни, прирезку земли, собственную систему орошения[8].

Мы давно привыкли к жизни педагогов и были поэтому терпеливы. Мы находили силы в глубокой уверенности, что строгие глаза вклеены в самые обыкновенные головы российских интеллектуалов. Это вымирающее племя все равно не имеет будущего. Собственно говоря, оно уже изгнано из всех областей жизни, может быть, его оставили для музея или для заповедной рощи и, чтобы оно не погибло с голоду, позволили ему кормиться самой дешевой пищей — педагогами. Но ведь и педагоги когда-нибудь понадобятся. Тогда вымирающее племя интеллиген-

тов, потомство Онегиных, Карамазовых и Идиотов будет переведено на еще более дешевый корм и, может быть, незаметно... исчезнет.

Так мы верили. Только благодаря нашей вере мы легко перепрыгивали через заговоренные круги, через многочисленные табу и еще более многочисленные речи и подвигались вперед.

Но наша жизнь была тяжела. Колония богатела, в ней рос коллектив, росли стремления, росли возможности и, самое главное, росло знание наше и наше техническое [педагогическое] умение. Но мы были запакованы в узкие железные рамки [бюрократических правил] и над нами всегда стоял Некто в сером, замахивался на нас палкой и вопил, что мы совершаем государственное преступление, если на полсантиметра высунем нос за пределы рамки.

Над нами стоял чиновник из финотдела, существо еще более древней формации, бесславно протащившее свою историю через века и поколения, тот самый «ярыга», который основательно засел в российские печенки еще при московских государях. Это был настоящий организатор и вдохновитель соцвосовской практики, истинный хозяин всех наших идеалов, принципов и идей. Выдавая в год десятки миллионов, он зорко следил, чтобы они были именно истрачены, проедены, прожиты в той норме бедности, которую он считал наиболее подходящей. Это был сущий сказочный Кащей – сухой, худой, злобный и, кроме того, принципиально бессмертный. Кащей Бессмертный выдавал нам деньги полумесячными долями, и его жёлтые глаза торчали над каждым нашим карманом:

- Как же это? – скрипел он. – Как же вы допускаете такое своеволие: Вам было выдано 115 рублей на обмундирование, а вы приобрели на них какие-то доски! На обмундирование вам было выдано! На доски вам ничего не полагается.

- Товарищ Кащей! С обмундированием мы можем подождать, а доски – это материал, мы из него сделаем вещи, продадим и будем иметь прибыль, потому что в доски мы вложили труд, и труд будет оплачен.

- Не говорите это, не говорите. Какие там доски и какие там прибыли? Вам выдано на обмундирование.

- Но лучше же будет, если эти 115 рублей мы обернём в нашем производстве. Мы обратили их в 300 рублей и 300 рублей истратим на обмундирование.

- Вы не можете истратить больше, чем вас разрешено. Вам разрешено 27 рублей в год на человека. Если вы получите прибыль, мы сократим вашу смету.

Великий мыслитель и великий ученый Чарльз Дарвин. Но он был бы еще более великим, если бы наблюдал нас, заведующих колониями. Он бы увидел совершенно исключительные формы приспособления, мимикрии, защитной окраски, поедения слабейших, естественного отбора и прочих явлений биологии. Он бы увидел, с какой гениальной приспособляемостью мы все-таки покупали доски и делали кое-что, как быстро и биологически совершенно мы все-таки обращали 115 рублей в 300 и приобретали поэтому не бумажные костюмы, а суконные, а потом, дождавшись очередной сутолоки у Кащея Бессмертного, представляли ему каллиграфически выписанный отчет.

Окрасившись в зеленый цвет, цвет юности, надежды и соцвоса, мы прятались на общем фоне наркомпросовской зелени и, затаив дыхание, слушали кащеевские громы, угрозы начетами и уголовщиной. Мы даже видели, как, распростершись на сухих крючковатых крыльях, Кащей Бессмертный ширял над нами и клевал наших коллег, защитная окраска которых была хуже сделана, чем у нас.

Заведующий колонией вообще существо недолговечное. Где-то у Дарвина, а может быть, у Тимирязева, а может, еще у кого подсчитано, какое большое потомство у мухи или у одуванчика и какой грандиозный процент его погибает в борьбе

за существование. К мухам и одуванчикам нужно приписать нас, заведующих детскими колониями. Одни из нас погибали от непосредственной бедности, замученные бурьяном забот и обследований, их десятками проглатывали кооперативные, торговые и иные организации, других в самые первые моменты после рождения поедала мамаша, родившая их, — есть такие мамаши, и такой мамашей часто бывал Наркомпрос, третьих клевал Кащей Бессмертный, четвертых клевали иные птицы: народный суд, милиция.

Очень немнотие выживали и продолжали ползать на соцвосовских листьях, но и из них большинство предпочитало своевременно окуклиться и выйти из кокона нарядной бабочкой в образе инспектора наробраза или инструктора. А таких, как я, были сущие единицы, и во всем Союзе, может быть, я второй-третий человек, восемь лет просидевший на беспризорной капусте. Почему я оказался более приспособленным, не знаю, но тем не менее до поры до времени мы жили.

В колонии скоро завелось настоящее производство. Разными правдами и неправдами мы организовали деревообделочную мастерскую, с хорошими станками: строгальным, фуговальным, пилами, сами изобрели и сделали шипорезный станок. Мы заключали договоры, получали авансы и дошли до такого нахальства, что открыли даже в банке [свой] кредитный счёт.

Колонисты с большой охотой пошли на производственную работу, они не испугались машин, не испугались разделения труда. Нам запрещалась зарплата, но и в этом вопросе мы обходили камни идеализма и тоже приспособились: вместо зарплаты ввели разные формы вещевого и бытового поощрения, и, когда к нам приставали с вопросом, почему «не всем одинаково», мы поднимали глаза к небу и отвечали благочестиво:

- Мы бедны, мы не в состоянии всем сразу. Мы по очереди: с начала этим, а потом тем…

- А может быть, у вас опять конкуренция? А?

Мы божились, крестились, плевались и кое-как отодвигали от себя хотя бы пятьдесят процентов грязных подозрений.

Делали мы дадановские ульи. Эта штука оказалась довольно сложной, требующей большой точности, но скоро мы насобачились на этом деле и стали их выпускать сотнями. Делали мебель, зарядные ящики и ещё кое-что. Потом мы открыли и металлообрабатывающую мастерскую, но в этой отрасли не успели добиться успехов, нас настигла катастрофа.

В колонии завелись деньги в таком количестве, что мы получили возможность не окрашиваться в зелёный, защитный цвет и прятаться в листве. Мы пошли по другой биологической линии: сделались пухлой, яркой гусеницей, по всем признакам, настолько ядовитой и вредной, что, увидев нас, сам Кащей Бессмертный остановился бы поражённый, чихнул, взъерошился и, отлетев в сторону, подумал бы:

- Стоит ли трогать эту гадость? Проглотишь, сам рад не будешь. Лучше я клюну вот эту Богодуховскую колонию[9].

Только благодаря им и сложившемуся вокруг них общественному мнению для нашей работы хватало кислорода, и до некоторого времени и мы имели возможность терпеливо выдерживать гипнотизирующие ненавидящие взгляды, направленные на нас с высот педагогического Олимпа.

Колония в это время неустанно крепила коллектив, находила для него новые, более усовершенствованные формы, применяясь к всевозрастающей силе и влиянию комсомола, постепенно уменьшала авторитарное значение заведующего.

Уже наш комсомол, достигший к этому времени полутораста членов, начинал играть заметную роль не только в колонии, но и в городских комсомольских организациях. Рядом с этим и благодаря этому пошла вглубь культурная работа колонии. Школа уже доходила до шестого класса. Отбиваясь от безумного бездельного комплекса, мы всё-таки не называли нашу школу никакими официальными названиями, а шла она у нас под флагом подготовительных к рабфаку групп. Это позволяло нам в школе сильно нажимать на грамотность. Разумеется, это лишало наших учеников всякой возможности вкусить сладость с высот «развитого ассоциативного мышления», но зато синица в руки нам всегда попадалась прекрасная: экзамены на рабфак наши ребята всегда выдерживали с честью[10].

Кащей Бессмертный только шипел из своего логова, когда мы отвалили четыре тысячи рублей на это дело. Товарищ Зоя потеряла последние сомнения в том, что я бывший полковник, более солидные небожители еще раз воздели руки по поводу такого соцвосохульства, но зато совет командиров был доволен. Первого мая мы вошли в Харьков с собственной музыкой, о, сколько в этот день было ярких переживаний, слез умиления и удивленных восторгов у харьковских интеллигентов, старушек, газетных работников и уличных мальчишек!

И вот что удивительно: принципиально все оркестр отвергали, но, когда он заиграл, всем захотелось получить его на торжественный вечер, на похороны, на встречи, на проводы и даже на праздничные марши. И если раньше мне грозили боги и скорпионы за то, что я заводил оркестр, теперь они начали грозить мне за то, что я отказывался дать оркестр в город. И больше по телефону.

- Алло! Говорят из секции горсовета. Срочно пришлите оркестр. Сегодня в пять часов похороны нашего сотрудника!

- Я не пришлю!

- Как?

- Не пришлю, - говорю.

- Это говорят из секции горсовета.

- Всё равно не пришлю.

- По какому праву?

- Не хочется.

- Как вы так говорите? Как вы можете так говорить?

- Давно научились…

- Мы будем жаловаться.

- Жалуйтесь!

- Вы будете отвечать!

- Есть, отвечать!

- Хорошо, товарищ!

- Ничего хорошего!

И жаловались, обвиняли в общественном индифферентизме, в зловредном воспитании юношества. Нужно, впрочем, сказать, что на жалобы эти никто не обращал внимания и вполне соглашались с моими доводами: нельзя же ни за что ни про что гонять ребят в город, заставлять их пять километров носить тяжелые трубы, дуть, ходить, отрываться от работы, от книги от школы[11].

До нас доходили рассказы о Болшевской коммуне, кое-что мы и читали о ней и о Погребинском. Нашлись пацаны, бывшие в Болшеве. Они говорили:

- Не колония, а коммуна! Не так, как в наробразе, а сами хозяева, как у нас, честное слово![12]

Наша жизнь катилась дальше, и в стуке ее колес я снова не различал ничего тревожного. Только в сельских наших делах иногда что-то цеплялось и царапало, требовало осторожности и регулярного досмотра. Село было плохое, и селяне были особые. Земли у них почти не было, и землей занимались немногие. Командовали и задавали тон бородачи, которые сами ничего не делали, возились с церковью и писали на нас разные жалобы. У них было множество братьев и сыновей, промышляющих в городе извозом, спекуляцией и другими делами, по нашим сведениям, более темного колера. Именно эта группа и хулиганила на селе, по праздникам напивалась, ссорилась между собою, и в нашу больничку часто приводили грязных, истерзанных дракой людей с ножевыми ранами.

Ко мне приехал инспектор милиции и просил помощи. Коваль этими делами специально занялся, но успех приходил медленно. Наши комсомольские патрули, правда, охватили Подворки своими щупальцами, при помощи нашего кино и театра мы привлекли к себе рабочую молодежь, большею частью служившую на железной дороге, появились в Подворках преданные нам друзья и помощники.

Но монастырь недаром просидел на горе триста лет: сельское наше общество слишком глубоко было поражено вековой немощью почти первобытной дикости, церковного тупого ритуала и домашнего домостроевского хамства. Мы начали строить в селе хату-читальню, но и в сельсовет засели церковники, и постройка поэтому проходила мучительно, сопровождаясь хищением строительных материалов и даже денег. Стариковская часть села, выглядывая из-под железных крыш и из-за основательных заборов, недвусмысленно ворчала, а молодежь встречала наши патрули открыто враждебно, затевала столкновения по самым пустяшным поводам, угрожала финками. Мы не доводили дело до прямой борьбы, желая предварительно закрепить за собою значительную часть сторонников и точнее разобраться в сложных селянских отношениях. Но совершенно отказаться от военных действий было невозможно.

Давно кончился день. Только в окне сторожевого отряда ярко горит электрическая лампа. По прохладной земле еле слышно проходит охрана, если там нет Миши Овчаренко. Миша всегда что-нибудь напевает, не обнаруживая, впрочем, в своем пении ни приятного голоса, ни чрезмерного уважения к неприкосновенности песенного мотива. Поэтому многие просят Мишу не петь по ночам, но я люблю, когда Миша поет. Мишино пение обозначает полное благополучие в колонии - поезд почти бесшумно бежит по рельсам, станция еще далеко, можно спать спокойно.

Но и Мишино пение бывает обманчиво. В одну из таких спокойных ночей я сквозь сон начинаю различать огни незнакомой чужой станции. В мои двери бьют изо всех сил, и не слышно никакого мирного пения. Кое-как одеваюсь, выскакиваю. Миша и Галатенко стоят на крыльце, но их привычные фигуры нарисованы не на знакомом фоне колонистской ночи, а черт его знает на чем: ночь наполнена отчаянным воплем, я даже не разбираю сразу, откуда идут эти ужасные крики.

- Что это такое?— спрашиваю я.

- Вы понимаете?— говорит Миша.

Мы подходим к обрыву горы. Вопль стоит такой многоголосый, такой всепокрывающий, что у меня не возникает никаких сомнений: на село напала банда, здесь почти под нашими ногами происходит поголовная резня. Я начинаю различать стоны умирающих, последние взвизги жертв, когда нож уже полоснул по горлу, панический, бесполезный вой беглецов, на которых уже напали, над которыми уже занесен меч или кривая татарская сабля.

- Давай тревогу,— кричу я Мише и сам бегом спешу за револьвером. Через полминуты я снова над обрывом, вопли еще шире, еще отчаяннее. Я подаю в дуло патрон и почти теряюсь: что делать? Но из спален глухо доносится сигнал, и сейчас же вырывается на двор, оглушая меня, нестерпимая песня тревоги. Я спускаюсь по лестнице, и меня немедленно обгоняют низвергающиеся вниз, как лавина, колонисты. Что они там будут делать с голыми руками? Но я не успел дойти до пруда, как крики мгновенно прекратились. Значит, колонисты что- то сделали. Мы с Галатенко побежали вокруг пруда.

На огромном дворе Ефима Хорунженко собралась вся колония. Таранец берет меня за руку и подводит к центральному пункту события. Между крыльцом и стеной хаты забилось в угол и рычит, и хрипит, и стонет живое существо. Таранец зажигает спичку, и я вижу свернувшуюся в грязный комок, испачканную кровью, взлохмаченную голую женщину. С крыльца прыгает Горьковский и подает женщине какую-то одежду. Она неожиданно вытянувшейся рукой вырывает у Витьки эту вещь и, продолжая рычать и стонать, натаскивает ее на себя.

- Да кто это кричал?

Таранец показывает на плетень вокруг двора. Он весь унизан белыми пятнами бабских лиц.

С другой стороны крыльца колонисты насилу удерживают, повиснув на руках, широкоплечую размазанную в темноте фигуру. Фигура источает уже охрипшие матерные проклятия и густые волны перегара.

- Пустите! Пустите! Какое ваше дело сюда мешаться? Все равно убью...

Это член церковного совета Ефим Хорунженко. Когда я подхожу к нему, он на меня выливает целое ведро отборной матерщины, плюется и рычит.

- Колонии позаводили! Народ грабите, байстрюков годуете! Иди с моего двора, сволочь, жидовская морда! Эй, люди! Спасите, гоните их, сукиных сынов!

Хлопцы хохочут и спрашивают:

- Эй, дядя, может, купаться хочешь? Пруд близко, смотри поплаваешь.

Хорунженко вдруг затихает и перестает вырываться из рук.

Я приказываю ребятам отвести его в колонию. Хорунженко вдруг начинает просить:

- Товарищ начальник, простите, бывает же в семействе...

Ночь продержали Хорунженко в клубе, а наутро отправили в милицию. Я упросил прокурора судить его показательным судом, и это обстоятельство прибавило для меня новые заботы. Дня не стало, чтобы в колонию не приходили бабы с жалобами на мужей, свекрух, свекров. Я не уклонялся от нагрузки, тем более что в моем распоряжении имелось замечательное средство - совет командиров.

Обвиняемые в дерзком обращении с женами, люди с запутанными бородами и дикими лохмами на голове послушно являлись в назначенный час, выходили покорно на середину и оправдывались, отказываясь от труда удовлетворительно объяснить, почему они обязаны отвечать на вопрос какого-нибудь командира восемнадцатого Вани Зайченко

- А за что это вы побили вашего Федьку?

- Когда я его побил?

- Когда? А в субботу? Скажете — нет? Да?[13]

Сразу за первым снегом события пошли небывало ускоренными темпами, каких ещё не бывало в моей жизни. Было похоже, как будто мы понеслись не по рельсам, а по корявой булыжной дороге. Нас подбрасывало, швыряло в стороны, мы еле-еле держались за какие-то ручки. В то же время никогда не было в колонии

такой простой дисциплины, такого прямодушного доверия. Именно в это время я получил возможность испытать закаленность коллектива горьковцев, которую он сохранил до последнего момента. Мы неслись вперед, потеряв точные покойные рельсы. Впереди нас мелькали то особенно радужные дали, то тревожно-серые клубы туманов. Двадцать отрядов горьковцев сурово вглядывались в них, но почти механически выслушивали будничные простые слова решений и спокойно бросались туда, куда нужно, не оглядываясь и не следуя за соседом[14].

Горович начал что-то доказывать ей, я не хотел даже слушать, но поневоле в сознании пробивались отдельные слова, утверждения, логические цепочки.

Ну конечно, у этих людей гипертрофия силлогизма. Первое средство хорошее, второе средство плохое, следовательно, нужно употреблять первое средство. А почему оно называется хорошим? Где-нибудь оно проверено? Где-нибудь исчислены его результаты? Нет. Только потому оно хорошее, что в его словесном определении есть два-три хороших слова: человек, труд, коммунизм.

Представлять себе воспитательную работу как простую цепь логических категорий просто неграмотно. Сказать, что это средство хорошо, а это плохо,— просто безобразие.

Необходимо, чтобы кто-нибудь вошел в мое положение. Ведь никакой такой простой и короткой логики в моей работе нет. Моя работа состоит из непрерывного ряда многочисленных операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на год, иногда проводимых в течение двух-трех дней, иногда имеющих характер молниеносного действия, иногда проходящих, так сказать, инкубационный период.

Всякая такая операция представляет очень сложную картину, так как она должна иметь в виду и воспитательное влияние на целый коллектив, и влияние на данную личность, и влияние на окружающую среду, и сбережение материальных ценностей, наконец, она должна ставить и меня, и воспитательский коллектив в наиболее выгодное положение.

Идеально проведенной операцией будет такая, при которой все указанные цели достигаются. Но как раз в большинстве случаев задача принимает характер коллизии, когда нужно бывает решить, какими интересами и в какой степени можно пожертвовать и полезно пожертвовать. Для того чтобы такая коллизия благополучно разрешилась или даже приняла характер гармонии, нужно бывает пережить огромное напряжение. В таком случае задача требует от меня сверхъестественной изворотливости и мудрости, широкого точного маневра, а иногда сложной игры, настоящей сценической игры.

Чего добилась Брегель своей блестящей речью? Представил себе, что суд уступит ей и учредит помощь и покровительство Ужикову. Колонисты остаются в положении виноватых. Коллектив переживет неясную напряженность действия, опыт общественного бессилия, а Ужиков останется в колонии на прежней позиции стояния против всех, да еще усложненной тем обстоятельством, что теперь на целые годы в нем будут видеть точку приложения брегелевского тормоза[15].

В это время колонисты доканчивали борьбу на последнем фронте, в Подворках. На рождественских святках Ховрах был пьян, ночевал на селе, что-то продавал. В совете командиров Ховраху сделали «капитальный ремонт», и он снова пошел в работу, но за село комсомольцы принялись основательно. Заручившись разрешением милиции и ее искренним сочувствием, бригада Жорки Волкова в несколько ночей разгромила питейные притоны, коморы каинов и хулиганские шайки

церковных сьнков. Надеясь, что мы не пойдём на большой скандал, селянские герои вытащили из-за голенищ финки, но мы на скандал пошли. Коротков, принимавший самое активное участие в этой борьбе, однажды вечером, возвращаясь с Рыжова, подвергся нападению целой толпы, был ранен ножевым ударом и еле-еле убежал в колонию. Ночью вызвав на помощь наряд милиции, арестовали главных деятелей подворской контрреволюции, и больше они в село не возвращались. В Наркомпросе мне сказали:

- Вы там... ссориться с крестьянами, куда это годится.

Я ничего не сказал, а когда вышел на улицу, плюнул[16]…

Их коллектив [коммуны им. Ф.Э. Дзержинского] имел всегда такой высококультурный вид, что для многих голов, обладающих мозговым аппаратом облегчённого образца, это обстоятельство послужило даже для сентенций, развенчивающих всю работу коммуны.

- Ещё бы, набрали хороших детей, одели и показывают. Вы возьмите настоящих беспризорных!

До того всё перевернулось в этих головах, что пьянство, воровство и дебош в детском учреждении они уже стали считать признаками успеха воспитательной работы и заслугой её руководителей. Более печального фона и более грустного положения для моего самочувствия я никогда в жизни не встречал.

То, что являлось прямым результатом разума, практичности, простой любви к детям, наконец, результатом многих усилий и моего собственного каторжного труда, то, что должно было ошеломляюще убедительным образом вытекать из правильности организации и доказывать эту правильность, - всё это объявлялось просто несуществующим. Правильно организованный детский коллектив, очевидно, представлялся таким невозможным чудом, что в него просто не верили, даже когда наблюдали его в живой действительности.

Я истратил очень немного времени, чтобы разводить руками и удивляться. Коротко я отметил в своём сознании, что по всем признакам у меня нет никакой надежды убедить олимпийцев в моей правоте. Теперь уже было ясно, что чем более блестящи будут успехи колонии и коммуны, тем ярче будет вражда и ненависть ко мне и к моему делу. Во всяком случае, я понял, что моя ставка на аргументацию опытом была бита: опыт объявлялся не только не существующим, но и невозможным в реальной действительности[17].

Уже не знают коммунары, что это значит «сучить дратву». Токари, револьверщики, лекальщики до 7-го разряда, мастера, начальники цехов, знающие образованные люди, они не имеют ни времени, ни свободной души, чтобы вспоминать о дратве, разве из-под какой-нибудь захолустной подворотни отсыревший старосветский потомок олимпийцев вякнет спросонок:

- Э…э…как же это? ФЭД! Почему ФЭД! А как же политехнизация?

Он даже начинает шуршать какими-то брошюрами, которые сам написал и в которых доказывает, что политехническая школа – это значит полное невежество во всех областях техники. Но никто на него уже не обращает внимания, ибо на него жаль истратить даже баночку далматского порошка[18].

А.С. Макаренко. Пед. Соч. в 8 т., т. 3, с. 464-466, 468-469, 471-477. Все многочисленные фрагменты такого рода см.: А.С. Макаренко. Педагогическая поэма / Сост. С.С. Невская. – М., 2003 (выделены курсивом). Из этого издания во «Фрагменты» внесены некоторые дополнения.

[1] Фрагмент главы «Бытие», с. 319 указанного выше тома, после слов: «...висели на рамках и наличниках». До слов: «...Заинтересую их, и хорошо...»

Прототип Ложкина – *Збировский*, один из тех воспитателей-учителей колонии в Куряже, которые были оставлены работать в колонии им. М. Горького. См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 342.

***«Обусловленное поведение»* - педолого-педагогическая идея, ограничивает воспитание «созданием условий» для развития личности. Превращение условий в факторы целенаправленного воспитания не предусматривается. Достаточным считается влияние благоприятной среды, приспособление к ней в процессе социализации.**

***Соколянский И.А.* – педагог-дефектолог, специалист по педагогической компенсации врождённой слепоглухоты. В 1923–1924 гг. – член президиума Гос. научно-методологического комитета НКП УССР, тогда активно поддерживал А.С. Макаренко. В «Типах и прототипах» - М.М. Воробьёв (см. там же, с. 337–338).**

---

[2] Расширенный фрагмент главы «Триста семьдесят третий бис», с. 361, после слов: «А я всё думаю и думаю и не могу песни с ними петь». До слов: «Взбираясь в вагон...»

Этот эпизод относится к моменту, когда колония им. М. Горького (со всем своим хозяйством, образующим железнодорожный состав, 45 вагонов) пошла в «наступление на Куряж».

Так в «Педагогической поэме» звучала тема счастья, общего морально-психологического, эмоционального состояния человека, его удовлетворённости жизнью и её полноты. Это счастье созидания и творчества, борьбы, человеческого единения. См.: статья «Счастье» и заметка о нём: т.7, с. 93-96 и 101. («новые законы человеческой радости»).

«Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно» - яркий пример специфики процессов обучения и воспитания, принципиальной разницы в их целях, средствах и результатах (там же, т. 4, с. 291).

---

[3] Фрагмент главы «Преображение», с. 385, после слов: «...позабыв об обеде». До слов: «Таранец показался в дверях».

Раскрываются социальные основы творческой педагогики А.С. Макаренко – в сравнении с бюрократической системой образования в прошлом.

Вера Березовская – см. главы «Гвозди» и «Жизнь покатилась дальше».

«Пластрон» - туго накрахмаленная грудь мужской сорочки, деталь форменной одежды чиновника и фрака, смокинга.

[4a] Фрагмент главы «У подошвы Олимпа», в её самом начале, после слов: «...говорить словами восторга». До слов: «Если к работе подходить трезво...»

А.С. Макаренко критикует подмену педагогической теории умозрительным теоретизированием, обнажает шаблонность педагогического мышления, его стереотипы. Выделяется главный недостаток в методологии педагогики – неспособность к исследованию реальных социально-педагогических явлений.

Павлов И.П. **– учёный-физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности. А.С. Макаренко считает недопустимым объяснение педагогической деятельности теорией рефлексов, она обходит проблему человеческого сознания.**

[4б] Фрагмент главы «Помогите мальчику», в её начале, после слов: «...считалась ересью». До слов: « на небесах ребёнок рассматривался...». В макаренковском творчестве исключается отождествление педагогики, политики и этики, они мыслятся в их «параллельном действии».

Троцкий Л.Д. **– (1879–1940) – политический и государственный деятель. В 1919–1926 гг. член Политбюро ЦК РКП (б). 1924 г.: возбудил «троцкизм». В 1927 г. исключён из партии, выслан в Алма-Ату; в 1929 г. за границу.**

Петлюра С.В. **(1879–1926) – один из лидеров украинского националистического движения и Украинской социал-демократической рабочей партии; с февр. 1919 г. глава Центральной рады, Директории; с 1920 г. в эмиграции.**

Ефремов С.А. **– (1876–1939) – политик, публицист, вице-президент Академии наук УССР, главный обвиняемый по делу «Союза освобождения Украины» (СВУ, включал «Союз украинской молодёжи», СУМ; судебный процесс проходил в марте – апреле 1930 г.).**

Вякать (простореч.) – говорить попусту, вздор.

[4в] Фрагмент главы «помогите мальчику», в её начале, после слов: «...а необходима «самоорганизация»». До слов: «Следовательно, затруднения не в вопросе...»

Фрагмент примечателен критикой создания лишь «условий» для воспитания, а точнее – для «самовоспитания» и ограниченного «развития» личности, что характерно для педолого–педагогической концепции и её варианта – «личностно–ориентированной педагогики». Их концептуальная основа – обособление мира детства, ограничение его социальности, нарушение связи молодого и старшего поколений, устранение процесса воспитания, его целенаправленности.

Макаренковский анализ указанной книги В.Н. Шульгина см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 293-299. Там же – критика аналогических взглядов С.Т. Шацкого. В этом же плане – см. критику педагогической практики В.Н. Сороки-Росинского, по книге Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД»: А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 33-36.

«Шкрабье» **самоуправление: от слова «шкрабы», школьные работники (пренебрежительно).**

---

[5] Фрагмент главы «У подошвы Олимпа», в её конце, после слов: «...есть человек самый слабый». До слов: «Воспитать человека...»

Показана роль перспективы в повышении «общего тонуса жизни» и энергии, способностей личности, воспитания потребностей. Сегодняшняя и завтрашняя радость, коллективное и личное связываются эмоционально; это выходит за пределы логической связи, «меркантильной логики».

---

[6] Фрагмент главы «Первый сноп», начальные страницы, после слов: «...дисциплина жителями одобряется». До слов: «По субботам и воскресеньям...»

Говорится об осторожном отношении к окружающей социальной среде, с её негативными проявлениями; влияние на неё – лишь после того, как педагогическое учреждение обрело необходимую моральную и организаторскую силу.

Подворки – соседний с колонией посёлок, ранее тесно связанный с жизнью монастыря.

Каины (жарг.) – скупщики краденного.

---

[7] Фрагмент главы «Первый сноп», последние страницы, после слов: «на что-то указывают, куда-то увлекают». До слов: «В двенадцать часов...»

Отмечена важная роль шефства в социально-педагогической деятельности А.С. Макаренко. Прототип Перетца, Левинсона – *Клямер* **(см. там же, Часть 1, с. 345).**

---

[8] Фрагмент главы «Первый сноп», где говорится о деятельности агронома Шере – *Фере Н.Э.*

Будучи в Куряже, колония им. М. Горького не только стремилась развить животноводство, но и (см. ниже) развернула производство на основе механизированной деревообделочной мастерской. Её опыт, затем перенесённый в коммуну им. Ф.Э. Дзержинского, создал основу для хозяйственной самостоятельности этой коммуны и перехода её к заводскому производству.

---

[9] Текст в начале главы «Жизнь покатилась дальше», после абзаца, начинающегося словами: «Как и раньше, на нас смотрели строгие глаза...». До слов: «Так проходили месяцы».

Считая хозяйственно-трудовую деятельность и коллективное управление ею первоосновой нового воспитания, А.С. Макаренко закономерно пришёл в столкновение с порядком финансирования, принятом в системе планового хозяйства (расходование выделяемых средств жестко «по статьям сметы» и др.).

О необходимости создания «юридической базы для экономической активной воспитывающей жизни» в педагогическом учреждении он писал уже летом 1924 г. (там же, Часть 1, с. 114-115). Необходим «простор для инициативы и оригинального развития хозяйства» - этот его тезис выходит на педагогику общества в целом, отвергая заложенную в сфере бюджетного финансирования тенденцию потребительства. См. ещё там же, с. 186, 198, 204 (1926 г.), 227-230 (1927 г.), 239-241 (1928 г.).

Фрагмент показывает: А.С. Макаренко – решительный противник уравниловки в коллективе и обществе. Он считает совершенно необходимым использование материального интереса в процессе воспитания. Дифференциация – фундаментальный признак полноценного, организованного коллектива, «этим он отличается от толпы».

Упоминание об «*Онегиных, Карамазовых и Идиотах***» может служить объяснением нередко выражаемой А.С. Макаренко нелюбви к интеллигенции, «особенно русской». Он имеет в виду преимущественно выходцев из дворян, критикует ущербный «интеллектуа-**

лизм», отрыв умственной деятельности от жизненной практики, её трудовых основ.

---

[10] Фрагмент главы «Жизнь покатилась дальше», первые страницы, после слов: «...в печати, в рабочей среде». До слов: «Появился в колонии и Василий Николаевич Перский...»

«Бездеятельный комплекс»: говорится о комплексной системе обучения в «единой трудовой школе» СССР 1923–1931 гг. В этой системе труд используется в основном как приложение к учебному процессу, средство развития «ассоциативного мышления». Отсутствует производственно-хозяйственная форма организации труда, проблема «параллельности» производственного и педагогического процессов.

---

[11] Фрагмент главы «Жизнь покатилась дальше», первые страницы, после слов: «...завела эту прекрасную вещь». До слов: «Вторым достижением было кино».

Музыка в повседневном быту коллектива и личности - неотъемлемая часть педагогики А.С. Макаренко. До приобретения колонией духового оркестра музыкальный «фон» её жизнедеятельности создавали 4 трубача и 8 барабанщиков, они подавали 19 разных сигналов (по распорядку дня). Был свой марш – «Весёлый горьковец»; его ноты и ноты других маршей см.: Архив А.М. Горького ИМЛ (КГ–П–48 и др.). Ноты марша «Дзержинец» и трубных сигналов см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 335-336).

Ниже, после четырёх абзацев текста следует обширный материал, который обычно публиковался под названием «*О «взрыве»*» (Пед. Соч. в 8 т., т. 3, с. 457-459). В издании «А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3», он введён в главу «Осадчий», (с. 190–192). Эта глава первоначально называлась «Взрывы»; указанный материал в журнальном издании «Поэмы» был сокращён.

Введение данного текста в Часть 3 показывает, какое большое значение ему придавал А.С. Макаренко. Здесь им поднята и раскрыта относящаяся к методологии педагогики проблема: соотношения эволюции, постепенности и «скачка», «взрыва» в педагогическом процессе, диалектика количественных и качественных изменений, возникновение и разрешение противоречий этого процесса.

Первоначально эта проблема раскрывалась на примере Осадчего, затем на истории с Верой Березовской. В т. 3 8-томника фрагмент должен располагаться, на с. 416, после слов: «...осторожности и такта», до слов: «такой трудной для перевоспитания...».

---

[12] Фрагмент главы «Жизнь покатилась дальше», в её конце, после слов: «Совсем новый!» До слов: «В середине лета...»

О *Болшевской коммуне* и посещении её коммуной им. Ф.Э. Дзержинского летом 1929 г. см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 89-90, 154-155. В отличие от коммуны дзержинцев, Болшевская коммуна была не «детской», ее составляла молодежь 16-20 лет, имеющая судимость.

Погребинский М.М. **– тогда ответственный работник ГПУ – НКВД СССР по созданию открытых молодёжных трудовых коммун из осуждённых с небольшими сроками заключения. Организатор Болшевской, Люберецкой, Дивеевской, Понетаевской, Городецкой и др. ком-**

мун такого типа (более 10 тыс. молодых правонарушителей). Автор изданий: Трудовая коммуна ОГПУ (1928 г.). Фабрика людей (1929 г.). По инициативе А.М. Горького заступался за А.С. Макаренко во время его ухода (увольнения) из колонии (см. там же, с. 125-126).

---

[13] Фрагмент главы «Жизнь покатилась дальше», последние страницы, после слов: «...обратно женятся!» До слов: «В нашем поезде прибавилось жизни...»

Текст хорошо показывает социальную педагогику А.С. Макаренко в активном взаимодействии педагогического учреждения с окружающей его социальной средой. По просьбе милиции о помощи в борьбе с хулиганством на селе старшие колонисты-горьковцы образуют комсомольские «патрули» («бригаду» - см. ниже), привлекают к их деятельности сельскую молодёжь; возникают судебные разбирательства. Совет командиров колонии обсуждает вопросы жизни сельских детей, молодёжи. О «детской милиции г. Харькова» см. там же, Часть 3, с. 360-361.

Револьвер «Зауэр» не был, видимо, табельным оружием А.С. Макаренко. Ремешок через плечо на его рубашке – деталь кожаной папиросницы, которой пользовались русские офицеры во время войны.

Е. Хорунженко, **Сватко Кирило – см. там же, Часть 1, с. 346.**

«Бастрюков годуете» - «незаконнорожденных кормите» (укр. яз.).

---

[14] Фрагмент главы «Помогите мальчику», её начало. До слов: «Здание коммуны...».

---

[15] Фрагмент главы «Помогите мальчику», середина главы, после слов: « - Хотите чаю?» До слов: «Дежурный пригласил нас в зал». Это расширенный вариант абзаца, данного в т. 3 8-томника на с. 429. Использован текст, написанный А.С. Макаренко в нач. октября 1930 г., см. А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 247, - что показывает особую важность этого материала.

А.С. Макаренко обогатил педагогику понятием «*педагогическая операция***», характеризуя её как центральное звено в «технологии педагогического процесса», «механизации воспитательного дела». Это установка на пооперационную организацию воспитания (по аналогии с медицинской, военной операцией, пооперационной организацией любой деятельности). Реализуется принцип воспитания коллектива и личности» в одном, общем приёме».**

Другие примеры «педагогических операций» и их объяснение см. там же, Часть 3, с. 217-219, и Часть 2, с. 247-248. Практически все отдельные «новеллы» в «Педагогической поэме» - это изображение таких «операций». Их наиболее масштабная форма – «завоевание Куряжа». На принципиальную высоту поднята «операционная» история с Ужиковым (т. 3 8-томника, с. 427-433). В отличие от «*педагогической ситуации***» (принятого в современной педагогике термина) А.С. Макаренко акцентирует внимание на действиях по преодолению «проблемной ситуации».**

---

[16] Фрагмент главы «Помогите мальчику», в её конце, после слов: «...было уже привычно». До слов: «впереди у нас были хорошие дали...».

---

[17] Фрагмент главы «Награды», в её начале, после слов: «…розовые и приветливые». До слов: «но у меня не было времени…».

Мысль А.С. Макаренко: «моя ставка на *аргументацию опытом* **[в педагогике] была бита» - затем оформилась в заключении: «опытом ничего не докажешь, надо писать», - что стало причиной активизации его деятельности как писателя и публициста. «Не опытная логика» - методологическая основа умозрительно-декларативной педагогики, противостоящей А.С. Макаренко.**

Игнорирование масштабного социально-педагогического эксперимента, даже при его несомненных достоинствах, ярко проявилось далее в критике «Флагов на башнях»: это «сказка, рассказанная добрым дядей Макаренко» (А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 205). На что он ответил введением в это произведение специальной главы: «*Не может быть!***» (при её публикации отдельной книгой, см. там же, т. 6, с. 98-102).**

---

[18] Фрагмент «Эпилога», в конце, после слов: «и многое забывается». До слов: «…давно забылся и первобытный героизм…».

А.С. Макаренко критически отзывается о «*политехнизации» школы***, лишённой производственно-технической практики («словесный политехнизм»).**

«сучить дратву»: делать нити при изготовлении обуви сапожником.

«Далматский порошок»: видимо, средство против домашних насекомых.

Последняя фраза «Педагогической поэмы»: «…напишут простую деловую книжку «Методика *советского* воспитания». В каноническом издании: «*коммунистического* воспитания».

Некоторые соображения о школе и наших детях

Я считаю главным недостатком нашей школы вовсе не плохую дисциплину и не плохую успеваемость, а отсутствие определенного тона и стиля [в работе], отсутствие традиций и неясность вопроса о нормах. [Плохая] дисциплина и успеваемость являются только результатом этих недостатков.

Старая школа (царская) была очень выдержанна в отношении стиля. В средней школе учительство было крепко организовано как определенная ветвь чиновничества, связано табелью о рангах, движением по службе, ясным положением в обществе и очень твердой системой представлений об ученике, его обязанностях, его перспективах и, конечно, такой же твердой шкалой норм, касающихся ученика, его успеваемости, поведения и пр. Этой определенности соответствовали многие внешние формы и процедуры, начиная, скажем, от ритуала экзаменов и кончая формой классных журналов.

Этой определенности соответствовала такая же определенность детского общества средней школы. Как бы часто теперь ни отмечались многие недостатки старой школы, ее казенный формализм, ее бездушность, это не исключает в общем того обстоятельства, что детское и юношеское общество средней школы находилось всегда в очень точной сфере различных норм, подчинялось этим нормам и приспособилось к ним, хотя часть и вырабатывала своеобразные формы оппозиции. Партия учителей и партия учеников в средней школе часто противостояли друг другу, но даже это противостояние проходило в определенных традиционных фор-

мах, т. е. в некоторой степени признавалось как некоторая дополнительная форма, нисколько не разрушающая общую систему.

В начальной старой школе, земской и городской, учительство не было чиновным, здесь не было бездушности и формализма, но и в этой школе работа и жизнь были сильно нормированы.

Наконец, в старое время совершенно определенной была позиция ребенка в семье. Власть родителей не вызывала никаких сомнений и простиралась очень далеко «количественно и качественно». Не только замужество дочери, но и жизненный путь сына находились в значительной мере в сфере отцовской власти. Это не вызывало даже особенных протестов младшего поколения, ибо семья как «первичный педагогический коллектив» была почти государственным учреждением, авторитет которого был обеспечен и вековой традицией, и реальными интересами членов семьи.

Дисциплинарное благополучие старой школы и выдержанность ее стиля были тем более возможны, что школа впитывала в себя только верхний слой общества, во всяком случае, настоящие низы там, где не было ни крепкой семьи, ни традиций, ни материальной обеспеченности, в большинстве случаев не имели никакого отношения к школе и не вливали в нее ничего принципиально отличного.

Советская школа... еще не выработала своего стиля, своих традиций, своего тона. В таком же положении находится и семья. Возвращение к старому стилю невозможно, потому что исчезла старая структура общества, исчезли старые традиции, их никто не может возродить, даже если бы хотели. И поэтому, если в порядке некоторой растерянности мы иногда пытаемся восстановить что-нибудь старое (например, экзамены), у нас получается не то. Мы сами собственными руками на другой же день после первого энергичного решения начинаем вносить уничтожающие решение поправки.

Я не представляю себе, чтобы нашу школу можно было наладить при помощи только общих идей или случайных паллиативов. А сейчас как раз мы этим и занимаемся. Общие идеи до сих пор имеют характер расплывчатый и идут неизвестно откуда: это идеи некоторой «демократии», некоторого отрицания «внешних» мер [воздействия], некоторой излишней веры в «развитие ребенка», некоторой «политехнизации» и т. д.

А рядом с этим некоторые паллиативы, настолько неуверенные, что даже они не доводятся до конца. Эти паллиативы у нас принимают характер закона, не поддержанного характером самого школьного общества. Например, был издан закон, что за хулиганство в школе нужно увольнять без права поступления в другую школу[1]. Едва ли этот закон был применён где-нибудь, потому что наша школа просто не способна его применить. В нашей школе нет фундамента для такой репрессии.

Наша школа должна быть построена на фундаменте, отличном от фундамента старой школы. Там фундаментом было чиновное учительство и авторитарная семья. Нашим фундаментом должны быть педагогические коллективы, коллективы учеников и новая семья, которая тоже должна принять форму трудового коллектива. Ни того, ни другого, ни третьего у нас пока что нет, и их нужно создать.

Педагоги. Наши педагоги имеют жалкий вид. В лучшем случае это люди, насобачившиеся в области своего предмета, которые с раннего утра до позднего вечера гоняют из школы в школу, чтобы побольше заработать. В других случаях и в большинстве – это замученные нуждой, бессилием и семейной обстановкой работники, которые кое-как выполняют свою работу в классе, кое-как удерживаются на

своём месте, более или менее удачно обходя опасные склоки и подсиживания, которые ничего не читают, которые кое-как одеты и имеют кое-какую квартиру.

В деревне положение учителей совершенно бесправное. Учитель получает жалование, которое почти равно жалованию городской уборщицы или дворника, но дворник получает одежду, а учитель ничего, кроме 100 – 120 рублей, не получает. Естественно, на эту работу идёт человек, который настолько слаб по своим личным данным, что ни на какую другую работу устроиться уже не может.

Что нужно делать с педагогами? Я бы считал необходимым следующее:

а) В каждой школе должен складываться коллектив педагогов. Для этого необходимо решительное запрещение для учителя работать больше, чем в одной школе. Кроме того, нужны специальные меры, чтобы работа учителя в данной школе была как можно более длительной. Увольнение учителя или перевод его в другую школу должны быть затруднены.

б) В школе не должно быть слишком много учителей, т. е. не должно быть учителей, имеющих два-три урока в неделю. В самих педагогических вузах дело должно быть так поставлено, чтобы из них выходили преподаватели определенных циклов в средней или неполной средней школе. Каждый цикл предметов должен составлять в практике школы совершенно определенную норму нагрузки на одного преподавателя. Эта норма классной нагрузки плюс определенный объем собственно воспитательной работы в ученическом коллективе и должны составить среднюю рабочую долю для каждого учителя. Уклонения от нее в сторону уменьшения или увеличения должны быть очень незначительны и даже не отражаться на жалованье.

в) Жалованье учителя не должно исчисляться почасно. Каждый учитель в зависимости от своего образования и типа школы, в которой он работает, должен получать определенную ставку, удовлетворяющую не только его материальные, но и культурные потребности.

г) Так как для учителя очень сокращены возможности какой бы то ни было карьеры, движения по службе, повышения и т. д., то необходимо разработать систему пятилетних или трехлетних прибавок с таким расчетом, чтобы учитель, проработавший, скажем, 15-20 лет в одной школе, получал жалованье, превышающее жалованье новичка раза в три.

д) Наряду с этим необходимо разработать систему иных поощрений, отмечая работу лучших учителей при помощи присвоения им различных званий («старший учитель», «заслуженный учитель», «народный учитель»); конечно, это нужно хорошо обдумать.

е) Очень желательно, чтобы большинство учителей данной школы имели квартиры при самой школе. У нас сейчас очень часто школы помещаются в жилых дворах, но там живут не учителя, а посторонние. Учительский коллектив, живущий при школе, сильно содействовал бы и «коллективизации» учеников при помощи вечерних работ, устройства игр и вечеров, праздников и просто живого общения.

ж) Необходимо пересмотреть программы педагогических вузов и техникумов как со стороны подготовки к преподаванию, так и со стороны специальной подготовки к воспитательной работе учителя.

Эту последнюю нужно организовать в двух направлениях:

а) Необходимо, чтобы из педагогических вузов выходили люди более широко образованные независимо от избираемого для преподавания цикла предметов. Программа такого широкого образования должна быть построена параллельно всей сумме вопросов нашего строительства. Выпускники вузов должны знать, как стро-

ится производство, какие богатства и перспективы в нашей стране. Они должны знать, как добывается нефть и что получается из нефти. Что такое апатит, должны знать историю Арктики, особенности Сибири, Кавказа, вообще они должны знать все, что может помочь их воспитанникам избрать себе путь и специальность.

б) Во время пребывания в вузе студенты должны получить не только специальное образование, но и специальное воспитание, они должны быть организованны, подтянуты, воспитать волю и сдержанность, получить физкультурную подготовку, вообще они должны быть культурны во всех отношениях, вежливы, чистоплотны, знакомы с литературой, искусством, музыкой.

в) Особенным вопросом в педвузах должен стоять вопрос о семье, структуре семьи, методике воспитания в семье и о средствах педагогической помощи семье.

Ученики должны быть организованы в коллектив, иметь органы самоуправления, построенные не по принципу «демократии», а по принципу уполномочия и единоначалия с усилением элементов: хозяйственной заботы, личной и коллективной ответственности за успех, дисциплинарных и бытовых активных действий.

Школьный коллектив должен накапливать традиции, внутренние нормы [жизни и деятельности], может быть, даже отличающие данную школу от другой.

Желательно в школе ввести некоторые внешние формы [организации] полувоенного типа: строй, оркестр, салют, некоторые обязательные формы выражения вежливости.

Все школьное общество должно быть мобилизовано на выработку норм поведения и на наблюдение за выполнением этих норм. Старшие ученики должны получить некоторую власть над младшими.

Школьный коллектив должен иметь право контролировать семью со стороны ее воспитательной деятельности, помогать семье методическим советом, прямой воспитательной помощью отдельным лицам... Школа должна иметь право репрессий по отношению к семье, не выполняющей своих воспитательных функций. Это право должно принадлежать не милиции, а именно школе.

Для этого необходимо подчеркнуть территориальное прикрепление определенных частей города к той или иной школе. Нужно уничтожить право родителей выбирать школу, тем более уничтожить погоню их за «лучшей» школой. Все школы должны быть лучшими, и родительское общество должно за это бороться.

Помощь семье должна быть оказана в самых разнообразных формах, а именно:

а) выпуском специальной литературы,

б) краткосрочными обязательными курсами для родителей,

в) материальной помощью «на воспитание»,

г) постоянным наблюдением,

д) мерами воздействия и поощрениями,

е) организацией родителей по большим домам, по квартирам, их инструктированием, постоянной работой (система дежурств) и ответственностью.

А.С. Макаренко. Пед. Соч. в 8 т., т.1, с. 213-216. Датировано 15 октября 1935 г. Послано в Москву, видимо, вместе с письмом П.П. Крючкову (см. ниже). Написано для П.П. Крючкова, вероятно, по предложению А.М. Горького и в связи с его перепиской с И.В. Сталиным, где 19 октября 1934 г. шла речь о хулиганстве в школах, кражах оружия и документов детьми у родителей-ответственных работников (Опускала макренкиана, № 22, с. 57-58).

По предпринятой К.Е. Ворошиловым и поддержанной И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и М.И. Калининым инициативе ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. приняли постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». 31 мая Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». 7 июня выходит приказ НКВД (наркома Г.Г. Ягоды) «Об организации работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности».

В своих «Соображениях» А.С. Макаренко по существу расходится с официальной установкой на ограничение проблемы школы борьбой с «плохой дисциплиной и успеваемостью». Он указывает, что для устранения этих недостатков необходимо существенно изменить весь уклад жизни школы, хорошо связывая прежде всего работу школы и семьи, принципиально изменяя «позиции» учителя, родителя и ученика в школе и семье, в системе коллектива.

А.С. Макаренко особо выделяет вопрос об учителе и его подготовке как воспитателя (а не просто как учителя-предметника), о материальном положении учительства, моральном поощрении и возможностях «движения по службе», об отходе от «почасной» оплаты труда. На первый план выходит педагогически целесообразное «нормирование» жизнедеятельности школы и семьи, отражения этого в традициях, «внешних формах». Необходимо усилить роль школы в отношении семейного воспитания, отстраняя от этого дела милицию. Новая школа и новая семья должны выработать «свой стиль и тон».

Вопрос о производительном труде в школе А.С. Макаренко здесь не поднимает, понимая, что государственно-партийные постановления о школе начала 1930-х гг. (устраняющие трудовую основу школьного воспитания и обучения) являются незыблемыми. Он говорит об усилении элемента «хозяйственной заботы».

Предполагаемое А.С. Макаренко звание «Заслуженный учитель школы» вскоре было введено постановлением ЦИК и СНК СССР 11 апреля 1936 г. Звания «Старший учитель» и «Народный учитель» появились в 1970-1980-х гг.

«Соображения» можно характеризовать как масштабный подход А.С. Макаренко к проблеме применения его идей и опыта в массовой общеобразовательной школе. Это новый этап в формировании его взглядов и опыта как социального педагога-реформатора. Далее он закономерно пришёл к работе над «Книгой для родителей».

Отмеченные в тексте «Соображений...» отточиями 2 купюры составителям Части 4 не удалось устранить путем запроса в Архив А.М. Горького, где хранится источник.

[1] А.С. Макаренко выражает несогласие с мерой, предусмотренной постановлением ЦК ВКП (б) 25 авг. 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», где установлено «исключение из школы без права поступления в школу сроком от одного до трёх лет». Эта мера, затем подтверждена в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) 3 сент. 1935 г. «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе».

Дополнение. **В сентябре–октябре А.С. Макаренко пишет «***Методику организации воспитательного процесса» (в детской трудовой колонии).* **Окончание работы и сдача материла в печать – ноябрь 1935 г. Рассылка по колониям как «Временных методических указаний по организации воспитательного процесса в трудовых колониях для несовершеннолетних» - 5 марта 1936 г., под грифом «Совершенно секрет-**

но» (Опускула макаренкиана, № 22, с. 70-73). Публикация в нашем издании: текст приурочен к началу 1936 г. (см. ниже).

Письмо П.П. Крючкову, сер. октября 1935 г.

Дорогой Петр Петрович!

В этот день, когда был у Вас, заболел и пролежал с температурой 2 дня, поэтому не мог в назначенный вечер сделать то, что обещал Вам сделать позже.

Для того чтобы написать для Вас эти «соображения», мне пришлось мобилизовать всю свою педагогическую душу. Сейчас все эти вопросы меня страшно захватили.

Я пришёл к решению ещё поработать в школе[1] и обязательно в Москве. Здесь можно показать работу не только самой школы, но и работу среди родителей. Кое-кто в Москве даже указывает 10-летку на Усачёвке[2]. Эта школа до сих пор носила имя Горького. Почему-то теперь она носит имя Ворошилова[3].

Я буду добиваться, чтобы мне дали эту школу. Нужно обязательно, чтобы имя Горького было восстановлено.

Если из Киева меня не будут пускать, тогда буду просить Алексея Максимовича помочь мне вырваться.

Привет Вам.

А.Макаренко

Неизвестный Макаренко. Выпуск 8, часть 1, 1998 г., с. 54-55.

[1] Стаж работы А.С. Макаренко в школе – 12 лет: 1905–1914 и 1917–1920 гг. (в дореволюционном железнодорожном училище учителем, воспитателем-«надзирателем», инспектором-директором и в советской «единой трудовой школе»).

Его первый план реорганизации школы с учётом опыта трудовой колонии М. Горького см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 74-77. Проект «лесной школы» (окт. 1928 г.) см. там же, Часть 2, с. 111-112. Повторное обращение к этому плану (авг. 1936 г.) см.: А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 24-25.

[2] Возможно, такое «указание» А.С. Макаренко получил в Наркомпросе РСФСР, где он бывал при поездках в Москву (см. воспоминания Э.И. Моносзона: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 295).

[3] Позднее А.С. Макаренко посещал эту школу, говорил о ней, см.: Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 360 и т. 8, с. 181.

Дополнения. *Из письма Г.С. Макаренко.* **Л.М. Салько, 18 окт. 1935 г. «...Антона ты видел, он тоже неплохо выглядит. Получил обмундирование... По-видимому, квартира в «нашем доме» (писателей, Москва – А.Ф.) - дело тоже твёрдое, как говорил Антон. Конечно, при всех обстоятельствах квартиру будем занимать, если даже Антона и не отпустят...**

О 10-летке для Антона я напишу в другом письме – это вопрос «сложный», имеющий много «за» и «против»...

Опускула макаренкиана, № 24, с. 118.

Письмо К. и Е. Кононенко, 22 октября 1935 г.

22 октября 1935
Киев

Дорогие и равноапостольные!
Константин и Елена!

Что это Вас совсем не слышно? Притаились там в харьковских хатах и помалкиваете. Я по Вас соскучился, как собака, а моя поездка в Харьков все откладывается и откладывается. Сейчас говорят, что я поеду в Харьков 26-28 октября, а я этому не верю.

В этом самом ОТК меня используют исключительно как писателя — пишу целыми днями доклады, обзоры, сводки[1]. До того дописался, что хочу уже составлять «Памятку докладчикам». Между прочим, я пришел к глубокому убеждению, что докладов этих никто не читает, что вообще они никому не нужны. И поэтому я, как «апурсовский» щенок перед граммофоном[2], начинаю психовать, мне необходимо понять, для чего меня заставляют писать доклады.

Был в Москве, Горького не видел, он в Крыму. Но мою третью часть успели уже ему послать и получить от него обратно. Горький прислал мне письмо, в котором пишет, что третья часть лучше первых двух, что многое его волновало и так далее. Уговаривает меня писать о чекистах[3]. Посмотрим.

Вчера получил письмо от своего редактора. Он сообщает, что рукопись третьей части затребовали в «Правду». Для чего? В 10-м номере «Красной нови» напечатана очень хвалебная статья Колбановского. Но мне не нравится. Костина статья гораздо глубже[4].

Я так думаю, что скоро меня перестанут хвалить и начнут ругать, в особенности за третью часть, в которой много всякого перца.

Я настолько в этом уверен, что не буду даже удивлен какому угодно неожиданному грому, готов оказать самую улыбчивую встречу. Еще в Москве собираются организовать какую-то страшную дискуссию с моим участием[5]. Не думаю, что это будет приятная вещь... Без дискуссии было бы лучше.

Сегодня приступил к роману[6]. Пока что дело находится в стадии организации материала. Тема намечается, сюжет еще темен. Не дает мне покоя тема «Дураки». Запросил «Отдел газетных вырезок» в Москве, могут ли они прислать мне вырезки о дураках. Думал, что «Вырезки» обидятся, но представьте сёбе, они ответили с полной готовностью и только спрашивают: «Какого типа дураки Вас интересуют?» Написал им, какой нужен тип, и скоро я стану владельцем интересной коллекции.

Всё-таки я приеду, чёрт возьми, в Харьков и поговорим с Вами аж до обалдения. Об этом мечтаю как о празднике. Мечтаю и всё! Восхищён решением Олега «догнать и перегнать» - это класс! Это в нашем стиле, чёрт его дери!

Галя Вас целует, она толстеет и занимается сейчас парижскими модами.

Будьте веселы и здоровы.

Ваш *А.*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 55-56.

[1] Эти неизвестные исследователям материалы, несомненно, содержат сведения, углубляющие понимание социальной педагогики А.С. Макаренко.

[2] Используется эпизод одного из рассказов Л. Андреева.

[3] Из писем А.М. Горького, 8 окт. 1935 г., из Тессели, Крым: «...С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжцами, да и вообще очень многое дьявольски волновало. «Соцвосовцев» Вы изобразили так, как и следует. Главы: «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику» - нельзя исключать.

Хорошую Вы себе «душу» нажили, отлично, умело она любит и ненавидит. Я сделал в рукописи кое-какие мелкие поправки и отправил её в Москву...

Напомню Вам сказанное в «Поэме» о чекистах. Так же, как и Вы, я высоко ценю и уважаю товарищей этого рода... Было бы очень хорошо, если б, присмотревшись к наркомвнудельцам, Вы написали очерк или рассказ «Чекист». Попробуйте. Героическое Вы любите и умеете изобразить.

Если Вас тяготит «бюрократическая» работа и Вы хотели бы освободиться от неё – давайте хлопотать...

Говорят, что теперь они (беспризорные – А.Ф.) – грамотнее, легче идут на работу, быстрей дисциплинируются. И, будто бы, причиной ухода из семьи на улицу, служат: мачехи, отчимы и «скука жизни» в семье. Отцам-матерям некогда заниматься с детьми, детям не о чём говорить с родителями».

Полный текст: А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 1, с. 256. Это последнее письмо А.М. Горького А.С. Макаренко.

[4] Говорится о рецензии К.С. Кононенко, не опубликована.

[5] Вероятно, имеется в виду предполагаемое обсуждение «Педагогической поэмы» в Высшем коммунистическом институте просвещения (ВКИП), оно прошло весной – летом 1936 г. (см. Текст в этой книге далее). Диспут о «Педагогической поэме» в Московском областном пединституте прошел 27 октября 1936 гг. (см.текст далее).

[6] Говорится о романе, где далее разрабатывается тема пьесы «Ньютоновы кольца»: строящейся завод фотоаппаратов. Из пьесы в роман переносится ряд персонажей и сюжетных положений.

Качественно новое: положительный герой – Бакурин Дмитрий Иванович, автобиографический образ, ярко выраженная индивидуальность, интеллигент, преодолевающий эгоистически-пренебрежительное отношение к людям; сложный человек, с богатейшим диапазоном противоречивых чувств и переживаний. Приходит к идее: «Всё, что относится к человеку, важно».

Второй центральный образ – Татьяна Михайловна Стрельченко (прототип – Г.С. Салько-Макаренко): «Молодая, умная, культурная женщина, член партии, преданная ей в самом своём существе... Её основная черта – вера в страшно глубокое воскрешение жизни, вера в новую человеческую красоту. В своей силе она находит начало своей любви к Бакурину. Её любовь и любовь Бакурина составляют эмоциональную ось романа» (Левинсон Э. Творческая история романа А. Макаренко «Пути поколения» - по неопубликованным материалам. – Вопросы литературы, 1967, №1, с. 153; прослеживается дальнейшая работа над романом, в 1936–1938 гг.).

Это возвращение А.С. Макаренко к предпринятому им в 1928–нач. 1929 гг. замыслу «романа о сильной личности» в 3–4 частях, с главными героями А и Б. Отказался от этой работы летом 1930 г. Планы романа см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 321–327.

О работе над этим романом см. также: Балабанович Е. А.С. Макаренко. Человек и писатель. – М., 1963, с. 410–478; на с. 413 публикуется титульный лист: «Роман. 1935 г. Начат 6 окт. 1935. Материалы закончены 18 февр. 1936. 4 мес. 12 дней». Это тетрадь, содержание которой Е.Балабанович описывает так: это «Записи отдельных мыслей, эпизодов, характеристик, являющиеся этюдами к будущему роману.

Здесь нет еще сюжетной схемы произведения, не конкретизированы образы. Они лишь замечены. Черты грубости, глупости, собственничества, эгоизма, цинизма, рвачества. Люди для которых дру-

гой человек существует лишь постольку, поскольку он «удобен», эгоистически «нужен» им. Пошляки, для которых понятие «хорошей жизни» исчерпывается сытной едой, выпивкой, примитивными удовольствиями. Люди, которых, «кажется, никаким динамитом нельзя взорвать так, чтобы показалась живая душа».

Одна из записей как бы суммирует характер портретной галереи: *«Куда же девать негодных людей, дураков, мещан, шкурников. Из них-то и составляются коллективы. Не травить их? Выбрасывать? На Марс их не выбросишь? Все дело в том, что их можно воспитывать, в каждом человеке что-нибудь можно найти. И коллектив всегда лучше отдельных его членов».* **Вероятно с этим замыслом связаны и другие заглавия проектировавшегося романа: «Дураки», «Чудаки».**

Это зрелище не пугает писателя. Макаренко уверен в безграничных воспитательных возможностях нашей действительности» (с.411).

См. также: Фролов А.А. А.С. Макаренко: московский период творчества. Хроника дел и мыслей. – Н. Новгород, 1997, с. 13–14, 58–85; Неизвестный Макаренко. Выпуск 1 / Сост. С.С. Невская, С.С. Русаков, И.В. Филин. – М., 1903, с. 17–23, 46–57; Выпуск 2. – М., 1993, с. 35–47.

Дополнения. *Письмо А.М. Горького* **Е.М. Коростылёвой, 25 окт. 1935 г.:**

Уважаемая Елена Марковна –

разрешите сердечно благодарить Вас за работу по чтению и правке рукописи Макаренко.

Меня так утомляет чтение рукописи, что я всё хуже вижу ошибки авторов. Я очень рад, что Вы так удачно почистили высокоценную работу Макаренко и усердно прошу Вас исправить нелепости текста, отмеченные Вами. Сам я, не имея рукописи перед глазами, мог только выбросить подчёркнутые Вашей рукой, а это едва ли правильно.

Будьте здоровы и ещё раз – спасибо.

М. Горький

Неизвестный Макаренко. Вып. 8 Неизданные письма. Часть 1. с. 57.

А. Теплов. Педагогическая поэма **// Литературный критик, М., 1935, №10 – рецензия на отдельные издания первой и второй частей произведения (1934, 1935).**

Цитируются слова Ф.Э. Дзержинского (сказанные Г.Г. Ягоде, его заместителю): в работе с беспризорными детьми и несовершеннолетними правонарушителями надо «опираться на доверие, самостоятельность и помощь самих детей». В создании макаренковского коллектива отмечается: значение «интересной и настоящей, деловой борьбы», единая жизнь взрослых и детей, «развитие колонийского патриотизма».

«Необходимость правильно организовать труд породила отряды, напоминающие теперешние колхозные бригады... Неисчерпаемая энергия коллектива». Рост его культурного уровня, рабфак, театр и др. Воспитание «непреклонной воли, мужества и твёрдости в движении к цели» - то, что соответствует «центральному лозунгу» сегодняшнего дня – «кадры решают всё».

«...Красной нитью проходит неприязненное, презрительно-пренебрежительное отношение к педагогам и даже ко всей педагоги-

ческой науке». «Неужели и сейчас советская педагогика не ушла вперёд...?

В «водолечебнице» не видно, где вытрезвление, а где издевательство.

Прекрасная художественная форма произведения. «Наиболее удачная книга года»».

Б. Брайнина. Торжество человека **// Новый мир, М., 1935, № 10 - рецензия на первую и вторую части «Педагогической поэмы». Рассматривается проблема человека, в сравнении с её отображением в некоторых произведениях Ф.М. Решетникова, Н.Г. Помяловского, А.П. Чехова, Ф.К. Соллогуба, М.Г. Короленко, где воспитание предстаёт как унижение человека, поругание его достоинства.**

«Педагогическая поэма» проникнута «гордостью за человека, за его достоинство, силу»; воспитание здесь ведёт к расцвету «лучших человеческих чувств, здорового самолюбия, законной человеческой гордости». Во второй части произведения действует «великолепно организованный свободный рабочий коллектив», с «новыми формами труда и быта, новыми отношениями между людьми... Дело колонии им. Горького – это дело всей страны Советов...» Автор-рассказчик событий - энтузиаст, искатель, «настоящий герой нашей страны».

«Впервые в нашей литературе так широко, свежо и смело поставлены вопросы коллективного воспитания». Но в борьбе с «учёностью», в противопоставлении инстинкта знанию проявляется «известная идеализация стихийничества». Работа воспитателей «проходит где-то за кулисами».

А.С. Макаренко вслед за Л.Н. Толстым, И.В. Гёте, А.П. Чеховым, Н.Г. Чернышевским и «целым рядом других великих мастеров» возбуждает проблему глубокой убеждённости, «настоящей человеческой искренности». Его книга – «одно из самых искренних произведений в нашей современной литературе».

Р.А. Ковнатор: **«Мне выпало счастье работать над всеми [отдельными] изданиями «Педагогической поэмы».**

Популярность её была необычайная. Читательские письма потоком поступали в издательство. В 1935 г. предпринято массовое издание «Поэмы» в серии «Дешёвая библиотека». За 3-4 года книга имела тираж более 300 тысяч экз. (несколько изданий). Это была одна из наиболее читаемых книг, она имела миллионы читателей. Они признали её как умную, нужную и любимую книгу.

Читательница из больницы, в ожидании серьёзной операции, писала автору: даже если бы ей пришлось умереть, она благословляет жизнь, в которой возможны такие дела и такие люди. Велика правда этой книги, в ней социальный пафос, мудрая любовь к людям, служение делу социалистического воспитания человека».

РГАЛИ, ф.332, оп. 4, ед. хр. 474.

Из письма Г.С. Макаренко **Л.М. Салько, 4 ноября 1935 г.: «...Антон уехал в Харьков в командировку и решил провести с «пацанами» праздник [7 ноября]. Не терпится ему – хочется пройти с ними маршем...»**

Опускула макаренкиана, № 24, с. 120.

Из письма Е.М. Коростылёвой **А.С. Макаренко, 5 ноября 1935 г.: «...Прилагаю все усилия, чтобы 8-й номер (с третьей частью «Педагогической поэмы» - А.Ф.) вышел в декабре, надеюсь, что мне это удастся...».**

Опускула макаренкиана, № 22, с. 50.

Творческий отчёт на встрече в клубе НКВД УССР

(начало ноября 1935 г., запись)

Я мечтал быть писателем. В 1914 году написал первый рассказ[1]. Отослал его Максиму Горькому, получил ответ: «Тема интересна, но написано слабо». И я сложил оружие.

От старого мира нам осталось немалое наследство в области техники, искусства, литературы. Но что могло нам остаться в педагогике, технике воспитания человека? Очень мало, потому что глубоко, принципиально отличаются пути формирования человека старого и нового мира.

Мы должны были создать новую педагогику, найти новые средства воспитания, накопить новый опыт.

Колония им. Горького и коммуна им. Дзержинского имеют большой опыт в перевоспитании изломанных жизнью детей, в воспитании сознательных членов трудового коллектива. Я решил описать этот опыт, ибо он является и моим собственным опытом. Пять лет пролежала в чемодане тетрадь с записями[2], пока один из друзей[3] случайно не наткнулся на неё. Потом это было отослано Алексею Максимовичу Горькому. Так увидела свет первая часть «Педагогической поэмы».

Когда начали организовывать коммуну им. Дзержинского, меня пригласили работать педагогом. Началась новая эра в моей педагогической работе.

Вместе с людьми, непревзойдёнными в деле создания нового человека, мы делаем чудеса. Об этом рассказывает вторая часть «Педагогической поэмы», которая недавно вышла в свет.

О пути мирной трудовой жизни коммуны дзержинцев и роли в ней чекистов написано в третьей части «Педагогической поэмы».

Когда я писал эту книгу, мне казалось, что пишу я её о педагогике. Но тема вышла из этих рамок.

А.М. Горький так сказал в письме о третьей части: «С большим волнением читал я некоторые сцены, и меня чертовски это волновала». Он советует написать книжку о чудесных людях, «которые говорят о себе очень мало или говорят молча», - о чекистах.

Этот совет Алексея Максимовича надо исполнить.

Газ. «Большевик», орган Киевского горкома КП (б) У и горсовета, 5 ноября 1935 г., корреспонденция М. Розовского, под заглавием: «Педагогическая поэма». Творческий вечер писателя А.С. Макаренко. Текст этого же автора напечатан в «Литературной газете», Киев, 12 ноября, под заголовком: От педагога до писателя. Оба материала – укр. яз. Учтены оба текста.

В корреспонденции говорится: «Писатель Макаренко не случайно отчитывается перед чекистами. Они первыми откликнулись на его методику воспитания беспризорных детей и вместе с ним переделывали бывших злодеев, бандитов, хулиганов в настоящих граждан Советского Союза.

Все принимавшие участие в обсуждении «Педагогической поэмы» дали прекрасную оценку этому произведению. История существования коммуны им. Дзержинского – это образец нового, советского отношения к человеку. Казалось, погибшие люди, а здесь, превращаются в строителей социализма – инженеров, техников, квалифицированных рабочих, талантливых художников».

[1] Рассказ «Глупый день», на бытовом уровне отражающий обострение социальных противоречий предреволюционного времени,

основан на эпизоде из жизни Е.Ф. Григорович и её мужа-священника. В других высказываниях А.С. Макаренко приводится другая дата – 1915 г. Более подробно см.: А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 177-178.

[2] О его первоначальной работе над «Педагогической поэмой» см.: Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939 – 2005 гг., критический анализ). – Н.Новгород, 2006, с. 18-20. См. также: А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 179.

[3] Говорится о К.С. Кононенко.

Дополнение. *План проведения ночного рейда* **секции киевского горсовета по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью, составлен А.О. Броневым как членом горсовета. Участвуют: весь состав соответствующих секций горсовета и райсовета г. Киева, работники городской и районной милиции. Проводятся 3 ноября с 6 час. веч. по 2 час. ночи. Задачи: «Подобрать и разместить в детприёмниках, колониях и домах для беспризорных детей в г. Киев; массовая проверка безнадзорных, хулиганствующих и нищенствующих детей на улицах г. Киева,... с составлением актов о привлечении к ответственности родных».**

Штаб рейда: Букшпан (НКВД, руководитель), Доброжинский (милиция), Макаренко (ОТК НКВД), секретарь Волкштейн. «Тов. Макаренко провести совещание с руководителями соответствующих частей аппарата НКВД, гороно, ДД, Собеза, горздрава. Город разбивается по районам милиции, с ответственным по району, 12 бригад, по 3 чел., с бригадиром. От секции – 1 тыс. руб. А.С. Макаренко не входит в состав бригад.

Опускула макаренкиана, №22, с. 61-62.

Начальнику отдела трудовых колоний НКВД УССР

На № 889212 от 13 ноября 1935 г.

Положение о трудовой колонии НКВД для несовершеннолетних мы рассматриваем как схему общих принципов организации колоний.

Органам самоуправления в нём посвящено всего три строчки, которые ни в какой мере не представлялись нам как инструкция о составе органов самоуправления. В этом ещё более убеждает нас и примечание к ст. 12, говорящее о необходимости особой инструкции. И сам текст ст. 12, в которой дано перечисление различных комиссий, имеет характер перечисления примерного, так как заканчивается словами « и др.»

Независимо от того, у нас не возникало и мысли о том, что самоуправление в колонии и вся воспитательная работа возможны без какого-либо центрального органа, в чём в особенности убеждает нас и опыт трудовой коммуны имени Г.Г. Я[1].

Правда, в Положении ничего не сказано об организации актива и его органов…

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 298, л. 2. Автограф, с правкой Л.С. Ахматова, дописано: «т. Перепёлкину». Только один лист, дальнейший текст отсутствует. Документ направлен в Москву, начальнику ОТК НКВД СССР Перепёлкину.

Документ свидетельствует о важности «центрального органа самоуправления, проводящего всю текущую работу в коллективе детского учреждения [в целом]»; нельзя в системе самоуправления ограничиться набором разрозненных «комиссий» (см.: А.С. Макаренко.

Пед. соч. в 8 т., т. 1, с. 277; см. также с. 267-283). Изучение этого источника в полном объёме может значительно обогатить представление о макаренковском решении проблемы самоуправления в педагогическом учреждении.

[1] Говорится о Болшевской трудовой коммуне ОГПУ – НКВД СССР №1 им. Г.Г. Ягоды.

Дополнение. **Ориентировочно: в октябре–ноябре 1935 г. (может быть, в конце года), в связи с формированием бюджета 1936 г., - А.С. Макаренко составляет объяснительную записку** *«Совнарком УССР Тов. Шелехесу»*. **Публикуется ниже, хронологически в конце 1935 г.**

Письмо Е.М. Коростылёвой, 16 ноября 1935 г.

16 ноября 1935

Дорогая Елена Марковна!

Ваша записка написана 14-го, я сдаю гранки на почту 16-го. Скорее ничего в свете быть не может.

В этой части я показываю пример покорности, почти физически чувствую, как в моей душе появляются какие-то новые элементы, не то ангела, не то агнца (если говорить торжественно).

Вообще, всё на свете прекрасно, и прекраснее всего редакция альманаха «Год XVIII».

Крепко жму руку

А.Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. Соч., в 8 т., т. 8, с. 56.

Дополнение. *Письмо А.М. Горького* **Д.Вишневскому и М. Пичневскому, 17 ноября 1935 г.:**

Уважаемые товарищи –

Матвей Погребинский прислал мне ваше письмо с просьбой ответить вам по поводу сценария, затеянного сами...

Я очень рекомендую вам ознакомиться с диссертацией Иды Авербах, посвящённой вопросу о перевоспитании правонарушителей, и «Педагогической поэмой» Антона Макаренко, - две части этой книги уже изданы Гизом, третья скоро появится в Альманахе «Год XVIII»...

Неизвестный Макаренко. Вып. 8. Неизданные письма. Часть 1, с. 57.

Анкета специального назначения работника НКВД

1. Фамилия, имя и отчество - Макаренко, Антон Семёнович…[1]
3. Год и месяц рождения – Март 1888
4. Место рождения (точный адрес) – г. Белополье, б. Харьк. губ., Сумского уезда
5. Национальность – украинец
6. Гражданство или подданство – СССР…
8. Образование – Полтавский учительский институт (аттестат 1917 г.)
9. Служили ли в царской армии, когда, в какой части, сколько времени, в качестве кого и чин – Ратник ополчения II разряда – в 27 Воронежской дружине, с октября 1916 г. по апрель 1917 г., нижний чин
10. Служили ли в белой армии… - Не служил
11. Если проживали на территории, занятой белыми, то где именно, когда и чем занимались, кто это может подтвердить – При Гетмане, Петлюре, Деникине, в пос. Крюков и гор. Полтаве, учитель

12. Служили ли в Красной Армии… - Нет
13. Имели ли награды… а) в старой армии; б) в белой армии; в) в Красной армии; г) в органах ВЧК – ОГПУ – НКВД
– награждён золотыми часами коллегией ГПУ УССР за работу в коммуне им. Дзержинского 27 декабря 1932 г.…
17. Какое, где и когда принимали участие в революционном и рабочем движении до революции, чем можете подтвердить – Нет
18. Партийная принадлежность в момент заполнения анкеты… - Беспартийный…
23. Состояли ли в других партиях… - Не состоял
24. Семейное положение (который раз женат) – Женат, первый раз
25. Имеются ли дети… - Нет
26. Имели ли взыскания по работе вне органов ВЧК – ОГПУ – НКВД… - Не имел
27. Были ли под судом и следствием… - Не был
28. Проходили ли чистку советского аппарата, когда, где и результаты – Проходил в Полтаве в колонии Горького в 1922 г., положительные результаты…
31. В каком профсоюзе и с какого времени состоите, номер профбилета – в Союзе работников просвещения с 1917 г., № 418013; в Союзе советских писателей с I/VI 1934 г., № 583
32. Работа вне органов ВЧК – ОГПУ – НКВД, начиная с момента, когда стали заниматься самостоятельным трудом, и до момента заполнения анкеты

Село, город (уезд), район, область (губ.), республика	Должность и место работы	С какого и по какое время
Ст. Крюков Южн. ж.д.	Учитель железнодорожного 2-х-классного училища	1-IX-1905 - 1-IX-1911
Ст. Долинская Южн. ж.д.	Учитель железнодорожного 2-х-классного училища	1-IX-1911 – 1-VIII-1914
Гор. Полтава	Студент Полтавского учительского института с перерывом: X-1916 по IV-1917 – призыв в армию	1-VIII-1914 – 1-IX-1917
Ст. Крюков Южн. ж.д.	Инспектор высшего начального ж-д училища	1-IX-1917 – 1-VIII-1919
Гор. Полтава	Заведующий 2-м начальным городским училищем	1-VIII-1919 – 1-IX-1920
Гор. Полтава	Заведующий колонией им. Горького	1-IX-1920 – 15-V-1926
Гор. Харьков	Заведующий той же колонией, переведённой в Харьков	15-V-1926 – 1-IX-1928
Гор. Харьков	Начальник трудовой коммуны им. Дзержинского ГПУ УССР	20-X-1927 – 15-IV-1932
Гор. Харьков	Начальник педагогической части трудовой коммуны им. Дзержинского	15-IV-1932 – 1-VII-1935

Гор. Киев	Помощник начальника отдела трудовых колоний НКВД УССР	С 1-VII-1935

33. Ваша выборная (не менее одного года), по совместительству с основной работой, партийно-общественная работа с 1917 года по день заполнения анкеты – Член губернского правления Союза работников просвещения в Полтаве, 1919 – 1920
34. Член Полтавского горсовета, 1921
Член районного совета гор. Харькова, Дзержинского района, 1935
35. Какие знаете иностранные языки или языки национальностей СССР… - Свободно по-русски и украински
36. Какие области и районы СССР хорошо знаете – Знаю только УССР
37. Бывали ли за границей… - Не был

II

1. Фамилия, имя и отчество вашей жены-мужа в настоящее время…- Макаренко Галина Стахиевна
2. Если Ваша жена-муж меняли фамилию, имя, отчество, то перечислите все фамилии, имена и отчества, под которыми она-он проживали
– Рогаль-Левицкая (девичья фамилия) до 1912 г.;
Салько (фамилия 1-го мужа) с 1912 до 1935
3. Национальность – Украинка
4. Гражданство или подданство – СССР…
6. Возраст жены-мужа – Род. 1982 г.
7. Партийность жены-мужа
– Была членом ВКП(б) с 1917 г., выбыла вследствие болезни (туберкулёз)…
10. Чем занималась жена-муж до замужества-женитьбы и чем занимается сейчас, если работает, то где и в качестве кого
– До 1915 г. училась; 1915 – 1917 не работала;
1917–1918 – член ревсуда в Рославле;
IV 1918–VI 1919 – Зам. зав. метод. отд. ОНО; зав. дет. домом (неразб. – А.Ф.);
VI 1919–XII 1920 – Секретарь Опродкормарма 12-й армии;
XII 1921–XI 1922 – Инспектор соцвоса губОНО, г. Харьков;
VI 1922–IX 1923 – старший инспектор Наркомпросса [УССР];
IX 1923–IX 1925 – зав. детским домом в Гиевке Харьк. окр.;
IX 1925–XII 1926 – Ст. инспектор НКРКИ, Харьков;
VII 1926–VII 1928 – Пред. окр. комиссии по делам несовершеннолетних, Харьков;
с 1928 – не работала по болезни
11. Примыкала ли жена-муж к антисоветскому движению (белые, петлюровцы, дашнаки и т.п.) – Нет…
14. Если Вы разведены, то укажите фамилию, имя, отчество Вашей первой жены-мужа – Нет

III

1. Фамилия, имя, отчество и возраст:
а. Ваших родителей – Макаренко Семён Григорьевич, 1850–1916;
Макаренко Татьяна Михайловна, 1855–1931
б. Родителей Вашей жены-мужа
– Стахий Онуфриевич Рогаль-Левицкий, 1860–1902;

Пелагея Ивановна Рогаль-Левицкая, 1871–1896

2. Где проживают в данное время (точный адрес):

а. Ваши родители

- Мои родители умерли: отец в Крюкове в 1916 г., мать в Харькове в 1931 г.

б. Родители вашей жены

– Моей жены родители умерли: отец в Кам-Подольске в 1902 г., мать в Н. Ушице в 1896 г.

3. Социальное происхождение:

а. Ваших родителей – Мои родители: отец – сын цехового, гор. Харьков; мать – дочь мещанина, гор. Кременчуг

б. Родителей Вашей жены – мужа – Моей жены отец и мать – дворяне

4. Профессия (чем занимаются или занимались):

а. Ваши родители

– Мои родители: отец – рабочий-маляр, железнодорожные мастерские, мать – домашняя хозяйка.

б. Родители Вашей жены-мужа имеют ли или имели недвижимое имущество, предприятия и наёмную рабочую силу…

- Имущества не имели

5. Национальность, гражданство или подданство:

а. Ваших родителей – Украинцы, русские подданные

б. Родителей Вашей жены – То же…

8. Чем занимались Ваши жены, родители жены-мужа до Октябрьской революции…

Мой отец – рабочий до 1916 г., когда умер. Моей жены родители умерли в 1896 и 1902 гг.

9. Проживали ли Ваши родители и родители жены – мужа на территории белых…

- Моя мать проживала вместе со мной…

10. Чем занимались после Октябрьской революции и занимаются сейчас…

- После Октября была жива только моя мать, которая жила при мне в глубокой старости

IV

1. Фамилия, имя, отчество, точный адрес и место работы в данное время:

а. Ваших братьев и сестёр

– Брат Виталий Семёнович Макаренко в эмиграции;

Сестра Александра Семёновна Загнойко замужем за машинистом депо Знаменка

б. Братьев и сестёр Вашей жены-мужа

– У жены братьев и сестёр нет…

3. Работал ли кто-либо из Ваших или жены-мужа братьев, сестёр и других близких родственников в полиции, жандармерии, охранке, контрразведке, прокуратуре, суде, тюремном ведомстве, пограничной или конвойной страже при царском режиме или у белых..

– мой брат Виталий Семёнович Макаренко, род. 1895 г., с августа 1914 г. был в армии Деникина, подпоручиком, сейчас в эмиграции

4. Какую поддерживаете связь и с кем из своих жены-мужа близких родственников – Ни с кем

5. Если кто-то из Ваших или жены-мужа близких родственников находится или находился в эмиграции, то укажите, когда и при каких обстоятель-

ствах эмигрировали, где проживают, что делают и какую Вы с ними поддерживаете связь

– Указанный выше мой брат Виталий Семёнович Макаренко эмигрировал при отступлении армии Деникина, местожительство мне неизвестно, связи не имею…

9. Судился ли кто-нибудь из Ваших или жены-мужа близких родственников… – Нет
10. Был ли кто-нибудь из Ваших или жены-мужа близких родственников раскулачен… – Нет
11. Есть ли среди Ваших или жены-мужа близких родственников лишённые избирательных прав или поражённые в правах…– Нет

V

1. Кто Вас знает из работников НКВД и где они находятся. Точный адрес (для вновь поступающих): -
2. Что Вы желаете сообщить о себе или о своих близких родственниках: (не заполнено – А.Ф.)

За дачу ложных и неправильных сведений, требуемых анкетой, я предупреждён об ответственности

Подпись: *А.Макаренко*

17 ноября 1935 г.

Личный архив Фролова А.А., с пометами С.С. Невской. Стандартный бланк анкеты; текст в отдельных местах адаптирован.

[1] Здесь и далее отточия указывает на сделанные при данной публикации: сокращения формулировок некоторых вопросов анкеты; пропуски отдельных её пунктов, которые не заполнены, т.к. ответы даны в предшествующих пунктах.

Дополнения. **20 ноября А.С. Макаренко как пом. нач. ОТК направляет в трудколонии и приёмники-распределители** *«циркулярное письмо»* **от 14 ноября об изготовлении ими штампов и печатей нового образца, объявленном приказом 00310 26/VIII 35 г.**

Приказ НКВД УССР **(подпись зам.наркома, З.Б. Кацнельсона), 20 ноября 1935 г.: «...Последние обследования трудовых колоний Харьковской области, им.Горького в Куряже и Андреевской, показали, что со времени передачи этих колоний в НКВД их работа не улучшилась, персонал не подобран, работает вяло, коллективы воспитанников не организованы, самоуправление фактически не существует. Изменений во внешнем быте воспитанников не заметно».**

В Андреевской колонии воспитанники представляют толпу беспризорных, лишенную актива и сознательного понимания стоящих перед колонией задач.

Горьковская колония производит впечатление учреждения запущенного и не упорядоченного.

Слабые коллективы этих колоний деморализованы постоянными переброскими десятков детей с места на место...

Приазываю: 1.Начальнику облуправления НКВД Харьковской области тов.Карлсону в срочном порядке пересмотреть руководящий состав Куряжской и Андреевской колоний.

2. Начальнику коммуны им.Дзержинского тов.Тихонову выделить на работу в колонию им.Горького 1 педагога и 5 лучших комсомольцев-коммунаров из закончивших учебу.

3. Начальнику ОТК тов.Ахматову произвести в январе 1936 г. контрольную проверку состояния трудколоний Харьковской области».

Приказ НКВД УССР **(подпись З.Б. Кацнельсона): «...В Андреевской колонии весь руководящий персонал, в том числе и назначенный в августе помощник управляющего по уч.-восп. части Рапцуняк и его предшественник Драганов при попустительстве управляющего колонией Москаленко допустили разложение значительной части персонала и воспитанников, разврат, пьянство, издевательство над воспитанниками. В результате этого в колонии имела место волынка, сопровождаемая разгромом кладовых...**

Приказываю: 1. Начальнику облуправления НКВД в 5-дневный срок представить мне по УВЧ политические и деловые характеристики всех управляющих трудовыми колониями и помощников управляющих со своими соображениями о возможности их дальнейшего оставления на работе.

2. Отделу кадров совместно с ОТК НКВД принять немедленные решительные меры по укреплению кадров трудколоний, в особенности к тщательному подбору лиц руководящего состава, представляя последних на утверждение мне.

3. Начальнику ОТК НКВД Ахматову в соответствии с приказом от 17.10.35 №0132 проверить работу руководящего и воспитательного персонала всех трудовых колоний, дать подробные и точные указания о методие работы и представить мне 1 декабря проект организации краткосрочного семинара по переквалификации воспитательного персонала».

Опускула макаренкиана, №22, с.63-64.

До этого, в *сентябре 1935 г.* **А.С. Макаренко и группа сотрудников наркомата внутренних дел УССР провели обследование двух указанных колоний.**

Позднее, в ходе исполнения двух указанных выше приказов НКВД сотрудники Управления госбезопасности НКВД УССР провели расследование «бунта» в Андреевской колонии; дело передано в Военное отделение прокуратуры, Военный трибунал.

Об официальных документах ОТК, подготовленных с участием А.С. Макаренко. **«...Настроение «Педагогическая поэма», её бодрый, мажорный стиль отчётливо проступают в приказах, подписанных Балицким и Кацнельсоном...**

...Все документы отдела того времени приобрели некий оттенок творчества: непринуждённый характер, чёткое изложение мысли, неказённые фразы...»

Там же, с. 68-69. Руководство, следовательно, благожелательно относилось к намерениям и действия А.С. Макаренко в ОТК. Указанные материалы при их тщательном изучении могут существенно дополнить представление о его взглядах и деятельности как социального педагога-реформатора.

Письмо Л.М. Салько, 22 ноября 1935 г.

Киев, 22 ноября 1935 г.

Дорогой Лёва, здравствуй!

Я давно от тебя не имею писем…

Живём потихоньку. Я до сих пор перевариваю «П.П.», хотя уже подбираю материал для романа. Был в Харькове десять дней, порадовался за коммуну. Кононенко настойчиво выдвигает проект совместной покупки дачи в Москве. Я не знаю, как отнестись к этому проекту. Дело в том, что в Лаврушинский я верю не больше, как на 20 %.

Кононенко в декабре будет в Москве по этому делу, ты, конечно, будешь уполномоченным. Может быть, в декабре и я в Москву съезжу, а может и нет, принимая во внимание, что с 15 января рассчитываю получить отпуск тоже в Москву.

О «П.П.» появляются приличные рецензии, в десятых номерах журналов «Красная новь», «Новый мир», «Литературный критик». Достанешь, прочитай.

Теперь о деньгах. Срочно сделай следующее: наверное, в МАИ[1] есть сберкасса. Или найди другую, которая для тебя удобнее, внеси туда 5 рублей, а м. б. у тебя там уже лежат деньги. Сообщи мне название кассы, её номер, её адрес и номер твоего счёта. Я немедленно дам распоряжение моей сберкассе при Гослитиздате перевести туда деньги. Это будет для тебя во всех отношениях удобнее, чем ходить выпрашивать у разных бухгалтеров в Гослитиздате.

Пиши, как твои дела.

Как-нибудь в выходной день зайди проведай бабушку на 3-ей Тверской-Ямской и спроси её, можно ли нам с Галей приехать к ней на месяц, с 15/I по 15/II. Узнай, не возьмёт ли она на себя кормление нас, хотя бы один обед?

Целую.

Твой А.

Опускула макаренкиана, № 24, с. 122.

[1] Московский авиационный институт, в котором учился Л.М. Салько.

Письмо К.С. Кононенко, 24 ноября 1935 г.

24 ноября

Киев

Милый Константин!

Каждый день собираюсь тебе написать, но письмо к тебе представляется таким канительным делом, что всё кажется, будто времени мало. Даже и сейчас у меня такое настроение: я тебе пишу записку под свежим впечатлением твоего письма, а письмо настоящее напишу в свободное время — сейчас ухожу.

Что касается Москвы, то вопрос считается решенным. Галя — за дачу с теми самыми условиями, что я называл: не при железной дороге, а на автобусной или трамвайной линий[1]. То, что ты едешь в начале января, очень хорошо, ибо мы с 15 января в Москве в отпуске. Наверное, так и выйдет, что в Москве встретимся, и я буду смотреть, как ты действуешь.

Очень важное дело — твоя возвратившаяся рукопись[2]. Я смотрю гораздо оптимистичнее тебя. Считаю, что сделана была работа все-таки наскоро, замечания их, разумеется, правильны. Но начинать новую работу было бы ошибкой. Именно по этой первой работе, где тебя уже немного поправили, надо продолжать. Что нужно сделать? Прежде всего переделать план, теперь все-таки не модно делать критическую работу по отдельным частям. План должен быть оригинальным, а не формальным. Например, о недостатках не нужно писать в отдельной главе, а попутно на общем транспаранте развития определенной мысли-темы.

Я думаю, что план должен быть построен по линии логического (тематического) сечения самой «Поэмы». В таком случае лучше вяжется язык. К примеру: становление коллектива, жизнь коллектива, его борьба, его победа, поражение. Либо: бессилие и дерзание одного человека, его рост вместе с коллективом, его победа вместе с коллективом. Или какой угодно другой план, но только органический. Уже по этому плану строить нужно логику критических тем и твоих собственных литературных и педагогических утверждений.

Только считаю, что писать нужно совсем новый текст, а старым пользоваться как материалом.

Очень, жаль бросить сделанную работу и начинать новую, это было бы просто слишком неэкономно. Ты хорошо знаешь книгу, хорошо знаешь среду, описанную в книге, ты здесь не будешь дилетантом. О каждом другом авторе написать капитальную работу очень трудно – нужно говорить не только о данном произведении, [но] и обо всём писательском пути, нужно взять критическую литературу о нём. Это очень большой план, и в Харькове он невыполним.

Пиши о «Поэме». Прочитай и проведи общую линию по таким книгам, как «Республика Шкид», «Утро», «Правонарушители», есть [ли] кое-что [общее], обязательно пересмотри все последние постановления о школе, и в особенности постановление ЦК о ликвидации беспризорности от 1 июня. Конечно, перечитай все критические статьи о поэме («Красная новь», «Новый мир», «Литературный критик»), все десятые книги.

Думаю, что рукопись послать нужно всё-таки в альманах. Были бы в Москве, всё это было бы проще и замечательнее, честное слово.

Я тебе ещё напишу подробнее. В Харькове буду, вероятно, в декабре, а про то, кто его знает.

Очень много работаю над романом. Затевается настоящая «Война и мир». Ты, конечно, будешь играть роль Наполеона.

Целую ручку Лене, Олега в сахарные уста.

Галя всех целует.

Будь весел.

Твой *А.*

А.С. Макаренко. Пед. соч., в 8 т., т. 8, с. 56-57.

[1] Речь идёт о возможной покупке подмосковной дачи, для совместного проживания семей Кононенко и Макаренко.

[2] Рукопись-рецензия К.С. Кононенко на «Педагогическую поэму», возвращённая из какой-то редакции.

Письмо Е.М. Коростылёвой, 26 ноября 1935 г.

26 ноября 1935, Киев

Милая, дорогая Елена Марковна!

Не умею рассказать, как я тронут Вашим вниманием[1]. Для провинциала это дело вообще непривычное.

Статьи все похвальные, но хором все защищают педагогику, вот беда! Что же теперь будет после выхода 8-го альманаха? Ужас, что такое! У меня такое состояние, как будто я бросил бомбу и возвратить её уже невозможно. Что делать?

Впрочем, ничего. Иногда у меня уже начинает преобладать спортивный интерес: а ну, что будет?

Когда меня все начнут бить, я приду к Вам… хохотать. Ваша редакция разрешит мне воспользоваться её уютом?

Страшно Вам благодарен! Страшно!

Привет!

Салют.

А.Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч., в 8 т., т. 8, с. 58.

[1] Е.М. Коростылёва, видимо, прислала отзывы о «Педагогической поэме», опубликованные в разных изданиях.

Дополнение. *Из писем Г.С. Салько* **Л.М. Салько, 27 ноября 1935 г.: «…Антон понемногу работает над романом, но работает по своей си-**

стеме: делает массу всяких выписок и думает, что ещё ничего конкретного нет, идёт подготовительный период, но романом Антон занят очень и все выходные и свободные дни работает над ним. Чувствует он себя хорошо и выглядит прекрасно, добр и весел...

Я нахожу, что параллельные поиски дачи под Москвой, что затевает Кононенко, дача мыслится только по троллейбусной линии и ни в коем случае не мешает бронировать Лаврушинский...

Почти во всех журналах за октябрь (десятые книжки) есть статьи о «Педагогической поэме». Везде очень хвалят: «самая интересная книга в советской литературе», «самая интересная в этом году», «ценнейший вклад в советскую литературу», «образец того, как надо писать и прочее...»

Письмо Е.М. Коростылёвой, 3 декабря 1935 г.

3 декабря 1935, Киев

Дорогая Елена Марковна!

Здесь в «Держлітвидаві» собираются выпустить третью часть на рідній мові[1]. Но они ужасно напуганы главой «У подошвы Олимпа», прямо дрожат и требуют: «выкреслиты»[2].

Между прочим, они указывают, что Шульгин жив и даже состоит в партии. Конечно, Шульгин не контрреволюционер, может быть, не стоит его обижать? Как Вы думаете?

Может быть, можно вычеркнуть его фамилию, оставить просто «...сидел такой теоретик» — и всё... Он-то себя узнает, но другие, может, и не догадаются. Как Вы думаете?

Как идут дела? Альманах в самом деле выйдет в декабре? А когда? Ей-богу, боюсь, а тут еще украинцы меня наперчили. Вот связался я с этой педагогикой!

В Киеве издается такой журнал «Советская литература» на русском языке. Они давно ко мне пристают: «Дай одну главу». Я не знаю, как это будет с моральной точки зрения. Они уверяют, что это похвально даже, и в особенности, если будет указание, что третья часть печатается там-то. Черкните мне два слова, и я им дам первую главу — все равно.

Привет.

А. Макаренко

Вас, вероятно, уже называют «Год XIX»?

А.С. Макаренко. Пед. соч., в 8 т., т. 8, с. 58.

[1] Говорится о Гослитиздате УССР, публикации третьей части «Педагогической поэмы» на укр. яз.

[2] *«Вычеркнуть»*, **укр. яз.**

Письмо Л.М. Салько, 6 декабря 1935г.

Дорогой Лёва!

Пишу тебе записку. Страшно загружен. Письмо скоро напишу, у нас всё благополучно…

С 15 янв. собираемся с Галей в отпуск в Москву. Спасибо, что был у бабушки. Конечно, нужно взять какую-нибудь специальную женщину (для приготовления пищи – А.Ф.). Вообще, я не пожалею никаких денег, чтобы избавить Галю от ресторанного стола, и бабушку хорошо отблагодарим.

За этот месяц, с 15 января по 15 февраля, думаю окончательно разрешить вопрос с квартирой. Хочу устроить так, чтобы после отпуска Галя уже оставалась в

Москве и жила с тобой, а я постепенно буду перебрасывать туда имущество, Лилю[1], Марфушу[2] и прочее.

Работаю над романом, но ещё не пишу. Над мелочью возиться не хочется. Ты знаешь, для маленького рассказа требуется столько же души, сколько и для большого романа, только техники нужно меньше. А я очень занят, и в моей голове больше одной темы не помещается. Нет, сынок, мы ударим романом. Хочу, чтобы он был лучше «Поэмы». Материал у меня мировой.

Скоро тебе напишу подробно.

Будь здоров.

Целую.

Привет от Гали, Лили…

Твой А.

6/XII 35

Опускула макренкиана, № 24, с. 129-130.

[1] *Олимпиада Витальевна Макаренко*, **племянница А.С. Макаренко (1920 г. рожд., в замужестве Васильева), жила и воспитывалась в его семье с 1928 г., дочь брата А.С. Макаренко,** *Виталия Семёновича Макаренко*. **Он – участник Первой мировой войны, прапорщик, затем поручик контрразведки в армии Деникина, командир пулемётной роты в армии Врангеля, эмигрировал в ноябре 1920 г., умер во Франции в доме престарелых в 1983 г. А.С. Макаренко находился в официальной переписке с ним с кон. 1922 г. до осени 1929 г. (переписка не сохранилась), а О.В. Макаренко – с 1962 г. по 1975 г.**

Книга В.С. Макаренко «Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания.» вошла в издание: На разных берегах… Судьба братьев Макаренко / Сост. Г. Хиллиг, - М., 1998, с. 7-64. В книге содержатся ценные сведения о детстве и юности А.С. Макаренко, работе в дореволюционной школе.

[2] *Марфа Петровна*, **домработница в семье А.С. и Г.С. Макаренко.**

Письмо Е.М. Коростылёвой, 10 декабря 1935 г.

10 декабря 1935, Киев

Дорогая Елена Марковна!

Как всякий провинциал, я боюсь телеграмм, а срочные — вызывают у меня повышение Т°.

Ваша телеграмма:

«Правку внесем кусок печатать можно ссылкой альманах телеграфьте как расшифровать полностью пойдет».

Вероятно, под влиянием испуга я долго был уверен, что если я что-то расшифрую, то третья часть в альманахе пойдет полностью, если не расшифрую, Вы из нее сделаете отбивную. А что именно расшифровать, очевидно, было в письме Вашем, которое задержалось. Но до сегодня письма никакого нет, испуг мой «потроху» проходит, и я начинаю догадываться, что расшифровать нужно слова «полностью пойдет», от которых в телеграмме отвалились кавычки. Так? Если так, что легче. Я могу расшифровать и вообще готов отвечать на любую викторину, которую находит нужным предложить мне родненькая редакция.

«Полностью пойдет» в буквальном значении встречается очень редко, вообще может иметь отношение только к «человекам», обладающим протезами. Например, если человек сидел, а потом пошел, но забыл на столе искусственный глаз, про него уже нельзя сказать «полностью пошел». Или ногу. Хотя без ноги — он черта с два пойдет.

В переносном значении выражение «полностью пойдет» тоже встречается редко, в практике редакций, наверно, никогда не встречается, правда?

Все-таки я должен расшифровать это выражение?

Что во всем этом деле участвует нечистая сила, не сомневаюсь. Когда- нибудь вся эта таинственная история выяснится.

Уже декабрь. Уже 10 декабря. Вы писали, что альманах выйдет в декабре. Наверное, 31 декабря, правда? Или 38 декабря? Подобные случаи бывали в моей производственной жизни. Я сам видел, как один завод добился-таки выполнения месячного плана 31 июня, и только через два дня поняли, что они заехали в чужой месяц.

Простите болтовню, бывает.

Привет.

А. Макаренко.

Вы уже переделали вывеску на «Год XIX» или еще не переделали?

Боже, что это за редакция!

А.С. Макаренко. Пед. соч., в 8 т., т. 8, с. 59.

Дополнения. *Из письма Г.С. Макаренко* **О.М. Салько, 12 дек. 1935 г.: «...Антонушка был очень рад твоему письму. Сейчас там открывается колония, в которой будут работать воспитателями [люди из] коммуны во главе с Калабалиным и Колей Пащенко...»**

Опускула макаренкиана №24, с. 133.

Из письма Г.С. Макаренко **О.М. Салько, 27 дек. 1935 г.: «...Отец страшно много занят по службе и не имеет времени ничего писать, настроение у него вообще хорошее, но конечно, он мечтает о свободе и возможности спокойно работать. Всё связано с квартирой в Москве... Деньги на квартиру у нас есть, но найдётся ли что-нибудь подходящее? Кононенко что-то не пишут, я не особенно этим огорчена...»**

Там же, с. 135.

Письмо С.А. Калабалину, 30 декабря 1935 г.

30 декабря 1935

Дорогой Семён!

Прими Мохарева[1] как можно лучше. Он хороший работник.

Сегодня Цыбульский[2] (он в Киеве) получил телеграмму о побеге к тебе целой кучи командиров. Ахматов лютует. Если ты их сманил целой кучей, нехорошо. Надо было это делать умнее, нельзя же хватать всех, весь совет, что это такое?

Как там дела в Виннице? Завтра, послезавтра начнут прибывать ребята. Советую делать небольшие бригады и не особенно увлекаться выборностью бригадиров.

Пиши.

Деньги твои получу завтра. Куда их выслать? Семья уже с тобой? Как ты устроился? Привет твоим.

Целую.

А.Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 60.

[1] *Мохарев*: **- ранее, вероятно, работал в Якушинецкой детской трудовой колонии воспитателем-учителем, зам. нач. колонии.**

[2] *Цибульский Г.М.* **– руководитель Одесской детколонии № 3.**

Дополнения. *Из протокола комиссии* **по апробированию конструкции опытного образца счётно-кассового аппарата, изготовленного трудкоммуной в Таганче [Киевской обл.]. Декабрь 1935 г.**

«Лично Антону Семёновичу Макаренко.

Председатель Николаевский, нач. обл. управления АХО КОУ НКВД…

По опыту коммуны им. Дзержинского, им. Балицкого, Болшевской им. Ягоды организуется квалифицированное производство, рентабельное, хозрасчётное.

В Таганчанской коммуне изготовлен, без специального оборудования, опытный образец счётно-кассового аппарата, 1020 деталей (проще, чем американский импортный «Националь»). Это может иметь огромное хозяйственно-политическое значение. Квалифицированные работники чувствуют важное дело, что они нужны, это вызывает уважение к себе. В районе Киева почти нет точного машиностроения. Предприятие будет способствовать его развитию.

Годовой выпуск – 10 тыс. штук. Составлена смета на приобретение оборудования. Дополнительные капиталовложения – 1 млн. руб. Необходима лицензия на получение недостающего заграничного оборудования. Реализация – в наркомате внутренней торговли. Нарком Богатырёв почин поддержал».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 56.

Из воспоминаний П.А. Колесса.

В 1935 г. А.С. Макаренко пригласил меня в ОТК НКВД УССР, сказал: «Надо поднять Таганчу. Там – безнадежные. Повезете им важное задание: пусть в своих мастреских попытаются наладить производство счетно-кассовых аппаратов, до этого вывозимых из-за границы». Два вечера он репетировал со мной, что я должен сказать в Таганче, в колонии с особым режимом для несовершеннолетних. Им – государственное дело, они – не «бандиты».

Подготовил речь, чудо-аппарат показал и сообщил, что что-то подобное изготовляет Броварская колония. По совету А.С. Макаренко сказал, что поручить это нам нельзя, т.к. по режиму нам нельзя быть на других предприятиях. А это будет необходимо, да и беспорядок у нас, а тут – сложный аппарат.

И через несколько дней все блистело, а воспитанники просили меня взять почетный заказ. И они получили его и выполнили. Как и думал А.С. Макаренко: большая цель захватила сердца, вызвала хорошие стремления – стать хорошим мастером и человеком, нужным государству. Таганча поднялась, из нее не убегали …

А.С. Макаренко – мудрый, неугомонный труженик и мечтатель, романтик в наилучшем значении этого слова. Поражал и увекал умением опоэтизировать жизнь, обычную повседневность.

В колонии (видимо, в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского – А.Ф.) он показывает слесарям объявление: канатный завод под Харьковом ищет предпритие, которое взялось бы отремонтировать ему автомат для плетения канатов, заграничный, в Англию надо везти! Что он задумал! И колонисты (немоненно, с инж.-тех. Работниками – А.Ф.) отремонтировали аппарат. Сколько радости внесло это в их жизнь! Иначе государству нужно было платить золотой валютой.

Так был совершен еще один, очередной «взрыв». Таких «зврывов» в колонии была бесконечная серия. Казалось, что мы живем на вулкане. Они зажигали животворный огонь энтузиазма. Такой труд давал эсетическое наслаждение. Ставилась цель, которая окрыляет.

«Надо, - говорил он, - чтобы в жизни ребят, особенно в труде, всегда звучала тема подвига» …

Надо учить работать и мечтать. Незабываемы «вечерние сказки», в уголке «тихого клуба». Фабулы придумывал Антон Семенович. И я, взрослый человек, с интересом слушал Терского. Главный мотив сказок – борьба за прекрасное, благородное в человеке. И каждый боролся за прекрасное в себе, других, в жизни …

Каждая беседа была для нас настоящим университетом, учила тактичности, принципиальности, человечности … Пообещать ему – значит сделать. Он облагораживал всех, с кем сталкивался. Годы, которые я работал с Макаренко, стали для меня чудесной школой жизненной выдержки и волевой закалки, которые не раз становились необходимыми на ухабистом жизненно пути. За это глубоко ему благодарен.

П.Колесса. Антон Семенович учил трудиться и мечтать // Радянська школа, 1963, № 3 (укр. яз.).

Совнарком УССР. Тов. Шелехесу. Объяснительная записка к проекту«крупной» колониидля беспризорных детей в виде «хозяйственно-производственного треста»

Есть у меня небольшая надежда, что Вы[1] прочтете эту записку — более обстоятельный список аргументов, чем представленый т. Броневому[2] проект. Тема сама по себе настолько важна, настолько и назрела, что требует внимания самых ответственных лиц.

Главной причиной всех происходящих недоразумений с этой темой я считаю ничем не объяснимое суживание вопроса. А суживается вопрос от простой причины — от нашего закрывания глаз на действительное существо беспризорщины. И в Ваших многих словах это проскальзывало. Нам все кажется, что беспризорность — это явление случайное или пережиток прошлого, что она скоро, вот-вот через один-два года, исчезнет.

Во всем Союзе я, кажется, единственный человек, который с начала Советской власти на Украине не изменил этому делу, не ушел от него. Я, таким образом, могу себя считать самым высоким специалистом по беспризорным. И вот за 15 лет своей работы я регулярно наблюдаю одни и те же надежды: беспризорность вот-вот прекратится.

Если она не прекращается, мы это относим за счет специальных явлений, а не за счет органических процессов. За нашими надеждами мы не заметили очень многих вещей, мы не производили никакого анализа, не увидели явлений гораздо более широких, чем беспризорность. Эта ошибка уже принесла много вреда, и этот вред увеличивается.

А между тем нужно обратить внимание на следующее:

1. Беспризорные 1921—1924 гг. уже давно исчезли. Писательская романтика еще до сих пор культивирует этот старый тип беспризорного анархиста, блатняка и в то же время гениально способного индивида. На самом деле сейчас ничего такого нет. И раньше беспризорный не был так ужасен, как рисовали его наши, а еще более западные писаки, но раньше он действительно был сыном уголовного общества и в значительной мере или по крайней мере воспитывался им. В лучшем случае он был выходцем из отвратительного мещанского моря городской кустарщины.

Сейчас у нас ни этого кустарного мещанства, ни тем более специально уголовного мира нет. Вор теперь больше руководится нуждой, чем какой- либо фило-

софией. И современный беспризорный — это вовсе не то, что раньше. Даже если он вор, то все же он больше всего хочет перестать быть вором… Сейчас увлекает не романтика блатного индивидуализма, а зависть к металлистам, к футболистам, к летчикам, шоферам, морякам. Дайте вору в руки инструмент — и он доволен.

Наш теперешний беспризорный — это не продукт классового распада... Теперешний беспризорный — это прежде всего ребенок, потерявший семью.

Причин этому много: более свободна форма семьи, отсутствие принудительного сожительства, более напряженное движение человека в обществе, большая загруженность отца и матери работой, отход женщины от семейной ограниченности, материальные и прочие формы противоречий. А в то же время остались и действуют и ранее существовавшие формы потери семьи: смерть одного из родителей, измены, мачехи, болезни и инвалидность.

Если ребенок раньше был собственностью своего отца и до конца подчинялся не только его авторитету, но и его палке, то теперешний ребенок, в особенности мальчик, абсолютно не склонен к собственному обезличиванию. Он считает себя вправе отказаться от принадлежности к семье и уходит. Отцы и дети в наше время стоят почти на равноправных позициях, нет уже того, что раньше держало семью связанной, — деспотической власти отца, освященной всей моралью общества... Отцы тоже не очень церемонятся с детьми. Я знаю почти анекдотический случай такого типа: родители отправляют сына на два дня погостить к тете, а когда сын возвращается в отчий дом, он не находит ни родителей, ни вещей, никаких следов — семья выехала неизвестно куда.

Мы можем сколько угодно штрафовать родителей или принудительно возвращать детей к ним — это совершенно безнадежное и бесполезное занятие.

Сами дети это очень хорошо понимают. Понимают это и родители. В настоящее время я принимаю ежедневно несколько десятков просителей. Из них очень немного беспризорных. Большинство же — дети из семьи или родители.

Я встречал очень мало ребят, для которых не являлось бы мечтой поступление в коммуну им. Дзержинского. Здесь привлекает отнюдь не хорошее обеспечение. Во-первых, коммунары не так уже и обеспечены, во всяком случае, они ходят еще в бумажных костюмах[3]. Во-вторых, такое же явление я наблюдал и по отношению к колонии им. Горького, которой заведовал восемь лет, хотя колонисты всегда жили бедно. Ребят привлекает прежде всего интересная и богатая перспективами и содержанием жизнь коллектива. Ребята инстинктивно видят в жизни такого коллектива что-то настоящее.

Если проверить состав детей в детских домах, то прежде всего поражает то, что почти у всех детей есть или родители, или родственники. Это происходит и от того, что детские дома в очень большой мере заполняются прямо из семьи при помощи разных просьб, протекций, ходатайств и пр. А также и оттого, что многие беспризорные скрывают свое семейное положение; оно выясняется только к концу пребывания мальчика в колонии.

2. Борьба с беспризорщиной, отданная во владение интеллигентщины, по совести говоря, не была по существу большевистской. Подходят к беспризорному с самым нежным сердцем и даже с разнообразными чувствами, вокруг беспризорного нагородили непроходимые ворохи всякого идеалистического словесного хлама, вплоть до «свободного воспитания» и «гармонической личности», рассматривали его не как гражданина и будущего работника, а как биологическую игрушку для нашего этого самого сердца или как хороший прибор для упражнений в разных логических трюках. Остатками старой российской интеллигентщины заражены многие… Мы и легкомысленны, как интеллигенты. Мы ничего не жалеем, отдаем на

беспризорных огромные деньги, но за разными делами забываем проверить, как истрачены эти деньги и что получается.

А что получается? Этому самому ребенку на линиях политической грамотности рассказываем об индустриализации, о Днепрострое, об автомобильных заводах. Даем ему газету, в которой он читает о технике, о рационализации, о стройках. А работать заставляем его в сапожной мастерской или в столярной, при этом работать так, как работали только сапожники в старой России, заставляем «сучить дратву» и строгать рубанком. А этот самый беспризорный прекрасно знает, что на обувных и деревообделочных фабриках вовсе не так работают. Этого не знают только его педагоги. Он стремится на завод, он хочет быть металлистом, шофером, механиком, радистом, летчиком, станковым или электромонтером, а мы ему в руки даем архаическое сапожное шило или заставляем делать вручную табуретки, которых теперь уже никто вручную не делает.

И это в лучшем случае. А бывает гораздо хуже: мы заставляем его собирать лекарственные растения, или заниматься картонажным делом, или просто ничем не заниматься. В детских домах обвиняют беспризорного в лени, обвиняют только потому, что тот не хочет сучить дратву. Так же ленивы были и «мальчики» у старых сапожников, но старые сапожники могли по крайней мере заставить «мальчика», а мы и этого сделать не в состоянии. И тогда мы начинаем кричать о проблеме дисциплины, когда на самом деле у нас такой проблемы вовсе нет, а есть только одна проблема: здравого смысла по отношению к детям.

И поэтому стремление ребенка в детский дом оказывается стремлением неудовлетворенным. Если мальчишка бежит из детского дома, то вовсе не потому, что там плохо кормят, а потому, что такой детский дом ему просто не нужен, да вообще он и никому не нужен. Он бежит потому, что рассчитывает хоть на что-нибудь: на удачу, на новый дом, на случай, а здесь ему, во всяком случае, рассчитывать не на что.

С удивительной настойчивостью приняли меры, чтобы детские дома отвращали от себя. Их организовали в случайных местах, наименее социалистического типа: в старых монастырях и помещичьих гнездах, далеко от города, без водопровода, без канализации, без электричества. Их сделали карликовыми, т. е. обрекли на кустарное или примитивное хозяйство, лишили общества техников и инженеров и всех признаков серьезного советского хозяйства: промфинплана, рентабельности, цельности, полезности, качества, хозрасчета. Такие детские дома — это форменные белые вороны в Советском Союзе. Это ничем не объяснимое утверждение кустарщины, уравниловки, мелкобуржуазного ханжества. И на эти по меньшей мере чуждые нам учреждения ежегодно тратим миллионы рублей.

3. Из таких детских домов должны бежать — это непреложный закон. Он вытекает из самых общих наблюдений. А если коснуться педагогической и организационной техники ближе, то мы найдем очень много причин...

Возьмем наудачу одну техническую деталь. В детские дома дети идут не по собственному выбору, а по случайным обстоятельствам. И тем не менее мы предлагаем всем воспитанникам данного детского дома одну и ту же работу... Наробразы только и знают, что «реорганизуют детские дома», т. е. беззастенчиво перебрасывают из одного детского дома в другой по разным поводам и просто без поводов целые группы, закрывают, открывают, укрупняют, разукрупняют... У меня и сейчас есть воспитанники, которые ни разу ниоткуда не бежали, но которые тем не менее перешли через восемнадцать детских домов.

Беглецы из детских домов должны представлять для нас интерес не только потому, что их снова нужно «подбирать», а скорее по другой причине. Беспризор-

ные на улице — это настоящая социальная зараза. Возле таких беспризорных на улицах обязательно начинает организовываться группа будущих беспризорных. Вопль всех родителей сейчас выражается буквально в одних и тех же выражениях:

- Мальчик от дому отбился, шляется с беспризорными...

4. И вот при такой конъюнктуре мы повторяем одну и ту же ошибку. Мы вдруг ассигнуем на подбор беспризорных большие суммы и действительно в течение трех-четырех дней очищаем улицы, запихиваем этих опытных беглецов из детских домов в эти же самые детские дома... Я участвовал не меньше как в десятке таких массовых подборов и давно пришел к такому заключению, что это самое большое зло, какое у нас есть.

Нет ничего вреднее такого массового подбора. Самый характер этого подбора определяет и его неудачу. Это очень несолидно, хотя и стоит солидных денег. Все эти ребята очень хорошо знают, чем кончаются такие подборы, а зная это, они и других научат — новеньких, первичных беспризорных.

Конечно, нужно убрать беспризорных с улицы и нужно их прежде всего накормить, но, наконец, нужно же когда-нибудь задуматься: до каких же пор будет продолжаться эта игра? Не лучше ли организовать детские дома так, чтобы больше массовых подборов не было?

А для этого нужно:

1. Иметь все-таки какой-то план, исходящий из реальных данных, в том числе из данных о потере семьи или по крайней мере о числе физических сирот.

2. Организовать детские учреждения так, чтобы дети из них не бежали.

3. Поставить перед детскими учреждениями серьезный вопрос о подготовке кадров, а не сапожников, о воспитании нужных для страны людей. Этот вопрос тоже запланировать, в том числе запланировать и вопрос о выпусках и о назначении выпусков. Совершенно же очевидно, что по окончании детского дома воспитанник должен куда-нибудь командироваться на работу и ему должны быть предоставлены все условия, чтобы он эту командировку мог выполнить.

4. Принять все меры, чтобы детские дома перестали быть потребительскими учреждениями, а сделались учреждениями трудового советского социалистического воспитания, чтобы на них не нужно было выбрасывать десятки миллионов рублей совершенно непроизводительно.

5. И совершенно ясен путь правильной работы детских домов — это тот самый путь, который мы предлагаем. Путь следующий:

А. Детские колонии должны быть настолько крупными, чтобы в них можно было организовать серьезное производство, обставленное станками, обладающее строгим технологическим процессом, дающее подготовку по разным разрезам и специальностям, руководимое инженерным и техническим персоналом, достаточно квалифицированным.

Б. Подготовка кадров в колониях должна равняться не на кустарную квалификацию для кустарной мастерской, а на квалификацию современного рабочего в большом производстве, с разделением труда и со стандартной продукцией.

В. Само собой разумеется, что в более крупном производстве всегда найдутся отделы, где будет получаться не стандартная квалификация. Только крупное производство может подготовить, с одной стороны, и токаря, и револьверщика массовой продукции, но, с другой стороны, и высокой квалификации слесаря-инструментальщика, или лекальщика, или модельщика.

Такая колония должна обладать и школой на разные вкусы и способности. Беспризорная масса дает очень разнообразный букет личных качеств. Многим нужно будет дать в прибавку к квалификации только обычную грамотность — не

больше, как за четыре группы, другим грамотность семилетки или фабзавуча, третьим знания специального техникума, четвертым общее среднее образование, может быть, даже без всякой квалификации, с установкой на вуз.

Это все чрезвычайно серьезные вещи, и все это требует соответствующих организационных выводов. Ясно, что в маленькой колонии нельзя удовлетворить все эти наклонности и вкусы случайно собранных ребят. Это порождает не только побеги, а гораздо более тяжелые последствия — конфликты, разочарования, гибель характеров, подавленность, подозрительность, скрытые и открытые протесты, воровство, пьянство, хулиганство.

Г. Трезво глядя в глаза жизни, нужно подчеркнуть, что интерес к квалификации и к учебе сам по себе далеко не всегда определяет движение колониста вперед. Есть много слабых характеров, для которых необходимы более простые стимулировки: дисциплина и в особенности материальная заинтересованность.

Впрочем, вопрос о зарплате имеет гораздо более широкое значение, чем только стремление [материальной] заинтересованности. На получаемой зарплате колонист воспитывается координировать личные и коллективные интересы, приучается к личному бюджету, попадает в сложнейшее море советского промфинплана, хозрасчета и рентабельности, изучает всю систему советского заводского хозяйства и принципиально входит в класс пролетариата, становясь на совершенно общие позиции со всяким другим рабочим. Наконец, приучается просто ценить заработок и уже не выходит из детского дома в образе своеобразной беспризорной институтки, не умеющей жить, а обладающей только «идеалами».

Кроме того, зарплата позволяет каждому колонисту к моменту выпуска иметь сбережения в сберкассе и выходить в жизнь довольно хорошо обеспеченным.

Д. И наконец, самое главное. Пора детским колониям сделаться очагами коммунистического воспитания. А это значит, что мы должны воспитывать не только рабочих, но и ударников, знающих по опыту, что такое соцсоревнование, комсомольцев, людей, преданных своему классу и революции. А это мы можем сделать только в атмосфере серьезного советского производства.

Можно сказать: а как же наша школа? Неужели и для нее необходимо производство? Я давно говорю: да, совершенно необходимо, но в школе мальчик или девочка не так оторваны от общества. Отец или мать, братья, сестры, дяди и родственники — они очень много вносят в психику мальчика от того производства, на котором они работают. А воспитанник детской колонии, если в колонии нет производства, оторван от советской жизни, он живет и воспитывается в искусственно созданных несоветских условиях.

6. Все это совершенно необходимо аргументирует крупную детскую колонию. Собственно говоря, я вовсе не настаиваю на этой логике — 12 тысячах детей в одном месте. Достаточно, если в колонии будет тысяча детей. Важно, чтобы она была оборудована и организована правильно.

Мое предложение о единой колонии на 12 тысяч детей вытекает из других соображений.

Если нужно подобрать сейчас 12 тысяч детей, то, собственно говоря, в воспитательном отношении безразлично, будет ли организовано 12 колоний на расстоянии нескольких сот верст одна от другой, или будут эти самые 12 колоний, расположенные одна от другой на расстоянии полукилометра. Воспитательный успех будет решен не расстоянием между колониями, а их организацией. Конечно, в одном коллективе не должно быть больше тысячи детей. Здесь критерием является контактность коллектива: необходимо, чтобы члены одного коллектива друг друга знали, чтобы они могли вместе собраться на общее собрание, чтобы они знали своих

руководителей и все свои дела. И поэтому, на каком бы расстоянии ни были расположены колонии одна от другой, каждая из них должна быть самостоятельной единицей, управляемой в порядке единоначалия и в порядке единства коллектива и его интересов, на отдельном хозрасчете, с отдельным промфинпланом. Это совершенно необходимо.

Но очень много приносится полезного и общением между колониями, и соревнованием между ними. Вот сейчас коммуна им. Дзержинского имеет постоянную живую связь с Прилукской коммуной, с Дергачевской и Гиевской колониями, с колонией им. Горького, с 82-й и 55-й школами, со школой слепых в Харькове и с другими детскими организациями.

Если эта связь и общение будут не случайно и сложно налажены, как теперь, а организованы в одном федеративном союзе на базе участия в одном производственном, бытовом и культурном комбинате, то от этого будет огромная и, пожалуй, даже не виданная до сих пор польза.

Ибо одним из недостатков детских домов и колоний является именно их все определяющая контактность. Своими дети считают только тех, кто с ними живет в одном доме и кого они знают в лицо. Необходимо, чтобы признак «свой» определялся не интернатом, а общим делом — единственно правильный классовый подход.

Но допустим даже, что все эти выгоды несущественны. В таком случае, какие могут быть названы воспитательные убытки? Я не знаю никаких.

Значит, можно считать, что в воспитательном отношении расстояние между колониями безразлично.

Но оно не безразлично во многих других отношениях. Прежде всего одна колония на 12 тысяч человек будет стоить раза в три дешевле, чем 12 колоний на тысячу человек каждая. Будет стоить и в строительстве, и в функционировании.

Во-вторых, и это очень важно: для 12 колоний потребуется персонал в шесть тысяч человек, а для одной колонии, большой, — в три тысячи человек[4]. А самое главное: мы настолько бедны опытом удачных детских колоний, что в настоящее время можно сказать уверенно: для 12 колоний нет людей, нет их и для четырех. Поэтому выгоднее создать кулак организаторов в одном месте, чем разбрасывать кадры по всей республике.

В-третьих, все равно нужно центральное управление этими колониями как хозяйственно-производственным трестом. Но гораздо удобнее это управление иметь в самой колонии, чем заставить его разъезжать по всей Украине или ограничиваться бумажными директивами.

В-четвертых, наконец, наибольшая выгода заключается в солидности дела. Это во всех отношениях облегчит и получение фондов, и снабжение, и сбыт и предохранит колонию от каких бы то ни было партизанских наскоков случайных реорганизаторов на местах, от ненужных и вредных опытов.

Можно строить одну колонию, можно строить двенадцать или шесть, в последнем счете, если есть лишние деньги, отчего не строить.

Но не могу без глубочайшего оскорбления представить себе, что большие миллионы будут вложены на расширение и организацию существующих колоний. Сколько же есть таких колоний, которые не жалко развалить? Ведь в колонии им. Горького все здания давно нужно взорвать. И сколько уже совершали таких ошибок: найдем какой-нибудь трехсотлетний монастырь, которому прямо грош цена, соблазнимся его дырявыми крышами, начинаем организовывать там колонию. Постепенно вкладываем большие капиталы — миллионы. А потом сами себя ругаем: монастырь стоит десять тысяч, а вся колония — двадцать миллионов, но благодаря

тому что привязались к монастырю, колония отстоит от железной дороги на 18 километров, на каждом шагу мешают все эти холодные и теплые церкви, и мы еще должны их бесконечно ремонтировать, ибо неосмотрительно расположили в них столовую или клуб.

Далеко не нужно ходить — в подобном положении находится и Прилукская коммуна ГПУ УССР, и вторая коммуна ОГПУ под Москвой, в Николо-Угрешском монастыре. Здесь я привожу названия крупных единиц, а что уж говорить о мелких колониях, которые по своим материальным данным просто ничего не стоят.

А.С. Макаренко. Пед. соч., в 8 т., т. 1, с. 204-210. Полный текст: РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.422.

По содержанию датируется: осень 1935 г. (после сентября) – конец 1935 г. Ранее публиковалось под заголовком: «Объяснительная записка к проекту организации трудового детского корпуса (1934 год)» необоснованно, т.к. в тексте нет выражения «трудовой детский корпус». Ошибка связана с опытом создания этого «корпуса» в 1927–1928 гг.

Объяснительная записка составлена как приложение к проекту, направленному А.О. Броневому для обращения в Совнарком (правительство) УССР от имени ОТК НКВД Украины.

Этот проект ещё неизвестен исследователям. Очевидно, он составлен в связи с рассмотрением в правительстве бюджета 1936 г., предусматривающего ассигнования на работу по выполнению постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (опубл. 1 июня 1935 г.).

В объяснительной записке центральное место занимает вопрос: куда будет сделано вложение «больших миллионов» рублей. Два варианта: «в расширение и организацию существующих колоний» или в строительство новых колоний для 12 тыс. детей. А.С. Макаренко предлагает второй вариант, в двух его формах: 12 колоний по 1 тыс. детей, в виде «федеративного союза», одного «производственного, бытового и культурного комбината» - или одна колония на 12 тыс. детей, с её подразделениями по 1 тыс. детей. Вторую форму он объясняет как наиболее целесообразную, в отношении её финансирования и кадрового обеспечения, более успешного решения педагогических задач.

Упоминаемый проект, как видно по тексту, прошёл предварительное обсуждение, с участием Шелехеса. Высказанные им тогда некоторые соображения воодушевили А.С. Макаренко на более обстоятельную аргументацию предложенного плана.

В его записке ясно видно расхождение с партийно-государственной политикой устранения труда, производства из деятельности образовательно-воспитательных учреждений. При этом постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР начала 30-х гг. о школе соблюдаются как относящиеся к общему образованию, преимущественно к учебному процессу. Отход от производственно-трудовой практики – это дальнейшее превращение педагогических учреждений в «потребительские учреждения», несовместимые в своей деятельности с целями «советского, социалистического воспитания».

Усиливая педагогическую целесообразность воспитания в системе труда, А.С. Макаренко вносит в это много нового: необходимо иметь все признаки современного индустриального производства и «советского заводского хозяйства» (промфинплан, хозрасчёт, рентабельность), лучше «координировать личные и коллективные интере-

сы», моральную и материальную заинтересованность в труде, воспитывать «не только рабочих», но творческих тружеников (в ударничестве, соцсоревновании).

Предлагается организация педагогического учреждения как крупного «хозяйственно-производственного треста», с многообразием производственных квалификаций, что позволяет лучше удовлетворять различные «наклонности и вкусы» молодёжи. В этой системе действует «школа на разные вкусы и способности», с разным уровнем образования и профессионализма (в том числе и «с установкой на вуз без производственной квалификации»). Опираясь в этих предложениях на практику коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, А.С. Макаренко намеревается продолжить и развить этот опыт, сделать его более совершенным и масштабным.

Он заявляет, что педагогическое учреждение без производства – это жизнь и воспитание детей «в искусственно созданных несоветских условиях». Такая практика – воплощение педагогической теории «чуждого нам общества» (см. ранее – в письме К.С. Кононенко, сент. – окт. 1935 г.). Ещё ранее, в письме А.М. Горькому 24 ноября 1925 г.: «...наше советское воспитание... не представляет ничего ни революционного, ни советского...» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 181).

Направленный в Совнарком УССР проект – четвёртая, наиболее решительная попытка А.С. Макаренко реализации его взглядов и опыта как социальной, реформаторской педагогики. Первая относится к 1935 г.; в урезанном виде она успешно осуществилась летом 1926 г. в объединении Полтавской и Харьковской (Куряжской) колоний. Вторая – опыт создания Трудового детского корпуса Харьковского округа: июль 1927 г. – февр. 1928 г. Третья – участие в проекте «открытия новых детских трудовых коммун на 12000 человек», летом 1934 г. См. там же, Часть 1, с. 156-197, 201-255; Часть 3, с. 243-244, 248. Предложенный в 1935 г. план – это, видимо, возобновлённый проект 1934 г., его вариант.

«Объяснительная записка» в своей основе имеет много общего с «Некоторыми соображениями о школе и наших детях». Главное - выступление против «суживания вопроса», в первом случае вопроса о школьной дисциплине и успеваемости, во втором – проблемы беспризорности. А. С. Макаренко выходит далеко за традиционные узкие рамки рассмотрения педагогических явлений, вскрывает их социальные предпосылки, предлагает необходимые общественно-педагогические решения.

Имея в виду фундаментальную в педагогике проблему «воспитание и жизнь», он указывает на принципиальное изменение жизненной позиции детей и родителей, педагогов. По его мнению, происходящие в семье негативные процессы необратимы, они должны компенсироваться различными формами общественного воспитания. Об этом он со всей определённостью высказывался ещё на рубеже 1920–30-х гг. (там же, Часть 1, с. 299-302), предупреждая о живучести явления беспризорности, особенно в форме безнадзорности и «социального сиротства», как сейчас говорят.

[1] Шелехес – тогда ответственный работник Совнаркома УССР.

[2] Броневой А.О. до 1936 г. зам. нач. экономического управления ГПУ УССР; в 30-х гг. предс. комиссии по борьбе с детской беспризорностью обл. исполкома (Харьков, Киев); с марта 1932 г. зам. предс. и предс. правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

[3] Костюмы из «хлопчатобумажной» ткани, ситца.

[4] В указанных цифрах можно видеть педагогически приемлемую «норму» соотношения численности воспитанников и персонала в педагогическом учреждении – 4:1 (в одной большой колонии) и менее приемлемую – 2:1 (в небольших колониях). В коммуне им. Ф.Э. Дзержинского при наиболее благоприятных производственных условиях (1930–1932 гг.) соотношение было 3:1.

Методика организации воспитательного процесса (фрагменты)

1. Организационное строение коллектива

Организация коллектива в детских учреждениях происходит по различным принципам. Дети могут разделяться на группы по признаку школы: при этой системе в интернатных учреждениях они поселяются в спальнях школьными классами или [их] частями. В этом есть свои выгоды: дети подбираются одного возраста, одного развития, для них удобнее и легче готовить уроки, пользоваться общими пособиями и учебниками, помогать отстающим.

Но в этом есть много недостатков: первичные коллективы, образованные таким образом, быстро замыкаются в кругу узких школьных интересов, отходят от трудовых и производственных вопросов, от вопросов хозяйственного роста всего учреждения.

Первичные коллективы воспитанников могут быть организованы и по другим принципам, а именно:

по производственному,

по возрасту и т. п.

В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского основным признаком организации первичного коллектива является признак, производственный[1]. При такой организации нужно руководствоваться следующими положениями:

а) все воспитанники разделяются на отряды, которые являются отрядами и на производстве;

б) величина отряда может колебаться от 7 до 15 человек. Больше 15 человек иметь в одном отряде нельзя. Как показал опыт, первичный коллектив, если он составлен из бóльшого числа членов, слабо подчиняется руководству своего старшего, а старший не в состоянии охватить всех членов отряда:

в) если воспитанники работают на производстве в две смены, лучше составлять отряды сменные;

г) если группа станков незначительна, можно составлять отряды, включающие воспитанников первой и второй смены, но эта форма является менее удобной, так как в таком случае ребята одной смены не встречаются на производстве с ребятами другой смены;

д) если позволяют условия производства, желательно в некоторых случаях составлять сквозные отряды, т. е. обслуживающие поток одних и тех же деталей от начала до конца;

е) каждый отряд должен быть расположен в отдельной спальне или в группе спален, находящихся рядом;

ж) в столовой отряды помещаются вместе.

Организуя первичный коллектив по производственному признаку, нельзя оставлять без внимания возрастных различий. В учреждениях, где нет еще крепкого и хорошо организованного коллектива и не создан правильный дисциплинарный тон, совершенно необходимо, чтобы первичные коллективы — отряды для младше-

го возраста 10-14 лет — были отдельные; только как исключение можно допускать включение отдельных малышей в отряды старших, но в этом случае необходимо самым внимательным образом проверять индивидуальные особенности: учесть, под каким влиянием будет находиться младший, как его принимают в отряде, кто персонально отвечает за его жизнь в отряде и работу, кто должен осуществлять особенную о нем заботу.

Если есть пионерская организация, необходимо, чтобы в каждом отряде была пионерская прослойка. Если пионеров хватает для всех отрядов малышей, то желательна организация специальных пионерских отрядов.

Точно так же должны располагаться и комсомольские силы в отрядах старших. Отдельные комсомольские отряды допустимы только в том случае, если во всех остальных отрядах есть по крайней мере 25-30% комсомольцев.

Это же относится и к активу: актив не должен замыкаться в отдельных отрядах и спальнях, а должен быть распределен между всеми отрядами. Членов актива нужно специально посылать в отсталые отряды.

Когда коллектив организационно и дисциплинарно сложился, созданы точный режим и здоровые традиции, тогда чрезвычайно полезно организовать смешанные возрастные отряды.

В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского первичные коллективы-отряды организованы по принципу объединения разных возрастов.

Такая организация дает большой воспитательный эффект — она создает более тесное взаимодействие возрастов и является естественным условием постоянного накопления опыта и передачи опыта старших поколений. Младшие получают разнообразные сведения, усваивают привычки поведения, рабочую ухватку, приучается уважать старших и их авторитет. У старших забота о младших и ответственность за них воспитывают качества, необходимые советскому гражданину: внимание к человеку, великодушие и требовательность, наконец, качества будущего семьянина и многие другие.

Весь этот сложный воспитательный процесс в хорошо организованном коллективе происходит без специальных усилий, в порядке постоянного наслаивания мельчайших и тонко нюансированных впечатлений, поступков и отношений.

Но такой стиль отношений старших и младших является более высокой формой организации воспитательного процесса и требует квалифицированного и вдумчивого педагогического руководства и влияния.

Необходимо всегда следить за тем, чтобы состав отряда по возможности не менялся, чтобы члены отряда сбивались в дружный коллектив. Слишком частые переброски воспитанников с одного рабочего места на другое не только вредят производственному процессу, но и разрушают первичные коллективы ребят. Вообще закрепление первичных коллективов в своем составе на более или менее продолжительное время является решающим обстоятельством во всем воспитательном процессе[2]. Поэтому необходимо переброски ребят с одного рабочего места на другое производить как можно реже.

Во всяком случае, при производственном делении коллектива является правилом: если воспитанник переходит с одного рабочего места на другое, то он должен перейти и из одного отряда в другой, т. е. переменить и спальню и место в столовой.

В школе, разумеется, дети должны быть организованы по классам или курсам. В коммуне им. Дзержинского эта организация действует только в стенах школы во время учебной работы или вечером во время подготовки уроков.

Организация же первичных коллективов в форме производственных отрядов должна считаться главной организацией[3], ей должно всегда уделяться самое пристальное внимание.

Необходимо самым решительным образом бороться с бытовой бесформенностью коллектива. Если ребята на производстве и в школе организованы, а в быту предоставлены случайным формам, воспитательные результаты всегда будут ниже. В учреждениях с интернатом спальня ни в коем случае не должна рассматриваться только как общежитие. Спальня должна явиться дополнительной формой трудового, хозяйственного и политического воспитания; группа ребят в спальне должна быть связана своими школьными успехами, производственными удачами, неудачами, производственной борьбой, производственными злобами дня, ростом и успехами всего коллектива.

Если эта связь не будет организована, спальня сделается местом самотечной организации других связей, идущих обычно по линии наименьшего сопротивления и пониженных требований — примитивные удовольствия и развлечения, а иногда и антисоциальные связи и проступки.

Вот почему необходимо обращать самое серьезное внимание на четкую организацию быта, а ребят рекомендуется расселять в спальнях по отрядам.

2. Самоуправление в отряде

Во главе отряда должен стоять командир — один из членов коллектива. Может быть два принципа выдвижения командира — назначение и выборы[4].

1. Назначать командиров необходимо во всех случаях, когда нет крепкого коллектива, а комсомольская организация еще недостаточно руководит общественным мнением в коллективе.

Тогда одна из первоочередных задач педагогического коллектива — помочь усилению политического влияния комсомольской организации, объединить актив, увлечь его энергичной работой в коллективе и самоуправлении. Командиры должны назначаться из числа влиятельных комсомольцев и актива приказом руководителя учреждения, но предварительно кандидатуры должны быть обсуждены в педагогическом совете, в производственном управлений, в комсомольской организации и в совете командиров.

2. В хорошо организованных коллективах с сильной комсомольской организацией следует переходить к выборности командиров. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского отряд намечает своего кандидата в командиры при ближайшем участии бюро комсомола, педагогического коллектива и совета командиров. Кандидатуры представляются на окончательное распоряжение руководителя педагогической частью. В случае отвода кандидата вопрос согласуется с отрядом. Командиры избираются персонально на общем собрании коллектива[5]. Голосуют только члены коллектива, имеющие звание коммунара. Командиры должны постоянно чувствовать свою связь с уполномочившим их коллективом и свою ответственность.

В командиры должен выбираться воспитанник, преданный интересам учреждения, хороший ученик в школе, ударник на производстве, более других квалифицированный и обладающий личными данными: тактом, энергией, распорядительностью, вниманием к младшим, честностью. Работа командира рассматривается как самая ответственная нагрузка, свидетельствующая о доверии к нему руководства и коллектива.

На производстве командир должен главной своей задачей считать выполнение производственного плана и развертывание стахановского движения. В направлении к решению этой задачи командир должен проявить свою заботу во всех решительно областях работы, каковыми являются: стахановское движение, дисци-

плина, обеспечение материалами, борьба с простоями и прогулами, хороший инструмент, хороший инструктаж, организация рабочего места, удовлетворительная спецовка, правильные нормы, правильная документация.

Обо всех решительно неполадках и недостатках в этих областях командир должен советоваться с инструктором, начальником цеха, докладывать руководителю учреждения или его помощнику; обсуждать на общем собрании отряда или производственном совещании.

Однако он обязан принимать самые решительные меры, чтобы такие обсуждения и совещания не происходили в рабочее время, чтобы от станка ни один воспитанник не отрывался во время работы.

Сам командир должен иметь свое рабочее место у станка. За командирскую работу ему может быть положен дополнительный заработок в размере 10-20% его производственного заработка.

Командир не должен подменять инструктора, на обязанности которого лежит прямое руководство техническим процессом производства. Если инструктором является один из членов коллектива — воспитанник, он на производстве должен выполнять те же функции, что и наемный инструктор, не смешивая этих функций с функциями командира отряда.

В быту, в спальне командир также является ответственным старшим товарищем в отряде. Из числа воспитанников в отряде выделяется один в качестве помощника командира. Кроме того, в отряде выделяется спорторганизатор. Эти кандидатуры намечаются всем отрядом или персональным представлением командира, они утверждаются педагогическим руководством и советом командиров. В каждом отряде должен быть комсорг.

Руководство отряда во главе с командиром имеет следующие функции:

а) следить, чтобы все воспитанники строго выполняли порядок дня, вставали в положенное время, не опаздывали к столу, вовремя уходили на работу и в школу, вовремя находились в учреждении вечером; точно в указанное время отходили ко сну;

б) наблюдать за санитарным состоянием отряда, своевременностью и качеством уборки, выполнением очередными дежурными их обязанностей, за умыванием и пользованием баней, за стрижкой воспитанников, за мытьем рук перед едой. Приучить всех воспитанников соблюдать чистоту, не сорить, не плевать на пол, не курить, стричь ногти на руках и ногах, не валяться на кроватях в одежде, не устраивать на кроватях борьбы и т. п.;

в) следить за успехами воспитанников в школьной работе, организовать помощь отстающим, добиваться порядка в отряде, обеспечивающего возможность готовить уроки;

г) втягивать воспитанников в клубные и спортивные кружки, чтение газет и книг, участие в стенгазете;

д) добиваться повышения культурного уровня воспитанников, уничтожения в их лексиконе грубых слов и ругательств, регулировать товарищеские отношения, приучать к разрешению конфликтов без ссор и драк, решительно бороться с малейшими попытками насилия более старших или более сильных над младшими и слабыми;

е) вести решительную борьбу с отрицательными наклонностями отдельных воспитанников. Воспитывать у членов отряда уважение к чужому труду, к чужому покою, отдыху, занятиям;

ж) следить за образованием в отряде отдельных группировок и дружеских спаек, поощрять и развивать полезные занятия (спортивные, радиолюбителей

и др.), решительно уничтожать вредные (антисоциальные). Ходатайствовать об удалении из отряда особенно вредных членов.

В школе коммуны им. Ф. Э. Дзержинского имеется институт командиров классов. Эти командиры находятся в распоряжении заведующего школой и являются помощниками классных руководителей.

Они наблюдают за дисциплиной в классе во время уроков и на перемене, за общим порядком и чистотой в классе, за сохранностью классного имущества. Дежурные по классу подчинены командиру класса, и он отвечает за их работу. По требованию преподавателя командир удаляет из класса нарушителя дисциплины. Эта организация действует в школе во время учебной работы. Вне школы — в быту и на производстве — командир класса подчиняется командиру отряда, членом которого он состоит. Сложная система коллективных зависимостей воспитывает умение руководить и подчиняться.

Командиры осуществляют руководство отрядами на базе общих собраний отряда, влияния отрядного актива, политической работы комсомола и политобразовательных организаций учреждения, работы всех органов самоуправление в полном согласии с административно-педагогическим руководством, при постоянном инструктировании и помощи со стороны педагогического персонала.

Независимо от этого отрядное руководство, на базе тех же процессов и организаций, должно всегда мобилизовать внимание членов отряда на вопросах производственной работы, выполнения промфинпланов, повышения качества и борьбы с браком, на школьной учебе и дисциплине в коллективе, на общих путях роста и развития учреждения.

Командир всегда должен стремиться к тому, чтобы отряд был дружным коллективом, свой авторитет он строит на своей лучшей работе, на своем образцовом поведении, комсомольской принципиальности и не превращается в начальника.

В конце дня в точно установленное время и по определенной форме командиры рапортуют руководителю педагогической части о состоянии своего отряда, о проступках воспитанников и нарушениях режима, если они имели место. Такой краткий ежедневный рапорт дает руководителю ясную картину состояния учреждения и возможность немедленно принять необходимые меры как в отношении отдельных воспитанников, так и по вопросам общей организации. Для коллектива ребят осведомленность руководства и возможность немедленно реагировать на поступки и события имеет большое воспитывающее значение[6].

Командиры избираются на 3-6 месяцев. Такой срок является наиболее целесообразным: во-первых, в этот короткий срок командиры чувствуют себя уполномоченными коллектива и не превращаются в своеобразных должностных лиц; во-вторых, через командные посты проходит большое количество воспитанников и, в-третьих, обязанности командира, требующие дополнительных напряжений, не становятся в этот срок тягостными для воспитанников. Вопрос о снятии до срока полномочий командира всегда должен быть основательно мотивирован и одобрен советом командиров. Административное отстранение командира может быть вызвано только очень серьезными и не терпящими отлагательства обстоятельствами.

Все командиры отрядов и классов составляют центральный орган самоуправления — совет коллектива (совет командиров) данного учреждения.

3. Органы самоуправления

Главным органом самоуправления является общее собрание всех воспитанников детского учреждения[7]. Оно должно собираться в период организации и прорывов в работе учреждения или в коллективе не реже одного раза в шестидневку, а остальное время — не реже двух раз в месяц.

Общее собрание, как правило, должно быть всегда открытым, т. е. на нем имеют право присутствовать и высказываться все члены коллектива. В некоторых вопросах может быть допускаемо и голосование всех присутствующих, например в вопросах, имеющих отношение к культурной и клубной работе и др.

Председательствует на общем собрании председатель совета коллектива[8], за исключением тех собраний, на которых совет коллектива отчитывается. Может быть принят и другой способ выделения председателя, например, могут председательствовать все члены коллектива по очереди. Это полезно для сообщения всем воспитанникам определённых общественных навыков и вовлечения их в активную общественную жизнь.

Необходимо рекомендовать сокращение времени на выбор президиума. Вообще общие собрания коллектива воспитательных учреждений должны быть всегда строго деловыми и не отнимать у воспитанников много времени. Поэтому для общих собраний должен иметься постоянный точный регламент, разработанный учебно-воспитательной частью совместно с комсомольским комитетом и утвержденный на одном из общих собраний.

Регламент этот имеет значение не только потому, что не позволяет общим собраниям затягиваться и отнимать у воспитанников время для сна или для чтения, но еще потому, что он приучает ораторов укладываться в точное время и высказываться по-деловому, коротко.

Однако на общих собраниях коллектива никогда не следует допускать прекращения прений или сокращения списка ораторов, так как одной из целей общих собраний является вовлечение всех воспитанников в активную общественную жизнь.

Руководство воспитательного учреждения обязано добиться, чтобы на общих собраниях была строгая дисциплина, высказывались по очереди, не было шума, хождений в зал и из зала, выкриков с места. Поэтому председательствующий должен иметь право делать замечания нарушающим порядок на собрании и удалять их в случае повторных нарушений.

Необходимо, чтобы все первичные коллективы учреждения (отряды, бригады, классы) по очереди несли распорядительство в зале во время общих собраний. Рекомендуется делать это так: каждый отряд воспитанников отвечает за порядок в зале во время общих собраний (концертов, кино) в течение полумесяца. Об этом должно быть объявлено в приказе. Дежурный коллектив заботится, чтобы в начале собрания в зале было убрано, чтобы был стол для президиума, графин с водой, сукно на столе и пр. Из состава дежурного отряда на каждое собрание выделяются дежурные распорядители, которым присвоены повязки определенного цвета. Дежурные распорядители находятся у входа в помещение и наблюдают, чтобы во время собрания или речи никто не ходил по залу, не толпился у дверей, не курил в зале. Нужно, чтобы на собрании не сидели в шапках, не приходили в спецовках (кроме производственных — в цехах). Эти же распорядители должны исполнять все приказания председателя.

В начале полугодия на общем собрании избираются следующие органы самоуправления: совет коллектива, санкомиссия, хозкомиссия.

Личный состав этих органов до выборов должен быть назначен в виде списка кандидатов учебно-воспитательной частью и комсомолом. Когда комсомольская организация занимает в учреждении соответствующее руководящее место, право намечать кандидатов необходимо предоставить ей.

Работа всех органов самоуправления в детском учреждении должна протекать точно по плану, кроме центрального органа — совета, коллектива (совета ко-

мандиров), которому приходится разрешать очень много текущих вопросов, и все их планом предусмотреть невозможно[9].

В работе органов самоуправления решающим обстоятельством является ее регулярность. Каждый орган самоуправления, если он почему-либо долго не собирается, теряет свой авторитет и фактически должен считаться несуществующим. Регулярность работы органов самоуправления не обеспечивается одним календарем и указанием точных дней, в которые должно собираться то или другое заседание.

Работа органов самоуправления только в том случае будет актуальной и важной, если вся жизнь воспитательного учреждения так построена, что замирание деятельности того или другого органа сейчас же отражается на работе учреждения и ощущается коллективом как недостаток. Для того чтобы органы самоуправления имели именно такое значение регулярно действующих институтов, необходимо следующее:

а) администрация учреждения, в том числе и педагогическая, ни в коем случае не должна подменять органы самоуправления и самостоятельно решать вопросы, подлежащие ведению этих органов самоуправления, даже если бы решение руководства и казалось очевидно правильным или более быстрым;

б) каждое решение органов самоуправления необходимо должно быть выполнено, и при этом без волокиты и откладывания;

в) если администрация считает невозможным выполнение ошибочного решения того или другого органа самоуправления, она должна апеллировать к общему собранию, а не просто отменять решение;

г) основным методом работы администрации должно быть влияние в самих органах самоуправления, и тот товарищ, который таким влиянием не пользуется и у которого всегда происходят конфликты с органами самоуправления, совершенно очевидно, для работы в этом учреждении не годится;

д) работа в органах самоуправления не должна отнимать у воспитанников чересчур много времени, чтобы они не тяготились своими обязанностями и не превращались бы в «чиновников»;

е) нельзя органы самоуправления загружать различными мелочами, которые могут быть разрешены в порядке обычной административной и текущей работы;

ж) учет работы всех органов самоуправления должен быть поставлен очень точно, и все решения их должны быть записаны. Желательно, чтобы такой учет был сосредоточен в одном месте, например у секретаря советь коллектива.

Такой учет позволит освободить органы самоуправления от утомительного и ненужного протоколирования, которое придает работе органов самоуправления бюрократический тон и перегружает работу детей излишним количеством бумаги. Только для важнейших решений, связанных с выпуском воспитанников, необходима книга протоколов. Текущий же учет работы органов самоуправления должен иметь характер общего журнала, в котором отмечаются даты и краткие формулы решений.

Весьма важной формой самоуправления, значительно разгружающей работу его органов и имеющей много других полезных воспитательных сторон, является работа отдельных уполномоченных, несущих персональную ответственность за свою работу. Эта форма в значительной мере подводит работу коллектива воспитанников к принципам единоначалия[10], приучает к личной ответственности, сокращает прения и обсуждения, сообщает всей жизни коллектива необходимый деловой темп.

Каждый уполномоченный должен работать от имени того или другого органа самоуправления, перед ним отчитываться, иметь строгие границы деятельности. Могут быть уполномоченные и от имени общего собрания. Об этих формах самоуправления будет сказано дополнительно.

В каждом воспитательном учреждении должен быть порядок, предусматривающий систему проверки решений органов самоуправления и исполнение их. Функция проверки может быть доверена всем первичным коллективам по очереди сроком на месяц.

В особенности трудным вопросом является проверка исполнения постановлений, касающихся наказаний и мер воздействия, накладываемых на того или другого воспитанника. Поручение этой функции наемному сотруднику недопустимо. В особенности трудно следить за наказаниями, имеющими длительный характер, например, различные ограничения; очень часто такие наказания забываются и самими виновными, и всем коллективом и теряют из-за этого всякое значение.

Опыт показал, что лучшей формой проверки в области мер воздействия является такая, когда функция проверки вытекает из каких-либо других обязанностей. Например, желательно в каждом коллективе иметь группу воспитанников, которым доверяется охрана учреждения извне или изнутри. Такой сторожевой отряд может являться отрядом проверки исполнения, а, в частности, обязанности проверки могут быть возложены на командира этого отряда.

Они могут быть возложены и на командира распорядительного отряда (дежурного по учреждению), т. е. на всех командиров по очереди.

4. Общее собрание

Общее собрание рассматривает следующие вопросы:

1. Отчетные доклады органов самоуправления и выборы новых органов.

2. Доклады отдельных частей учреждения — учебной, производственной, хозяйственной, санчасти[11].

3. Заслушивает и обсуждает контрольные цифры годовой сметы и производства.

4. Информационный доклад руководителя учреждения о проекте сметы на будущий год.

5. Специальный доклад финансовой части о стоимости содержания воспитанников, суммах и ассигнованиях по всем видам снабжения.

6. Ежемесячные доклады центрального органа самоуправления (совета командиров) о положении учреждения, успеваемости, о состоянии дисциплины, о положении производства.

7. Доклады о выпуске, наградах, премировании воспитанников.

8. Регулярно, по мере надобности, представления совета командиров о наиболее ярких фактах недопустимого поведения воспитанников.

9. Все вопросы, связанные с текущей жизнью коллектива, его деятельностью, которые касаются важных отделов работы и интересуют весь коллектив воспитанников.

10. Проекты всех организационных изменений, какие вносятся или намечаются управлением учреждения.

11. Переписку и информацию о связи с другими детскими учреждениями или организациями и лицами.

12. Вопросы, предлагаемые вниманию общих собраний комсомольской организацией.

Общее собрание всех воспитанников должно рассматриваться администрацией и воспитанниками как главный орган самоуправления, его авторитет должен неуклонно поддерживаться всеми силами учреждения.

Именно поэтому работа общего собрания должна пользоваться особым вниманием руководства учреждения. Ни в каком случае нельзя допускать неправильных, вредных, ошибочных постановлений собрания; поэтому раньше, чем ставить вопрос на рассмотрение общего собрания, необходимо самому руководству иметь в этом вопросе свое ясное мнение, нужно твердо знать, какие силы в собрании будут поддерживать правильное решение, кто будет идти против.

Настроение и решение общего собрания необходимо хорошо подготовлять в работе отдельных органов самоуправления, в комсомольской и пионерской организациях, в активе коллектива, в отдельных беседах с воспитанниками.

Во время самого общего собрания руководство учреждением не должно злоупотреблять возможностью для себя высказываться сколько угодно и когда угодно, а должно дать возможность высказываться прежде всего воспитанникам.

В том случае, если ожидаются неправильные выступления отдельных влиятельных воспитанников или явно неправильные решения общего собрания, нужно усилить предварительную подготовку работы собрания, а на самом собрании подготовить выступления наиболее преданных и дисциплинированных членов коллектива. Ни в каком случае нельзя административной властью производить давление на собрание, угрожать ему или запугивать.

В случае явно намечающегося неправильного решения необходимо самому руководству обратиться к собранию с товарищеским предупреждением или указанием и отложить решение на несколько дней.

Руководству воспитательного учреждения необходимо всегда помнить, что неправильные и ошибочные постановления общего собрания возможны не потому, что состав собрания плохой или неопытен, а исключительно потому, что самим руководством допущены в работе весьма важные ошибки, потому, что не проявляется достаточно заботы о воспитанниках или проявляется излишняя забота, приводящая к чрезмерному изобилию в какой-нибудь части, или потому, что отдельные сотрудники работают халатно или недобросовестно, потому, наконец, что вопрос не был достаточно подготовлен.

В таких случаях необходимо руководству открыто вскрывать свои ошибки и ошибки отдельных сотрудников, не защищать их во что бы то ни стало, а, напротив, принимать против них решительные меры по административной линии.

Работа общих собраний, которая имеет такое большое воспитывающее значение, только тогда будет правильной, если в коллективе все время накапливается актив, если руководство не боится актива, а допускает его к самым существенным отделам деятельности учреждения, если оно находится в постоянных дружественных и деловых отношениях с активом, если крепко работают и пользуются авторитетом органы самоуправления.

Если учреждение находится даже в самом тяжелом положении, это не может явиться основанием для конфликтов руководства с общим собранием. В таком случае необходимо, чтобы это тяжелое положение являлось предметом горячего внимания и руководства и общего собрания в совместном искреннем и энергичном стремлении к выходу из тяжелого положения.

Руководство должно стремиться к тому, чтобы, разрешая все текущие вопросы жизни и работы, общие собрания воспитанников не зарывались в мелочи сегодняшнего дня. Необходимо, чтобы перед общим собранием всегда стояли широкие задачи всего детского учреждения, чтобы, решая сегодняшние дела, все воспи-

танники никогда не забывали о задачах завтрашнего дня, о перспективах учреждения, о планах строительства и улучшения жизни. Основной темой всей работы собраний должно быть движение вперед, расцвет учреждения, улучшение воспитательной работы, успеваемости, производства.

С точки зрения этого стремления вперед должны рассматриваться все вопросы, как образовательные, хозяйственные, производственные, так и вопросы дисциплины. Даже вопросы о поведении отдельных воспитанников должны рассматриваться всегда прежде всего с точки зрения анализа, насколько поведение этих воспитанников помогает или противодействует общему движению учреждения вперед.

Этот основной тон приводит к большому успеху только при соблюдении двух условий:

а) если проводится большая и серьезная политико-воспитательная работа, если воспитанники всегда знают о том, что делается в Союзе, учатся понимать внутригосударственные процессы, разбираются в особенностях классовой борьбы на каждом данном этапе, если они повседневно воспитываются в духе беззаветной любви к своей социалистической Родине, если они не живут оторванно, только в своем коллективе;

б) если учреждение действительно идет вперед, имеет успехи в учебе, в воспитательной работе, в быту, в работе на производстве и является действенной политической и хозяйственной организацией[12].

5. Совет коллектива

Совет командиров является центральным органом самоуправления, проводящим всю текущую работу в коллективе детского учреждения. Совет командиров может быть составлен различными способами в зависимости от структуры и специфики учреждения, отсутствия или наличия и вида производства, а также от величины актива и возраста воспитанников.

В том учреждении, где есть сильная ячейка комсомола, совет сохраняет большее значение, так как комсомольская организация, работающая правильно, не может подменять самоуправления и проводить обычную текущую его работу[13].

За комсомолом, естественно, остается общее руководство всеми органами самоуправления и политическое руководство всем коллективом. Совет командиров в этом случае является проводником всех оперативных мероприятий в коллективе. Совет составляется преимущественно из комсомольцев, и все важнейшие решения совета должны быть всегда согласованы с бюро комсомольской организации.

При наличии сильной комсомольской организации работа и структура совета могут выражаться в такой форме.

В совет входят все командиры, председатели всех комиссий, руководитель учреждения, его помощники по учёбно-воспитательной части, врач и заведующий школой. На заседаниях совета присутствуют, с правом решающего голоса, секретари комсомольских бюро и вожатый пионерской организации.

Очень часто руководители детских учреждений увлекаются стройностью разных схем самоуправления и, без всякой надобности, проектируют сложные системы самоуправления, создавая советы, отдельно избираемые общими собраниями, рядом с которыми самоуправление первичных коллективов существует параллельно[14].

Такой порядок создает всегда запутанность отношений и неповоротливость всей системы самоуправления.

Совет, избираемый отдельно целой группой на общем собрании, потому неудобен, что он представляет интересы всего коллектива без разделения его на

первичные коллективы. Этот принцип упорно отстаивали детские учреждения Наркомпросса [УССР], но он давно осуждён опытом. «Детисполкомы» доказали, что в количественно значительном детском коллективе общий коллегиальный орган работает слабо, если он не состоит из представителей отдельных первичных коллективов[15]. Решение такого органа очень медленно доходит до массы. Кроме того, при такой системе члены центрального органа самоуправления очень слабо чувствуют свою ответственность перед избирателями и перед отдельными заинтересованными группами, а поэтому их авторитет незначителен.

Гораздо работоспособнее совет, составленный из лиц, являющихся одновременно и уполномоченными первичных коллективов; в данном случае такими уполномоченными являются командиры классных в школе или производственно-бытовых отрядов в специальных учреждениях с интернатами.

Удобство этой структуры главного совета заключается в следующем:

а) в совете представлены не только интересы всего коллектива в целом, но и интересы отдельных первичных коллективов, следовательно, такой совет ближе к воспитанникам, демократичнее;

б) в совете очень легко и быстро решаются все вопросы, касающиеся отдельных первичных коллективов — отрядов и даже отдельную лиц, так как в нем есть всегда возможность получить самый быстрый отзыв или информацию ответственного в отряде лица — командира отряда;

в) решения совета немедленно становятся известными во всех отрядах. При этом, как правило, должно быть установлено, что немедленно после совета командиры должны разъяснить своим отрядам решения совета;

г) будучи принужден немедленно информировать свой отряд о решениях совета, каждый командир тем самым в самом заседании совета чувствует себя уполномоченным отряда, ответственным за все решения совета;

д) составленный по такому плану совет является органом, удобным для быстрого маневрирования целого коллектива и для приведения в исполнение любых решений в самое короткое время;

е) поскольку члены совета, командиры, сами являются участниками на производстве и в быту, в деловой жизни отряда, им предоставляется широкая возможность быстро проводить все решения совета в практической деятельности воспитанников;

ж) так как командиры представляют производство решительно по всем видам, цехам и отделам, в таком совете можно разбирать любые вопросы из области производства самой разнообразной специфики: трудовых колоний и коммун, детских домов, специальных учреждений, а также школ.

Все эти удобства заставляют предпочитать указанную структуру совета всякой другой.

Принимая указанную структуру совета, необходимо, чтобы после предварительной проработки кандидатур в комсомольской организации командиры избирались общим собранием воспитанников учреждения как уполномоченные первичных коллективов и общего собрания. Избирать надо персонально, а не по общему списку.

Заседания совета должны происходить не реже одного раза в шестидневку. Кроме того, они могут созываться в экстренном порядке. Так как совет должен быть очень подвижным, оперативным органом, желательно, чтобы его можно было собрать в любую минуту. Для этого необходимо установить специальные формы извещения членов совета или специальный сигнал.

Ведению совета командиров принадлежит;

а) руководство работой всех других органов самоуправления и постоянное наблюдение за их деятельностью;

б) подготовка всех вопросов к общему собранию;

в) разрешение всех текущих вопросов основного производства учреждения, быта, клубной работы, спортработы, снабжения, материального обеспечения воспитанников, дисциплины;

г) все вопросы распределения уборки, дополнительных работ, организации субботников и пр.;

д) все текущие распоряжения по коллективу, в зависимости от различных обстоятельств;

е) приведение в исполнение всех постановлений общих собраний;

ж) проведение всех кампаний в учреждении;

з) организация культпоходов, праздников, экскурсий и летнего отпуска воспитанников;

и) распределение помещений учреждения и перераспределение;

к) перемещение воспитанников из одного отряда в другой;

л) наблюдение за бюджетом воспитанников и регулирование расходования ими собственных денег;

м) руководство межотрядным соревнованием воспитанников и регулярное примирование лучших отрядов;

н) руководство ведением рабочего дня через своих уполномоченных (дежурного командира);

о) общее наблюдение за выполнением расходной сметы коллектива и принятие мер к экономии и сокращению лишних расходов;

п) обеспечение помощи воспитанникам, назначенным к выпуску, и заведование фондом совета для помощи бывшим воспитанникам;

р) принятие решительных мер к ликвидации отдельных отрицательных группировок, тенденций и явлений в коллективе;

с) предварительная проработка предложений по вопросам увольнения и выпуска воспитанников.

Председательствует в совете отдельное лицо — секретарь совета командиров, воспитанник, избираемый на общем собрании на срок не менее полугода и освобожденный от других обязанностей (в колонии им. Горького и в коммуне им. Дзержинского — и от производственной работы), но с обязательной и совершенно нормальной учебой в школе[16].

В специальных учреждениях структура центрального органа самоуправления может или оставаться такой же или несколько изменяться в зависимости от структуры учреждения и органов детского самоуправления.

Если это вызывается деловыми соображениями, полномочия совета могут быть продлены на следующий полный или неполный срок.

Совет малоактивный или не соответствующий новым задачам, стоящим перед коллективом, следует переизбрать досрочно в полном составе или заменить отдельных командиров.

Руководство учреждением в таком случае, не задевая достоинства совета, ставит вопрос о перевыборах.

Пока в учреждении еще нет достаточно крепкого общественного мнения, состав совета может и не избираться общим собранием, а назначаться педагогическим руководством и постепенно пополняться новыми членами способом кооптации. Но и тогда всякое изменение в составе совета командиров должно быть сейчас же доведено до сведения общего собрания.

Личный состав совета командиров после избрания или назначения объявляется приказом руководителя учреждения.

Совет командиров отчитывается за свою работу перед общим собранием коллектива…

10. Центр

Очень важное значение имеет организация педагогического центра. Этот вопрос в наших детских учреждениях находится в забросе.

Обычно управление детским учреждением сосредоточивается в кабинете директора или его помощника по учебно-воспитательной части. Второго кабинета иногда даже не бывает. Помощник находится в учительской, а в детских домах — в своей квартире.

Обычно кабинет и квартира являются святилищем, куда воспитанники попадают только в особых случаях.

В некоторых учреждениях есть комнаты самоуправления, которые организованы как красные уголки и больше существуют для приличия. В них, правда, происходят заседания, но большей частью они просто пустуют. При этом в детских домах и колониях кабинет педагогического руководителя почти всегда находится в другом здании — там, где сосредоточено все управление колонией, контора, бухгалтерия. Это совершенно неправильно.

Кабинет педагогического руководителя должен находиться в том корпусе, в котором протекает жизнь коллектива, где находятся спальни, столовая, клубы; в школе — в главном школьном здании. Этот кабинет должен располагаться рядом с кабинетом самоуправления — совета командиров — и сообщаться с ним.

В комнате совета командиров всегда должен находиться дежурный по учреждению, и для него нужно поставить небольшой столик. Тут же должен быть и пункт санкомиссии и стол хозяйственной комиссии.

Каждый воспитанник имеет право всегда зайти в эту комнату по делу, не спрашивая разрешения.

Стиль поведения воспитанников в кабинете педагогического руководителя и совета командиров должен стать определенной традицией в коллективе: сдержанность, вежливость, расположенный деловой тон. Какая бы то ни было фамильярность недопустима в такой же мере, как и излишняя сухость, официальность или раздражительность. По возможности необходимо, чтобы вся работа педагогического руководителя проходила открыто, чтобы каждый воспитанник мог присутствовать при его беседах с отдельными нарушителями, при разборах случаев, отдаче распоряжений.

Необходимо добиваться, чтобы его кабинет сделался центром внимания и притяжения всего коллектива, и в особенности любимой комнатой актива, с которым педагогический руководитель всегда должен находиться в общении, не ожидая специальных заседаний и собраний.

Работа педагогического руководителя должна проходить всегда в контакте с председателем самоуправления, со всеми группами очередных дежурных. Обо всех своих начинаниях он должен советоваться с ними и выслушивать их сообщения о делах учреждения.

Если педагогический руководитель куда-нибудь отлучается надолго, вместо него должен оставаться в кабинете заменяющий его на это время. Центр не может бездействовать. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского в таком случае в кабинете остается кто-нибудь из педагогов, секретарь совета командиров (ССК) или дежурный по коммуне командир (ДК). Эти товарищи не замещают педагогического руководителя, они только представляют его во время его отсутствия. В коммуне все знают,

что в кабинете всегда есть лицо, к которому можно обратиться в экстренном случае.

Каждый воспитанник в любой момент должен иметь возможность зайти к педагогическому руководителю, передать ему просьбу, жалобу, посоветоваться о чем-либо. Вечерние, более поздние часы должны быть предоставлены для тех, кто нуждается в интимной помощи педагогического руководителя.

Не нужно в детских учреждениях устанавливать какую-нибудь обязательную субординацию — обращаться только через ближаишее начальство: учителя, воспитателя, командира или бригадира. Конечно, в тех случаях, когда воспитанник злоупотребляет своим правом и обращается к педагогическому руководителю по вопросу, который может быть разрешен в ближайшей инстанции, такому воспитаннику нужно всегда разъяснить его ошибку.

В комнате совета командиров происходят и все заседания совета, на которых обязательно должен присутствовать педагогический руководитель.

Поскольку совет командиров является органом постоянного руководства, постольку регулярный календарь его работы не может быть выработан с полным охватом всех вопросов, совет должен собираться немедленно, как только возникает самая маленькая необходимость. Раньше уже говорилось, что очень полезно для этого иметь специальный сигнал, по которому члены совета собираются в экстренном порядке.

Комната эта должна быть настолько велика, чтобы в ней свободно поместилось 25—30 человек. Рекомендуется в комнате по всем ее стенам сделать неподвижный диван.

Рекомендуем отряд младших воспитанников во главе с их командиром назначить хозяином комнаты с тем, чтобы он отвечал за весь инвентарь в ней, порядок и дисциплину. Члены отряда в то же время являются и связистами, исполняя всегда очень быстро распоряжения о вызове того или другого воспитанника или нужного лица[17]…

14. Перспектива

Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость[18]. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать самую радость, вызвать ее к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворить более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от простейшего примитивного удовлетворения до глубочайшего чувства долга.

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий свое поведение самой близкой перспективой, есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и ее настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше.

Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути. Методика этой работы заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных.

Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в цирк, но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза.

Неудачи многих детских учреждений, детских домов и колоний зависят от слабости и неясности перспективы. Даже хорошо оборудованные детские учреждения, если они этого не организуют, не добьются хорошей работы и дисциплины.

Близкая перспектива

Завтрашний день должен казаться обязательно лучше сегодняшнего в детском коллективе, состоящем из людей, еще не способных надолго вперед располагать свои стремления и интересы. Чем старше возраст, тем дальше отодвигается обязательная грань ближайшей оптимистической перспективы. У юноши 15-16 лет близкая перспектива уже не имеет такого большого значения, как у подростка в 12-13 лет. У взрослого человека вполне достаточным бывает наличие только далекой перспективы, в зависимости от сознания и политического развития данной личности.

В развитии нашего воспитательного процесса одной из самых существенных задач является переход от более близких к более далеким удовлетворениям. Однако эта задача в области перспективы еще недостаточна и принципиально ничем не отличает нашу педагогику от педагогики буржуазной. Наша работа в области перспективы заключается еще и в том, что мы все должны воспитывать коллективные линии устремлений, а не только личные. Человек, у которого коллективная перспектива преобладает над личной, является уже человеком советского типа.

Наконец, наша задача — в гармонировании личных и коллективных перспективных линий с таким расчетом, чтобы у нашего воспитанника не было никакого ощущения противоречия между ними.

Благодаря такой сложности работа в этой области приобретает весьма важное значение и в области собственно воспитания делается самой важной.

Организация близкой перспективы должна, конечно, начинаться с личных линий. Первая стадия этой работы является необходимо обязательной в каждом упорядоченном учреждении. Оборудованные помещения и классы, теплые комнаты, удовлетворительная пища, чистая постель, полная защищенность ребенка от произвола и самодурства старших, приветливый, простой тон отношений представляют тот необходимый перспективный минимум, без которого вообще трудно представить себе правильную воспитательную работу.

Однако мы должны считаться с тем обстоятельством, что бывают ребята, у которых выработанные привычки к ближайшим перспективам иного типа: показать свою силу над слабейшими товарищами, демонстративно грубо относиться к девушкам, рассказать скверный анекдот; материальные приобретения в форме кражи, вино — являются тоже стремлениями, расположенными на линии ближайшей перспективы. Для таких ребят сплошь и рядом упорядоченная жизнь детского учреждения не является чем-то настолько притягательным, что привычные стремления могут забыться. Поиграть в карты, выпить, поиздеваться над другими можно и в самых комфортабельных бытовых условиях.

Поэтому в молодом коллективе всегда может происходить борьба между старыми и новыми перспективными линиями. Именно в это время должно уделить самое большое внимание делу организации близкой перспективы. Кино, концерты, вечера, работа клубных кружков, вечера чтения и самодеятельности, прогулки и экскурсии должны оттеснять примитивные типы «приятного» времяпрепровождения.

Однако было бы большой ошибкой строить близкую перспективу только на принципе приятного, даже если в этом приятном есть элементы полезного. Таким путем мы приучим ребят к совершенно недопустимому эпикурейству[19].

С самых первых дней близкая перспектива должна уже строиться по коллективному плану. Ребята большей частью отличаются активностью, довольно заметным самолюбием, стремлением выделяться из толпы, стремлением к преобладанию.

Надо опереться именно на эти динамические стороны характера и направлять интересы воспитанников в сторону более ценных удовлетворений.

Перспективные линии имеют интересную особенность. Они привлекают внимание человека общим видом удовлетворения, но это удовлетворение еще не существующее. По мере движения к нему возникают новые завтрашние планы, тем более притягательные, чем более усилий вложено на преодоление различных препятствий.

Надо дать возможность детям стремиться именно к таким удовлетворениям, которые требуют некоторого приложения труда. Если во дворе грязно, естественно, возникает представление о том, что нужно делать самую примитивную дорожку, и тогда по двору будет проходить приятно. Но когда начинается работа по проведению примитивной дорожки, возникает новый идеал — сделать дорожку более капитальную. Начинается очень сложная работа, требующая больших усилий. Целые группы ребят вовлекаются в эту работу, она занимает несколько дней. Воспитатель в этом случае может наблюдать, как первоначальная простая перспектива удобной дорожки заменяется более ценной перспективой выполнения как можно лучше трудовой задачи.

Если ребятам предложить устройство будущего катка, они с жаром примутся за работу, увлеченные очень простой и неценной перспективой развлечения. Но в процессе работы, когда возникнут отдельные интересные частности задачи: грелка, скамейка, освещение и т. д., эта перспектива приятного постепенно заменяется более ценным видом стремлений и трудового успеха. Это будет у всех. А у некоторых в процессе этой работы возникают дополнительные линии близкой перспективы: организационные находки, усилия распорядителя.

Когда коллектив сживается в дружную семью, уже один образ коллективной работы захватывает как приятная близкая перспектива.

Одна из важнейших задач руководства детского учреждения — организовать такую близкую перспективу, т.е. общее стремление к завтрашнему дню, наполненному коллективным усилием и коллективным успехом. В особенности много возможностей в этом направлении можно найти в школьной и производственной работе. Работа в цехе не должна быть цепью скучных однообразных процедур. Перед каждым цехом, перед каждой группой станков всегда должна стоять почетная задача, захватывающая всех и своим значением в процессе развития учреждения, и своим техническим интересом, и прямой пользой в приобретении навыков отдельным воспитанником. Если в учреждении создается такое настроение, воспитанники утром встают, уже увлеченные радостной перспективой сегодняшнего дня.

Надо, чтобы производственные планы, производственные трудности были известны всему коллективу, а для этого необходимо социалистическое соревнование. Если даже производство еще плохо налажено, мало станков, плохой инструмент, коллектив должен быть мобилизован на борьбу за лучшее производство. Ему должно быть известно, какие станки и где покупаются, когда они будут привезены, где поставлены, когда будет происходить назначение воспитанников к этим станкам.

Так же точно надо располагать перспективные линии и в школе, и в клубе. Воспитанник, выучивший урок, просыпается всегда с хорошей перспективой. Вот почему важно помочь ему этот урок выучить. С такой же радостной мыслью о зав-

трашнем дне живет и член драмкружка, участвующий в пьесе, и член редколлегии, если у него удается газета.

Жизнь коллектива должна быть наполнена радостью именно в этом смысле, не радостью простого развлечения и удовлетворения сейчас, немедленно, а радостью трудовых напряжений и успехов завтрашнего дня.

Работа по организации близкой перспективы должна проводиться регулярно в самых разнообразных формах. Работа эта очень легкая и интересная и никаких особенных хитростей не представляет. Достаточно, например, объявить, что через две недели будет происходить футбольный матч между командой данного учреждения и какой-нибудь соседней командой, чтобы у коллектива уже повысился оптимизм перспективного чувства.

Само собой разумеется, что игра перспективных линий только тогда будет действительна, если вы на самом деле заботитесь о коллективе, если вы на самом деле стараетесь сделать его жизнь более радостной, если вы не обманываете коллектив, показывая ему заманчивые перспективы, которые потом оказываются несуществующими. Всякая, даже небольшая, радость, стоящая перед коллективом впереди, делает его более крепким, дружным, бодрым. Иногда нужно поставить перед ним и тяжелую достойную задачу, а иногда бывает нужно дать им самое простое детское удовольствие: через неделю на обед будет мороженое.

Средняя перспектива

Средняя перспектива заключается в проекте коллективного события, несколько отодвинутого во времени. Это совершенно необходимо. Даже взрослый человек всегда имеет в некотором отдалении группы более или менее приятных событий: отпуск, поездка на курорт, повышение в звании и т.д. Для детей это еще более необходимо.

Таких событий не должно быть очень много. В октябре 1935 г. в коммуне им. Дзержинского было сказано: вы — одно из лучших учреждений. 1 Мая 1936 г. коммуна выедет в Киев, будет участвовать в киевской городской демонстрации, отсалютует нашему правительству.

Руководство коммуны уже не закрывало вида на эту линию. 1 Мая 1936 г. должно стоять перед коллективом как большой радостный праздник, все должны задолго готовиться, у каждого коммунара он должен стоять впереди.

Этот первомайский поход только в том случае будет воспитательно полезным, если он ощущается в течение всей зимы, в каждый рабочий день коллектива, усиливая и украшая всякую близкую перспективу.

На линии средней перспективы могут располагаться: участие в праздничных демонстрациях и всенародных кампаниях, празднование революционных дат, день годовщины открытия детского учреждения и юбилейных дат почетного шефа, имя которого присвоено учреждению, окончание и начало учебного года, выпуск, выход учреждения на первое место, открытие нового цеха, достижение проектного выпуска завода, летний отпуск.

Средняя перспектива будет иметь значение только в том случае, если к этим дням готовятся задолго, если им придается особенное значение, если к их основному содержанию присоединяются самые разнообразные темы: отчеты, прием гостей, премирование, новые помещения и оборудование, результаты годового соревнования.

Подготовка к такому дню (их не должно быть больше 2-3 в году) должна чувствоваться сначала только в форме коллективной мысли, бесед, соображений. Задолго нужно приступить к выбору различных комиссий, в которые привлечь как можно больше воспитанников. Эти комиссии чаще должны делать отчеты перед

общим собранием. Полезно, если по поводу проведения такого праздника возникает в коллективе два проекта и весь коллектив занимается разрешением вопроса, какой проект лучше.

Особенно приятным, задолго ожидаемым событием должен явиться летний отпуск. Он должен рассматриваться не только как время отдыха, но главным образом как перспективная точка впереди. Лишение воспитанников отпуска не только потому вредно, что лишает отдыха, а главным образом потому, что отнимает у них радостную перспективу.

Летний отпуск по своему характеру должен соответствовать заслугам коллектива и развитию производства, организации быта и культурной работы. Чем больше достижения коллектива в работе, чем он дальше ушел вперед в организованности и дисциплине, тем более ценный отпуск будет ему предоставлен. Каждый коллектив должен стремиться к тому, чтобы заслуги коллектива были настолько значительны и единодушны, чтобы он в целом заслужил лучшие условия отпуска. Лучший отпуск для коллектива — это лагерь где-нибудь у воды.

Подготовка лагеря, его оборудование, организация столовой, спортивных площадок, встреч, культ- и спортработы должны заранее занимать коллектив.

Далекая перспектива

Несмотря на то что каждый воспитанник пребывает в учреждении временно, рано или поздно уйдет из него, будущее учреждения, его более богатая и более культурная жизнь всегда должны стоять перед коллективом как серьезная и высокая цель, освещающая многие частности сегодняшней жизни. Как показал опыт, ребята вовсе не безразлично относятся к далекому будущему своего учреждения, если в учреждении им хорошо и они его любят.

Такая далекая перспектива может увлекать ребят на большие работы и напряжения, может действительно составлять для них радостную перспективу. Это обстоятельство строится на естественном инстинкте каждого воспитанника как члена семьи.

Коллектив учреждения есть расширенная семья, и для каждого члена коллектива будущая судьба учреждения никогда не может быть безразличной. В особенности эта перспектива имеет большое значение, если учреждение не порывает с выпускниками, поддерживает постоянную переписку с ними, приглашает и принимает их во время отпуска в гости.

Воспитание такой перспективы является очень важным этапом в деле широкого политического воспитания, так как служит естественным, практическим переходом к более широкой перспективе — будущему всего нашего Союза.

Будущее Союза, его движение вперед является самой высокой ступенью в деле организации перспективных линий; не только знать об этом будущем, не только говорить о нем и читать, но и всеми чувствами переживать движение вперед нашей страны, ее работу, ее успехи. Опасности, друзей и врагов своей Родины должны знать воспитанники советского детского учреждения. Они должны уметь свою собственную жизнь представлять не иначе, как частью настоящего и будущего всего нашего общества.

Для развития этой перспективности мало только изучать Союз и его движение. Надо на каждом шагу показывать воспитанникам, что их работа и жизнь есть часть работы и жизни Союза. Надо показывать им героические и славные советские дни не только в знании, но и в ощущении, в опыте, в труде и напряжении. Очень важно показывать детям революционные кинофильмы, беседовать с ними о значительных событиях в Союзе, сравнивать эти события с событиями в учреждении,

принимать в коллективе и беседовать с лучшими людьми в Союзе, переписываться с отдельными лицами, переписываться с другими коллективами детей и взрослых.

На фоне такой широкой советской перспективы всегда легко и удобно располагаются личные перспективы далекого типа отдельных воспитанников. Как только воспитанник детского учреждения начал учебу, в школе и на производстве, его уже интересует его собственное будущее.

Обслуживание этого будущего составляет одну из важнейших задач всякого детского учреждения, и задачу довольно трудную…

16. Работа воспитателей

Работа каждого воспитателя может иметь две формы: работы по всему коллективу и по отдельной части коллектива[20].

Весь состав воспитателей распределяется между отрядами. На воспитателя приходится два-три отряда[21]. Желательно, чтобы они объединялись в основном по признаку производства с учетом возраста и территориального расположения.

В этой группе отрядов составляется, таким образом, своего рода управление в составе воспитателя, командиров и помощников командиров. Такой верхушке не нужно придавать никакого официального значения, не нужно устраивать никаких заседаний, ибо такой порядок придавал бы работе воспитателя характер административный, а воспитатель не должен в глазах воспитанников выступать как администратор. Административный уклон в работе воспитателя является наиболее вредным уклоном, так как он позволяет слабому работнику, ссылаясь на разные административные обязанности, плохо выполнять свои прямые воспитательные обязательства, а сильного воспитателя все стараются использовать именно по административной линии, нагружая его самыми разнообразными снабженческими поручениями.

Работа воспитателя в отрядах должна заключаться в следующем: прежде всего воспитатель должен хорошо знать состав своих отрядов, должен знать жизнь и особенности характера каждого воспитанника, его стремления, сомнения, слабости и достоинства.

Хороший воспитатель должен обязательно вести дневник своей работы, в котором записывать отдельные наблюдения над воспитанниками, случаи, характеризующие то или иное лицо, беседы с ним, движение воспитанника вперед, анализировать явления кризиса или перелома, которые бывают у всех ребят в разных возрастах. Этот дневник ни в каком случае не должен иметь характера официального журнала.

Он должен просматриваться только заведующим педагогической частью и только в том случае, если он желает получить более полное представление о том или другом воспитаннике. Ведение такого дневника может характеризовать качество работы воспитателя и служить известным мерилом его ценности как работника, но формально требовать от него, чтобы он такой дневник вел, не следует, ибо в этом случае самым опасным является обратить такой дневник в официальный отчет.

Дневник рекомендуется вести в большой тетради, не разделяя ее на части для отдельных воспитанников, так как в этом дневнике воспитатель должен характеризовать и анализировать не только отдельных лиц, но и целые группы и явления в отрядах. Этот дневник не должен обращаться в регистрацию проступков и нарушений. Такая регистрация должна вестись в другом месте — у заведующего педагогической частью или в совете командиров. Воспитателя должны интересовать интимные, официально трудноуловимые явления.

Чтобы воспитатель мог работать в таком именно направлении, он не должен напоминать надзирателя. Воспитатель не должен иметь права наказания или поощрения в формальных выражениях, он не должен давать от своего имени распоряжения, кроме самых крайних случаев, и тем более не должен командовать. Руководством отряда, имеющим право распоряжаться и требовать, является командир отряда. Воспитатель ни в каком случае не должен подменять его. Точно так же он не должен подменять высшее руководство учреждения.

По возможности воспитателю надо избегать жалоб на воспитанников старшему руководству, [ему не нужно] рапортовать официально о состоянии переданных ему отрядов. Эта обязанность официально рапортовать принадлежит командиру.

Только при освобождении воспитателя от формально-надзирательских функций он может заслужить полное доверие отрядов и всех воспитанников и вести как следует свою работу.

Что должен знать воспитатель о каждом своем воспитаннике?

В каком состоянии находится здоровье воспитанника, не жалуется ли он на что-либо, обращается ли к врачу, удовлетворен ли помощью врача? Достаточно ли внимателен врач к данному воспитаннику?

Как относится воспитанник к своему учреждению, дорожит ли им, готов ли активно участвовать в улучшении жизни учреждения или отно- сится к нему безразлично, как к эпизоду своей жизни, а может быть, и враждебно? В последнем случае необходимо выяснить причины этого нездорового отношения: заключаются ли они в самом учреждении и его порядках, или причины лежат в стремлении воспитанника учиться и жить в другом месте, где именно, чем жить, что делать?

Достаточно ли точно представляет воспитанник свое положение, свои силы, понимает ли необходимость трудового пути? Не преобладают ли у него примитивные перспективы сегодняшней сытости, сегодняшнего удовольствия, развлечения, происходит ли это из-за укоренившихся привычек или из-за слабости развития?

Как воспитанник относится к товарищам и к каким больше тянется, кого не любит, с кем дружит, с кем враждует? Насколько сильны у него наклонности к тайным антиобщественным группировкам, к фантастическим и авантюрным планам? Как он относится к отряду и командиру? Какие у него наклонности к преобладанию и на чем он стремится обосновать это преобладание: на интеллекте, на развитии, на жизненном опыте, на силе личности, на физической силе, на эстетической позе? Является ли это стремление к преобладанию параллельным интересам учреждения или направленным против учреждения, против отряда или отдельных лиц?

Как относится воспитанник к повышению своей квалификации, к школьной работе, культурной работе, к повышению общей культуры поведения, культуры отношения к людям? Понимает ли он необходимость собственного усовершенствования и пользу его, или его больше привлекает самый процесс учебы и культурной работы, те удовольствия, какие ему эта работа доставляет?

Что воспитанник читает, читает ли газеты, книги, получает ли их сам в библиотеке или читает случайные книги, интересуется ли он определенными темами или читает все без разбора?

Какие таланты и способности обнаруживает воспитанник, какие необходимо было бы развивать?

Где работает воспитанник на производстве, посильна ли для него работа, нравится ли она ему? Не проявляет ли воспитанник в своем отношении к работе слабости воли, не капризничает ли, не стремится ли к другой работе, насколько это стремление разумно, какие есть препятствия в таком стремлении, как воспитанник

преодолевает эти препятствия, готов ли он долго бороться с ними, достаточно ли у него настойчивости?

Как воспитанник относится к своему рабочему месту, к процессам работы, к инструменту, к технологическому процессу, проявляет ли он интерес к техническому освоению своей работы, к ее улучшению, повышению производительности, к стахановскому движению? Какие неудобства и недостатки тормозят работу воспитанника, какие он принимает меры к их устранению, высказывается ли в отряде, в каких формах воспитанник все это делает?

Знаком ли воспитанник с общим производственным положением всего отряда, всего цеха? Известны ли ему контрольные цифры по отряду и по цеху, интересуется ли он успехом своего производства, учреждения, его движением вперед? Насколько его волнуют удачи и неудачи производства, насколько он живет ими?

Материальное положение дома — в семье и заработок воспитанника на производстве, сколько он получает денег на руки? Как их расходует, дорожит ли деньгами, стремится ли их сберегать? Помогает ли семье и кому именно из членов семьи, товарищам? Имеет ли склонность лучше одеваться, что покупает из одежды?

Прививаются ли воспитаннику навыки культуры, понимает ли он их необходимость, стремится ли улучшить речь, как относится к слабым, к женщинам, девочкам, детям и старикам?

Все эти данные о воспитаннике и многие другие, какие возникнут в процессе изучения воспитанника, воспитатель должен знать, а хороший воспитатель обязательно запишет. Но никогда эти данные не нужно собирать так, чтобы это было простым коллекционированием. *Знание воспитанника должно прийти к воспитателю не в процессе безразличного его изучения, а только в процессе совместной с ним работы и самой активной помощи ему. Воспитатель должен смотреть на воспитанника не как на объект изучения, а как на объект воспитания.*

Из этого основного положения вытекают и формы общения воспитателя и воспитанника, и формы его изучения. Воспитатель не должен просто выспрашивать воспитанника о разных обстоятельствах его жизни, об его стремлениях и желаниях для того, чтобы все это записать и подытожить.

При первой встрече воспитателя и воспитанника первый должен поставить перед собой практическую цель: сделать из этого мальчика или девочки настоящего культурного советского человека, работника, такого работника, которого можно будет выпустить из учреждения как полезного гражданина, квалифицированного, грамотного, политически образованного и воспитанного, здорового физически и психически. Эту цель своей работы воспитатель никогда не должен забывать, буквально не забывать ни на одну минуту. И только в практическом движении к этой цели воспитатель должен иметь соприкосновение со своим воспитанником.

Каждое узнавание чего-либо нового о воспитаннике у воспитателя немедленно должно претворяться в практическое действие, практический совет, стремление помочь воспитаннику.

Такая помощь, такое движение к постоянной цели только в редких случаях могут быть оказаны в простой беседе с воспитанником, в простом разъяснении ему разных истин.

Беседы неопытным воспитателям кажутся высшим выражением педагогической техники. На самом же деле они представляют собой наиболее кустарные педагогические приемы.

Воспитатель должен всегда хорошо знать следующее: хотя все воспитанники и понимают, что в детском учреждении их учат и воспитывают, однако они очень не любят подвергаться специальным педагогическим процедурам и тем более

не любят, когда с ними бесконечно говорят о пользе воспитания, морализируя каждое замечание.

Поэтому сущность педагогической позиции воспитателя должна быть скрыта от воспитанников и не выступать на первый план. Воспитатель, бесконечно преследующий воспитанников явно специальными беседами, надоедает воспитанникам и почти всегда вызывает некоторое противодействие.

Советская педагогика есть педагогика не прямого, а параллельного педагогического действия[22]. Воспитанник нашего детского учреждения есть раньше всего член трудового коллектива, а потом уже воспитанник, таким он должен предствляться самому себе. Поэтому официально он и не называется воспитанником, а кандидатом или членом коллектива. В его глазах и воспитатель должен выступать тоже прежде всего как член того же трудового коллектива, а потом уже как воспитатель, как специалист-педагог, и поэтому соприкосновения воспитателя и воспитанника должны происходить не столько в специальной педагогической плоскости, сколько в плоскости трудового производственного коллектива, на фоне не только интересов узкопедагогического процесса, а борьбы за лучшее учреждение, за его богатство, процветание и добрую славу, за культурный быт, за счастливую жизнь, коллектива, за радость и разум этой жизни.

Перед коллективом воспитанников воспитатель должен выступать как боевой товарищ, борющийся вместе с ними и впереди них за все идеалы первоклассного советского детского учреждения. Отсюда вытекает и метод его педагогической работы. Это педагог должен помнить на каждом шагу.

Поэтому, например, если воспитатель поставил себе целью разбить, искоренить какую-либо вредную группировку или компанию в отряде, в классе или в учреждении, он должен это делать в форме не прямого обращения к этой группе, а параллельной операции в самом отряде, классе, Говоря о прорыве в отряде, о пассивности некоторых товарищей, о вредном влиянии группировки на отряд, об отставании отряда. Он должен мобилизовать внимание всего отряда на этой группировке. Беседа с самими воспитанниками должна принимать форму спора и убеждения не по прямому вопросу [воспитания], а по вопросу о жизни учреждения, о его работе.

Воспитатель, желая узнать положение воспитанника в школе или на производстве, имеет в своем распоряжении единственный метод: он бывает в школе, на производстве, выступает на всех производственных совещаниях, он говорит и активно действует в среде педагогического коллектива, производственной администрации, вместе с отрядом борется за отличную успеваемость, за хороший инструмент, за подачу материалов, за лучший процесс инструктирования и контроля и повышения качества обучения. Он выступает рядом с отрядом как заинтересованный его член во всех случаях, когда отряд отстаивает правильную общественную позицию.

Во всех случаях, когда отряд сбивается на неправильный путь, он ведет борьбу в самом отряде, опираясь на лучших его членов и защищая при этом не свои педагогические позиции, а прежде всего, интересы воспитанников и всего учреждения.

«Обработка» отдельных воспитанников только в редких случаях должна принимать характер прямого обращения к данному воспитаннику. Прежде всего воспитатель должен мобилизовать для такой «обработки» некоторую группу старших и влиятельных товарищей из своего отряда или даже из чужого. Если это не помогает, он должен говорить сам с воспитанником, но даже эту беседу он должен сделать совершенно простым и естественным разговором о делах в учреждении или

в отряде и только постепенно и естественно переходить к теме о самом воспитаннике. Необходимо всегда, чтобы воспитанник сам захотел говорить о себе. В некоторых случаях возможно прямое обращение к воспитаннику на тему о его поведении, но и такое обращение нужно делать, логически исходя из общих тем коллектива.

Чрезвычайной важности вопрос — *отношение ребят к образованию.* Это та область, которой воспитатель должен уделять самое серьезное внимание. Систематическое приобретение основательных знаний в школе и своевременное ее окончание определяют путь человека в жизни, но это необходимо также для здорового и правильного формирования характера, т.е. в значительной мере этим определяется и судьба человека. Поэтому успеваемость и отметки (а это не всегда вполне совпадает и тоже должно быть предметом специального внимания педагога), фактические знания воспитанника по отдельным интересующим его предметам должны быть хорошо и подробно известны воспитателю в их динамике, развитии и тенденциях. Неудача в школе, плохие отметки понижают настроение и жизненный тонус воспитанника, хотя внешне это может иметь форму бравады, напускного равнодушия, замкнутости или зубоскальства. Неудачи в школе бывают обычным началом систематической лжи ребят в самых разнообразных ее формах. Такая поза воспитанника противопоставляет его здоровому детскому и юношескому коллективу, и поэтому она всегда в большей или меньшей степени опасна.

У отличника может быть другая тенденция внеколлективной позиции: зазнайство, самовлюбленность, эгоизм, прикрываемые самой добродетельной миной и позой. У среднего ученика — однообразие и сероватый тон жизни, которые дети трудно переносят и поэтому начинают искать оптимистическую перспективу в других областях.

Школьные отношения составляют основной фон жизни ребят школьного возраста, это воспитатель всегда должен помнить, но и здесь полный успех и благополучие достигаются ясностью личных и социальных перспективных путей воспитанника, прочностью общественных и коллективных связей, и меньше всего помогают нотации и уговоры. Необходима реальная помощь отстающим в повышении их гражданского самочувствия.

Совершенно особо в представлении воспитателя должно стоять *будущее воспитанника*. Воспитатель должен знать, чем хочет и надеется быть воспитанник, какие для этого он прилагает усилия, насколько реальны его стремления, по силам ли они ему. Выбирать жизненный путь для юноши не так легко. Здесь часто большими препятствиями являются неверие в свои силы или, напротив, опасное подражание более сильным товарищам.

В этой сложной задаче воспитанники обыкновенно разбираются с трудом, тем более что мы еще не научились основательно помогать нашим выпускникам.

Помочь воспитаннику выбрать себе путь — очень ответственное дело не только потому, что это важно для будущей жизни воспитанника, но еще и потому, что это сильно отражается на тонусе его деятельности и жизни в учреждении.

Эту работу воспитатель должен также проводить в толще всего отряда, возбуждая интерес воспитанников к различным областям жизни, приводя пример передовых рабочих и колхозников, прославившихся на всю страну. Важно возбудить у ребят стремление на каждом месте, в каждом деле быть впереди. Важно доказать, что энергия, энтузиазм, разум, стремление к высокому качеству работы каждую специальность делают завидной.

Формы работы воспитателя в отряде могут быть самые разнообразные:

участие в работе отряда, класса;

участие во всех производственных совещаниях;

участие во всех собраниях и общих собраниях;

простое присутствие в отряде за беседой, за игрой в шахматы или домино; за спортивной игрой;

совместные прогулки;

участие в кружках вместе с членами отряда;

участие в выпуске отрядной газеты;

вечера чтения;

руководство чтением и подбором книг;

участие в производстве генеральной уборки в отряде;

прогулки и беседы с отдельными группами и отдельными воспитанниками;

присутствие на классных занятиях;

помощь воспитанникам в подготовке уроков, в исполнении чертежей и рисунков;

присутствие во всех органах самоуправления;

совещание с отрядом или со всеми отрядами своей группы;

прямая работа в устройстве выставок и подготовке праздников;

активное участие в решении всех вопросов материального быта;

поездки и походы для смычки с разными организациями, просто в гости в рабочие и колхозные коллективы.

Купание, катание на лыжах, на коньках — прямая работа по устройству и налаживанию всех этих развлечений.

Работа воспитателя в отрядах требует много сил, и она может заполнить все рабочее время воспитателя.

Для такой отрядной работы не нужно устанавливать никакого регламента во времени. Эта работа не может быть дежурством. Воспитатель должен быть с отрядом, особенно в то время, когда отряд не занят на производстве или в школе, но даже и в это время каждый час, проведенный воспитателем вместе с отрядом, есть уже работа.

Воспитатель должен избегать только одной формы: простого пребывания на глазах у ребят без всякого дела и без всякого интереса к ним. Контроль отрядной работы воспитателя нужно производить не по числу отработанных часов, а по результатам работы, по месту, занимаемому его отрядом в межотрядном соревновании, по общему тону, по производственным успехам, по характеру роста отдельных воспитанников и всего отряда и, наконец, по отношению к нему самого отряда.

Совершенно понятно, что воспитатель, не имеющий авторитета, не может быть воспитателем.

В своей отрядной работе, как уже сказано, воспитатель не должен быть администратором. Если в отряде наблюдаются отрицательные явления, воспитатель должен говорить о них с заведующим педагогической частью, но организационные меры после такой беседы руководство учреждения может принимать только после того, как заявление о неблагополучии в отряде поступит от командира или членов отряда.

Для того чтобы поставить на очередь такие меры, воспитатель должен открыто потребовать от собрания отряда или отрядной верхушки сообщения руководству учреждения. В таком требовании воспитатель должен быть всегда настойчивым, не должен подыгрываться к воспитанникам и скрывать от них собственную точку зрения. В глазах воспитанников воспитатель не должен быть двуличным, и его действия в отряде не должны казаться стоящими в противоречии с действиями администрации учреждения.

Совсем иная позиция воспитателя в его другой работе, *в работе по всему коллективу;* В этом случае он выступает уже не как старший товарищ в группе отрядов, а как уполномоченный всего коллектива. Эта его позиция должна отличаться точными и понятными для всех прерогативами.

Дневное дежурство по учреждению, ведущее день и отвечающее за порядок и точность движения распорядка дня, состоит из дежурного воспитателя и дежурного командира. Желательно, чтобы этот дежурный командир был из группы данного воспитателя.

Необходимо всегда подчеркивать перед всеми воспитанниками, что дежурные — это люди, представляющие силу и власть всего коллектива, что им необходимо строго подчиняться, что в этом подчинении есть особое достоинство для каждого воспитанника, что такой дежурный должен представляться каждому воспитаннику властью коллектива, к которому он принадлежит, а следовательно, своей собственной властью, которую он уважает и которой он дорожит.

В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского свято действовало известное, понятное каждому коммунару старое постановление общего собрания коммунаров: рапорт дежурства не проверяется. Это правило ярко подчеркивает тот огромный авторитет, каким пользуется дежурство, и без такого авторитета рабочий день всегда будет путаться в отдельных спорах и разногласиях.

Выступая как член такого дежурства, воспитатель пользуется правом приказа, правом рапорта и распоряжений[23]. Это свое право он делит с дежурным командиром. Желательно, чтобы между ними не было разделения по функциям, чтобы они оба одинаково отвечали за дежурство. Но воспитатель должен активизировать работу дежурного, должен приучать его к самостоятельному решительному действию, не допускать его прятаться за спину воспитателя и снимать с себя ответственность. В таких случаях, когда дежурный командир сомневается, как нужно поступить, дежурный воспитатель должен с ним посоветоваться, и принятое решение должно быть приведено в исполнение самим дежурным командиром.

Необходимо на каждом шагу поступать так, чтобы в глазах всего коллектива выступало всегда дежурство в целом, не разделяясь на воспитателя и командира.

В истории развития коллектива необходимо стремиться к тому, чтобы постепенно вырастали кадры дежурных из командиров отрядов с тем, чтобы дежурство воспитателя обратилось постепенно в консультацию старшего товарища и в резерв на всякий случай.

Опыт показал, что в хорошо организованных коллективах дежурство по учреждению может быть возложено на старших воспитанников, и они вполне справляются с этой работой без помощи воспитателя. В случае затруднения дежурный обращается к руководителю педагогической частью, а это усиливает постоянный деловой контакт актива с руководством.

Дежурству в целом должны принадлежать следующие права и функции:

1. Распоряжение всем порядком дня.

2. Регистрация всех уклонений в течение дня, нарушений, опозданий, случаев и событий, немедленное собственными силами реагирование на них с целью приведения обстановки к норме и вечерний рапорт обо всем происшедшем и о принятых мерах.

3. Распоряжение всеми сигналами в течение дня. Ни один сигнал не должен даваться иначе, как по распоряжению дежурства.

4. Прием гостей, делегаций, новеньких, выдача пропусков, проверка отпусков, проверка состава.

5. Контроль за правильной выдачей пищи и функционированием столовой и кухни.

6. Наблюдение за правильной работой всех комиссий.

7. Руководство при помощи дежурного отряда собраниями, развлечениями, играми, размещением клубной и культурной работы.

8. Распоряжение на случай тревоги, пожара, аврала и в отдельных несчастных случаях.

9. Правильное окончание рабочего дня и своевременный отход ко сну всех воспитанников…

А.С. Макаренко, Пед. соч., в 8 т., т. 1, с. 266-280, 295-296, 311-316, 320-328. Опущено: 6. Санкомиссия; 7. Актив; 8. Дисциплина и режим; 9. Наказание и меры воздействия; 11. Материальная часть; 12. Новые воспитанники; 13. Культработа; 15. Стиль работы с коллективом; 17. Выпуск.

Отдельное издание, ведомственное (ОТК НКВД УССР), каждый экземпляр был пронумерован; разослано в детские трудовые колонии и коммуны для несовершеннолетних 5 марта 1936 г. А.С. Макаренко начал работу над этим произведением, видимо, в сентябре 1935 г.

Разослано под грифом «совершенно секретно» как «Временные методические указания по организации воспитательного процесса в трудовых колониях для несовершеннолетних». Предлагалось «все замечания по содержанию методики направлять в ОТК для того, чтобы, можно было учесть их при окончательной редакции издания» (Опускула макаренкиана, №22, с. 71).

После ареста Л.С. Ахматова в начале августа 1936г. ОТК письмом с грифом «совершенно секретно» потребовал возвращения всех экземпляров «Временных методических указаний» к 25 августа.

«Методика…» отражает многолетний и успешный педагогический опыт коммуны им. Ф.Э.Дзержинского, с учётом позитивной и негативной практики других учреждений данного типа. Это конкретные организационно-методические установки, в основу которых положен главный педагогический фактор – коллектив воспитательно-образовательного учреждения, единый коллектив детей и взрослых, его структура и система управления, обусловленные прежде всего, производственно-хозяйственной деятельностью.

Новаторство А.С. Макаренко в области методики состоит в том, что он выводит здесь на первый план проблему организации воспитательного процесса, т.е. целесообразного объединения и упорядочения его многообразных элементов, приведения их в систему, поддающуюся управлению и способную к саморазвитию. Создание и описание системы начинается с проблемы коллектива, его «организационного строения», где фундаментальное значение придаётся главной первичной ячейке коллектива, принципам её организации.

Методическая система объединяется не как нечто завершённое и застывшее. Она характеризуется как процесс, развивающийся во времени, в её становлении и развитии. Это сложная система, целостная и дифференцированная, обеспечивающая индивидуализацию воспитания.

В «Методике» нет специального параграфа о работе администрации, руководства учреждением. Эта проблема пронизывает все параграфы, в соответствии с ведущим принципом: педагогическое руководство должно концентрироваться в системе самоуправления,

единой для воспитанников и сотрудников учреждения, в общей системе правил общежития и традиций.

Это, однако, не означает наличия прерогатив, свойственных лишь администрации, педсовету и относящихся к исполнению педагогическим учреждением его государственно-общественных функций. Разделяются: «приказы по коллективу» (подтверждение решений самоуправления) и «приказы по учреждению (административные). Первые, как и протокольные записи совета командиров, подписывается А.С. Макаренко и секретарём СК (подтверждаются главой администрации). Приказы по коллективу не вступают в силу без подписи администрации. (В отношении общих собраний – не ясно). Протоколы, приказы нумеруются.

Единая система самоуправления и административного управления, основанная на принципах «взаимосвязанных полномочий» и «единстве постановления и исполнения», представлена А.С. Макаренко на с. 172-173 кн.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания…, Часть 1 (где стрелки сверху вниз, как показывает его практика, должны обозначать движение и снизу вверх, т.е. отражать учёт инициативы всех элементов системы).

В общем итоге: полностью исключается «игра в самоуправление и демократию», достигается высокая эффективность управленческой системы и её «саморегулирование».

Сравнение «Методики» с «Опытом методики работы детской трудовой колонии (материалы книги, кон. 1932 г., см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 3, с. 37-73) показывает, что в ней освещаются V и VII главы задуманной ранее книги, частично – III и VIII. Опущены главы, теоретически объясняющие данную систему, её методологические основы. Единство организации, методики и теории воспитания ярко представлена в параграфах: Перспективы, Дисциплина и режим, Стиль работы с коллективом.

Широкое использование «Методики» в педагогической практике школ СССР и стран Восточной Европы как чисто методических рекомендаций, без должного осмысления их теоретических основ, вело к формализму и искажению наследия А.С. Макаренко. Его понимание коллектива подменялось понятием «детский коллектив», самоуправление строилось как «детское (ученическое) самоуправление» и др. Это обособление молодого и старшего поколений в корне противоречит его педагогике. Оно остаётся неопределённым и сейчас в среде тех, кто работает над освоением и применением этого наследия.

А.С. Макаренко стремится вывести данную методическую разработку за рамки детской трудовой колонии для несовершеннолетних, прибегая в тексте к выражению: «детское учреждение». Отражая специфику этого учреждения, он отмечает его контингент: 15-17 лет; дети 10-14 лет – это «малыши».

В «Методике» он свободно, без какой-либо «дипломатии» излагает и такие идеи и решения, которые считались спорными или решительно отвергались его оппонентами.

[1] Имея в виду, что ниже сказано: «В коммуне им. Ф.Э. Дзержинского первичные коллективы-отряды организованы по принципу объединения разных возрастов», - можно считать, что это принцип является дополнительным к «основному» принципу – производственному, как сказано ранее. Участок производства не может обеспечиваться детьми одного возраста, здесь нужна разная квалификация, идёт производственное обучение, обновление состава работников.

Не ясно, как функционировали производственные отряды с осени 1934 г., в условиях бурно развивающегося и очень сложного коммунарского производства. В документации совета командиров и его приказах с этого времени отмечаются лишь «роты» и «взводы», наряду с «бригадами» на производстве и «советом бригадиров». См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 325 - 326. Во «Флагах на башнях» действуют только «бригады» и «совет бригадиров».

[2] В коммуне периодически производилась реорганизация отрядов, главным образом в связи с реорганизацией и расширением производства, с приёмом большого числа новых воспитанников.

[3] Это очень важное, но почти не акцентируемое в других макаренковских работах положения: система производственных отрядов «должна считаться главной организацией», ею обеспечиваются материальные средства существования. Поэтому другие первичные коллективы, в форме школьного класса, клубного кружка, спортивной секции и т.д., некоторые последователи А.С. Макаренко не без оснований называют «вторичными».

[4] Использование в системе самоуправления не только выборности, но и назначения (руководством учреждения, через совет командиров), - мера, которая оказывается и сейчас в центре внимания критиков А.С. Макаренко. Они исходят из «идеального» варианта, игнорируя сложный процесс выработки администрацией и коллективом наиболее целесообразных форм управления учреждением, учитывая и «кризисные» моменты его развития.

[5] Очень важная деталь выборности по-макаренковски: отряд «намечает» своего командира; после согласования этой кандидатуры с общеколлективными органами она проходит избрание на общем собрании. Командир становится уполномоченным одновременно и отрядом, и всем коллективом; соответственно устанавливается и его ответственность.

[6] Систематический «рейтинг» (как сейчас говорят) состояния коллектива, оперативный учёт фактов неблагополучия, возможность быстрого на них реагирования (не всегда и не сразу), с помощью ежедневных вечерних «рапортов», устно сдаваемых в обстановке ритуала и публичности руководству самоуправления и администрации, с вручением письменного «рапорта» (после его «визирования», подтверждения дежурным командиром), - важнейший аспект макаренковской педагогической технологии. См. документацию: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 2, с. 377-381. Этот перечень дополняется краткими протоколами общих собраний (там же, части 1-3, многочисленные примеры, в комментариях). Сводные материалы см. там же, Часть 3, с. 145-147, 174-177.

[7] В общем собрании участвуют руководящие работники администрации, прежде всего входящие в совет командиров: зав. (нач.) коммуной, его помощники по педагогической части, врач, зав. школой. В зависимости от рассматриваемых вопросов участвуют: зав. производством, мастера, инженеры, работники школы, клуба и т.д. См. далее по тексту: 4. Общее собрание.

[8] В коммуне им. Ф.Э. Дзержинского – советы командиров.

[9] Отсутствие предварительного плана заседаний совета коллектива (командиров) – характерная особенность макаренковской практики самоуправления. Это орган текущей работы, принятия опера-

тивных решений и организации их исполнений. Описание заседаний СК: там же, Часть 2, с. 231-234.

[10] Единоначалие в системе коллегиальности, персональные полномочия и личная ответственность – меры, вызвавшие критику взглядов и опыта А.С. Макаренко.

[11] Примечательно выделение этих 4-х «частей учреждения» и, главное, - заслушивание их годовых планов и отчётов на общем собрании коллектива. Производственная часть дополняется финансово-хозяйственной: обсуждение «контрольных цифр годовой сметы и производства», финансовой сметы, различных ассигнований, стоимости содержания воспитанника. Так воспитываются не просто трудолюбие, а «хозяйственность», «трудовая забота», качества «гражданина-хозяина».

На общее собрание выносятся и также важные вопросы: изменения в управлении учреждением, связь с другими учреждениями, периодические доклады СК о своей работе, выпуск, награды, персональные явления, волнующие всех вопросы. Общие собрания периодически являлись продолжением процедуры сдачи вечерних рапортов. Описание такого собрания: там же, Часть 2, с. 234-238. Общее собрание – это «главный орган» самоуправления; СК (см. ниже) – его «центральный орган».

[12] В макаренковском понимании «воспитательный коллектив» - это трудовой коллектив всего педагогического учреждения, социально значимая и хозяйственная организация воспитанников и педагогов, взрослых (а не просто объединение детей по видам деятельности, групповое объединение). Такое определение ещё предстоит в полной мере осознать даже последователям А.С. Макаренко.

[13] Важность такого подхода объясняется тем, что комсомол – это широкая организация молодёжной общественности, имеющая свои цели и структуру, централизованное руководство.

[14] В практике А.С. Макаренко общее руководство осуществляет один совет, совет командиров (всего коллектива, по всем направлениям его работы). Другие «советы» (бригадиров, старост классов в школе и т.д.) руководят отдельной сферой деятельности. Создавались временные «комиссии»: праздничная, одежная, проверочная и др. Эта иерархия, обеспечивающая единство управления при его многообразии, в макаренковских работах не получила должного освещения.

[15] Требование критиков А.С. Макаренко перейти в системе самоуправления от «совета командиров» к «детисполкомам» (как к якобы наиболее демократической форме) особенно жёстко проявилось в колонии им. М. Горького в нач. 1928 г. (см. там же, Часть 1, с. 260, 264). Это не просто неприятие слова «командир». Расхождения касаются существа демократии.

Макаренковская система самоуправления – это высокий уровень демократии: совет командиров (коллектива), будучи исполнителем решений главного органа самоуправления (общего собрания), имеет не только право распоряжения, но и возможность оперативного его исполнения в «низовом» звене, через командиров отрядов. Построение «центрального органа» как представителей первичных коллективов позволяет привлекать всех к принятию к исполнению решений. Это система, не допускающая образования «командной касты», господства «элиты», менеджеров-профессионалов.

Система «исполкомов» ориентируется на массу, не достигая первичных объединений. Она не обладает должной представительно-

стью и эффективностью. А.С. Макаренко в своём коллективе как «социально-педагогической лаборатории» опережает развитие общественного управления, не соглашается с механическим переносом его форм в педагогическое учреждение.

[16] В колонии горьковцев и коммуне дзержинцев отсутствовало право избрания секретаря СК на второй срок.

[17] Макаренковская «территориальная» организация такого «педагогического центра» - очень важный элемент развития демократии в педагогическом учреждении: совмещение деятельности администрации и самоуправления, её открытость, приобщение массы детей к культуре деловых отношений и др. Описание работы «Кабинета» см. там же, Часть 2, с. 227-230; обстановка кабинета – Часть 3, с. 160.

[18] Начиная с этого предложения и кончая словами: «...доводить их до перспектив всего Союза» - текст, перенесённый из третьей части «Педагогической поэмы» (глава «У подошвы Олимпа»).

[19] Преувеличенная склонность к удовлетворению чувственной радости, к достижению материальных благ, комфорта; изнеженность.

[20] В клони им. М. Горького работа воспитателя включала: главное дежурство, рабочее (участие в физическом труде) и вечернее (во время отдыха, клубной работы) + работа в школе как учителя. Общая недельная часовая нагрузка служила основанием для оплаты труда. См. там же, Часть 1, с. 116-117.

[21] В колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского закрепление воспитателей-учителей за отдельными отрядами не практиковалось. С осени 1930 г. коммуна действовала без штатных воспитателей. Позднее А.С. Макаренко в связи с этим отмечал недостаток общения детей со взрослыми, потребовалось расширить общение со школьными учителями.

[22] Текст, начиная с этого предложения и до слов «необычайно важный вопрос...» - это чёткое объяснение методологической основы макаренковской педагогики как «педагогики параллельного действия». Её исходный пункт – разделение воспитательного процесса на то, как он должен выступать «в глазах воспитанника» и какова его суть (в понимании педагога). Эти две линии нужно сделать параллельными, т.е. самостоятельными и, как объясняется в математике, «равно удалёнными друг от друга и идущими в одном направлении».

Эта диалектика воспитательного процесса позволяет воспитаннику «более просто и радостно переживать своё детство», в атмосфере свободного развития, творческого проявления своих сил и способностей. Объект воспитания выступает в жизненной позиции субъекта, созидателя, самостоятельной и ответственной личности. Молодое поколение и старшее взаимодействуют, вступают в принципиально новые отношения между ними.

Существо, такой методологии и её технологическое воплощение А.С. Макаренко обстоятельно показал уже в работе 1925 г.: см. там же, Часть 1, с. 167-169.

Педагогика «прямого действия» оперирует логикой непосредственного влияния, не прибегая к обусловленности воспитания конкретными жизненными обстоятельствами, понятными ребёнку с точки зрения их целесообразности для него в настоящее время. Это педагогика насильственности, воспитания подневольного и слаборазвитого человека в обществе, разделённом на «рабсилу» и управляющую «элиту»; социализация детей и молодёжи сдерживается старшим поколением.

[23] Описание дежурства воспитателя в контексте задач воспитания самостоятельности детей, особенно старших (в логике «параллельного действия») см. там же, часть 2, с. 132-136.

Письмо Е.М. Коростылёвой, 11 января 1936 г.

11 января 1936, Киев

Дорогая Елена Марковна!

Спасибо огромное и самое искреннее за журнал. Видите, как меня защищают, даже неловко. С какой стати люди переживают?

Бочачер жалко. Зачем так обижать человека, ну, написал и написал, надо же что-нибудь написать[1].

Вы ни слова не пишите о 8-м альманахе, неужели он и в январе не выйдет? У меня такое нетерпение: страшно интересно, как меня будут крыть.

Во всяком случае, авторских экземпляров мне не высылайте, мне приятнее получить их из Ваших рук. С 25-го я в Москве. Ух, и люблю же Москву!

Спасибо за пожелание. Книгу напишу[2], только она будет ещё хуже, чем «Поэма».

А кто такой Колбановский?

Будьте радостны.

Жинка моя очень тронута Вашим вниманием, благодарит и кланяется низким поклоном.

А.Макаренко.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 60.

[1] Здесь, видимо, А.С. Макаренко откликается на то, что Е.М. Коростылёва сказала по поводу критической рецензии М. Бочачер о «Педагогической поэме».

[2] Говорится о «романе без названия».

Дополнения. *Из письма Г.С. Макаренко сыну, Л.М. Салько, 8 янв.*: **«...Собираемся ехать в Москву, но отъезд наш несколько откладывается. Хотя приказ об отпуске Антона уже опубликован и там сказано, что в отпуске он с 15-го числа, но на деле мы поедем только 24-го. Съезд работников ОТК и зам. и нач. колоний («краткосрочный семинар по переквалификации воспитательского состава», и в Киеве, назначен приказом НКВД УССР от 20 ноября 1935 г. – А.Ф.) по некоторым причинам перенесён с 7-го на 20-е, и уехать приходится позже...**

Отпуск Антонушкин продлится до 24 февраля, если выедем 24/I...

Константин Семёнович [Кононенко] пишет, что мечтает о переезде в Москву и приложит все усилия, чтобы организовать дело с квартирой...

7/I приехала из Люботина Лишкина мать (мать Олимпиады Витальевны Макаренко, жена В.С. Макаренко – А.Ф.), она останется у нас до нашего приезда...

Антошенька наметил уже целый ряд пьес, на которые мы обязательно пойдём [в Москве] вместе...

Опускула макаренкиана, № 24, с. 126-127.

Приказ НКВД УССР, 10 янв. 1936 г., № 17: **«О возложении руководства и ответственности за учебно-воспитательную работу в трудкоммунах им. Ф.Э. Дзержинского и В.А. Балицкого на ОТК НКВД УССР». Их производственная часть остаётся в ведение АХУ НКВД. Подпись – К.М. Кацнельсон.**

Приказ НКВД УССР, 10 янв. 1936 г.. № 20: **перечень колоний и коммун, находящихся в ведении ОТК, с введением их общей нумерации, всего 14. Среди них: коммуны им. Ф.Э. Дзержинского и В.А. Балицкого, колонии в с. Таганча; в Одессе, в с. Бровары (№ 5), с. Якушинцы, с. Андреевка, с. Куряж, с. Ахтырка, г. Змиев и др. Подпись – В.А. Балицкий.**

Опускула макаренкиана, № 22, с. 75-76.

Из письма К.С. Кононенко, 11 января 1936 г.

…Спасибо огромное и самое искреннее за журнал. Видите, как меня защищают, даже неловко[1]. С какой стати люди переживают?...

А кто такой Колбановский?...

Опускула макаренкиана, № 22, с. 46.

[1] Говорится, вероятно, о статье В.Н. Колбановского в ж. «Красная новь», 1935, № 10, где отвергаются критические соображения, содержащиеся в рецензии М. Бочачер.

Опускула макаренкиана, № 22, с. 46.

Дополнения. *Щербина В. Педагогическая поэма // «Октябрь», Орган Союза сов. писателей. Книга первая, январь, М., 1936 г.* **Об отд. изд. 1 и 2 частей «Пед. поэмы», М. – 1935.**

«…Произведение большой жизненной правды и эмоциональной силы… Немногие книги наших писателей за последнее время вызывали такие оживлённые споры… На каждой странице чувствуется дыхание новой жизни… Пафос подлинного пролетарского гуманизма… Гордость и радость автора за нового человека… Подлинно реалистическое произведение, с показом тёмных пятен жизни, срывов и ошибок в трудном деле». «Жизнерадостная ирония», «красочный язык».

Показав интереснейший кусок нашей жизни, «Макаренко не смог сделать правильные обобщения», он «апологизирует нигилистическое отношение к педагогической теории вообще», он «сторонник педагогической интуиции». «Для марксизма подобное отношение к теории и наследию прошлого несвойственно». «Теоретическая часть «Поэмы», несомненно, ошибочна»; это «идеализация самотёка».

Но нет оснований для выводов, которые сделал в своей рецензии М. Бочачер. В колонии А.С. Макаренко не отрицается учёба в школе, он не эпигон теории «отмирания школы», идей Шульгина. Мало сказано о комсомольской ячейке колонии.

Из письма А.О. Броневому, 29 января, из Москвы

…Мой отпуск с каждым днём приобретает всё более дурацкий вид. До сих пор мы не получили но́мера[1] и с большими неудобствами кое-где пересиживаем. Вообще плохо. Москва переполнена делегациями, депутациями и т.п., а «Селект» останавливается на ремонт. Большую часть дня провожу в поисках номера, но надежд никаких нет. И протекции не помогают. Алтарев, спасибо ему, нажимал, и директор «Селекта» сам гоняет по гостиницам - ничего не выходит.

Всё же особенно духом не падаю. Не будет номера, пристроимся где-нибудь у знакомых. Во всяком случае, имею билеты в театры ещё до 10 февраля…

Опускула макаренкиана, № 22, с. 74.

[1] Говорится о гостиничном номере.

Из письма К.С. Кононенко, январь 1936 г.

…По некоторым признакам ты падаешь духом и притом очень чудаковато падаешь. Тебя уже начинает мучить, что ты человек долга. Оригинально в высшей степени, твои жалобы можно сформулировать так: «Ах, какая трагедия, что я порядочный человек. Вот если бы я был сволочью, - какой бы простор был для моего душевного творчества!» Нет, голубчик, такой фокус не выйдет, сволочей и так достаточно.

В этих противоречиях вся прелесть жизни и на почве этих противоречий вырастают у людей настоящие крылья[1]…

Я тоже страдаю: с 1 октября не написал ни одной строчки и материалами [романа], собственно говоря, не занимался. Конечно, досадно, но может это и к лучшему. Может быть, именно поэтому мы скорее вырвемся в Москву.

Очень хочу с тобой видеться, не урывками, а основательно каждый день…

Опускула макаренкиана, № 20, с. 17-18.

[1] Восприятие противоречий как явления закономерного и необходимого – глубинная основа жизненной философии А.С. Макаренко, его социальной педагогики и школы жизни, труда, воспитания. Это важнейшая черта в понимании им содержания воспитательного процесса, целенаправленности воспитания и его развития.

Позднее он писал: «Секрет и прелесть нашей жизни не в отсутствии конфликта, а в нашей готовности и в умении его разрешать» (Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 164).

Дополнение. *Выступление А.С. Макаренко о «Педагогической поэме» на собрании учащихся VIII–X классов 2-ой образцовой московской школы им. К.Е. Ворошилова 11 февр. 1936 г.* (Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е. – Ленинград, 1961, с. 114).

Выступление в Высшем коммунистическом институте просвещения

Благодарю за внимание, которое вы оказали моей «Педагогической поэме», за положительные отзывы. Ваши отзывы помогут мне.

А теперь поговорим о педагогической теории, потому что я рассматриваю вас как её представителей, посвятивших ей всю свою жизнь.

Мы с вами стоим на одной позиции советской педагогики, но расположены по-разному[1]. У нас нет оружия, нападать буду я, вы защищайтесь. Извинить меня может только то, что я один, а вас много.

Вы говорите, что теория есть, а я прошу – дайте её мне! Нет ни одной деловой книги, по которой педагогу можно было бы воспитывать детей. Я работаю во всеукраинском масштабе, в отделе трудовых колоний, коммун НКВД УССР. Под моим руководством несколько сот педагогов, и я ни одной строчки не могу рекомендовать им к руководству.

Вы говорите: учение марксизма-ленинизма. Верно. Но не прячьте педагогику за великими именами деятелей марксизма. Ведь они не являются специалистами-профессорами педагогики. Их высказывания в области воспитания – это высокие идеи человечества, а не практическая педагогическая наука. Нельзя глубочайшую философию их учения выдавать за педагогическую технику. Не закрывайтесь ими и не снижайте их учения. Они создали методологию и дали задание, а вы пока ничего не делали, чтобы его выполнить, ничем не ответили на задание.

Почему несколько лет царила теория Шульгина, пока ЦК партии не сказал об этой антиленинской «теории». А ведь высказывания Маркса и Ленина о воспитании у вас были. Их цитировали и извращали подобные «теоретики». Где же вы были тогда с вашей эрудицией, почему не видели вреднейших ошибок Шульгина?

А многие из нас – практиков видели и понимали, что это грубейшее извращение марксизма.

Почему медицина ищет, как лечить рак, не ожидая, что скажет ЦК партии об излечении рака? А в любом вопросе педагогики нет рецепта, нет метода, нет делового указания, как в реальной практике должен поступать педагог в том или другом случае[2]. Есть только основные принципы без конкретных планов и разработки деталей[3]. Вы – теоретики отдали детей на полное усмотрение практиков.

Практики воспитывают, а вы только говорите: «не так». А как надо – никто не говорит. Теоретики говорят только – «не так», а доказать ничего не могут[4]. Их утверждения – это «нагорная проповедь», а не научная теория. На какую науку вы сами можете рассчитывать в нашей педагогической практике?

Теория должна разработать педагогическую технику, она должна повернуться лицом к практике.

Возьмём школу, хотя бы образцовую школу № 2 им. Ворошилова[5]. Там ведь нет коллектива. Споры, сплетни, разговоры. Я их спросил: вы вот носите имя Ворошилова, а есть среди вас ворошиловцы? Ворошилова вы видели, был он у вас? Оказывается, нет. Почему не захотели, чтобы был Ворошилов? А [мои] горьковцы гордились тем, что они горьковцы.

С какой стати я буду петь дифирамбы педагогике? Ведь я ничем [педагогически] не вооружён. Кто мне хоть в чём-нибудь помог за те 30 лет[6], которые я работаю?

Ко мне приходит молодёжь, окончившая советские вузы, она тоже не вооружена педагогически. Они знают и психологию, и физиологию, и педагогику, и другие науки, и даже «премудрости» педологии, а пусти их усмирить двух расшалившихся ребят, и они не знают не только как им поступить, а как подойти к этим ребятам. И, в конце концов, в работе опираются на ходячий, часто мещанский, так называемый «здравый смысл»[7].

Большая бедность в педагогической методике, в технике и поэтому окончившие педагогические вузы ничего не знают, как надо говорить с учеником, нет умения сидеть, стоять, не знают, как надо пройти по лестнице. Вы скажите, что это пустяк.

Тогда докажите, что это пустяк. А я утверждаю, что в педагогике это не пустяк. Вот у нас, у коммунаров, существуют правила: «сходя по лестнице, не держись за перила», и «не опирайся на стену». У дзержинцев много законов, которые и не снились теоретикам.

Возьмём вопрос о наказании. На «педагогическом Олимпе» говорили, что не должно быть никаких наказаний[8], и что же получилось в результате, чем особенным можно похвастаться?

«Теория безнаказанности» (ведь это тоже «теория») привела к тому, что когда я объезжал Киевскую область, во многих детских домах мне пришлось снять железные решётки на окнах[9]. Вот до какого ужаса дошла практика. Почему же вы не помогли им, если у вас в руках есть научные методы работы? А у нас в колонии и коммуне с самого начала было единственное наказание: «арест» в моём кабинете под честное слово[10], и был полный порядок и дисциплина.

Почему в трудовых коммунах хорошо? Потому что там нет ни одного человека, который прочитал бы хоть одну педагогическую книгу.

Из педагогической теории можно получить общее развитие, но ваша официальная «педагогическая теория» (вернее, её надо ещё назвать педологической) – не наука и не педагогическая техника. Моё выражение, которое я употребил в «Педагогической поэме», что педагогика – «это вековечное шарлатанство», объясняется

моим тогдашним состоянием, моими переживаниями. Но я и сейчас стою на том, что старая и западная педагогика нам помочь не могут[11].

А если говорить о прошлом, о так называемой «традиционной педагогике», педагогике «буржуазно-классической», то если бы мне сейчас предложили кандидатуру Песталоцци[12] в качестве воспитателя в коммуне, я бы его, пожалуй, взял, а Руссо[13] не пустил бы и на порог.

Труды Ленина я постоянно изучал[14], а вот у вас я никогда не встречал этих слов Ленина: «В 1921 г. гвоздём было отступление в порядке. Вот почему нужна была сугубая дисциплина. «Рабочая оппозиция» говорила: «Вы недооцениваете рабочих, рабочие должны проявлять больше инициативы». Инициатива должна состоять в том, чтобы в порядке отступать и сугубо держать дисциплину[15].

В системе НКВД, где я сейчас работаю, опираясь только на марксистско-ленинскую теорию, воспитывают прекрасных людей, а педологическую теорию опыт НКВД игнорирует. Поэтому пока только в нашей системе детских домов принцип Маркса о соединении обучения с производственным трудом и физическим развитием проведён в жизнь и продолжен до конца. В коммуне им. Ф.Э. Дзержинского настоящая десятилетка[16] и два первоклассных завода. Полная самоокупаемость, свой клуб, театр, спортзал и даже оранжерея.

А в той же школе № 2 в Москве я спрашиваю: «Почему у вас нет цветов?» Отвечают: «Дорого». «А почему нет своей оранжереи?» Ничего не отвечают. Удивлены моим вопросом, потому что даже на организацию оранжереи не хватило трудового усилия в «трудовой» школе.

Возьмём такой вопрос: отношения между мальчиками и девочками, кем они направляются, регулируются, что говорит ваша теория этому вопросу?

Вот я был в 25-й образцовой школе[17]. Там на каждом шагу слышишь: «мой папа нарком», «мой папа комкор», «мой папа директор». Знаете вы, чем это искоренить? Конечно, можно послать комсорга, хорошего комсомольца, он двадцать раз ошибётся и выправит это, как умеет, но где здесь наша помощь?

Или каким методом надо воспитывать энтузиазм, героизм? Проповедью, размахиванием руками или какими-нибудь другими методами? Я утверждаю, что здесь нужна длительная работа детского коллектива. Надо коренным образом пересмотреть принятые сейчас в детских учреждениях методы создания детского коллектива и управления им.

Давайте говорить прямо. Давайте создавать методику и методологию педагогической науки[18]. Её у вас тоже нет, я вам и это докажу. Приезжает ко мне в коммуну инспектор, у дверей стоит часовой-коммунар, в полной парадной форме, с винтовкой. Винтовка, конечно, без патронов. «Зачем часовой? – спрашивает инспектор. – Это вредно». Какая теория привела его к выводу, что этот мой метод плох? Логика простого усмотрения, а иногда и самодурство.

Всё принято на веру: методология, педагогические средства, которые умозрительно принимаются и бросаются, никем не проверенные[19]. А я могу доказать, почему нужен часовой, и обязательно с винтовкой, и докажу это теоретически на основании марксистского учения, логики нашей жизни и развития, становления и борьбы нашего общества[20].

Ещё пример со стахановским движением в школе. Так, как оно проводится сейчас в школах, - это полнейшее извращение прекраснейшего начинания в производстве. И так всегда: вдруг какое-то средство кому-то кажется хорошим, начинают его применять, не проверяя результатов. Возьмём историю советской школы: сначала школа была трудовой, потом стала политехнической, а теперь политехнизм на ущербе. Вы возражаете против этого? Докажите, что не на ущербе.

Такая деталь: ученик хулиганит в классе. Удалить его из класса нельзя, а почему – неизвестно, и «теория» ответа не даёт.

Что касается совместного воспитания, то я 30 лет был за него и сейчас думаю, что здесь возможны и нужны коррективы. Очевидно, к этому вопросу надо подходить разно в различных коллективах и проверить методы совместного воспитания не на одном только, а на многих коллективах[21].

Организацию коллектива в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского и сейчас ещё называют «командирской педагогикой». А чем это плохо – командир? Плохо потому, что сравнивают жизнь колонистов и коммунаров с казармой, но не с казармой Красной Армии, а с царской казармой. И дальше по нелепой некой аналогии идут до аракчеевской казармы. Вот почему с их точки зрения нехороша, недопустима «командирская педагогика»[22].

Мне часто говорили разные теоретики: результаты у вас хорошие, а методы нехороши. И никто не потрудился даже за 16 лет проверить мои методы по результатам работы. В самом деле, как же так: методы плохие, а результат хороший. Где же здесь самая обыкновенная житейская логика, я уже не говорю о научной. Ведь что получается: покажи вам настоящее дело – вы собственным глазам не верите, а где же точные измерители вашей науки? Нет у вас этих точных измерителей. Скажет Шульгин: это средство хорошее – будут его применять, не скажет – не будут.

Нет изобретательности, творческой мысли, нет опытной методологии, нет ещё большевистской партийной логики в педагогике, есть только старый беспомощный схоластический метод утверждения и проповеди.

Дело создания настоящей материалистической, марксисткой педагогической теории и техники – наше с вами дело. И мы обязаны по-новому его сделать. Есть великое культурное наследство, которое мы используем, но мысли великих педагогов прошлого – только эстетика и проповедь, а не наука, не методика, не техника педагогики.

На основе учения Ленина, его науки и тактики мы обязаны создать, и создадим принципиально новую, революционную науку и деловую педагогическую технику, не успокаиваясь на том, что сто лет тому назад дал Песталоцци. И в нашем творчестве мы должны брать за образец большевика[23], а не Песталоцци.

(Читает конец 3-й части «Педагогической поэмы», где высказывается уверенность, что через десять лет будет создана педагогическая методика. Приглашает всех в коммуну им. Дзержинского).

А.С. Макаренко. Книга 7 / Ред. колл.: Г.В. Бердов, И.М. Грищенко, А.Г. Дзеверин и др. Отв. ред. Ф.И. Науменко. – Львов, Изд-во Львовского ун-та, 1969, с. 143 – 147; текст подготовлен к печати В.Е. Гмурманом и Г.С. Макаренко, он характеризуется как «конспект доклада, сделанный одним из слушателей».

В нашей публикации данный текст дополнен тремя небольшими фрагментами, по источнику: РГАЛИ ф. 332, оп. 4, ед. хр. 188, лл. 34-38. В описи этого фонда публикуемый материал не значится, вложен в указанную выше единицу хранения. Это машинопись, со сделанной карандашом правкой, затем стёртой.

Текст архивного источника был подготовлен к печати А.А. Фроловым к изданию в 8-томном собрании Пед. соч. А.С. Макаренко, но снят по решению члена редколлегии В. М. Коротова.

Тщательный поиск А.А. Фроловым каких-либо сведений об обсуждении «Педагогической поэмы» во ВКИПе, о выступлении А.С. Макаренко оказался безуспешным. Изучены в Архиве Российской академии образования фонды: ф.12, оп.1 – ВКИПа и ф.13, оп.1 – Централь-

ного науч.-исслед. ин-та педагогики при ВКИПе, материалы 1935–1936 гг. ВКИП действовал с ноября 1931 г. по 28 марта 1938 г. Центр.НИИ педагогики при ВКИПе – с марта 1933 г. по 16 сент.1937 г.

В 1932 г. ВКИП имел отделения: педагогическое, педологическое, организационно-плановое, политехническое. Преподавательскую и научную работу в нём вели С.Е. Гайсинович, И.Ф. Свадковский, А.П. Пинкевич, И.К. Луппол, С.А. Каменев, И.Т. Огородников, Г.А. Фортунатов, А.Б. Залкинд, К.Н. Корнилов, Е.Н. Медынский, Н.К. Гончаров, В.Е. Гмурман и др.

По протоколам заседания кабинета теории и истории педагогики ЦНИИПа 1936-1937 гг. (первоначально директор Бобровников) видно, что в его работе в янв. 1936 г. принимали участие А.П. Пинкевич, Г.Е. Жураковский, Е.Н. Медынский, М.Н. Покровский, И.Ф. Свадковский. 7 июля 1936 г. принято решение об учебнике педагогики, составители С.А. Каменев, А.П. Пинкевич, С.Е. Гайсинович, П.Н. Шимбарев.

В 1936 г. директором ЦНИИПа стал М.М. Пистрак (в 1918–1931 гг. сотрудник Наркомпроса РСФСР, по совместительству руководил школой-коммуной им. П.Н. Лепешинского). В статье, опубликованной 20 июля 1936 г., он отметил: «В работу А.С. Макаренко... теоретики педагогики не потрудились вдуматься, глубоко её изучить...» (см. далее в этой книге, в комментарии).

Материал не датирован. Н.А. Морозова относит его к маю 1936 г., но в это время пребывание А.С. Макаренко в Москве не установлено. Отнесение Г. Хиллигом этого документа к августу также несостоятельно: по содержанию документа видно, что выступление А.С. Макаренко состоялось до опубликования Постановления ЦК ВКП (б) о педологии 5 июля 1936 г.

Есть основания для даты: сер. февраля или сер. марта 1936 г. А.С. Макаренко был в Москве в окт. 1935 г. (см. т.8 Пед.соч., с.55), с кон.янв. 1936 г. (там же, с.60), в октябре 1936 г. (т.1, с.266).

Главное в выступлении А.С. Макаренко – резкая критика педагогической науки за отрыв её теории от решения практических педагогических задач. Он видит в этом несовершенство методологии педагогики «педагогической логики», игнорирование проблем доказательности и результативности научно-педагогического знания. Умозрительно-декларативной педагогике и «школе учёбы», он противопоставляет свою социальную педагогику, школу жизни, труда, воспитания.

Нужна «опытная» методология педагогики, разрабатывающая «технику» целеустремлённой педагогической деятельности.

[1] А.С. Макаренко здесь даёт чёткое определение связи своей педагогики с официально действующей тогда педагогической теорией: они имеют общие основы, но принципиально отличаются в методологии и социально-гуманитарной направленности.

[2] Говоря: «В том или ином случае», - А.С. Макаренко, несомненно, имеет в виду, прежде всего общие педагогические условия, которые учитываются в технологии воспитания определённого типа личности, в коллективе «определённых признаков». На этой базе «педагог-мастер» осуществляет индивидуализацию воспитания, максимально учитывая совокупность его конкретных обстоятельств.

[3] Определение закономерно необходимых форм, «деталей» в педагогической технологии – путь, по которому А.С. Макаренко идёт в разработке теории воспитания, кровно связанной с практикой. См.,

например, т. 1 его Пед. соч., с. 46. Известный в 1920-х гг. педагог-дефектолог А.В. Владимирский считал важнейшим в макаренковском творчестве «изобретение в педагогике бесконечно малых величин» (Отдел рукописей Российской гос. библиотеки, ф. 447, карт. 13, ед. хр. 4, л. 29).

[4]Здесь А.С. Макаренко, конечно, ссылается, прежде всего, на свой опыт общения с педагогами-учёными.

[5] Посещение этой школы, как и образцовой школы № 25 (см. ниже по тексту выступления) произошло, вероятно, по рекомендации Наркомпросса РСФСР, где А.С. Макаренко побывал. «Образцовая» - это тогда официальное наименование, оно присваивалось школе, специальным постановлением.

Ворошилов К.Е. – в 1934-1940-х гг. нарком обороны СССР.

[6] Имеется в виду весь опыт педагогической работы А.С. Макаренко, начиная с осени 1905 г. Ниже говорится «16 лет», это время его работы при советской власти, с осени 1919 г. (после Гражданской войны).

[7] Это «мещанский здравый смысл». А.С. Макаренко с большим уважением относится к «здравому смыслу» как концентрации «накопленного веками социального и культурного опыта людей», многих поколений (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 3, с. 56).

[8] Запрещение в школе «каких-либо наказаний» объявлено в «Положении о единой трудовой школе РСФСР» (осень 19218 г.). Наказания не предусматривались и в постановлении ЦК ВКП (б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (авг. 1932 г.).

[9] Речь идёт о детских домах, находящихся ранее в ведении Наркомпроса и Помдета. Со снятия решёток началась работа А.С. Макаренко с «морально дефективными» детьми (первоначально она проходила в помещениях дореволюционной колонии для несовершеннолетних правонарушителей).

[10] Говорится о единственной форме наказания для детей, имеющих в коллективе статус колониста, коммунара. Для ещё не имеющих этого статуса, «воспитанников», применялись другие формы, обычно по принципу «естественных последствий».

[11] Такой вывод А.С. Макаренко сделал в своём «большом сочинении», написанном в первой половине 1917 г., - «Кризис современной педагогики». Он также говорил: «Глубоко уважаю старых педагогов. Много их читал и многому научился у них. Но нам нужно продолжать дело создания воспитательной методики» (ниже в этой книге «Разговор о воспитании»; см. также здесь ниже: «мысли великих педагогов прошлого»).

[12] Песталоцци И.Г. (1746–1827) – швейцарский педагог, основатель «развивающего обучения и «школы жизни», идеи соединения воспитания и обучения с производительным трудом, практикой повседневного поведения.

[13] Руссо Ж.Ж. (1712–1778) – французский философ-просветитель, писатель, основатель «свободного, естественного воспитания». Его идею «свободного проявления» сил и способностей детей А.С. Макаренко творчески развил в концепции «параллельного действия» природного и социального факторов в воспитании. Так обеспечивается «свобода в самочувствии воспитанника», он может «более просто и радостно переживать своё детство» (Школа жизни, труда, воспитания...Часть 1, с. 168).

[14] В работе «Вместо коллоквиума» (авг. 1922 г.) А.С. Макаренко писал: «Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова, Ленина» (там же, с. 40).

[15] Проблема дисциплины, обвинения в «муштре» - главное в критике взглядов и опыта А.С. Макаренко. Но у него это дисциплина не «торможения», а созидания и творчества, «борьбы и преодоления трудностей». Такой смысл, связь инициативы и дисциплины, он видел в приведённой цитате из доклада В.И. Ленина на XI съезде РКП (б), см. Полн. собр. его соч., т. 45, с. 110.

[16] Школа-десятилетка, V-VII классы – часть «учебного комбината» коммуны. В него входили в то время также машиностроительный техникум и курсы типа ФЗУ. Это позволяло в общем коллективе учащихся учитывать их индивидуальные возможности и способности, стремления.

[17] Московская образцовая школа № 25 тогда обслуживала детей, преимущественно проживающих в «Доме правительства».

[18] Принципиальное внимание к методологии педагогической науки А.С. Макаренко проявлял уже в 1922 г., считая первостепенной задачей «создание научного метода педагогического исследования» (Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 41). Специальный раздел «Педагогическая логика» он выделил в работе, относящейся к кон. 1932–нач. 1933 г. (там же, Часть 3, с. 52–56).

[19] Позднее такой недостаток методологии педагогики, «педагогической логики» А.С. Макаренко определил как «дедуктивное предсказание» и «этический фетишизм» (т. 4, с. 126–127).

[20] Определение педагогических целей и средств, исходя из анализа реальной действительности, «логики нашей жизни и развития, становления и борьбы нашего общества», - методологическая основа социальной педагогики А.С. Макаренко, всей его деятельности как социального педагога-реформатора, включая и литературно-художественное творчество.

[21] Здесь имеется в виду проблема, актуальная, прежде всего для учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. А.С. Макаренко в порядке опыта осуществлял в такого рода учреждении совместное воспитание мальчиков и девочек (последние обычно составляли не более 20 %). Во 2-й половине 1930-х гг. в СССР возник замысел раздельного обучения в общеобразовательных школах; оно проводилось в крупных городах в 1943–1954 гг.).

[22] Возражения против слов «командир», «отряд» - это в сущности расхождения во взглядах на коллектив, его организованность и дисциплину. Это неверие в способность детей, подростков успешно и оперативно действовать, решая сложные и ответственные задачи своего труда, жизни и быта.

Необычайные социально-педагогические успехи А.С. Макаренко коренятся в организации «совета командиров» как центрального органа управления коллективом учреждения. В этом органе сочетаются представительство каждого детского первичного трудового коллектива и представительство администрации. СК действует на основе единства постановления и исполнения (законодательной и исполнительной власти), коллегиальности и единоначалия.

Таким образом А.С. Макаренко решительно опережал структуру советской власти, существующую в её «низовом звене». Он отвергает самоуправление по типу «исполкомов», игнорирующее первичные объединения, опирающиеся на оторванные от них различные специа-

лизированные «комиссии» (Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 256, 260, 264; см. также ниже в этой книге: «Начальнику отдела трудовых колоний НКВД УССР»: о «различных комиссиях» и необходимости иметь в самоуправлении «центральный орган», его не было даже в Болшевской коммуне).

[23] В архивном материале: «Чекиста возьмите за образец, а не Песталоцци».

Письмо Л.М. Салько, 20 февраля 1936 г.

Киев 20 февраля 1936 г.

Милый Лёвчик

Мы по тебе уже соскучились. Галя заболела-таки, хоть и не сильно, но пролежала в кровати несколько дней, температуры не было, но кашель и слабость, и вообще что-то с горлом. Сейчас она поправилась и завтра, вероятно, уже выйдет. Я тоже чувствовал себя довольно плохо, где-то простудился.

Мой отпуск оканчивается 24-го. Сейчас сижу просто дома и читаю, немного работаю над будущим романом[1], кое-что начинает выясняться.

Галя продолжает мечтать о Москве и о нашей общей жизни, я же человек трезвый и пока что мечтать не хочу, мечты уже не удовлетворяют.

Пиши.

Целую.

Твой А.

Опускула макаренкиана, № 24, с. 138.

[1] 18–24 февраля: Работа А.С. Макаренко над романом; составлен план работы, написано начало первой главы, 11 стр.; до 6 марта: работа над второй главой, написаны с. 17–21. (Опускула макаренкиана, № 22, с. 72, 79, по записным книжкам). Ранее – отдельная тетрадь по роману, с записью: «Начато 6 окт. 1935 г. Материалы закончены 18 февр. 1936 г.».

Письмо К.С. Кононенко, февраль 1936 г.

Константин!

Ничего не понимаю. Я тебе послал два письма и напомнил открыткой. Почему ты молчишь? У тебя что-нибудь случилось? Так напиши. Может быть, за что-нибудь обиделся или что, так тоже напиши. Что это за бабский фасон, замолчал и всё. Если даже я последняя сволочь, так надо мне об этом написать или нет? Между прочим, я за собой ничего не чувствую.

А.

Опускула макаренкиана, № 20, с. 18, не датировано. Ориентировочно: февраль 1936 г.

Дополнение. *Левин Ф. Педагогическая поэма* **//Литературное обозрение. 1936, №2. Положительная рецензия, но с некоторым высокомерием литератора – «профессионала». Отмечено: «материал, столь несовершенный по своему художественному мастерству».**

Крепче драться за дисциплину

Дисциплина в школе [коммуны] ещё не стоит на высоте. И Совету командиров совместно со старостой школы необходимо усилить свою активность в борьбе за дисциплину. Безусловно, ведущую роль в этой борьбе должен играть комсомол. Каждый комсомолец обязан являть собой пример дисциплинированного учащегося

и обязан влиять на весь класс. Этого пока ещё до сих пор нет, но это должно стать практикой нашей школьной жизни.

Неуместные шутки во время урока, реплики, грубость в обращении с педагогами – как-то проходят мимо внимания всего класса и даже лучших коммунаров-комсомольцев.

Хороший дисциплинированный комсомолец на обращение к нему преподавателя во время урока огрызается: чего же Вам надо? А когда после урока ему указали на эту грубость, он был весьма смущён и заявил, что никакого намерения грубить преподавателю он не имел, что он даже не обратил внимания на эту реплику. И то, что он, комсомолец, не обратил даже внимания на своё грубое обращение с преподавателем, является очень показательным.

Ни сам учащийся, ни преподаватель не реагируют на отдельные нарушения дисциплины, они как бы узакониваются, становится обыденным [явлением]. Коммунар обязан понять, что каждое нарушение дисциплины в школе, даже малейшее, нарушает правильный ход учёбы, отражается на успеваемости учащихся.

Одновременно с этим необходимо, чтобы педагоги также усилили свою борьбу за дисциплину в школе. И не только [нужно] констатировать нарушение дисциплины, но и тут же в классе принимать меры к тому, чтобы подобное явление не повторялось.

Абсолютно неправильно, когда преподаватель идёт по линии наименьшего сопротивления – или стараться не замечать нарушения, или ограничиваться занесением факта в рапорт. И совершенно непонятно, когда преподавательница заявляет в учебной части, чтобы её перевели в другой класс, так как она не может справиться с данным учеником. Тот, мол, её оскорбляет, мешает работать и ничего с ним нельзя сделать.

Это вредная точка зрения. Преподаватель не является только лицом, который излагает в аудитории свой предмет, он – воспитатель. Особенно это важно в условиях коммуны. И отмахнуться от воспитательной роли педагог не имеет права и не должен.

Наша коммуна является образцовой. Образцовой должна быть поставлена в коммуне и дисциплина среди коммунаров.

Каждый коммунар должен бороться за то, чтобы наша коммуна, носящая имя лучшего большевика, первого чекиста – Ф.Э. Дзержинского, была действительно образцовой.

Опускула макаренкиана, № 22, с. 77–78. Статья, подписана «А.М.», напечатана в газете-многотиражке «Дзержинец», 29 февр. 1936 г. («орган парткомитета, завкома, комитета ЛКСМУ и совета командиров трудкоммуны НКВД УССР им. Ф.Э. Дзержинского»). Это часть текста выступления А.С. Макаренко на общем собрании коммунаров.

Примечательно, что он в равной степени обращается и к учащимся, и к учителям. В решении проблемы учебной дисциплины, как и других проблем педагогического учреждения, он аппелирует к каждому члену коллектива, особенно к старшим воспитанникам, комсомольцам, к органам самоуправления.

Директор учебного комбината коммуны И.О. Борок в статье, напечатанной в «Дзержинце» 13 марта 1936 г., добавил к выступлению А.С. Макаренко на общем собрании коммунаров: плохая дисциплина преимущественно в младших классах и «недавно прибывших в коммуну». Это «посторонние разговоры на уроке, ученики нередко ходят по классу, безобразно обращаются с тетрадями и учебниками,

учебными пособиями», это «ненужные и лишние вопросы, реплики», «дерзости и оскорбления учителей».

А.С. Макаренко сказал: «В коммуне лучший педагогический коллектив, нужно всячески беречь педагогов». Коммунар Носков, сказавший учителю: «С таким педагогическим подходом на Благбазар идти (базар у собора Благовещенья в Харькове – Л.А. и Г.Х.) идти, а не в школу», - исключён из коммуны по решению совета командиров и общего собрания коммунаров (Опускула макаренкиана, № 22, с. 78).

Заключительное слово на совете командиров коммуны НКВД УССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1 марта 1936 г., *(запись)*

Дошедшие слухи о вашей распущенности можно считать преувеличенными, и я это скажу т. Балицкому. К таким вещам, как выпивка, надо относиться серьёзно, выпивок быть в коммуне не должно. Поведите решительную борьбу с поступками, подрывающими честь коммуны.

Отношение к школе у вас должно быть как можно серьёзнее, надо взяться за учёбу. Надо подтянуться с материальной стороны. Я считаю, что дисциплина в коммуне удовлетворительная.

Вы выполнили трудную задачу, приняли 400 человек новеньких, не увеличив педагогического персонала. Вы должны заняться политическим развитием воспитанников.

Вношу предложение: возвратиться к отрядам и уменьшить число коммунаров [в отрядах].

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 63, л. 18.

На совете командиров 2-м вопросом слушали отчёты командиров взводов. Записано заключительное слово А.С. Макаренко по 2 вопросу. На протоколе подпись: ССК Слисенко. Возможно, описка: не 400, а 40 человек. Или: это вместе со взрослыми рабочими.

В коммуне с конца 1934 г. продолжают действовать не отряды, а взводы, их 19 + музрота. Во взводах от 2-7 до 15-27 чел. А.С. Макаренко предложил: «возвратиться к отрядам» (видимо, производственным) и к традиционной численности отрядов 7-15 чел.

***Дополнения.* 5 марта 1936 г. – приказ ОТК НКВД УССР (с подписью Л.С. Ахматова и грифом «сов. секретно»):** *о направлении в украинские колонии, коммуны по нескольку экземпляров «Временных методических указаний по организации воспитательного процесса* **в трудовых колониях для несовершеннолетних» (макаренковской «Методики организации воспитательного процесса» – А.Ф.).**

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 7 марта 1936 г.:

...Антон бедненький будет работать всё лето, но и ему необходимо создать максимальные возможности для отдыха. Пока у нас такие планы: думаем снять под Киевом дачу, и я собираюсь переехать на дачу как можно раньше и как только позволит погода – в первых числах мая. Лилька и Антон останутся с Марфушей в Киеве до конца Лишкиных экзаменов. Антон будет приезжать ко мне по возможности часто. Я с собой беру на дачу работницу, тут оказалась такая хорошая девушка. Марфушу на целое лето оставляю стеречь квартиру...

Антон наш 27/II уехал в Харьков, что-то там с коммунарами неладно. Что такое, я не знаю, но во всяком случае, Степан (С.А. Дидоренко – А.Ф.) не справился и Антону пришлось экстренно выехать, чтобы навести порядок. Должен был Антон приехать третьего числа, но его до сих пор нет...

Вчера были у нас Крамовы – муж и жена. Антон приедет числа девятого...

(Опускула макаренкиана, № 24, с. 139-141).

Письмо В.Г. Зайцеву, 14 марта 1936 г.

14 марта 1936, Киев

Дорогой Зайцев!

Я тоже очень жалею, что не успел поговорить с тобой. А в общем скажу: у тебя есть талант, и немаленький, очень много хороших стихов, которые трогают, и волнуют и, наконец, просто нравятся. К сожалению, рядом с прекрасными строчками и между ними встречаются слабые, производящие впечатление каких-то временных, поставленных только для того, чтобы обозначить место, может быть, с расчётом потом заменить другими, да так и оставшихся. Это нехорошо не только потому, что рябит впечатление, но главным образом потому, что разрушает стиль и целостность впечатления.

Видно по всему, что над рифмой ты работаешь больше, чем над ритмом, ещё меньше работаешь над образом и совсем мало над тематической стороной стихотворения. В лирике особенно важно добиваться ритмики мыслей и чувств, а не только слова. Я жалею, что не взял с собой твою тетрадь, побоялся без твоего разрешения. Но это можно исправить. Давай договоримся. Пришли мне лучшее их твоих последних произведений или новое, я тебе отвечу подробным разбором, в этом деле я кое-что понимаю. Уверен, что помогу тебе. Так будем делать и дальше.

Вашего материала здесь не нашёл, говорят, что он и не получался. Что это значит? Поищу ещё.

Пиши и присылай, буду очень рад.

Привет всем представителям искусства в коммуне, и особенно Працану, Мельнику, Ройтенбергу, Нине Слисенко, всем девчатам IV курса, и Федоренку, и Чевелию и всем, всем[1].

Привет.

А.Макаренко.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 61. Адресовано в коммуну им. Ф.Э. Дзержинского.

[1] Упоминаются, видимо, активные участники литературного кружка, которым ранее руководил А.С. Макаренко, а также другие «представители искусства» в коммуне.

Зайцев В.Г. – затем журналист, корреспондент и зав. отделом редакции газ. «Рыбный Мурманск». Автор книги «Рассказы о Макаренко» (2 издание в СССР, 1970-е гг. и 2 изд. В ГДР, 1980-е гг.).

Письмо Е.М. Коростылёвой, 18 марта 1936 г.

18 марта 1936, Киев

Дорогая Елена Марковна!

Мой телеграфный демарш 9 марта принёс мне одно разочарование: вы ответили поистине дипломатической и немного женской увёрткой – «Скоро номер вышлем». Принимая во внимание, что термин «скоро» на языке миленького моего альманаха обозначает «неизвестно когда», нужно признать, что на мою телеграмму Вы просто не ответили.

Кроме того, в Вашей телеграмме вообще не содержалось ответа на мой вопрос. Я спрашивал, не когда я получу книгу, а когда она выйдет в свет. Меня этот последний вопрос интересует гораздо больше, чем всякие «шкурные» соображения. Как ни приятно держать в руках альманах, выходящий под Вашей редакцией, но в

данном случае эта приятность отступает перед другой: знать, что моя третья часть[1], наконец, вышла. Гослитиздат еженедельно пугает меня очень скорым выходом отдельного издания. И сегодня я получил письмо, в котором содержится некоторое даже раздражение: где же Ваш альманах? А что я могу ответить, ежели альманах «скоро» выходил ещё в декабре?

Я им так и написал, что альманах может выйти и в марте, а может быть, и в начале апреля, но нет никаких препятствий и к тому, что он выйдет в конце июня, ибо «декабрь» может продолжаться чрезвычайно долго, до чего, можно сказать, устойчивый месяц.

Елена Марковна, без шуток, напишите всё-таки, когда он выйдет, только, пожалуйста, серьёзно.

В чём дело? Ведь, когда я был в Москве, все говорили, даже люди технически образованные, что он выйдет между 20 и 25 февраля.

Ещё раз уверяю Вас, что меня больше всего смущает очень неприятный «нагон» отдельного издания. Я снова пишу туда, и кланяюсь низко, и прошу: «задержите как-нибудь».

Я живу нормально: разъезжаю по Украине и болею гриппом.

Это не мешает мне писать роман для альманаха (в отдельное издание не дам, пока альманах не выйдет в каком-нибудь декабре). Роман, честное слово, получается хороший, дамы будут плакать, так что Вы не бойтесь.

Кроме того, пишу учебник русской истории на конкурс ЦК[2]. Пишу из одного озорства, страшно интересно похулиганить, хочется доказать, что учебник истории, в сущности, пустяковое дело и поэтому нашим учёным очень стыдно. Если они и на конкурс не откликнутся, честное слово, вырву у них премию и пропью против окон исторического факультета.

Из Москвы уехал неожиданно: заболела жинка, простите, что не зашёл к Вам проститься. К тому же я был напуган во время одного из моих визитов Вашим «захлопотанным» выражением лица. Человек я искони пугливый и застенчивый.

Засим желаю Вам здоровья и благополучия. Передайте привет 9-му и 10-му номерам альманаха.

Пожалуйста, ответьте. Вы не должны на меня сердиться за назойливость, примите во внимание, в какое время живём: теперь за нашего брата взялись[3]. Я только и жду, что вот-вот будет напечатано: «Так называемая «Педагогическая поэма» представляет собой набор самых посредственных фраз, вовсе она не педагогическая и ничуть не поэма, поэтому…»

Это должно случиться именно после третьей части. А поэтому, чем скорее, тем лучше. Но почему Вы так волыните?

Извините за выражение.

Крепко приветствую

А. Макаренко.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 61-62.

[1] Говорится о публикации третьей части «Педагогической поэмы» в альманахе «Год XVIII», альманах 8.

[2] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории Союза ССР с краткими сведениями по всеобщей истории» опубликовано в «Известиях» и «Правде» 4 марта 1936 г.

[3] А.С. Макаренко, видимо, имеет в виду статьи в «Правде»: «Балетная фальшь» (о постановке во МХАТе пьесы М. Булгакова «Мольер» - 6 февр.) и «Сумбур вместо музыки» (о Д. Шостаковиче – 28 янв.).

Дополнения. *Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 21 марта 1936 г.:* **«...Отец уехал уже в Одессу в командировку. Уехал на несколько дней...**

Антон твёрдо помнит, что надо написать относительно [московской] квартиры, но правильно говорит, писать особенно заблаговременно не разумно, так как люди могут забыть о письме, собирается написать в апреле...» (Опускула макаренкиана, № 24, с. 142).

А.С. Макаренко не было в составе *делегации украинских писателей и художников,* **бывших на приёме у В.И. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова в Кремле, 23 марта 1936 г. (Опускула макаренкиана, № 22, с. 104; на укр. яз. «Педагогическая поэма» опубликована позднее).**

Подготовительные материалы к учебнику для начальной школы по истории СССР

Условные термины

Т – Текст, проект текста в учебнике.

Ц – Цитата для учебника.

Л – Линия: одна из основных линий для проведения в известной части учебника. Обобщение.

Ф – Факт: рассказ или описание для использования в учебнике. Цифровой материал.

Г – Год: дата, обязательная для учебника.

Д – Деталь: частность для перифраза в учебнике.

И – Иллюстрации.

К – Контроль: идеи и высказывания неверные, от которых нужно воздержаться или проверить.

⌒ – Относиться ко всей русской истории.

⬭ – Относится ко всему данному периоду.

Древний и Киевский периоды

IX век – 1240 год.

⌒К. Относительное своеобразие русской истории. Возражение Милюкову и П-Сильванскому, отстаивающих либо полное своеобразие, либо полную тождественность (Плеханов – I, стр. 9-13).

⌒К. Формула Плеханова, плод довольно сомнительного обобщения Плеханова: «Чем более своеобразным становился ход нашего общественного развития в сравнении с западно-европейским, тем менее своеобразным был он по отношению к ходу развития восточных стран, - и наоборот». (Плеханов – I, стр. 14). Мне кажется, что предложенные Плехановым два типа развития, западный (феодальный) и восточный (деспотический) представляют ускоренное обобщение. Эта теория не кажется мне марксисткой.

⌒К. Очень ценное возражение Ключевскому, допускающему возможность политической причины (завоевания) по отношению к экономическому явлению. Плеханов приводит очень простую и убедительную аргументацию, доказывая, что это кажущийся рефлекс. Допуская возможность обратного усиливающего действия политического явления, Плеханов прекрасно доказывает (стр. 18-19) формулу: «Возможное действие политического момента заранее определяется моментом экономическим». Это очень важное место. (Плеханов – I, стр. 15-25).

Л. «Если принять рассказ летописи о добровольном призвании варягов некоторыми славянскими и финскими племенами, то многие другие племена были «примучены» этими пришельцами к покорности и что вообще пришельцы эти,

нарубив в своём новом отечестве укрепленных стоянок, повели себя там, по выражению Ключевского, завоевателями (Плеханов - I, стр. 27).

Л. «Географическая среда влияет на отдельных членов общества через посредство среды общественной: свойствами географической среды определяется более или менее быстрое развитие производительных сил», а от этого зависит весь строй общества. (Плеханов - I, стр. 28).

Д. Плеханов доказывает, что и на Западе в эпоху X–XIII век города были деревянные и часто горели, как и у нас (Плеханов - I, стр. 31). Лондон выгорел в 1212 году.

Л. «Однообразие естественных условий и связанное с ними однообразий занятий задерживает повышение уровня экономического развития, вследствие чего задерживается также и духовное развитие жителей. Маркс говорит: «Не абсолютное плодородие почвы, а её дифференцирование, разнообразие её естественных произведений составляет естественную основу разделения труда и заставляет человека в силу разнообразия окружающих его естественных условий разнообразить свои собственные потребности, способности, средства и способы производства». Однообразие естественных условий, характеризующих собою восточную европейскую равнину, было неблагоприятно прежде всего для успехов её населения в области экономического развития (Плех. - I стр. 36).

Л. Очень важно место. Плеханов возражает Соловьёву, отрицающему важное значение нашествий кочевников на том только основании, что они не изменяли государственное устройство. Плеханов доказывает, что кочевники задерживали разными способами развитие производительных сил. Разница в быстроте, разница количественная, переходила в качество, т.е. в изменение политических мнений (Плех. - I - 38).

Л. Энгельс. «Победа основывается на производстве оружия, а последнее вообще на производстве» (Плех. I – 38).

Л. Плеханов доказывает, что славяне киевского периода издавна были земледельцами (стр. 38-44).

Кочевники покорили земледельцев. Этот факт не противоречит материалистическому пониманию истории.

Л. Известные стороны его быта могут попятиться назад именно благодаря тому, что оно вообще сделало общий шаг вперёд (Пл. - I – 44).

Д. Причины военного превосходства татар. Сабля и меч. (Пл. I – 45-46).

Д. Последствия нажима кочевников:

а) оттеснили от Чёрного моря

б) нападение на торговые пути

в) периодически опустошали территория

г) обеднели низовые. Зависимость от ростовщичествава. (Пл. - I – 48).

Ф. В XII веке Поднепровье заметно беднеет. Слово Святослава Ольговича Черниговского: «живут в них (слово неразборчиво – А.Ф.) да половина» (Плех. – I, стр. 49).

II период. Л. В конце концов кочевники в лице татар совсем остановили самостоятельное развитие юго-западной Руси и вызвали передвижение центра тяжести русской исторической жизни на северо-восток, где географическая среда оказалась ещё менее благоприятной для быстрого роста производительных сил населения.

Чем быстрее растут производительные силы данного общества, тем быстрее бьётся пульс его экономической жизни и тем более обостряются противоречия, свойственные господствующему в нём способу производства. А обострение проти-

воречий обнаруживается, между прочим, в обострении классовой борьбы, которая принимая тот или другой вид всегда, ведётся во всяком обществе, разделённом на классы. (Плех. I – стр. 49).

⬭ Л. Стремление расширить своё право на землю, - главным образом сделать его наследственным, - и побуждает держателя предъявлять государю известные требования, находящие своё выражение в известных юридических нормах. Но простое превращение дружинника в держателя земли совершается с большей или меньшей быстротой и приводит к тем или другим политическим результатом, смотря по тому, как подвигается вперёд экономическое развитие данной страны (Плех. I – стр. 50).

Д. В Польше уже в XI веке после Болеслава Храброго (992–1025) дружина исчезла, уступив своё место «воям», по латыни «miles», получившим от князя землю на условии службы, а также целого ряда повинностей (стража, подводы, просека). Эти «вои» постепенно делают свои земли наследственными и увеличивают свои права, как относительно князя, так и относительно других слоёв населения (Плех. – I, стр. 51).

Надо провести параллель в рассказе между способами русского и польского боярства.

Надо историю Польши и в частности Болеслава Храброго.

Д. «Дружина содержалась преимущественно за счёт даней и прочих доходах князя». «Следов поместной практики, - вознаграждение за службу землями, - мы в эту эпоху ещё не встречаем» (Грушевский). Дружинники отнюдь не считают себя холопами князя. Они крепко держатся за право свободного перехода. Но переход недовольных дружинников от одного князя к другому служит лучшим доказательством того, что они не имели ещё прочного положения в стране». (Плех. I – стр. 51).

Д. «В Галицкой земле обстоятельства благоприятствовали её экономическому развитию». «Внутренние (слово неразборчиво – А.Ф.) здесь были почти неизвестны… Это дало возможность развития экономического благосостояния страны и особенно повлияло на формирование богатого, могущественного и тесно сплочённого боярства. Во второй половине XII века боярство чувствует себя настолько сильным, что откровенно стремится к тому, чтобы держать князя под своим влиянием. (Грушевский) (Плех. – I – 52).

XII век. Л. Напрашивается дидактическая параллель между Галицией и Киевской. Только нужно найти факты, более сильно доказывающие, что повышение производительных сил страны ведет к образованию сильного боярства и что такое образование есть прогрессивный фактор.

XII век. Д. Галиция гораздо ближе стояла к западной культуре чем Киевская Русь, и тем более, чем Московская (Пл. I – 53).

X–XII вв. Л. «Князь был военным сторожем земли», по выражению Ключевского (Пл. I – 53).

Л. «Тысячелетнее и враждебное соседство с типичным степным азиатом - это такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочет в русской исторической жизни». Это справедливее может быть, чем предполагал сам Ключевский. Даже те «европейские недочеты», которые, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к тысячелетнему соседству кочевников, при более внимательном рассмотрении оказываются следствием замедленного борьбой с кочевниками экономического развития России. (Плех. I – 54).

⬭Д. Южане носили бороду (Пл. – I – 56).

Л. «Киевская Русь торговала сырьём». «Это была дань натурой, собранная князем и его дружиной во время зимнего объезда, произведения лесных промыслов: меха, мёд, воск. К этим товарам присоединилась челядь» (Грушевский).

Д. «Зимою он правил, ходил по людям, побирался, а летом торговал».

Д. «В «Греках» легко можно было продать меха и другие подобные продукты охоты и лесных промыслов, служившие предметами роскоши. Но в привозном хлебе вряд ли нуждались «Греки». Жители балканского полуострова сами занимались тогда главным образом земледелием» (Пл. – I – 59).

Л. Вообще наши исследователи как будто забыли, что только капитализм сделал предметами всемирный торговли продукты, служащие для массового потребления, тогда как до него в торговле обращались преимущественно предметы роскоши (Плех. – I стр. 59).

Д. На Западе торговали продуктами промышленности, у нас только охоты. (Пл. I – 60).

7 Плеханов доказывает, что продукты нашего ремесла, очевидно, не могли выгодно продаваться в Византии. Это тогда один из европейских «недочётов». Ремесленный труд создавал силы, ограничивающие власть князя, но это было не в областях гегемонов. (Пл. – I – стр. 61).

Древн. Ц. «В Скифии нет ничего удивительного, кроме рек её орошающих: они велики и многочисленны» – Геродот (Соловьёв I, стр. 12).

Древн. Д. Славянам при движении на север не удалось утвердится на берегах моря. Что-то их не пускало. Занимая исток Волхова, они не занимали его устья. (Сол. I – стр. 13).

Тут же перечисление рек начала великого водного пути.

Др. Д. Границы славянских поселений идут по волокам, по водоразделам. (Сол. I, стр. 14).

Др. Д. В озёрном крае славяне ильменские сначала занимали более высокую юго-западную половину, финны более низменную и сырую северо-восточную. (Сол. I – стр. 15).

Д «Но вообще ильменские славяне не нашли больших удобств для земледельческой промышленности, то с течением времени, благодаря удобству водных путей, среди них развилась торговая промышленность, указавшая им необходимо пути к северо востоку, малонаселённым финским племенам, со стороны которых новгородцы не могли встретить сильного сопротивления. (Сол. I стр. – 16).

VIII–IX. Д. «На пути от Ловати к Днепру должно было встретить Западную Двину. Вот почему Двинская область Полоцких кривегий вошла в связь с новгородцами и их князьями прежде областей Кривичей Смоленских, и Рюрик отдает Полоцк одному но мужей своих». (Сол. I, стр. 17).

VIII–IX. Д. Вследствие своей слабости при медленном своём движении полочане не успели захватить берегов моря, и туда раньше пришли немцы. (Сол. I – 17).

Н. Рожков, том I

Глава 3. Родовые и племенные общества
(Состояние варварства).

VI–X. Состояние варварства (76).

VI–VII–VIII. Зерно ржи, ячменя, пшеницы и гречихи в полоцких и северянских могильниках. А также серпы. (7).

X. Шляги – западная монета. Свидетельство Ибн-Фидласи (79).

IX–X. Ввозились оружие, металлические изделия, шёлковые материи, вина, плоды, разного рода украшения из серебра и глины и монета: арабские диргемы, византийские солиты и немецкие шляги (79).

X. Константин Багрянодный: князь и дружина торговали, не покупая товаров, а забирая их у населения даром, в виде дани (80).

IX. Варяжское княжество обязано своим существованием в меньшей степени торговле, чем другим хозяйственным условиям (81).

VIII–IX. Искали простора, звероловы и пчеловоды, их теснились, селились вразброд, поблизости к рекам, на высоких местах (81).

VII. По византийским писателям, в Прикарпатье рабов у славян было мало, обращались с ними хорошо и скоро отпускали на волю (81).

VII. Описание городища. Его размеры (81).

VII–VIII. Система бортничества и земледелия (88).

VIII. Лишь в VIII столетии появилось некоторое разделение труда вследствие внешней торговли и появились классы (83).

IX. Множества племенных царьков и никакого политического единства (83).

VIII–IX. Племенное княжество появилось отчасти под влиянием внешних опасностей, но главным образом вследствие потребности предотвратить внутренние раздоры (88).

IX. Что недостоверно в призвании Рюрика (89).

IX. Имена и мотивы достоверны. Государство образовалось вследствие завоеваний Рюрика и Олега (90).

IX–X. Никакого понятия о благе общем. Хаотический конкретизм, отсутствие порядка и стройности (Святослав, Олег). (91).

IX. Перун, Волос – боги дружины и гостей. А вообще фетишизм, тотеизм и почитание предков.

IX – X. Как в хозяйстве не было системы, так не было системы и в психологии (Олег, Святослав).

Гл. 4 Феодальная революция (вв. X–XI–XII)

X. Ибн-Даста, Ибн-Хаукам, Ибн-Истархи о вывозе русскими соболя, горностая, белки (146).

XI. В Р.П. кара за кражу охотничьего пса, ястреба и сокола.

XI. Примеры охотничьих явлений и техники.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 193, лл. 1-7 об. Автограф, без даты. Выписки из трудов Г.В. Плеханова, С.М. Соловьёва, Н.А. Рожкова по русской истории. Сопровождаются некоторыми соображениями А.С. Макаренко и обозначениями: Текст, Контроль, Линия, Деталь, Факт, Цитата. Даются хронологические сведения.

Намечены рубрики: Древний и Киевский периоды, IX век – 1240 год; Глава 3. Родовое и племенное общество (состояние варварства); Глава 4. Феодальная революция (X–XI–XII вв.).

Реализуется «материалистическое понимание истории», «марксистская теория», согласно которым основой исторического развития является производство материальных средств жизни общества, развитие производительных сил и соответствующих им производственных отношений, которые оказывают обратное влияние на производительные силы.

В поле зрения А.С. Макаренко оказываются не только экономические явления (род занятий населения, уплата дани, торговля), но и географические условия, завоевания, власть и государственность, по-

литика, возникновение классов, быт людей, религия, «духовное развитие».

История как учебный предмет в советской школе начала вводиться после Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». До этого преподавалось «обществоведение»: сведения об экономике, истории и праву; история как самостоятельный предмет сохранилась в VIII-IX группах-классах.

Как свидетельствует В.С. Макаренко, в дореволюционное время А.С. Макаренко «среди научных книг больше всего прочёл книг по русской истории. Запомнились имена Ключевского, Платонова, Костомарова, Милюкова, Грушевского (История Украины), Шильдера, (Александр I, Николай I). Всеобщей историей Антон не интересовался, кроме истории Рима (прочитал всех древних римских историков) и истории Французской революции, по которой он прочёл несколько трудов, из них довольно солидный в 3-х томах, перевод с французского…

Книги он получал из библиотеке Южной жел. дороги, которая высылала книги всей линии… Книги по истории и вообще научные Антон брал в Кременчугской городской библиотеке (в Крюкове никакой библиотеке не было)…

Все приобретённые книги и журналы после прочтения куда-то уходили, и вся библиотека Антона состояла из 8 томов Ключевского (Курс русской истории) и 22 томов «Большой энциклопедии», которую он купил в кредит в 1913 г.» (На разных берегах… Судьба братьев Макаренко / Сост. Г. Хиллиг. – М., 1998, с. 31-32).

При переводе на II курс в Полтавском учительском институте А.С. Макаренко в 1915 г. сдавал экзамен в присутствии попечителя учебного округа профессора истории А.Н. Деревицкого. Его поразила эрудиция студента в вопросах истории, особенно о крито-микенском периоде истории Греции, который не входил в учебную программу 1872 г. для учительских институтов. А.Н. Деревицкий отметил этот факт в Книге почётных посетителей института… В институте сложилась твёрдая уверенность в том, что Макаренко непременно станет в будущем учёным-историком» (Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. 2-е изд. – Л., 1961, с. 80).

А.С. Макаренко мечтал поступить на историческое отделение Московского университета, но окончание учительского института (типа советского педтехникума) права на это не давало.

«История – мой любимый предмет, - писал он в 1922 г. в заявлении при поступлении в Центральный институт организаторов народного просвещения. - Почти на память знаю Ключевского, Покровского. Несколько раз перечитывал Соловьёва. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильвинского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Кареева… Специально интересуюсь феодализмом во всех его исторических и социологических проявлениях…» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 40).

В библиотеке А.С. Макаренко на московской квартире были книги по истории, дореволюционные издания: Гельмольт. История человечества, в 9 томах; История инквизиции в средние века, 2 тома; Смалюсевич. История средних веков, в 3 т.; Иегерь. Всеобщая история, т. 4; Всемирная история. 1500–1650 гг.; Гудкин, Девриен. Россия, 9 томов, разрозненные; С. Соловьёв. История России, 4 т. и доп.; Н.

Рожков. Русская история, в 12 т.; В. Ключевский. Курс русской истории, 3 части; История запорожных казаков, 3 т.; Трушевский. История Украины – Руси, 7 т.; Забелин. Русские царицы XVI–XVII вв.; Т. Миллер. История Сибири; Северорусские народоправства; и др.

А также: М. Покровский. Русская история, полн. собр. соч.; Плеханов. История русского общества; Вестник древней истории, 2 т.; Новая история, 2 т.; История военного искусства в рамках политической истории; и др. (Книги переданы в педагогическо-мемориальный музей А.С. Макаренко, г. Кременчуг).

Опора на отечественную и всеобщую историю, на последовательное развитие культуры и быта народов – фундаментальная основа творчества А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора. Без внимания к этой основе освоение и разработка его наследия сводится к педолого-педагогической концепции индивидуалистической «лично-ориентированной» педагогике и «школе учёбы».

Письмо Г.М. Поликсёновой, 24 марта 1936 г.

Киев, 24 марта 1936

Дорогая товарищ Поликсенова.

Вы очень обрадовали Вашим искреннем и милым письмом, тем более, что я не избалован письмами моих читателей. Пишут иногда педагоги, но они преимущественно ругаются и ставят разные ехидные вопросы, нисколько, впрочем, не новые. Я далеко стою от писательских кругов, никогда не слышу отзывов читателей, может быть это даже к лучшему, ибо писателем себя не чувствую.

Третья часть [«Педагогической поэмы»] сейчас печатается и должна на днях выйти, а может быть даже и вышла. Она помещена в восьмом номере альманаха «Год XIX». В этой части Вы прочитаете о дальнейшей (трагической) судьбе колонии имени Горького и краткую историю коммуны имени Дзержинского, созданной горьковцами. Ребята мои, конечно, разбрелись, многие уже потерялись, со мной работают рядом только несколько человек, между ними Карабанов и Шейнгауз (из третьей части). Я сам до сих пор не бросаю беспризорных, сейчас работаю в коммуне имени Дзержинского в Харькове, но временно откомандирован в украинский НКВД для ликвидации беспризорности… Работа прекрасная, много, очень много встречаю интересных пацанов и девчат.

Вот только сегодня возвратился из Одессы, куда выезжал специально, чтобы познакомиться с одной девочкой-проституткой, давно наводящей ужас на всех педагогов Украины. Познакомился. Ожидал встретить обычный комплекс: крайняя вульгарность, дегенеративное лицо, умственная отсталость и всякая дикость. Представьте, ничего подобного: очень милая, прекрасно сформировавшаяся девушка лет пятнадцати, умна, окончила семилетку, прекрасно держится и замечательно водит за нос десятки опытных, серьёзных людей. Я прямо пришёл в восторг, видите, даже Вам пишу о ней, чуть не влюбился. Из этой девочки мы сделаем хорошую партийку[1], со временем. И вообще, беспризорные – замечательные люди, поэтому я от них отстать не могу. Жалко только, что меня оторвали от дзержинцев. Дзержинцы – это десять тысяч поэм.

Простите, что я так разболтался, это потому, что я умею очень быстро писать на машинке.

В апреле я буду в Москве и обязательно занесу Вам все три части, если Вы разрешите мне подарить их Вам. Хочу вообще посмотреть на Вас, меня очень подкупает, что Вам только 22 года, я молодёжь люблю до глупости, больше всего, даже больше Пушкина и больше вообще всего. То, что Вы могли сесть и вот так про-

сто написать незнакомому Вам человеку такое дружеское и искреннее письмо, для меня очень много говорит.

Вы хотите быть журналистом? Кто его знает, может быть это и хорошее дело, а всё-таки лучше поехать куда-нибудь в компанию трёхсот беспризорных и немного подарить им своей личности. Может быть, я Вас соблазняю?

Пишите, буду очень Вам благодарен. Только пишите по такому адресу: Киев, Рейтарская, 37, ОТК НКВД УССР, мне. Это удобнее, а то я часто разъезжаю и письма тогда пропадают где-то в дебрях Наркомсвязи.

Привет.

А.Макаренко

Неизвестный А.С. Макаренко. Вып. 2 Неизданные письма. Часть 1 / Гл. ред. С.С. Невская, - М. 1988, с. 66-67.

[1] Имеется в виду активный член партии, хорошо знающий жизнь и людей, способный успешно осуществлять намеченные планы.

Г.М. Поликсенова тогда работала в редакции московской газеты «Известия» корректором. Затем поступила в Литературный институт.

Письмо Е.М. Коростылёвой, 28 марта 1936 г.

28 марта 1936, Киев

Дорогая Елена Марковна!

Спасибо огромное за внимание – 8-й номер, «сигнальный», получил. Глубоко верю тому, что через 8 дней в публику поступит весь тираж. По-прежнему выход этой книги меня очень волнует, в то время когда к выходу первых двух я относился почти хладнокровно.

Волнение, впрочем, не писательское, а педагогическое. Чувствую некоторую неудовлетворённость: не так сказано, как нужно было сказать, нужно было сказать некоторые вещи как-то иначе, во всяком случае, нельзя было ограничиваться одной злостью. По-прежнему я убеждён в какой-то своей глубочайшей правоте, и поэтому досадно, что отстаивать её не умею.

Кроме того, меня смущает ещё одно обстоятельство: книга получилась почему-то грустная, несмотря на «высокий тон», по Вашему выражению, заключительного эпилога. Не только грустно, а даже трагически-грустно. А на самом деле я этого не хотел, и я вовсе не грустил ни о чём.

Ну, ничего. Есть и оправдание: нельзя такие книги писать в толпе, по полстрочки между разными делами, разговорами и нервами, на краю столов и на улице во время парада.

Во всяком случае, дело теперь кончено, остаётся получить заслуженное. А разве это главное?

Главное всё-таки в том, что сказана моя маленькая, но необходимая, правда. Кому-нибудь пригодится. За это я страшно благодарен альманаху и Вам. Знаете, в присланной Вами книжке милее всего не «Педагогическая поэма», а переплёт, титул, привычный вид, печать. Альманах Ваш замечательно симпатичный.

И Вы страшно симпатичны, имейте это в виду. Я когда-нибудь подробнее расскажу, впрочем, не сумею рассказать, а опишу в книге. Если что-нибудь дополню воображением – не опасно.

Простите за карандаш. У нас «запарка», работаем день и ночь.

Спасибо.

Ваш А. *Макаренко*.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 63.

Письмо Л.М. Салько, 31 марта 1936 г.

Киев, 31 марта 1936 г.

Дорогой Лёва!

Что же это знак от тебя, кроме одной телеграммы ничего? Как это нужно понимать? Во всяком случае, по отношению к Гале тебе нужно быть большим джентльменом.

Мы живём так себе: болеем понемножку гриппом, мечтаем о даче, ругаем тебя за молчание и … всё-таки беспокоимся.

Я очень занят в Отделе, и это в достаточной мере злит меня, так как мешает моим основным делам: роману и учебнику русской истории. Роман даже пришлось отложить на некоторое время, но учебник пишется. Я обложился десятками книг по истории и, в общем, уверен, что вторая премия моя[1].

Особенных событий в нашей жизни нет. Беспокоит только драма у Езеров[2]. Наташу было совсем приговорили к туберкулёзу. Левко совсем упал духом, а Оксана просто бормочет и сама не знает, что и к чему: не то из литературы, не то из наркомпросовских сплетен.

Оказалось потом, что это не туберкулез, а какие-то желёзки и ближайшей опасности нет, но факт остаётся фактом: семейные капиталы оказались вложенными в довольно гнилое предприятие. Пейзаж, разумеется, печальный.

Я боюсь, что Галя возобновит свою опеку над неудачной дочерью. По правде тебе сказать, я охотно откупился бы какой угодно суммой денег от такого удовольствия, тем более что имел случай наблюдать, с каким высокомерным хамством принимали все Галины жертвы.

Как ты живёшь? Как твои успехи? Есть ли у тебя деньги? Здоров ли, наконец? Бываешь ли у ГлеКати[3], как они себя чувствуют?

На днях получил восьмой альманах с третьей частью. Теперь ожидаю ругани. Всё равно – дело сделано. Но редакция прислала мне только один экземпляр, поэтому очень тебя прошу, при первой возможности купи штуки три и вышли. Буду очень благодарен.

Здесь кое-кто читает – хвалит.

Напиши всё-таки о своей жизни.

Будь здоров и будь джентльменом.

Твой *А.*

Опускула макаренкиана, № 24, с. 144-145.

[1] Конкурсом предусмотрены 4 премии: 100 тыс., 75 тыс., 50 тыс. и 25 тыс. руб.

[2] Езерницкая О.М. (Ксения) – родственница Г.С. Салько, наркомпросовский работник; её муж Л.А. (Левко); их дочь Н.Л. (Наташа).

[3] Соловьёв Г.В. – родственник Г.С. Салько; его жена Катя.

Письмо Г.М. Поликсеновой, 1 апреля 1936 г.

Киев, 1 апреля 1936 г.

Дружить так, дружить, товарищ Галина!

Это страшно интересно, дружить с человеком, которого в глаза не видел. У меня таких друзей ещё никогда не было, и признаться Вам, я не умею с ними обращаться. Но Вы говорите, что это хорошо, - согласен.

Всё-таки мне страшно хочется проникнуть в разные секреты моего нового друга. Одного Вашего почерка, честное слово, мало. Судя по почерку, Вы человек очень добрый, очень мило воспитанный, немножко трусливый, мечтательный, лю-

бите конфеты и пирожное, блондинка. Но так как это заключение выведено только из почерка, то оно вообще эфемерно: очень вероятно, что Вы терпеть не можете пирожных и ничего в свете не боитесь.

Одним словом, Вы должны подробнее написать о себе, а то получается несправедливо – я Вам рассказал свою жизнь с излишними подробностями. Этого я требую на правах друга, жду самого скорого отчёта. В общем, Вы попались, ничего не поделаете.

За сим жму Вашу дружескую руку.

А. Макаренко.

Неизвестный Макаренко. Выпуск 8. Неизданные письма. Часть 1, с. 68.

***Дополнения.* Начало апреля 1936 г.:**

Выход в свет *отдельного издания третьей части «Педагогической поэмы»;*

А.С. Макаренко возглавляет группу делегатов от украинских трудовых коммун-колоний на *IX съезде комсомола Украины***, организует их приветствие съезду. По радио к съезду обращается делегат шепетовской комсомольской организации писатель Н. Островский (Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарии. с. 114).**

Письмо Б.Ф. Рыбченкову, 6 апреля, 1936 г.

Киев, 6 апреля 1936 г.

Уважаемый Борис Фёдорович!

Разная возня с беспризорными, гриппы и командировки выбили меня из колеи и помешали своевременно написать Вам. Очень прошу Вас простить меня и войти в моё положение – у нас до сих пор процветает штурмовщина.

Прилагаю список иллюстраций к первой и второй части в том виде, как он представляется моему неопытному взгляду[1]. Я выбирал темы, стремясь к наибольшей их динамичности. Разумеется, Вы имеете право, как угодно изменить этот список, вполне полагаюсь на Ваш вкус, талант и опытность. Наверное, Вы это сделаете лучше меня. Но, может быть, Вам как-нибудь пригодится мой список.

Что касается самого характера рисунка, то, кажется, мы с Вами на этот счёт договорились, что и в этом деле последнее слово должно принадлежать Вам. Мои пожелания, как Вы знаете, ограничиваются несколькими пунктами:

а) больше реализма;

б) больше мажора;

в) больше красоты на фигурах, больше молодости. По-прежнему у меня текут слюнки, когда представляю Ваши рисунки пером.

Привет

А.Макаренко.

А.С. Макаренко. Теория и практика коммунистического воспитания. Малоизвестные и не публиковавшиеся материалы / Сост. А.А. Фролов. - Киев, 1985, с. 213-214.

[1] Этот макаренковский список иллюстраций см.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 12, а также оп. 4, ед. хр. 474, лл. 5, 7-8.

Б.Ф. Рыбченков – художник, автор картин, посвященных Московскому Кремлю. См.: Рыбченков Б. Встреча на московской окраине. А.С. Макаренко и его «Педагогическая поэма» / Сов. культура, 1984, 24 апр.

Говорится об иллюстрациях к предполагаемому отдельному изданию первой и второй частей «Педагогической поэмы».

А.С. Макаренко отражает характерные особенности своей педагогической деятельности и литературно-художественного творчества: мажорное восприятие жизни, восхищение молодостью, ее силой и красотой. Это разительно контрастирует с изображением беспризорных, несовершеннолетних правонарушителей и работы с ними мрачными красками, в уродливом виде.

Письмо Г.М. Поликсеновой, 9 апреля 1936 г.

Киев, 9 апреля, 36.

Ага! Вот это письмо! Впечатление, честное слово, сильное. Во всяком случае, встречаться с Вами довольно опасно. Во-первых, я курю 60 папирос в день, я понимаю, как это противоречит ОПТЭ-мистской добродетели, понимаю и ничего хорошего от нашей встречи уже не ожидаю. Потом: страшно злая и упрямая! Дальше: профиль не греческий, а «наоборот»! И ещё: любите спорт, не признаёте театральных законов!! И зелёные глаза!!

Нет, знаете что, дорогая Галя? Я очень хочу Вас повидать, но как бы это так организовать, чтобы свидание произошло поблизости от милиционера. Потому что, сами посудите: злая, курносая спортсменка, при этом худющая (в Вашем весе не хватает 10 килогр. 79 грамм), что может сделать с человеком, который курит? Да ещё «увлекающаяся».

Чем я могу умилостивить Вас? Я терпеть не могу ОПТЭ[1], считаю это учреждение ужасным во всех отношениях. Вид потного, запыленного ОПТЭмиста, нагруженного рюкзаками в 2 пуда, в течение часа ожидающего обеда в столовой ОПТЭ за стулом «уже» обедающего, - вызывает у меня, прежде всего сострадание, а я не люблю этого чувства. Не люблю также ОПТЭмистскую шрапнель, вермишель и чай без сахара – понимаю теперь, откуда Ваше отвращение к сладкому чаю! Терпеть не могу и ОПТЭмиских клопов.

Спорт! Говорят, что это очень полезная вещь. Но все членовредительства, какие я видел на своём веку, имели причиной исключительно спорт: изломанные рёбра, перебитые ключицы, вывихнутые конечности, наконец, миокард, инфизема лёгких, ревматизм в 35 лет! А сколько потерянного времени, разных неприятностей («съезжать на собственных «салазках»).

Всё это не в мою пользу.

И оперу очень люблю: не камерную, а настоящую, с парчой, оркестром в 90 человек, с бутафорией и плохой игрой[2]. В театр ходить без билета - абсолютно не выношу, люблю «наоборот» иметь в кармане билет 2 или 3 ряда партера.

В одном мы с Вами сходимся: люблю путешествовать, страшно люблю новые места, только на горы не люблю лазить, зачем – совершенно бесцельное занятие. Люблю путешествовать с коммуной Дзержинского: оркестр, обоз, лагерь, в одних трусиках, никаких рюкзаков, никакого ОПТЭ. На улицах городов громовой марш и почтительные мильтоны. Я с коммунарами прошёл около 20 000 киллометров[3]. Когда-нибудь расскажу.

«Как я провела свой отпуск» - мне очень нравится. Спокойный, строгий стиль, очень осторожная улыбка, экономный пейзаж. Ошибка только в том, что «две женщины» сказано слишком поздно, Вы не использовали литературно такое важное обстоятельство.

«Дневник похода» слабее, - лучшее доказательство, что в таких походах, собственно говоря, ничего интересного нет. Поэтому выпирают на первый план Вити, Фролы и другие детали, не имеющие общественного значения.

Если приедете в Киев, буду очень рад Вас видеть.

Имейте в виду, отвечаю на письма всегда аккуратно (это мой плюс), я могу замучить Вас письмами, и даже тренировка Ваша, и злость, и зелёные глаза, и такой нос ( ) не помогут.

Отвечайте, как угодно, а отвечайте.

Привет. *А. Макаренко*.

Всё-таки, какое же у Вас отчество? Галя – это прекрасно, на конверте же требуется отчество, чтобы почтальоны относились к Вам с почтением.

Неизвестный Макаренко. Вып. 8, часть 1, с. 72-73.

[1] Общество пролетарского туризма и экскурсий, образовано в 1930 г.

[2] Как свидетельствует Г.С. Макаренко, А.С. Макаренко «особенно нравились произведения Глинки (хоры из «Ивана Сусанина», романс на слова Пушкина «Я помню чудное мгновенье») и Чайковского (хор крестьян из первой картины и хор девушек из третьей «Евгения Онегина»; дуэт Лизы и Полины из «Пиковой дамы»; хор «Как за реченькой яр-хмель» и «Вакхическая песня» на слова Пушкина из «Царской невесты»; хоры и каватина Берендея из «Снегурочки» Римского-Корсакова) - Опускула макаренкиана, № 22, с.74.

[3] Говорится о ежегодных летних походах-экскурсиях коммуны Дзержинцев, в полном составе, с обязательным пешим многокилометровым маршем (4-дневный марш во время крымского похода, 50-километровый марш по Военно-Грузинской дороге во время кавказского похода и др.).

Дополнение. *Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 13 апр. 1936 г.*

…Занят он (Антон – А.Ф.) страшно и всё время в разъездах. Вот и сейчас поехал в Прилуки[1]… Антонушка приезжает пятнадцатого утром и вечером того же дня уезжает в Винницу[2]… В ближайшем будущем готовится Олимпиада всех колоний и коммун НКВД. Кажется, она будет 25-го…

Антон в последнее время ничего не пишет и очень тяготится службой, ибо, чем дальше в лес, тем больше дров, и работы всё время становится больше.

Антон уверяет меня, что как только подпишет договор на «золотую серию»[3], так сейчас же оставит работу, но будет ли это так, не знаю.

Приедет из Винницы, и я буду его просить поехать в Москву, а 15-го утром он пошлёт телеграмму в Союз[4] и Бобунову[5]…

Отец купил тебе путёвку в Кисловодск с 8 июля по 8 августа…

Дачи мы не имеем, но энергично разыскиваем…

…Отец купил стульев, диванчик, правда, маленький, но очень удобный, шкаф для книг, и я купила Лиле кровать очень хорошую. Обставились на большой палец…

Я безгранично люблю Глебушку и считаю, что это редчайший экземпляр настоящего человека, так думает и Антон…Поцелуй его и скажи, что мы нанимаем большую дачу и мечтаем видеть их у себя летом, дача будет в сосновом лесу, что для Глебки очень важно…

Я уже недели три не больна и хожу по комнатам. Чувствую себя хорошо…

Опускала макаренкиана, № 24, с. 145-149.

[1] В трудовую коммуну им. В.А. Балицкого, в Прилуках (для молодежи, обычно с судимостью, описана в повести А.О. Авдеенко «Утро», укр. Ранок).

[2] В Винницкую трудколонию № 8, с. Якушинцы, Винницкой обл.

[3] Гос. изд-во художественной литературы планировало издание такой серии (к 20-летию Октябрьской революции), в неё предполагалось включить «Педагогическую поэму». Издание этой серии не состоялось.

[4] Говорится о Союзе советских писателей.

[5] Бобунов А.Г. – писатель, тогда сотрудник оргсектора ССП, куратор строительства в Москве кооперативного дома писателей. В нач. 1939 г. один из рекомендующих А.С. Макаренко к поступлению кандидатом в члены ВКП (б).

Телеграмма П.П. Крючкову, 15 апреля 1936 г.

Не могу вырваться в Москву очень прошу вас поддержать мою кандидатуру квартира Лаврушинском Щербакову[1] телеграфирую обращаюсь к вам пользуясь вашим разрешением очень вопрос для меня чрезвычайной важности привет Макаренко.

Неизвестный Макаренко. Вып. 8, часть 1, с. 54, без даты, она даётся по содержанию и смежным документам.

Одновременно телеграммы посланы А.Г. Бобунову и А.С. Щербакову. Официальное уведомление от А.Г. Бобунова о предоставлении квартиры А.С. Макаренко получил 16 июня 1936 г. Решение о распределении квартир утверждено секретариатом ССП 4 авг. 1936 г. Разрешение на квартиру датируется 11 янв. 1937 г.

[1] Щербаков А.С. – тогда первый секретарь ССП, зав. отделом ЦК ВКП (б).

Дополнения. *Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько,* **16 апреля 1936 г.: ...Антон, по приезде, очень горячо отнёсся к квартирному вопросу, послал, как ты знаешь, четыре телеграммы. Хотел, чтобы ты пошёл к Щербакову и поговорил с ним о делах отца, что он не может работать, не имея квартиры, а связан благодаря квартире со службой. Не знаю, имел ли ты возможность побывать у Щербакова, тем более, что его очень трудно застать...**

Отца нет дома, он уехал в Винницу и ещё до сих пор не вернулся, он совершенно измотался с этими поездками и говорит, что не может, без содрогания видеть поезд. Я жду его сегодня, но не знаю, в каком часу приедет...

Середина или конец апреля 1936 г.: *выход в свет № 8 альманаха «Год XVIII с третьей частью «Педагогической поэмы»* **(на обложке и титуле – 1935 г.).**

Ковнатор Р. *О переделке человека. «Педагогическая поэма»* **// ж. «Что читать?», 1936. № 4: Это волнующий художественный рассказ о замечательной педагогической удаче, имеющий огромное значение для всей советской педагогики и советской культуры.**

Показана «сил советского коллектива, преодолевающего препятствия, борющегося во имя все более высокой перспективы».

Письмо Л.М. Салько, 22 апреля 1936 г.

Киев, 22 апреля 1936 г.

Дорогой Лёва!

Получили твою телеграмму. Это замечательно, что ты сможешь приехать. Ивану[1] будем рады.

Щербакову, Крючкову, Бобунову дал телеграммы, но по запаху чувствую, что ничего из этого дела не выйдет, слишком много там аппетитов замешано, и все

эти аппетиты только и делают, что обивают пороги. Написал письма Крючкову и Щербакову. Если эти письма не подействуют, то и ничего не подействует. Ты к Щербакову больше не ходи, чёрт с ними. Как-нибудь обойдёмся.

Сейчас переезд в Москву поднять было бы трудновато – денег у нас не так много. С «Золотой серией» выходит какая-то задержка, говорят, что никакой серии вообще не будет. Может быть, будет просто отдельное издание всех трёх частей [«Педагогической поэмы»] в одной книге, но разговоры о «Золотой серии» и это дело задерживают.

Многое будет зависеть от третьей части. Если она будет иметь успех, то все остальное приложится. Но вот она страшно волынисто выходит, должна была выйти в декабре, а скоро уже май. Как ты знаешь, в третьей части много острых мест, и книжку могут встретить в штыки.

Сигнальный экземпляр восьмого альманаха я получил давно, - скоро месяц, а о выходе альманаха ничего не слышно. Если он к твоему отъезду выйдет, обязательно привези мне несколько экземпляров, чем больше, тем лучше.

Хуже всего то, что литературной работой решительно некогда заниматься. Роман остановился на первой главе. Начал писать учебник истории и дело пошло неплохо, из этой работы тоже вырвался. Целый день вожусь в отделе, а толку на этой работе тоже не много, - заедают марафеты[2]. Сейчас возился с Олимпиадой [художественной самодеятельности], приехало из разных колоний около 400 человек.

Между прочим, из Дзержинки приехало 150 человек, ты увидишь много своих приятелей и имеешь возможность промаршировать в первомайской демонстрации.

Относительно здоровья Гали не волнуйся. Здесь всех качал грипп, в том числе и меня, приболела малость и Лиля, но теперь всё благополучно.

Когда будешь выезжать, дай телеграмму – каким поездом.

Теперь сделай такое дело: зайди в Гослитиздат к Рахили Ароновне Ковнатор и попроси её, чтобы она устроила через тебя или скорейшую отправку моих авторских 25 экземпляров отдельного издания 3-й части. Она, кажется, готова. Передай ей привет.

Итак, ожидаем с нетерпением.

Будь здоров.

Целую. Твой *А.*

Горячий привет Кате, Глебку и Ивану.

Опускула макаренкиана, № 24, с. 150-151.

[1] Видимо, друг Л.М. Салько, также студент.

[2] Нечто показанное, рассчитанное лишь на внешний эффект, благоприятное впечатление, «показуха».

Дополнения. *Из приказа Л.С. Ахматова по ОТК* **22 апреля 1936 г.: «Все участники Олимпиады для первомайской демонстрации объединяются в одну колонну вместе с 5 и 6 киевскими колоннами. Общее руководство подготовкой к демонстрации и распорядительство во время самой демонстрации возлагается на моего помощника тов. Макаренко». (Опускула макаренкиана, № 22, с. 92).**

1-4 мая – Олимпиада художественной самодеятельности трудовых колоний, коммун НКВД УССР в Киеве. **ЦК ВКП(б) одобрил проведение заключительного концерта Олимпиады в Киевском оперном театре. Он прошёл 4 мая, на нём присутствовали ведущие деятели компартии и правительства Украины: С.В. Косиор, П.П. Постышев, Г.И. Петровский, П.П. Любченко, И.Э. Якир, В.А. Балицкий, Н.Н. Попов, В.П. За-**

тонский, а также В. Пик, рабочие-стахановцы, военачальники, творческие работники, представители общественности. 5 мая в Киевском клубе НКВД состоялась встреча участников Олимпиады с наркомом внутренних дел УССР В.А. Балицким.

Газета «Вести» 29 апреля сообщила об участии в Олимпиаде 14 трудовых колоний, коммун. Выступят хоровые капеллы, струнные и духовые оркестры, драматические и гимнастические группы, вокалисты. Трудкоммуна им. Ф.Э. Дзержинского представляет выставку картин её художественной студии (картины акварелью, маслом, карандашом); выступят участники её литературно-художественного кружка (с фольклорным материалом: танцы скоморохов, народные песни и сказки). Оркестр коммуны им. В.А. Балицкого исполнит музыкальную классику, в том числе произведения Бетховена. Сводным хором Олимпиады руководит Бараненко, один из воспитанников Прилукской коммуны.

Приказ В.А. Балицкого 10 мая по итогам Олимпиады: **награждены месячным окладом Тихонов Т.К. и Берман В.С., начальники коммун им. Ф.Э. Дзержинского и В.А. Балицкого; так же отмечены Г.М. Цибульский, нач. Одесской колонии и С.А. Дидоренко, пом. нач. коммуны дзержинцев, Матурина, нач. отд. трудколоний Днепропетровской области. По ОТК НКВД УССР: Л.С. Ахматову и А.С. Макаренко объявлена благодарность; А.С. Макаренко премирован месячным окладом; отмечены работники ОТК Талалаевский, Г.М. Осовский, Т.И. Букшпан.**

Приказом поощрены руководящие работники и персонал колоний, коммун и 90 колонистов, коммунаров и воспитанников детприёмников, они получили часы, костюмы, отрезы на платье, велосипеды, стипендии.

Среди награждённых воспитанница коммуны Дзержинцев Семёнова (за «танцы и организацию балетной группы в коммуне», премирована ежемесячной стипендией в 100 руб. до окончания балетной студии Харьковского гос. театра оперы и балета) и К.Т. Борискина («художественное чтение», премирована командировкой в вуз и стипендией в 150 руб. ежемесячно до его окончания). Духовым оркестром коммуны на Олимпиаде руководил И.И. Волченко, поступивший в 1933 г. на музыкальный рабфак. Оркестр исполнял произведения Бетховена, Гуно, Бизе, Гулак-Артемовского и др.

Опускула макаренкиана, № 22, с. 87-97.

Брайнина Б. Самая радостная перспектива – ценность человеческой личности // Литературная газета, 1936 г., 10 мая. **В заголовке цитируется заключительное положение фрагмента «Педагогической поэмы», посвящённого «системе перспективных линий» коллектива и личности, последняя фраза в главе «У подошвы Олимпа». Первая рецензия в педагогической печати. Рецензируются все 3 части произведения, вышедшие отдельными изданиями.**

«Советские люди сильны необычайно высокой культурой коллектива, это достижение нашей революции… В буржуазном обществе – разобщение и эгоизм, бесперспективность, обесценивание человеческой личности».

Это книга, впервые обнажившая вопросы коллективного воспитания. В её первой части – «зачатки коллектива». В ней автор зло иронизирует над людьми, не понимающими детей и дело воспитания. Он не признаёт педагогической теории, «идеализирует самотёк, интуицию».

Во второй части действует «хорошо организованный, свободный рабочий коллектив», нашедший новые формы труда, управления, быта, человеческих отношений. Он настолько силён, что может влиять на окружающую жизнь и понимает: «Куряж нужен нам». В третьей части он проявляет социальную ответственность, борется и побеждает. Это «счастливый коллектив». Он формирует человека, а человек «двигает коллектив в его развитии».

Образец этого коллектива, как говорит А.С. Макаренко, он «логически и художественно выводил из всех событий и всей философии революции». «Основание моего могущества – великий Советский Союз». Новые условия породили этот опыт рождения нового человека.

Там же, в подборке «*Голос читателя*» **- 5 положительных отзывов: поэма о прекрасной социалистической действительности, книга о всепобеждающем коллективом труде, настольная книга педагога-воспитателя и др.**

Творческий вечер писателя А.С. Макаренко, **в связи с появлением в книжных магазинах отдельного издания 3-й части «Педагогической поэмы».** *Состоялся в сер. мая 1936 г. на квартире председателя русской секции ССПУ Я. Городского.*

В корреспонденции о встрече говорится: А. Макаренко не считает себя писателем (этой скромности могут поучиться у него некоторые из скороспелых профессионалов из молодых). «Труд педагога даёт мне величайшее удовлетворение. Четыре тысячи своих воспитанников я знаю в лицо[1]. Эти люди становятся инженерами, лётчиками, композиторами. Вряд ли с этим может сравниться литература». А. Макаренко рассказывает, как поддерживал его А.М. Горький, как буквально приказывал продолжить книгу, подбадривал. Мечтает А.С. Макаренко написать солидный научный труд о принципах нашей воспитательной работы. Он будет, наверное, называться «Мальчики».

А. Любченко: Массовые тиражи этой прекрасной книги могут воспитать больше людей, чем четыре тысячи; литература и педагогика не в состоянии конфликта. Я. Городской: это писатель нового типа, как Н. Островский. Стираются границы между писателем и бойцом, это прекрасно. Давно уже не было в литературе такого сарказма, с какой «Поэма» бичует чиновников от школы, лжетеоретиков и леваков. Л. Головко отмечает: «излишнюю публицистичность отдельных мест книги». А. Любченко советует «отходить от жанра научного трактата». В беседе участвовали также П. Усенко, М. Ушаков, Тардов, Копидешко, Патак, Гордеев, Скоморовский.

Газ. «Большевик», 16 мая 1936 г. (укр. яз.); Литературная газета, Киев, 24 мая 1936 г. (укр. яз.).

[1] Вероятно, А.С. Макаренко имеет в виду и свою дореволюционную педагогическую работу, с 1905 г. Позднее он говорит: три, две тысячи.

В своей работе он, несомненно, видел, чувствовал каждого из воспитанников, составляющих коллектив. «Он обладал колоссальной памятью, и его способность ассимиляции была, прямо, неограниченна», - свидетельствует В.С. Макаренко (На разных берегах, с.31). Об этом говорят и другие близко знавшие его люди.

Письмо Б.Ф. Рыбченкову, 18 мая, 1936 г.

18 мая 1936, Киев

Уважаемый Борис Фёдорович!

По Вашему письму я запросил т. Ковнатор, но вразумительного ответа не получил. К сожалению, хорошо разбираюсь только в поведении и поступках беспризорных, правонарушителей и «трудных» детей… Поведение нормальных людей и вообще деятелей издательства с трудом поддаётся моему анализу. Какие возможности заключены в их психике и можно ли ожидать их исправления, сказать не могу.

Вообще понимаю немного. Я сам никого за язык не тянул и не добивался ничего.

Меня пригласили в кабинет к Лупполу[1] и наговорили мне всяких хороших вещей. При мне было отдано распоряжение заключить с вами договор.

Очень неприятно, что так всё случилось. Я, к счастью, во всей этой истории был стороной пассивной. Лично я считаю всю затею с «золотой серией» исчерпанной, о чём написал Рахили Ароновне. Честное слово, я так мало потрясён достоинствами своей книги, что меня всё это нисколько не огорчает. Досадно только, что Вас буквально втянули в легкомысленную эту игру.

Вы сильно не огорчайтесь. Справедливость всегда восторжествует, я в этом уверен.

А то, что мы близко познакомились с неожиданными для нас типами поведения человека, тоже неплохо. В нашей опытности кое-что прибавилось.

Желаю Вам всего хорошего.

Привет.

А. Макаренко.

Макаренко А.С. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 63-64.

[1] Луппол И.К. – литературовед, историк и философ, тогда ответств. сотрудник Гос. изд-ва худож. литературы.

Письмо Л.М. Салько, 18 мая 1936 г.

Киев, 18 мая 1936.

Милый Лёвка!

Как же ты разделался с разными неприятностями и разделался ли? Напиши, а то ведь неизвестно.

Недавно получил я телеграмму от Щербакова такого содержания: *Квартира Лаврушинском будет представлена в августе*. Я думаю, что это серьёзное деловое обязательство. Очень благодарен тебе, что ты вовремя поднял тревогу. Во всяком случае, мы опять приблизились к Москве. Ты имеешь возможность с течением времени зайти к Бобунову и рассказать ему о телеграмме, чтобы он не задавался.

У нас такие планы. Лиля с Галей переедут в Москву в августе или в сентябре (а может и в октябре), а я несколько позже. Надеюсь, что осенью меня со службы отпустят, кое-какие меры в этом направлении я принял.

Сейчас я на два месяца освобождён от прямой административной работы и буду заниматься написанием большой книжки, посвящённой ликвидации беспризорности. Работа бесприбыльная, но всё же интереснее, чем сидеть в кабинете. Кроме того, я надеюсь, что книга будет интересная и читабельная.

Получил письмо от Елены Марковны[1]. Они смущены сильно и расстроены, ты прав, выходом отдельного издания[2] и просят меня прислать им что-нибудь с таким расчётом, чтобы вышло только в альманахе. Обещал прислать им к 1 августа повесть на 5 печатных листов, а, честное слово, не знаю, что это будет за повесть.

Что слышно в Москве о «Педагогической поэме»? Недавно в «Литературной газете» статья Брайниной, очень милая и искренняя, этого, конечно, мало. В этой

же газете Щербаков заявил, что «ПП» поставлена на обсуждение в президиуме ССП[3]. Когда это произойдёт, не сказано, но если произойдёт, то дело очень важное.

Если у тебя будут деньги, пришли мне несколько штук альманаха.

Уже сняли дачу в Святошино. Очень дорого: две комнаты с верандой – 2000 за сезон, но зато дача хорошая. Думаю, что числа 25-го Галя будет уже на даче. Лиля приедет, вероятно, после окончания экзаменов.

Всё хлопочу о путёвке для тебя, но пока ещё ничего не получил, не найдут никаких путёвок в Кисловодск на июль месяц. В конце мая буду в коммуне Дзержинского и там, вероятно, достану, скорее всего.

Пиши, как твои дела. Кроме того просьба. Ещё 5 мая послал в сберкассу при Гослитиздате распоряжение перевести сюда на сберкассу в Киеве 4 тысячи рублей, но до сих пор ответа нет. Пишу им сегодня. Если будешь иметь возможность, зайди или позвони, узнай, в чём дело, какого чёрта они не переводят деньги?[4]

Пожалуйста.

Целуем все. Будь здоров и весел.

Твой *А.*

Опускула макаренкиана, № 24, с. 152-153.

[1] От Коростылёвой Е.М.

[2] Говорится об отдельном издании всех трёх частей «Педагогической поэмы».

[3] Это сказано в связи с прошедшим обсуждением на президиуме правления ССП романа Л. Леонова «Дорога на океан».

[4] В этот же день А.С. Макаренко послал Л.М. Салько телеграмму: «Милый Лёва в сберкассу не заходи деньги получены будь *А*».

Телеграмма С.А. Дидоренко, 18 мая 1936 г.

Харьков коммуна Дзержинского

Дидоренко

Поздравляю родных дзержинцев боевым выпуском желаю сил энергии новых побед приехать не могу

Макаренко

Личный архив А.А. Фролова, без указания на источник.

Дополнения. *Из писем Г.С. Макаренко Л.М. Салько 19 мая 1936 г.* **…Все говорят, что телеграмма Щербакова – дело совершенно твёрдое. Поблагодари от всего сердца Глебчика, который подал эту блестящую идею. Мы с Антоном танцевали фокстрот по этому поводу…**

24 мая. **…Антон уезжает завтра в командировку дней на 10. Дело в том, что ему поручено написать книжку «Год борьбы с беспризорностью» - итоги работы НКВД [УССР] по борьбе с беспризорностью за этот год. Надо объединить все колонии и собрать все материалы и фотографии.**

Говорят, с 1 июня в Москве в «Известиях» будет витрина «Коммуна им. Дзержинского», снимки уже сделаны специальным фотографом, который поедет с Антоном делать снимки для книги. Фотограф говорит, что витрина уже готова и будет она возле редакции «Известий»…

Укрфильм гоняется за отцом и умоляет подписать договор на сценарий, который должен писать сам отец и за который, оказывается, платят 20 тысяч. Дело не в деньгах, и я советую отцу подождать и не спешить с этим делом, чтобы не было так, как с переводом книги, надо дать народу прочитать «Поэму». Может быть, найдутся более интересные съёмщики…

Отец уехал в командировку, будет в коммуне. Вчера отец получил письмо от Ковнатор, она пишет: «Ваши дела сейчас блестящи, ожидаем со дня на день статьи в «Правде». Если приедете в Москву, Вас ожидает куча приятных вещей...»

Опускула макаренкиана, № 24, с. 153-156.

26 мая объявлен приговор Военного трибунала **по делу о бунте в Андреевской трудколонии осенью 1935 г.: управляющему колонией Москаленко И.П. – 2 года лишения свободы; начальнику учебно-воспитательной части Рапцуняк А.Н. – 3 года; бывшему нач. уч.-восп. Части Драганову С.И. - полтора года.**

Опускула макаренкиана, № 22, с. 66.

Швед С. «Педагогическая поэма». **Письмо читателя // Комсомольская правда, 27 мая 1936 г.: бывш. Коммунар-дзержинец об этом произведении и Харьковской трудовой коммуне им. Ф.Э. Дзержинского.**

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 30 мая. **...У меня теперь есть помощница, такая молодая и хорошая, Оля. Гаша уехала в Харьков, у неё больны дети и вообще, как говорит отец: против Пенкинской продукции со стороны её качества я не возражаю, но количество значительно преувеличино[1]. Конечно, это мнение отца до проекта закона о браке и семье[2]. Собираюсь переезжать на дачу первого...**

Отец уехал сегодня в Винницу на открытие колонии, в которой работает Семён[3]...

Опускула макаренкиана, № 24, с. 157.

[1] Гаша, видимо, из семьи рабочего коммуны дзержинцев Т. Пенкина, он стал прототипом С. Веткина, отца многодетной семьи в макаренковской «Книге для родителей» (глава третья).

[2] 26 мая опубликован проект Постановления ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении гос. помощи многосемейным, расширении сети родильных домов и детских яслей, усилении уголовного наказания за неплатёж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Это Постановление усилило интерес А.С. Макаренко к семье, способствовало созданию «Книги для родителей».

[3] С.А. Калабалин.

Письмо Л.М. Салько, 2 июня 1936 г.

Киев, 2 июня 1936 г.

Дорогой Лёва!

Вырвалось полчаса в моей каторге, хочу написать тебе несколько деловых слов.

1. Вопрос о твоей путёвке. Несмотря на все принятые меры, коммерческой путёвки в Кисловодск достать ещё не удалось. Здесь в санчасти есть обычные, которые требуют, прежде всего, твоего представления в санчасть, заключения врачей и прочих неприятных процедур, связанных с обязательной твоей явкой. Я, впрочем, окончательно не потерял надежды достать путёвку в другом месте, но сейчас ни дня, ни часа такой путёвки определить не могу.

2. Как ни печально, но такой (временной) неудаче соответствуют некоторые наши затаённые желания. Если говорить без обидняков, - нам хочется, чтобы ты пожил с нами некоторое время на даче, а там выяснится вопрос и с путёвкой.

Дачу я нанял в Ирпене, вёрстах 20 от Киева, в хорошем смешанном лесу. Дача представляет из себя отдельный домик, в котором 4 комнаты. Всё это доволь-

но примитивное, но милое. Есть и веранда, которую я перестраиваю за свой счёт. Если всё обернётся благополучно, на даче будет хорошо. Галя приезжает на дачу 5-го.

К сожалению, я до 15 июня буду в командировке, и ей придётся жить на даче одной с прислугой. Может быть, будет наезжать Лиля, у которой экзамены заканчиваются 25 июня.

Числа 16-го на дачу приедет моя редакторша Рахиль Ароновна Ковнатор из Москвы и привезёт свою дочку Зою, ученицу 8 класса, которая будет у нас жить всё лето. Вероятно, с конца июня приедет пожить до экзамена в вуз и Клава Борискина[1], а с 1 августа Терентюк[2]. Таким образом получается как будто и хорошая компания, но всё это в разное время. Там, впрочем, будет видно. Вот ты и рассчитывай.

Если ты поживёшь у нас х-дней, нам будет очень приятно, и тебе неплохо. Во всяком случае, будет весело. В особенности будет рада Галя, которая по тебе здорово соскучилась, да и я ведь не каменный. А там и с путёвкой вопрос выяснится.

3. Такая просьба. Обязательно в ближайшие дни познакомься с Ковнатор и побывай у них, познакомься с Зоей, она очень хорошая девочка. Домашний телефон Ковнатор такой: бери трубку, требуй у телефонной барышни Усачёвку и потом проси добавочный 36. Если к телефону подойдёт Зоя, говори с нею как с знакомой. Между прочим, был такой план, что ты привезёшь её из Москвы, но потом оказалось, что она оканчивает занятия гораздо раньше тебя. Попроси Рахиль Ароновну, чтобы у них ты мог оставить свои зимние вещи на хранение.

Добре?

4. Агитируй Глебку, чтобы брал отпуск и тоже приезжал к нам на дачу. Агитируй как следует.

5. С 3-го числа в Москве наша Олимпиада[3]. 140 дзержинцев живут в Люберцах. Ахматов в гостинице в Москве. Если будет время, можешь его найти. Я, вероятно, приеду в Москву на последний день Олимпиады, числа 20-го, не столько, впрочем, по Олимпиаде, сколько по литературным делам.

6. Мои литературные дела по-прежнему. Ничего не пишу, все планы забросил. Ожидаю отголосков на 3-ю часть. Критика молчит, за исключением одной статьи в Лит. газете. Ковнатор писала, что ожидается статья в «Правде», но пока ничего нет. Во всяком случае, «Золотая серия» как будто намечается и намечается 2-е издание 3-й части.

Украинфильм настойчиво предлагает писать сценарий, уже дают 25 000, но я не хочу связываться с киевлянами, да и хочу подождать критики. Украинцы выпускают 1-2 части тиражом 20 000[4].

Напиши открытку, как твои дела.

Буль здоров и весел.

Целую.

Твой *А.*

Опускула макаренкиана, № 24, с. 158-159.

[1] Борискина К.Т. – воспитанница коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, затем артистка харьковского Театра русской драмы.

[2] Терентюк Д.Ф. – воспитанник коммуны им. Ф.Э. Дзержинского в 1930–1934 гг., далее учился в Харьковском театральном училище; в 1939 г. началась его актёрская деятельность; стал заслуженным артистом Бурят-Монгольской АССР.

[3] Говорится о начинающейся в Москве Всесоюзной олимпиаде трудовых колоний, коммун НКВД СССР. Она проводилась на разных

сценичных площадках (Клуб НКВД и др.). В ней участвовало более 2 тысяч воспитанников трудовых колоний и коммун СССР. Информация о ней: Ройтенберг И. На Всесоюзном смотре художественной самодеятельности. Итоги и выводы // Дзержинец, 30 июня 1936 г. (РГАЛИ).

Жюри Олимпиады отметило объединенный хор коммуны им. Ф.Э. Дзержинского и коммуны им. В.А. Балицкого, гопак в исполнении коммунаров-дзержинцев. (Морозова Н.А. Семинарий, с. 114).

В программе коммуны им. Ф.Э. Дзержинского было: хор и сольное пение (около 100 чел.), оркестр (68 инструментов), джазоркестр, хореография (рук. Соболь), театр (скетчи и худож. чтение (рук. Янковский), «партерная группа». Заключительный, сводный концерт прошёл в Зелёном театре Центрального парка культуры и отдыха, три вечера подряд (Воспоминания И.И. Яценко, воспитанника коммуны дзержинцев 1933–1937 гг. Об этой Олимпиаде и шефстве харьковского Театра русской драмы над коммуной им. Ф.Э. Дзержинского см.: Неизвестный Макаренко. Выпуск 6 / Ред.-сост. С.С. Невская, А.Н. Русаков, И.В. Фихин. – М., 1994, с. 8-43).

[4] Второе издание 1 и 2 частей «Педагогической поэмы» на укр. языке вышло в Харькове, Гослитиздате, 1936 г. Там же, в 1936 г. отдельной книгой издана 3 часть этого произведения. Тогда А.С. Макаренко вошёл в состав украинских писателей (пишущих на укр. яз.).

Дополнения. *Чугуев Т. Героизм педагогического труда* **// За коммунистическое просвещение (будущая «Учительская газета»), 2 июня 1936 г. Об отдельном изд. «Педагогической поэмы» в 3 частях. «В порядке обсуждения». Первая рецензия в педагогической печати, газете.**

«Художественно-публицистический роман, читается запоем, увлекательный». Главные пед. идеи: забвение прошлого, опора на хозяйство и быт, «живой и действующий коллектив». «Ярко выраженный тип советского педагога-гуманиста»: любовь к Родине, преданность делу, любовь к людям, детям, вера в их лучшие качества. Общественность высоко оценила его работу и её художественное изображение.

Недостатки: «недооценка школы»; «зло и во многом правдиво говорится против педагогического Олимпа», но «огульно отрицательное отношение к педагогической теории, культурному наследству», это «вреднейшая педагогическая пролеткультовщина». Отождествление воспитания с производством – «негодные и вредные механистические положения».

«Наркомпрос почему-то старательно молчит… Книга заслуживает самого широкого распространения».

Колбановский В. Поэма о воспитании // Правда, 7 июня 1936 г., **рецензия на все 3 части «Педагогической поэмы», опубликованные в альманахе «Год XVII» и «Год XVIII». Это «художественное воплощение и итог смелых исканий автора в педагогической области». «Коллектив с крепким организующим ядром в центре – основа воспитательной системы Макаренко».**

«Твёрдая, даже несколько суровая дисциплина» - не подавление личности, а «доведение до осознания необходимых действий, в мудрой целесообразности которых каждый убеждается на собственном опыте». Секрет этой системы – в перспективах, «завтрашней радости». «Чуткое, бережное отношение к человеку, постоянное обращение к человеческому достоинству, коллективный труд, борьба и учёба как основа разумного существования, как залог сознания своей обще-

ственной полезности – таковы основные методы педагогического искусства».

Сила этой организации, её торжество – в «завоевании Куряжа». Макаренко «оставался одиночкой в педагогическом мире», он полемизирует с «теоретиками педагогического Олимпа». Роль А.М. Горького – когда это произведение «безнадёжно застряло в дебрях Гос. издательства художественной литературы».

Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 16 июня 1936 г.:

...Отец летит в Москву на аэроплане, 19-го хочет быть на олимпиаде, которая будет в Большом театре[1], в присутствии правительства. Говорят, что коммуна заняла первое место, особенно «Тартюф», матросский танец и сольное пение. Отец телеграфирует тебе, где ты его встретишь...

Я сейчас на даче, приехала только на два дня встретить отца. На даче у нас всё хорошо, прекрасный воздух и много тишины, домик в стиле нашего последнего в малиновском лесу[2]. Девочка тов. Ковнатор приезжает 18-го. Отец говорит, что она очень хорошенькая.

Сегодня едем с отцом в Ирпень, и отец побудет там, вероятно, завтрашний день...

Опускула макаренкиана, № 24, с. 161.

[1] О предполагаемом итоговом концерте в большом театре и присутствии на нём членов советского правительства сообщалось в газ. «Дзержинец» 1 июня 1936 г. (РГАЛИ).

[2] В с. Малиновка (Коробовы хутора) летом 1934 г. снимала дачу семья Кононенко, там отдыхала и семья Макаренко.

18 июня 1936 г. – кончина А.М. Горького.

Большое горе

С 1920 по 1928 г. я заведовал колонией им. М. Горького. Я и ребята начали переписку с Алексеем Максимовичем в 1923 г. Несмотря на то что первое письмо было отправлено с очень коротеньким адресом Italia, Massimo Gorki, наша переписка, на протяжении пяти лет была регулярной и очень сблизила нас с Алексеем Максимовичем[1].

Он знал подробности нашей жизни, откликался на них то советом, то указанием, то простым дружеским словом, сочувствием. Взаимоотношения между Алексеем Максимовичем и горьковцами были настолько живыми и наполненными содержанием, что личная встречам была потребностью и радостью не только для нас, но и для Алексея Максимовича.

И действительно, в первые же месяцы после своего возвращения в СССР А.М. Горький собрался к нам в колонию погостить. Он прожил в колонии три дня: 7-10 июля 1928г.[2].

Нам удалось обеспечить в этой встрече простоту и интимность обстановки: в течение трех дней Алексей Максимович был с ребятами, никто нам не мешал, и мы не превратили наше свидание в официальное торжество.

Алексей Максимович быстро вошел в самую сущность колонистских будней, принял участие в решении наших текущих дел, близко ознакомился со многими колонистами, работал с ними в поле и терпеливо просмотрел до конца постановку на нашей сцене «На дне», сделанную силами ребят. Высочайшая человеческая культура А.М. Горького в сочетании с такой же простотой, его глубокое искреннее чувство и внимание к каждому колонисту покорили ребят в несколько часов. Расставаться с Алексеем Максимовичем было для нас невыразимо тяжело. В эти дни вечерами мы много говорили с Алексеем Максимовичем о трудных путях воспитания, о

сложнсложности в коммунах воспитательного процесса, о неясной еще для нас технике создания нового человека. Он настоятельно требовал от меня литературного изложения моего педагогического опыта и доказывал, что я не имею права хоронить в Куряже ни свои ошибки, ни свои находки.

Но чрезвычайно занятый работой в колонии им. Горького, а затем в коммуне им. Дзержинского, я не так быстро мог выполнить требование Алексея Максимовича. В 1932 г. он телеграфно требовал немедленно начать работу над книгой, взять для этого отпуск и поехать в Гагры[3].

Я не мог добиться отпуска, но первую часть«Педагогической поэмы» мне удалось написать, не отрываясь от коммуны. Осенью 1933 г. я послал рукопись Алексею Максимовичу. Он прочитал ее в течение одного дня и немедленно передал для печатания в третьей книге альманаха «Год XVII».

По поводу «Педегогической поэмы» несколько раз мне пришлось встречаться с Алексеем Максимовичем. К моей книге он всегда относился хорошо, настойчиво требовал продолжения моей литературной работы и всегда повторял: «Дайте волю вашему юмору», - но в оживленной беседе и он, и я быстро оставляли литературные темы и говорили почти исключительно о детях.

Алексея Максимовича. особенно интересовали вопросы о новой семье и, в частности, о новых позициях наших детей и по отношению к родителям, и по отношению к обществу. Как-то по дороге из Москвы в Крым[4] он сказал:

- Вот главный вопрос: соединить стремление человека к свободе с дисциплиной - вот такая нужна педагогика[5].

Наша новая Конституция является ярким подтверждением мудрой прозорливости Алексея Максимовича.

Для меня смерть Алексея Максимовича - большое горе. Силой своей настойчивости и ясного взгляда он заставил меня свой педагогический опыт исчерпать и до конца отдать нашему социалистическому обществу. Я лишь в последнее время понял, насколько он был прав: ведь наш опыт – опыт новый, и каждая его деталь имеет значение для нашей жизни и для жизни будущего человека, великим поэтом которого был Алексей Максимович.

А.С. Макаренко. Пед.соч. в 8 т., т. 4, с. 21-22. Впервые опубликовано: газ. «Большевик», Киев, 20 июня 1936 г. (укр. яз.).

[1] Переписку А.С. Макаренко и колонистов-горьковцев с А.М. Горьки см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания ... Часть 1, со с. 141, далее в Части 2 и Части 3, а также в этой книге.

[2] О посещении А.М. Горьким колонии его имени и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского см. там же Часть 1, с. 289-293, 316-317, а также в данной книге: конец главы «Помогите мальчику» в «Педагогической поэме».

[3] Об этом см. Часть 3 данного издания, т.3, с. 74. Указанная телеграмма исследователями к настоящему времени не обнаружена.

[4] вероятно это было при возвращении А.С. Макаренко из Москвы, в середине октября 1935 г.

[5] преодоление противоположности свободы и дисциплины, уважения и требовательности в социальной действительности, в новом воспитании – фундаментальная предпосылка педагогических взглядов и опыта А.С. Макаренко, определяющая его творчество в методологии педагогики, теории и методике, технологии воспитания.

Гигант человеческой культуры

Горький умел безгранично любить трудящихся и ненавидеть врагов. Этой любви и ненависти учил нас грький.

В моем представлении Горький является гигантом человеческой культуры. Культура Горького – это как бы [квинт]эссенция всей истории человечества.

В период бесправия, притеснений царизма прозвучал его могучий голос: «Безумству храбрых поем мы славу». Это было утверждение человека.

Горький всегда с любовью относился к молодым литераторам. Я вспоминаю, как он просил меня четыре раза, чтобы я написал произведение о своей детской колонии. Если бы не Горький, возможно, что я не написал бы «Педагогической поэмы».

Любовь к жизни сделала Горького гениальным писателем. Мы, советские писатели, тоже должны любить жизнь и отображать ее в своих произведениях так, как это делал Алексей Максимович Горький.

Опускула макаренкиана, № 22, с. 99-100. Впервые опубликовано: газ. «Комсомолец Украины», Киев, 20 июня 1936 г. (укр.яз.).

Мой первый учитель

В моей жизни В моей жизни, в моей первой работе значение Алексея Максимовича Горького исключительно велико.

Старый учитель, я принадлежал к тем кругам, которые назывались рабочей интеллигенцией. Когда я перелистываю страницы моей жизни, в памяти возникают ужасающие годы беспросветной реакции, наступившей после 1905 г. Для нас имя Горького было маяком. В его произведениях нас особенно покоряла исключительная жажда жизни, неисчерпаемый оптимизм, вера в человека, непреклонная убежденность в прекрасном будущем.

После Октябрьской революции я начинал искать пути для создания новой, советской педагогики, и первым моим учителем, к которому обращались мысли и чувства, снова был Горький[1].

Утверждение человека, освобождение его от грязи, оставленной капиталистическим строем, выпрямление человека - всему этому учило горьковское творчество с его неисчерпаемым запасом мудрых наблюдений, доскональным знанием жизни, глубоким пониманием Человека, творчество, проникнутое любовью к Человеку и ненавистью ко всему, что препятствует свободному развитию Человека. Передо мной всегда был образ того, кто сам вышел из недр народных[2]. Так, когда я должен был указать моим «босякам» образец человека, который, пройдя через «дно», поднялся до высот культуры, я всегда говорил:

- Горький! Вот образец, вот у кого учиться!

Великий мастер мировой культуры! Огромные знания Алексея Максимовича не имели ничего общего с тем, что обозначалось понятием «западноевропейская цивилизация». Горький впитал квинтэссенцию того наилучшего, что создали самые светлые головы человечества. И не только в литературе.

Алексей Максимович заинтересовался работой моей и моих друзей. Мы были поражены его умением проникать в сущность дела, выделять важнейшее, а потом в такой простой, доступной форме делать глубокие философские обобщения.

Алексей Максимович пробыл в колонии им. Горького три дня. Должен признаться, что за это время он успел заметить много такого нового, характерного, очень важного, чего я не замечал на протяжении года. Он сблизился с многими из 400 воспитанников, и большинство новых друзей уже не порывало с ним связи. Горький переписывался с ними, помогал советами.

Алексей Максимович освятил мою писательскую жизнь. Вряд ли я написал бы «Педагогическую поэму» или какое-нибудь другое произведение без чуткой, но неуклонной настойчивости Алексея Максимовича. Четыре года я сопротивлялся, отказывался писать, четыре года длилась эта «борьба» между нами. Я всегда считал, что у меня иная дорога — педагогическая работа; к тому же и времени для серьезного литературного труда у меня не было. Собственно, последнее обстоятельство и было тем поводом, на который я ссылался, отказываясь писать. Тогда Алексей Максимович прислал мне перевод на пять тысяч рублей с требованием немедленно идти в отпуск и засесть за книгу. В отпуск я не пошел (оставить работу я не мог), однако настойчивость Горького взяла наконец свое: педагог стал писателем.

С великим моим учителем я встречался много раз. Горький очень мало говорил со мной о литературных делах; он расспрашивал, как живут хлопцы. Очень интересовали Алексея Максимовича вопросы семьи, отношение семьи к детям, что, по-моему, нужно сделать, чтобы укрепить семью. Во время этих бесед Алексей Максимович как будто мимоходом бросал по поводу той или иной области моей работы одно-два слова. Они значили больше, чем пространные советы.

Последнее время Алексея Максимовича волновал вопрос о школе. Как-то мы ехали вместе из Москвы. По дороге он все время говорил о том, какой должна быть наша школа, говорил, что школьная дисциплина не должна стеснять молодую инициативу, что в школе нужно создать такие условия, чтобы можно было объединить одно и другое.

Безграничная любовь к жизни, огромный философский ум и полный мудрости взгляд, который проникает во все мелочи жизни, отыскивает в них основное зерно и умеет поднять их до философских обобщений, — это характерно для Горького.

В примере со мной как в фокусе отражается значение Горького и некоторые стороны великой души этого еще не до конца оцененного человека.

Мы обязаны глубже и ответственнее относиться к великим проблемам воспитания человека, поставленным творчеством великого писателя.

А.С. Макаренко. Пед.соч. в 8 т., т. 4, с. 18-19. Впервые опубликовано: газ. «Коммунист», Киев, 21 июня 1936 г. (укр.яз.).

[1] А.М. Горький был для А.С. Макаренко «первым учителем», но не единственным. Его общественно-политические и педагогические взгляды формировались под влиянием предреволюционной эпохи России, событий Первой русой революции (1905 г.), Февральской и Октябрьской революций (1917 г.), Гражданской войны. Огромное значение имели: его капитальное социально-гуманитарное самообразование и учеба в Полтавском учительском институте в 1914-1917 гг. (о его научных интересах и познаниях см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания … Часть 1, с. 39-41); практическая работа в школе в 1905-1914 и 1917-1920 гг.

О значительной сформированности его педагогических воззрений говорит написанная им в течение 6 месяцев, к июню 1917 г. работа «Кризис современной педагогики», удостоенная золотой медали. И.А. Соколянский. Близко знавший А.С. Макаренко в 1923-1928 гг., позднее говорил: «Я беру на себя ответственность и смелость утверждать…, что когда он пришел в свою колонию, он потом не изменялся… Он пришел на эту работу уже сформированным – в смысле оценок решающих факторов в организации и перестройке детской жизни» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания … Часть 1, с. 124).

[2] Сказанное хорошо отражает методологическую основу взглядов и деятельности А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора. Он исходит из представления не просто о «ребенке», а о человеке, его сущности и потенциалах, из того, что находит воплощение в человеческой истории, культуре, науке, искусстве, художественной литературе, в противоречиях современного социально-гуманитарного развития. Все определяет «новая позиция человека на земле» (см. в начале следующего текста), его утверждение как хозяина жизни и своей судьбы.

Соколянский И.А. **– в 1923-1924 гг. – член Президиума Гос. науч.-методологического комитета Наркомпроса УССР, один из первых директоров украинского НИИ педагогики (открыт в 1926 г.), педагог-дефектолог, специалист по педагогической компенсации врожденной слепоглухоты. посмертно Лауреат гос. премии (совместно с Мещеряковым). А.С. Макаренко намеревался его изобразить в «Педагогической поэме» как М.М. Воробьева (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания … Часть 1, с. 337-338).**

Дополнения. *Прозоров Г. Пафос педагогического труда. О «Педагогической поэме» А. Макаренко* **// Коммунистическое просвещение, 1936, № 3. - Центральный орган народного комиссариата просвещения РСФСР. Изд.-Наркомпрос УССР, Учпедгиз. Подп. к печ.** *25 июня 1936 г.* **Первая публикация о «Педагогической поэме» в педагогической периодической печати, журнальной. Г. Прозоров – зам. глав. ред. журнала. О выходе в свет 3-й части произведения.**

Читатели «с нетерпением ждали этой последней части». «Трудно, невозможно наути в мемуарной педагогической литературе книгу, которая читалась бы с таким захватывающим интересом, о которой бы так много спорили и высказывали до крайности разноречивые мнения … Бесчисленные диспуты среди педагогов, научных работников и даже учащихся старших классов школы».

Книга «ответила на целый ряд сложных педагогических вопросов … теоретическими выводами на основе богатейшего опыта плодотворной работы». Автор как педагог поглощен выполнением стоящих перед ним задач и «готов принести себя в жертву ради этих задач» (Эпизод с Задоровым).

Помнить: «речь идет о воспитании не обычных детей», поэтому «воспитание через трудовой коллектив». Кредо автора: доверие, «поднять личность человека в его собственных глазах», «исключительная человечность». «Уважением к личности проникнута вся эта педагогическая система»; а также: «индивидуальный подход», дисциплина, «элементы военной игры».

«Годы увлечения анархистскими»левацкими» идеями – прошли», они казались «очень революционными», особенно «толстовские идеи: никакого педагогического воздействия, все от природы».

«Мы горячо, бурно, восторженно аплодируем Антону Макаренко…».

Левман С. Перековка людей. 3-я часть «Педагогической поэмы» **// Советская торговля, 28 июня 1936 г.: «Волнующий документ нашей эпохи … Это книга большой любви к людям, большой страсти и радости». Автор-педагог «умеет быть суровым и нежным, он умеет и пращать ошибки, и вдохновлять на борьбу». Видны «твердость и целеустремленность, труд дисциплина, взаимопомощь».**

Близкий, родной, незабываемый

Максим Горький — это имя уже более четырех десятилетии назад стало для всего мира символом новой позиции человека, на земле. Мы — те, кто вступил в трудовую жизнь в 1905 г., "воспитывал нашу мысль и волю в учении марксизма, в борьбе Ленина и партии большевиков. Чувства наши, образы _и_ картины внутренней сущности человека формировались благодаря творчеству Максима Горького[1].

Это имя знаменовало для нас и высокую убежденность в победе человека, и полнокровное человеческое достоинство, и полноценность человеческой культуры, которая освобождается от проклятия капиталистической «цивилизации».

И поэтому, когда Октябрьская революция внезапно открыла передо мной невиданные просторы для развития свободной человеческой личности, открыла богатейшие возможности в моей воспитательной работе, я принял за образец страсть и веру Максима Горького.

Его утверждение ценности Человека, его любовь и его ненависть, его постоянное движение вперёд и борьба объединялись в человеческом оптимизме художника. Он умел видеть в каждом человеке, несмотря на самые ужасные жизненные катастрофы, несмотря на грязь в задавленном капитализмом мире, прекрасные черты Человека, духовные силы, заслуживающие лучшей участи, лучшего общественного строя.

В этом были для меня самые богатые педагогические позиции, и, разумеется, такими они были не только для меня.

И потому, что на мою долю выпали дети, наиболее пострадавшие от «цивилизации», я мог предъявить им всю горьковскую программу человечности.

И в особенно прекрасном гармоническом сочетании с богатым светом горьковского творчества возник перед нами сам А.М. Горький, возникла; его личность.

Своим примером он доказывал свою писательскую правду, он каждым своим личным движением подтверждал возможности и силы развития Человека.

Когда в 1928 г. он приехал в колонию и просто, с шуткой вошел в ряды бывших беспризорных, заинтересовался их судьбой, их заботами, воспитанием, как свой брат, который вместе с ними несет на своих плечах высокое звание Человека, я особенно глубоко мог проникнуть в тайны и секреты новой, советской педагогики. Тогда я прекрасно понял, что эта педагогика вся находится в горьковском русле оптимистического реализма; он был потом назван правильнее и точнее — социалистическим реализмом.

Но великий Горький не разрешил мне успокоиться на этом. Бесконечно мягко и бесконечно настойчиво он заставил меня взяться за перо и написать книгу, одну из тех книг, которые стали возможны только благодаря ему. Хороша она или плоха; но она говорит о наших днях, нашем опыте, наших ошибках. А.М. Горький так высоко ценил такой еще молодой опыт свободной рабочей страны, что всякое слово об этом опыте он считал нужным. Так в моёй жизни, в моей работе прикоснулся ко мне гениальный пролетарский писатель Максим Горький, и благодаря этому жизнь стала болёе нужной, более полезной, более достойной.

Но разве он прикоснулся только к моей жизни? Сколько жизненных путей, путей борьбы и побед обозначил А.М. Горький!

Его смерть – скорбное начало для нашей подлинной благодарности, для грандиозной картины его исторического значения.

А.С. Макаренко. Пед.соч. в 8 т., т. 4, с. 19-21. Впервые опубликовано в «Литературной газете», Киев, 30 июня 1936 г. (укр.яз.).

[1] Это высказывание о характере влияния творчества А.М. Горького на жизненную судьбу А.С. Макаренко касается и того, как в макаренковской педагогике соотносятся знание и переживание, действие «чувств, образов и картин внутренней сущности человека», т.е. ассоциативно-образное познание мира.

Далее, в статье «Максим Горький в моей жизни», он четко обозначает это как «мироощущение», в параллели с тем, что называется обычно «мировоззрением», знанием и пониамнием, идущим «по путям пропаганды и революционных событий, по путям нашего бытия в особенности» (там же). Развитие «мироощущения» в процессе формирования активно-творческого мировоззрения – коренное направление макаренковского решения проблемы единства сознания и поведения, воспитания характера, т.е. личности в неразрывности ее ума, чувства и воли.

Дополнения. *Приказ НКВД УССР,* **9 июля 1936 г. (нарком комиссар госбезопасности 1 ранга В.А. Балицкий) – по результатам «рассмотрения волынки[1] в Дофиновском приемнике-распределителе», под Одессой (организован осенью 1935 г. на базе перешедшего в ведение АХУ санатория УМЗ). Содержание приказа:**

«Начальник ОТК НКВД УССР тов. Ахматов и пом. нач. ОТК тов. Макаренко, желая умалить значение волынки в Дофиновском приемнике-распределителе и тем самым оградить себя от ответственности, в рапорте на имя моего заместителя, комиссара 2-го ранга тов. Кацнельсона, - указали, что волынка в Дофиновке выразилась «в 2-3-х локализованных ссорах» и что ничего серьезного не произошло.

На самом деле в этом приемнике-распределителе 12-13 июня «трем воспитанникам нанесены ножевые ранения, один воспитанник получил серьезное ранение глаза и 10 воспитанникам нанесены побои. Дети приемника-распределителя хулиганами были разогнаны».

«Начальнику ОТК НКВД УССР тов. Ахматову и помощнику начальника ОТК тов. Макаренко за введение в заблуждение руководства НКВД УССР информацией, не соответствующей действительному положению вещей. – объявить выговор».

Опускула макаренкиана, № 22, с. 121.

[1] *Волынка* **– бунт в местах заключения, сопровождающийся обычно погромом, сопротивлением руководству.**

Издательский договор с А.С. Макаренко о рукописи «отцы и дети» **(в последствии «Книга для родителей»).**

Договор № 238.

Город Москва. 1936 года, июля 9 дня.

Редакция альманаха «Год XIX» заключает настоящий договор с тов. Макаренко А.С. в нижеследующем:

1. Тов. Макаренко А.С. обязуется представить рукопись в готовом для печати виде своего труда под названием «Отцы и дети» (условно) в колич. 10 авторских листов не позже 1 окт. 1936 г. ...

Адрес автора: Киев, ул. Леонтовича, 6, кВ. 21...

Зав.редакцией *П.Павленко*

Автор *А. Макаренко*

РГАЛИ (копия, сделанная А.А. Фроловым; №№ фонда, описи,ед.хр. им утрачены).

Рапорт, Л.С. Ахматову

Начальнику отдела трудовых колоний

НКВД УССР тов. Ахматову Л.С.
пом.нач. ОТК А. Макаренко
рапорт.

Я уже неоднократно просил Вас об увольнении меня от работы в ОТК и неоднократно сообщал мотивы этой просьбы.

31 год я всегда работал непосредственно с детьми, я не имею никакого опыта работы в административном аппарате; польза, приносимая мною здесь совершенно ничтожна.

После издания моей книги «Педагогическая поэма» на меня легло много литературных обязательств, которые я не в состоянии выполнить, находясь на службе. Задуманная мною «Методика коммунистического воспитания» требует от меня напряжения всех сил и всего моего времени. откладывать эту работу я не имею права, т.к. уверен в ее важности и полезности. А между тем за последний год я не написал ни одной строчки.

Поэтому прошу Вас ходатайствовать перед Наркомом о скорейшем освобождении меня от должности помнач ОТК.

При этом, из уважения к моей собственной работе в коммуне им. Жзержинского, я принимаю на себя обязательство по первому требованию НКВД вполнить любое поручение в качестве консультанта-педагога по одному из учреждений ОТК без всякой оплаты за этот труд.

Уверен, что только в такой форме я могу принести пользу детским учреждениям НКВД, не загружая себя непривычной для меня административной работой.

Настоящее мое заявление ни в какой мере не стоит с полученным мною выговором в приказе Наркома.

А. Макаренко

14 июля 1936 г.

Опускула макаренкиана, № 22, с. 123.

Максим Горький в моей жизни

В удушливые годы перед японской войной в том захолустье, где прошла моя молодость, литературные явления замечались с большим опозданием. В городской библиотеке мы доставали истрепанных без последних страниц Тургенева и Засодимского, а если и попадалось нам что-нибудь поновее, то это обязательно были или граф Салиас, или князь Волконский[1].

И тем ярче и ослепительнее прорезало нашу мглу непривычно простое и задорное имя: Максим Горький.

В нашу глушь и это имя пришло с опозданием: я прочитал «Песню о Буревестнике» в 1903 г. Впрочем, я был тогда молод и не склонен был особенно тщательно разбираться в хронологии. Для нас, рабочей молодежи[2] важно было то, что по скучным, безнадежным российским дням вдруг заходил высокий, лохматый, уверенно новый человек - Максим Горький. Мы с трудом добывали его книги. Еще с большим трудом мы старались понять, почему «Челкаш» забирает нас за живое. Ведь у нас не было литературных кружков, ведь даже Горький приходил к нам не в постоянном блеске человеческой культуры, как привычное наше явление, а только изредка и вдруг огненной стрелой резал наше серое небо, а после этого становилось еще темнее. Но мы уже не могли забыть об огненной стреле и мучительно старались понять, что мы увидели в мгновенном ее сверкании. Одной из таких молний был и «Челкаш». Трудно сейчас восстановить и описать тогдашнее наше впечатление от «Челкаша».

Но нам уже было ясно, что Максим Горький не просто писатель, который написал рассказ для нашего развлечения, пусть и больше: для нашего развития, как тогда любили говорить. Мы чувствовали, что Максим Горький искренней и горячей рукой лезет в нашу душу и выворачивает ее наизнанку. И оказывается, что изнанка нашей души вовсе уже не такая плохая. Ибо с лицевой стороны на нашей душе много накопилось той гадости, которая, как потом оказалось, была крайне необходима для мирного прозябания Российской империи.

Разве мы все не были обречены переживать нищенские идеалы Гаврилы, разве в нашей жизни были какие-нибудь пути, кроме путей приблизительно Гаврилиных? Как-нибудь, на «крепкий грош» пристроиться на обочине жизни, равнодушно «завести коровку» и еще более равнодушно вместе с этой коровкой перебиваться с хлеба на квас... и так всю жизнь, и детям своим с христианским долготерпением и прочими формами идиотизма готовить ту же участь. На этой обочине жизни кишмя кишело такими Гаврилами — их было десятки миллионов.

А самая дорога жизни была предоставлена господам. Они мелькали мимо нас в каретах и колясках, блистали богатством, красивыми платьями и красивыми чувствами, но в общем мы редко видели их, большей частью видели только их лошадей, их кучеров, мелькающие спицы их экипажей да еще пыль, которую они поднимали. И жизни господ мы не знали, даже жизнь их лакеев и кучеров была для нас далекой, непонятной, «высшей» жизнью, такой же недоступной, как и та дорога, на обочинах которой мы копошились.

Мы привыкли к мысли, что обочина для нас неизбежна, что все проблемы жизни заключаются в том лишнем гроше, который нам удается заработать или выпросить. В общем, это была мерзкая жизнь, и наибольшей мерзостью в ней был конечно так называемый кусок хлеба. Это была та жизнь, которую мы научились по-настоящему ненавидеть только теперь, после Октября, несмотря даже на то, что «кусок хлеба» в первые годы революции часто бывал недоступной роскошью. Мы не умели ненавидеть и господ, мелькавших на дороге жизни, может быть, потому, что верили в их фатальную необходимость.

И вдруг на этой самой фешенебельной, прямой и гладкой дороге замаячил Челкаш. Его не стесняли никакие фатализмы, обычаи и правила, его не связывала никакая мода. «Он был в старых вытертых плисовых штанах, в грязной ситцевой рубахе с разорванным воротом, открывавшим его сухие и угловатые кости, обтянутые коричневой кожей».

И вот этот грязный оборванец, пьяница и вор обратился к нам с короткой речью и... назвал нашу жизнь гнусной. А когда мы швырнули в его голову камнем, он вывернул карманы и бросил нам все наворованные деньги, бросил потому, [что] презирал нас больше денег. И только тогда мы поняли, что наша жизнь действительно гнусная, что вся наша история сплошная мерзость и что пьяницы и воры имеют право называть нас нищими и высокомерно швырять нам наворованные деньги. Челкаш прошел мимо нас в блеске неожиданной молнии, и мы знали, что это идет тот, кто носит задорное, гневное и уверенно близкое нам имя: Максим Горький.

Так началось новое мое сознание гражданина. Я не могу отделить его от имени Горького, и вместе со мной так чувствуют многие. На моих глазах задрожали вековые ночи Российской империи и неуверенно запутались вдруг старые, испытанные человеческие пути.

И тот же чудесный бродяга, так мило показавший нам гнусность нашей жизни, тот же широконосый Максим Горький делался не только нашим укором, но и нашей радостью, когда весело и страстно сказал:

— Буря. Скоро грянет буря.

И буря действительно грянула. Российская история вдруг пошла вихрем, по-новому закопошились Гаврилы, и уже трудно стало различать, где дорога, а где обочина. Господские экипажи заспешили в разные стороны, заметались за ними волны пыли, а скоро к ним прибавились и дымные волны пожарищ. Тысячами встали новые люди, так мало похожие на Гаврил, и впереди них были великаны, каких еще не знала наша история.

Ударил вдруг по нашей земле целым скопом раздирающих молний 1905 год. Очень много интересных вещей полетело вдруг к черту в этой грозе; полетели «обожаемые государи» и «верные наши подданные», могильный покой, и затхлость многих медвежьих углов, графы Салиасы и князья Волконские. Как туман, начало расползаться и исчезать квалифицированное невежество Гаврил. Пыльный занавес дворянского великолепия тоже заходил под ветром, и мы увидели, что есть большая человеческая культура и большая история. Мы уже не рылись в библиотечном шкафу, теперь новые книги каким-то чудом научились находить нас, настоящие новые книги, которые звали к борьбе и не боялись бури. И теперь уже близким и родным сделалось для нас по-прежнему задорное, но теперь еще и мудрое имя: Максим Горький.

Все это прошло в дни моей юности. Батько мой был человеком старого стиля, он учил меня на медные деньги, впрочем, других у него и не было. Учили меня книги, в этом деле таким надежным для многих людей сделался пример Максима Горького: в моем культурном и нравственном росте он определил все.

Горький вплотную подошел к нашему человеческому и гражданскому бытию. Особенно после 1905 г. его деятельность, его книги и его удивительная жизнь сделались источником наших размышлений и работы над собой.

Ни с чем не сравнимым по своему значению стало «На дне». Я и теперь считаю это произведение величайшим из всего творческого богатства Горького, и меня не поколебали в этом убеждении известные недавние высказывания Алексея Максимовича о своей пьесе. То, что Лука врет и утешает, разумеется, не может служить образцом поведения для нашего времени, но ведь никто никогда Луку и не принимал как пример; сила этого образа вовсе не в нравственной его величине. Едва ли было бы убедительнее, если бы Лука излагал программу социал-демократов большевиков и призывал обитателей ночлежки... к чему, собственно говоря, можно было их призывать? Я продолжаю думать, что «На дне» — совершеннейшая пьеса нового времени во всей мировой литературе. Я воспринял ее как трагедию и до сих пор так ее ощущаю, хотя на сцене ее трагические моменты, вероятно по недоразумению, затушеваны. Лукавый старец Лука с его водянистым бальзамом именно потому, что он ласков и бессилен, страшным образом подчеркивает обреченность, безнадежность всего ночлежного мира и сознательно ощущает ужас этой безнадежности.

Лука — образ высокого напряжения, выраженный в исключительной силе противоречия между его мудрым безжалостным знанием и его не менее мудрой жалостной ласковостью. Это противоречие трагическое и само по себе способно оправдать пьесу. Но в пьесе звучит и другая, более трагическая линия, линия разрыва между той же безжалостной обреченностью и душевной человеческой прелестью забытых «в обществе» людей. Великий талант Максима Горького сказался в этой пьесе в нескольких разрезах и везде одинаково великолепен. Он блещет буквально в каждом слове, каждое слово здесь — произведение большого искусства, каждое вызывает и мысль, и эмоцию.

Я вспоминаю руки Бубнова, руки, которые кажутся такими прекрасными в прошлом, когда они были грязными от работы, и такими жалкими теперь, когда они «просто грязные». Вспоминаю бессильный вопль Клеща: «Пристанища нету!» — и всегда ощущаю этот вопль как мой собственный протест против безобразного, преступного «общества». И то, что Горький показал ночлежку в полном уединении от прочего мира, у меня лично всегда вызывало представление как раз об этом «мире». Я всегда чувствовал за стенами ночлежки этот самый так называемый мир, слышал шум торговли, видел разряженных бар, болтающих интеллигентов, видел их дворцы и «квартиры»... и, тем больше ненавидел все это, чем меньше об этом «мире» говорили жители ночлежки...

Мой товарищ Орлов[3], народный учитель, с которым я был на спектакле, выходя из театра, сказал мне:

- Надо этого старичка уложить в постель, напоить чаем, укрыть хорошенько, пускай отдыхает, а самому пойти громить всю эту... сволочь...

- Какую сволочь? — спросил я.

- Да вот всех, кто за это отвечает.

«На дне» прежде всего вызывает мысль об ответственности, иначе говоря, мысль о революции. «Сволочи» ощущаются в пьесе как живые образы. Вероятно, для меня это яснее, чем для многих людей, потому что вся моя последующая жизнь была посвящена тем людям, которые в старом мире обязательно кончали бы в ночлежке.

А в новом мире... здесь невозможно никакое сравнение. В новом мире лучшие деятели страны, за которыми идут миллионы, приезжают в коммуну им. Дзержинского, бывшие кандидаты в ночлежку показывают им производственные дворцы, пронизанные солнцем и счастьем спальни, гектары цветников и оранжереи, плутовато-дружески щурят глаза в улыбке и говорят:

- А знаете что, Павел Петрович?[4] Мы эту хризантему вам в машину поставим, честное слово, поставим. А только дома вы ее поливайте.

- Убирайтесь вы с вашей хризантемой, есть у меня время поливать...

- Э, нет, — возмущается уже несколько голосов, — раз вы к нам приехали, так слушайтесь. Понимаете, дисциплина…

Но так получается теперь, когда ответственность «общества» реализована в приговоре революции. А тогда получалось иначе. Предреволюционное мещанство хотело видеть в пьесе только босяков, бытовую картину, транспарант для умиления и точку отправления для житейской мудрости и для молитвы: «Благодарю тебя, господи, что я не такой, как они». Самое слово «босяки» сделалось удобным щитом для закрывания глаз на истинную сущность горьковской трагедии, ибо в этом слове заключается некоторое целительное средство, в нем чувствуется осуждение и отграничение...

Максим Горький сделался для меня не только писателем, но и учителем жизни. А я был просто «народным учителем», и в моей работе нельзя было обойтись без Максима Горького. В железнодорожной школе, где я учительствовал, воздух был несравненно чище, чем в других местах; рабочее, настоящее пролетарское общество крепко держало школу в своих руках, и «Союз русского народа» боялся к ней приближаться. Из этой школы вышло много большевиков[5].

И для меня и для моих учеников Максим Горький был организатором марксистского мироощущения. Если понимание истории приходило к нам по другим путям, по путям большевистской пропаганды и революционных событий, по путям нашего бытия в особенности, то Горький учил нас ощущать эту историю, за-

ражал нас ненавистью и страстью и еще большим уверенным оптимизмом, большой радостью требования: «Пусть сильнее грянет буря!»

Человеческий и писательский путь Горького был для нас еще и образцом поведения. В Горьком мы видели какие-то кусочки самих себя, может быть, даже бессознательно мы видели в нем прорыв нашего брата в недоступную для нас до сих пор большую культуру. За ним нужно было броситься всем, чтобы закрепить и расширить победу. И многие бросились, и многие помогли Горькому...

Бросился, конечно, и я. Мне казалось некоторое время, что это можно сделать только в форме литературной работы. В 1914 г. я написал рассказ под названием «Глупый день»[6] и послал Горькому. В рассказе я изобразил действительное событие: поп ревнует жену к учителю, и жена и учитель боятся попа; но попа заставляют служить молебен по случаю открытия «Союза русского народа», и после этого поп чувствует, что он потерял власть над женой, потерял право на ревность и молодая жена приобрела право относиться к нему с презрением. Горький прислал мне собственноручное письмо, которое я и теперь помню слово в слово:

«Рассказ интересен по теме, но написан слабо, драматизм переживаний попа неясен, не написан фон, а диалог неинтересен. Попробуйте написать что-нибудь другое.

М. Горький»

Меня мало утешило признание, что тема интересна. Я увидел, что и для писателя нужна большая техника, нужно что-то знать о фоне, нужно предъявлять какие-то требования к диалогу. И нужен еще талант; очевидно, с талантом у меня слабовато. Но сам Горький научил меня человеческой гордости, и я эту гордость пустил немедленно в дело. Я подумал, что можно, разумеется, «написать что-нибудь другое», но совершенно уже доказано, что ничего путного в этом другом заключаться не будет. Я без особого страдания отбросил писательские мечты, тем более что и свою учительскую деятельность ставил очень высоко. Бороться в прорывё на культурном фронте можно было и в роли учителя. Горький даже порадовал меня своей товарищеской прямотой, которой тоже ведь надо было учиться.

Учительская моя деятельность была более или менее удачна, а после Октября передо мной открылись невиданные перспективы. Мы, педагоги, тогда так опьянели от этих перспектив, что уже и себя не помнили, и, по правде сказать, много напутали в разных увлечениях. К счастью, в 20-м г. мне дали колонию для правонарушителей. Задача, стоявшая передо мной, была так трудна и так неотложна, что путать было некогда. Но и прямых нитей в моих руках не было. Старый опыт колоний малолетних преступников для меня не годился, нового опыта не было, книг тоже не было. Мое положение было очень тяжелым, почти безвыходным.

Я не мог найти никаких «научных» выходов. Я принужден был непосредственно обратиться к своим общим представлениям о человеке, а для меня это значило обратиться к Горькому. Мне, собственно говоря, не нужно было перечитывать его книг, я их хорошо знал, но снова перечитал все от начала до конца. И сейчас советую начинающему воспитателю читать книги Горького. Конечно, они не подскажут метода, не разрешат отдельных «текущих» вопросов, но они дадут большое знание о человеке в огромном диапазоне возможностей, и при этом дадут человека не натуралистического, не списанного с натуры, а человека в великолепном обобщении и, что особенно важно, в обобщении марксистском.

Горьковский человек всегда в обществе, всегда видны его корни, он прежде всего социален, и, если он страдает или несчастен, всегда можно сказать, кто в этом виноват. Но не эти страдания главное. Можно, пожалуй, утверждать, что горьковские герои неохотно страдают, — и для нас, педагогов, это чрезвычайно важно. Я

затрудняюсь это объяснить подробно, для этого необходимо специальное исследование.

В этом случае решающим является горьковский оптимизм. Ведь он оптимист не только в том смысле, что видит впереди счастливое человечество, не только потому, что в буре находит счастье, но еще и потому, что каждый человек у него хорош. Хорош не в моральном и не в социальном смысле, а в смысле красоты и силы. Даже герои враждебного лагеря, даже самые настоящие «враги» Горьким так показаны, что ясно видны их человеческие силы и лучшие человеческие потенциалы. Горький прекрасно доказал, что капиталистическое общество губительно не только для пролетариев, но и для людей других классов, оно губительно для всех, для всего человечества. В Артамоновых, в Вассе Железновой, в Фоме Гордееве, в Егоре Булычеве ясно видны все проклятья капитализма и прекрасные человеческие характеры, развращенные и исковерканные в наживе, в несправедливом властвовании, в неоправданной социальной силе, в нетрудовом опыте.

Видеть хорошее в человеке всегда трудно. В живых будничных движениях людей, тем более в коллективе сколько-нибудь нездоровом, это хорошее видеть почти невозможно, оно слишком прикрыто мелкой повседневной борьбой, оно теряется в текущих конфликтах. Хорошее в человеке приходится всегда проектировать[7], и педагог это обязан делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже и с некоторым риском ошибиться. И вот этому умению проектировать в человеке лучшее, более сильное, более интересное нужно учиться у Горького. Особенно важно, что у Горького это умение далеко не так просто реализуется. Горький умеет видеть в человеке положительные силы, но он никогда не умиляется перед ними, никогда не понижает своего требования к человеку и никогда не остановится перед самым суровым осуждением.

Такое отношение к человеку есть отношение марксистское. Наш социализм, такой еще молодой, лучше всего доказывает это. Уже не подлежит сомнению, что средний моральный и политический уровень гражданина Советского Союза несравненно выше уровня подданного царской России и выше уровня среднего западноевропейского человека... Не подлежит сомнению, что причины этих изменений лежат в самой струк туре общества и его деятельности, тем более что какой-нибудь специальной педагогической техники, специальных приемов у нас не выработалось.

Переход к советскому строю сопровождался категорическим перенесением внимания личности на вопросы широкого государственного значения… Примеров искать не нужно, достаточно вспомнить японскую агрессию[8] или стахановское движение. Личность в Советском Союзе не растрачивает свои силы в будничных текущих столкновениях, и поэтому виднее ее лучшие человеческие черты. Суть в том, что легче и свободнее реализуются положительные человеческие потенциалы, которые раньше не реализовались. В этом величайшее значение нашей революции и величайшая заслуга Коммунистической партии.

Но сейчас все это понятно и очевидно, а тогда, в 1920 г., это знание у меня только начинало складываться, и, так как элементы социалистической педагогики еще не видны были в жизни, я находил их в мудрости и проникновенности Горького.

Я очень много передумал тогда над Горьким. Это раздумье только в редких случаях приводило меня к формулировкам, я ничего не записывал и ничего не определял. Я просто смотрел и видел.

Я видел, что в сочетании горьковского оптимизма и требовательности есть «мудрость жизни», я чувствовал, с какой страстью Горький находит в человеке ге-

роическое, и как он любуется скромностью человеческого героизма, и как вырастает по-новому героическое в человечестве... («Мать»). Я видел, как нетрудно человеку помочь, если подходить к нему без позы и «вплотную», и сколько трагедий рождается в жизни только потому, что «нет человека». Я, наконец, почти физически ощутил всю мерзость и гниль капиталистической накипи на людях.

Я обратился к своим первым воспитанникам и постарался посмотреть на них глазами Горького. Признаюсь откровенно, это мне не сразу удалось; я еще не умел обобщать живые движения, я еще не научился видеть в человеческом поведении основные оси и пружины. В своих поступках и действиях я еще не был «горьковцем», я был им только в своих стремлениях.

Но я уже добивался, чтобы моей колонии дали имя Горького, и добился этого. В этом моменте меня увлекала не только методика горьковского отношения к человеку, меня захватывала больше историческая параллель: революция поручила мне работу «на дне», и, естественно, вспоминалось «дно» Горького. Параллель эта, впрочем, ощущалась недолго. «Дно» принципиально было невозможно в Советской стране, и мои «горьковцы» очень скоро возымели настойчивое намерение не ограничиться простым всплыванием наверх, их соблазняли вершины гор, из горьковских героев больше других импонировал им Сокол. Дна, конечно, не было, но остался личный пример Горького, осталось его «Детство», осталась глубокая пролетарская родственность великого писателя и бывших правонарушителей.

В 1925 г. мы написали первое письмо в Сорренто, написали с очень малой надеждой на ответ - мало ли Горькому пишут. Но Горький ответил немедленно, предложил свою помощь, просил передать ребятам: «Скажите, что они живут в дни великого исторического значения».

Началась регулярная наша переписка. Она продолжалась непре рывно до июля 1928 г., когда Горький приехал в Союз и немедленно посетил колонию[7].

За эти три года колония выросла в крепкий боевой коллектив, сильно повысилась и его культура, и его общественное значение. Успехи колонии живо радовали Алексея Максимовича. Письма колонистов регулярно отправлялись в Италию в огромных конвертах, потому что Горькому каждый отряд писал отдельно, у каждого отряда были особенные дела, а отрядов было до тридцати[9] В своих ответах Алексей Максимович касался многих деталей отрядных писем и писал мне: «Очень волнуют меня милые письма колонистов...»

В это время колония добивалась перевода на новое место. Алексей Максимович горячо отзывался на наши планы и всегда предлагал свою помощь. Мы от этой помощи отказывались, так как по-горьковски не хотели обращать Максима Горького в ходатая по нашим маленьким делам, да и колонистам необходимо было надеяться на силы своего коллектива. Наш переезд в Куряж был делом очень трудным и опасным, и Алексей Максимович вместе с нами радовался его благополучному завершению. Я привожу полностью его письмо, написанное через 20 дней после «завоевания Куряжа»:

«Сердечно поздравляю Вас и прошу поздравить колонию с переездом на новое место.

Новых сил, душевной бодрости, веры в свое дело желаю всем вам!

Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно.

Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали ее плодородной, мы украсили ее городами, избороздили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и немой материи, затем — полузвери, а ныне — смелые зачинатели новой жизни.

Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя, и что нужно ей дать волю развиться и расцвести, чтобы она обогатила землю еще большими чудесами.

Сорренто, 3.V1.26 Привет. *М.Горький»*

Это письмо, как и многие другие письма этого периода, имело для меня как педагога совершенно особое значение. Оно поддерживало меня в неравной борьбе, которая к этому времени разгорелась по поводу метода колонии им. Горького.

Эта борьба происходила не только в моей колонии, но здесь она была острее благодаря тому, что в моей работе наиболее ярко звучали противоречия между социально-педагогической и педологической точками зрения[10]. Последняя выступала от имени марксизма, и нужно было много мужества, чтобы этому не верить, чтобы большому авторитету «признанной» науки противопоставить свой сравнительно узкий опыт. А так как опыт протекал в обстановке повседневной «каторги», то нелегко было проверить собственные синтезы. С присущей ему щедростью Горький подсказывал мне широкие социалистические обобщения. После его писем у меня удесятерялись и энергия и вера. Я уже не говорю о том, что письма эти, прочитанные колонистам, делали буквально чудеса, ведь не так просто человеку увидеть в себе самом «мудрые силы строителя».

Великий писатель Максим Горький становился в нашей колонии активным участником нашей борьбы, становился живым человеком в наши ряды. Только в это время я многое до конца понял и до конца сформулировал в своём педагогическом кредо. Но мое глубочайшее уважение и любовь к Горькому, моя тревога о его здоровье не позволяли мне решительно втянуть Алексея Максимовича в мою педагогическую возню с врагами. Я все больше и больше старался, чтобы эта возня по возможности проходила мимо его нервов. Алексей Максимович каким-то чудом заметил линию моего поведения по отношению к нему. В письме от 17 марта 1927 г. он писал:

«Это напрасно! Знали бы Вы, как мало считаются с этим многие мои корреспонденты и с какими просьбами обращаются ко мне! Один просил выслать ему в Харбин — в Маньчжурию — пианино, другой спрашивает, какая фабрика в Италии вырабатывает лучшие краски, спрашивают, водится ли в Тирренском море белуга, в какой срок вызревают апельсины и т.д. и т.д.».

И в письме от 9 мая 1928 г.:

«Позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь. Вашу гордость борца за свое дело я также понимаю, очень понимаю! Но ведь дело это как-то связано со мною, и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи»...

Когда Алексей Максимович приехал в июле 1928 г. в колонию и прожил в ней три дня, когда уже был решен вопрос о моем уходе и, следовательно, и вопрос о «педологических» реформах в колонии, я не сказал об этом моему гостю. При нем приехал в колонию один из видных деятелей Наркомпроса[11] и предложил мне сделать «минимальные» уступки в моей системе. Я познакомил его с Алексеем Максимовичем. Они мирно поговорили о ребятах, посидели за стаканом чаю, и посетитель уехал. Провожая его, я просил принять уверения, что никаких, даже минимальных, уступок быть не может.

Эти дни были самыми счастливыми днями и в моей жизни, и в жизни ребят... Я, между прочим, считал, что Алексей Максимович — гость колонистов, а не

мой, поэтому постарался, чтобы его общение с колонистами было наиболее тесным и радужным. Но по вечерам, когда ребята отправлялись на покой, мне удавалось побывать с Алексеем Максимовичем в близкой беседе. Беседа касалась, разумеется, тем педагогических. Я был страшно рад, что все коллективные наши находки встретили полное одобрение Алексея Максимовича, в том числе и пресловутая «военизация», за которую еще и сейчас покусывают меня некоторые критики и в которой Алексей Максимович в два дня сумел разглядеть то, что в ней было: небольшую игру, эстетическое прибавление к трудовой жизни, жизни все-таки трудной и довольно бедной. Он понял, что это прибавление украшает жизнь колонистов, и не пожалел об этом.

Горький уехал, а на другой день я оставил колонию. Эта катастрофа для меня не была абсолютной. Я ушел, ощущая в своей душе теплоту моральной поддержки Алексея Максимовича, проверив до конца все свои установки, получив во всем его полное одобрение. Это одобрение было выражено не только в словах, но и в том душевном волнении, с которым Алексей Максимович наблюдал живую жизнь колонии, в том человеческом празднике, который я не мог ощущать иначе, как праздник нового, социалистического общества. И ведь Горький был не один. Мою беспризорную педагогику немедленно «подобрали» смелые и педологически неуязвимые чекисты и не только не дали ей погибнуть, но дали высказаться до конца, предоставив ей участие в блестящей организации коммуны им. Дзержинского.

В эти дни я начал свою «Педагогическую поэму»[12]. Я несмело сказал о своей литературной затее Алексею Максимовичу. Он деликатно одобрил мое начинание... Поэма была написана в 1928 г. и... пять лет пролежала в ящике стола, так я боялся представить ее на суд Максима Горького. Во-первых, я помнил свой «Глупый день» и «не написан фон», во-вторых, я не хотел превращаться в глазах Алексея Максимовича из порядочного педагога в неудачного писателя. За эти пять лет я написал небольшую книжонку о коммуне Дзержинского и... тоже побоялся послать ее своему великому другу, а послал в ГИХЛ. Она два с лишним года пролежала в редакции, и вдруг, даже неожиданно для меня, ее напечатали. Я не встретил ее ни в одном магазине, я не прочитал о ней ни одной строчки в журналах или газетах, я не видел ее в руках читателя, вообще эта книжонка как-то незаметно провалилась в небытие[13]. Поэтому я был несколько удивлен и обрадован, когда в декабре 1932 г. получил из Сорренто письмо, начинающееся так:

«Вчера прочитал Вашу книжку «Марш тридцатого года». Читал с волнением и радостью...»

После этого Алексей Максимович уже не отпустил меня. Еще около года я сопротивлялся и все боялся представить ему «Педагогическую поэму» — книгу о моей жизни, о моих ошибках и о моей маленькой борьбе. Но он настойчиво требовал:

«Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу...»

В теплые места я не поехал — некогда было, но поддержка и настойчивость Алексея Максимовича преодолели мою трусость: осенью 1933 г. я привез ему свою книгу — первую часть. Через день я получил полное одобрение, и книга была сдана в очередной номер альманаха «Год XVII». Все остальные части тоже прошли через руки Алексея Максимовича. Второй частью он остался менее доволен, ругал меня за некоторые места и настойчиво требовал, чтобы все линии моих педагогических споров были выяснены до конца, а я все еще продолжал побаиваться педологов, даже это слово старался не употреблять в книге. 0тправляя к нему в Крым третью часть, я даже просил его выбросить главу «У подошвы Олимпа», но он ответил коротко по этому вопросу:

«У подошвы Олимпа» нельзя исключить...»

Это уже было написано осенью 1935 г.

Так до самых последних дней Максим Горький оставался моим учителем; и как ни долго я учился у него, до последних дней у него было чему учиться. Его культурная и человеческая высота, его непримиримость в борьбе, его гениальное чутье ко всякой фальши, ко всему дешевому, мелкому, чуждому, карикатурному, его ненависть к старому миру... его любовь к человеку — «мудрому строителю жизни»— для многих миллионов живущих и будущих людей должны всегда быть .неисчерпаемым образцом.

К сожалению, у нас еще нет настоящего анализа всего творческого богатства Максима Горького. Когда этот анализ будет произведен, человечество поразится глубиной и захватом горьковского исследования о человеке. Его имя будет поставлено в самом первом ряду великих писателей мира, тем более в первом, что он единственный, взявший тему человека в момент его освобождения, в момент становления его человеком социалистическим.

Моя жизнь прошла под знаком Горького, и поэтому сейчас я по-настоящему первый раз в жизни ощущаю свою сиротливость. В этот момент утраты так особенно трагично переживается моя к нему великая и нежная благодарность. Я уже не могу ее высказать Алексею Максимовичу, тем более горячо и глубоко я благодарен нашей эпохе, нашей революции и нашей Коммунистической партии, создавшим Максима Горького, вынесшим его на ту высоту, без которой его голос не мог быть услышан в мире трудящихся и в мире врагов.

А.С. Макаренко. Пед.соч. в 8 т., т. 4, с.8-18 (перепечатка опубликованного во 2-ом изд. Соч. А.С. Макаренко в 7 т., т. VII, 1958 г. В т. 4 8-томника в этот текст внесены некоторые дополнения. Первоисточник: РГАЛИ, ф.332, оп.1, ед.хр. 196 (машинопись, с авторской и редакторской правкой текста и подпись А.С. Макаренко). Расширенный вариант статьи: там же, ед.хр. 111 и 112.

[1] Засодимский П.В. – рус. писатель, народник. Салиасде Турнемир – автор посредственных повестей на исторические темы. Волконский М.Н. – автор исторических романов.

Употребляя слово «мы», А.С. Макаренко говорит о массовом чтении. Лично его чтение выходило далеко за рамки указанных авторов. В.С. Макаренко свидетельствует: «Сколько я помню Антона, я вижу его его постоянно с какой-нибудь книгой... в то время он, конечно, в Крюкове был самым образованным человеком на все 10 тыс. населения ... Среди его книг были книги по философии, социологии, астрономии и художественные произведения, начиная с Гомера...

Из художественной литературы он читал буквально все, что появлялось на книжном рынке. Бесспорными кумирами этой эпохи были Максим Горький и Леонид Андреев, а из иностранных авторов – Кнут Гамсун. Затем следовали куприн, Вересаев, Чириков, Скиталец, Серафимович, Арцыбашев, Соллогуб, Мережковский, Аверченко, Найденов, Сургучев, Тэффи и др. Из поэтов – Блок, Брюсов, Бальмонт, Фофанов, Гипиус, Городецкий и др. Из иностранных еще – Г. Ибсен, А. Стринберг, О. Уальд, Д. Лондон, Г. Гаутман, Б. Келлерман, Г. д Аннуцио, А. Франс, М. Метерлинк, Э. Ростан и многие другие...

Спорить с ними о литературе было совсем бесполезно... почти каждые два дня он приносил какую-нибудь новую книгу, альманах, сборник, которые в то времявыпускались десятками, сборники «Знание», «Шиповник», Альцион»... Антон выписывал ж. «Русское богатство», московскую газету «Русское слово», сатирический петербург-

ский журнал «Сатирикон». покупал роскошный иллюстрированный журнал «Столица и усадьба», «Мир искусства».

Все купленные книги после прочтения им куда-то уходили» (он их раздавал желающим, считая недопустимым «заключение» книг в личных библиотеках – А.Ф.). (На разных берегах … Судьба братьев Макаренко / Сост. Г. Хиллиг. – М., 1998, с. ; об образованности А.С. Макаренкок 1922 г. см. также: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания … Часть 1, с. 39-41).

[2] А.С. Макаренко причисляет себя к «рабочей молодежи» как сын рабочего (мастера железнодорожных мастерских) и как учитель «рабочей школы», железнодорожного начального училища (в Крюкове оно и располагалось на территории железнодорожных мастерских).

[3] Орлов Г.В. – учитель, товарищ А.С. Макаренко по работе в Долинском начальном железнодорожном училище.

[4] Говорится о П.П. Постышеве.

[5] Кременчуг, предместьем которого был «посад» Крюков, был тогда важным пунктом связи северных и южных районов России. В годы Первой русской революции (1905 г.) он стал местом выступлений рабочего класса. Ядро городской социал-демократии составляли рабочие Крюковских железнодорожных (вагонных) мастерских. Городской комитет РСРП поддерживал связь с ленинской «Искрой», в ней печатались корреспонденции ихз этого города.

[6] В другом материале А.С. Макаренко указывает другую дату: 1915 г. Прототипы персонажей рассказа: А.С. Макаренко, лизвета Федоровна Григорович (в «Педагогической поэме» Екатерина Григорьевна, ее муж священник Д. Григорович. Историю с «молебном» см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания … Часть .

[7] Техника макаренковского «проектирования» личнсти нужно относиться к воспитаннику так, как будто педагогически необходимыми качествами он уже обладает (одно из проявлений «педагогики параллельного действия»; раота в «зоне ближайшего развития» - по Л.С. Выгодскому).

[8] Говориться о Японской агрессии в Китае, в районе КВЖД.

[9] Переписка колонистов с А.М. Горьким хранится в Архиве А.М. Горького (Институт мировой литературы). Частично опубликована: Сундуков Н.А. Переписка воспитанников колонии им. М. Горького с А.М. Горьким // Совется педагогика, 1954, № 1; Организация воспитательного процесса в практике А.С. Макаренко. Учеб. пос., подг. А.А. Фроловым. – Горький, 1976, с. 62 и др.

[10] А.С. Макаренко делает это важнейшее для понимания его педагогики заключение, уже не опасаясь за свое противостояние педологии, «марксисткой науке о детях» (постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» опубликовано 4 июля 1936 г.). Р.А. Ковнатор свидетельствует, что в телефонном разговоре с ней А.С. Макаренко назвал этот день «счастливым днем в его жизни» (Опускула макаренкиана, № 21, с. 44).

[11] Говорится о В.А. Арнаутове, в 1928 г. зав. Главным управлением социального воспитания Наркомпроса УССР. В подготовительных материалах «Педагогической поэмы» значится среди 14 2друзей кони».

[12] Говорится о начале систематической работы над этим произведением. Подготовительные материалы к нему относятся к середине 1925 г. Историю его создания см.: Фролов А.А. А.С. Макаренко в

СССР, России и мире … 1939-2005 гг. – Н.Новгород, 2006, с.16-18. См. также т.3 8-томника, с. 450.

[13] Единственная известная исследоателям рецензияна «Марш 30 года»: Гессен А., ж. «Художественная литература, 1933, № 4 (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания … Часть 2, с. 241)

Письмо Е.М. Коростылевой, 20 июля 1936 г.

20 июля 1936, Киев

Только сегодня посылаю Вам статью о Горьком. А вчера получил Вашу дивную телеграмму. Опоздал потому, что служба не дает работать, [есть] некоторые осложнения, которые отнимают и день и вечер, а иногда и ночь. Но все-таки посылаю.

Что получилось, судите сами: написано искренно. Эта штука, как Вы знаете, заменяет у меня талант, а вообще получилось, кажется, средне. Писатель я все-таки «так себе». Ну и пусть.

Даже на даче редко бываю, некогда. Что это за жизнь?

А почему Вы о даче молчите? Как оно будет?

Недалеко от нашей комнаты есть свободная комната «у одной женщины». Просит за сезон 200 рублей. Разумеется, Вы имеете право жить меньше сезона, например один месяц. «Женщина» согласна готовить пищу, конечно, за Ваш счет.

Я чего боюсь? Ведь это дело трудное.

Пока мы будем думать, «женщина» возьмет и отдаст свою комнату кАкому-нибудь лицу, менее достойному, чем мы с Вами, но ведь в таком случае ничего не поделаешь.

А Вы ничего не пишите про это. И телеграмму даете только о редакционных делах. Надо расширять горизонты!

За статью о Горьком не злитесь. Честное слово, я не виноват.

А почему в телеграмме Вы написали: «Не сердитесь на телеграмму»? Как я могу на Вас сердиться? Это было бы изуверское хамство с моей стороны!

Просто Вы были в хорошем настроении, правда!

Приве. Пишите же!

Ваш *А. Макаренко*

«Книгу для родителей» напишу в срок.

Честное слово.

Вы получили договор?[1]

А.С. Макаренко. Пед.соч. в 8 т., т. 8, с. 64-65.

[1] Речь идет о дововоре о труде «Отцы и дети», который к этому времени стал называться «Книга для родителей».

Дополнения. *Пистрак М. Партийные решения и задачи педагогики* **// За коммунистическое просвещение, 20 июля 1936 г.:**

«… В своей «Педагогической поэме» тов. Макаренко справедливо иронически и скептически отзывается о педагогических теоретиках, насмехаясь над их безаппеляционными суждениями. В работу Макаренко, имеющего дело с живым подростком и юношей и мучительно искавшего путей воспитания их воли и характера для социалистического строительства, теоретики педагогики не потрудились вдуматься, глубоко ее изучить и разобраться в этом замечательном опыте.

Это так характерно для «жрецов педагогики» - обо всем судить с точки зрения общей и тощей схемы, не опираясь на знание прошлого, на имеющийся уже хороший опыт настоящего…»

В статье одобряется постановление ЦК ВКП(б) о педологии, она характеризуется как «некритическое заимствоание буржуазных «научных» теорий, подкрашивание этих теорий под марскизм».

Оценка М. Мистраком теории и практики «жрецов от педагогики» совпадает с макаренковской характеристикой этой педагогики как «умозрительно-декларативной» и «дедуктивной» по своей методолгии.

Пистрак М.М. **в 1918-1931 гг. работал (с небольшими перерывами) в наркомпросе РСФСР и одновременно руководил школой-коммуной им. П.Н. Лепешинского, затем переведен в Северо-Кавказский пед. ин-т (г. Росто-на-Дону). С июля 1936 г. директор Центр. НИИ педагогики при Высшем коммунистическом институте просвещения.**

Письмо Е.М. Коростылевой А.С. Макаренко, **25 июля 1936 г.: «Дорогой Антон Семенович! Получила рукопись и прочла уже. Написано искренне и тепло, на мой взгляд, хорошо. Пока, кроме меня, никто еще не читал. Есть кое-какие «мелочишки» - нобоюсь, - что мне за это будет от автора? В Москве говорят, будто Вы 27-го приезжаете, правда? Я очень рада, если это верно, тогда Вы и статью еще раз посмотрите...**

Буду отдыхать, видимо, осенью или в будущем году ...

Договор получила и сделала, кажется, ошибку, переслав деньги в Киев, я тогда не знала, что Вы собираетесь в Москву. Или это не так важно?

Меня очень радует, что осенью у нас будет Ваша новая вещь ...»

РГАЛИ, ф. 622, оп. 1, ед.хр. 8.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

лиц, причастных к педагогической деятельности А.С. Макаренко в 1935-1936 гг.

Авербах Л.
Аврутин
Агнивцев
Аландский
Анисимов Д.*
Аркин Е.А.
Архангельский П.
Арямов И.А.
Ахматов Л.С.

Бабич
Балабанович Е.
Балджи
Балицкий В.А.
Бахметьев Вл.
Белинина
Белых Г.
Бердов Г.В.
Березовская В.
Березовский Ф.
Берлин Р.Л.
Берман В.С.
Бобунов А.Г.
Богатырёв
Борискина К.Т.
Борок И.О.
Бочачер М.
Брайнина Б.
Браткевич А.
Братченко
Брейслер И.М.
Броневой А.О.
Бубнов А.С.
Букшпан Т.И.
Булгаков М.

Ваганян В.А.
Векслер*
Веселова
Весич В.А.
Ветковский К.
Визель Т.Э.
Виппер
Вишневский Д.
Владимирский А.В.
Воевода М.И.
Войтинская
Волков А.
Волков Ж.
Волкштейн
Волохов
Волченко И.И.
Ворошилов К.Е.
Выслоцкая Е.М.

Гааз
Габрилович Е.
Гайсинович С.Е.
Галатенко
Гапеев*
Гасилов Г.В.
Гельмольт
Головко Л.
Гончаров Н.К.
Горбунов Н.А.
Гордеев
Гордин Л.Ю.
Горленко З.
Горленко Н.
Горович П.И.
Городской Я.
Горький А.М.
Григорович Е.Ф.
Грищенко И.М.
Грушевский
Гудкин

Девриен
Деревицкий А.Н.
Дзеверин А.Г.
Дидоренко С.А.
Доброжинский
Драганов С.И.
Дюшен В.М.

Евстафьев К.
Езерницкая О.М.
Ермилов В.

Ефремов С.А.

Жмудский*

Забелин
Заика
Зайцев В.Г.*
Залкинд А.Б.
Залужный А.С.
Затонская Е. С.
Затонский В.П.
Збировский
Зеттель

Иванов Вс.
Иванский С.
Иегерь

Калабалин С.А.
Каменев С.А.
Канторович В.Я.
Карасев
Карлсон К.М.
Карпинский
Кацнельсон З.Б.
Кирпотин В.
Клеточкина П.
Клямер З.С.
Коваль Л.Т.
Ковнатор Р.А.
Коган С.Б.
Козлова З.Т.
Колбановский В.Н.
Колесса П.А.
Кононенко Е.
Кононенко К.С.
Копидешко
Копылович
Корнилов К.Н.
Коростылёва Е.М.
Косиор С.В.
Костомаров
Краковский
Крамов А.Г.
Крупенина М.В.
Крючков П.П.
Кудлатый*
Куксов*
Куприйчук П.*
Куслий Ф.*

Лапотецкий Н.П.*
Левинсон Э.
Левочкина Л.
Левченко М.
Леонов Л.
Литвиненко-Вольгемут
Лиф Ж.*
Лозинский С.О.
Луппол И.К.
Любченко А.
Любченко П.П.

Магура Е.С.
Макаренко В.С.
Макаренко О.В.
Макаренко С.Г.
Макаренко Т.М.
Максимова
Малькова А.
Маркович
Мартынов
Медынский Е.Н.
Мельник А.*
Мизяк С.Б.
Миллер Т.
Молодцов И.
Моложавый С.С.
Молотов В.М.
Молчанова Л.А.
Морозова Н.А.
Москаленко И.П.
Мохарев

Наливайко К.
Невечера Е.
Николаевский
Новосад
Носков*
Нудельман Ж.

Овчаренко М.
Одарюк Т.
Октябрьский Ф.
Ольховский П.
Оратовский Б. И.
Орисенко А.*
Осадчий*
Осовский Г.М.
Остриков
Островский Н.
Остроменцкая Н.Ф.

Павленко П.
Павлов И.П.
Павлов-Сильвинский

Панасенко
Паненко К.
Пантелеев Л.
Панфёров Ф.
Патак
Пащенко Н.
Пеккер М.*
Пенкин Т.
Перепёлкин
Перфильев
Перцовский П.*
Песталоцци И.Г.
Петлюра С.В.
Петренко Н.
Петров
Петров Н.В.
Петровский Г.И.
Петрушевский
Пик В.
Пилипенко
Пинкевич А.П.
Пичневский М.
Платонов
Плачковская*
Плачковский*
Плеханов Г.В.
Плешов П.*
Погребинский М.М.
Покровский М.
Поликсенова Г.М.
Попов Н.Н.
Постышев П.П.
Протопопов В.П.

Рапцуняк
Рогаль-Левицкая П.И.
Рогаль-Левицкий С.О.
Рожков Н.А.
Розовский М.
Русаков А.Н.
Руссо Ж.Ж.
Рыбченков Б.Ф.

Салько Г. С. (Макаренко)
Салько Л. М.
Свадковский И.Ф.
Сейфуллина Л.
Семенов Е.
Сердобинский Ж.
Силаков П.Е.
Скоморовский
Скопина Л.А.
Скрыпник Н.А.
Слисенко*
Смалюсевич
Соколов*
Соколов Г.
Соколянский И.А.
Соловьёв
Соловьёв Г.В.
Соловьёв С.
Сопин А.П.*
Сорока
Сорока-Росинский В.Н.
Сосновский Л.
Сталин И.В.
Стегний
Стирис Ф.*
Сторчакова*
Ступицын*
Супрун Г.И.*
Супруненко
Сыромятникова А.*

Талалаевский
Таликов
Таранец*
Тарапата С.Е.
Тарков П.
Татаринов Т.Д.
Тепер И.Я.
Теплов А.
Терентьев
Терентюк Д.Ф.*
Терский В.Н.
Тихонов Н.
Тихонов П.К.
Тихонов Т.К.
Ткачук И.*
Трифонов
Троцкий Л.Д.
Трушевский

Усенко П.
Ушаков М.

Фадеев А.
Федоренко
Фейгельсон-Фигельсон А.
Фере Н.Э.
Фирин С.Г.
Фихин И.В.
Фортунатов Г.А.
Фотин
Хозо
Хорунженко Е.

Хрущ*

Цибульский Г.М.
Циклис С.М.
Цимбала

Чаплян Н.Д.
Чевелий А.*
Чевелий Д.*
Чугуев Т.
Чудинский

Шагинян М.
Шацкий С.Т.
Шейнгауз М.
Шелапутин*
Шелехес
Шелухин М.*
Шершнёв Н.Ф.
Шильдер
Шмидт О.Ю.
Шостакович Д.*
Шульгин В.Н.

Щербаков А.С.
Щербина В.

Юрьев

Ягода Г.Г.
Якир И.Э.
Яковлев В.И.
Янкевский А.И.
Яновский
Ярошенко
Яценко И.И.

Общие положения

Этот учебно-методический материал рассчитан на работу с текстами данной книги. Дополнительные источники указываются в комментариях к авторским материалам А.С. Макаренко, а также в прилагаемом ниже списке литературы. Обращение к макаренковедческим публикациям 1940–сер. 1970 гг. не рекомендуется (за редким исключением). Эта литература устарела, может мешать современному пониманию макаренковского наследия.

Изучение работ самого А.С. Макаренко, осмысление его идей и практики в их единстве и развитии, на основе совокупности известных ранее, малоизвестных и выявленных в последние десятилетия его авторских материалов, в свете многих новых, выдвинутых им проблем (не свойственных традиционной и современной педагогике), – таково общее направление учебно-методической работы над этим изданием.

Поэтому на первый план в учебно-методическом материале выдвигается основанная на современных макаренковедческих отечественных и зарубежных исследованиях тематика учебных и исследовательских работ. Они могут выполняться на разных уровнях: реферат, доклад, статья, курсовая работа, дипломная, магистерская и кандидатская диссертации, монографическое исследование. Указанные темы могут объединяться в некоторые новые, более широкие, и подразделяться на более конкретные и детальные.

Очень важно при этом не ограничиваться принятой в современной педагогике проблематикой, смело выходить за пределы используемых ею понятий, идей и решений. Нужно вводить в научный и практический оборот выдвинутые и обоснованные А.С. Макаренко новые проблемы, положения и термины, выявлять и показывать их огромный потенциал в творческом развитии педагогики, школы, общественных явлений и процессов.

Комментарии, помещенные в книге необычно, сразу после каждого из авторских материалов А.С. Макаренко, – это органическая часть данного учебно-методического материала. Комментарии не только вносят необходимые разъяснения и дополнения, но и указывают на работу А.С. Макаренко в том или ином направлении в дальнейшем, в 1935–1939 гг.

Пользоваться 7-томным изданием макаренковских произведений (1951–1952 и 1957–1958 гг.) и сборниками, составленными на его основе – не рекомендуется.

Разработку предлагаемых тем целесообразно производить по литературе, вышедшей в последние десятилетия, с середины 70-х гг., когда определился качественно новый этап развития макаренковедения (см. данный ниже список литературы).

Ведущее направление практического применения макаренковской концепции педагогики в современных условиях отражено в публикациях, посвященных I–VIII Конкурсам им. А.С. Макаренко школ разного типа, широко использующих в педагогических целях хозяйственно-трудовую, производственную деятельность («школ-хозяйств», 2003–2010 гг., см. список).

Перспективным в этом отношении является также утверждение в современной педагогической теории и практике идеи «уклада жизни школы» как главного фактора воспитания, в его отличии от обучения (см. список).

Тематика учебных и исследовательских работ

По истории воспитания в трудовой коммуне им. Ф.Э. Дзержинского

Развитие контингента воспитанников, педагогов, инженерно-технических работников и обслуживающего персонала (количественные и качественные характеристики), выпуски

Личность А.С. Макаренко как человека, организатора и руководителя воспитательно-образовательного учреждения, общественного деятеля

Направления и формы участия органов власти и общественности в деятельности коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, работа ее совета и правления

История создания и развития коммуны как небюджетной, общественно-государственной организации

Спорные вопросы деятельности коммуны и ее перспектив в конце 1930 г. (в полемике с правлением коммуны)

Изменение системы управления коммуной и самоуправления, ослабление ее педагогической организации в 1934-1935 гг.

Развитие производственно-хозяйственной деятельности коммуны, реформирование ее учебной базы, связь управления трудовой и учебной деятельностью в 1934-1935гг.

Коммуна и окружающая среда: содержание и характер связи (повседневной и в каникулярное время)

Тенденции и факторы развития педагогической системы коммуны, трудности на этом пути

По теории воспитания

А.С. Макаренко как социальный педагог-реформатор, его участие в преобразовании мира и возвышении человека

Взаимодействие поколений в связи педагогического учреждения с жизнью, производством и во внутренней организации жизни и деятельности единого коллектива детей и взрослых

Принципы работы А.С. Макаренко с несовершеннолетними правонарушителями и беспризорными детьми: единство с «нормальными» детьми и специфика

Соотношение теории и практики в педагогической концепции А.С. Макаренко, основные черты его жизненно-ориентированной, социальной педагогики

Специфика воспитания, его связь с процессами обучения, развития личности и социализации

Воспитание как педагогически целесообразная организация воспитательно-образовательного учреждения в целом: «параллельное действие»

«Параллельность» деятельности педагогического учреждения и социально-экономического развития страны, развития ее культуры, образа жизни учреждения

Связь материальных и духовных основ воспитания, объективных и субъективных факторов его развития, проблема дисциплины

Система «перспективных линий» развития общих и индивидуальных черт личности, в сочетании потребностей сегодняшнего и завтрашнего дня

Творчество А.С. Макаренко в столкновении социально-педагогического и педологического направлений, его критика официальной педагогики

Сущность и средства осуществления макаренковского этико-педагогического принципа «уважения–требования»

«Технологический подход» в воспитании: обоснование и способы реализации, проблема индивидуального развития и педагогического творчества

Единство административного управления педагогическим учреждением и самоуправления в общем «воспитательном коллективе», дифференциация в коллективе

Хозяйственно-трудовая деятельность педагогического учреждения – материальная и духовно-нравственная основа воспитания

Сущность, содержание и средства эмоционально-эстетического аспекта жизнедеятельности педагогического учреждения

Общее образование, производственное обучение и культура, искусство как факторы воспитания

Воспитатель–учитель в системе деятельности педагогического учреждения как «трудовой общины», производственного коллектива

По практике воспитания в трудовой коммуне им. Ф.Э. Дзержинского

Шефы коммуны, организационные формы и направления шефства, нравственные принципы

Производственно-хозяйственная и финансово-экономическая деятельность коммуны, элементы самоокупаемости и хозрасчета

Сочетание общественной помощи, трудового самообеспечения и финансирования, кредитование

Структура единого коллектива детей и взрослых, органы управления, отказ от штатных воспитателей, проблема целенаправленного жизненного влияния взрослых

Ослабление роли А.С. Макаренко в управлении коммуной в 1932-1934 гг.

Инструкторский, инженерно-технический персонал и квалифицированные рабочие, их роль в производстве, воспитании и трудовом обучении

Возрастная дифференциация и ее развитие в едином и динамично развивающемся коллективе учреждения

Система оперативного руководства повседневной жизнью и деятельностью коммуны, учет дисциплинарно-бытовых явлений, поощрение и наказание

Педагогическое учреждение как учебно-производственный комплекс, деятельность общеобразовательной школы, рабфака и техникума, производственное обучение, тарификационные разряды

Быт, внутренний распорядок, самообслуживание, санитария

Клубная работа, досуг и отдых, игры, оздоровительная и физкультурно-спортивная работа

Летние походы: цели, финансирование, организация, направления и формы деятельности

Символы, ритуалы, традиции, «военизация-игра», праздники

Детские типы, личностные характеристики воспитанников, пути и средства индивидуализации воспитания и обучения

Принципы и способы реализации совместного воспитания мальчиков и девочек, подростков

Деятельность А.С. Макаренко в Отделе трудовых колоний НКВД УССР в 1934-1935гг.

Основное содержание и условия работы

Конкретные виды деятельности, ее результаты

Основные направления использования наследия А.С. Макаренко в современной педагогической практике

Макаренковская концепция «школы-хозяйства» в практике сельских школ разного типа

Макаренковская концепция «школы-хозяйства» в городских школах разного типа

«Уклад жизни школы» как главный фактор воспитания

Литература

А.С. Макаренко. Педагогические сочинения. В 8 т. – М.: Педагогика, 1983–1986. Заключительная статья, сводный предметно-тематический указатель, именной указатель – в т. 8.

А.С. Макаренко. Сб. в серии «Антология гуманной педагогики»/ Сост. В.М. Коротов. – М., 1998.

А.С. Макаренко. О воспитании. Сб. в серии «Золотой фонд педагогики»/ Сост. Д.И. Латышина. – М., 2003.

А.С. Макаренко. Педагогическая поэма/ Сост. С.С. Невская. – М., 2003.

Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Часть 1/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина. – Н.Новгород, 2001. Часть 2/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова. – Н.Новгород, 2003. (С учетом предшественников А.С. Макаренко и с разделом о нем).

Фролов А.А.

Организация воспитательного процесса в практике А.С. Макаренко (колония им. М. Горького). – Горький, 1976.

Кинодокумент о колонии им. М. Горького// Народное образование, 1968, №2.

Кинодокумент о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского// А.С. Макаренко. Кн.9. – Львов, 1974.

Становление педагогических взглядов А.С. Макаренко в 20-х годах// Советская педагогика, 1976, №9.

Что такое «параллельное педагогическое действие»// Воспитание школьников, 1984, №5.

А.С. Макаренко и педагогика его времени. – Горький, 1988.

А.С. Макаренко: основы педагогической системы. – Горький, 1990.

А.С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт/ Отв. ред. А.А. Фролов. – Н.Новгород, 1992.

А.С. Макаренко за границей и дома// Свободная мысль, 1993, №16.

Международные макаренковедческие исследования. Макаренко на Востоке и Западе – III/ Под. ред. З. Вайтца и А.А. Фролова. – Н.Новгород, 1995.

Воспитательно-трудовая община А.С. Макаренко: основные черты и ценности// Живые педагогические идеи. – Владимир, 1996.

Основные понятия педагогической системы А.С. Макаренко// Понятийный аппарат педагогики и образования. Вып. 3. – Екатеринбург, 1998.

Педагогическая концепция А.С. Макаренко// Открытая школа, 1998, №4.

Освоение наследия А.С. Макаренко: от «школы учебы» к «школе жизни»// Магистр, 1999, №5.

Воспитание в школе: два пути// Образование в современной школе, 2000, №4.

Выбор стратегии воспитания: школа учебы или «школа жизни»?// Альтернативы, 2001, №1.

Педагогика и жизнь: творческий метод А.С. Макаренко// Образование и наука. Известия Уральского отделения РАО. – Екатеринбург, 2001, №4.

Социальное воспитание и наследие А.С. Макаренко// Педагогика, 2002, №6.

Прежде всего – «активное отношение к собственной личности»// Воспитание школьников, 2003, №5.

Пространство и время в воспитании и педагогике// Народное образование, 2003, №5.

Проблема «педагогической нейтральности» трудового процесса в наследии А.С. Макаренко //Воспитание школьников, 2005, №4.

«Параллельность» воспитания, обучения и производительного труда в наследии А.С. Макаренко //Народное образование, 2005, №6.

Педагогическая система хозяйства А.С. Макаренко: «параллельность производительного труда и воспитания» //Народное образование, 2006, №6.

А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939–2005 гг.). – Н.Новгород, 2006.

Единство процессов образования и социализации //Народное образование, 2007, №6.

Догмы и новые ракурсы в изучении наследия А.С. Макаренко // Педагогика, 2009, №5.

«Человек в системе производства» у Ф.Фукуямы и А.Макаренко //Вопросы экономики, М., 2010, №8.

Козлова Г.Н.

Проблема специфики воспитания в отечественном образовании и педагогике XX в.// Философско-исторические основы общего образования в России. Матер. науч. конф. – М., 2002 (в соавт. с А.А. Фроловым).

Наследие А.С. Макаренко в контексте основ отечественной педагогики (учеб.-методич. пособие)/ Предисл. А.А. Фролова. – С.-Петербург, 2004.

А.С. Макаренко и корневые проблемы отечественной педагогики XX в.// Школа жизни – школа воспитания/ Под. ред. И.П. Башкатова. – Матер. конф. – М., Коломна, 2005.

Илалтдинова Е.Ю.

«Официальная педагогика» и общественно-педагогическая инициатива в истории освоения и разработки наследия А.С. Макаренко: 1939 – сер.1970-х гг. – Н.Новгород, 2010.

Взаимосвязь профессионального обучения и производственной деятельности в педагогических учреждениях А.С. Макаренко// Психолого-педагогическое наследие прошлого в современной социально-педагогической деятельности. Матер. II Макаренковских чтений. – Екатеринбург, 2005.

Багреева Е.Г., Данилин Е.М. Возвращение А.С. Макаренко. – М., НИИ ФСИН РФ, 2006.

Белов Ю. Могущество непревзойденное. К 70-летию «Педагогической поэмы» А.С. Макаренко// Сов. Россия, 2004, 25 дек.

Богуславский М.В. Антон Семенович Макаренко// Подвижники и реформаторы российского образования. – М., 2005.

Гмурман В.Е. Научное наследие А.С. Макаренко и задачи педагогического образования// Советская педагогика, 1981, №3.

Голованова Н.Ф. Социализация и воспитание// Народное образование, 2005, №6.

Гордин Л.Ю. Диалектика общечеловеческих и социалистических ценностей// А.С. Макаренко сегодня….. – Н.Новгород, 1992.

Гриценко Л.И. Личностно-социальная концепция А.С. Макаренко в современной педагогике (сравнительный анализ отечественного и зарубежного макаренковедения). – Волгоград, 1997.

Ермолин А. Педагогика развитого тоталитаризма. Триумф и трагедия А.С. Макаренко// Народное образование, 2005, №2.

Зюнкель В. (ФРГ) В Эрлангене изучают А.С. Макаренко// Советская педагогика, 1990, №1.

Иванов И.П. Методика коммунарского воспитания. – М., 1990.

Кораблева Т.Ф. Знания – сильным, труд – бедным, благоденствие – избранным?..// Народное образование, 2006, №6.

Красовицкий М.Ю. Непреходящее в педагогическом наследии А.С. Макаренко: взгляд из США// Педагогика, 2001, №1.

Кумарин В.В. Технология А.С. Макаренко и перестройка школы// Взаимодействие педагогического и ученического коллективов. – М., 1990.

Кушнир А.М. Пора исправить трагическую ошибку КПСС в воспитании// Народное образование, 2005, №6.

Лихачев Б.Т. Воспитание: необходимость и свобода// Педагогика, 1994, №2.

Малинин В.И. К дискуссии о наследии А.С. Макаренко// Педагогика, 1994, №2.

Морозов В.В. Живая практика жизни. Материалы к биографии С.А. Калабалина// Мир образования, 1987, №6.

Мосолов В.А. Приоритеты воспитания: прошлое и настоящее. – С.Петербург, 1996.

Невская С.С. Воспитание гражданина в творчестве А.С. Макаренко. – М., 2006.

Невская С.С. Гражданское воспитание личности в творчестве А.С. Макаренко: Автореф. …докт. пед. н. – М., 2006.

Невская С.С. Взаимодействие гражданского и трудового воспитания в педагогике А.С. Макаренко// Народное образование, 2006, №6.

Никандров Н. Воспитание и социализация в современной России: поиски и возможности // Народное образование, 2006, №9.

Новиков А.М. Школа и новый класс эксплуататоров// Народное образование, 2004, №6.

Носаль А.Л. Проблема воспитания и развития личности в практико-теоретической деятельности А.С. Макаренко (психологическое время личности) : Автореф. …канд. психол. н. – М., 1999.

Равкин З.И. Творцы и новаторы новой школы, рожденной Октябрем. – М., 1990.

Санникова Н.Г. Идеи социального менеджмента в теории и практике А.С. Макаренко// Народное образование, 2006, №6.

Сидельниковский А.П. Проблема отношений в советской педагогике и наследие А.С. Макаренко// Труды кафедры педагогики и психологии Карачаево-Черкесского педагогического института. – Ставрополь, 1971.

Слободчиков В.И. Педагогика А.С. Макаренко – социально-педагогическое открытие XX века// Народное образование, 2006, №6.

Слуцкий В.И. «Наша маленькая община…»// Народное образование, 2003, №7.

Соколов Р.В. Участие населения в воспитании детей и подростков по месту жительства. 2-е изд. – М., 1993.

Сухомлинский В.А. Идти вперед!// Народное образование, 1989, №8.

Турбовской Я.С. Как слово наше отзовется, или Метод «параллельного действия»// Семья и школа, 1975, №3.

Тюгаева Н.А. Идеи А.С. Макаренко живут и развиваются // Человек: преступление и наказание. 2005, №1.

Филонов Г.Н. А.С. Макаренко// Перспективы. Вопросы образования. – ЮНЕСКО, 1984, №1.

Фрезе Л. (ФРГ) Достояние советской и мировой науки// Советская педагогика, 1989, №4.

Хиллиг Г. (ФРГ) Лаборатория и сцена воспитания А.С. Макаренко// Народное образование, 2003, №2, 6.

Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Часть 1/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина. – М., 2007. Часть 2/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова, под общ. ред. А.М. Кушнира (с учетом предшественников А.С. Макаренко и с разделом о нем). – М., 2007.

Литература о современной практике «школ-хозяйств»

Народное образование, 1998, №2: статьи Н. Бутенко, С. Рогачевой, С. Морозова.

Педагогический вестник, 1998, №6 (Как школа миллионы заработала).

Народное образование, 1999, №7–8: авторы М. Алтухова, А. Пустохайлова.

Семья, 1999, №39 (Школьный капиталист).

Народное образование, 2001, №7: автор Б. Куган.

Народное образование, 2002, №4, 5, 7: Положение о ежегодном международном конкурсе им. А.С. Макаренко школ, использующих производительный труд.

Селевко Г.К., Селевко А.Г. Социально-воспитательные технологии. – М., 2002 (глава: Трудовое и профессиональное воспитание и образование, с. 72–73, 78–86).

Классный руководитель, 2002, №1 (о Лесниковской школе Владимирской обл. и школе-интернате с лицейскими классами №1).

Народное образование, 2002, №5 (о Городищенской школе Белгородской обл.); №10 (о Верховской школе №2 Орловской обл., об ученических производственных бригадах Белгородской обл., школе в с. Серебрянка Новосибирской обл., Шелаевской школе Белгородской обл., Кудиновской школе Калужской обл.).

Педагогика, 2002, №5 (авторы Е.В. Бондаревская, П.П. Пивненко).

Народное образование, 2003, №5: материалы I конкурса им. А.С. Макаренко «школ-хозяйств». Доклады В.И. Слободчикова, В.А. Сластенина, А.А. Фролова, Я.С. Турбовского, А.М. Кушнира, В.Ф. Моргуна, Нгуен Ван Тиня, Э. Меттини и др. Материалы Н. Целищевой (о Городищенской школе), Н. Никопольской (спецшкола-интернат в г. Ногинске).

Народное образование, 2003, №6: материалы Н. Целищевой (о Почаевской школе Белгородской обл.), И. Бурова и И. Петраковой (Камышинская колония), С. Николаевой (коррекционное ПТУ №32, г. Хабаровск).

Народное образование, 2003, №10: А. Черногоров о начавшемся в конце 90-х гг. возрождении ученических сельскохозяйственных бригад.

Народное образование, 2004, №6 – материалы II конкурса им. А.С. Макаренко и Ма-

каренковских чтений: редакц. статья, статьи А.М. Кушнира, А.Б. Вифлеемского (о проблемах финансово-хозяйственной деятельности школ), репортаж Н. Целищевой, материалы Н. Никольской (об ученических бригадах Приморского края, Сержантовской школе), Н. Целищевой (Казинская школа Ставропольского края), О. Николаевой (Ивановская агрошкола Белгородской обл.), Т. Абрамцевой (Исаковская школа, Чувашия), С. Морозова (Новосибирская школа, Оренбуржье), Г. Фроловой (Назранское профучилище).

Продолжение в №7: статья Н. Целищевой (о Шалаевской школе Белгородской обл.), С. Морозова (Саринская школа Оренбургской обл.), Н. Ивашкиной (торгово-техническое училище №12, г. Советск), Т. Жуковой (Бутурлинская школа Владимирской обл.).

Народное образование, 2004, №8: Ученическим производственным бригадами Ставрополья 50 лет, статья Н.Н. Сотниковой, А.Е. Шабалдаса.

Народное образование, 2005, №3 – Сообщение о III конкурсе им. А.С. Макаренко и Макаренковских чтениях, их участниках и лауреатах. Корреспонции – в №6: обзор Н. Целищевой, материалы В. Мирослав (о Кош-Елгинской школе, Башкортостан), С. Морозова (Исаковская школа, Чувашия), Н. Целищевой (спецПТУ «Уральское подворье», г. Пермь), О. Николаевой (Масленниковский образовательный центр Самарской обл.), И. Лашугиной (школа с профильным трудовым обучением, г. Абай, Казахстан), О. Николаевой (детдом «Радуга», г. Миас). Там же – материалы заочного «круглого стола» о содержании и организации производственного труда школьников в современных условиях, публикации руководителей субъектов РФ – В. Бочкарева (Пензенской обл.) и В. Торопова (Республика Коми).

Учительская газета, 18 октября 2005 г. – публикация В. Боченкова, об осуществлении идеи «школы-хозяйства» в Читинской области.

Школа и производство, 2005: №3 – о средней школе №22, г. Абакан (продуктивная деятельность школьных мастерских); №4–6 (УПК-лицей в г. Сибае, Башкортостан).

Народное образование, 2006, №2 – Положение о V конкурсе им. А.С. Макаренко и Макаренковских чтениях.

Народное образование, 2006, №4: Вифлеемский А.Б. Правовые основы финансово-хозяйственной деятельности школы. Устав муниципального образовательного учреждения – средняя общеобразовательная школа «школа-хозяйство».

Народное образование, 2006, №№ 4-6: Шахлисмаилов Р. В школы Татарстана возвращается производственный труд; корреспонденция о IV конкурсе им. А.С. Макаренко и Макаренковских чтениях; материалы А. Зверева (о Ижевской школе №59), С. Морозова (Переяславская спецшкола закрытого типа), Т. Абрамовой (Верхоторская школа, Башкортостан), О. Николаевой (Роднодолинская школа, Омской обл.), Н. Ивановой (Бутурлинская школа, Владимирской обл.); И. Зотовой и Н. Целищевой («круглый стол» с руководителями «школ-хозяйств»).

Народное образование, 2007, №5, форзац: V Конкурс им. А.С. Макаренко (информация о прошедшем конкурсе и его победителях).

Народное образование, 2007, №6: о проведенных V конкурсе и Макаренковских чтениях (С. Абрамов), корреспонденции о школах победителях конкурса (С. Бестужева, Н. Куликова и Е. Свирид, редакц. ст. о производств.комбинате в г. Сочи), о школьных производственных объединениях в Ставропольском крае, Костромской области, Респ. Саха-Якутия, и др. (А. Черногоров, О. Ручко, С. Морозов, Н. Целищева, С. Адоменко, ред. ст. «География школ-хозяйств России»), «Перспективы школ-хозяйств при измененном законодательстве» (А. Вифлеемский); макаренковедческие статьи, материалы Макаренковских чтений (Л. Гриценко, В. Максакова, И. Гликман, Г. Козлова, В. Морозов, Т. Кораблева, Н. Коршунова, Э. Меттини, В. Моргун, Р. Соколов). А. Фролов: Единство процессов воспитания и социализации. Мясников В., Найденова Н. Компетенции и педагогические измерения //Народное образование, 2006, №9.

Список литературы, вышедший в последующие годы, см. в данном издании: Часть 2, с.399-403; Часть 3, с.347-357 (с данными о ресурсах Интернет).

Отдельные издания, публикации 2-й пол. 2009 - 1 пол. 2010 гг. (с включением публикаций предшествующих лет, ранее не учтенных, выявленных позднее)

Отдельные издания

А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории, и практики воспитания. Часть 3. Статьи, выступления, письма, «Опыт методики работы детской трудовой колонии», пьесы, «Педагогическая поэма», 1932-1934 гг. / Сост. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. – Н.Новгород, 2009

Илалтдинова Е.Ю. «Официальная педагогика» и общественно-педагогическая инициатива в истории освоения и разработки наследия А.С. Макаренко: 1939-сер.1970-х гг. – Н.Новгород, 2010

Предисловие: Фролов А.А. Проблемы общей педагогики в наследии А.С. Макаренко: начало большой работы. Главы:

1, вводная. Новаторская педагогическая концепция А.С. Макаренко, ее связь с историей советской педагогики 1920-1939 гг. и состав его наследия

2. Общественно-педагогическая инициатива в первоначальном освоении наследия А.С. Макаренко:1939-1953 гг.

3. Противоречивое развитие педагогики и школы, торможение процесса разработки наследия А.С. Макаренко:1953 – сер. 1970-х гг.

Фролов А.А, Илалтдинова Е.Ю. Наследие А.С Макаренко: современная разработка и перспективы (в аспекте методологии). Материал для обсуждения. Вып. 2. – Н.Новгород, 2009

Гасымова Г.А. А.С Макаренко: философско-антропологические основы педагогики /Науч. ред. Б.В. Емельянов. – Нижневартовск, 2008. *Главы: философско-мировоззренческие основы педагогической антропологии А.С. Макаренко; Развитие и практическая реализация идей философско-педагогической антропологии*

Терновский А. А.С Макаренко. URL: http://www/ztl.narod.ru/ternovsky

Игорь Петрович Иванов: наука и жизнь/ Под ред. Г.А. Бордовского, В.А. Козырева. – Санкт Петербург, 2009. *Главы, содержание: Линия жизни (И.Д. Аванесян), И это не все о нем (17 авторов и 3 авт. материала И.П. Иванова), Жизнь после жизни (13 авт., в том числе А.А. Фролов: И.П. Иванов – последователь А.С. Макаренко); список работ И.П Иванова; Словарь*

Левин Я.Н. Педагогическая поэма продолжается. Документальная повесть о внедрении идей А.С. Макаренко в жизнь… - Екатеринбург, *2010 (автобиографический материал о работе директором школы-интерната в г. Кумертау, Башкирской Асср, в кон. 1950-1960-х гг., затем о работе в Таганрогском пединституте, школе № 64 г. Уфы в 1980-х гг. Яркий пример ограниченности в понимании наследия А.С. Макаренко, механического использования некоторых его идей в существующей системе школы и вуза, с претензией на успешное «продолжение» дела классика педагогики).*

Маншатц Э. Общее для взрослых и детей решение задач как средство организации социально-педагогической деятельности. Основы выявления педагогического содержания в концепции Макаренко

Главы: 1. Круг проблем для дискуссии; 2. Педагогическая система взглядов Макаренко; 3. Макареннко в кругу различных толкований; 4. Основание для размышления: социально-педагогическая деятельность в контексте решения жизненных задач; 5. Потенциал реализации концепции решения задач; 6. Справочные задания; 7. Приложение: Возможные выводы из анализа общего в концепциях молодежной помощи в ГДР и ФРГ.

Воспитание и социальная педагогика, совместная взрослых и детей и добровольная социальная активность, ее цели и организация, преодоление трудностей рассматри-

ваются как основа для необходимого содержания поведения, выработки жизненных навыков.

Исходя из этого, в дискуссионном плане предлагается новый подход к наследию А.С. Макаренко, позволяющий устранять неправильную его интерпретацию, в духе грубой политизации, субъективизма и невежества.

Макаренко. Альманах /Ред. А. Кушнир. – М., Народное образование, 2008, №1

Разделы: Осмыслить Макаренко, теория, исследования; Производственное воспитание в современной школе; Школы-хозяйства, победители конкурса им. А.С. Макаренко

I Кушнир А. Пора исправить трагическую ошибку КПСС в воспитании! Открытое письмо Президенту России

Приложение: Новиков А.И., Никитин Б.П., Платонова И.А., Синицын И.С. К Центральному Комитету КПСС. Устранить трагическую ошибку партии в воспитании (1990г.)

Хиллиг Г. (Германия). Лаборатория и сцена воспитания А.С. Макаренко

Кумарин В. Макаренко, каким мы его не знали, или Куда реформировать школу (1993г.)

Хиллиг Г. На разных берегах… (1989 г.)

Хиллиг Г., Окса Н. Между двух огней, А.С. Макаренко в Полтаве (1919-1920 гг.)

Невская С. Взаимодействие гражданского и трудового воспитания в педагогике А.С Макаренко

Меттини Э. (Италия). Педагогические идеи А.С Макаренко и западноевропейская научная мысль

Кораблева Т. «Ценю, очень верю, сомневаюсь, убежден…» Горьковская призма миросозерцания А.С. Макаренко

II Давыдов В. Тридцать три коровы, или Бизнес-план школьного благополучия

Целищева Н. Вариант Николая Жиганова: 8 лет спустя. Сельская аграрная школа воспитывает хозяев земли

Моргун В. (Украина). Школа-хозяйство после А.С. Макаренко: забвение или возрождение?

Леонтьев А. Дети и бизнес

Целищева Н. Лучший вклад – ремесло. Начальное профессиональное образование и экономика района

III Шобонов Н. Сельские школьники знают толк в тракторах. Малаховская школа Нижегородской области

Николаева О. Ивановская аграрная. Белгородская область

Зверев А. Школа начинается в деле. г. Ижевск, школа № 97

Морозов С. «Мы настоящий народ». Переяславская спецшкола, Краснодарский край

Абрамова Т. Учение и труд рядом идут. Ишимбайская школа, Башкортостан

Бестужева С. Главное – преемственность. Мирненская школа, Челябинская область

Макаренко. Альманах / Ред. А. Кушнир. Сост. А.А Фролов. - М., Народное образование, 2008, №2

Разделы: Методология и теория педагогики; Практика педагогики; Рецензии; Информация, материалы

I Методология и теория педагогики

Кушнир А.М., Григорьев Д.В. Новая главная точка

Фролов А.А. Педагогика А.С. Макаренко – наука о взаимодействии поколений

Зыков М.Б. Базисный жизненный цикл общества и воспитание, образование: педагогика А.С. Макаренко

Мосолов В. Педагогика жизни как проблема

Николина В.В. «Мир взрослых» и «мир детей»: проблема педагогических взаимоотношений

Гриценко Л.И. Жизненно-ориентированное воспитание в педагогике А.С. Макаренко

Николаева В.С. Педагогика А.С. Макаренко в решении проблем современного детства

Сериков В.В Педагогическая логика А.С. Макаренко: методология обоснования воспитательных средств

Голованова М.Ф. Проблема социализации молодежи в педагогике А.С. Макаренко

Богачинская Ю.С. Педагогика А.С. Макаренко: категория времени и закономерности воспитания

Илалтдинова Е.Ю. Связь официальной педагогики и общественно-педагогической инициативы в творчестве А.С. Макаренко

Коршунова Н.Н. Хозяйственно-трудовая воспитание – базовый компонент гуманистической педагогики А.С. Макаренко

Богуславский М.В. Социально-личностная педагогика А.С. Макаренко: сущность и пределы

Козлова Г.Н. Истоки отечественной педагогики как науки о воспитании и наследие А.С. Макаренко

Степашко Л.А. Современность наследия А.С. Макаренко - в ее универсальности

Фрадкин Ф.А. Специфика предмета педагогики в советской теории 1920-1930-х гг. и особенности педагогической концепции А.С. Макаренко

Аксенов С.И. Развитие взглядов А.С. Макаренко на воспитание в 1926-1928 гг.

Зарубежные авторы:

Вайтц З. (Германия). Вклад А.С. Макаренко в контекстуальную педагогику

Гашковиц И. (Чехия). Воспитание как естественный жизненный процесс

Наумов Б.Н. (Украина). Идея А.С. Макаренко «синтетической педагогики» и методология целостного подхода в образовании

Окса Н.Н. (Украина). Диалектика педагогики и целеполагание в наследии А.С. Макаренко

Карпенчук С.Г. (Украина). Макаренковская логика целесообразности – путь к познанию педагогических закономерностей

Ткаченко А.В. (Украина). Состав Трудового детского корпуса Харьковского округа. Деятельность А.С. Макаренко в конце 1927–начале 1928 гг.

Быблюк М.(Польша). А. Макаренко и Л. Колберг (США): на пути создания теоретической модели морального развития человека

Гофман Ф. А.С. Макаренко в современной Германии

II Практика педагогики

Морозов С. «Труд всегда был и остается основанием человеческой культуры». Отчет о V Конкурсе школ-хозяйств, 2007 г., г. Сочи. Призеры конкурса: Мирненская школа Челябинской обл., Мечино-Алданская агротехнологическая школа республики Саха (Якутия), Межшкольный учебно-производственный комбинат Центрального района г. Сочи, Центр образования «Каразей» Иркутской обл., Коррекционная школа-интернат Красноярского края,

Ручко О. Трудовые объединения в образовательном пространстве Костромской области

Бестужева С. Главное – преемственность! (о Мирненской школе Челябинской обл.)

Морозов С. Жить, а не выживать! (об Алданской агротехнической школе Республика Саха(Якутия))

Межшкольный производственный комбинат - база трудового воспитания (г. Сочи)

Куликова И., Свирид Е. Трудовое воспитание в сельском центре образования (о Центре образования «Каразей» Иркутской обл.)

Целищева Н. Безграничные возможности детей с проблемами в развитии (Новолеушковская школа-интернат Краснодарского края)

Шишмакова Е. Школа-хозяйство воспитывает достойных граждан России. География школ-хозяйств – 87 регионов, 19 победителей конкурса (2003-2007 гг.)

Метоуль А. (Германия). Антон Семенович Макаренко – забытый родоначальник производственной школы

Тарасевич М., Иванченко С. (Украина). Рон Кларк – американский учитель, последователь А.С. Макаренко

III Рецензии

Ткаченко А.В. (Украина). Историографическое макаренковедение. Рецензия на кн.: Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире. Историография освоения и разработки его наследия (1939-2005 гг., критический анализ) – Н.Новгород, 2006

Гюнтер-Шелльхаймер Э. (Германия). Книга, достойная великого педагога-новатора. Рецензия на эту же книгу.

IV Информация, материалы

Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю. Наследие А.С. Макаренко: современная разработка и перспективы (в аспекте методологии). Для обсуждения – Перепечатка брошюры под этим названием. Выпуск 1.- Н.Новгород, 2009

Проект Заключения и рекомендации. - По итогам работы симпозиума «Современный А.С. Макаренко: методология, теория и практика педагогики» (г. Москва, Федеральный институт развития образования, 29-30 января, 2008 г.)

Фролов А.А. Педагогика А.С. Макаренко (наука о взаимодействии поколений). Программа учебного курса по выбору. – Перепечатка брошюры. - Н.Новгород, 2007

Макаренко. Альманах/ Ред. А. Кушнир Сост. В.В. Морозов. – М., Народное образование, 2009, №1

Перепечатка статей прошлых лет: Левшин Л. (1964), Чубаров А. (1980), Радов А.(1985); Синицын И., Гмурман (1987); Католиков А., Кубраков Г., Хилтунен М. (1988); Малинин В.(1989); Мер Ф.(1998), Бескина В., Хиллиг Г., Филин И., Бейлинсон В., Калабалина Г.(без даты)

Виноградова М. (1999). Воспоминания. О 1945-1970-е гг. Характеризуются: Г.Е. Жураковский, П.Н. Шимбирев, К.И. Львов, И.Ф. Козлов, Г.С. Макаренко, В.Е. Гмурман, Э.С. Кузнецова, А.П. Волковский, А.Г. Тер-Гевондян, М.И. Кондаков, Н.А. Петров, М.Е. Луппол, Е.Г. Альтшуллер, Л.М. Салько, О.В. Макаренко, Ф.Н. Мер, С.М. Ривес, Л.И. Новикова, а также 7 сотрудников А.С. Макаренко и 10 его воспитанников (по личным встречам).

Редакц. статья – Педагогическое наследие А.С. Макаренко: достояние здравого смысла. Статья «Организаторов VII конкурса им. А.С. Макаренко» (апр. 2009 г.): Институт строителей страны. Опыт школ: Тюндюковская Пермского края, Красносельская Челябинской обл., профучилище №1 г. Назрань (Ингушетия), Кинзельская школа Оренбургской обл.

Морозов В.В. Рождение трудовой школы: взгляд в историю

Гриценко Л. «Русская трудовая школа должна заново перестроится»

Фролов А.А. Разработка наследия А.С. Макаренко как фактор развития современной педагогики (постановка проблемы)

Илалтдинова Е.Ю. Ведущие факторы становления отечественного макаренковедения в первоначальный период освоения наследия А.С. Макаренко

Аксенов С.И. Трудовая колония им. М. Горького как источник развития социально-педагогической деятельности А.С. Макаренко

Козлова Г.Н. Макаренковедение и становление спортивной педагогики

Белканий Д. (учащийся). «Педагогическая поэма» и ее влияние на формирование личности

Соколов Р.В., Соколова Н.В. Человечище Макаренко: отличник в учении и подвижник в жизни.

Целищева Н. Кто он, Антон Макаренко?

Санникова Н. Мотивация воспитанников к производственной деятельности в теории и практике А.С. Макаренко

Степашко Л. Современность наследия А.С. Макаренко – в его универсальности.

Алейникова А. Антон Семенович, каким мы его не знаем (запись встречи с О.В. Макаренко)

Безуглов И. Легенда

Виханский А. Коллектив воспитанников А.С. Маканерно – прообраз открытого гражданского общества

Калабалин А.С. Об ответственности воспитателя перед ребенком

Рецензия, 2002 г., авт. А.Ю. Соловьев, на книгу: Азаров Ю.П., Азарова Л.Н. Трансцендентальные основы педагогики…- (год и место изд. не указаны). Выводы: научный уровень издания крайне низок; Оккультно-религиозная терминология; «Богословие» Азаровых носит антихристианский характер; Популизм; Выдумка новых слов – «полная дребедень»; Установка на воспитание «новой элиты»; Эклектика; «Технология озарений». («Трансцендентальный», т.е. выходящий за пределы опыта, изначально присущий рассудку, а не приобретенный из опыта)

Педагогическое наследие А.С. Макаренко и современность. Всеросс. ист.-пед. чтения…/Отв. Ред. И.Ф. Исаев, Н.Д. Шеховская.- Белгород, 2008

Разделы: Материалы пленарного заседания. Раздел 1–Теоретические основы педагогической концепции А.С. Макаренко. 2–Идеи А.С. Макаренко и проблемы современного воспитания. 3-Проблемы профессионального самоопределения, трудового воспитания учащейся молодежи. 4-Реализация идей А.С. Макаренко в образовательном процессе высшей школы. 5–Педагогика семейного воспитания в наследии А.С. Макаренко. Выборка:

Из пленарного заседания –

Исаев И.Ф. Различные представления о детском коллективе в отечественной педагогике (втор. пол. XIX в. – нач. XX вв.)

Полякова О.М. Педагогическое наследие А.С. Макаренко: демифологизированный дискурс

Стародубова Е.А. А.С. Макаренко и традиции отечественной личностно-ориентированной педагогики

Ермолаева С.А. Вклад А.С. Макаренко в формирование методологических основ профилактики девиантного поведения несовершеннолетних

Еремкин А.И. Духовный мир педагогики А.С. Макаренко

Ирхина И.В. Развитие идей социальной антропологии в наследии А.С. Макаренко

Тонков Е.В. Теория перспективных линий А.С. Макаренко – основа гуманистической воспитательной системы

Кормакова В.Н. Проблема трудового воспитания в наследии А.С. Макаренко

Раздел 1- Ирхина И.В., Никулина Т.В. Ценности воспитательной системы А.С. Макаренко

Белозерских Г.М. Диалог с А.С. Макаренко о «вечных вопросах воспитания»

Мусина В.Е. Идеи А.С. Макаренко об изучении и анализе результатов образовательного процесса

Шилова В.С. Идея дифференциации в педагогическом творчестве А.С. Макаренко

Адолмасова Н.Н. Педагогические идеи А.С. Макаренко: актуальность и востребованность

Никищенко Л.М. Педагогические проблемы в литературном творчестве А.С. Макаренко

Мальцева Л.В. Мастер воспитания и художественного слова

Раздел 2- Холод В.Л. Воспитание по Макаренко

Гера Р.Д. Проблема социализации молодежи – поиск путей решения в наследии А.С. Макаренко

Ламанова И.В., Стародуб Е.В. Формирование нравственно активной личности – главная задача обучения и воспитания

Макотрова Г.В. Реализация идей А.С. Макаренко в проектной деятельности старшеклассников

Алисов Е.А. Взгляды А.С. Макаренко в контексте современного экологического образования

Раздел 3.-Костин Г.А. Проблема трудового воспитания в современной школе (областная олимпиада школьников по технологии)

Кормакова В.Н. Из опыта применения идей А.С. Макаренко в профессиональном самоопределении школьников (опыт межшкольных учебно-трудовых комбинатов)

Максименко В.Ю. Профессиональная подготовка школьников в условиях межшкольного учебного комбината

Булатников И.Е. Отношения ответственной зависимости в современной теории и практике воспитания

Фисунова Н.В. Реализация идей А.С. Макаренко в профессиональном самоопределении учащихся современной Германии

Кучерова И.Л. О некоторых идеях А.С. Макаренко в западной педагогике

Карташова Е.В. Проблема воспитательного сообщества в зарубежной педагогике

Раздел 5. – Гончаренко Е.В. Наследие А.С. Макаренко в контексте гендерной теории: к постановке проблемы

Грецова Ю.Н. Психолого-педагогические аспекты профилактики гемблинга среди школьников в контексте идей А.С. Макаренко

Психолого-педагогическое наследие прошлого в современной социально-педагогической действительности. Матер. VI международных макаренковских студенческо-преподавательских чтений, г. Екатеринбург, 9 апр. 2009г. / Сост. Н.Г. Санникова.- Екатеринбург, 2009

Разделы: Проблема преемственности в социальной педагогике, История развития социально-педагогической мысли и современность, Роль А.С. Макаренко в развитии социальной педагогики, Идеи социального менежмента в социальной педагогике и в деятельности современного социального педагога. Выборка:

I Козлова Г.Н., Кожевников А.В. Предпосылки разработки проблемы преемственности поколений в общей педагогике

Козлова Г.Н., Демидов А.В. Феномен межпоколенного взаимодействия в наследии А.С. Макаренко

Аксенов С.И. Воспитание как взаимодействие поколений: участие администрации и педагогической общественности в деятельности трудовой колонии им.М. Горького

Бражкина Д.В., Зонтова П.А. Преемственность идей А.С. Макаренко в вопросах воспитания в труде и в коллективе

II Потеполов Д.В. Социальное воспитание детей в Советской России

Вершинина И.А. Молодежная субкультура как фактор социализации

Уфимцева Н.Ф. Социально-педагогическая реабилитация осужденных

III Фролов А.А. Догматизм в освоении педагогического наследия А.С. Макаренко

Меттини Э. (Италия) Педагогические идеи А.С. Макаренко и западно-европейская научная мысль

Санникова Н.Г., Ахматшина А.И. Значение А.С. Макаренко для развития социальной педагогики

Игнатенко А.А. Связь теории и практики А.С. Макаренко с базовыми гуманитарными науками

Санников А.И. Проблема взаимодействия и преемственности поколений в наследии А.С. Макаренко

Коршунова Н.Н. Технология профессионального обучения в педагогике А.С. Макаренко

Ткаченко М.С. Эстетика в жизнедеятельности педагогических учреждений А.С. Макаренко

Попов Л.Н., Столяров А.М., Шумакова А.О. Эмоциональная культура педагога: ответ А.С. Макаренко и современная педагогическая действительность

Касаткина И.С. Теория семейного воспитания: от А.С. Макаренко до наших дней

Рыбачук И.Г., Карпенчук С.Г. Идеи А.С. Макаренко в контексте профподготовки специалиста колледжа культуры и искусства

Ткаченко А.В. (Украина). Соцвос и церковь: к истории взаимоотношений колонии им.М. Горького и Куряжской религиозной общины

Лазарев А.В. Чему сегодня нам надо учиться у А.С. Макаренко?

IV Верещагина Е.П. Проблема лидерства в творчестве А.С. Макаренко

Бакаева Е.В. Условия и пути оптимизации детско-родительских отношений

Шилова С.Н. Социальная адаптация граждан пожилого возраста в стационарном учреждении социального обслуживания

Педагогическое образование и наука / Глав.ред. В.А. Сластенин.-М., 2008, №3. Подборка статей «К 120-летию со дня рождения А.С. Макаренко»:

Сластенин В.А. А.С. Макаренко как теоретик воспитания

Максакова В.И. Воспитание гражданина: уроки А.С. Макаренко

Кораблева Т. Воспитание в условиях справедливого общества

Гребенкина Л.К., Копылова Н.А. Использование идей А.С. Макаренко в современной школе

Морозов В.В. Человеку – человеческое воспитание

Григорьев Д.В. Преодоление общества потребления: в чем нам может помочь А.С. Макаренко?

Соколов Р.В. К юбилею трех «подвижников соцвоса» ушедшего века

Меттини Э. Изучение творчества А.С. Макаренко в Италии

Российский учитель: вчера, сегодня, завтра. Матер. междунар. науч. - практ. конф. … Макаренковские педагогические чтения. Вып.8/Сост. Д.В.Полежаев, под общ. ред. Л.И. Гриценко.-Волгоград, 2010. Выборка:

Гриценко Л.И. А.С. Макаренко – «самая яркая звезда на педагогическом небосклоне XX века»

Ткаченко А.В. (Украина). Профессиональное развитие личности как аспект педагогического творчества А.С. Макаренко

Меттини Э (Италия), Кораблева Т.Ф. Представление нового издания «Педагогической поэмы» в Италии

(На «Макаренковских педагогических чтениях» представлено лишь 3 материала по А.С. Макаренко – из включенных в сборник 78 материалов)

Народное образование, 2010, № 7

Кушнир А. «Наша новая школа» не совсем наша и вовсе не новая

Вифлеемский А.Б. Монетаризация школы

Вифлеемский А.Б. Автономное, бюджетное, казенное: какой тип учреждения выбрать школе

Клязмин А.Н. Одна на всех? Размышления о юбилее нашей Победы, о поколении победителей и его потомках

Остапенко А.А. Исследование воспитательных систем. Из опыта эпистолярных рекомендаций. (За 4 месяца 2010 г. на сайте ВАКа опубликован 61 автореферат докторских диссертаций по педагогическим наукам. Из них лишь 1 посвящена воспитанию. Отсутствие исследований по проблемам воспитания свидетельствует скорее не об исчезновении проблемы, а об исчезновении самого воспитания)

Круглый стол «Миссия учителя в педагогике А.С. Макаренко с позиций современности», 13 марта 2010 г. Ведущий А.С. Калабалин. Программа:

Морозов В.В. Антропологические основы педагогики А.С. Макаренко

Слободчиков В.И. Антропологическая перспектива отечественного образования

Кораблева Т.Ф. Соло для педагога с оркестром

Романов А.Б. Творчество как личностный потенциал педагога

Соколов Р.В. Ответственность учителя за воспитанность ученика

Калабалин А.С. Величайшее уважение к ребенку – одна из составляющих успеха учителя

Международная научно-практическая конференция «Воспитательная система как социально-культурный феномен». Сб. статей. – М., Институт теории и истории педагогики РАО, 2010 (выборка):

Караковский В.А. Воспитание в школе будущего

Боровская Е.В. Образ жизни школьника как условие становления личности в воспитательной системе школы (в логике средового подхода)

Григорьев Д.В. Стратегия и тактика неадаптивной социализации школы

Мануйлов Ю.С. Лаборатория воспитательных проблем школьного коллектива (начало 1980-х гг.)

Сулима И.И. Средовой подход как методология научно-педагогического исследования

Отдельные издания в Украине, укр. яз.

Истоки педагогического мастерства. Сборник научных трудов / Глав. ред. В.А. Пащенко. Вып. 6. – Полтава, 2009, укр.яз. Выборка:

Гриценко Л.И. Методологические основы педагогической работы с детьми «группы риска» (на примере опыта А.С. Макаренко)

Добрыдень А.В. Проблема самостоятельного поиска информации в педагогическом наследии В. Сухомлинского и А. Макаренко

Терещенко О.В. Сборник текстов для диктантов и изложений (по произведениям А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинского)

Тарасевич Н.Н. Триумф педагогической поэмы (А.С. Макаренко и американский учитель Р. Кларк, воспитание педагогически запущенных детей)

Макарчук В.В. А.С. Макаренко и феномен социального сиротства

Микитюк И.А. Актуальность идей А.С. Макаренко о педагогической культуре учителя в современной культурно-образовательной ситуации

Ермаков В.Н. Педагогическая техника как наиважнейшая составляющая педагогического мастерства в наследии А.С. Макаренко

Грицкая Т.С. Влияние педагогической компетентности педагога на формирование ключевых компетентностей учащихся (в контексте идей А.С. Макаренко)

Ткаченко А.В. Некоторые аспекты формирования управленческого профессионализма А.С. Макаренко в «Горьковский» период его педагогического творчества (анализ уставных материалов по объединению детских интернатных учреждений Харьковского округа и «Положения о детской милиции»)

Гончарова Н.В. Деятельность современных молодежных объединений с позиций управленческо-воспитательной практики А.С. Макаренко

Гринева М.В. Библиографический указатель: «Наследие А.С. Макаренко и педагогические приоритеты современности: 1991-2008 гг. (рецензия на это издание)

Ткаченко А.В. Пособие по макаренковской педагогике (отзыв на изд.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания \ Сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. Часть 1 (труды 1921-1928 гг.) и Часть 2 (труды 1928-1932 гг.). – Н. Новгород, 2007 и 2008

Менеджмент образовательных учреждений и управление проектами. Сб. науч. трудов /Общ. ред. М.В. Гриневой. – Полтава, 2010 (укр. и рус. яз.). С разделом: Управленческая среда и методика организации воспитательного процесса в опыте А.С. Макаренко:

Кораблева Т.Ф., Меттини Э. предисловие к новому итальянскому изданию «Педагогической поэмы»

Гриценко Л.И. Принцип единства противоположностей как основа управления в коллективе А.С. Макаренко

Сичилиани де Кумис Н. Особенности нового итальянского издания «Педагогической поэмы»

Фролов А.А., Аксенов С.И. Антон Макаренко – Джон Дьюи Советского Союза?

Санникова Н.Г. Мотивация воспитанников к производственной деятельности в теории и практике А.С. Макаренко

Тарасевич Н.М. Опыт А.С. Макаренко в управлении педагогическим персоналом колонии им. М. Горького

Билык Н.И. Педагогическая система А.С. Макаренко и социально-значимые проекты школ-хозяйств

Санникова Н.Г., Вершиникна Н.А. Управленческая культура в теории и практике А.С. Макаренко

Кутова О.М. Содержание и элементы эстетического воспитания у А.С. Макаренко

Ермаков В.М. Ролевой принцип в педагогической системе А.С. Макаренко

Отдельные статьи, Россия

Аксенов С.И. Государственная и общественная поддержка социально-педагогических идей А.С. Макаренко и основные аспекты их критики (1930-1935 гг.) // Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: постижение педагогической культуры человечества. Матер. VI национальной науч. конф. / ред.-сост. Г.Б. Корнетов. – М., 2010

Аксенов С.И. Принцип «параллельности» педагогического и производственного процессов в истории трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (1928-1935 гг.) // Российский научный журнал. – Рязань, 2010, № 5

Апанасенко О.Н. Воспитание ответственности у учащихся в коллективе (из опыта работы А.С. Макаренко) // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 1

Арчакова Т.М. Использование теории коллектива А.С. Макаренко в работе с подростками // Инновационные проекты и программы в образовании, 2009, № 2

Бабурова И. Психологический климат класса. Опыт А.С. Макаренко и современная педагогика // Народное образование, 2005, № 2

Бедник А.И. Малая сельскохозяйственная академия – модель профессиональной подготовки и профессиональной ориентации школьников // Школа и производство, 2010, № 2 (работа областного эко-биологического центра, г. Благовещенск)

Безрукова В.С. Дихотомический подход к развитию педагогического знания // Педагогика, 2010, № 8

Бейлинсон В. Социальная педагогика А.С. Макаренко // Народное образование, 2005, № 6

Беляев А. Наследие А.С. Макаренко: Вначале было дело // Народное образование, 2004, № 6

Болбас В.С. Традиции и обычаи белорусского народа как фактор воспитания // Педагогика, 2010, № 7 *« ... В приучении присутствуют как сознательно-осмысленный, так и категориально-императивный подходы… Нравственность начинает формироваться на уровне подсознания, в сфере эмоций, привычек, воли и характера…»*

Боровских А.В., Розов Н.Х. Деятельностные принципы и педагогическая логика // Педагогика, 2010, № 8

Галагузова М.А. Хочу вступить в дискуссию // Народное образование, 2010, № 5 (о диссертациях по проблемам образования)

Гликман И.З. Воспитание в школе жизни // Педагогика. 2010, № 4 (*за отход от современной «школы учебы»*)

Гликман И.З. А.С. Макаренко – классик мировой педагогики \\ Право и образование, 2008. № 12

Голованова Н.Ф. Семантические изменения понятия «воспитание» в отечественной педагогике // Педагогика, 2010, № 8

Горностаев П.В. Идеологический аспект в оценке наследия А.С. Макаренко // Народное образование, 1993, № 3

Горшкова В.В. Реконструкция философии Дж. Дьюи в контексте современного педагогического мышления // Педагогика, 2010, № 7. *Дж. Дьюи: «К чему нужны ограниченные и абстрактные положения, если они не могут служить оперативным инструментарием в нашем непосредственном взаимодействии с реальностью?» (с.118) «… Школа является обществом в миниатюре, но она же может стать и прообразом его будущего, источником новых идей и стандартов поведения» (с.123)*

Гриценко Л.И. Концепция воспитания А.С. Макаренко в свете современных научных знаний // Педагогика, 2006, № 2

Гриценко Л.И. «Русская трудовая школа должна заново перестраиваться» // Народное образование, 2007, № 6

Гриценко Л.И. Деятельностная основа педагогики А.С. Макаренко // Педагогика, 2010, № 8

Гурьянова М.П. Школа и подготовка трудовых ресурсов для села: взгляд директоров школ // Школа и производство, 2010, № 5. *Данные Института социальной педагогики РАО, по опросу 170 директоров средних школ из 17 регионов страны. В 46 % сельских школ действуют ученические с/х бригады; в 51 % это структурные подразделения школы; в 15 % - работа при школе на условиях хозрасчета; 1,5 % - структурные подразделения сельхозпредприятий; в 2009 г. трудовая занятость школьников увеличилась; профподготовку с выдачей документа по специальности проходят 15 % школьников*

Данилова Л. Германский опыт реформирования школы: можно ли его использовать в России? // Народное образование, 2009, № 6

Дидук И.А. Климов К.В. Сапоги и лохмотья: символика одежды в «Педагогической поэме» А.С. Макаренко // Филология и человек, 2008, № 1

Егоров С.Ф. Исследование истории отечественной педагогики: вчера и сегодня // Педагогика, 2009, № 5

Ежеленко В.Б. Мотив Герострата: к полемике о педагогическом наследии А.С. Макаренко // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana), 2009, № 4

Ермолаева Э.Г. Приметы мирового кризиса: ставка на профобучение (испанский подход) // Педагогика, 2009, № 10

Зайцева И.А. Коллектив как культурно-воспитательная среда личности (на материале педагогического опыта А.С. Макаренко) // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. // 2008, № 12

Засопецкий А.С. Влияние СМИ на молодежь как проблема отечественной педагогики // Педагогика, 2010, № 2

Зарубанян Н.М. Уроки Макаренко актуальны и сегодня // Профессиональное образование. Столица, 2009, № 2

Змиев С.И. Образование взрослых и андрогогика в России: достижения, проблемы и перспективы развития // Педагогика, 2009, № 7

Игнатьева Т.Б., Сковородкина И.З. Основные направления развития педагогической науки XX в. // Педагогика. 2009, № 3 (*О XXVI сессии Научного Совета РАО по проблемам истории образования и педагогической науки; с. 124-125 – о деятельности лаборатории НГПУ «Социальная педагогика А.С. Макаренко»*)

Институт строителей страны. VII Конкурс им. А.С. Макаренко школ-хозяйств и Макаренковских чтений, апр. 2009 г., Челябинск // Народное образование, 2009, № 6

Итоги VIII Конкурса им. А.С. Макаренко школ-хозяйств и Макаренковских чтений // Народное образование, 2010, № 5

Каганович А.А. Опыт реализации идей формирования личности в авторских воспитательных системах П.П. Блонского, М.А. Погребинского, В.Н. Сороки-Росинского и педагогической теории и практике А.С. Макаренко // Казанский педагогический журнал, 2007, № 4

Как нам преобразовать образование? (Круглый стол) // Педагогика, 2010, № 6 (*без какого-либо внимания к воспитанию в его специфике*)

Кириченко А.В. Педагогическое наследие А.С.Макаренко в условиях реализации задач современного национального воспитания учащейся молодежи // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта, 2008, № 5

Козлова Г.Н. Социально-воспитательные традиции русской гимназии XIX - нач. XX вв. // Педагогика, 2009, № 10

Кораблёва Т.Ф. Опыт реконструкции этико-воспитательных задач в коллективах А.С. Макаренко. Колония имени И. Горького,1920-1928 гг. // Народное образование, 2007, № 6

Кривонос И.Ф. Наследники Макаренко // Педагогика, 2001, № 1

Кувшинова Т.И. Кувшинов Ю.А. Проблемы компетентностного подхода и педагогическая система А.С. Макаренко // Компетентностно-деятельностный подход в системе современного образования. Матер. междун. науч.-практ. конф. / Под ред. А.В. Петрова, А.И. Гурьева. – Горно-Алтайск, 2010

Кудрявая Н.В. «Наука жизни» Л.Н. Толстого // Педагогика, 2010, № 2

Кушнир А.М. А.А. Фурсенко и педагогические рецепты А.С. Макаренко // Народное образование, 2010, № 5

Левин Я.Н. Семнадцать уроков школьного воспитания // Воспитание школьников. 2010, №№ 3, 6-8. *(Перепечатка глав из кн. под указанным название, Екатеринбург, 1999. Механическое использование некоторых идей и решений А.С. Макаренко в практике современной школы)*

Лещинский В.И. Самосуд: позиция Достоевского и Макаренко // Педагогика, 2001, № 6

Лузгин С.А. Социально-педагогическая сущность наказания в теории и практике А.С. Макаренко // Человек: преступление и наказание, 2008, № 2

Луткин С.С. Сельский учитель как представитель «школы жизни» // Миссия учителя в прошлом, настоящем и будущем. Матер. науч.-практ. конф. – Н.Тагил, 2010

Матвеенко В.Е. Идеи А.С. Макаренко в системе психолого-педагогических проблем воспитания // Человек: преступление и наказание, 2008, № 2

Матвейко Н.И. Отношение девятиклассников к трудовой деятельности и выбору профессии: психологический аспект // Школа и производство, 2010, № 4

Махиборода Н.И. Проблема использования опыта А.С. Макаренко в процессе педагогического общения в воспитательных колониях // Человек: преступление и наказание, 2006, № 4

Махиборода Н.И. Развитие идей А.С. Макаренко в трудах Ивана Павловича Башкатова // Человек: преступление и наказание, 2008, № 2

Меерович М., Шрагина Л. Макаренко и Выготский // Развитие творческих способностей детей … Матер. конф…. – Челябинск, 2002

Миронов С.М. Уроки Макаренко // Знание. Понимание. Умение, 2006, № 4

На равных. Встреча молодежи с патриархом Кириллом в столичном «Измайлове» // Российская газета, Неделя, 29 мая, 2009

Новиков А.М. О предмете педагогики // Педагогика, 2010, № 6. – *В статье предмет педагогики не определен в ее границах, в связи с другими науками. Воспитание характеризуется по существу как воспитывающее обучение, лишь в связи с обучением и развитием личности; понятие «социализация» отсутствует. Все объясняется в духе «школы учебы» и дидактической педагогики, на уровне анализа отдельных ситуаций, как в «пáрной педагогике». Отсутствует проблема производства, производительного труда*

Овчинников В. Трудовая слава в условиях рынка // Российская газета, Неделя, 16 сент. 2010 г. – о предприятиях концерна «Тойота»*:*

Япония – «самая социалистическая из капиталистических государств». Примерно 1/5 часть прибыли концерна дает участие 260 тысяч ее сотрудников в снижении себестоимости продукции. Раскрывается «творческий потенциал коллектива», действует «человеческий фактор». При «систем полного производственного обслуживания» производительность труда почти удваивается. Рабочие становятся хозяевами своего рабочего места, участка и т.д.

«Национальное сокровище» - профессионализм; лучшие по профессиям определяются в стране на ежегодных всеяпонских конкурсах, с вручением золотых медалей, с широким освещением этого в СМИ. Перед именами выдающихся мастеров производства «меркнет слава звезд шоу-бизнеса, заслуженных деятелей искусства»

VI Всероссийский слет ученических сельскохозяйственных бригад // Школа и производство, 2010, № 3 (объявление об его проведении 1-5 июля 2010 г. в респ. Башкортостан, на базе Стерлитамакского сельскохозяйственного техникума)

Рабочая Я.В. Городской смотр-конкурс учебных мастерских общеобразовательных учреждений // Школа и производство. 2010, № 4

Савина Н.Н. Социально-психологический портрет современных подростков // Воспитание школьников, 2010, № 8

Сасова И.А. Технологическое образование или трудовое обучение? // Педагогика, 2010, № 4 (*автор – за первое, без производительного труда*)

Симатова Т.В. Историческая преемственность как фактор генезиса концепции хозяйственно-трудового воспитания А.С. Макаренко // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2008, № 6

Соколов Р.В., Соколова Н.В. Корни православной педагогической культуры А.С. Макаренко. Судьба подвижника его педагогического опыта, Л. Степанченко // Православная гимназия / Ред. совет: предс. иеромонах Петр (Василенко) и др. – Свято-Алексеевская Пустынь, 2009

Тихонова Т.И. От производительного труда – до профессионального самоопределения // Школа и производство, 2010, № 1 (*опыт бригадной организации труда в школьной мастерской)*

Тубельский А.Н. Уклад школьной жизни - скрытое содержание образования // Вопросы образования, 2007, № 4

Турбовской Я.С. Духовность как объект методологического рассмотрения // Педагогика, 2009, № 9

Тюгаева Н.А. Основные вехи жизненного пути А.С. Макаренко // Человек: преступление и наказание, 2008, № 2

Фараджев К.В. «Инструментовка личности» в подходе А. Макаренко // Культурология, 2006, № 4

Фельдштейн Д.И. Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых измений ребенка и ситуаций его развития // Педагогика, 2010, № 7

Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю. Догмы и новые ракурсы изучения наследия А.С.Макаренко // Педагогика, 2009, № 5

Фролов А.А. Социальная педагогика А.С. Макаренко: базовые понятия, их структура // История образования и педагогической мысли. Учеб.пос. / Под ред. Н.С. Зыковой, Ф.В. Повшедной. – Н.Новгород, 2009

Фролов А.А. Человек в системе производства: «социальный капитал» Ф. Фукуямы и «хозяйствование» А.С. Макаренко // Человек, общество, образование. Матер. Всеросс. науч.-практ. конф. Часть II. – Уфа, 2010

То же, в сб.: Ежегодник историко-педагогического знания // Ред.-сост. Г.Б. Корнетов. – М., 2010

Там же: Комментарий к публ.: Макаренко А.С. Положение о детской милиции

Фролов А.А. «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А.С. Макаренко // Вопросы экономики, 2010, № 8

Фролов А.А. «Педагогическая логика» А.С. Макаренко: метод педагогики, системность, логика целесообразности // Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: постижение педагогической культуры человечества. Матер. VI национальной науч. конф. / ред.-сост. Г.Б. Корнетов. – М., 2010

Хиллиг Г. Братья Виталий и Антон Макаренко в 1920-1930-х гг. // Педагогика, 2006, № 9

Хиллиг Г. Деятельность А. С. Макаренко и В. А. Балицкого по борьбе с детской беспризорностью // Вестник Брянского государственного университета, 2009, № 1

Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Макаренко Виталий Семенович (1895 - 1983) // Новый исторический вестник, 2004, № 10

Что есть любовь. Из проповеди Патриарха Кирилла в Киево-Печерской лавре // Российская газета, Неделя, 20 июля 2009г. Полный текст: www.rg.ru

Шкиндер В.И. Педагогическая провинция А.С. Макаренко: феномен и социально-историческое значение // Ученые записки Российского государственного социального университета, 2009, № 7-1

Диссертации, авторефераты

Гончарова К.М. Стили педагогической деятельности А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинского. Автореф. канд. дисс. – Пятигорск, 2006

Главы: Индивидуальный стиль педагогической деятельности как предмет научно-педагогического исследования;

Индивидуальный стиль педагогической деятельности А.С. Макаренко в управлении учебно-воспитательным учреждением;

Особенности индивидуального стиля педагогической деятельности В.А. Сухомлинского в управлении сельской школой.

Отдельные статьи в Украине (укр.яз.)

Ткаченко А.В. Современный взгляд на педагогическую драму Антона Макаренко // Славянский сборник. Вып. 7. – Полтава, 2008

Фролов А.А. Человек в системе производства: «социальный капитал» Ф. Фукуямы и «хозяйствование» А. Макаренко // Путь просвещения, Киев, 2010, № 2

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ К ЧАСТИ 1

Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Деловые и личные письма, статьи 1921 - 1928 гг./Сост. А.А.Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. - Новгород: 2007

1921 г.

Из акта обследования Полтавской колонии для малолетних правонарушителей, июнь 1921 г.

С момента появления нашего на территории колонии, мы почувствовали серьёзный деловой характер этого учреждения. Одни из воспитанников заняты работами по 7-ми различным мастерским..., другие пололи огороды, третьи пасли гусей и уток.

Лишь изредка деловой походкой проходит по двору тот или иной дежурный. Колония управляется тройкой, составляющей ежедневно из 1 воспитателя, 1 зав. мастерской и 1 воспитанника. Тройка накануне пишет для общего сведения «приказ», в котором поимённо указывается, кто и что именно будет делать. Эта система управления даёт блестящие результаты. До 40 чел. детей очень охотно и беспрекословно подчиняются приказу.

Легко и весело сделалось на душе, когда после 2-х часов перерыва на обед и отдых, мы увидели детей с тем же деловым видом заботливого хозяина, без всяких указаний и напоминаний, - гнавших хворостиной свои птичьи стада, а работавших утром в мастерских – идущих полоть огороды.

Лица у всех здоровые, открытые и приветливые. Дети держат себя со взрослыми вежливо, но говорят свободно, как с равными. Непосредственная близость природы, несомненно, имеет огромное благотворное влияние и придаёт живущей здесь группе лиц характер дружеского человеческого сообщества, хотя и полного хозяйственных забот, но не забывающего и об умственных интересах.

Некоторые из ребят рассказывают, что любят колонию за возможность получить или продолжить своё образование. К сожалению, мы не могли ознакомиться с этой стороной жизни колонии, т.к. на дни полки огородов учебные занятия прекращены.

Обед оказался сытным и довольно хорошим. Но спальни, хоть и достаточные по размерам, требуют некоторого ремонта.

Зато в нескольких верстах возрождается новое помещение, могущее вместить до 150 детей, виновных главным образом в том, что избыток энергии и излишняя активность не нашли своевременного правильного исхода.

Колония малолетних правонарушителей в настоящее время находится вполне в надёжных руках разумного и знающего руководителя.

Уехала комиссия с ощущением редкого, отрадного впечатления.

Опускула макаренкиана, № 25 / Сост. Г. Хиллиг. – Марбург, 2003, с. 61-63.

Комиссия Полтавской губ. РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции – А.Ф.) по обследованию учреждений педотдела соцвоса Полтавского губнаробраза проверяла также Коллектор № 1 и две летние детские площадки (в 1-й Советской больнице и в Городском саду). Коллектор производит «кошмарное представление», его нужно «немедленно закрыть». Картина работы площадок «весьма печальная».

На этом фоне отчётливо видно, что в колонии А.С. Макаренко уже через полгода после приёма детей начали успешно действовать его главные новаторские педагогические принципы и средства (что отчасти расходится с изображением этого периода жизни колонии в «Педагогической поэме»).

1922 г.

Письмо председателя Главсоцвоса НКП УССР Полтавскому губнаробразу

4 / VIII 22 г.

Подтверждается, что в сеть учреждений для дефективных, содержащихся непосредственно Наркомпросом, по Полтавской губернии вошёл только Основной детский дом № 7 (колония им. М. Горького). Поэтому все кредиты, переводимые для учреждений дефективных, должны расходоваться исключительно на содержание указанной колонии...

Все остальные учреждения для дефективных, каковые имеются в Полтаве, должны содержаться на местные средства...

Председатель Главсоцвоса УССР Бутвин

Секретарь (подпись)

Опускула макаренкиана, № 25, с. 80-81. В документе «Сеть детских учреждений Охраны детства Полтавского губсоцвоса в 1922/23 уч. году» значится: «...Колония для несовершеннолетних правонарушителей имени Максима Горького с нагрузкой в 150 человек до передачи её на полную самоокупаемость, могущую произойти после урожая 1923 года...» (с. 81).

Областному инспектору учреждений дефективных

15 сент. 1922 г. № 680

Сообщаю, что из июльских кредитов Полтавским губнаробразом выдано колонии 300 миллионов рублей[1] на операционные расходы и 1.285 миллионов на жалование служащим.

Из августовских кредитов ничего не выдавалось.

Завед. колонией *А. Макаренко*

Центр. Гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства (укр., бывш.). Ф. 166, оп. 2, д. 1687, л. 115. Автограф. Штамп от руки: Полтавская трудовая колония им. М. Горького.

[1] Денежная сумма в период инфляции.

Из отчёта отдела дефдетства Главсоцвоса НКП УССР

Полтавская трудовая колония: на 1/X – 1922 г.: детей 79, персонал: педагогич. – 19, технич. – 15; на 1/X 1923 г.: детей 100, персонал: педагогич. – 18, технич. – 20.

Опускула макаренкиана, № 25, с. 113. По телеграмме А.С. Макаренко: на 1/X воспитанников – 102, педагогов – 11, инструкторов [труда] – 7, технич. работников – 12 (с. 113).

1923 г.

Из протокола Малого президиума Полтавского окрисполкома, 9 июня

Постановили: Согласно заключения Окрфинотдела от 7/V № 1533 снять с Полтавской трудовой колонии малолетних преступников усадебный налог на том основании, что согласно ст. 3 лит. А инструкции о начисление усадебного налога хозяйства таких колоний, предназначенные для опытно-показательных и учебных целей, от уплаты налога освобождаются.

Опускула макаренкиана, № 25, с. 83.

Из приказа по Полтавскому губгосконтролю, 21 июня 1923 г.

1. **Трудовая колония призреваемых детей имени М. Горького**
2. **Кем патронируется. – Никем.**
3. **Штат призреваемых и возраст. – Определённого штата нет. 85 детей от 12 до 18 лет.**
4. **Штат воспитательского и технич. персонала – 33 чел., сверх штата – 2.**
5. **Помещения находятся в хорошем состоянии, соответствуют числу призреваемых и содержатся чисто. Земли 81 (десятина? – А.Ф.), обрабатывается призреваемыми[1]. Сеют хлеб, есть огород и парники.**

6. **Мебель – достаточно.**
7. **Посуда. – Кухонной и обеденной достаточно, чайной мало.**
8. **Одежда. – Не вполне достаточно.**
9. **Бельё. – Нательного 2 смены, постельного 1.**
10. **Обуви только 15 % на всех.**
11. **Питание хорошее.**
12. **Медицинская сторона – хорошая.**
13. **Книги, учеб. принадлежности, для игр. – Имеется библиотека, клуб, устраиваются спектакли.**
14. **Отчётность ведётся правильно и в порядке.**
15. **Разные дефекты. – Землевладельческий инвентарь требует ремонта. Из-за отсутствия соломы часть даваемого на корм скоту идёт на подстилку…**

Июня 21 дня 1923 г.

Губернский контролёр Костерин

Зав. отд. фактич. ревизии Чернявский

Зав. адм. отделением Урец

Опускула макаренкиана, № 25, с. 67-69. Ревизия «детских домов призрения г. Полтавы и его окрестностей» произведена всеми сотрудниками Губконтроля 20 мая с.г. в порядке «воскресника».

[1] Десятина – 1,09 га.

После обращения 9 авг. 1923 г. зам. предс. Главсоцвоса НКП УССР В.А. Арнаутова и глав. инспектора дефдетучреждений М.Н. Котельникова **к Полтавскому губоно с предложением дать отзыв о работе колонии им. М. Горького к её 3-летию (20 сент.) последовала телеграмма М.Н. Котельникова 5 сент. О необходимости дать этот отзыв телеграфно.**

8 сент. Плановая комиссия глубоно **постановила: «Поручить тов. Фарберу и тов. Долганову срочно разработать порядок празднования, представив план к следующему заседанию Плановой комиссии на утверждение».**

10 сент. Коллегия Главсоцвоса (по докладу И.А. Соколянского) **постановила: «Ознаменовать 3-летие Полтавской колонии им. Горького поднесением ей знамени от Главсоцвоса. Предложить т. Соколянскому выехать в Полтаву для более подробного ознакомления с итогами деятельности колонии и для соответствующего доклада Коллегии Наркомпроса».**

20 сент. Коллегия Главсоцвоса НКП **в связи с 3-летием колонии постановила: «Открыть кредит колонии в 50 000 руб. Командировать для участия в торжестве т.т. Мизерницкого и Соколянского». Из отчёта М.Н. Котельникова явствует: с 9 сент. он инспектировал дефдетучреждения Одессы, затем к 30 сент. выехал в Полтаву, участвовал в юбилейном «заседании коллектива под моим председательством, с участием зампредглавсоцвоса т. Мизерницкого, представителей губоно и поднесением колонии от Главсоцвоса знамени».** *А.М. Мизерницкий с 26 сент.* **обследовал полтавские учреждения соцвоса, он назвал колонию им. М. Горького «новым типом детского учреждения, созданным революцией».**

Опускула макаренкиана, № 25, с. 102-108.

Из протокола заседания Инспекторской коллегии Главсоцвоса, 20 октября 1924 г.:

«Постановили: Резолюцию по докладу Быковца принять.

а) Полтавскую и Дергачевскую колонии, как опытные учреждения, оставить под руководством Центра.

б) Поручить Коллегии разработать положения по руководству этими учреждениями».

Опускула макаренкиана, № 25, с. 124.

В Наркомпрос, Главсоцвос

15 декабря 1924 г. № 691

На 1 декабря в колонии им. М. Горького было: воспитанников – 116, воспитателей – 15 (в том числе запасных – 2), инструкторов – 6, техперсонала – 12.

Завкол *А. Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 25, с. 126.

Областному инспектору детучереждений Харьковской области

1923 г. 30 чис. декаб. мес. № 457

До 1 октября с.г., т.е. до того момента, когда колония перешла на снабжение Наркомпроса [УССР], служащие колонии пользовались столом с общего котла наравне с воспитанниками.

Служащие в большинстве, главным образом техперсонал, живут не семейно, заняты службой, готовить пищу дома не в состоянии. Пользоваться столом на стороне, ввиду отдалённости колонии от населённых мест, - не могут.

Администрация колонии пошла навстречу нуждам служащих и разрешила пользоваться столом с общего котла, но при условии уплаты за стол по колонийской себестоимости.

На деле оказалось, что многие из техперсонала пользоваться таким столом не могут, т.к. содержание их не покрывает расходов за стол. Кроме того, Полтавский губоно в примечании к присланной в колонию нормы указано, что служащие в детдомах, согласно колдоговора, пользуются столом наравне с воспитанниками.

Всё это вызывает разговоры и недоразумения, поэтому колония просит разъяснить официально: 1) имеют ли право служащие колонии пользоваться столом из общего котла воспитанников бесплатно, 2) и отпускаются ли средства из Наркомпросса на питание и для служащих колонии.

Зам. зав. колонией Ермоленко

Опускула макаренкиана, № 25, с. 84. Затем последовал запрос Ермоленко Главному инспектору дефективных учреждений Главсоцвоса НКП УССР 11 января 1924 г. № 19 с дальнейшим разъяснением этого вопроса (с. 85).

На что *зам. глав. инспектора дефдетучреждений Котельников* **23 янв. 1924 г. сообщил: на январь колонии «отпущено на питание 869 рублей, исходя из расчёта 5 р. 50 коп. на каждого воспитанника и служащего (120 детей и 38 служащих)... По дополнительному колдоговору от 22/VII – 1922 г. «в учреждениях интернатного типа получают бесплатное питание и коммунальные услуги штатные воспитатели, служащие и завхоз» (с. 86).**

1924 г.

Областному инспектору дефдетучреждений Харьковской области

2 апреля 1924 г. № 130

В колонии им. М. Горького на 1 апреля состоит: педагогического персонала – 12 чел., учебно-ремесленного – 8, технического – 13, медработник – 1, итого 34. Воспитанников 97, в том числе мальчиков 88, девочек 9. Учебных групп 8.

Завколонией *А. Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 25, с. 116.

Главный комитет социального воспитания НКП УССР **сообщил заведующему Полтавской трудколонией им. М. Горького, 19 апреля 1924 г.**

на № 119 от 30/III – 24 г.

Охрана детства Главсоцвоса, в ведомство которого с 1 апреля пр. г. перешли все учреждения для несовершеннолетних правонарушителей, в том числе и Ваше, - сообщает, что

1) создание «карманных» денег противоречит общим положениям о детях в детучреждениях соцвоса, в частности, идеям, вложенным в само

содержание социального воспитания (см. Кодекс Законов о Н. Просвещении, книга II, §§ 157, 182, «Порадник», изд. 1922 г., перед. статью, разд. 4, п. 4 – «Детские дома»),

2) направление средств на зарплату на какие-нибудь дела в целом – вещь недопустимая с формальной стороны, поэтому нечего и говорить об этом источнике «карманных» денег,

3) Главсоцвос желал бы иметь более обстоятельные мотивы создания «карманных» денег вместе с мнением Губсоцвоса, для чего предлагалось зав. колонией составить докладную записку, подать её в Губсоцвос для вывода и уже тогда Главсоцвос это дело решит в Наукпедкоме.

Что касается заботы о детях, выходящих из колонии, то согласно § 193 Кодекса Законов о НКП, это в определённой степени есть обязанность не только соответствующих органов просвещения, но и самого детского учреждения, для чего колония может использовать суммы на операционные затраты, прибыль с хозяйства, материалы и т.п.

Председатель Главсоцвоса Арнаутов

Глав. инспектор охраны детства Салько[1]

Опускула макаренкиана, № 25, с. 157-158. Обращение А.С. Макаренко к облинспектору НКП Харьковской обл. по поводу «карманных денег» см.: Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 104-105. Ответ А.С. Макаренко на данное выше разъяснение Глав. комитета соцвоса см. там же, с. 205-208.

[1] Галина Стахиевна Салько – с весны 1927 г. близкий друг А.С. Макаренко. Брак зарегистрирован 4 октября 1935 г.

В Главсоцвос, 6 июня 1924 г.

Постановлением Наркомпроса (отношение на имя Полтавского губисполкома от 28 мая за № 10554) признано целесообразным расширение колонии до 175 воспитанников.

Одновременно с этим вопрос об ассигновании сумм на капитальный ремонт зданий решается благоприятно, т.к. средства ЦКПД[1] ассигнованы и получены на ремонт 6000 руб., предположены к ассигнованию Наркомпроссом 1284 р. 45 коп. Таким образом, только 1000 рублей не будет выдано по ремонтной смете колонии.

В связи с этим обстоятельством необходимо теперь же приступить к приёму детей для того, чтобы не принимать их в самое трудное время зимой большими партиями.

Необходимые теперь же дополнительные ассигнования по смете текущего года. Я считаю необходимым:

		Дополнительные ассигнования		
		ассигнование		
месяц	принять детей	на оборудование	на питание	на одежду
июнь	10	270 р.	90 р.	750 р.
июль	15	405	250	1225
август	20	540	404	1500
сентябрь	25	675	644	1875
октябрь	30	810	920	2250

Примечание. Полагаю нормальным при новом оборудовании и полном комплекте одежды на 1 воспитанника: одежды в год – 75 рублей, оборудование – 27 рублей в год и питание в месяц 9 р. 20 к.

Представляя вышеизложенные соображения, прошу не отказать в распоряжении о порядке приёма детей и порядке дополнительных ассигнований.

Заведующий Полтавской трудовой колонией имени М. Горького

А. Макаренко

Опускула макаренкиана, № 25, с. 118-119. До этого, 24 апреля 1924 г. Инспекторская коллегия Главсоцвоса постановила: «Считая, что расшире-

ние колонии [им. М. Горького] до 300 чел. с педагогической точки зрения является нецелесообразным, признать возможным её расширение только до 175 чел., забронировать 75 мест за центром, для обслуживания других губерний, но преимущественно Черниговской. Обратиться с просьбой к ФЭУ провести расчёт на ремонт домов колонии в текущем году, а средства, которые требуются [для] расширения, ввести в счёт будущего года» (там же, с. 117).

[1] Центральная Комиссия помощи детям (Всеукраинская).

Из протокола заседания Президиума Научпедкома 24 июня 1924 г.:

Слушали: О карманных деньгах детей колонии им. М. Горького.

Постановили: Разрешить.

Опускула макаренкиана, № 25, с. 162-163.

Публикации о колонии им. М. Горького:

М. Быковец[1]. Праздник Первого снопа. (В трудовой детской колонии под Полтавой) // Вести ВУЦИКа, Киев, 12 июля 1924 г. (укр. яз., первая публикация о колонии им. М. Горького в центральной республиканской печати).

М. Марусык (М. Быковец). Там, где труд – радость. (Детская трудовая колония имени Максима Горького) // Новая община. Двухнедельный кооперативный крестьянский журнал, Киев, кн. 31-32, 1924 (укр. яз.).

[1] Мария Николаевна Быковец – прототип Марии Кондратьевны Боковой в «Педагогической поэме» (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 338). Её брат, Михаил Николаевич Быковец, тогда главинспектор Охраны детства НКП УССР.

Охрана детства НКП УССР – заведующим трудовыми колониями им. Горького и в Дергачах, **29 августа 1924 г.:**

На основании приказа по Наркомпросу № 45 (§ 1, п. 4) от 16 авг. пр. г. о переводе всего делопроизводства НКП на украинский язык (подпис. предс. Главсоцвоса Соколянский, Главинспектор ОД Быковец – Г.Х.). Охрана детства вторично приказывает вести делопроизводство колонии, переписку, записи, дневники, характеристики, разнарядки, сводки и т.п. на украинском языке...

Охрана детства просит Вас предупредить сотрудников колонии (педагогов, делопроизводителей, секретарей), что с 1/IX сотрудники, которые не выполнили декрет СНК и ВУЦИКа и соответствующие распоряжения НКП, будут уволены и списки их будут оглашены в прессе...

Главный инспектор Охраны детства Быковец

Опускула макаренкиана, № 25, с. 167-168.

Главному инспектору охраны детства сентября 19 дня 1924 г.

Прошу не отказать выслать колонии утверждённые штаты колонии им. Горького, если таковые имеются.

В то же время прошу дать указания относительно порядка тарификации[1] колонийских служащих, а также нормы зарплаты и нагрузки, которые возникают из коллективного договора между Наркомпросом и Южбюро Рабоса[2], ибо в Губуправлении Рабоса определённых указаний не имеется.

Со своей стороны позволяю себе высказать, что наиболее удобно было бы делать тарификацию через НКП, т.к. представители Губоно и СНК не имеют возможности руководствоваться финансовыми и другими обстоятельствами в НКП.

Завкол *А. Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 25, с. 87-88. Резолюция в Главсоцвосе НКП: «Тов. Качанову».

[1] Тарификация – определение тарифа (в данном случае оплаты труда) на основе классификации этой оплаты. Проведённую далее А.С. Макаренко и бухгалтером колонии В.И. Ермоленко тарификацию см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 93-94, 96-97.

[2] Профсоюз работников просвещения УССР.

1925 г.

Из ведомости «Состояние сельскохозяйственных колоний Полтавской губернии» **(январь 1925 г.)**

Трудовая колония имени Максима Горького детей – 122 чел. Земли – 60 десятин.

Живой инвентарь – 1 пара волов, 8 коней, 3 коровы, 12 овец, 30 свиней, 40 гусей, 20 уток, 100 кроликов.

Мёртвый инвентарь – 8 плугов, 4 бороны, 2 культиватора, 2 сеялки, 1 жатка, 1 молотилка, 1 соломорезка.

Форма хозяйствования – силами коллектива, прибыль на нужды колонии.

Хозяйством руководит специалист-агроном.

Ещё имеется 6 десятин малопригодной земли под посев и огородничество.

Ст. инспектор губсоцвоса (подпись)

За секретаря (подпись)

Опускула макаренкиана, № 25, с. 76 (укр. яз.).

Акт обследования колонии им. М. Горького Полтавским губпрокурором, **5 апреля 1925 г.**

...Служебные помещения колонии в большинстве расположены в разрушенных постройках... Ремонт их невозможен.

Имеются мастерские: кузнечная, столярная, токарная, сапожная. Предполагается в ближайшее время открыть портняжную мастерскую.

В колонии 119 правонарушителей, в том числе 11 девушек. Обслуживающий персонал – 24 человека, в том числе 8 воспитателей, они же и преподаватели, и 2 резервных воспитателя.

Колония имеет 40 десятин пахотной земли. Земля была обсеменена под озимку, но последние морозы испортили значительную часть урожая.

Общежитие правонарушителей расположено в недавно отремонтированном двухэтажном доме. На всех колонистов имеются койки и постельные принадлежности. Общежитие тесное...

Нательного белья имеется на каждого колониста по 3 смены, обувью и верхним платьем они обеспечены полностью.

Пища хорошая, каждый день обед из двух блюд и мясной. Хлеб выдаётся собственной выпечки по 2 ½ фунта[1] на человека. Ужин горячий, завтрак – чай и сало.

Воспитательная и культурно-просветительная работа поставлены удовлетворительно. Колония тесно связана с ближайшими сёлами. Часто своими силами ставят спектакли в своём клубе, на котором присутствуют крестьяне из ближайших сёл.

По случаю суда над т. Ланцуцким колония устроила митинг, на котором было 600 крестьян. Чувствуется, что связь колонии с селом налажена хорошо.

Политработа колонистов слабая. Руководителя по политработе нет...[2]

Колонисты работают в мастерских и по обработке земли дружно, с любовью. Колонисты представляют тесно спаянную семью, атмосфера вполне здоровая.

Необходимо срочно придти на помощь колонии в ремонте зданий, постройке необходимых служб. Живой и мёртвый инвентарь требует обновления. Своими силами колония это сделать в ближайшее время не в состоянии.

Губпрокурор Яковлев

Опускула макаренкиана, № 25, с. 69-74. Об отмеченных в акте недостатках сообщено в Прокуратуру УССР. 21 апреля пом. прокурора УССР

уведомил об этом украинский Наркомпрос, Всеукраинскую Комиссию по охране прав несовершеннолетних.

29 апреля председатель ВКОН Берлин, секретарь Котлярова сообщили в Наркомюст УССР (отдел прокуратуры республики), что они «затребовали от зав. колонией смету на необходимый ремонт колонии. Кроме того, в ближайшее время предвидится поездка в колонию» (там же, с. 73).

[1] Фунт – 409,5 гр.

[2] Полтавский окружком комсомола послал в колонию им. М. Горького политрука, им в июне 1925 г. стал Т.Н. Коваль.

В Наркомпрос, финансово-экономическое управление

Начало июня 1925 г. № 389

Ещё с начала мая Губфинотдел потребовал представления сметы на 1925-26 год на 10 мая, угрожая закрытием кредитов. Колония составила смету в 2-х экземплярах в ГФО и готовилась послать такую же смету в Наркомпрос, когда был получен циркуляр № 18161. Колония приступила к составлению материалов для сметы по новому плану и отправила его в НКП 25 мая и в тот же день копии в Губфинотдел, а смета, посланная к 10 мая, была взята обратно.

За май месяц поступили, кроме того, ещё некоторые вопросы и анкеты Губфинотдела, на которые колония давала ответы, но из-за недостатка времени я не смог снять копии, ибо и без того приходится работать по ночам. Вообще же давались сведения, которые потом вошли в материалы к смете.

Заведующий колонией *А. Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 25, с. 94-95. 15 июня 1925 г. пом. нач. ФЭУ Крышанский потребовал от колонии «немедленно прислать в ФЭУ НКП копии анкеты и ведомостей, переданные вами Полтавскому Губфинотделу» (с. 95).

Из сообщения ВКОН Полтавской губкомиссии по делам несовершеннолетних, **31 июня 1925 г.: «...На госбюджете в будущем году остаются: Комиссия [по делам несовершеннолетних], коллектор и трудколония им. Горького. Колония им. Парижской коммуны не может быть взята на госбюджет».**

Опускула макаренкиана, № 25, с. 132-133.

12 августа 1925 г. зам. зав. колонией им. М. Горького В.И. Поповиченко обратился в *Центральную (Всеукраинскую) комиссию помощи детям:* **выделенная колонии к её 5 летию сумма 500 руб. для приобретения духового оркестра «является недостаточной, поэтому просьба отпустить для указанной цели 250 руб.». На заседании секретариата ЦК Помдета 13 августа решено: «отказать».**

Опускула макаренкиана, № 25, с. 109-110.

Протокол заседания ответственных работников Упрсоцвоса НКП УССР, **23 сентября 1925 г.**

Присутствуют: т.т. Кириченко, Солодуб, Берлин, Ганджий, Качанов, Котельников, Залужный, Велецкая, Стасюк, Морозова, Мостовой, Яновская, Привалова, Слабвенко.

Слушали: 1. Об организации центральной колонии для правонарушителей. (т. *Макаренко***)**

Постановили: Признать, что дело заслуживает внимания Упрсоцвоса.

Поручить Научпедкому ознакомиться с педагогической стороной проекта тов. Макаренко и внести коррективы.

Поручить инспектуре разрешить вопросы, связанные с осуществлением проекта.

Поручить коллективу колонии [им. М. Горького] разработать конкретный план проведения проекта в жизнь.

Председатель Кириченко

Секретарь Руссес

Центр. гос. архив Октябрьской революции и соц. стр-ва (укр., бывш.) ф. 166, оп. 5, д. 665, л. 30.

Из протокола заседания ВКОН, **17 октября 1925 г.:**

«...1) Дергачевская и Полтавская им. Горького колонии содержатся на государственные средства. 2) В центральном реформаториуме отдано Комиссии только 25 мест для несовершеннолетних [правонарушителей]. 3) Комиссии придать этим колониям всеукраинское значение, с таким расчётом, чтобы 30 % мест было за Харьковской и Полтавской, а 70 % за другими окружными комиссиями.

Поручить тов. Соботовичу (предс. Харьковской окркомиссии – Г.Х.) к следующему заседанию ВКОН ознакомиться с Всеукраинской сетью учреждений для [несовершеннолетних] правонарушителей и дать план распределения мест в Дергачевской и Полтавской колониях и техники заполнения этих мест.

Опускула макаренкиана, № 25, с. 138-139. 29 октября Полтавская окркомиссия сообщила в ВКОН: «...В колонии им. М. Горького на 10/X – 25 г. имеется 132 воспитанника вместо 120, предусмотренных рамками колонии. Полтавская окркомиссия ежемесячно отсылает в колонию 6-7 чел. В августе-сентябре этого года ВКОН и Харьковской комиссией отправлено в колонию 9 воспитанников. Предс. комиссии Б. Ольшанский (там же, с. 139-140).

Во Всеукраинскую комиссию по делам несовершеннолетних

Октябрь 30 дня 1925 г. № 632

Как и раньше, прошу Всеукраинскую комиссию присылать воспитанников в колонию им. Горького без предварительного запроса. Если в колонии будет очень тесно, я сообщу ВК.

Но вместе с тем очень прошу не присылать воспитанников с интеллектом слишком низким, хотя, надо признать, что из Харькова таких ещё не было.

Михайлова Леонида «ожидаю»[1].

Завколонией *А. Макаренко.*

Опускула макаренкиана, № 25, с. 140 – 141.

[1] Говорится о присылке в колонию воспитанника.

Из протокола совещания Упрсоцвоса НКП УССР, **5 ноября 1925 г.**

Слушали: О фактическом придании Всеукраинского значения Полтавской и Дергачевской колониям для правонарушителей (докл. т. Берлин[1]).

Постановили: Принять меры к фактическому переводу этих учреждений на положение колоний Всеукраинского значения, комплектующихся по усмотрению ВКОН. Средства на отправку детей в эти учреждения должны отпускать соответствующие округа.

Опускула макаренкиана, № 25, с. 142.

[1] Роза Липовна Берлин – прототип Джуринской в «Педагогической поэме». См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 337.

Из письма в колонию им. М. Горького, начало ноября 1925 г.

…Страшно беспокоюсь, всё ли у вас там благополучно, это беспокойство положительно отравляет мне существование в Москве.

Когда я был в командировке[1], то почему-то не так волновался, всё казалось, что я тоже занят делом, не было стыдно. А теперь упрекаю себя за пренебрежение к делу: вот захотелось отпуска, бросил колонию и наслаждаюсь…

Фонд Кременчугского педагогическо-мемориального музея А.С. Макаренко. Цитируется отрывок из письма, в воспоминаниях О.П. Ракович, где оно относится к зиме 1924 г. Точнее: это начало ноября 1925 г. (см.:

А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 481 – макаренковское заявление об отпуске с 1 ноября 1924 г. по 1 января 1925 г.). Вскоре он вернулся в колонию, говорит О.П. Ракович. Его уход в отпуск связан, видимо, и с переживаниями неразделённой любви к Ольге Петровне.

[1] Говорится, вероятно, о командировке в Москву, в Центральный институт организаторов народного просвещения им. Е.А. Литкенса, где А.С. Макаренко учился с 14 окт. по 27 ноября 1922 г.; преждевременно вернулся в колонию (см. там же, с. 39-43).

Из протокола совещания Упрсоцвоса НКП УССР, **3 декабря 1925 г.**

Слушали: О переводе колонии им. Горького из Полтавы в Запорожье (бывш. поместье Поповка). Докл. т. *Макаренко.*

Постановили: подать это дело в Коллегию НКП. Поручить т. Макаренко в течение 2-3 дней подать план перевода и развёртывания на новом месте колонии им. Горького. Поддержать перед соответствующими органами ходатайство колонии о предоставлении ей кредита. Постройки и земли Полтавской колонии передать колонии им. В. Короленко.

Опускула макаренкиана, № 25, с. 180. Обширную переписку с 14 янв. по 13 марта 1926 г. между Наркомпроссом УССР, Запорожским окрино, Запорожским окрисполкомом, Совнаркомом УССР, Экономическим Советом УССР см. там же, с. 183-209. *Постановление Административно-финансовой комиссии СНК: в передаче имения бывш. Попова «отказать».*

В ходатайстве НКП (зам. наркома Ряппо, зав. Упрсоцвосом Кириченко) **говорилось: «...Колония им. М. Горького... представляет собой крепкую и дисциплинированную коммуну воспитателей и воспитанников... Последние в своём поведении не имеют никаких признаков правонарушителей... Колония содержит на селе за свой счёт избу-читальню. На последних выборах в сельсовет прошло два колониста... Опыт колонии ведёт к необходимости его распространения, придав колонии характер коллектива, который базируется на хозяйственной мощи...» (там же, с. 193-194).**

В другом обращении НКП **отмечено: «В 1922 г. колония как опытно-показательное учреждение взято на государственный бюджет... Капитальный ремонт строений колонии занял для её коллектива 5 лет напряжённого труда и 20000 рабочих детских дней, ей удалось довести своё хозяйство (в форме животноводства) к наибольшей продуктивности, ... изобрести новые формы коллективного воспитания и хозяйствования...**

Сейчас энергия коллектива остаётся неиспользованной потому, что на 40 десятинах земли коллектив в 150 [несовершеннолетних] не может развернуть широкий хозяйственный труд. Ограниченность имения [колонии] приводит к ограничению педагогического труда... В имении б. Попова НКП предвидит организацию колонии на 500 несовершеннолетних правонарушителей, которая обеспечивала бы все те округа, которые не имеют учреждений этого типа.

Концентрация правонарушителей в одном учреждении в значительной мере уменьшит сумму государственных средств, которые выделяются на борьбу с детскими правонарушениями...» (с. 201; приводятся, несомненно, аргументы, содержащиеся в каком-то материале А.С. Макаренко).

Выписки и замечания по книге: Лестор Джемсон и коллегия «Плебса». Очерк марксисткой психологии

«…Экономические влияния формируют характер без ведома его самого.

- Определение поведения: способ, которым человек реагирует на свою среду и пытается воздействовать на неё, называется поведением…»

Импульс, а не сознательное намерение является первичным источником деятельности… Бессознательные тенденции, а не разум составляют главную мотивационную силу человеческого мышления и действия…

«Индивид в действии».

«Влечение…

Влечение есть последняя мотивационная сила всякого действия, включая и человеческое поведение…

Фрейд основой влечения считает стремление к физическому наслаждению (принцип приятного)…

Адлер – стремление к власти и безопасности…»

«Принцип приятного» эгоцентричен, своекорыстен, индивидуалистичен и несоциален. Он играет главную роль в поведении примитивных существ, животных, дикарей, умственно дефективных.

«Принцип реальности» (Фрейд), представляющий более высокие свойства души, действует задерживающим образом на принцип приятного…».

По Адлеру: «стремление к утверждению своего «я» является источником беспокойства, недовольства и тщеславия».

Влечение может корениться в какой-нибудь физической слабости или бессознательном воспоминании… «Индивид, испытывая влечение, … рационализирует своё бессознательное».

Чтобы преодолеть врождённую человеческую косность, нужно насилие… «Это…вынужденное или добровольное изменение окружающей среды».

Различие между неопытным новичком и искусным мастером зависит от того, что первый пользуется неподходящими рефлексами. Когда мы учимся делать что-то новое, мы пробуем и выбираем естественные рефлексы. «…Второй включил их и довёл до совершенства интеграцию (объединение) надлежащих рефлексов».

В воспитании успех зависит, прежде всего, от воспитания эмоциональной реакции.

В этом пункте мне представляется основная ошибка как старой, так и новой педагогики воспитания. Это вопрос нужно внимательно рассмотреть. Прежде всего, чем это доказывается? Просто проповедью.

Постоянное подстёгивание эмоциональных вспышек, прежде всего, приведёт к индивидуализму, ибо очевидно, что эмоции есть высшее проявление личности. Воспитание эмоциональной реакции есть в лучшем случае отрицательное воспитание. Истинная сущность воспитания заключается в воспитании «принципа реальности» (по Фрейду).

Интересом мы называем наше отношение к предмету, который вызывает в нас эмоциональную реакцию.

Следует ли из этого, что мы переживаем интерес в момент страха? Следует ли, что если я имею длительный интерес, чисто почти специальный к колонии, то это тоже эмоции? «Эмоция глубоко влияет на поведение».

Трайдон связывает три основных стремления в нашем влечении: стремление к самоутверждению, стремление к безопасности и половое влечение – с тремя указанными выше отделами автономной нервной системы.

Механизм эмоций.

Аппарат Лаба движется за человеком, несущим лампу… «Пример механистического объяснения явлений»…

Определение техники ассоциации.

Ассоциативная память… Если два умственных состояния вызываются одновременно или одно за другим достаточно часто, то появление одного из них будет автоматически вызывать другое.

Условные рефлексы… Этот второй метод (не самонаблюдения – А.Ф.), которым мы обязаны, главным образом, русской [научной] школе, возглавляемой Павловым, позволяет нам составить гораздо более ясное и простое представление о работе механизма ассоциативной памяти. Образующиеся при этих экспериментах навыки были названы «условными рефлексами», они не врождены и не самопроизвольны, а обусловлены окружающей средой индивида. Это и есть то, что мы называем упражнением или воспитанием…

Способность к обучению, к образованию привычек зависит от ассоциативной памяти.

«Закрепление привычек… Привычная операция, будь то какое-нибудь действие или способ мышления, до такой степени срастается с личностью, что всякое отклонение от неё становится мучительным и тщательно избегается…»

Значение привычек. «Большая часть наших закоренелых привычек приобретена нами в юности и «воспитание» сводится главным образом к приобретению или внедрению привычек. Привычка, пишет Уильям Джемс, «есть огромное колесо общества, его наиболее драгоценная сила…»

Привычки укрепляются всё больше по мере того, как человек стареет…

В эпоху бурных революционных изменений мы должны не в стариках, а в молодёжи искать ту приспособляемость к изменившимся обстоятельствам, которая необходима для действительного руководства событиями.

Усиление того или иного комплекса под влиянием эмоции. Борьба полового и трудового комплекса. Значение оклика хозяина…

«Обдуманное и импульсивное действие. Интерес и внимание»…».

Выбор. При всех более сложных формах поведения (называемых разумными, волевыми и т.д.) действует механизм, который описан выше на примере человека, вскакивающего на поезд…

«Комплекс можно определить как систему взаимно связанных представлений, с сильной эмоциональной окраской и тенденцию совершать действие определённого характера (Троттер, с. 61). Шэнд, Мак Доугалл и другие определяют почти в этом же смысле слово «чувствование». Слово «констелляция» употребляется иногда для обозначения комплекса, в котором субъект отдает себе полный отчёт, в отличие от вытесненного им бессознательного комплекса».

«Бессознательное в поведении».

Бессознательные мотивы. Во многих случаях привычка как комплекс, т.е. определённый фактор поведения, таится в недрах бессознательного… Эти комплексы являются тем механизмом, посредством которого экономическая среда человека влияет на его поступки… «Коллективные взгляды и устремления группы лиц, общественное мнение, классовое сознание и т.д. – это есть выражение комплексов, преобладающих у индивидов данного класса или группы».

«Когда на действие влияет бессознательный комплекс, ум изобретает основание для объяснения этого действия. Мы называем этот процесс рационализацией. В результате этого процесса человек, которым владеет какой-нибудь могущественный комплекс, становится неуязвимым для логики. Аргументы, которыми он защищает свою собственную точку зрения, кажутся ему неотразимыми».

Суждение политического деятеля подходит под это правило.

«Пристрастия»…

Рационализация бессознательных импульсов…

Когда имеются налицо два несовместимых комплекса, люди известного умственного склада выходят из затруднения тем, что избегают всякого соприкосновения между ними. Это диссоциация.

«Диссоциация как средство разрешения конфликтов между комплексами… Сознательное лицемерие встречается сравнительно редко».

«Ум есть способность образовывать ассоциации».

«Рассудок…»

«Ассоциация по смежности составляет умственное выражение человека-практика. Она лежит в основе «здравого смысла»…

Слабоумный, вообще говоря, ассоциирует по смежности, а не по сходству»…

«Главным стимулом к изучению математики служит жажда чистого знания – облагороженная форма любопытства»…

Рассуждение, направленное нашими бессознательными желаниями есть рационализация. Рационализация, вооружённая знанием о скрытых силах, определяющих наше поведение, есть рассуждение…Рассуждение только сопутствует действию, а не вызывает его…

Многие люди употребляют слова, не имея ясного представления о том, что они обозначают. Так называемая философия очень часто сводится к пустым словам, за которыми нет никаких определённых и ясных представлений.

«Речь и мышление… Новые слова создаются для того, чтобы обозначать подходящими символами новые группы или стороны опыта, которые прежде не ассоциировались нами… (Знание)…

Язык, наряду с изготовлением орудий, составляет важнейшее отличие человека от зверя».

Опыт исследования в американской армии показывает, что при всех признаках даже там, где есть сравнительное единодушие относительно цели, совершенно неизбежна диктатура небольшого меньшинства.

«Различные уровни умственного развития».

«Чувство страха по-прежнему остаётся могучей побудительной силой человеческих поступков. До сих пор является наиболее ощутимым фактором социальной дисциплины в человеческих обществах».

В эпохи кризисов, когда является необходимость в более суровой социальной дисциплине, культурные народы считают нужным вернуться и к более грубым формам использования чувства страха. Страх может преодолевать и задерживать большинство других инстинктов, даже могучий половой инстинкт.

«Бегство… Материнский инстинкт самок часто побеждает страх… Мощно организованный комплекс, воплощающий идеал поведения, может развить такую физическую и моральную силу, против которой бессильна эмоция страха (поведение мучеников и т.д.)».

«Драчливость есть одно из проявлений инстинкта самосохранения».

«Удовлетворение, достигаемое организованными играми и спортом, проистекает по Адлеру из стремления к завоеванию, из воли к власти».

Игра …

«Половой инстинкт играет огромную роль в человеческой жизни. Он эгоистичен и в известной степени антисоциален»…

«Половой импульс… Слово «любовь», употребляемое обычно, … сюда входит значительной долей и эмоция нежности, обычно связанная с родительским инстинктом…

Фрейд придаёт слову «половой» гораздо более широкое значение, этим словом он обозначает те тенденции, которые Леб называет стереотропизмом, т.е. стремлением организмов приводить части своего тела в соприкосновение с внешними предметами».

«Фрейдовская теория полового инстинкта».

«Сублимация»…

Сублимация – как фактор человеческого совершенствования…

Мы органически склонны принимать на веру суждения, внушенные нам другими индивидами или коллективом.

«Внушение, пишет Мак Доугалл, есть процесс сообщения, приводящий к принятию с силой убеждения сообщенного предложения при отсутствии логически достаточных оснований для его принятия» (определение, вообще говоря, не совсем правильное).

Внушаемость…

«Комплекс недостаточности служит источником всего лучшего, что делается в мире»…

«…Насколько человек способен предвосхищать естественное течение событий и отождествлять с ним свою волю, настолько он свободен. Свобода может явиться только результатом знания».

«Тенсли определяет коллектив как такую социальную организацию, к которой человек признаёт себя принадлежащим и внушению которой он способен поддаваться».

«Коллектив и толпа»… Толпа – это «фактически наличная совокупность некоторого числа людей, движимых общими импульсами и эмоциями…

Толпа неразумна»…

Неизвестный Макаренко. Выпуск 5 / Ред.-сост. С.С. Невская, А.Н. Русаков, И.В. Филин. – М., 1994, с. 7-26, полный текст. Здесь печатается только взятое А.С. Макаренко в рамки и данное им в разрядку, а также подчёркнутое, с некоторыми добавлениями из обычного текста. Указания на параграфы и страницы сняты.

Книга вышла в 1925 г., в Москве, под ред. и с предисл. проф. М.А. Рейснера, социального психолога, склонного к «психологизированию исторического материализма». Им дано новое название книги, она издана в новом переводе с англ. яз.

В 1924 г., она вышла (с некоторыми сокращениями) под редакцией и с предисл. П.П. Блонского, под названием «Очерк психологии». В Англии книга издана в 1922 г., 4-м изданием. П.П. Блонский отмечает, что она «по общему замыслу», отдельным частям и местам совпадает с его «Очерками научной психологии», изд. 1921 г. В труде Л. Джемсона он увидел как бы преддверие «очерка марксисткой психологии».

С резкой критикой издания 1925 г. выступил Л.С. Выготский: «Марксисткой психологии ещё нет, её надо воспринимать как историческую задачу…» Тем самым он полемизировал с П.П. Блонским, который рассматривал психологию как «науку о поведении», в терминах рефлексологии и бихевиоризма, в отрыве от действий человека как разумного существа, целеустремлённого в своей деятельности (как и Л. Джемсон и «коллегия Плебса»). См.: А.В. Петровский. История советской психологии. – М., 1967, с. 35-36.

А.С. Макаренко иронически говорил о «теперешней нашей возне с этой бедной молоденькой рефлексологией» (примерно в первой половине 1928 г.). Его критическое отношение к «рефлексологической педагогике» (В.П. Протопопов, И.А. Соколянский, А.С. Залужный, С.О. Лозинский), особенно по проблеме коллектива, см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 151-152.

Макаренковские записи по книге Л. Джемсона показывают его пристальное внимание к проблеме соотношения поведения и «сознания», ума, знания, убеждения, мотивов поведения. Он обращает принципиальное внимание к тому, что лежит «на стыке» сознаваемого и подсознательного, рефлекторного, «автоматизированного», привычного. Отсюда особый интерес к проблеме эмоций, к вопросу о непосредственных побудительных действий (стимулах), типах влияния, о внушении, дисциплине.

Всё это лежит в основах его «педагогики воспитания», служит и по сей день предметом полемики. Она коренится в расхождениях по фундаментальным педагогическим проблемам: соотношения природно-биологического и социального факторов в сущности человеческой личности и в процессе её становления; неразрывная связь внешних и внутренних предпосылок поведения человека. Выдвигая в процессе воспитания на первый план социальный опыт личности, А.С. Макаренко в науке о воспитании утверждает методологический принцип единства педагогического мышления и педагогического действия.

Примечательно, что он при изучении этой книги не высказывает критических соображений (как обычно). Он стремится извлечь из психологии информацию, важную для педагогики. Проблематика «Очерков» чувствуется в «Педагогической поэме»: «Когда-нибудь настоящая педагогика разберёт вопрос человеческого усилия, укажет, какое место принадлежит в нём воле, самолюбию, стыду, внушаемости, подражанию, страху, соревнованию…» Расстояние между «элементами чистого сознания» и практическими действиями «довольно значительно», тут необходима «некоторая

цепь связующих и более простых элементов» (см. начало главы «У подошвы Олимпа» в «Педагогической поэме»).

Ещё в 1922 г. А.С. Макаренко писал: «…Науку психологию нужно создавать сначала… Люблю психологию, считаю, что ей принадлежит будущее». «…Пока под социологию не подведен крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна…» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 40).

Из записных книжек (середина 1920-х – начало 1930-х гг.)

Навязчивые идеи. Это идеи отнюдь не у ребят. Приехавшей в составе комиссии комсомолке вдруг кажется, что для ребят младшего возраста нужно завести обязательно огород. Какая логика этого огорода в общей системе воспитания и какое вообще значение для этого самого ребёнка имеет копанье в огороде, об этом не спрашивается. Мы уже не говорим об общих навязчивых идеях, господствующих сейчас в соцвосе, например о вреде детского суда, о значении комплекса и всякой увязки и мн. др.

Дефективные отношения. Трудно определить этот род отношений, но что они имеют гораздо больше значения, чем дефективность личности, в этом нет никаких сомнений. В огромном и сложном цикле отношений, в которых участвует данный ребёнок, дефективность отношений (значительного числа отношений) создаёт общую картину, ведущую к выпадению из коллектива. Что является причиной дефективности отношения, сказать сразу нельзя, нужно об этом хорошо подумать. Во всяком случае здесь собака зарыта в каких-то извращениях законов борьбы за существование.

Истинная причина дефективности отношений лежит в нарушении гармонии интересов между личностью, родом и обществом. Как уже я раньше предполагал, корни этих причин находятся в возбуждении дефективных мотиваций, возникающих из нездорового в социальном отношении опыта личности.

Самоуправление. До сих пор, собственно говоря, даже этот термин недостаточно расшифрован. Есть сколько угодно учёных строк, в которых говорится, что педагог должен быть гегемоном в детском коллективе. Для самоуправления, очевидно, остаётся, с одной стороны, роль какой-то педагогической игры, с другой, простор просто для педагогического ханжества.

Между тем, решая этот вопрос диалектически, нельзя дать общей формулы для самоуправления. По мере развития коллектива, коллективных навыков и традиций права и функции самоуправления должны всё больше и больше увеличиваться в объёме. Роль педагогов постепенно должна приобретать характер просто более опытных людей, слово которых имеет только реальный авторитет.

Отсюда педагог должен быть прежде всего умным и опытным человеком, во всяком случае в педагогическом коллективе должны быть такие педагоги.

Юридическое основание. Конечно, выборность имеет значение, поскольку в факте выборов отряд или кто-нибудь другой старается подбирать наиболее подходящего кандидата и поскольку в этих выборах создаётся основание для подчинения коллектива. Но всё юридическое основание не должно закрывать значения самой функции. Например, в 11 отряде малышей выборность…

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, л. 67, с об. Авторская машинопись. Без даты. Ориентировочно относится к указанному выше периоду. Созвучно фрагменту «Кое-что о самоуправлении», где говорится и об «индивидуальных огородах» (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 293 -299).

Пометы от руки: Гл. 14, Гл. 84, Гл. 87 – говорят о том, что это, вероятно, наброски для «книги по педагогике», которую А.С. Макаренко хотел написать, затем обратившись к «Педагогической поэме» как к художественно-публицистическому роману (см.: Фролов А.А. А.С. Макаренко в

СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939 – 2005 гг., критический анализ). – Н.Новгород, 2006, с. 16-18).

1926 г.

Из тезисов к докладу председателя Полтавской комиссии по делам несовершеннолетних **Б. Ольшанского о работе комиссии за 2-е полугодие 1925 г. на пленуме Полтавского окрсуда 16 января 1926 г.**

...Колония им. М. Горького является опытным учреждением НКП. Педагогическая и административно-хозяйственная работа поставлены довольно хорошо. Комиссия посылает туда несовершеннолетних старшего возраста, 14-16 лет, социально запущенных в значительной мере...

За последние 6 месяцев Комиссия применяла такие меры в отношении несовершеннолетних: принято в колонию им. М. Горького – 19 чел., в колонию им. Парижской коммуны – 15 чел., в нормальные детские дома и колонии – 20 чел., отдано под ответственность и присмотр родителей и педагогов – 82, вынесен выговор – 90, отправлено в реформаторий – 5. Передано в Нарсуд[1] – 8 чел., дело окончено навсегда – 46.

Опускула макаренкиана, № 25, с. 150.

[1] Передано в суд, вероятно, при достижении совершеннолетия или за правонарушения, предусматривающие уголовную ответственность в старшем подростковом возрасте.

В финансово-экономическое управление НКП УССР

Января 18 дня 1926 г., № 29.

С начала зимы колония им. М. Горького получила 3 вагона угля. Из этих 3-х вагонов последний полувагон по требованию колонии был перевешан и в нём оказалось на 100 пудов меньше. Таким образом, колонией всего получено 2900 пудов. О четвёртом вагоне никаких слухов нет.

Завколонией *Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 25, с. 77 (укр. яз.). Затем зав. материальным отделом ФЭУ НКП УССР сообщил колонии: «...Недогруженный вам один вагон антрацита будет восполнен в конце этого месяца» (с. 79).

Письмо А.М. Горького к А.С. Макаренко, **24 февраля 1926 г.**

24/II – 26 г.

А. Макаренко

Не смогу ли я быть полезным Вам и колонии в деле «завоевании» ею Запорожского имения? Я мог бы написать о Вашем деле А.И. Рыкову, Свидерскому или другим, на кого Вы укажете.

Очень занят, пишу наскоро. Отвечайте. Если хотите – телеграммой одно слово: «пишите».

Адрес новый: Позилито
Неаполь. Posilippo
Villa Galotti
Napoli Posilippo
Вилла Галотти

Извините, попутал.

Привет колонистам.

А. Пешков

Будет лучше, если Вы сами изложите Ваше дело в письме и пришлёте его мне, а я, приписав к нему, что следует, пошлю отсюда с дипкурьером.

А.П.

Архив А.М. Горького ИМЛ, ПГ-РЛ, 25-3-5. Отказ А.С. Макаренко, колонистов-горьковцев от обращения А.М. Горького к указанным высшим лицам государства см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с.190-191.

Совету Народных Комиссаров УССР, **25 марта 1926 г.**

Докладная записка о переводе колонии им. Горького из имения б. Трепке Полтавского округа в усадьбу б. Куряжского монастыря Харьковского округа.

Наркомпросс считает необходимым перевести колонию им. Горького из Полтавского округа в Харьковский по следующим соображениям:

Колония им. Горького – это учреждение государственного значения, оно содержится на государственные средства и обслуживает всю УССР.

За 5 лет существования колонии ей удалось превратиться в крепкий коллектив воспитанников и педагогов, с собственной своеобразной учебно-воспитательной системой. Поэтому она является наиболее подходящим учреждением, в котором можно сосредоточить большое число подростков-правонарушителей. Концентрация несовершеннолетних в одном учреждении даст значительную экономию государственных расходов.

Оставить колонию им. Горького в Полтавском округе (бывш. имении Трепке) даже при данном числе воспитанников нельзя, потому что там нет необходимой земли (лишь 37 десятин) и нет строений, где можно было бы организовать новые мастерские.

Перевод трудовой колонии им. Горького в бывш. Куряжский монастырь, где имеется около 100 десятин земли, большая усадьба, электростанция и мастерские, совершенно необходим.

Этот перевод даст возможность Наркомпросу поставить на определённую высоту учреждение для правонарушителей во Всеукраинском масштабе, будет важным орудием в борьбе с детскими правонарушениями на Украине.

На основе вышеуказанного Наркомпрос просит разрешения перевести колонию им. Горького из Полтавского округа (бывш. имение Трепке) в Харьковский округ (бывш. Куряжский монастырь).

В настоящий момент имение бывш. Куряжского монастыря находится в распоряжении Харьковского окрпомдета. На перевод колонии Наркомпросом уже достигнуто соглашение с Харьковской окринспекцией Наркомпроса и Окрпомдетом.

Зам. наркома просвещения Ряппо

Зав. упрсоцвосом Кириченко

Зав. адм. управлением Лещинский

Украинский гос. архив Октябрьской революции (бывш.), ф. 166, оп. 6, д. 1823, л. 32, с об.

Из статьи «перевод Полтавской трудколонии в Куряж» **(Харьковский пролетарий, 17 апреля 1926 г., авт. – Б.Г.)**

...Харьков, привлекающий к себе много сотен беспризорных и являющийся одним из главных центров детской преступности, особенно сильно испытывает эту нужду в специалистах-педагогах. Окружная харьковская комиссия по делам несовершеннолетних преступников за последние 3 месяца пропустила 1500 подростков, совершивших крупные правонарушения.

...Назревает возможность перевода в Куряж Полтавской колонии для малолетних правонарушителей имени Максима Горького. Это опытно-показательное учреждение Наркомпросса [УССР] является одним из лучших в СССР. В ней работает коллектив из 35 специалистов-педагогов... Наркомпрос готов перевести эту колонию в Куряж в полном составе служащих и воспитанников, со всем имуществом... Нашей окринспектуре наробраза будет предоставлено в колонии 150 мест для малолетних правонарушителей...

До сих пор окрпомдету нередко приходилось обращаться в колонию имени Максима Горького с ходатайством о приёме в неё харьковских правонарушителей. Куряжская же колония находится в чрезвычайно плохих условиях, вместе с тем поглощает большие средства. Дети не получают того, что могли бы получить при хорошей постановке дела...

Высказываются опасения, что Наркомпрос через некоторое время передаст эту колонию на содержание местного совета, что ляжет тяжёлым бременем на наш окружной бюджет…

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах 1926-1928гг./Авт.-сост. И.Ф. Кривонос, Н.Н. Тарасевич, А.В. Ткаченко. Под ред. И.А. Зязюна. - Киев, 2008, с. 125 – 126.

Обширная документация 20 марта – 29 мая 1926 г. о переводе Полтавской трудовой колонии им. М. Горького в расположение Куряжской колонии им. 7 ноября (под Харьковом) различных организаций: **Наркомпроса УССР (зам. наркома Я. Ряппо, член Коллегии НКП Бутвин, зам. упрсоцвосом Арнаутов), Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних (предс. Р.Л. Берлин), Харьковской окркомиссии помощи детям (предс. С.Е. Тарапата), Харьковского окрисполкома (С.И. Канторович), Харьковского окрплана, Харьковского окрино (Махно), Полтавского окрино (Ольшанский), Полтавского окрисполкома, Харьковского окрисполкома (предс. Т.Д. Гаврилин), см.: Опускула макаренкиана, № 25, с. 210-248.**

В этих материалах говорится: «колония им. М. Горького в Куряже будет именоваться Харьковской трудовой колонией им. М. Горького и представлять опытно-показательное учреждение Наркомпроса». Колония комплектуется детьми свыше 120 «по ордерам Харьковской комиссии при ИНО». Горьковская колония – «крепкий коллектив воспитанников и педагогов, с собственной учебно-воспитательной системой». Это будет «учреждение для [несовершеннолетних] правонарушителей Всеукраинского масштаба, хорошим орудием в борьбе с детскими правонарушениями на Украине».

Эти материалы – ещё одно свидетельство становления и развития взглядов и опыта А.С. Макаренко как социально-культурного явления. Тут же: телеграмма зам. наркома просвещения Приходько, 11 авг. 1926 г. Административно-финансовой комиссии Совнаркома: Наркомпрос «больше не заинтересован в б. имени Попова». См. также: текст статей в газетах о переводе колонии в Куряж – Харьковский пролетарий, 25 апреля; Работник, 21 мая; Пролетарий, 16 июня (Опускула макаренкиана, №25, с. 223-225, 247-249).

Заявление

Прошу назначить меня в колонию [им. М. Горького] в качестве воспитательницы. Образование – гимназия и специальн. драм. курсы. Специальность в настоящее время [в колонии] – клубн. работник. Стаж – 6 лет.

Н. Остроменцкая

21/V 26

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им.М.Горького…, с.17.

Соглашение. Г. Харьков, мая … дня 1926 года. Народный комиссариат просвещения Украины… **в лице предс. Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних тов. Р.Л. Берлин, … с одной стороны, и Харьковская окружная инспектура народного просвещения в лице… тов. Т.Д. Махно и окружная комиссия помощи детям в лице председателя С.Е. Тарапата, с другой стороны, согласились в следующем.**

1…Часть означенного имущества [Куряжской колонии для беспризорных детей] может быть вывезена окринспектурой лишь в Валковский детский дом: 2 лошади с упряжью, 1 воз, 1 бричка, 1 водовозка, 1 комплект кухонной посуды и 5 свиней…

3…Харьковская трудовая колония им. М. Горького будет представлять опытно-показательное учреждение Наркомпроса.

4. До 1 октября[1] 1926 г. Наркомпрос обязуется содержать в этой колонии не более 120 воспитанников, состоящих на госбюджете [Украины]…

6. Окринспектуре…поместить…не более 150 воспитанников-правонарушителей,…до 1 октября 1926 г. отпускать на них средства по существующим нормам учреждения для правонарушителей, а именно: на 1

зав. педчастью, 1 агронома, на воспитателей по расчёту 1 на 10 воспитанников, на 1 электромонтёра, 2 инструкторов, 1 повара, 2 прачек, 1 сторожа, 1 конюха, 1 врача и 1 счетовода.

7...Колония им. Горького принимает временно 50 девочек, находящихся в Куряже, сверх указанных 150, они содержатся за счёт окрпомдета...

10. Окрпомдет обязуется выдать на организационные и ремонтные расходы по специальной смете 20 000 руб., из коих 2 000 руб. выдаются немедленно..., прочие же – разными месячными долями в течение 4 месяцев...

12. Передача колонии: окринспектура обязуется к 15 мая 1926 г. вывести из колонии всех воспитанников, сверх указанного числа 150 мальчиков и 50 девочек. Персонал частично может быть использован в колонии в Валках, а также в колонии им. М. Горького по соглашению с зав. колонией. Остальной персонал увольняется, и расходы по увольнению берёт на себя Помдет...

14. 150 мест должны быть заменены правонарушителями до 1 октября 1926 г....

16. С 15 мая 1926 г. ответственность за состояние колонии переносится на зав. колонией им. Горького...

17. ...Настоящий договор вступает в силу по разрешении Совнаркомом вопроса о переводе колонии им. Горького из Полтавского округа в Харьковский...

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького... с. 135-137.

[1] Октябрь – начало нового бюджетного года.

Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних, 23 / VI 1926 г., № 294.

Прилагаю к этому заявление тов. Н.Ф. Остроменцкой, прошу назначить её на 3-месячный стаж по работе учителя-воспитателя колонии.

Заведующий колонией *А. Макаренко*

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького... с. 138.

1927 г.

В Президиум Окрисполкома

В этом году особенно были урезаны [финансовые] сметы наших детколоний, и поэтому материальное положение их ухудшилось. До этого деньги финотделом в течение всей осени выдавались очень неаккуратно и с огромными трудностями, иногда заведующим приходилось для получения небольших сумм ездить по нескольку раз в город.

В конце прошлого года, как обычно бывает осенью, во всех колониях была большая нехватка одежды, которая увеличивалась ещё и тем, что почти во всех колониях осенью был произведён более или менее значительный выпуск воспитанников на производство и в ФЗУ, их приходилось выпускать в лучшей одежде.

Такие выпуски всегда нарушают одежное благополучие колоний, т.к. оно всегда испытывает нужду. Но в прошлом году Окрфо выдавал осенью на одежду 50 % или 75 % годовой суммы, и это позволяло колониям в какой-то мере благополучно выходить из беды. В этом году колонии получили значительно меньше.

Кроме того, нужно отметить, что ухудшение положения колоний – это процесс, который продолжается уже давно и причин этого очень много. Одной из таких причин является то, что не было ни одного года, когда все потребности колоний удовлетворялись как следует, особенно потребности капитального ремонта и учебной части.

Благодаря этому колониям приходится все свои приобретения по хозяйству отдавать на ремонт и одежду, а на её улучшение ничего не оставалось.

В тяжёлом положении, в котором находятся сейчас все наши колонии, кассовый план ФО наносит страшный удар, который может погубить все наше дело. По этому кассовому плану назначено выдавать на еду 1/16 годичной суммы, а на иные потребности 1/24.

А поскольку такой порядок вводится с 1 октября, то Окрфо все то, что он выдал в обычном порядке с 1 октября до 1 февраля, считается необходимым пересчитать, как это предусмотрено кредитами колоний по кассовому плану. Благодаря этому большинству колоний в феврале, марте и апреле не приходится просто ничего получать.

В Управление поступают заявления, в которых в самых решительных формах отказываются отвечать за такое положение. И действительно, никто не ожидал переработки кассового плана на весь год в феврале месяце. Недопустимо объявлять кассовый план сейчас, когда прошло уже 5 месяцев. Когда в октябре было выдано на еду, скажем, 1000 рублей, а в феврале объявлено, что нужно было выдать 700, то нельзя на этом основании в феврале и марте ничего не давать…

В общем, нормы, по которым живут наши колонии, настолько малы, что какие бы ни были реорганизации этих норм, хоть бы и на короткое время, ни в коем случае не могут допускаться без согласия Окрино, чтобы вконец не развалить детучреждения. За такой развал кто-то будет отвечать, но только не Окрфо.

На основе всего сказанного Управление ДК просит распоряжения Президиума ОкрИКа о восстановлении нормального кассового плана для детколоний.

Заведующий Управлением детскими колониями
А. Макаренко

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького... с. 189-190 (укр. яз.). Не датировано; по содержанию: начало февр. 1928 г.

В результате этого макаренковского представления Президиум Харьковского Окрисполкома 22 февраля предложил финотделам своевременно и полно «срочно передавать ассигнования на содержание детских домов и колоний, без какой-либо задержки» (А.С. Макаренко «Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 252). В это время А.С. Макаренко уже не был зав. Управлением детколоний и детдомов, уволен 15 февраля; его место занял М.Я. Сухарев, принципиальный противник «макаренковской системы».

В ВУЦИК

...Имея в виду то, что

1) Численность правонарушителей в последнее время растёт, а детучреждения Комиссии [по делам несовершеннолетних] переполнены, в силу чего харьковской Комиссии приходится много правонарушителей оставлять на улице,

2) Харьков – центр, куда собираются беспризорные из всех округов Украины, а также из РСФСР,

3) Колония им. Горького часто обслуживает и те комиссии по делам несовершеннолетних других округов, которые не имеют своих учреждений для правонарушителей,

4) Колония им. Горького как образцовое учреждение, которое может наиболее плодотворно использовать необходимые средства, –

НКП поддерживает ходатайство Харьковского окрисполкома и просит предоставить колонии им. Горького 101.803 руб.

Зам. наркома просвещения Приходько
И.о. зав. упрсоцвосом Арнаутов
Предс. ВКОН Берлин

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького... - Киев, 2008, с. 159. Без даты. Дата регистрации документа в ВУЦИКе – 8/VI – 27.

Из акта обследования «1-й трудовой колонии им. М. Горького» комиссией Харьковского горсовета **(в составе: Фрейман, Сергеев, Топорков, Потапенко) 13-14 июня 1927 г.:**

«Колония находится на окружном бюджете, в ведомстве Наробраза. Средства отпускает Окрисполком, ... на одного воспитанника приходится ... 31 коп. в день. 351 воспитанник, из них мальчиков – 298, девушек – 53. Возраст: преобладает 15, 16, 17, 18 лет, несколько человек 11, 12, 13, 9 лет... Педагогов – 19, инструкторов – 9, хозяйственников – 13.

Мастерские: швейная, 9 машин, 13 чел. «обслуживает свою колонию; сапожная, 16 чел., обслуживает себя; кузня, 6 чел., обслуживает себя; пекарня, 6 чел., полностью обслуживает себя. Остальные работают в поле, на огороде, учатся в школах ФЗУ и несколько на фабрике.

В колонии своя прачечная, электростанция, водокачка».

Под полем и огородом 50 десятин (54,5 га – А.Ф.), есть 2 трактора и необходимые сельскохозяйственные орудия. Строится новый свинарник на 100 голов. Есть 14 лошадей, 6 коров (одна дойная), 40 овец, 40 гусей. «Ребята работают в свинарне, конюшне и в поле».

Санитарное состояние вполне удовлетворительное. Столовая чистая, светлая, спальни чистые, особенно у девушек, постели каждую неделю проветриваются. Двор чистый, в цветочных клумбах. Есть баня... Бельё меняется 2 раза в месяц... Большая скученность в спальнях, спят по 2 человека. Чистотой ведает комендантский отряд, из воспитанников...

Состояние здоровья воспитанников удовлетворительное... Есть 2 комнаты для больных и аптечка, больничку обслуживает врач и фельдшер... Ребята все загоревшие, правда, худые, есть туберкулёзные, но не с открытым процессом.

Питание удовлетворительное, ребята получают 2 раза в день чай с хлебом[1] и обед из 2-х блюд, первое с мясом, на второе каша с маслом, хлеба достаточно. Для них этого недостаточно, потому что всё время проводят на воздухе и в поле...

Главный орган самоуправления – совет командиров, 25 человек, куда входит заведующий [колонией] и воспитатель. Командиры по отрядам распределяют работу, руководят внутренней жизнью колонии. Накануне каждого дня читается приказ, с распределением работ.

Дисциплина хорошая, на военную структуру... Больших проступков со стороны ребят не замечается, бывают кражи, но очень редко, по ним принимаются меры.

Меры воздействия: имеется товарищеский суд, куда входят 4 воспитанника и 1 воспитатель. Оставляют «без праздников» или выговор в приказе. За малые провинности или невыполнение работ ставят «под винтовку».

По колонии ежедневно дежурят 4 человека ответственных за жизнь колонии: воспитатель, 2 мальчика и девочка.

Школа охватывает всю колонию, организован Ликбез.

В школе 6 групп, у ребят большая тяга на рабфак и ФЗУ. Есть умственно отсталые ребята... В общем, ребята есть очень развитые и способные, есть любители художеств и др...

Ребята довольно дружные, лозунг «все за одного и один за всех». Недавно на деревне убили одного воспитанника, и ребята грозят мщением за это. Между педагогами установились хорошие отношения...

Взаимоотношения парней и девушек – довольно здоровые отношения».

«Утечка» бывает главным образом тех, кто прибывает в колонию и не может, не хочет учиться, не соглашается с правилами колонии. Убегают и при дороге в колонию. «В среднем из присылаемых ребят 35 % убегает. Так в 1926–1927 гг. убежало 60 человек».

Комсомольская ячейка – 112 человек. «Всего актива 40-35 человек. Комсомольцев в Совете командиров 80 %»...

Общее состояние колонии удовлетворительное.

Комиссия «считает ненормальным нахождение церкви во дворе колонии, несмотря на то, что неоднократно ставился вопрос перед Исполкомом и ВУЦИКом, но всё безрезультатно. В этом же дворе имеется другая церковь, и колония берётся её отремонтировать...

Запросить окрисполком, имеются ли средства для достройки помещения [спальни], уже начатого... Произвести ремонт спальных помещений, клуба, столовой, школы и больницы... Метод назначения самоуправления неправилен... Недостаточное партруководство... Ненормальным являются нелады с деревней, нужно наладить взаимоотношения. Стенгазеты реорганизовать в одну общеколонисткую газету... На обследование потрачено 2 дня и 4 часа...»

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., с. 159-162. См. обширный коммент. к этому документу, с. 247-250.

[1] Видимо, на завтрак и ужин давался лишь «чай с хлебом».

Из статьи «Новый день настал» **(наименование газеты не указано), 28 июня 1927 г., автор – «Воспитанник колонии М. Тевелев».**

«Ночь прошла, вставайте, братья, новый день настал. Труби сбор! За мотор, за лопату, за топор! Эй, ставать пора!». Это трубит подъём сигналист.

Сигналом начинается день в Куряжской трудовой колонии им. Максима Горького... Около умывальника почти никого нет; каждому охота выкупаться в пруду, что находится в 25 шагах от спальни. Недаром в прошлом году по очистке пруда 4 месяца работал сводный отряд в 50 человек...

Выкупавшись и позавтракав, идём на работу; кто в мастерские, кто в поле...

Работа длится до 4-х часов с перерывом на обед с 11 до 1 часу дня.

Свободное время каждый использует так, как ему нравится: кто на речку, кто в лес, а кто в клуб – заниматься чтением, игрой в шахматы, шашки, домино. Самая жаркая пора в клубе начинается тогда, когда приходит почтальон и приносит свежие газеты и журналы. Их берут нарасхват.

- Дроздюк, мне «Харьковский пролетарий»...

- А мне «Комсомольскую правду»!...

Есть у нас и стенгазета – «Швайка». Она выходит еженедельно, в ней освещается вся жизнь колонии. В кружке рабкоров 24 чел. Ежемесячно выходит журнал «Молоді поростки».

Каждую субботу в клубе колонии ставиться пьеса или выступает живая газета. Еженедельно колония впитывает новые кадры беспризорных, чтобы сделать из них будущих строителей новой жизни.

В загорелом, здоровом воспитаннике не узнать грязного, вшивого беспризорного, валявшегося на харьковских тротуарах...

РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 66, л. 10.

Записка зам. предс. Харьковского окрисполкома С. Канторовича, **8 июля 1927 г., секретарю ОВК И. Морозу:**

«Прошу внести в протокол През[идиума] постановление о назначении т. Макаренко зав[едующим] всеми без исключ[ения] детскими домами. Предложить т. Макаренко через ОНО срочно представить свои соображ[ения] насчёт реорганизации детс[ких] учрежд[ений] и тех мероприятий, которые необходимо провести для улучшения их состояния. Всё это необходимо занести в протокол сегодня же, а то мы потеряем Макаренко. Хватит нянчиться!»

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., с. 75 (укр. яз.).

Удостоверение

9 июля 1927 г.

Окружная инспектура народного образования поручает завед. Харьковской колонией им. М. Горького т. Макаренко А.С. ознакомиться с постановкой сельскохозяйственной и организаторской работы совхозов Харьковского округа для углубления сельского хозяйства в детских учреждениях окрино. Просим администрацию совхозов помогать т. Макаренко в деле ознакомления.

Окринспектор народного просвещения
А. Миколюк[1]

Секретарь Липовой

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., - с. 164. Документ показывает направленность педагогического творчества А.С. Макаренко на связь с жизнью, передовыми формами организации производства.

[1] А.С. Макаренко намеревался изобразить его в «Педагогической поэме», см. Люлюк: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 341.

Исполнительный лист

Именем Украинской Социалистической Советской Республики

1927 года июля 22 дня Народный суд 13-го района г. Харькова рассмотрел дело по иску Союза работников просвещения к окружной комиссии помощи детям о подъёмных [средствах при переводе на новое место работы].

Определил: Взыскать с Наркомпроса [УССР] в пользу Союза робос для 24 работника детколонии им. Горького:

1) *Макаренко А.С.* **– 101 руб. 25 коп. 2)** *Балуевой Е.М.* **– 56 р. 3)** *Ковалю Л.Т.* **– 36 р. 4)** *Григорович Е.Ф.* **– 50 р. 5)** *Сагредо Л.П.* **– 50 р. 6)** *Архангельской З.П.* **– 50 р. 7)** *Весичу В.А.* **– 62 р. 50 к. 8)** *Говорецкой О.Т.* **– 50 р. 9)** *Татаринову Т.Д.* **– 75 р. 10)** *Калюжному Д.С.* **– 87 р. 50 к. 11)** *Татариновой В.Н.* **– 50 р. 12)** *Богданович С.Л.* **– 90 р. 13)** *Охмацкому П.И.* **– 56 р. 25 к. 14)** *Малюцкому С.Т.* **– 45 р. 15)** *Николаенко М.П.* **– 67 р. 50 к. 16)** *Весич Е.М.* **– 45 р. 17)** *Бузинной А.Я.* **– 56 р. 25 к. 18)** *Тапуць Б.М.* **– 15 р. 50 к. 19)** *Сербикову А.Л.* **– 76 р. 20)** *Глуповой А.Ф.* **– 28 р. 21)** *Величко Е.В.* **– 28 р. 22)** *Стебловскому Е.Ф.* **– 35 р. 23)** *Улищенко С.М.* **– 26 р. 25 к. 24)** *Квитковскому* **– 28 р. Всего 1346 руб....**

Исполнительный лист выдан юрисконсульту Союза робос З.П. Валерьяновой.

Народный судья 13-го района г. Харькова (подпись)

Секретарь (подпись)

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., - с. 178 (укр. яз.; фамилии уточнены А.А. Фроловым).

Документ свидетельствует о сплочённости коллектива сотрудников горьковской колонии (включая мастеров производства и технических работников), их преданности делу. Это важнейший фактор педагогического успеха А.С. Макаренко. Видна разница в оплате труда воспитателей-учителей, связанная с исполнением дополнительных обязанностей (учтён и стаж работы в колонии).

Видно и то, какую заботу А.С. Макаренко проявлял к материальному обеспечению работников: деньги взысканы через суд; определение нарсуда 13-го р-на г. Харькова подтверждено 6 октября 1927 г. Харьковским окружным судом (там же, с. 186-187).

5 авг. 1927 г.: Харьковский окрИНО «по категорическому предложению Харьковского окрисполкома» назначает А.С. Макаренко на должность зав. детскими интернатными учреждениями округа **(при сохранении заведования колонией им. М. Горького; с 20 окт. 1927 г. он становится также заведующим коммуной им. Ф.Э. Дзержинского).**

В ведение А.С. Макаренко вошли:

10 детских колоний (им. М. Горького, Комаровская, Ржавецкая, Зеленогайская, Гиевская, Будянская, Дергачевская, Брусиловская, Пересичанская, Лозовская), 4 детских городка (Ахтырский, Богодуховский, Валковский, Волчанский), Окружной коллектор-распределитель, Змиевский реформаторий и 3 общежития рабочих подростков (№ 1 по Александро-Невской, № 2 по Красноармейской улицам, № 3 у с. Липовая роща). Общая численность: педперсонала – 514 чел., технического – 409 чел.; воспитанников колоний и городков – 5910 чел. (в среднем по 400 чел. соотношение численности воспитанников и персонала примерно 8:1).

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., - с. 77 (укр. яз.).

Акт обследования

Нами, дежурным помзавколом по колонии О.Д. Иваненко и политвоспитателем Г.А. Новиковым был проведён 13/VIII – 27 г. опрос воспитанников колонии им. М. Горького путём анонимной анкеты.

Опрос имел целью выявить, сколько в течении года членов отряда было командирами отряда. Анкета имела лишь один вопрос; если командиром был, то воспитанник должен поставить +, а когда нет – 0.

Обследование дало такие результаты:

Командиром отряда в 1 отряде (16 воспитанников) – никого; 2 отр. – 1 восп. (12 – 0, 1 +); 3 отр. – никого (13 – 0); 4 отр. – 1 восп. (11 – 0, 1 +); 5 отр. – никого (14 – 0); 6 отр. – 1 восп. (4 - 0); 7 отр. (27 – 0, 1 +); 8 отр. (11 – 0, 3 +); 9 отр. (9 – 0); 10 отр. (13 – 0); 11 отр. (8 – 0, 1 +); 12 отр. (15 – 0); 13 отр. (10 – 0, 2 +); 14 отр. (13 – 0); 15 отр. (5 – 0); 16 отр. (11 – 0); 17 отр. (7 – 0); 18 отр. (16 – 0, 1 +); 19 отр. (19 – 0); 20 отр. (17 – 0); 21 отр. (13 – 0); 22 отр. (15 – 0, 2 +); 23 отр. (9 – 0); 24 отр. (никого); 25 отр. (7 – 0).

Оксана Иваненко

Г. Новиков

РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 68 (укр. яз.).

Опросом охвачены, видимо, все 25 отрядов, в каждом по 11 – 17, 3 – 9 чел.; в одном – 27. Неполные данные, т.к. общее число опрошенных – 290 чел. (при 351). Командирами отрядов были 11 чел. Где же остальные 14 командиров отрядов?

Опрос проведён в преддверии обсуждения 18 авг. 1927 г. на президиуме Харьковского окрпомдета акта обследования колонии им. М. Горького, проведённого секцией просвещения Харьковского горсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 13-14 июня 1927 г. (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 223).

К сведениям об опросе приложены: Пояснительная записка А.С. Макаренко (необходимо скопировать, опубликовать) и списки воспитанников по отрядам с пометами по опросу. Относящиеся к нач. февраля 1928 г. списки двух отрядов с данными о пребывании воспитанников командирами основного, учебного и сводного отрядов, пом. командира основного отряда см. там же, Часть 2, с. 39-40. Сведения авг. 1928 г. о «среднем стаже» пребывания воспитанника в колонии см. там же, с. 129.

Из постановления Президиума Харьковской окркомиссии помощи детям, **18 августа 1927 г.**

5. Слушали: Акт обследования 13-14 июня 1927 г. детколонии им. М. Горького, составленный секцией просвещения Харьковского горсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Постановили: В целях всестороннего ознакомления с работой и состоянием детколонии им. М. Горького просить Президиум горсовета поставить на ближайшем своём заседании доклад заведующего т. Макаренко с содокладом комиссии по обследованию.

Просить окрнарпрос принять меры по устранению недостатков и ошибок, отмеченных в акте обследования. В случае несогласия с теми или

иными заключениями акта обследования просить окрнарпрос подать свои соображения по этому делу в окрпомдет и Президиум Горсовета.

Предс. Президиума окрпомдета Сухарев

Секретарь Высочин

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., - с. 170 (укр. яз.).

Записка председателя Мерефянского райисполкома **Гребенюка к секретарю ОИКа Морозу:**

«Т. Мороз! С т. Макаренко мы не договорились. Разбирать имущество [Ржавецкой] колонии чрезвычайно невыгодно. Неэкономно, т.к. старые постройки вывозить, это с одной стороны, [а с другой], эти постройки не дадут никакой пользы для вновь стро[ящейся] колонии. С ком. прив.».

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького... - с. 88. Без даты. До 17 сент. 1927 г.

В сентябре 1928 г. партколлегия Харьковской окружной контрольной комиссии КП(б)У, рассматривая дело парторганизации завода «Стекло-Мерефа», обвинила Гребенюка в растлении малолетних, пьянстве и др.

Выводы комиссии по обследованию колонии им. М. Горького **(первая половина октября 1927 г.).**

1. Считать целесообразным существование в детколониях с небольшим числом детей отрядную систему по производственному принципу.

2. Категорически отрицая существующую форму самоуправления, считать необходимым реорганизовать её, на принципе широкой выборности, отчетности и ответственности перед детским коллективом, при одновременном руководстве педсовета.

3. В корне изменить существующую установку воспитания в сторону развития детской самостоятельности и инициативы путём изменения существующего самоуправления, организации массовой, клубной, внешкольной работы, обеспечения партийного руководства, что даст возможность комсомольской организации проявить себя как руководителя всей общественно-политической жизни коллектива.

4. Констатируя факты избиения, как со стороны воспитанников-командиров, так и со стороны зав. колонией, категорически протестовать против этого...

5. Считать недопустимым перенесение существующей в колонии Горького системы воспитания на другие колонии, о чём поставить вопрос перед фракцией окрисполкома.

6. Принципиальная установка колонии Горького о невозможности существования пионерорганизации как второй системы воспитания считать в корне неправильной и политически неверной.

7. Допуская внешнюю атрибутику как форму, дисциплинирующую ребят (форма, салют), категорически возражать против излишней атрибутики...

8. Принимая во внимание принципиальную установку тов. Макаренко на содержание и методы социального воспитания, идущую вразрез с общей линией соцвоса, - считать необходимым руководство детколониями (особенно в настоящий период реорганизации) возложить на партийных товарищей.

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., - с. 177-178. Полный текст акта обследования см. там же, с. 173-177.

Обследование проводилось в рамках «месячника» обследования «всех 24 детучреждений Харьковщины», специальными «тройками», под общим руководством Сухарева, Зайчик и Розовского (два первых – принципиальные противники «системы Макаренко»).

О колонии им. М. Горького говорится: «Школой охвачены все колонисты... Мастерскими (столярная, кузница, сапожная, швейная, электростан-

ция, трактористы) охвачены 131 чел.... Все остальные работают по хозяйству (в столовой, конюшне, свинарне и т.д.). Отношение к труду у большинства хорошее, особенно у работающих в мастерских и свинарне... Педагогический состав – хороший». «Считать линию на россификацию колонии абсолютно неверной».

Обширный комментарий к «Акту обследования» см. там же, с. 255-258. Его основное содержание см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 231. О последующих событиях см. в этой книге, с. 232-293. (в особенности с. 253-254, 287-288, 291-292). А.С. Макаренко в это время заведовал Управлением детдомов и детколоний Харьковского округа; в течение 4-х месяцев фактически не руководил колонией им. М. Горького, заведовал ею его помощник (Л.Т. Коваль, сменилось 4 человека).

Результаты обследования затем 21 октября обсуждались на заседании президиума Харьковского горсовета рабочих и красноармейских депутатов, а также 1 декабря на заседании президиума окружной комиссии помощи детям и 14 декабря на заседании инспекторов харьковского НКП (Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., - с. 179-180, 182-183, 184).

А.С. Макаренко при обсуждении в первой пол. октября 1927 г. акта обследования колонии им. М. Горького использовал материал, составленный О. Иваненко и Г. Новиковым 13 авг. 1927 г. (о пребывании воспитанников в должности командира отряда). На обратной стороне одного из листов этого материала он записал отдельные положения акта обследования:

Некоторая чёткость. Непривлекательный вид столярной [мастерской]. Клубная работа. Сознание красноармейца. Не сознательная дисциплина [в колонии]. Некоторая стройность. Командиры имеют право расформировать весь отряд. Детский коллектив не может исправлять ошибки командиров. Приказу [по колонии] нельзя возражать и не возражают. Нет санработы. Отсутствие жизни кипучей, творческой. Плохо поставлена клубная работа – нет кружков. Общее развитие недостаточное. Замкнутость, запуганность. Наказания не являются предметом обсуждения. Клякса. А так они ничего никому не скажут.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 68.

Рапорт заместителя заведующего детскими колониями Харьковского округа Г.С. Салько и заведующего производственной частью колоний Н.Э. Фере об обследовании Гиевской и Будянской колоний 5 декабря 1927 г.

Заведующему детколониями Харьковского округа.

РАПОРТ.

Сего 5-го декабря 27 года зам. зав. детколониями т. Салько и зав. производств. частью Н. Фере обследовали детколонии в Гиевке и Будах. При обследовании выявлено следующее.

По колонии в Гиевке.

Колония находится в периоде реорганизации, в момент передачи и приёма от бывшего заведующего т. Шиповича вновь назначенному заведующему т. Остапченко. Поскольку при передачи колонии выяснилось хаотическое состояние отчётности колонии – был на месте отдан прилагаемый при сём приказ по колонии от имени Управления детколониями о создании комиссии для определения общего состояния детколонии, указан порядок дальнейшего ведения отчётности.

В работе колонии большим тормозом является неналаженное водоснабжение. Отпущенные Управлением 15/X 1 000 руб. для восстановления разрушенной водонапорной башни израсходованы не по назначению, и башня к наступлению холодов не восстановлена, заложен только фундамент.

Крайне необходимым является ликвидация Люботинского филиала, где находятся 68 малышей, жизнь которых проходит в самых тяжёлых условиях, в холоде, без достаточного количества белья и спальных принадлежностей, в грязи, без бани, без всяких культурных условий, совершенно

забытых и заброшенных. Этот вопрос требует немедленного решения, необходимо его поставить на обсуждение в Управлении детколониями на заседании 9/XII.

Некоторая часть детколлектива недоверчиво относится к проводимой реорганизации колонии, так как, очевидно, кем-то распространяются совершенно ложные слухи о предстоящем ухудшении постановки школьной работы в колонии.

По Будянской колонии

Если сравнить теперешнее её состояние с тем, каким оно было около двух месяцев назад, - то эти понятия окажутся несравнимыми. Не входя в детальное обсуждение состояния колонии, необходимо только сказать, что если раньше воровство, невылазная грязь где бы то ни было, постоянные побеги из колонии, склока среди служащих – это всё, что имела колония, то сейчас чистота, порядок и труд завоевали своё место в колонии очень прочно.

Зам. зав. детколониями Г.Салько

Зав. производств. частью Н.Фере

РГАЛИ. ф. 332, оп. 5, ед. хр. 371. С припиской Г.С. Салько: «В эту поездку я заболела воспалением лёгких. Не было тёплого пальто, в дороге было очень холодно, дул пронизывающий ветер. 3 года была на инвалидности».

Темы для кинохроники о колонии им. М. Горького

1. Там, где был дом монахов, живёт трудовая колония им. М. Горького.

Общий вид монастыря.

Въезд в колонию. Надпись на входной арке: «И водрузили над Землёю красное знамя труда».

Флаг, развивающийся над главным зданием. Надпись на обратной стороне входной арки: «Есть!» Двор колонии. Игры колонистов.

2. Рабочий день в колонии начинается. Раньше всех поднялось дежурство.

Дежурство во дворе колонии.

Будят дежурного сигналиста.

Сигнал «Вставать».

Пробуждение.

Физкультура колонистов.

3. После завтрака. Сигнал на работу.

Отряды расходятся по работам.

Выехал трактор.

Выгнали стадо.

Выпустили свиней на прогулку.

Выехали в город для исполнения заказов.

Куют крестьянского коня (работа кузницы).

Контроль рабочего отряда.

Уборка [помещений колонии].

Пикет сторожевого отряда.

Школа.

4. Дисциплина.

Строй колонистов. Сбор.

Вынос знамени [колонии].

Ушли на прогулку.

Выговор [воспитаннику].

Рапорты командиров [отрядов].

Выезд пожарной команды. Тревога.

5. Зав. колонией и персонал

6. Игры и танцы.

7. Кино.

Из статьи: А.В. Ткаченко. Малоизвестные кинематографические аспекты истории трудовой детской колонии им. М. Горького // Материалы Международной научно-практической конференции «Наследие выдающихся педагогов Полтавщины...» / Глав. ред. М.В. Гринёва. – Полтава, 2009, с. 79 (укр. яз.).

Данный текст – это приложение к письму А.С. Макаренко 29 октября 1927 г., адресованному к ВУФКУ: «Колония им. М. Горького, планируя выпускать кинохронику к 10-летию Октября, просит заснять колонию в её работе на месте по прилагаемому плану» (там же).

Практически одновременно с этим, 31 октября, в эту же организацию обратилось правление харьковского окружного совета Товарищества «Друг детей» с предложением «произвести в празднование Октября» киносъёмку в колонии им. М. Горького по сюжетам: колония им. М. Горького (Куряж), приезд шефов, совместное празднование Октября в колонии, преподнесение шефами трактора колонии и прочие моменты из жизни колонии».

До этого кооперативное товарищество «Красный факел» сняло кинохронику о горьковской колонии, с сюжетами: салютование её воспитанников Всеукраинскому Центральному Исполнительному Комитету, смена караула у знамени колонии, заседание совета командиров с обсуждением предстоящей работы трудовых отрядов (корреспонденция об этом в газ. «Коммунист», 26 августа 1927 г.).

Этот кинодокумент ещё неизвестен исследователям. Неизвестно и то, были ли осуществлены предложения А.С. Макаренко и Товарищества «Друг детей» о киносъёмке жизни колонии им. М. Горького. Кинохроника о встрече А.М. Горького в колонии 9 июля 1928 г. и о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского (дек. 1932 г.) отражена в публикациях А.А. Фролова: Народное образование, 1968, № 2 и в кн. «А.С. Макаренко. Кн. 9», - Львов, 1974.

Вторая половина 1920-х гг. – начало бурного развития отечественной кинематографии, документального кино. Киевская студия художественных фильмов была создана в 1928 г. А.С. Макаренко, как социальный педагог, хорошо понял значение кино в народном просвещении, особенно в воспитании молодёжи. Им создано 2 киносценария о жизни подростков, молодёжи – «Настоящий характер» и «Командировка» (Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 216-291).

1928 г.

Справка о стоимости содержания одного воспитанника детучреждений **по финансовой смете на 1927/28 год**

...Трудколония им. М. Горького: сумма бюджета – 141.429 руб.; число детей – 350; стоимость сод. 1 ребёнка – 404 р. 09 к.

Всего – 17 детучреждений. Стоимость сод. 1 ребёнка: Ахтырский – 810 р., Богодуховский – 790, Дергачевский – 450, Октябрьской революции – 300, Валковский – 250, Пересечанский – 250, Будянский – 250, Гиевский – 240, Волчанский – 230, Брусиловский – 200 и др.

Бухгалтер Ададуров

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., - с. 212.

15 февр. 1928 г.: постановление Президиума Харьковского окрисполкома об увольнении А.С. Макаренко с должности зав. Управлением детдомов и колоний округа, **её занимает его противник М.Я. Сухарев. А.С. Макаренко продолжает заведование колонией им. М. Горького и коммуной им. Ф. Э. Дзержинского.**

Из протокола заседания Президиума Харьковского окружного исполкома совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов XI созыва, **20 февраля 1928 г.**

Постановили:

В целях увеличения оборотных средств мастерских трудколонии им. М. Горького для своевременной заготовки материалов разрешить колонии кредитоваться в соответствующих учреждениях до 2 000 руб., при условии своевременной оплаты кредитования за счёт спецсредств колонии...

В соответствии с заключением ОФО, установить для сотрудников детской колонии им. М. Горького ставки зарплаты в тех пределах, которые существовали в 1926/1927 г., имея в виду, что хотя упоминаемые ставки увеличены в сравнении с установленными Президиумом ОНКа, это увеличение компенсируется соответствующим уменьшением штатных единиц колонии.

Штат детколонии им. М. Горького утвердить в количестве 48 чел.

Установить для кладовщика колонии, должность которого в прошлом году не установлена, ставку зарплаты в 50 руб. в месяц.

Заместитель председателя Харьковского окрисполкома

Канторович

И.о. секретаря Харьковского окрисполкома

Рябченко

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., - с. 193 (укр. яз.).

Из протокола заседания Президиума Харьковской окружной комиссии помощи детям, **19 апреля 1928 г.**

...Комиссия РКИ вместе с Управлением детколониями на днях обследовала Ахтырскую, Зеленогайскую, Змиевскую, им. Горького и Гиевскую колонии.

Колония Горького и Ахтырская в хорошем состоянии; Змиевская – в удовлетворительном; Гиевская и Зеленогайская – в очень плохом состоянии.

В Змиевской колонии самоуправления детей по системе [колонии] М. Горького. В прошлом году была дезорганизованной, теперь она в удовлетворительном состоянии, имеет мастерские, на их оборудование дано 9 000 руб., мастерскими будут охвачены все дети; все одеты, в помещениях чисто. Колонии будет передана часть земли Высочинского монастыря, 120 десятин[1]. Случалось битьё детей командирами, но педагоги детей не трогали, в настоящий момент устранено.

В колонии им. Горького – система командиров, коллектив спаянный, производственная база хорошая, земли 70 десятин, требуется изменить воспитательную работу...

РКИ и Союз[робос] указали, что метод воспитания детей, применяемый в Ахтырском детгородке, себя оправдал. Что касается системы колонии Горького, то указано, что её требуется постепенно заменить на исполкомовскую.

Все обследованные колонии в целом крепкие, но требуют реорганизации...

Председатель Окрпомдета Шелудько

Секретарь Высочин

А.Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., - с. 198-199 (укр. яз.). Данная проверка работы 5 колоний проведена после их обследования, результаты которого отражены в протоколе заседания Президиума Харьковской окружной контрольной комиссии 6 апреля 1928 г. (см. там же, с. 209).

[1] Десятина – 1,09 га.

Из протокола заседания финансово-бюджетной секции Харьковского Окрплана, **25 апреля 1928 г.**

Присутствовали: от Окрплана С.Е. Довбищенко; от Окрфинотдела Марьенко, от Окрино Пляченко[1]. Предс. Довбищенко, секр. Шапиро.

О результатах обследования 5 детколоний: им. М. Горького, в Гиеве, Зелёном Гае, Змиеве и Ахтырке.

Утвердить выводы в такой редакции (с расширением и изменением пунктов 8 – 13 – А.Ф.).

Выводы по обследованию колонии им. М. Горького.

1. Признать положение колонии удовлетворительным.

2. Колония имеет твёрдую целевую установку: перевоспитать вчерашних малолетних преступников в совершенно здоровых и подготовленных к трудовой жизни людей; каждый воспитанник выходит из колонии с определённой квалификацией. Это обстоятельство создаёт соответствующую благоприятную перспективу и облегчает им срок пребывания в колонии.

3. Ведение хозяйства поставлено на должную высоту. Работа в мастерских и по сельскому хозяйству ведётся по заранее разработанным производственным планам и охватывает всех воспитанников.

4. Несмотря на то, что среди детей имеется небольшой % босых, плохо одетых, материальное положение воспитанников удовлетворительное.

5. Санитарное состояние в общем удовлетворительное...

6. Крупным дефектом в жизни колонии надо считать то, что общежития-спальни и вообще жилые помещения плохо обогреваются...

7. Хотя школьными занятиями охвачены все воспитанники, необходимо констатировать отсутствие полной выдержанности в разбивке детей по возрасту и уровню знаний, какой бы то ни было связи с принятой во всех наших школах комплексной системы [обучения] и достаточного контроля зав. учебной частью над повседневной работой педагогов в школе...

8. Ни со стороны правления колонии, ни со стороны Соцвоса и его Методкома не обращено должного внимания на руководство работой учебно-воспитательной жизни...

9. Большое влияние на воспитание ребят в настоящее время имеет комсомольская организация. Всё же необходимо признать, что ячейка не сумела ещё распространить своё влияние на хозяйственную, педагогическую и политическую жизнь колонии в целом.

Сословие «колонист» ещё не совсем изжито[2]... Обратить внимание окружкома и райкома КСМУ на необходимость усиления руководства работой ячейки. Усилить внимание ячейки к работе Ю[ных] П[ионеров].

10. Несмотря на существование в колонии крупной комсомольской организации, вокруг которой организуется вся воспитательная работа в колонии, всё же наблюдается слабое политическое воспитание... Предложить комсомольской ячейке взять твёрдый курс на организацию воспитанников вокруг комсомольской организации и Ленинских заветов.

11. В прошлом, как завом, так и отдельными педагогами, применялись физические меры воздействия (избиение). Зав. колонией тов. *Макаренко* **вынести выговор за допущение применения этих мер. Воспитателям** *Свировскому* **(работает в колонии им. Дзержинского) и помзавколу тов.** *Весичу* **поставить на вид, а воспитателям** *Шилову, Чаплян, Григорович и Архангельской* **указать на резкое, подчас грубое обращение с воспитанниками.**

12. Больше всего избиения стали практиковаться в колонии при заве *Ковале***. Им самим был совершён ряд избиений, за что вынести ему строгий выговор с предупреждением. Также вынести строгий выговор** *Новикову***, работающему ныне в Управлении детколониями, за избиение воспитанника Рябцева.**

13. Самоуправление детское, построенное по системе командиров, хотя в последнее время и реорганизовано в сторону приближения его к выборности командиров, фактически не является выборным органом самоуправления. Эта система делит воспитанников на командующих и подчинённых, подавляет инициативу и самодеятельность детколлектива и вооб-

ще – приучает воспитанников к системе, противоположной советской, с какой им придётся по выходу из колонии встретиться в жизни.

Считать поэтому целесообразной реорганизацию самоуправления из системы совета командиров в систему исполкомовскую. Перевод должен быть в течение длительного срока, чтобы он не внёс никаких перебоев в жизнь колонии и детского коллектива в частности.

14. Отметить, как ненормальное явление, имеющие место случаи избиения воспитанников командирами. Предложить зав. колонией, педсовету и комсомольской организации провести широкую воспитательную работу среди командиров в целях борьбы с отмеченным злом.

15. Взаимодействия между девочками и мальчиками здоровые, однако, имеются случаи грубого обращения с девочками…

16. Констатировать перегрузку педперсонала: вместо положенных 10 воспитателей из расчёта 1 на 10 [воспитанников], согласно колдоговора, на работе всего 19 воспитателей…[4]

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького…, - с. 206-208.

[1] В «Педагогической поэме» мог быть изображён как Кляченко (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 341).

[2] Говорится о дифференциации членства в коллективе: «воспитанник» (кандидат в члены коллектива) и «колонист» (имеющий все права члена коллектива, с полным доверием коллектива к нему). «Заслуженный колонист» - готовый к выпуску, помощник воспитателя. Это технологическое решение оппоненты А.С. Макаренко рассматривали как нарушение принципа равенства в коллективе.

На заседании финансово-бюджетной секции Харьковской окружной плановой комиссии **в конце апреля 1928 г. по вопросу о Зеленогайской и Гиевской колоний решено: «Признать, что проведённые окрино укрепление и реорганизация детского самоуправления с переводом исполкомовский системы на командирскую ухудшили положение колоний и затруднили условия работы в них… Реорганизация детского самоуправления из системы исполкомов дала отрицательные результаты. Предложить администрации колонии немедленно перейти на систему исполкомов».**

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького…, - с. 95-96 (укр. яз.).

Из письма зам. наркома просвещения УССР **Полоцкого заместителю общественного комитета по организации юбилея М. Горького тов. Арт. Халатову, на в/№ 1030 вх.**

По поводу ходатайства дет. колонии им. М. Горького об отпуске средств для ремонта помещений колонии, в связи с предстоящим приездом М. Горького:

…Соответствующее ходатайство о специальной надбавке [средств] колонии, ввиду предполагаемого приезда туда М. Горького, было уже возбуждено перед Харьковским окружным исполнительным комитетом, в результате чего колония получила 10 000 рублей.

…Наркомпрос УССР просит ещё раз пересмотреть это дело в Комитете и в случае наличия какой-либо возможности выделить соответствующую сумму для колонии им. М. Горького.

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького…, - с. 204. Без даты. Ориентировочно – кон. апреля 1928 г.

Из протокола заседания президиума Харьковской окружной комиссии помощи детям, **8 мая 1928 г.**

Предс. Шелудько, секр. Височин, присутсв. Фиш, Розовский и др. Слушали: Доклад зав. детколониями Сухарева о положении детучреждений.

Из выступлений по докладу:

Файбишева: Недопустимое отношение зав. колонией им. М. Горького к воспитанникам требует особого внимания, следует привлечь его к ответ-

ственности, а систему управления, какая применяется в колонии Горького, - сменить.

Розовский: В Ахтырском детдоме за битьё детей два педагога арестовано.

Вайнер: Почти все товарищи обвиняли т. Макаренко в неверном воспитании детей, но подростки в колонии им. Горького – лучшие подростки, и это является доказательством того, что в колонии Горького нет ничего катастрофического.

Мовшович: Меня удивляет, что т. Вайнер защищает т. Макаренко, который применяет битьё. Метод командиров – недозволенный метод, и его нужно немедленно сменить.

Общие выводы по обследованию колоний.

1. Признать, что как со стороны материально-хозяйственной, так и учебно-воспитательной некоторые детучреждения находятся в неудовлетворительном состоянии...

2. В отдельных колониях нет комсомольских и пионерских организаций, а там, где таковые имеются, им не удалось ещё организовать вокруг себя беспартийную часть воспитанников.

3. В учреждениях для социально-запущенных детей педперсонал в большинстве без специальной подготовки. В летние каникулы необходимо организовать краткосрочные курсы.

4. Детское самоуправление в каждой колонии построено поразному. В основном имеются два типа самоуправления: а) совет командиров, б) исполкомы. Признать, что системой, развивающей инициативу и самодеятельность воспитанников, приближающей их к системе советов, с которой им придётся по выходе из колонии встретиться в жизни, - является система исполкомовская. Поэтому рекомендовать систему эту всем колониям... Систему управления, которая применяется в колонии Горького, - сменить... Метод командиров – недозволенный метод, и его нужно немедленно сменить...

10. Управлению колониями точно определить [целевую] установку Зеленогайской и Гиевской колониям.

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., - с. 210 (укр. яз.).

В Президиум Окрисполкома, **6 июня 1928 г.**

В соответствии с дополнительной сметой ЦК Помдета на 1927/28 г. на расширение колонии им. Горького с 300 до 400 детей предусмотрено 49. 000 руб. Расширение колонии до 400 детей принято и местным бюджетом.

К настоящему времени получено от Окрпомдета ассигнований ЦКПД лишь 29 000 руб.: колонии М. Горького 22 000 и Змиевскому реформаторию 7 000 руб., в то время как деньги Окрпомдетом от ЦКПД получены полностью.

Окринспектура НКП просит предложить Окрпомдету выдать из остатка указанных ассигнований на окончание ремонта и на оборудование мастерских средства таким колониям: колония им. М. Горького – 6 700 руб., Волчанскому детгородку – 2 000, Будянскому – 3 000, Гиевскому – 1 300, Зеленогайскому – 3 000, Лозовскому – 3 000, Брусиловскому – 1 000, всего 20 000.

Зам. Окринспектуры НКП Пивень

Бухгалтер Ададуров

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., - с. 212-213.

Харьковская газета «Коммунист», **10 июля 1928 г., в день прибытия А.М. Горького в колонию его имени, публикует материалы, отражающие начало его пребывания в Харькове. Одна из статей: Золотарёв Ю. Замість вражень, - где А.С. Макаренко предстаёт как «чиновник от просвещения,**

кому доверено воспитание 400 детей». Он дал распоряжение выгнать из колонии журналистов, докучающих гостю колонии.

В этом же номере газеты помещена карикатура на А.С. Макаренко: «Чемпион хулиганства», с текстом: «Это...товарищ? Гражданин? – Не подходить! Это – Макаренко, зав. детской колонией. А это - историческая его фраза: Всех корреспондентов и всех репортёров – в шею! И не менее историческая фраза одного из помощников Макаренко (рабфаковец, гм!): Если будешь снимать спереди, - выкину с твоим аппаратом за шиворот.

Макаренко, кроме детей, в колонии воспитывает и свиней в свинарнике. Как он воспитывает детей, - не знаем, а вот как его воспитали свиньи – теперь известно всей Украине.

Не позавидуешь детям».

Антон Макаренко: Харьковская трудовая колония им. М. Горького..., - с. 112-113 (укр. яз.).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ К ЧАСТИ 3
Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Статьи, выступления, письма, материалы книги, пьесы, «Педагогическая поэма» 1932 - 1934 гг./Сост. А.А.Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. - Новгород: 2009.

Из фрагментов Части второй «Педагогической поэмы», имеющихся в прижизненных изданиях и авторской рукописи

(дополнение к данному в Части 3 издания: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания, с. 285-290)

Вершнев впивается в Семена злым взглядом и дрожащим голосом спрашивает:

- А т-тебе не нужна п-п-правда? Н-не нужна? Г-говори …

- Та на биса мне твоя правда? Мне нужна работа, дисциплина, понимаешь ты, селезень? Дисциплина, потом учеба, ну, и гопака иногда ударить нужно …

- А если н-несправедливость?

Семен дурашливо надувает губы:

- Несправедливость? Ну, скажи пожалуйста, так это же каждая баба знает: нужно покликать мильтона … и тот … протокола составить.

- Ну, вот видишь?

- Та вижу ж. Видишь, какая разница: если несправедливость, так я покличу мильтона или, скажем, морду набью, а ты сядешь и будешь думать. А як бы таких, как ты, было меньше, так и несправедливостей не было бы[1].

- Социализм? Просто собралась у нас хорошая компания, ну, семья, что ли, жалко, конечно, расставаться, а нужно, если … Нужно, чтобы был настоящий социализм, а так, если все засядем с приятелями, так никакого тебе социализма никогда не будет.

- Брешешь, Матвей, брешешь … Какая тут тебе семья? Тут тебе коммуна, настоящая коммуна, ты смотри: от каждого по способности, каждому по потребности. Вот тебе нужен рабфак, – на тебе рабфак, нужен тебе табак, - на тебе табак, нужен театр, - на тебе театр …

- Заехал, - говорит Матвей.

- Я вже бачу, что из тебя ничего путного не выйдет, будешь ты паршивый интеллигент, агроном, тай годи. Если бы все люди жили так, как у нас в колонии, чего тебе еще нужно. Вот это и есть социализм.

- Что же, посмотрим, - говорит серьезно Матвей, - ты прав или я. И не буду я никаким интеллигентом, агрономом тоже не буду …

Белухин вдохновенно задирает кулак к потолку:

- Для социализма нужно еще много … Я пойду в Красную Армию.

Все вдруг пораженно притихли.

- Тю, - говорит Семен, - а какого ж ты, извините, полез на рабфак?

- А я вроде разведки. Что там за народ? Да и подучусь. А я пойду в военную школу. Надо еще воевать, воевать, воевать …

- Правда, Антон Семенович? – спрашивает меня Белухин.

Я улыбаюсь Белухину и говорю:

- Разве правда одна на свете? Ароном – тоже правда.

Из угла кабинета смотрит на меня злым глазом Вершнев, известный давно специалист по правдам. Семен обращается к нему с вопросом:

- А чего ты молчишь. Колька?

- Я теперь уже медик. Значит, буду лечить и агрономов, и военных, а правда не в том, - правда только одна, а не то, что много …

Николай строго поднимается с дивана, подходит к столу и как будто даже со слезами говорит:

- Правда одна: люди … Люди должны быть хорошие, иначе к-к ч-черту в-всякая правда. Если, понимаешь, сволочь, так и в социализме будет мешать … Горький правду написал, я раньше не понимал, то есть и понимал, но значения не придавал: человек. Это тебе не всякая сволочь. И правильно: есть люди, а есть человеки …

Семен рассмеялся:

- Что тут хитрого? Значит, если в колонии, так все человеки?

- А что же, так и нужно. Тут все человеки. Потом разойдутся в разные стороны (после выпуска – А.Ф.) и сволочами станут, и кто его знает еще, чем станут, а здесь, понимаешь ты, коллектив. Матвей все врал: семья, компания. Он ничего не понимает, а я все понял.

- А зачем ты пошел в медицинский?

- В-вот: хочу хорошо знать, что т-такое ч-человек[2].

И поэтому ученый педагог будет говорить «о великой советской педагогике». Можно улыбаться до самого утра, если думать об этом ученом педагоге. Он знает, этот промотавшийся интеллигент, этот последовательный последователь всех «великих» педагогов, старую белиберду о «ребенке» притащил в советский огород, поставил на самом видном месте, набрал себе в помощь продувных шарманщиков, обезъянщиков, попугайщиков, напялил на себя краденное у биологов, социологов отребья. Вся эта компания пляшет на нашем огороде, пока не вернется хозяин с фронта и не прогонит к чертовой матери всю эту сволочь.

Ничего. Я издали смотрю на них и вижу то жалкое чучело, которое они называют педагогикой. Оно меня не пугает, потому что в моем мозгу, черт его знает, сколько всяких зданий. И между ними, недосягаемый ни для какого ученого педагога, высится и дворец советской педагогики. Я хорошо вижу его светлые залы, белые стены, высокие разлеты потолков.

И я думаю: мы живем в трудное время. Хорошо инженерам, врачам, агрономам, сколько всякого ценного добра натащили они из старого мира, сколько у них формул, законов, книг, кабинетов, приборов, сколько солидно скромных имен. А что есть у ас – педагогов? Я несколько лет рылся в жалком наследстве и все-таки ничего и не выбрал, чтобы украсить стены моего дворца. Не могу же я повесить на белоснежной стене «гармоническую личность», или «душу ребенка», или умершую за два месяца до рождения «доминанту», или взъерошенную, страшненькую «сублимацию», или украденный условный рефлекс, от которого за три километра несет собачиной.

Так и сияет мой педагогический дворец чистотой и нетронутостью, и именно за это его проклинают и измываются над ним шарманщики. Ничего: на дверях дворца я повесил надпись:

«Ученым педагогам, шарманщикам, попам и старым девам вход строго воспрещается».

Потому это так, что в моем дворце уже намечены основные важнейшие залы, которые даже и не снились ученым педагогам, даже во время съездов и конференций.

Я улыбаюсь под темным небом[3].

Чарский с презрением посмотрел на меня:

- Вы не воображайте, товарищ заведующий, что меня так же легко выгнать, как Опришко. И вам советую иногда помнить, что советская власть умеет расправляться с такими жандармами, как вы. Я сюда командирован вовсе не для того, чтобы по вашей команде вставлять очки всей советской общественности. Уеду тогда, когда найду нужным. А о вашей «деятельности» все равно будет изестно и Харькове, и в Москве. От суда вы не убежите.

Он гордо вышел из комнаты. Я послал за дежурным командиром и приказал запрягать Молодца, чтобы отвести Чарского на вокзал. Пришел взволнованный Калина Иванович и зашептал:

- Ты не связывайся с этим паразитом …

Лидочка заплакала громко и снова повалилась на подушку, но вдруг поднялась и сказала:

- Выгоните его, сейчас же выгоните, гадость какая!

Дежурный командир Ступицын доложил мне, что приказание исполнено:

- Он не хотел, так хлопцы вынесли его вещи, ну, так он тогда добровольно сел в бричку … А только теперь вернулся: у него денег нету на билет…

Чарский встретил меня в кабинете официальной угрожающей вежливостью:

- Я решил не вступать в драку с вашими воспитанниками, но имею к вам просьбу: у меня нет денег на дорогу.

- Вы же полностью получили жалование.

- Может быть, вы не будете касаться деталей моего бюджета?

- Давайте не касаться, прекратим вопрос о деньгах …

- Вы меня не предупреждали об отъезде, значит, вы обязаны выдать мне на дорогу.

- Сколько стоит билет до Харькова?

- Я еду не в Харьков, а в Москву.

- Сколько стоит билет до Харькова?

- Шесть рублей тридцать семь копеек и плацкарта.

Я отсчитал шесть рублей и тридцать семь копеек.

- А плацкарта? А есть мне что-нибудь нужно?..

Вероятно, мой вид и вид окружающих нас колонистов был убедительнее многих слов, потому что Чарский замолчал, написал расписку, вздохнул уже совершенно неофициально и, жалкий и подавленный, взгромоздился на шарабан. Только когда шарабан тронулся, Чарский крикнул:

- Гражданин заведующий, мы скоро посчитаемся[4].

Надо было ухватить быка за рога. В чем дело? Правда, во всей истории колонии было очень мало колонистов, собиравшихся посвятить себя сельскому хозяйству. Сельская жизнь всегда вызывала у колонистов презрительную мину, а селян, даже в моменты наибольшего союза, иначе не называли, как старым блатным – граки.

В таком случае, какое же значение имело то обстоятельство, что почти круглый год колонисты, как муравьи, трудились на своих полях? И никаких наград колонист не мог получить ни в этой жизни, ни в будущей, и будущее это было в высшей степени неизвестное и неуверенное.

И тем не менее нигде я не видел столько смеха и шуток, столько открытого дружелюбного взгляда, столько охотного стремления к коллективу, так мало наклонности к бузотерству, к скандалу, спору. А между тем я ни на йоту не уменьшал своего требования к колонисту, все равно к кому – к воспитаннику, к воспитателю, к себе самому.

Одним из моих положений, определяющих работу, давно уже было: как можно больше требования к колонисту, как можно больше уважения к нему. И наше требование давно уже перестало быть моим, а сделалось традицией коллектива, которой он дорожит. Как главной особенностью своей чести.

(Далее идет абзац: «В таком коллективе … квалификация борца и человека». – А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания … Часть 3, с. 391-392).

А настоящий человек, тот, которого предлагают писать с большой буквы, может родиться только в коллективе. Новый коллектив новейшей нашей истории не может быть создан за три-четыре года, это верно, мы, может быть, только слабо ощутили самые главные его черты. Но и главные черты этого нового коллектива, вот эти драгоценные особенности нового человека-коллективиста я не променяю ни на какие квалификации.

Нет, дело не в квалификации. Я ведь и в последние дни явно ощущаю напряженный пульс колонии. Для меня нет сомнений в том, что колонист несет в себе большую здоровую силу, в противном случае не встретили бы колонисты с таким безмятежным спокойствием смерть Чобота.

(Далее идет 2 абзаца со слов: «Я представлял себе…» и «Я обрадовался…» - до слов: «…форма смерти – остановка»).

Но так как мы еще не умерли, значит, у нас есть еще какое-то уважение? Какое? Движение внутреннее? Вероятно, это антитезис: потенциальное напряжение коллективных сил. Черт возьми, здесь можно обнаружить целую кучу интереснейших законов, но мне некогда заниматься этим делом, мне пока что поручена не выработка законов, а колония имени Горького[5].

- Интересно, конечно, как всякое высказывание в педагогике. Наша область такая, знаете, еще не разработанная, что всякая мысль интересна. Но для нас важно, в каком отношении все это стоит к принципам социального воспитания.

Я знал, что он разумел под принципами социального воспитания: это были его собственные измышления в написанной им брошюрке.

- Об этом мы потом поговорим, - сказала Брегель, - Я думаю, очень возможно – ваша система советская, но в таком случае все то, что мы там у себя думаем, никуда не годится. Вы понимаете, может быть, вы правы, а мы ошиблись?

Она смотрела на меня откровенно с усмешкой. Я ей ответил:

- Это не только возможно, а это и есть на самом деле. Вы там у себя очень много путаете.

- Допустим, - великодушно согласилась Брегель. – Все это нужно рассмотреть при свете принципов социального воспитания. Здесь, конечно, мы этого делать не будем, для этого есть Научпедком. Но я прошу вас, Сергей Васильевич, те вопросы, которые, очевидно, возникают у вас, сейчас высказать[6].

А.С. Макаренко. Педагогическая поэма / Сост. С. Невская. – М., 2003, с. 253-254.

[1] Стр. 153-154, в начале гл.3 – «Доминанты», после слов: «он правдой будет чоботы мазать», до абзаца: «От Лидочки Семен и Колька...» Прототип второго – Н.Ф. Шершнев, позднее был послан в Москву для приглашения А.М. Горького в колонию его имени, с характеристикой в письме ему: «... Очень славный душевный человек, умеющий искать правду жизни без лишних криков и истерик. Это одно из моих достижений ...» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания ... Часть 1, с. 281).

[2] Там же, с. 344-346 (печатается с небольшими сокращениями, для краткости) – в начале главы 11 – «Лирика», после слов: «Нэма правды на свете», до абзаца: «Такими словами рабфаковцы ...» Матвей – это Белухин; прототип – Шелухин (см. там же, с. 333). Таким же «правдоискателем» стал Ф. Борисов (см.: А.С. Макаренко. Пед. соч., т.8, с. 85-87).

Во фрагменте заложена мысль об эффективности, прочности воспитания в педагогическом учреждении, о зависимости результатов воспитания от общего состояния общества. Как видно и по некоторым другим высказываниям А.С. Макаренко, он считает, что сущность, природа человека не может механически изменяться к лучшему при социалистических социально-экономических преобразованиях, нужна еще специальная, связанная с этим, огромная воспитательная работа, научно обоснованная в социальной педагогике.

О «совершенном социализме» см.: АС. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания ... Часть 1, с. 40. Лекцию «Коммунистическое воспитание и поведение» (1939 г.) см.: А.С. Макаренко. Пед. соч., т.4, с. 322-342).

[3] Педагогическая поэма / Сост. С. Невская, ч. 348-349, в середине главы 11 – «Лирика», после слов: «Он не видел», до слов: « - О чем вы все время думаете?...»

[4] Там же, с. 376-377 (печатается с небольшими сокращениями, для краткости), в конце главы 13 – «Гримасы любви и поэзии», после слов: «... можно считать законченной» (см. с. 286 в изд.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания ... Часть 3). Этим глава заканчивается. О Чарском-Снарском см. также в этом издании, Часть 1, с. 89-91.

[5] Там же, с. 391-392, в начале главы 15 – «Трудные люди», после слов: «... скрывать от тебя не хотел», до слов: «Да, мы почти два года стоим на месте...»

В этом большом фрагменте (вместе с фрагментом отмеченными выше в скобках) говорится не только о важнейшей закономерности: «Свободный рабочий коллектив не может стоять на месте ...» Здесь дано фундаментальное педагогическое положение: о приоритете цели воспитания «борца и человека», «нового человека-коллективиста», о подчинении ей задачи обеспечения профессионально-производственной квалификации, особенно в подростковом возрасте. База воспитания «человека с большой буквы» - «новый коллектив новейшей нашей истории». Преобладание установки на «профессионализацию» ведет к «работизации» человека как труженика и гражданина.

В столь же важном этико-педагогическом принципе «требования-уважения» отмечается его обращение не только к воспитанникам, но и к воспитателям, к самому А.С. Макаренко, всем членам единого «свободного рабочего коллектива». Об этом принципе первое упоминание в макаренковских работах относится к апрелю 1928 г. (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания ... Часть 1, с. 264).

[6] А.С. Макаренко. Педагогическая поэма / Сост. С. Невская. – М., 2003, с. 394, в конце главы 15 – «Трудные люди», после слов: «Правда, Сергей Васильевич?», до слов: «Чайкин попытался поправить очки ...»

Прототип С.В. Чайкина – проф. В.И. Яковлев; прототип В.В. Брегель – инспектор Наркомпроса УССР; см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания ... Части 1 и 2, Именные указатели.

Научно-методическое издание

А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 4. Деловые и личные письма, «Педагогическая поэма», «Методика организации воспитательного процесса», статьи, выступления, подготовительные материалы
1935–1936 гг.

Составители:
Фролов Анатолий Аркадьевич,
Илалтдинова Елена Юрьевна